

АСКАНІЯ-НОВА

Антологія публікацій
та друкованих видань

1845–1945

Том 1

Асканія-Нова

Антологія публікацій
та друкованих видань
(1845-1945)

Том 1
1845-1922

Київ – Чернівці
«Друк Арт», 2019

УДК 502(082.1)1845-1945
А90

Упорядники

О. Василюк, Л. Ластікова, В. Пархоменко

Науковий редактор

В. Гавриленко

Видано за підтримки Андрія Божка

А90 Асканія-Нова. Антологія публікацій та друкованих видань (1845-1945). Том 1: 1845-1922 / упоряд. О. Василюк, Л. Ластікова, В. Пархоменко ; наук. ред. В. Гавриленко. – Київ – Чернівці : Друк Арт, 2019. – 560 с. – (Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 15)

ISBN 978-617-7849-22-2

Антологія, яка розпочинає це видання, включає у хронологічному порядку близько 700 публікацій українською, російською, німецькою, французькою та угорською мовами, присвячених «Асканії-Новій» – як заповідника і як зоопарку. До першого тому вміщено 118 публікацій, датованих з 1845 по 1922 рік включно. Правопис та мова публікацій збережені згідно з оригіналами. Більшість публікацій, зібраних упорядниками, на сьогодні існують лише у 1-2 примірниках і нерідко – лише за межами України. Подібна антологія видається вперше.

Видання започатковане саме 2019 року, оскільки цьогоріч виповнюється 100 років, відтоді як «Асканія-Нова» вперше отримала державний охоронний статус – була оголошена заповідником.

Збірка буде цікавою багатьом дослідникам: професійним природоохоронцям, біологам, історикам, краєзнавцям, бібліографам.

УДК 502(082.1)1845-1945

Зображення обкладинки створене за мотивами фотографії Г. Рібергера орієнтовно 1911 року.

У оформленні видання використана оригінальна графіка із зображенням асканійських павичів з публікації «Heck L. In der Taurischen Steppe Herbsttage bei Friedrich Falz-Fein in Askania Nova Von Prof. Dr. L. Heck Direktor des Zoologischen Gartens in Berlin, 1902-1903. S. 17-38».

ISBN 978-617-7849-22-2

© Ukrainian Nature Conservation Group, 2019

Літописні сторінки дослідження і збереження природної спадщини в Асканії-Новій

Антологія дописів про Асканію-Нову від часу її заснування розлого подається вперше. Гортаючи сторінки друкованих видань і рукописів двох минулих століть, поринаєш у вир історичних фактів, тлумачень і навіть фантазій, які відображають перебіг подій у межах території, що має дещо загадкову назву, успадковану від перших поселенців, які спочатку називали цей населений пункт Новим Кеттеном, а з 1832 року – Асканією-Новою.

Хронологічно їх можна поділити на декілька періодів: ангальт-кеттенський, фальцфейнівський, радянський, пострадянський. Доцільність такого розподілу ми вбачаємо в тому, що саме в такому хронологічному порядку розвивалися селище Асканія-Нова та його господарська і природоохоронна інфраструктура.

Перший період відображений у публікаціях найменше, хоча це зовсім не означає відсутність інформації. Річ у тім, що вона до цього часу зберігається у вигляді архівних матеріалів, найбільша частка яких міститься у фондах музею м. Кеттен (Німеччина), куди був перевезений архів перших поселенців після продажу колонії Асканія-Нова Фрідріху Фейну у 1856 році, а також у різних музеях та архівах міст Херсона, Сімферополя, Дніпра, Санкт-Петербурга. Достеменно відомо, що засновники колонії в Асканії-Новій мали завдання, крім розвитку вівчарства, ще й проведення спостережень за явищами природи: динамікою температурного режиму, опадами, часом встановлення та тривалістю збереження снігового покриву і, що особливо важливо, – виявлення видового складу рослин та оцінка продуктивності травостою. Цю роботу здійснював керівник ангальтської економії в Асканії-Новій Франц Теетцман, якому особливо вдячні наступні покоління дослідників асканійської природи, оскільки його стаття, опублікована у 1845 році, стала першим друкованим виданням про природу і господарську діяльність на цій території, значення якого актуальне і донині. Разом з тим ми не можемо не згадати і рукописні матеріали, які ще чекають свого розкриття і мають значення для розуміння кроків з освоєння цих земель з початку XIX століття, які в подальшому посприяли формуванню тут природно-заповідного комплексу. Так, лісівник Мерц, який прибув сюди 1828 року у передовій колонії німецьких переселенців, мав доручення не лише щодо створення перших зелених насаджень, але й добування різних видів птахів та відправки їхніх тушок до герцогства, де їх ідентифікував один із осно-

вположників сучасної німецької орнітології Ф. Науманн. Фотокопія неповного рукопису про першу колекцію птахів, яка надійшла у Кеттен у 1835 році, зберігається у бібліотеці Біосферного заповідника «Асканія-Нова». За свідченням вихідця із Кеттена, автора ілюстрованого видання «Асканія-Нова» в исторических планах и рисунках 1828–1856 гг.» Х. К. Швана (2008), асканійський архів у Кеттені досі належним чином не розібраний і, мабуть, зберігає немало таємниць.

Особливо великий пласт друкованих видань стосується часів фальцфейнівської доби. Тут варто згадати перше повідомлення засновника заповідних територій в Асканії-Новій Фрідріха Фальц-Фейна 1889 року: у листі керівнику французького зоологічного товариства він описує особливості свого зоопарку і просить поради щодо подальшої зоопарківської діяльності. Цей лист був надісланий під час Всесвітньої сільськогосподарської виставки в Парижі, у якій Фрідріх брав участь та водночас провів ряд зустрічей з провідними зоологами Європи. Після цього він здійснив поїздку європейськими зоопарками та відвідав орнітологічну станцію Россітен у Східній Пруссії, що суттєво вплинуло на його подальші зоологічні уподобання і природоохоронне спрямування діяльності в цілому. Адже саме на кінець XIX століття припадає інтенсивна розбудова в Асканії-Новій ботанічного саду (1887–1902 рр.), створення ставків зоопарку, організація експедицій до Монголії для відлову диких коней (Пржевальського) (1898–1899 рр.), а також заповідання у 1898 році збереженої до цього часу ділянки степу. Особисто Ф. Фальц-Фейн, як писала дружина відомого мандрівника П. К. Козлова Єлизавета Володимирівна, не любив писати, але вмів майстерно розповідати про свої наміри й успіхи, які потім були описані в численних журналістських репортажах і спогадах учених, мандрівників і просто натуралістів. Саме ці маловідомі публікації значною мірою доповнюють наукову і науково-популярну літературну спадщину про заповідну Асканію-Нову. Це захоплюючі розповіді про мандри спекотними південноукраїнськими (таврійськими) ковиловими степами, де серед безкрайньої рівнини не було за що зачепитись погляду, з маревом на горизонті, ширяючими у піднебессі степовими орлами, зграями дрохв та іншої, на теперішній час уже надзвичайно рідкісної, живності. І серед цього безмежжя степів на горизонті виростав зелений купол парку, справжньої степової оази з деревними екзотами, а поряд – зоопарк з напіввільним утриманням місцевих і екзотичних птахів та ссавців із саван, пустель, прерій. Цей, небачений на той час, акумулятор біоти декількох природних зон не міг залишити байдужим нікого. Відтоді Асканія-Нова наче магнітом притягувала творчих людей. Немає сенсу у цьому короткому огляді перелічувати видатних особистостей, які відвідували і вивчали Асканію-Нову, та описувати їхні внески в опанування природних процесів, бо нелегко коректно оцінити їхню значущість. Дуже важливо, що вони залишили писемний слід, який ми можемо тепер використати.

Уже події 1905 року були першим сигналом, що неосвічені революційні маси можуть в одну мить знищити напрацювання десятиліть. І якщо тоді Фрідріху і Володимирі Фальц-Фейнам вдалося врятувати Асканію-Нову і Дорнбург (нинішнє с. Чкалове) від погромів, то вже у 1917-му ситуація вийшла з-під контролю, і до 1921 року степова оаза зазнала чималих втрат і у розведенні сільськогосподарських тварин, і в утриманні дендропарку та зоопарку. І все ж таки навіть отамани-керівники різноманітних збройних формувань, які раз у раз змінювали владу в Асканії-Новій, не могли встояти перед неймовірною красою та багатством асканійських парків, про що свідчать телеграми урядам про необхідність наведення тут належного порядку. Ще більшу тривогу били вчені, і їхні заклики знайшли своє відображення в рішеннях як більшовицького, так і тимчасових урядів та окупаційних військ. В архіві біосферного заповідника зберігся щоденник сподвижника Фрідріха Едуардовича – неймовірно відданого справі служителя зоопарку Климентія Сіянка, у якому він багато років поспіль ретельно описував перебіг подій у природі, а у буремні часи – також і злочини військових формувань. У подальшому це відгукнулось тим, що радянська влада «віддячила» йому засланням у 30-х роках, а після Другої світової війни, незважаючи на клопотання уже літньої людини, так і не дозволила повернутись до зоопарку.

Двадцять роки ХХ століття були для Асканії-Нової черговим проривом у розвитку, передусім природоохоронного спрямування. Формування державної заповідності на основі приватних заповідного степу, зоопарку та дендропарку, включення сільськогосподарської складової щодо розв'язання наукових природоохоронних проблем у доленосні рішення, які затверджувалися на державному рівні та виходили за межі Асканії-Нової (спроби створити великий Надморський заповідник), перші біоценологічні програми, які знайшли свою комплексну реалізацію, відображають стрімкий розвиток наукової думки, що випереджувала свій час аж до кінця ХХ століття. Всього цей перебіг значних подій розкривають сторінки зібраних видань.

Разючим поворотом у розвитку саме природоохоронної справи в Асканії-Новій стали події початку 30-х років ХХ століття, які супроводжувалися розгромом біологічної науки. І до сьогодні це непоправні втрати, адже перестали існувати наукові школи біоценологів, зоологів, геоботаніків. Це простежується на якості публікацій до 1941 року, які висвітлюють здебільшого успіхи селекції порід домашньої худоби і сумнівні напрямки з гібридизації та акліматизації диких тварин, недоцільність яких була підтверджена дослідженнями у другій половині ХХ століття та стала підставою для відмови від таких методів перетворення природи.

Зовсім недослідженим був період окупації Асканії-Нової німецькими військами за часів Другої світової війни. На основі зібраних документальних матеріалів, частково вміщених і в цьому збірнику, можна оцінити негативні наслідки, які залишили після себе воюючі сторони. Відступаючі радянські війська підірвали електростанцію і водо-

качку, залишивши неевакуйованих тварин зоопарку у безводному степу. Були вивезені всі запаси фуражу та інших кормів. Це описано в переданому 1967 року фельдмаршалом Е. Манштейном племіннику засновника зоопарку Едуарду Олександровичу Фальц-Фейну документальному матеріалі, який оприлюднюється вперше. Особливе ставлення німців до диких тварин проявилось у відновленні роботи зоопарку. На початку 2000-х років до Асканії-Нової надійшли з Великобританії оцифровані матеріали документального фільму із зйомками, зробленими німецькими журналістками у 1942–1943 рр., у тому числі в Асканії-Новій, де показано працюючий зоопарк. Асканія-Нова і під час війни була також у полі зору вчених, які відвідували її короткими експедиційними наїздами.

Перший етап цієї антології завершується 1945 роком. Далі важливо продовжити роботу над якомога повнішим зібранням матеріалів післявоєнної радянської доби, адже багато чого було закрито для публікації і залишилось у рукописах вчених, натуралістів, журналістів, які реально боролися за те, щоб Асканія-Нова, попри всі повороти і злами історії, залишалась науковою природоохоронною установою. Водночас зібрані друковані документи та статті щодо наукової природоохоронної та еколого-просвітницької діяльності в Асканії-Новій надають величезне поле діяльності для істориків заповідної і архівної справи. При подальшому опрацюванні цих документів відкриються тисячі невідомих широкому загалу подій, фактів, нереалізованих задумів, якими неймовірно багата історія надзвичайно складного і неповторного природно-заповідного комплексу нашої країни, який першим прокладав шлях її сучасної заповідної справи.

*Віктор Гавриленко,
директор Біосферного заповідника «Асканія-Нова»
імені Ф. Е. Фальц-Фейна НААН*

Передмова від упорядників

У 2019 році «Асканія-Нова» святкує своє сторіччя. Це один із небагатьох збережених рівнинних степів в Україні, де й досі зустрічається чимало рідкісних рослин і тварин. Зокрема, занесені до Червоної книги України 22 види рослин, 4 види лишайників, 4 види грибів та 76 видів тварин. Тривалий час (з 1874 року) на території заповідника «Асканія-Нова» існує зоопарк, що зробило його відомим далеко за межами України. Тут десятиліттями проводяться наукові дослідження і вже надруковано сотні монографій та публікацій.

Проте історія заповідника пізнала і трагічні часи: низка досліджень була знищена в період репресій, частина праць маловідома – через значну віддаленість у часі і відсутність у книгозбірнях України. Віднайти переважну більшість таких публікацій або й просто згадки про їх існування сьогодні надзвичайно складно. До цієї збірки ввійшли всі віднайдені нами статті, книжки та інші публікації щодо «Асканії-Нової», які побачили світ за період 1845-1945 років. Значно пізніші, повоєнні публікації вже не є рідкісними, і їх нескладно віднайти у більшості великих бібліотек. Отже, наше видання – спроба повернути із забуття ці дослідження.

Видання містить повні тексти праць, присвячених заповіднику, а також фрагменти публікацій, де «Асканія-Нова» згадана в них лише побіжно. Тематика праць – лише «Асканія-Нова» як заповідник або зоопарк. Інакше кажучи, ми не включали статті щодо сортів зернових культур, якості хутра овець та інші публікації сільськогосподарської тематики (або спрямованості), які фізично створювались на території заповідника, але не мають природоохоронного змісту. Виняток зроблено для декількох публікацій, що були видані пізніше названих часових рамок, проте достовірно відомо, що написані вони були раніше. Прикладом таких статей є матеріал С. Медведєва 1933 року, що був опублікований лише у 2008 році, а також статті, надруковані у діаспорі авторами, які не підозрювали, що на момент публікації їхніх текстів прекрасна «оаза в степу» занепала, а герої статей репресовані або й загинули.

У своїй більшості зібрані праці написані українською та російською мовами. Велика кількість німецькомовних статей, які публікувались з 1828 року, – важкодоступні і нам вдалось знайти тексти лише частини з них.

Важливим моментом є також історична достовірність зібраного матеріалу. В усіх випадках ми зберігаємо граматику оригінальних текстів та правопис того часу. Біль-

ше того, до антології ввійшли і важливі з історичних міркувань статті. Їх буде вкрай неприємно читати всім свідомим людям, оскільки це статті (і навіть тексти дитячих книжок) 1930-х років, у яких радянські ідеологи піддають наклепницькій критиці керівників заповідника і його засновників, родину Фальц-Фейнів. Ми розуміємо, що в таких матеріалах міститься неправдива інформація, проте саме доступ читача до подібних публікацій сприятиме всеохопному розумінню і критичному аналізу при вивченні історії Асканії і надасть можливість кожному особисто побачити весь спектр публікацій про неї, що виходили протягом століття, – від «листів з земного Раю» до низькопробної ідеологічної критики.

До збірки включено стислий історичний огляд із висвітленням забутих сторінок та окремих періодів становлення заповідника. Ми не претендуємо на повноту тексту, нашою метою було розкрити важливі, в т. ч. трагічні події в історії заповідника.

Основний зміст антології складають власне тексти публікацій, список публікацій про «Асканію-Нову», який включає всього 691 працю українською, російською, німецькою, французькою та угорською мовами. З них до видання ввійшло 587 праць, а 104 відсутні, оскільки наша пошукова робота, до якої долучились десятки осіб з різних міст України та зарубіжжя, все ж не змогла виявити всі джерела, на які були відомі посилання. Збір матеріалів до цього видання тривав близько двох років.

Антологія подає матеріали в хронологічному порядку. До першого тому ввійшли 118 публікацій, датованих з 1845 по 1922 рік включно. Серед них статті українською, російською, німецькою, французькою та угорською мовами, правопис яких збережено згідно з оригіналами.

Ця збірка є також своєрідним вшануванням пам'яті багатьох репресованих і забутих історією людей, які свого часу працювали в заповіднику «Асканія-Нова». Приурочена до 100-річчя юридичного статусу заповідника, антологія є свідченням широкій поваги і вдячності його співробітникам за натхненну і жертвовну працю, незважаючи на те, що й сьогодні їм нерідко доводиться боротися з різноманітними перешкодами на шляху природоохоронної та наукової діяльності.

Три сторіччя Асканії: до історії заповідника

...1 квітня 1919 року¹ голова Ради Народних Комісарів УСРР Х. Г. Раковський підписав декрет про оголошення колишнього маєтку Ф. Фальц-Фейна народнім заповідним парком². Так для Асканії-Нова завершилися кілька важких років громадянської війни, під час яких лише силами військових вдалося зберегти маєток та зоопарк від селянських погромів. Тема «Асканії-Нова» є найбільш доступними і вивченими сторінками охорони природи в Україні першої половини ХХ століття, проте обставини підписання декрету на цей час лишаються не дослідженими. Відомо, лише, що тема оголошення «Асканії-Нова» природоохоронною територією обговорювалася 1918 року на Попередній нараді природників України. Доповідь щодо долі Асканії мав К. Залеський³. Учасники наради, 77 представників наукових товариств, державних та громадських інституцій схвалили рішення про необхідність надання Асканії-Нова державного природоохоронного статусу⁴, а також відправили вітальну телеграму фундатору Асканії Ф. Е. Фальц-Фейну, який на той час перебував у Москві: *«Попередня нарада природників України, визнавши негайною державною справою переведення Асканії-Нова в державний заповідник, щиро вітає Вашу невмирущу працю по охороні забутків природи»*⁵.

Декрет про «заповідання» «Асканії-Нова» був підготований за зразком американських національних парків. Саме статус «народній заповідний парк» (від англійського «National Park») отримала 100 років тому «Асканія-Нова». Згодом, згадуючи про охорону природи часів УНР, М. Шарлемань писав так: *«...за найбільшу справу треба, вважати допомогу... Асканії Новій. Коли в Києві одержано було відомості, що Асканія залишилася без догляду, бо звідти виїхав останній її керівничий П. К. Козлов і що місцеві селяне роблять спроби заорати степову цілину, секція вжила заходів до того, щоб Асканія Нова була оголошена першим народнім заповідним парком України...»*⁶. Це все, що ми знаємо про обставини підписання декрету у 1919 році, який дає нам підстави відрахувати з того часу 100-річний ювілей.

¹ Київські Ізвестія, 1919. №11 (38), 3.4.1919.

² Як зазначається у примітці до офіційної публікації декрету (Декрет об объявленіи бывшего имени Фальц-Фейна Народным заповедным парком (1919). Вісті державного степового заповідника «Чаплі» ім. Х. Раковського. Асканія-Нова, 1924. № 3. С. 150, він підписаний завдяки особистій ініціативі українського зоолога та природоохоронця Миколи Васильовича Шарлеманя.

³ Протоколи постанови Попередньої наради Природників України від 3-6 серпня 1918 року / Протоколи і постанови Попередньої наради Природників України з 6 серпня 1918 року. Вісті природничої секції Українського Наукового товариства. Київ, 1918-1919.Т.1. Число 1. С. 6-8.

⁴ З'їзд природників України. Відродження, 1918, №104. 4 серпня (22 липня). С. 3. Шп 4.

⁵ ІР НБУ. Ф.Х. №204. Арк.1.

⁶ Шарлемань М. Охорона природи / М. Шарлемань. Київ, 1921. 48 с.

Втім, «Асканія-Нова» має значно довшу історію і надання їй охоронного статусу 1919 року стало лише відродженням колишньої слави «степової оази» після громадянської війни. Асканійська історія бере початок 1828 року, коли Микола I уклав договір з німецьким герцогом Фердинандом Ангальт-Кетенським, за яким останньому надається в спадкове володіння степова ділянка землі в районі нинішньої «Асканії-Нова» і ще одна – на березі Чорного моря в 35 верстах на схід⁷.

1928 року, скориставшись цією обставиною, також відзначали 100-річний ювілей. В цей рік було видано найбільшу кількість друкованих праць про заповідник і вийшла більшість номерів часопису «Вісті державного степового заповідника «Чапли»». Окрім того, у центральних ідеологічних виданнях УРСР і СРСР публікувались цілі шпальти і цикли статей до 100-річчя Асканії (у газетах «Известия»⁸, «Красная газета», «Комуніст»⁹, «Вісті»¹⁰, «Украинский экономист»¹¹).

Та все ж «Асканія-Нова» в її сучасному розумінні виникла не 1828 року і була створена зовсім не герцогом Ангальтським. У 1857 році він продав всі свої південно-російські землі і майно іншому колоністу, німцеві Фейну, який на той час робив ставку на вирощуванні овець. Незабаром Фейн видав свою доньку за багатого колоніста Фальца, і новий рід, заснований від цього шлюбу, став зватись Фальц-Фейнами. І от, 1889 року молодому гімназистові Ф. Е. Фальц-Фейну, що з дитинства відзначався великою любов'ю до диких тварин, дозволили влаштувати приватний зоопарк в маєтку. 1896 року після смерті власника маєтку Е. І. Фальц-Фейна та непростого поділу спадщини, Фрідріх Фальц-Фейн став власником Асканії-Нова. Відразу після цього він почав розбудовувати великий зоопарк, наповнювати його різними рідкісними звірями та птахами. Все це робилося не просто з цікавості, а переслідувало конкретні наукові інтереси. Фрідріх Едуардович прагнув акліматизувати рідкісних тварин та навчитись їх розводити, щоб зберегти ці види у випадку їх зникнення в дикій природі. Ще у 1886

⁷ Иванов М. Ф. По поводу столетия существования Аскания-Нова (1828-1928). Бюллетень Зоотехнической Опытной и племенной станции в Госзаповеднике «Чапли» (б. Аскания-Нова), 1928 № 4 стр. 6-15.

⁸ Козлов П. Государственный заповедник Аскания-Нова. Известия, 1927. №226 (4.10.1927).

⁹ [Я] [Яната О. А.] Чергові заходи до дальшого розвитку заповідника. Комуніст (Харків), 25.VIII.1928; Граулен Ж. Заповідник допомагає селянству. Комуніст (Харків), 1928. 25.VIII.1928; Десятова-Шостенко Н. Велетенський музей. Комуніст (Харків), 1928. 25.VIII.1928; Колодько М. Сторіччя Асканії-Нової. Комуніст (Харків), 1928. 25.VIII.1928; Фортунатов Б. Десять років зоопарку. Комуніст (Харків), 25.VIII.1928; Шаліт М. Ботанічний парк. Комуніст (Харків), 1928 (25.VIII.1928).

¹⁰ Вишня Остап. Чапли. Вісті, № 103. 8.05.1926. С. 1.

¹¹ Ко-ко. [Колодько] Асканія-Нова строится. Газета «Украинский Экономист», № 193, от 23/VIII 1927; Клепинин Н. Н. Асканія Нова і наука. Приложение к газете «Украинский Экономист», № от 7/XI 1927; Колодько М. Н. Наши достижения к десятой годовщине Октября. Приложение к газете «Украинский Экономист» от 7/XI 1927 г.; Фортунатов Б. К. Зоопарк. Приложение к газете «Украинский Экономист», № от 7/XI 1927; Шостенко Н. Ботанический отдел Госзаповедника. Приложение к газете «Украинский Экономист», № от 7/XI 1927 г.

році почав довготривале листування з зарубіжними торгівцями по продажу тварин. Це свідчило про те, що інтерес до обраної справи далеко перейшов за межі місцевої степової фауни. У цей же рік починається листування Фрідріха з Societe Internationale d'Acclimatation de France та з Jardin Zoologique d'Acclimatation в Парижі. Він приєднується до руху з охорони природи, виниклому саме в ці роки в Росії.¹² Також він започаткував звичне у наш час кільцювання перелітних птахів, що масово зустрічалися на Чапельському поді під час міграцій. За його ініціативи було закладено ботанічний парк, з розгалуженою системою ставків, штучних заростей, боліт, які потрібні для існування різних видів диких птахів. І, нарешті, 500 десятин цілинного степу було оголошено заповідною ділянкою, що дало номінальний старт заповідній справі всієї тодішньої Російської імперії. Отже, 1896 рік – ще одна точка відліку асканійських ювілеїв. Ця дата не була забута і у 1997 році в заповіднику «Асканія-Нова» відбулись урочистості з нагоди 100-річчя зоопарку¹³.

1912 року у Петрограді була утворена Природоохоронна комісія Російського географічного товариства, члени якої за п'ять років розробили проект законодавства про охорону природи та план створення заповідників для всієї Російської імперії. Всі роки роботи Комісія працювала завдяки фінансуванню особисто від Ф. Е. Фальц-Фейна, який також був активним учасником роботи Комісії.

Далі почалася громадянська війна. Через значний ризик розгрому заповідника, у 1917 році за постановою Кронштадської ради солдатських та робочих депутатів у заповідник прислано комісара П. К. Козлова, а Кавказьким товариством акліматизації направлено військовий загін. Згодом, Московське товариство акліматизації провело засідання, яке згадував згодом Ф. Е. Фальц-Фейн «...*было постановлено: немедленно ходатайствовать перед Временным правительством об учреждении Центрального комитета, который по примеру Комитета по охране памятников искусства ведал бы всеми упомянутыми выше организациями и защищал их интересы перед правительством... нужно действовать быстро, иначе многое может быть розорено и уничтожено*»¹⁴. Вже у січні 1917 року створено «Ассоциацию русских естествоиспытателей и врачей», при якій почала працювати природоохоронна комісія на чолі з Ф. Е. Фальц-Фейном. Вже через рік у Києві відбулася Попередня нарада до запланованого «Первого съезда естествоиспытателей Украины», яка затвердила постанову: «*Настоящее совещание подтверждает многократно высказывавшееся положение, что «Аскания-Нова» с ее степями и зоопарком является неоценимым учреждением для развития как теоретического, так и прикладного знания, а вместе с тем драгоценнейшим памятником при-*

¹² Фальц-Фейн В. Аскания-Нова. К.: Аграрна наука, 1997. С. 68

¹³ Фальц-Фейн В. Аскания-Нова. К.: Аграрна наука, 1997. – 347 с.

¹⁴ Грамма В.Н. Еретика и бунтари: О первых советских ученых – природоохранителях. Завтра будет поздно. Харьков: Прапор, 1990. С. 14.

роды України. Вследствие этого она должна быть сохранена в том именно виде, в каком она существует сейчас, для чего соответствующими учреждениями и должны быть приняты соответствующие меры к немедленному превращению «Аскании-Нова» в национальный степной заповедник Украины»¹⁵. Ця діяльність досягла мети вже за півроку і 1 квітня 1919 року Асканію оголосили народним заповідним парком і передали у розпорядження Народного комісаріату просвіти.

Про ці складні часи згодом писали у Зоологічному журналі України: «Секція Охорони Природи Наук. Ком. командувала до Асканії свого фахівця зоолога С. Снігиревського, який повідомив Секцію, що Асканія майже цілком збереглася. Кількість родів тварин зоопарку не зменшилася, лише значно зменшилася кількість особин. Збереглися заповідний цілинний степ, поди, музей та архив маєтку. Цілком знищено бібліотеку та зоологічну колекцію. Бувш. власник Асканії Фридрих Едвардович Фальц-Файн вмер в 1919 р. в Берліні»¹⁶.

Попри сказане вище, буремні часи заповідника не завершилися. Якщо від громадянської війни «Асканію-Нова» було врятовано, проте радянська репресивна машина лишила нищівний слід в історії заповідника. Зокрема, більшість учасників Попередньої наради, діячі Української Народної Республіки були репресовані, і пам'ять про них, з усім завзяттям каральних органів СРСР, була стерта.

Згодом, 1920 року, одразу після від'їзду комісара П. К. Козлова, місцева влада вирішила розорати степ, хоча Наркомзем УРСР був за збереження степу, але не кваліфікувався з його охороною. Проте, за ініціативи В. Г. Аверіна, який наголосив, що «Охрана природы не может ждать. Завтра помогать «Аскании» будет уже поздно. Задача момента – сохранить ее. И сделать надо сейчас же»¹⁷. 20 січня 1921 року було затверджено тимчасове «Положення про перший український державний заповідник «Чаплі» («Асканія-Нова»), а вже 8 лютого 1921 року, новим державним рішенням «Асканію-Нова» перейменували в «Перший Державний степовий заповідник «Чаплі» імені Х. Раковського», використавши в його назві забуте нині українське слово «чапля», або «чапела»¹⁸, так раніше називали поди (заповнені водою степові западини), на яких під час міграцій зупиняються перелітні птахи. Згодом, до заповідника «Чаплі» приєднали Державні Надморські та піскові заповідники, які на той час включали майже всі природні екосистеми Азово-Чорноморського узбережжя України та природні масиви лівого берега пониззя Дніпра загалом до 60 000 га.

А вже 22 квітня 1924 року при Наркомземі відбулася нарада, де знову відстоювалася доцільність існування заповідника. Восени того-ж року агроном І. Дру-

¹⁵ Там само. С.23.

¹⁶ Хроника // Зоологический журнал Украины. 1921. № 1. С. 29.

¹⁷ Там само. С.30.

¹⁸ Дубняк К. Про назви «Асканія-Нова» та «Чаплі». Вісник природознавства, 1928. №2. С.113-114.

жинін видав постанову про створення виробничої частини замість заповідника і розорати 30 000 га степу. Відстоювали степ від цієї загрози нарком просвіти УРСР О. Я. Шумський та професор В. Г. Аверін¹⁹. Процес затягнувся – було створено комісію, яка у 1926 році дослідила заповідник і підготувала постанови щодо його розвитку. Лише 20 липня 1927 року урядом УРСР затверджено положення, де зазначено збереження 32 000 га цілинного степу²⁰.

Проте і це не покращило ситуацію в заповіднику. 1927 року В. Г. Аверін віддавши з іншими зоологами та природоохоронцями заповідник, зазначає: «...жаль стає аж до болю в серці, що велику, чисту ідею Степового Заповідника так попсовано, поховано за безліччю «наукових завдань» та «всебічного практичного використання»...»²¹.

У 1928 році продовжилися утиски заповідника, зокрема на його місці вирішили створити зернову фабрику, і лише з втручанням природоохоронців на чолі з В. Аверініним,²² заповідник було врятовано. На початку 30-х років у Асканії виникла значно більша загроза. З 1921 до 1932 року заповідник поступово став провідною науковою установою УРСР (та й СРСР) у сфері екології. Вперше для державних інституцій було використане це звичне нині слово, а на базі заповідника було утворено Степовий інститут екології. Втім, прогресивні екологічні дослідження, видання першого наукового часопису з екології пішло в розріз з популярною в той час «партійною» науковою школою «лисенківців». Після двох важких дискусій на наукових з'їздах 1930²³ та 1934²⁴ років, де асканійські екологи В. Станчинський та О. Яната показали непрофесійність та фарисейство прихильників «лисенківської» науки, на Асканію на довгі роки насунулась смута.

1933 року С. Медведєв, пророкуючи крах Асканії, пропонував «вилучити комплексні заповідники (в тому складі і Асканію-Нова) із тих відомств, які мають вузьковідомчі інтереси і проводять політику на шкоду заповідникам. Вилучені заповідники об'єднати в особливий орган, підпорядкований ЦВК СРСР, як це було вирішено на Першому Всесоюзному з'їзді з охорони природи»²⁵. Проте цього не сталося.

¹⁹ Грамма В. Н. Еретика и бунтари: О первых советских ученых – природоохранителях. Завтра будет поздно. Харьков: Прапор, 1990. С. 6-61.

²⁰ Там само. С. 33.

²¹ Аверін В. Г. Екскурсія на о. Чурюк // Матеріали охорони природи на Україні, 1928. – Т. 1. – С. 83-88.

²² В. Аверін, Є. Лавренко, Г. Висоцький, М. Білоусов, Д. Віленський, І. Тарнані. Листи до редакції. Вісник природознавства. 1928. № 5-6. С. 326-328.

²³ Доклад В. В. Станчинского. Протокол третьего заседания. Труды 1-го Всероссийского съезда по охране природы. М.: ВООП. 1930. 56-59.

²⁴ Презент И. И. [Выступление в прениях на дискуссии]: Основные установки и пути развития советской экологии (фрагмент). Сов. Ботаника. 1934. № 3. С. 52-63.

²⁵ Медведєв С. М. Заповедник «Чапли» и его значение в изучении природных условий степи. Рукопис: написано 10 лютого 1933 року. Біологія та валеологія. Харків, 2008. Вип. 10. С. 74-91.

1932 року Степовий інститут був ліквідований і перетворений в продовольчий додаток до Інституту тваринництва.

1933 року майже всі працівники Асканії-Нова, включно з конюхами та іншими господарськими працівниками були арештовані. Асканійцям інкримінували, що саме в цих віддалених приморських землях вони тренували диверсійні загони, щоб скинути радянську владу²⁶. Надморські і Піскові заповідники розформували, а формального автора декрету про заповідання «Асканії» Х. Г. Раковського репресували (розстріляний 1941 року²⁷), і у всіх виданнях, де згадувалась повна назва заповідника, його ім'я було закреслене чорнилами.

Деяких науковців Степового інституту викреслили з історії, вилучивши їх праці з бібліотек: В. Станчинського (помер у тюремній лікарні 1942 року²⁸), Б. Фортунатова (помер після ув'язнення 1936 року²⁹), Є. Оппокова (запроторений за ґрати і загинув у 1937 році) та ін. (Грама, 2008). Всього близько 90 людей брали участь у наукових дослідженнях в заповіднику і більшість з них у 30-ті роки зазнали репресій, а 21 – були арештовані ОДПУ (Грама, 2008).

Особливо варто згадати і О. А. Янату – ідеолога становлення Асканії як наукової установи (загинув 1938 року у засланні).

Решта працівників-науковців, хоча і лишилися живими, виїхали у республіки Азії (Г. А. Правіков, Н. Т. Нечаєва), з часом емігрували (Н. Д. Десятова-Шостенко, Н. Т. Осадча-Яната та ін.), або все життя зазнавали утисків (С. І. Медведев, О. А. Шумер та ін.) (Грама, 2008).

Колишнє герцогство Ангальт-Кетенське... Асканія-Нова Ф. Фальц-Файна... нарешті Державний Степовий Заповідник УСРР „Чаплі“ (стара місцева народна назва) не дурно тепер вкрашється славним ім'ям ~~Х. Раковського~~.

Незмінний, протягом п'яти років голова першого українського радянського уряду, а нині непохитий оборонець Радянського Союзу на зовнішньому фронті, ~~Раковський~~ у найтяжчі часи для культурного будівництва на Україні виявляв найгавішій і глибокий інтерес що до долі „Асканії-Нової“, цієї безмірно цінної спадщини минулого й перлини майбутнього України, а разом ССРР і цілого людства.

Робітничо-селянська влада України від самого свого заснування за керівництвом ~~Раковського~~ почала здійснювати давні мрії діячів науки – перетворити Асканію-Нову з приватного маєтку в Національний Заповідник. Ще 1 квітня 1919 року було видано (в Києві) декрет про перетворення Асканії в „Народний Заповідний Парк УСРР“, що був-би у віданні Народнього Комісаріату Освіти. Цей декрет було видано за підписом голови Раднаркому ~~Раковського~~. Гле недовго тоді проіснував „Народний Заповідний Парк“, бо територію його скоро захопили війська генерала Врангеля. Знову тоді Асканія-Нова стала „маєтком“, хоч на цей раз і державним та під науковим доглядом кримського університету (в Симферополі). І так було аж до кінця 1920 року, коли територія Заповідника, з перемогою червоного війська, знову стала радянською, після чого 8 лютого 1921 р. радянський уряд України вже знову оголосив Асканію-Нову „Державним Степовим Заповідником УСРР“. І знову декрет про це був виданий за підписом голови Раднаркому ~~Раковського~~.

²⁶ ГДА СБУ, справа № 208744. Т. 1.

²⁷ Трагедія в Медведевському лісу. Реквієм: книга пам'яті жертв політичних репресій на Орловщині / Составители – группа сотрудников управления МБ под руководством Ю. Н. Балакина, 1994. Том Первый. С. 84–95.

²⁸ Грама В. Поле дії належить екології. Ленінська зміна (Харків), 1989 р. 2 вересня.; Грама В. Н. Еретики и бунтари. Завтра будет поздно. Харьков: Прапор, 1990. С. 6-62.

²⁹ ГДА СБ України, спр. № 208744. Т. 3.

Репресивні органи не зупинились на знищенні лідерів асканійської екології. Як зазначає В. Грама³⁰, після ліквідації Степового інституту *«заповідник Асканія-Нова втратив свій юридичний статус і 62 роки був на правах відділу кормодобування ВНДІ акліматизації і гібридизації тварин (з 1956 р. – УкрНДІ тваринництва степових районів ім. М. Ф. Іванова)». Хоча в пресі його називали і державним, і біосферним. І лише 25 травня 1995 р. вперше відновив свій статус після 1932 р.»*

Більшість документації, архівних матеріалів та бібліотека заповідника були знищені. Лише з деяких джерел сьогодні ми можемо дізнатись свідчення сучасників про те, чого коштували Асканії 1930-ті роки. Чимало публікацій саме 1930-х, в яких згадується Асканія-Нова, вже мали ідеологічний підтекст і завзято критикували колишнє керівництво заповідника, рясно розтиражуючи наклепи на знищених науковців. Було зроблено спробу знищити пам'ять і про більш ранній асканійський період, коли Асканія була власністю родини Фальц-Фейнів. Приміром, протягом 1934-1941 років у московському видавництві «Детгиз» вийшло щонайменше 4 видання книжки Г. Замчалова та О. Перовської «Остров в степи», присвяченої «прекрасній радянській Асканії», в якій окремий розділ відведено критиці поста-ті Ф. Фальц-Фейна³¹.

Під час німецько-фашистської окупації всі першоджерела, що лишались в Асканії, були або знищені³², або вивезені до Німеччини, а після – з Німеччини до США.³³

Загалом з 1935 і по 1995 рік «Асканія-Нова» не існувала як природоохоронна територія, дивом зберігши свої зменшені більш ніж у три рази межі³⁴. На превеликий жаль, місця, де б зберігались структуровані архіви про заповідник-зоопарк, – немає.

О. Василюк, В. Пархоменко, Л. Ластікова

³⁰ Грама В.М. Степовий науково-дослідний інститут – заповідник «Чаплі» (1929–1932 рр.): нові сторінки з історії біоценологічних досліджень в Асканії-Нова: коментарі та післямова до рукопису С. І. Медведєва «Заповедник «Чаплі» и его значение в изучении природных условий в степи». Известия Харьковского энтомологического общества. Харьков, 2008. Т. 16. Вып. 1-2. С. 78-86.

³¹ Замчалов Г., Перовская О. Остров в степи. М.: Детгиз, 1934. 166 с.; Замчалов Г., Перовская О. Остров в степи. М.: Детгиз, 1935. 164 с.; Перовская О., Замчалов Г. Остров в степи. М.-Л.: ЦКВЛКСМ.Издательство детской литературы, 1941. 193 с.; Замчалов Г., Перовская О. Остров в степи. М.-Л.: ЦКВЛКСМ, Издательство детской литературы, 1936. 134 с.

³² Борейко В. Е. Аскания-Нова: тяжкие версты истории 1826-1997 : монография / В. Е. Борейко. – Киев, 2001. 180 с.

³³ Douglas R. Weiner. A Little corner of freedom. Russian nature protection from Stalin to Gorbachev. University of California Press, 1999. 556 p.

³⁴ Борейко В. Е. Аскания-Нова: тяжкие версты истории 1826-1997: монография / В. Е. Борейко. Киев, 2001. 180 с.

Подяки

До антології включені публікації, що зберігаються у бібліотеках Інституту зоології імені І. І. Шмальгаузена НАН України, Інституту ботаніки імені М. Г. Холодного НАН України, Науковій бібліотеці ім. М. Максимовича, НБУ ім. В. І. Вернадського, Національній сільськогосподарській бібліотеці НААН, Національній історичній бібліотеці України, Книжковій палаті України ім. Івана Федорова, Національній бібліотеці України для дітей, Харківській державній науковій бібліотеці ім. В. Г. Короленка, Bibliothek Museum fur Naturkunde, Berlin, бібліотеці Інституту морських біологічних досліджень ім. А. О. Ковалевського, бібліотеці ЗІН РАН, наукових фондах Полтавського краєзнавчого музею, Мелітопольського краєзнавчого музею, Біосферного заповідника «Асканія-Нова», приватних збірках Сергія Білоконя, Віктора Пархоменка, Віктора Гавриленка, Михайла Кулішова, Віталія Кавурки та Юрія Шура.

Ми вдячні за можливість користуватись відкритими фондами рідкісних видань, що надаються онлайн-бібліотеками (Цифровий архів періодики «LIBRARIA», Краєзнавча електронна бібліотека ХДНБ, Національна електронна бібліотека РФ, Національна електронна дитяча бібліотека РФ, «Столыпин – слуга народа», Бібліотека науково-популярної літератури по біології Олександри Горяшко, Фундаментальна електронна бібліотека «Флора і фауна» Олексія Шипунова, DocMe.ru та ін.).

Висловлюємо щирі подяки всім, хто сприяв віднаходженню зібраних у антології літературних пам'яток: Raake Hans-Ulrich, О.Акімовій, Юлії Дунаєвій, Андрію Пржиборо, Сергію Білоконю, Михайлу Кулішову, Юрію Москаленку, Ніні Гавриленко, Денису Давидову, Наталії Щebetюк, Вікторії Тротнер, Юрію Малахову, Руслані Джагман, Олексію Гончаренку, Олександрі Шиндеру та Олександрі Зіненку. Також дякуємо всім, хто допоміг виконати найважливішу технічну роботу з переведення фотовідбитків рідкісних видань у тексти: Вікторії Грицанюк, Ірині Коваленко, Михайлу Кулішову, Уляні Романюк, Ігорю Сіренку, Ользі Лакизі, Анні Чащиній, Миколі Солімчуку, Петрові Бузунку, Наталії Добровольській, Тимуру Плющу, Анні Ніколенко, Лідії Стрельченко, Ользі Бабчук, Віктору Магомету, Анастасії Кучер, Анні Василюк, Богдану Кученку, Олександрі Кукшину, Олександрі Бубелі та Любові Ільмінській, Вікторії Падалко, Галині Гузь, Вірі Янчук, Анастасії Зінченко, Наталії Доценко, Андрію Новікову, Павлові Романову, Світлані Гусак, Юлії Щербі, Андрію Петрушенку, Ользі Кяго, Талі Винарській, Зоравару Марвату, Ірині Черкаській, Катерині Онищенко, Олені Мітрьасовій, Анастасії Бужорі, Марії Савченко. Окремо дякуємо Олексію Марущаку, Наталії Добровольській, Вікторії Падалко, Світлані Гусак, Катерині Чернишовій, Максиму Безносу та Олександрі Різуну за роботу із особливо важким блоком публікацій – старими німецькомовними текстами та Олександрові Батурину – зі старими текстами французькою. Ангеліна Русанова та Галина Гузь змогли покращити якість картосхем та інших графічних ілюстрацій, використаних у антології. За допомогу у редагуванні дякуємо Тетяні Марченко.

1845

Teetzmann Franz.

Ueber die Südrussischen Steppen und über die darin im Taurischen Gouvernement belegenen Besitzungen des Herzogs von Anhalt-Köthen.

Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens. Elftes Bändchen. St. Petersburg, 1845. S. 87–135.

(Beilage A, zur 10-ten Anmerkung).

Die Chutor der Steppen Russlands¹.

Zu Anfang des vierten Decenniums dieses Jahrhunderts, gab es auf dem, zum Taurischen Gouvernement gehörenden Festlande, d. i. in den damaligen Kreisen von Dnjeprrowsk (Stadt Aleschki) und Melitopol (Stadt Orjechow²), – auf einem Raume von ungefähr 614 □ Meilen – neben 167 von Reichs-Bauern bewohnten Dorfschaften, 573 den nämlichen Bauern³ gehörende Chutor, d. i. Vorwerke oder Meierhöfe, wie die dasigen Deutschen

¹ Das Wort Chútor, welches Reiff mit dem arabischen Kutr (Gegend oder Landstrecke) zusammenstellt, dürfte vielleicht mit dem altdeutschen Koder oder Köther (Beisitzer, Hintersasse u. s. w. – von Kot oder Kothe, Wohnhütte) verwandt seyn. Vergl. Jac. Grimm's Deutsche Rechts-Alterthümer (Göttingen 1828, 8.), S. 313. – Auch das Kleinrussische Xama, wie das Finnische Kota (Hütte) scheinen damit zusammen zu fallen. – In Sibirien, – auch schon bei Perm – werden solche kleinere Besitzungen oder Höfchen, заимки, d. h. willkürlich in Besitz genomene Ländereien genannt. Dies sind sie ursprünglich auch wohl fast durchgängig in der Steppe gewesen.

² Gegenwärtig sind dies (seit dem 7. Januar 1842) drei Kreise, indem aus den obengenannten 2 Kreisen noch ein dritter, der von Berdjansk, gebildet wurde.

³ Der Zahl nach verhielten sich in diesen Kreisen die Reichs-Bauern zu den herrschaftlichen (leibeigenen) Bauern wie 100 : 11,53, denn es befanden sich dort 97,081 Reichs-Bauern männl. Geschlechts und nur

sie nennen⁴. Von diesen befanden sich nur 43 im Melitopol'schen und alle übrigen 530 im Dnjeprowschen Kreise⁵. Da die ersten 43, im J. 1830, aus nicht weniger denn 1001 Höfen, mit 2279 männl. Bewohnern bestanden, die letztern aber alle zusammen nur 585 Höfe mit 1247 Seelen ausmachten, so waren die Chutor der beiden Kreise, ihrer Natur nach, sehr von einander verschieden. Im Melitopol'schen Kreise kamen nämlich durchschnittlich auf jeden Chutor 23 Höfe⁶, mit 53 Individuen männl. Geschlechts, im Dnjeprowschen aber nur 1,1 Hof, mit 2,55 Bewohnern männl. Geschlechts⁷.

Von dieser sporadischen Bevölkerung der Steppe ging denn auch die Urbarmachung derselben aus; und die, als wasserlos verschrieene Wüste, bot Brunnen auf Brunnen dar. Wo es die Umstände erlaubten, schütteten die Chutoraner Dämme auf in den Steppen-Schluchten; hier und da wurde auch ein Bäumchen gepflanzt, – und jetzt erst lernte man den wahren Werth dieser Gegenden kennen. Vor allem war es die Viehzucht, welche den Grundbesitzern Vortheile darbot, die, mit ihrer Entwicklung, immer sicherer wurden, bis die Concurrnz und die Gränze der Consumption den weitem Fortschritten derselben Einhalt thaten. Hornvieh – und Pferde-Zucht machten der veredelten Schafzucht Platz, und wo der reiche Bauer seine Herde hatte, da wünschte er denn auch pflügen zu können. Allmählig gesellten sich neue Ankömmlinge zu den ersten Ansiedlern und so entstanden hier und da kleine Dorfschaften, die jedoch, in administrativer Beziehung, noch immer zu ihren Stammorten gehörten. Die Entfernung von selbigen mag wohl öfters dazu gedient haben, dass die zerstreut liegenden Höfe, den Natural – Prästationen entgingen, welche denn um so drückender für die Dorfschaften wurden, zu denen sie dem Namen nach gehörten. Dies veranlasste Klagen und ein Einschreiten der Land-Polizei, welche, da sie die einzelnen Höfe nicht so leicht überwachen konnte, es am natürlichsten fand zur alten Ordnung zurückzukehren. Die Bauern sollten wieder in die Dörfer ziehen. Dass man dabei so manchen ruiniren, dass man die sich immer mehr und mehr belebende Steppe,

---

11,008 Privat-Bauern nebst 164 erblichen Hofleuten männl. Geschlechts.

⁴ Nach Adelung ist Meier oder Baumann ein vollständiger Besitzer; der Köthner aber besitzt weniger Ackerland als der Meier; doch unterscheidet er sich wieder vom Brinksitzer, der nur ein eigenes kleines Haus, aber kein Ackerwerk hat, und besonders vom Häusler, welcher nur zur Miete wohnt.

⁵ Diese letztern wurden im Jahre 1823 so befunden:

bei den Russen	468 Vorwerke,	488 Höfe,	963 Bewohner	m. G.
bei den Tataren	62 „	97 „	284 „	„
Summa	530 „	585 „	1247 „	„

⁶ Der grösste dieser Chutor befand sich in der Werbowaja Balka (Vertiefung), im Orjechow'schen Amte, woher er denn auch Werbowoj genannt wurde. Er bestand aus 104 Bauerhöfen mit 240 männl. Seelen. – Der kleinste, welcher nur aus einem Bauerhofe mit 3 männl. Bewohnern bestand, war der Dubnikow'sche an der Wodjanaja.

⁷ In diesem Kreise bestand der grösste Chutor (Хутор Ярошицкий, Каракуйской волости) aus 22 Höfen mit 45 Seelen männl. Geschlechts; die meisten aber hatten nur einen einzigen Bewohner aufzuweisen.

wieder zur Oede machen würde – daran schien man in den untern Regionen der Administration nicht gedacht zu haben. Ja selbst bei den mittlern Gewalten (d. h. bei der Gouvernements Verwaltung) fand diese Ansicht Anklang, bis endlich der General-Gouverneur, Graf Woronzow, der drohenden Gefahr ein Ende machte. Nicht die freie Entwicklung der Bevölkerung – die administrativen Verhältnisse wurden umgestaltet – und statt zwei Kreisverwaltungen entstanden nun deren drei. Die Auswanderer aus den Dörfern sind auf ihren neuen Sitzen geblieben und die Cultur des Bodens macht wesentliche Fortschritte.

(Beilage B, zur Seite 16).

Ueber den Steppenbrand in den Taurischen Steppen.
Von Amstrath Franz Teetzmann.

«Drei Monate hindurch währt die Frühjahrs-Vegetation, die auch in den dürresten Jahren nie ganz ausbleibt; nachher liegt die Pflanzenwelt 9 Monat lang fast todt.

Es gibt dürre Jahre, wo der ganze Graswuchs des vollen Jahres auf ebener Steppe nicht mehr als Fingerslänge erreicht; – so das Jahr 1833.

Sind die drei Frühjahrsmonate ohne bedeutenden Regen vergangen, so haben, während derselben, die mehrsten Pflanzen nicht ihre Reife erlangt und sind kaum 6 Zoll lang geworden, sie vertrocknen im Saft und ernähren das Weidevieh 9 Monat lang, bis die nächste Frühjahrs-Vegetation beginnt, so schön wie das beste Heu und besser.

Wir haben Ursache solche gewöhnlichen Jahre hinsichtlich der Schafzucht zu preisen. Waren aber die drei Frühjahrsmonate reich an Regen – ein nicht häufiger Fall, der in dem letztvergangenen Jahrzehend nur drei Mal vorkam – dann wachsen alle Pflanzen unglaublich üppig, erreichen das Vierfache ihrer gewöhnlichen Höhe, werden vollkommen reif und nähren, im überreifen und abgestorbenen Zustande, kaum so gut als Stroh, und nachdem im Herbst Nebel und Reif darüber hingegangen, die beide wegen der Höhe des abgestorbenen, zum Theil gelagerten Grases, nicht mehr von der Sonne zur Verdunstung gebracht werden können, so wird das Gras stockig und nährt alle Viehgattungen ärmlich.

Den Unterschied in der Menge des Grases zwischen einem gewöhnlichen und einem fruchtbaren Jahre achte ich wie 1 zu 6.

Da nun das ganze Land fast nur Viehweide ist und die Masse des Viehstandes nur im Verhältniss zu den gewöhnlichen Jahren stehen darf, so gäbe es, selbst wenn ausnehmend fruchtbare Jahre bloss reichen Segen an guter Weide brächten, keine Gelegenheit von diesem Segen überall Nutzen zu ziehen; aber leider bringen die fruchtbaren Jahre auch die für Schafe so schädliche Tyrsa (*Stipa capillata*) schon im Juli und August zur Rei-

fe, und machen so alle die Stellen wo Tyrsa wächst, auf 6 – 7 Monat, als nach welcher Zeit der Samen ausgefallen ist und die Pflanze nicht mehr schadet, für Schafe wenig nutzbar.

Pferde und Rindvieh leiden nicht von der Tyrsa.

Hat der Himmel nun den Steppen ein fruchtbares Jahr beschert, dann jammern, mit dem Reifwerden der Tyrsa, alle Schäfer; der Ueberfluss und nicht der Mangel wird ihrem Vieh verderblich; nicht genug Hände sind herbeizuschaffen um den Thieren die Stacheln abzulesen und was man heute davon mühselig abgelesen, hat das Schaf nach etlichen Tagen wieder aufgefangen; die Mühe beginnt von Neuem und das Schaf wird durch die vielfachen kleinen Verwundungen täglich magerer, mancher Stachel muss ausgeschnitten werden, mancher entgeht aber auch den suchenden Händen, dringt bis zu den edlern Theilen, tödtet das Thier oder veranlasst noch nach Jahren Geschwüre und in deren Folge Stellen, die von Wolle entblösst sind.

In solcher Lage ist guter Rath theuer!

Abbrennen des Graswuchses ist dann das gewöhnlichste Mittel zu dem man greift und man setzt Alles auf die Hoffnung: Regen werde bald kommen, und werde neuen Graswuchs bringen. Aber diese Hoffnung gehört zu den allertrüglichsten; sie gründet sich durchaus nicht auf klimatische Regeln, sondern nur auf blosse Wünsche.

Haben wir es doch schon erlebt, dass in 23 Monaten kein Regen fiel, und wer kann wissen wann wieder eine solche trockene Periode beginnt; folgt sie unmittelbar nach dem Brande, so hat man den Brand nur zu bedauern und zu verwünschen, denn es ist doch besser und hoffnungsgebender, dass auf einem Weidereviere schlecht nährendes Gras und selbst Schaden bringende Tyrsa wachse, als dass gar nichts darauf stehe. Auch ist zu berücksichtigen, dass das alte Gras die wenige Winterfeuchtigkeit, die hier gewöhnlich fällt, beschattet und conservirt, und dem neuaufkeimenden Grase zum Schutz vor dörrenden Sonnenschein und tödtenden Sturmwind dient. Mit der Mitte des April sind übrigens die zarten Theile der vorjährigen Pflanzen von selbst verschwunden und nur der härtere, dem Viehe ungenießbare Stengel steht länger.

Die im Jahre 1837 gewachsene Tyrsa hatte im Januar und Februar ihren Samen verloren.

Die im Jahre 1838 gewachsene Tyrsa, hatte den 15 December ihren Samen schon verloren und von da an dienten die langen Tyrsenstengel den dazwischen weidenden Schafen zum Schutz vor dem Winde.

Hätte Taurien eine bestimmte Regenzeit, wie die Länder zwischen den Wendekreisen, dann möchte es seyn, dass das Abbrennen der Steppe noch unter den Regeln der Landwirtschaft eine Stelle einnehmen könnte; aber wie nun in Taurien von keiner bestimmten Regenzeit die Rede seyn kann, wie nun hier der Regen beinahe zu den Seltenheiten gehört, so ist das Abbrennen der Steppen fast nur ein Mittel das Uebermuth oder auch Verzweiflung eingibt. Gerade wie ein Mensch, zu seiner Errettung, aus dem obern Fenster

eines brennenden Hauses sich auf die Strasse herabwerfend das Aeusserste wagt und sich rein der Fügung des Himmels überlässt, so der Schäfer der seine Steppe, in Hoffnung auf baldigen Regen, im Sommer oder Herbst abbrennt.

Ausserdem dass das Abbrennen der Steppe wirklich von augenblicklich mehr schädlichem als nützlichem Ueberfluss befreiet, ohne dass auf Ersatz der Weide vor dem folgenden Frühlinge zu rechnen wäre, benimmt es auch der Steppe Jahre lang die Fruchtbarkeit; alle die edlern Gewächse, wie Klee, Wicken und dergleichen, die in der Zeit wo die Lämmer geboren sind, eben in Grüne und Blüthe stehen und diesen und den säugenden Müttern so zuträglich sind, bleiben mehrere Jahre nach dem Brande aus; wahrscheinlich verbrennt ihre Wurzel und der Samen wird geröstet. Nur die beiden Tyrsenarten und Schafgarben zerstört kein Feuer, sie sprossen bei der nächstfallenden Feuchtigkeit wieder empor.

Behauptet ward sonst: nach dem Abbrennen der Steppe trüge im nächsten Jahre die durch ihren Samen so höchst nachtheilige *Stipa capillata* keine Samen. Diese Behauptung ist vollkommen unwahr, wie uns das Jahr 1838 belehrt hat. Auf den Stellen wo im Jahre 1837, gleichviel in welcher Jahreszeit die Tyrsa abgebrannt ward, war sie im Jahre 1838 fast noch reichlicher aufgewachsen, als da wo im vergangenen Jahre nicht gebrannt ward.

Einige genau bemerkte Folgen des Steppenbrandes mögen hier noch ihren Platz finden.

Auf solcher Steppe die im Juli 1837 abbrannte, war erst am 20. März 1838 wieder Schafweide; denn gleich nach dem Brande und bis Frost kam fiel kein Regen.

Im J. 1833 kam, während der Heuernte, in den grossen Dolinen (Thälern) am Dorfe, Mittags zufällig Feuer aus, das etwa 6 Dessjatinen Land überzog, bis es von der Masse der Heuarbeiter gelöscht ward; der eben im Dorfe bei den Pferden beschäftigte Hofmeister sah von weitem den Brand und fiel auf ein hier, in solchen Fällen, übliches Rettungsmittel: er kam nämlich schnell mit einem Pfluge herbeigeritten und umzog den Brandfleck mit mehreren Furchen; dadurch ist der Fleck noch jetzt kennbar und drei volle Jahre ist er in Mitten des Heuschlages als eine Folge des Brandes unmähbar geblieben.

Wie wenig Asche trockenes, in freier Luft verbranntes Gras gibt, ist bekannt und die allenfalls mögliche Düngung die diese geben kann, verliert man anderseits doppelt dadurch, dass durch das Feuer nun auch aller, auf dem Weidereviere zerstreut liegende, thierische Dünger mit in Asche verwandelt wird und jedenfalls als Asche weniger düngt wie in seinem frühern Zustande. Gewöhnlich wird auch die Asche von dem hier ewig wehenden Winde bald hinweggeführt.

Demnach kann durchaus von keiner Düngung, die die Asche beim Steppenbrennen bewirken sollte, die Rede seyn. Ohgleich nun die Wahrheit aller dieser Bemerkungen,

von dem denkenden Theile der Russischen Steppenbewohner, recht gut anerkannt wird, so hat das Steppenbrennen dennoch nicht aufgehört, ist kaum beschränkt worden; dies ist Folge des gewöhnlichen Ueberflusses an Weide, etwa ebenso wie in den holzreichen Ländern die Holzverschwendung.

Bis hierher habe ich nur die Veranlassung und den gewöhnlichen, aber oft verfehlten Zweck der absichtlichen Steppenbrände geschildert; der zufälligen Steppenbrände, die leider häufiger noch sind als jene, habe ich noch nicht erwähnt.

Rings um Ascanianova ist die Steppe schwach bevölkert und schwach mit Herden besetzt; meilenweit reist man ohne einen Menschen zu sehen. Dass Gesetzlosigkeit herrscht, kann man nicht sagen, aber dass über die Befolgung der Gesetze streng gewacht werde, eben so wenig. Die Möglichkeit zu letzterem fehlt auch wirklich; das Land ist zu weitläufig.

Auf absichtlich oder durch Vernachlässigung entstandene Abrennung fremder Steppe steht, wie auf andere Brandstiftung, die Strafe der Verweisung nach Sibirien. Aber es ist kein Beispiel bekannt, dass diese harte Strafe jemals angewandt wäre. Den Brandstifter ermitteln zu können hat keine Wahrscheinlichkeit, denn mit dem Brande geht auch jede mögliche Spur des Thäters verloren. Da weidet eine Herde in unbegrenzter Steppe, ein Karren mit Lebensmitteln folgt ihr, der Führer ist zugleich Koch, er macht ein Feuerchen an, setzt seinen Kessel darüber und in einigen Stunden ist das Gericht fertig, die Genossen setzen sich im Kreise kerum, verzehren ihr Mahl und ziehen weiter; aber in der zurückgebliebenen Asche glimmt noch ein Funke, den der Wind anfacht; das nahe dürre Gras geräth in Brand und bald brennt es Werste lang.

Karawanen von Salzfuhrern, deren Führer eben wie die Schäfer im Freien kochen, veranlassen noch häufiger Brandschaden; ebenso reisende Tataren.

Oder bei der grossen Dürre, die hier gewöhnlich ist, reitet ein Tatar durch die endlose Wüste, schmaucht sein Pfeifchen, schüttet die glimmende Asche auf die Steppe aus und wird so Veranlassung zum Brande.

Der Steppenbrand gewährt in der Ferne einen wahrhaft grossartigen Anblick, bei Tage durch die Masse und Ausdehnung des aufsteigenden Rauches, Nachts durch den weitverbreiteten Feuerschein. In der Nähe betrachtet, verliert sich diese Grossartigkeit und die Flammen schlagen nicht höher als 1 – 1½ Ellen hoch.

Die Schnelligkeit mit der das Feuer unter günstigen Umständen die Steppe überzieht, ist unglaublich; wir haben erlebt, dass in Zeit von 8 Stunden 100 □ Werst abbrannten.

Die Schnelligkeit des Steppenfeuers macht es nicht selten, dass weidende Schafherden vom Feuer überrumpelt werden und nicht mehr ausweichen können. Nur unentschlossene und mit hiesigem Lande unbekanntere Schafknechte können dann ihre Herde nicht retten; das Feuer geht ihren Schafen unterm Leibe durch, versengt die Wolle, die Klauen, schadet den Augen unheilbar. Auf dem Flecke verbrennt freilich kein Schaf, aber

es lässt das Feuer so nachtheilige Folgen zurück, dass etliche Wochen später von den versengten Schafen keines mehr am Leben ist. Ein beherzter Mann dagegen, weiss seine Herde zu schützen; droht das Feuer sie zu erreichen, dann steckt er den Fleck neben seiner Herde eilig selbst in Brand; dem erst beginnenden Feuer, kann er mit der Herde ausweichen, in einigen Augenblicken hat er ein Revier leer gebrannt, auf welches er seine Herde in Sicherheit bringt und dann ruhig abwartet bis rund herum die Feuerfluth hervorragt und an der Grenze seines Zufluchtsortes, wo ihr die Nahrung schon voraus genommen ist, erlischt.

Es gibt Verhältnisse unter denen der Steppenbrand im Kleinen jetzt noch, bei Ueberfluss an Weide, sich allenfalls rechtfertigen lässt, z. B. wenn man nach einem schönen Weidefleck, der rund um von Tyrsa umgeben ist, einen freien Zugang haben will; oder wenn man für die Lammzeit, die hier immer im Freien abgehalten wird, einen vom alten Grase reinen Fleck haben will um das Verlieren der Lämmer zu verhindern, das im hohen alten Grase leicht möglich ist; auch wohl noch mancher andere Fall: aber nie kann man dabei vorsichtig genug seyn und alle Vorsicht macht oft der Zufall zu Schanden, denn Feuer auf offener Steppe hat man durchaus nicht vollkommen in seiner Gewalt.

Das erste Frühjahr, wo das Gras eben anfängt zu wachsen, ist zum Abbrennen der Steppe am geeignetsten; die Erde ist dann noch feucht und die Wurzeln leiden weniger stark. Aber auch dann noch bleibt der Brand dem Graswuchse nachtheilig, denn er versengt die Spitzen der neuen Keime.

In der Jahreszeit, da man noch auf Thau rechnen kann hört der Brand bestimmt mit dem fallenden Thau von selbst auf und es kommt darauf an, dass man an windstillen Tagen zu so einer Zeit anbrennt, wo der Thau bald fallen muss.

Aber es ereignet sich leicht, dass eine Windstille plötzlich zu starkem Wind umschlägt und so das Feuer weiter und nach Gegenden hintreibt, wo man es nicht hin haben wollte. Stark befahrene Wege hemmen gewöhnlich das Steppenfeuer, da es auf ihnen keine Nahrung findet; wenigstens ist es an den Wegen am leichtesten dem Feuer Einhalt zu thun. Bei sehr starkem Winde geht das Feuer aber auch über die Wege weg. Als gewöhnliches Löschmittel der Steppenbrände bedient man sich nasser Säcke, mit denen man die Fiamme ausschlägt, oder auch nass gemachter Leinwandsplanen, an deren zwei Enden etliche Menschen anfassen um sie so über die Flammen wegzuziehen.

Eine schnell aufgepflügte Furche ist mitunter auch ein bewährtes Hemmungsmittel des Steppenfeuers; in der dünnen Zeit ist es indessen nicht anwendbar, da alsdann die nie gerührte Erde steinhart ist und Pflügen unmöglich macht. In dürrer Jahreszeit hat man alle Ursache jedes mögliche Mittel anzuwenden um den Brand schnell zu löschen, sonst wächst er und wächst – bis er für die geringen menschlichen Kräfte, die dem Steppenwirth zu Gebote stehen, zu ausgedehnt wird.

Die Beilage C (drei Steppen-Bilder enthaltend) wird diesem Bande auf einem besondern Blatte beigegeben.

(Beilage D zur S. 24 u. 32, und zur Anm. 28).

Ueber die Zeit der Gründung, die Tiefe der Brunnen, den Viehstand und die Eintheilung des Landes der deutschen Colonien zur Rechten der Molotschnaja.

Namen der Colonien.	Jahr der Gründung	Tiefe der Brunnen	Wie viel Stück Vieh darf jeder Wirth halten (4 Schafe auf 1 St. gerechnet).	Zahl der Gewänder in welche das Ackerland eingetheilt ist
1. Molotschna	1804	4 Ssash. 2 Fuss	40	28
2. Hoffenthal	1804	5 „	40	20
3. Alt-Nassau	1804	3 „ 4 „	40	18
4. Weinau	1804	4 bis 6 Ssash	35	17
5. Alt-Monthal	1804	4 Ssash. 6 Fuss	40	23
6. Durlach	1809	6 „ 3 „	40	12
7. Friedrichsfeld	1809	4 „	40	24
8. Reichenfeld	1810	4¾ „	40	20
9. Kostheim	1810	3 bis 5 Ssash.	40	16
10. Leitershausen	1810	3 Ssash. 4 Fuss	40	24
11. Rosenthal	1810	3 „ 3 „	40	20
12. Heidelberg	1810	4 „ 2 „	40	30
13. Walldorf	1810	3 bis 6 Ssash.	40	7
14. Hochstädt	1811	3 Ssash. 3 Fuss	40	12
15. Grünthal	1811	3 „	45	10
16. Neu-Nassau	1814	3 „	40	22
17. Karlsruh	1815	6 „ 5 „	40	19
18. Neu-Monthal	1816	3 „	40	15
19. Tiefenbrun	1820	8 „ 4 „	45	26
20. Blumenthal	1822	3 bis 6 Ssash.	40	28
21. Kronsfeld	1825	7 Ssash.	40	21
22. Wassrau	1826	3 „ 4 Fuss	40	19

Das Original ist unterzeichnet: Gebiets-Vorsteher Werner, Gebiets-Beisitzer Müller, Gebiets - Beisitzer Aman.

(Beilage E zur 35sten Anmerkung, S. 28).

*Ueber die Bevölkerung der auf dem Festlande befindlichen Kreise
des Taurischen Gouvernements.*

Die Bevölkerung des, zwischen dem Untern Dnjepr und der, dem Asow'schen Meere zufließenden, Berda befindlichen Landes, welches früher nur in zwei Kreise des Taurischen Gouvernements, – den Dnjeprow'schen und den Melitopol'schen – zerfiel, war im J. 1837 aus folgenden Elementen zusammengesetzt⁸.

Der Dnjeprow'sche Kreis, welcher sich nach Osten hin bis zum Flusse Asýs-Utljuk erstreckt, und auf dessen Grunde, im Süden, noch der Hauptort eines andern Kreises – die Stadt Perekop – liegt, ist grösstentheils von Kleinrussen bewohnt, die alle zur Orthodoxen Kirche gehören⁹. Nur im SO. Theile des Kreises findet man die sogenannten Kirgis-Tataren, denen man auch den Namen Budshaker Tataren beilegt, weil sie eine Zeit lang im Budshak wohnten¹⁰. Hinter ihnen, am Rande des Asow'schen Meeres, gleichsam den Uebergang auf die Arabat'sche Landzunge deckend, findet man jedoch wieder zwei Russische Dörfer: Jus-kujü (Tatarisch: hundert Brunnen) und Ust'-Asówskoje (die Asow'sche Mündung), auch Tönka genannt¹¹. Das Haupt-Dorf der Elnisagátsch'schen Amtsmannschaft, Elmisagátsch (oder Jangýs Agátsch) ist übrigens von Nogajern der Jedissánschen Horde bewohnt.

Der Zahl nach bestanden im J. 1837 die Bewohner des Dnjeprow'schen Kreises aus 42,115 Russen¹² (wobei 35,096 Reichs- und 6946 Herrschaftliche Bauern, nebst

⁸ Durch Allerhöchsten Ukas vom 7. Januar 1842 sind, wie schon höher gesagt wurde, aus oben genannten zwei Kreisen drei Kreise gebildet worden: nämlich:

1. Der Dnjeprow'sche (Днѣпровскій уѣздъ), mit der Kreisstadt Aleschki, am Dnjepr.

2. Der Melitopolsche (Мелитопольскій уѣздъ), mit der Stadt Melitopol', welcher Name dem Kirchdorfe Nowo-Alexandrowka (Tatarisch: Kusy-jar), an der Molotschnaja, beigelegt ward.

3. Der Berdjanskische (Бердянскій уѣздъ), mit der am Asowschen Meere gelegenen Kreis- und Hafen-Stadt Berdjansk.

Ich folge hier noch der früheren Eintheilung.

⁹ Selbst die Altgläubigen, welche das, zwischen Kachówka und Kosatschji-Lager befindliche Korssünsche Kloster bewohnen, nennen sich Jedinowjerzy (Единовърцы), d. i. Gleichgläubige, was so viel heissen soll als ebenfalls Orthodoxe Griechen. Eben so nennen sich auch die altgläubigen Bewohner des Dorfes Gross-Snamenka (Большая Знаменка), 1878 männl. Individuen an der Zahl

¹⁰ So wird der südliche, oder richtiger gesagt der SO. Theil von Bessarabien genannt, namentlich eine Hälfte des Bendéryschen Kreises, der ganze Ackerman'sche Kreis und das Stadtgouvernement Ismail.

¹¹ Wegen der Meerenge, an der es liegt, führt dieses Dorf bei den Tataren den Namen *Dshenishké Genitschi*, was so viel bedeutet wie das Kleinrussische *Tönkoje* (nämlich fein, dünn), welches letztere also nur eine Uebersetzung des Tatarischen Namens ist.

¹² Nachrichten die für mich in den Jahren 1829 und 1830 im Dnjeprowschen Kreise gesammelt wurden,

73 Erbliehen Hofleuten) und

8,868 Tataren. Ueberhaupt also aus

50,983 Individuen männl. Geschlechts. Obschon im J. 1837 das weibliche Geschlecht um einige Procent weniger zahlreich war als das männliche, so können wir doch wohl das Doppelte, nämlich 101,820, als die Gesamtzahl der Bewohner des Dnjeprow'schen Kreises annehmen.

Des Melitopol'schen Kreises westlicher Theil, gleich wie der ganze nördliche, war von Russen eingenommen; die Mitte wurde von Deutschen bewohnt, an die im Süden wieder Russen stiessen, worauf denn bis zur See hin die Nogajer folgten. Im Osten, dessen nördlicher Theil von Kleinrussen bewohnt war, erschienen, zwischen den Nogajern, hin bis zur Berda, wieder Deutsche und zwar Alt-Lutheraner oder Separatisten.

Die Russen bestanden aus Orthodoxen (Kleinrussen mit einer Beimischung von Grossrussen) und aus sogenannten Ikonoborzen (Bilderstürmern): den Molokänen (Milchessern), die wieder in 4 Unterabtheilungen zerfallen, und Duchobörzen (Pneumatomen).

Die Deutschen waren: 1) Mennoniten (in 44 Colonien), deren zuerst im J. 1804 362 Familien, von der Weichsel (aus der Gegend von Elbing und Marienburg) kommend, an der Molotschnaja angesiedelt wurden¹³; 2) Deutsche Colonisten (Lutheraner und Katholiken) die vom J. 1804 an, aus Preussen, Württemberg, Baden, Baiern, dem Elsass, Sachsen, Oesterreich, Böhmen und Ungarn nach Russland zogen, und sich hier niederliessen; 3) Alt-Lutheraner, oder die hier sogenannten Pietisten, die als Chiliasten gen Osten zogen, und, in Folge einer Warnung von Seiten ihrer schon in Trans-Kaukasien angelangten Glaubensgenossen, sich in J. 1822 entschlossen hier zu bleiben¹⁴.

Die Tataren des frühern Melitopol'schen Kreises sind Nogajer, welche im J. 1770 Russische Unterthanen wurden und im J. 1795 daselbst 336,865 Dessjatinen (d.i.

---

zeigen dass sich damals unter den herrschaftlichen Bauern etwa $\frac{5}{100}$ Klein-Russen und $\frac{1}{100}$ Gross-Russen befanden. Bei den Reichsbauern war das Verhältniss der Grossrussen zu den Kleinrussen ungefähr wie 1:10; Weiss-Russen kamen nur im Dorfe Nowo-Alexandrowka (auch Litwinowka genannt) vor. (S. unten die 1-te Anmerkung zur Seite 72). Ihre Zahl betrug 345 männl. und 323 weibl. Individuen; Im J. 1829 befanden sich in diesem Dorfe, wohin aus der Nachbarschaft andere Russen gezogen waren, 429 mänul. Individuen.

¹³ Ein recht guter Aufsatz über die Mennoniten in Russland befindet sich im Journal des Ministeriums der Reichs-Domänen (Журналъ Министерства Государственныхъ имуществъ) vom Jahre 1842, Nr. 1, S. 1-42. In Beziehung auf die Gemeinde-Schäferereien scheint mir jedoch dort die Hauptsache übersehen zu seyn. Diese sind nämlich hauptsächlich dazu da, um die Ansiedler mit Böcken zu versorgen. Zum 1. November werden alle Jahre die Böcke vertheilt, je einer auf 25 Schafe. Nach der Zeit der Besprungung werden sie von Schafkennern zurückgeholt, die sie erst untersuchen, um nicht etwa kranke Thiere in die Schäfererei zu bringen.

¹⁴ Sie kamen, mit sehr wenigen Ausnahmen, aus Württemberg, wo die in den ersten Jahren des XIX. Jahrh. eingeführte neue Kirchenordnung die Auswanderung veranlasste.

66 □ Meilen) Land zugetheilt erhielten¹⁵. Sie wurden zuerst (1812) durch ihren Chef, den ehrwürdigen Grafen de Maison ansässig gemacht; späterhin aber, sind sie besonders durch den verdienstvollen Mennoniten Jo. Corniess in ihren ökonomischen Verhältnissen ungemein gefördert worden.

Die Mordwinen zogentheils aus eigenem Antriebe hierher, theils wurden sie, als Schismatiker, namentlich als Ikonoborzen (Bilderstürmer), aus dem Pensa'schen Gouvernement an die Molotschnaja versetzt. Im J. 1837 befanden sich von diesen letzteren unter den Duchoborzen (in den Dörfern Spasskoje und Jefremowka) 118 Seelen männl. Geschlechts (mit 96 Seelen weibl. Geschl.). 66 andere Mordwinen männl. Geschl. die zur orthodoxen Kirche gehörten, langten im J. 1833 aus dem Tambow'schen Gouvernement an und liessen sich im Dorfe Akimowka nieder, welches um jene Zeit an der Stelle gegründet wurde, wo früher das Nogajer-Dorf Akkus (s. die Schubertsche Karte, Bl. LII), am Kleinen Utljuk existirte¹⁶. Unter sich sprachen übrigens die Bewohner von etwa 10 Höfen im Duchoborzen-Dorfe Spasskoje nur Mordwinisch und einige Weiber verstanden das Russische gar nicht.

Der Zahl nach bestand im J. 1837 die Bevölkerung des Melitopol'schen Kreises aus

40,757 Russen, wobei:		m. G.	
	Reichs-Bauern: Orthodoxe Kleinrussen mit einer Beimischung von Grossrussen	33,023	
	Ikonoborzen	Molokanen od. Malakaner	1,341
		Duchoborzen	2,240
	Herrschaftliche Bauern, Orthodoxe Russen (meist Kleinrussen)	4,062	
	Hofleute	91	
184 Mordwinen, wobei:			
	Ikonoborzen (in Spasskoje u. Jefremowka)	118	
	Orthodoxe Griechen (in Akimowka)	66	
10,192 Deutsche (zum 1. Jan. 1838), wobei:			
	Protestanten, Molotschnaer Colonisten	2080	
	Katholiken, --	2037	
	Mennoniten (zum 1. Jan. 1838), an der Molotschnaja	5521	
	Alt-Lutheraner, an der Berda	554	
16,513 Nogajer-Tataren (Muhammedaner).			

Zusammen 67,646 Individuen männl. Geschlechts, was, doppelt genommen, für den Melitopol'schen Kreis 135,292 Personen beiderlei Geschl. abgeben würde.

¹⁵ S. die Gesetz-Sammlung, Bd. XXIII, Nr. 17,401 (Ukas vom 27. October 1795).

¹⁶ Die auf dem LII. Blatte der Specialkarte des westlichen Russlands (vom G. L. Schubert) angegebenen Dörfer: Tschagaltaj, Akkus, Kassudar, Bulak, Ssarbulat, Uklüka und Burasch sind alle nicht mehr vorhanden.

Die Städte-Bewohner, die Gutsbesitzer, die Pächter, die Geistlichkeit, beurlaubte Soldaten u. s. w. sind hier nicht mit in Betracht gezogen worden. Rechnet man, in beiden Kreisen, gegen 13,000 eigentliche Städter¹⁷, so bekommt man schon dadurch für das ganze, zwischen dem untern Dnjepr und der Berda gelegene Taurische Festland, eine Gesamt-Bevölkerung von mehr denn 250,000 Individuen beiderlei Geschlechts.

Folgende Tabellarische Uebersicht gibt in dieser Beziehung einen leichtern Ueberblick.

	Bewohnermännlichen Geschl.		
	im Dnje- prowsk. Kreise.	im Meli- topolsch Kreise.	Ueberhaupt.
Russen, Orthod.: Reichs-Bauern in 37 + 18 (55) Dörfern u. zwar Klein-, Gross-u. Weiss-Russen	33,218	33,023	66,241
– – Privat-Bauern (grösstentheils Kl.-Russen)	6,946	4,062	11,172
– – Erbliche Hofleute	73	91	
– Altgl.: Jedinowjerzen, Reichs-Bauern in 1 Dorfe	1,878	–	5,459
– Bilderstürmer: Duchoborzen, Reichs-Bauern in 9 D.	–	2,240	
– – Malakaner, Reichs-Bauern in 3 Dörfern	–	1,341	
Tataren, Nogajer, in 71 Dörfern	–	16,513	25,381
– Kirghis- (oder sogenannte Budshak-) Tataren in 29 D.	8,868	–	
Deutsche Colonisten, im engsten Sine: Protestanten	–	2,080	10,192
Katholiken*	–	2,037	
Mennoniten in 43 Dörfern	–	5,521	
Separatisten (Chiliasten) in 4 Dörfern	–	554	
Mordwinen, die als Schismatiker aus dem Gouvernem. Pensa kamen (118)	–	184	184
– Orthodoxe, aus dem Gouvernem, Tambow (66)	–		
Landleute	50,983	67,646	118,629
Ausserdem: Städter, in Städten	2,020	4,576	6,614

¹⁷ Denn es befanden sich im J. 1838, den Statistischen Tabellen des Ministeriums des Innern zufolge:

	männl. Indiv.	weibl. Indiv.	Bewohner beiderlei Geschl.
In Aleschki	2020	1875	3895
In Orjehow	3022	2878	5900
In Nogajsk (wahrscheinlich mit Einschluss von Berdjansk)	1572	1355	2927
also überhaupt	6614	6108	12,722

Статистическія таблицы о состояніи городовъ Россійской Имперіи, составленныя въ Статистическомъ отделии Совѣта Министерства внутреннихъ дѣлъ. Спб. 1840. 4. Aehnlichen Tabellen für das J. 1841 zufolge, betrug die Zahl der Städtebewohner schon über 14,000.

	Bewohnermännlichen Geschl.		
	im Dnje- prowsk. Kreise.	im Meli- topolsch Kreise.	Ueberhaupt.
Summa	53,003	72,240	125,243

* Nur 6 Deutsche Colonie'n an der Molotschnaja sind ausschliesslich von Katholiken bewohnt, namentlich: Heidelberg, Blumenthal, Walldorf, Molotschna, Leitershausen und Kostheim. Ihre Einwohnerzahl beträgt 893 männl. und 802 weibl. Individuen. Ausserdem befanden sich in den übrigen 16 protestantischen Colonien, neben 4080 Protestanten beiderlei Geschlechts, noch 1144 männl. und 1003 weibl., zusammen 2147 Katho liken: so dass die Gesamtzahl aller Katholiken im damaligen Melitopol'schen Kreise 3842 Individuen beiderlei Geschlechts ausmachte.

Da der Landesvermessung nach, dieser Flächeninhalt der beiden auf dem Festlande gelegenen Kreise des Taurischen Gouvernements zusammen 3.139,333 Dessjatinen oder 30,137,7 □ Werst betragen soll, was 622,9 deutsche Meilen ausmacht, so wären hier im Durchschnitt 390 Individuen beid. Geschlechts auf die □ Meile anzunehmen¹⁸.

Diese ganze Bevölkerung bewohnte 4 Städte (Aleschki, Orjehow, Nogajsk, Berdjansk), etwa 250 Dörfer¹⁹, 70 deutsche Colonien und 693 Meiereien oder Vorwerke (хуторъ). Die letztern sind es besonders durch welche die Steppe bevölkert wurde. Zusammenge-
drängt in Dörfern mussten die Wohlhabenderen, gewöhnlich die besseren Wirthe, das

¹⁸ Die auf meinen Wunsch von der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften veranstaltete Areal-Berechnung der Gouvernements nach der Schubert'schen Special-Karte, ergab für den, nördlich von Perekop befindlichen Theil des Taurischen Gouvernements, nämlich für die gegenwärtigen drei Kreise; Aleschki, Melitopol und Berdjansk, 33,190 □ Werst, oder 686 □ Meilen, woher denn, für die Zeit, da dieses geschrieben wurde, nur 364 Bewohner auf die □ Meile zu rechnen wären, wogegen man im J. 1846 schon 7,95 Individuen auf eine □ Werst und 385 auf eine □ Meile annehmen kann.

¹⁹ Die Zahl der von Reichsbauern bewohnten Dörfer beträgt im Dnjeprrowschen Kreise 66, wobei 37 Russische und 29 Tatarische. Die grössten darunter waren im J. 1837 Werchnij Rogatschik mit 2276 und Bolschája Bjeloserka mit 2848 männl. Individuen; unter den Tatarischen Dörfern war Mustapoj, mit 1269 männl. Individuen, das grösste. Im Melitopol'schen Kreise gab es 30 russische und 71 tatarische Dörfer. Unter den Russischen waren hier folgende die grössten:

Bolshoj Tokmák mit . .	3289	männl. Indiv.
Michájlowka mit	2426	– –
Tschernigowka mit . . .	2732	– –
Popówka mit	2382	– –
Andréjewka mit	2717	männl. Indiv.
Berestowoje mit	3036	– –
Nikolajewka mit	2637	– –

Von den Tatarischen Dörfern enthielt das grösste (Baurdák) nur 421 männl. Bewohner. Diese kleineren Ansiedlungen gehören der neuern Zeit an, wo schon die Vortheile der Landwirthschaft berücksichtigt werden konnten, während bei den ältern, dem Dnjepr zunächst gelegnen Dörfern, es hauptsächlich darauf ankam sich in grössern Massen vor feindlichen Ueberfällen zu schützen.

Bedürfniss fühlen mit ihren Wirthschaften ins Freie hinauszurücken, wo ein grösserer Viehstand und die Nähe der Kornfelder ihnen die dem Landmanne so wohlthätige Be-
 haglichkeit verschafften. (S. die Beilage A).

(Beilage F zur S. 32).

*Ueber die Tiefe und den Boden der Brunnen in den
 Mennoniten-Dörfern an der Molotschnaja, im
 Melitopol'schen Kreise des Taurischen Gouvernements,
 mit Angabe der Gründungs-Jahre dieser Colonie'n.*

Namen der Colonie'n.	Jahr der Gründung.	An einem Ende des Dorfes.		In der Mitte des Dorfes.		Am andern Ende des Dorfes.	
		Wie viel Ssach.tief.	Boden der Brunnen.	Wie viel Ssach.tief.	Boden der Brunnen.	Wie viel Ssach.tief.	Boden der Brunnen.
1. Halbstadt	1804	1 $\frac{1}{3}$	Sand	1 $\frac{2}{3}$	Sand	2 $\frac{1}{3}$	Sand
2. Muntau	–	1 $\frac{2}{3}$	Sand	1 $\frac{3}{5}$	Sand	1 $\frac{3}{5}$	Sand
3. Schönau	–	2	Sand	2	Sand	2 $\frac{1}{5}$	Sand
4. Fischau	–	2 $\frac{3}{4}$	Sand	4	Sand	2	Sand
5. Lindau	–	2	Thon	1 $\frac{3}{5}$	Thon	2 $\frac{1}{3}$	Thon
6. Lichtau	–	1 $\frac{13}{15}$	Thon	1 $\frac{13}{15}$	Thon	2	Thon
7. Blumstein	–	1 $\frac{3}{5}$	Thon	1 $\frac{3}{5}$	Thon	2	Thon
8. Münsterberg	–	2 $\frac{2}{5}$	Thon	2 $\frac{4}{15}$	Sand	2 $\frac{2}{15}$	Thon
9. Altonau	–	1 $\frac{3}{5}$	Thon	2 $\frac{2}{5}$	Thon	2 $\frac{2}{5}$	Thon
10. Ladekop	1805	5 $\frac{3}{5}$	Thon	3 $\frac{2}{3}$	Sand	3 $\frac{1}{2}$	Thon
11. Schönsee	–	1 $\frac{3}{4}$	Thon	2	Thon	2	Thon
12. Petershagen	–	2	Thon	2	Thon	3	Thon
13. Tiegenhagen	–	2 $\frac{4}{15}$	Sand	1 $\frac{11}{15}$	Sand	1 $\frac{3}{15}$	Sand
14. Ohrloff	–	1 $\frac{13}{15}$	Thon	2	Sand	2 $\frac{2}{15}$	Thon
15. Tiege	–	2 $\frac{4}{15}$	Thon	2	Sand	2 $\frac{4}{15}$	Thon
16. Blumenort	–	2	Sand	2	Sand	2 $\frac{4}{15}$	Sand
17. Rosenort	–	1 $\frac{13}{15}$	Sand	2	Thon	1 $\frac{13}{15}$	Sand
18. Fürstenau	1806	3	Kies хрящъ	3	Sand	4 $\frac{1}{2}$	Thon

Namen der Colonie'n.	Jahr der Gründung.	An einem Ende des Dorfes.		In der Mitte des Dorfes.		Am andern Ende des Dorfes.	
		Wie viel Sasshtief.	Boden der Brunnen.	Wie viel Sasshtief.	Boden der Brunnen.	Wie viel Sasshtief.	Boden der Brunnen.
19. Ruckenuau	1811	3	Thon	3	Thon	2	Thon
20. Margenuau	1819	4½	Thon	5½	Thon	6	Thon
21. Lichtfelde	1819	3⅔	Thon	2⅔	Kies	3⅓	Thon
22. Neukirch	–	2⅔	Kies	3⅓	Stein	3⅔	Stein
23. Alexanderthal	1820	3 ¹³ / ₁₅	Stein	3⅔	Kies	6	Kies
24. Schardau	–	5½	Stein	3½	Stein	6½	Stein
25. Pordenau	–	3 ⁷ / ₁₅	Stein	4 ⁴ / ₁₅	Stein	4 ⁸ / ₁₅	Stein
26. Marienthal	–	5⅓	Kies	4	Stein	6 ⁴ / ₁₅	Stein
27. Rudnerweide	–	4	Thon	5⅓	Stein	4 ⁴ / ₁₅	Stein
28. Grossweide	–	3	Stein	3¾	Stein	6	Stein
29. Franzthal	–	3⅔	Thon	4	Stein	4 ⁸ / ₁₅	Stein
30. Pastwa	–	3	Thon	3	Thon	3¾	Stein
31. Fürstenwerder	1821	3½	Thon	2½	Thon	4 ² / ₃	Kies
32. Alexanderwohl	–	3 ¹ / ₁₅	Thon	6⅔	Thon	3⅓	Thon
33. Gnadenheim	–	4½	Kies	5⅓	Thon	5⅓	Sand
34. Tigerweide	1822	4 ² / ₃	Kies	4 ² / ₃	Kies	3½	Kies
35. Liebenau	1823	3	Thon	2 ² / ₁₅	Kies	3¼	Thon
36. Elisabeththal	–	2	Thon	4	Kies	4½	Thon
37. Wernersdorf	1824	3	Sand	2	Stein	4	Stein
38. Friedensdorf	–	5⅔	Kies	6 ⁴ / ₁₅	Thon	6 ⁴ / ₅	Kies
39. Prangenau	–	2	Stein	3⅔	Thon	3⅓	Stein
40. Sparau	1828	5	Stein	4½	Stein	4	Stein
41. Conteniusfeld	1832	4	Stein	3⅔	Stein	3	Stein
42. Gnadenfeld	1835	6⅔	Kies	5⅓	Stein	5⅓	Stein
43. Waldheim	1836	5⅔	Kies	3⅔	Kies	3 ¹ / ₁₅	Kies

Das Original ist unterzeichnet:

Oberschulz Regier.

Gebiets-Beisitzer Driedger.

Gebiets-Beisitzer Töws.

Gebiets-Schreiber Martens.

Ueber die Brunnen der im J. 1839 gegründeten 44 sten Mennoniten-Colonie Landskrona (am Begem-Tschukrak, in der Nähe von Friedensdorf) fehlen hier die Nachrichten.

Neueren, mir von Hrn. Corniess mitgetheilten Angaben zufolge beträgt die Tiefe der Brunnen in selbiger: An einem Ende des Dorfes 15 Arschin 9 Werschok bis 16 Ar. 5 Werschok; in der Mitte desselben 15 Ar. 4 Werschok bis 20 Ar 5 Werschok: am andern Ende aber 17 Ar. 7 Werschok bis 23 Arschin Hrn. Corniess verdanke ich viel ausführlichere, neuere Details über die Tiefe der Brunnen in allen deutschen Ansiedlungen des Melitopol'schen Kreises, die ich hier nur weglasse weil der Gegenstand ganz speciell ist. Wem daran gelegen wäre diese Nachrichten zu sehen, der kann solche in der Bibliothek der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg finden, wo ich dieselben niederlege. Nur die Mittheilung in Betreff der Brunnen des Berdjanskischen Colonisten-Bezirktes, welches mir früher fehlte, lasse ich hier noch folgen.

(Beilage G zur Seite 32).

Nachricht von den Brunnen des Berdjanskischen Colonisten-Bezirktes im - (frühern) Melitopol'schen Kreise des Taurischen Gouvernemens, zur Rechten des Berda-Flusses.

Namen der Colonien.	Nr/ der Feuer-stelle wo der Brunnen gemessen worden.	Tiefe der Brunnen selbst bis auf den Boden.					
		auf dem einen Ende.		auf d. andern Ende.		in der Mitte der Colonie.	
		Ar-schin.	Wer-schok.	Ar-schin.	Wer-schok.	Ar-schin.	Wer-schok.
1. Neuhoffnung	Nr. 1.	9	–	–	–	–	–
	Nr. 25.	–	–	–	–	13	–
	Nr. 30.	–	–	23	–	–	–
2. Rosenfeld	Nr. 1.	7	4	–	–	–	–
	Nr. 6.	–	–	–	–	14	1
	Nr. 13.	–	–	20	–	–	–
3. Neuhoffnungsthal	Nr. 1.	13	–	–	–	–	–
	Nr. 6.	–	–	–	–	13	12
	Nr. 12.	–	–	9	–	–	–
4. Neustutgart	Nr. 2.	18	–	–	–	–	–
	Nr. 7.	–	–	–	–	13	3
	Nr. 12.	–	–	11	–	–	–

Gegenwärtiger Wasserstand.						Bestandtheile des Bodens in den Brunnen.		
auf dem einen Ende.		auf d. andern Ende.		in der Mitte der Colonie.		auf dem einen Ende.	auf dem andern Ende.	in der Mitte der Colonie.
Ar-schin.	Wer-schok.	Ar-schin.	Wer-schok.	Ar-schin.	Wer-schok.			
1	8	-	-	-	-	Lehm, Stein und Sand.		
-	-	-	-	4	-			Lehm, Stein und Sand.
-	-	1	-	-	-		Lehm.	
-	6	-	-	-	-	Lehm und grauer Sand		
-	-	-	-	-	8		Lehm und Sand.	
-	-	-	13	-	-			Lehm, Sand und Stein.
-	10	-	-	-	-	Lehm und grauer Sand		
-	-	-	-	-	10		Lehm und Stein.	
-	-	-	8	-	-			Lehm und Sand.
2	-	-	-	-	-	Lehm und gelber Sand		
-	-	-	-	1	-		Lehm und grauer Sand	
-	-	2	-	-	-			Lehm und gelber Sand

In vielen Brunnen dieses Bezirks, wo die Besitzer Obacht darauf gehabt haben, hat das Wasser seit 1858 sich merklich vermehrt; auch ist in der Berda der Wasserstand jetzt höher wie früher gewöhnlich; hin und wieder im Bezirke haben sich kürzlich mehrere Quellen geöffnet.

Beitr. zur Kenntn. d. Russ. Reichs. 11 Bd. 5

Beilage H.
*Notizen über die Brunnen im Dnjeprowschen und
Melitopolschen Kreise des Taurischen Gouvernements.
Gesammelt im J. 1837.*

I.
IM DNJEPROWSCHEN KREISE.

Der Dnjeprowsche Kreis war im Jahre 1837 in 12 Landespolizeiliche Dorfverwaltungen, oder Amtmannschaften (волости), getheilt. Um doch eine gewisse Ordnung bei Aufzählung der Brunnen, von denen hier etwas gesagt werden kann, zu befolgen, werde ich solche den Amtmannschaften nach gruppiren.

- I. *Amtmannschaft Aléschki* (im Bereiche des Flug sandes am Dnjepr; Russen).
  1. Auf dem Wege von Kosatschji-Lägeri nach Aleschki, im Sande, soll das Brunnen-Wasser 2½ bis 4 Arschin unter der Oberfläche zu finden seyn.
Anm. In Kosatschji-Lageri selbst gibt es keine Brunnen; die Einwohner versichern dass das Wasser sich erst in bedeutender Tiefe vorfinde.
  2. Radénskoje, Kirchdorf. Die Brunnen sind 5 bis 6¼ Arschin tief. Die, dem Sande zunächst befindlichen, sind weniger tief als die übrigen.
  3. Auf dem Wege von Radénskoje nach Tschelburdá sind die Brunnen so wenig tief, dass das Wasser daraus mit den Händen geschöpft werden kann; es sind diess wahre Gruben (копани).
  4. Bolschije-Kopani, Kirchdorf; 1½ Ssashen bis zum Wasser.
  5. Auf dem Wege von Tschalbássy nach Burküty, etwa 6 Werst von Tschalbassy, beim Krawtschenko'schen Vorwerke (хуторъ), gleich wie in der Localität (урочище) genannt Pankowa – befanden sich Brunnen 1¾ Arschin tief.
  6. In Bolschije-Burküty befindet sich das Wasser 1 Arschin 5 bis 6 Werschok unter der Erde.
  7. Neben den auf der Oberfläche vorkommenden Gewässern (Ssági genannt) etwa 6 Werst von Burküty schöpft man das Wasser mit den Händen, da es nur ¾ bis 1 Arschin unter der Erde vorkommt.
  8. Südlich von Burküty, ausserhalb der Sand-Region, im sogenannten Ssúslikow'schen Lande (d. i. dem Lande der Zieselmäuse) soll das Wasser erst 6⅔ Ssashen unter der Erde vorkommen.
  9. In den Ssuslikowschen Kutsch ugüren (d. h. Sandhügeln) aber ist es nur 3½ Ssashen, also nur halb so tief.
  10. Im Kirchdorfe Kosstogrýsowa befindet sich gewöhnlich das Wasser etwa ein auch wohl nur ½ Arschin unter der Erde. Je grösser die Dürre, um so tiefer hat man bis

zum Wasser. Ende October 1837 befand sich das Wasser 1 bis 1½ Arschin (am See aber doch nur ½ Arschin) unter der Erde.

11. Etwa 4 Werst von Kosstogrýsowa, am Wege nach Aléschki, auf dem Vorwerke des Ssamoil Ssemikopenko, fand man Wasser in den Gruben, etwa ½ Arschin unter der Erde.

II. *mtmannschaft Golaja Pristan* (das südwestliche Ende des Kreises; Russen).

12. Auf der Kinburnschen Landzunge findet man im Sande überall, selbst in der Nähe der Salzseen, süßes Wasser, 2 bis 3 Ssashen unter der Erde.
13. In Ssofijewka, dem Gute des Hrn. Vasalles, soll das Wasser sich 4 Ssashen tief befinden.

Vergl. Путевыя замѣтки при объѣздѣ Днѣпровскаго и Мелитопольскаго уѣздов Таврической губерніи, Ивана Андреевскаго. Одесса, 1839, 8. S. 47.

III. *Amtsmannschaft Majatschki* (am östlichen Rande des Flugsandes; Russen).

14. Nowaja- (oder Bolschája-) Majátschka, Kirchdorf. Die Brunnen sind 2½ bis 3 Ssashen tief. Fast jeder Bauer hat seinen eigenen Brunnen. Das Wasser ist theils süß, theils etwas salzig; doch kann man nicht sagen dass es nach einer Seite des Dorfes so, nach der andern anders wäre, sondern salziges und süßes Wasser soll durcheinander vorkommen.

Auf der zu Majatschki gehörenden Steppe findet man erst 11 bis 12 oder 13 Ssashen tief Wasser.

15. Etwa 7 Werst von Nówaja Majátschka, am Wege nach Radénskoje, findet sich auf den Vorwerken der Bauern Trofim Iwantschenko (auch Belsa genannt) und Olentij (d. i. Leontij) Keretschenko – etwa 4 Werst von Staraja Majatschka – 2½ Ssashen tief Wasser.

Cirka 100 Schritte von diesen Vorwerken findet sich, zwischen den Sandhügeln, ein Brunnen, in dem das Wasser nur 18 Werschok unter der Erde ist; die Tiefe des Wassers selbst beträgt gegen 1½ Arschin.

16. Tschalbássy. In diesem Kirchdorfe, dessen einzelne Theile, wegen des sich ausbreitenden Flugsandes, schon ein Paar Mal verlegt wurden, sind die Brunnen $6\frac{2}{3}$ bis 9 Ssashen tief. Je näher zum Sande, um so früher kommt man auf Wasser; woher denn hier auch die Tiefe der Brunnen weniger bedeutend ist.
17. NWestlich von Tschalbassy, ungefähr 5 Werst vom Dorfe und 2½ Werst von dem nach Bolschije Kopani führenden Wege, befindet sich ein etwas über 2 Ssashen tiefer Brunnen.
18. Kalantschäk, Kirchdorf. Die Brunnen sind 2 – 4 Ssashen tief.
19. Von den Brunnen zu Dufiné, SW. von Kalantschäk, auf der Besetzung des Herzogs von Anhalt-Köthen, ist weiter unten (S. 85) die Rede.

20. Tschäplynka, Kirchdorf Neben der Post-Station, am Ende des Dorfes, war der Brunnen 10 Ssashen tief.
21. Tschörnaja- Dolina. Bei der Station ist der Brunnen 15 Ssashen tief.
- 22 – 25. Ascanianova (früher Gross Tschaply).

Neben dem Hause des Verwalters Bei der Post-Station, genannt Anhalt-Köthen	} 9. Ssashen tief. (S. unten S. 84 f.)
Neben der Schenke, an der Tschumäken-Strasse	

Bei den Schäfereien auf der Steppe 14 und 15 Ssashen tief.

Je weiter vom Thale Tschaply nach Osten hin, um so tiefer sind die Brunnen.

Anm. Das Ascanianova'sche (dem Herzoge von Anhalt-Köthen gehörende) Gebiet bildet ein regelmässiges längliches Viereck von 37 Werst Länge und 11 Werst Breite.

IV. *Amtmannschaft Kairy* (Russen).

26. Sápadnyje Kairy, Kirchdorf. Der 18 Werst von hier, am Wege nach Agajmán befindliche, 27 Ssashen tiefe Brunnen, ist schon oben (S. 6) besprochen worden.
In der das Dorf umgebenden Schlucht Kairka befinden sich noch folgende Brunnen:
27. Etwa 7 Werst östlich vom Dorfe – keine volle 6 Ssasehn tief.
28. Gegen 6 Werst südlich vom Dorfe – $3\frac{1}{3}$ Ssashen tief.
29. Circa 5 Werst WSW. vom Dorfe – wenigstens $2\frac{1}{2}$ Ssashen tief.
Hier holen die im Felde arbeitenden Bauern ihr Trinkwasser her.

V. *Amtmannschaft Lepaticha* (Russen).

30. Bolschája-Lepatícha. Es befinden sich einige Brunnen am Dnjepr, die im Frühjahr vom austretenden Wasser überdeckt werden. Im Sommer sind sie circa 2 Ssashen tief.

VI. *Amtmannschaft Rogatschik* (Russen).

31. Wérch nij- Rogatschik. Das gegen 8 Werst lange, an der Schlucht Rogatschik gelegene Kirchdorf, hat Brunnen von verschiedener Tiefe. Im untern Theile sind solche nur 2, im obern 6 und 7 Ssashen tief. Die obere 1 bis 2 Ssashen dicke Schicht besteht aus Humus; dann folgt ein 2–3 Ssashen starkes Lager von rothem Thon, der zum Schmieren der Häuser gebraucht wird. Nur hier und da trifft man Steinstücke in diesem Thone an. Der Sand, auf welchem er ruht, bietet Wasser dar in einer Tiefe von 1 – $1\frac{1}{2}$ Ssashen. Ein Brunnen von etwa 7 Ssashen Tiefe kann 25 Rbl. Silber, einer von 3 Ssashen 10 Rbl. Silber zu stehn kommen.
32. Rúbanowka, Kirchdorf. Von den hiesigen Brunnen ist schon oben (S. 29) die Rede gewesen.

VII. *Amtmannschaft Sjerogósy* (Russen).

33. Wérch nije- (oder Málye-) Sjerogósy. Die Brunnen dieses Kirchdorfs sind 4 – 18 Ssashen tief; die am wenigsten tiefen, welche jedoch nicht immer Wasser enthalten, befinden sich in der Schlucht.
34. Mit den Brunnen soll es sich hier eben so verhalten wie in Wérchnije-Sjerogósy.
35. Iwänowka. Von den hiesigen Brunnen ist oben, S. 29 f., gehandelt worden.
In der zu diesem Dorfe gehörenden Schlucht (Балка) Kan-Jelga (oder Kan-Dshilga, d. i. Blut-Schlucht) soll das Schneewasser sich lange erhalten.
36. Litwinowka²⁰ oder Nowo-Alexandrowka. Die Schlucht, Kaïsch-Kapkán, an der das Dorf liegt, ist mit Wasser gefüllt; sie beginnt etwa eine Werst über dem Dorfe. Im Winter gefriert das Wasser vollständig und man bedient sich dann des Eises, welches man thauen lässt. – Längs der Schlucht werden Gruben gemacht (копаньки), die sich mit Wasser füllen, welches dann gebraucht wird. Ein. Bulgar hatte hier (etwa ums J. 1827) einen Brunnen graben lassen, der nun aber nicht mehr existirt. Die Arbeit wurde einen ganzen Winter hindurch fortgesetzt. In einer Tiefe von ungefähr 6 Ssashen²¹ kam man auf porösen Kalkstein; darauf folgte, ebenfalls 6 Ssashen tief, dichter Kalkstein, der mit Eisenstangen gebrochen wurde; nun kam ein eben so dickes Thonlager, welches bald mit rothem Sande (червонный песокъ) untermischt war. Endlich kam weisser Sand, in dem man Wasser fand. Die ganze Tiefe des Brunnens, betrug 22 Ssashen. Nachdem solcher gegen 3 Jahre benutzt worden war, fiel es den Bauern ein den Damm in der Schlucht zu erhöhen, um mehr Wasser aufzustauen. Diess gelang ihnen in solchem Maasse, dass das Wasser sich bis über die Vertiefung, in welcher der Brunnen war, aus breitete und so über diesem Brunnen ein stehendes Wasser (einen Teich) bildete. – Im Sommer 1833 war der Wassermangel so gross, dass die Bauern das Wasser in Fässern aus Wérchnije-Sjerogósy (4 – 5 Werst), ja selbst aus Rúbanowka (20 Werst weit) herholten. Da zogen einige von ihnen auf die, circa 6 Werst westlich vom Dorfe befindliche, fast runde und etwa 150 Ssashen im Durchmesser habende Niederung, Lewenzow Pod genannt, wo sie 8 Brunnen gruben, aus denen kaum 30 Stück grosses Vieh und 100 Schafe getränkt werden konnten. Einer davon, der mit Holz umlegt war, existirte noch im Jahre 1837; die übrigen waren alle verschüttet. Die Lewenzow'sche Niederung steht in manchen Jahren, zur Frühlingszeit, ganz unter Wasser, welches sich jedoch kaum

²⁰ Bekanntlich werden im Tschernigow'schen Gouvernement die Weissrussischen Bauern Litwa (Litauer) genannt. Herr Nadeshdin nennt sie, im 95-sten Bande der Wiener Jahrbücher der Literatur, Baltische Russen. Solche waren es, die sich, gegen 350 männl. Individuen an der Zahl, etwa um's J 1821 hier niederliessen. Daher denn auch der Name. Späterlin haben sich Kleinrussen (Pontische Russen nach Nadeshdin) und 20 männl. Individuen Grossrussen (aus dem Kurskischen Gouvernement) zu ihnen gesclt.

²¹ Ob hier die Bauer-Ssashen (маховая сажень) von etwa 2½ Arschin Länge, oder die gesetzmässige Ssashen von 3 Arschin ge meint sey, diess kann ich jetzt nicht mit Gewissheit angehen.

einen Monat lang erhält. Von zwei andern, zu diesem Dorfe gehörenden Niederungen, steht auf der einen (Bolschöj Prognój) das Wasser, einen nicht grossen Theil desselben bedeckend, nur 3 Wochen lang; dagegen aber auf der andern (Máloj Prognój), welche tiefer ist, in der Regel 4 und 6 Monate lang, so dass man auch wohl bis zu den Knien im Wasser stehend Heu mähet.

37. Auf dem Pachtlande der Krone (einst № 104) Kaïsch-Kapkán, beträgt die Tiefe der Brunnen $18\frac{1}{3}$ Ssashen.
38. Wesséloje, am Thale Jus-Kujú (Tatar.; Hundert Brunnen). Im J. 1824 war hier grosser Wassermangel, doch seit jener Zeit, selbst in den dürren Jahren 1833 und 1834 hat es nie an Wasser gefehlt. Jeder Wirth hat seinen Brunnen, auch wohl 2 und 3 derselben, und aus einem solchen Brunnen lassen sich auf einmal 20 Rinder und 50 Schafe tränken. Auf der zu diesem Kirch dorfe gehörenden, sehr flachen Niederung (Tschérnyj Pod), welche gegen 10 Werst lang und 3 Werst breit ist, sollen die Brunnen 20 (also wohl 17 gesetzliche) Ssashen tief seyn. Auf zwei andern Niederungen, wo das Wasser im Thone vorkommt, erscheint es in einer Tiefe von $4\frac{1}{2}$ bis 7 Ssashen.

VIII. *Amtmannschaft Bjelosérka* (Russen).

39. Bolschája Bjelosérka. Dieses von Kleinrussen aus dem Gouvernement Poltawa im J. 1803 angelegte, gegen 12 Werst lange und nur $\frac{1}{2}$ bis $1\frac{1}{2}$ Werst breite Kirchdorf, mit ungefähr 5700 Einwohner beiderlei Geschlechts, hat kein fliessendes Wasser. Fast jeder Wirth besitzt einen Brunnen von 1 – 7 Ssashen Tiefe. In dem höher gelegenen Theile des Dorfes ist die obere Humus – Schicht 1 Arschin stark; darauf folgt rother Thon (рудая глина), mit kartoffelgrossen Steinstücken; Schichtwasser (слоевая вода) zeigt sich 5 oder 6 Ssashen unter der Oberfläche. Auf den Höhen ist das Wasser gut. An niedern Stellen aber findet man auch salziges und bitteres Wasser, welches zuweilen so schlecht ist, dass die damit gekochte Grütze nur heiss genossen werden kann.
40. Málaja- (oder Wérchnjaja-) Bjelosérka. Die Brunnen sind 3 – 5 Ssashen tief.

IX. *Amtmannschaft Wodjánskoje* (die nördlichste des Kreises; Russen).

41. Wodjanskoje. Die Bewohner dieses Kirchdorfs brauchen das Wasser der Könka (so heisst ein in den Dnjepr fallendes Flüsschen). Doch befinden sich im Dorfe auch 4 gute Brunnen, die 5 Ssashen tief sind.
42. Bolschája Snámenka, Kirchdorf. Die Brunnen sind 5, in einer kleinen Schlucht (Балочка) aber nur 4 Ssashen tief.
43. Málaja Snámenka (von dem gemeinen Manne Kámenka genannt), Kirchdorf. Die dem Flusse zunächst wohnenden bedienen sich des Flusswassers; die übrigen,

etwa die Hälfte der über 1800 Individuen betragenden Bewohner, haben Brunnen, 7 auch wohl nur 5 und weniger Ssashen tief; je näher dem Flusse um so eher kommt man beim Graben zu Wasser.

44. Dnjeprówka (auch Pódowka genannt). Der zweite Name deutet auf die Niederung in welcher dieses Kirchdorf liegt. Es gibt hier süßes, bitteres und salziges Wasser in den Brunnen, von denen die meisten 2 – 4 Ssashen tief sind. An den tiefer gelegenen Stellen, wo man nur 1 Ssashen zu graben braucht, um einen Brunnen zu haben, ist der ganze Boden salzhaltig (солонецъ) und das Wasser so bitter, dass es gar nicht zu brauchen ist. An höher gelegenen Stellen hat man ½ bis zu einer ganzen Arschin Humus, worauf Thon folgt, der auf dem wasserhaltigen Sande ruht.

X. *Amtmannschaft Airtschá* (Tataren).

(Diese wie die beiden folgenden Amtmannschaften, sind von Tataren bewohnt).

45. Airtschá, Dorf²². Die Brunnen, deren man halb so viel als Wirthe rechnen kann, sind 3 bis 4 Ssashen tief. Das Wasser soll nicht vollkommen süß (d. i. rein) seyn.

XI. *Amtmannschaft Karakujú* (d. i. Schwarzbrunn; Tataren).

46. Karakujü, Dorf. Die Brunnen sind 4 – 5 Ssashen tief. Das Wasser soll, wie in Airtschá, nicht das beste seyn.
47. Auf dem Pachtlande der Krone (sonst N° 107) in dem Thale Kajanlý, unweit von Ssarybulát, hat man bis zum Wasser 16 Ssashen.

XII. *Amtmannschaft Elnisagátsch* (oder Jangýs-Agátsch). Tataren.

In dieser Amtmannschaft habe ich, durch Dienst Geschäfte verhindert, die Brunnen-Verhältnisse unberücksichtigt lassen müssen.

IM MELITOPOL'SCHEN KREISE.

I. *Amtmannschaft Timoschówka* (Russen).

48. Timoschówka, Kirchdorf, welches am Rande der Niederung (подъ) Majtagán (auch Tarssalák genannt) liegt, hat viele Brunnen, die 4 bis 9 Ssashen tief sind.
49. Nowo-Alexándrowka (auch Kysyjár genannt), Kirchdorf²³.) Bis zum Sande, in dem das Wasser vorkommt, soll man 6 Ssashen graben müssen.
50. Auf dem (vom Odessaer Kaufmann Filibert gepachteten und von ihm bewohnten) Lande der Krone (früher N° 12), sollen sich 5 Brunnen von 13 Ssashen Tiefe befunden haben.

²² Ich sage nicht Kirchdorf, da diese Tataren-Dörfer alle ihre Bethäuser haben.

²³ Gegenwärtig, seit dem 7ten Januar 1842, Kreisstadt Namens Melitopol.

51. Auf dem Pachtlande der Krone Tenték Jilgá (früher № 28) soll ein 5 Ssashen tiefer Brunnen vorhanden seyn.
- II. *Amtmannschaft Terpjénije*. Zur Rechten der Moloschnaja, (Russen: damals Duchoborzen).
52. Terpjénije. Man bedient sich vorzugsweise des Brunnen-Wassers, welches sowohl in dem untern, als in dem obern Theile des Dorfes öfters bitter ist. Die Brunnen dieses Dorfes sind 2 bis 5 Ssashen tief. Ein Wirth liess auf seinem Hofe etwa 10 Brunnen graben, die alle $1\frac{1}{2}$ Ssashen unter der Oberfläche, bitteres Wasser enthielten. Das Vieh wird wohl damit getränkt, die Menschen aber nehmen ihr Trinkwasser anderswo her.
53. Bogdánowka, Dorf. Das Wasser ist überhaupt schlecht, salz- und wie es scheint auch schlammhaltig. Die Brunnen sind tief.
54. Jefrémowka, Dorf. Fast in jedem Hofe befindet sich ein Brunnen von 3 Ssashen Tiefe.
55. Gorjéloje, Dorf. Jeder Wirth hat seinen Brunnen von $3\frac{1}{2}$ Ssashen Tiefe.
- III. *Amtmannschaft Michájlowka* (im nordwestlichen Theile des Kreises; Russen).
56. Michajlowka, Kirchdorf. Längs der Schlucht findet man in jedem Hofe einen Brunnen; auf der Höhe gibt es Brunnen von 3 bis 4 Ssashen Tiefe (bei niedrigem Wasserstande); doch ist ihr Wasser nicht trinkbar; selbst das Vieh bekommt darnach Durchfall und zum Begiessen der Pflanzen taugt es auch nicht; der Boden wird weiss und Kohl und Bäume gehen aus. Nur zum Waschen der Wäsche kann es gebraucht werden. In den untern Brunnen sinkt das Wasser sowohl bei starken Frösten als auch zur heissen Jahreszeit.
- IV. *Amtmannschaft Orjéchow* (Russen).
57. Orjéchow, Kreisstadt²⁴. Brunnen findet man fast in jedem Hofe; die Tiefe derselben ist verschieden, sie wechselt $1\frac{1}{2}$ his 7 Ssashen.
- V. *Amtmannschaft Bolschoj Tokmák* (Russen).
58. Bolschöj Tokmák, Kirchdorf. Jeder Hof hat seinen Brunnen; an den niedriger gelegenen Stellen sind diese Brunnen $1\frac{2}{3}$ bis über 2 Ssashen, auf der Höhe auch wohl gegen 6 Ssashen tief. Das Wasser ist grösstentheils gut; hin und wieder aber auch – selbst bei den tiefen Brunnen – salzig. Nach einer, etwas über ein Arschin starken, Humus-Schicht, folgt rother Thon. Das Wasser findet man nicht bloss im Sande, sondern auch in Steinen (diess wird das Granitlager seyn, welches sich von der Bérda zu den Karpathen hinzieht, und welches die Wasserschwellen des Dnjeprs bildet).

²⁴ Gegenwärtig eine ausser-etatsmässige, d. i. kreislose Stadt.

VI. *Amtmannschaft Tschernigowka* (Russen).

59. Tschernigowka, Kirchdorf. Nicht jeder Wirth hat seinen eigenen Brunnen. Die grösste Tiefe ist 7, sonst aber auch wohl 2 Ssashen und noch weniger, namentlich am Flüsschen. Auf der Höhe ist das Thonlager etwa 2½ Ssashen stark; unter demselben befindet sich grauer Sand, worauf Stein (Feldspath) folgt, unter dem erst das Wasser vorkommt. Nicht weit von diesem Dorfe, in NNO. Richtung, befindet sich die berühmte Tokmák-Mohíla, die, gleich andern in dieser Gegend, z. B. der Korssák-Mohíla, fälschlich Tumulus genannt wird, da es natürliche Felsenerhöhungen sind. Die Tokmák-Mohíla ist eine der grössten Höhen in dieser Region, wie solches schon die in ihrer Nähe entspringenden wässer zeigen.

VII. *Amtmannschaft Popówka*. (Russen).

60. Popówka, an der obern Bérda und den Schluchten (балки) Wodjanaja und Manshelijewa, in denen, gleich wie in der Berda, das Wasser verschwindet. Das sich gegen 10 Werst in die Länge ziehende Kirchdorf besitzt Brunnen die 1 bis 7 Ssashen tief sind, und von denen die Hälfte eine Zeit lang im Jahre wasserleer ist. Stein kommt in der Tiefe keiner mehr vor.

VIII. *Amtmannschaft Beresstowoje* (Russen).

61. Beresstowoje, Kirchdorf. Die Brunnen sind bis 8 Ssashen tief. Stellweise folgt, auf Humus und Thon, 2 Ssashen unter der Oberfläche, ein hartes bröckliges Gestein – wie in Tschernigowka. Ein hiesiger Bauer wollte sich durch diesen Stein durcharbeiten, um auf Wasser zu kommen; doch hat er 10 Ssashen davon unnütz durchbrochen, ohne sein Ziel zu erreichen. Der Stein wurde mit dem Beile und einem Haken (клевакъ) gebrochen.

IX. *Amtmannschaft Nówo-Wassiljewka*. (Russen; damals Malakanen).

62. Nówo-Wassiljewka, an der Schlucht Apany. Die Brunnen sind 3 – 6 Ssashen tief; das Wasser kommt theils im Lehmboden, theils im Sande vor.

63. Nówo-Spásskoje (auch Nówo-Spássowka genannt), an der Schlucht Kokssurgan. Die Einwohner dieses Dorfes sagten in einer mir am 19. December 1837 überreichten Bittschrift folgendes: In unserm Dorfe muss man, um auf Wasser zu kommen, 4 bis 12 Ssashen tief gehn; Erde hat man nur 2 Ssashen, darunter aber folgt so harter Stein, dass er mit gestählten Werkzeugen gebrochen werden muss. Solch ein Brunnen kommt 125 Rubel Silber zu stehen. Bei trockenem Sommer mangelt es am Wasser²⁵.

²⁵ Im Januar 1842 zeigten mir die Bewohner dieses Dorfes an, dass sie, zum Theil wegen Mangel an Wasser, die Regierung ersuchten sie nach Trans-Kaukasien, in das Kaspische Gebiet zu versetzen, wo, bei Lenkoran, ihre Glaubensgenossen schon festen Fuss gefasst hatten.
Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reichs. 11 Bd.

64. Pachtland der Krone Apanlý, circa 7 Werst von Nówo-Wassíljewka beginnend und bis zu den Mennoniten-Ländereien reichend. Von zwei auf diesem Lande gegrabenen Brunnen ist der eine, am Anfang der Schlucht Apanlý, 12 Ssashen tief; der andere, in der Schlucht Metreslé, – 12 Werst von Nowo - Wassiljewka (nach Nowo-Spasskoje hin) – ist 17 Ssashen tief; von diesen 17 Ssashen sind 6 durch Stein gebrochen.

X. *Amtmannschaft Jedinóchta.* (Nogajer).

65. Erstes Jedin óchta, Dorf am linken Ufer der Molóschnaja. Nur die vom Flusse entfernten Wirthe haben Brunnen von 5 bis 10 Arschin Tiefe.

66. Pachtland der Krone in der Localität (урочище) Asis-Utlük (sonst № 29). Die Brunnen sollen 4 Ssashen tief seyn.

XI. *Amtmannschaft Schujút-Dshurét.* (Nogajer).

67. Schujüt-Dshurét (oder Ak-kujú, d. i. Weiss brunnen). Im Dorfe befinden sich etwa 60 Brunnen – 3 bis 6 Ssashen tief.

68. Ak-kermén. Jeder Wirth hat in diesem tatarischen, auf deutsche Weise erbautem Dorfe, seinen eignen Brunnen, 3 – 5 Ssashen tief. Das Wasser ist durchgängig gut. Die obere schwarze Schicht (tat. Kará baltschik) ist 1 bis 1½ Arschin stark; darunter folgt zuerst Thonerde, dann Sand (kein Stein).

XII. *Amtmannschaft Alschin.* (Nogajer).

69. Alschin, Dorf an der Schlucht Apanlý; eine Werst weit vom Flusse Korssák. Unten sind die Brunnen ein Ssashen, in der Steppe 5 Ssashen tief.

XIII. *Amtmannschaft Ulkón Besskeklý.*

70. Ulkón Besskeklý, Dorf an der Schlucht Berdakaj (tat. Berdakaj–Aschisí). 16 Brunnen circa 4 Ssashen tief.

71. Kitschkiné-Besskeklý, Dorf. Brunnen 3 Ssashen tief.

72. Asslakshi, Dorf. Brunnen 3 Ssashen tief.

XIV. *Amtmannschaft Tohalý.*

73. Tohalý. Die Bewohner dieses Dorfes holen das nöthige Wasser aus dem Flusse Asché, welcher weiter unten Tschetasché (nicht Tschetaschil) heisst.

XV. *Amtmannschaft Ajtamgalý.*

74. Ajtamgalý. (Die deutschen Colonisten nennen es Kará-Mursá). Das Dorf hat einen Brunnen 2½ Ssashen tief und zwei Quellen.

75. Alteúl, Dorf. 3 Brunnen, 4 Ssashen tief (kein Stein).
 76. Kojassy Oglú, Dorf. 7 Brunnen 3 – 4 Ssashen tief.
 77. Kondshegalí (verkürzt: Kanscheli), Dorf. 6 Brunnen 6 Ssashen tief.
 78. Bodrák, Dorf. 9 Brunnen 6 Ssashen tief.
 79. Schanscheklý, Dorf. 9 Brunnen 5 Ssashen tief
 80. Schawshelí, Dorf. 11 Brunnen 6 Ssashen tief.
 81. Jugary Tamgalý, Dorf. 10 Brunnen 4 Ssashen tief.
 82. Kotúr Oglú, Dorf. 2 Brunnen, von denen der eine 1½, der andere 4 Ssashen tief ist.
 83. Bei der Stadt Berdjánsk, an der See, dicht neben dem Salzsee, befindet sich ein Brunnen mit süßem Wasser, der nur 1 Arschin tief ist.
 S. Ив. Андреевскаго Путевыя замѣтки при объѣздѣ Днѣпровскаго и Мелитопольскаго уѣздовъ, въ 1835 году. Одесса, 1839 8, S. 105.

XVI. *Die Berdjánskischen deutschen Colonie'n* (der Alt-Lutheraner).

84. Neuhoffnung, am rechten Ufer der Bérida (gegründet im Jahre 1822). Hier und da muss man, wie ich sagen hörte, sich durch eine 10 Fuss tiefe Schicht von Sand, mit Steinen untermischt, durcharbeiten. Einige Brunnen geben bitteres Wasser; doch die Hälfte derselben ist gut.

Ueber die Tiefe der Brunnen in den Berdjanskischen Colonie'n habe ich selbst keine genauen Nachrichten mitgebracht; doch verweise ich hier auf die, oben S. 64 und 65, befindliche Tabellarische Uebersicht. Noch glaube ich hier sagen zu müssen, dass auf der hohen Steppe, welche zu der im J. 1830 gegründeten Colonie Neustuttgart gehört, die obere Humus-Schicht 4 Fuss, also über ½ Sshashen, stark seyn soll. Die Bewohner von Neuhoffnung sagten, in Beziehung auf ihr Land, dass die Schicht schwarzen Bodens auf der Steppe 1, auch wohl 2, 3 und 4 Fuss stark sey; in welliger Gegend aber, namentlich auf Höhen, auch wohl nur ½ Fuss.

XVII. *Das Gebiet der Molotschna'er Colonisten.* (Deutschc).

- 85 – 107. Ueber die Tiefe der Brunnen dieser 22 Colonie'n gibt die Beilage H Aufschluss.

XVII. *Gebiet der Molotschna'er Mennoniten.* (Deutsche).

- 108 – 151. Ueber die Brunnen von 3 Mennoniten-Colonie'n findet man die mir mitgetheilten Nachrichten in der Beilage I.

Zum Schlusse dieser Notizen kann ich, auf Grundlage einer mir in März 1842 von Herrn Amtsrath Teetzmann gemachten Mittheilung, noch Folgendes über die Brunnen der Herzoglich Anhalt-Köthenschen Ländereien im Dnjeprowschen Kreise, hinzufügen. Ihre Zahl beläuft sich, zu Askanianova und Duchfiné, überhaupt auf 39. Auf Askanianova befinden sich namentlich 19 solcher, die 70 bis 110 Fuss tief sind, deren Quell im Sande steht, und die gleich bei ihrer Ausgrabung nicht mehr als 2 Fuss hoch Wasser ansammelten. Jeder Versuch ihre Wasserbehälter im Sande tiefer zu machen, war bei ihrer Ausgrabung fruchtlos; mit dem zuströmenden Wasser strömte auch Sand zu, und diese Brunnen müssen oft des Sandüberflusses entledigt werden: ganz eben so ist es noch heute. Auch diejenigen unserer Brunnen, deren Quellen im Thon stehen, und die von Anfang an viel wasserreicher waren – sie sammelten bis 21 Fuss Wasser an – sind ganz unverändert geblieben. In Duchfiné hat das Wasser in den Brunnen die Höhe des Meeres.

Zugleich mit diesen Nachrichten erhielt ich von Herrn Teetzmann eine Schrift «Ueber die südrussischen Steppen und über die darin im Taurischen Gouvernement belegenen Besitzungen des Herzogs von Anhalt-Köthen», welche ich der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften vorlegte und die ich hier dieser Abhandlung folgen lasse.

II. Ueber

die Südrussischen Steppen und über die darin im Taurischen Gouvernement belegenen Besitzungen des Herzogs von Anhalt-Köthen.

Von
Franz Teetzmann.

(Geschrieben im Januar 1842.)

Von keiner Gegend Europas gibt es vielleicht weniger und unzuverlässigere landwirtschaftliche Beurtheilungen als von den Südrussischen Steppen. Neuere Beschreiber geben sich viele Mühe, alle Steppen so darzustellen, als könnten sie mit den fruchtbarsten Ländern Europas wetteifern, wenn es nur beim rechten Ende angefangen würde, und sie führen vereinzelte Details an, aus denen sie die Bestätigung dieser Behauptung nachweisen wollen.

Dass der ungeheure Flächenraum der Steppen verschiedene Bodenmischung und verschiedenes Klima haben könne, und dass auch noch andere Umstände einzelne Theile bald geeigneter, bald ungeeigneter zur Cultur machen, davon schweigen sie; Zufälligkeiten und Ausnahmen werden von ihnen als Beispiele für das Ganze aufgeführt.

Wer mit landwirthschaftlichen Dingen vertraut ist, den können, bei weiterer Ueberlegung und auf die Dauer, Beschreibungen, die die Unwahrheit dick auf tragen, nicht wohl täuschen; das Unmögliche ist zu erkennen.

In so fern solche Beschreibungen von Reisenden herrühren, so behaupte ich, dass es dem Reisenden unmöglich sey, über landwirthschaftliche Gegenstände gründlich und richtig zu urtheilen, wenn ihm nicht dazu vorher gesammelte untrügliche Data zu Hilfe kommen, und wenigstens auf solche Gegenstände aufmerksam machen, die dem zu durchreisenden Lande eigenthümlich sind. Wer aus fruchtbaren, angebauten Gegenden zum ersten Male nach den Steppen kommt, dessen Urtheil, dessen Augenmaass, so sicher beides sonst seyn mag, wird auf diesen ungeheuren, gränzenlosen Ebenen trüglich. Es ist durchaus nothwendig, dass ein Reisender, um sicher über die Steppen zu urtheilen, den Worten solcher Personen Aufmerksamkeit schenkt, die länger in den Steppen lebten; dass er selbst in verschiedenen Jahreszeiten und auf verschiedenen Stellen prüft, ob das Gehörte mit seiner Ansicht übereinstimmen kann.

Die Eigenschaften der Steppen werden erst verständlich, wenn man alle bekannten Umstände mit einem Male überblicken kann. Solche genaue Uebersicht aber kann man nur von bestimmten und scharf begrenzten, nicht zu ausgedehnten Flächen erlangen; denn Punkte, die kaum 100 Werst in gerader Linie von einander entfernt sind, zeigen schon auffallende Verschiedenheit in klimatischer Hinsicht. Tellurische Unterschiede gewahrt man dicht neben einander, nicht selten ohne jede Abstufung. So wie man auf allgemeine Beschreibung sich einlässt, ist Undeutlichkeit unvermeidlich. Vor blossen mündlichen Erkundigungen aber, wenn eigene, nähere Untersuchung nicht damit verbunden ist, kann man Reisende nicht genug warnen; denn die Sucht hiesiger grösserer Landwirthe, zu renommiren, ist überaus gross. Die Verbergung der Wahrheit gehört zu ihrer Politik. Projecte machen, ist in ganz Russland überall zu Hause; gar viele Gutsbesitzer verzehrten mehr als sie sollten, und schlugen das Deficit auf den bessern Anbau ihres Landes, der demnächst erfunden werden soll. Dass dem besseren Anbau aber von der Natur doch zuletzt eine Gränze gesteckt ist, daran will man, obgleich man es recht gut einsieht, wenigstens ahnet, nicht erinnert werden.

Die landwirthschaftlichen Erfahrungen des Auslandes können und hier nur dann und wann dienen; sie sind unzureichend für dieses Land. Die landwirthschaftlichen Einrichtungen anderer Länder, Englands, Belgiens, Deutschlands, so vortrefflich sie an ihrem Orte sind, würde, hieher zu übertragen, grösstentheils ganz unnütz seyn.

Noch hat Niemand ein wirklich haltbares System der Bewirthschaftung der Steppen aufgestellt. Augenblickliche Veranlassungen behaupten bei Steppenwirthen gewöhnlich

das Uebergewicht über bebrütete Pläne. Die Fläche ist so reichlich gegeben, so wohlfeil zu kaufen, und einmalige Beackerung derselben kostet nicht selten schon das Doppelte ihres Kaufpreises.

Dabei ist überall das Betriebs-Capital der Steppenwirthschaften, im Verhältniss zur bewirtschafteten Fläche, sehr gering; man findet immer noch, dass Handelsspeculationen das ohnehin spärliche Capital besser verzinsen, als wenn man dieselbe Capital zu einer fleissigern Bearbeitung des Bodens verwendete. Diese Thatsache fällt in grossen Wirthschaften viel greller in die Augen, als bei kleineren, deren Führer selbst Hand anlegt. Hier treibt jeder bessere Landwirth, von oben herab bis zum Bauer, Handel. Ich kenne hier Niemanden, der durch Landwirtschaft reich ward, aber Hunderte kenne ich, die wohlhabend wurden, weil sie Landwirtschaft mit Handel verbanden, und je nach den Umständen, bald das Eine, bald das Andere hervorhoben und einen schnellen Umschwung mit Klugheit leiteten.

Ob überhaupt durchgängig eine rationelle Bewirtschaftung der Steppen so bald möglich seyn wird, ist erlaubt zu bezweifeln; ihr müssen noch vielfache Erfahrungen voran gehen, denn das, was man jetzt für Erfahrungen ausgiebt, ist noch zu oft mit Täuschungen vermengt; wenigstens werden widersprechende Erfahrungen noch zu häufig gemacht. Landwirtschaft verlangt, dass Klima und Boden ihre Absichten fördern, aber in den Steppen versagen beide diesen Anforderungen häufig, und von den Steppenwirthen kann sich schwerlich einer mit Recht rühmen, dass er sein Grundstück beherrsche; immer und immer sieht er sich von den Elementen verhöhnt und zurückgeschlagen, muss ihnen demüthig die Obergewalt einräumen, und nicht seiner Kunst und Wissenschaft verdankt er zuweilen eintreffende reiche Ernten, sondern der Laune der Elemente.

Zu den nachtheiligen Einflüssen auf Steppenwirthschaft gehört auch die geringe Bevölkerung und die daher entspringende Theuerung der Arbeit, die mit dem Preise der Producte oft nicht im Verhältniss steht. Die Steppen sind im Allgemeinen im Stande, viel mehr Brot zu erzeugen, und auch viel mehr Vieh zu ernähren, als gegenwärtig der Fall ist. Menschen und Vieh sind in den Steppen überaus dünne gesäet; ihre Zahl ist gegen den Flächenraum, im Vergleich zu andern Ländern, im ärgsten Missverhältniss, und doch ist Hungersnoth nicht selten, so dass Menschen und Vieh sich dann noch mehr zerstreuen müssen.

	Menschen beiderlei Geschlechts
Im Königreich Sachsen leben auf der □ Meile	6300
» Fürstenthum Lüneburg	1500
» Gouvernement Kursk	1900
» Gouvernement Taurien	250

» Dnjeprowschen Kreise	130
in den Mennoniten-Colonien	760*

* Diese Angaben, über die Dichtigkeit der Bevölkerung in den hier genannten Theilen Russlands, sind für das Jahr 1846 so zu stellen: im Gouvernement Kursk 2052; im Gouvernement Taurien 492; im Dnjeprowschen, Melitopol'schen und Berdjanskischen Kreise zusammengenommen, durchschnittlich 385; in den Mennoniten - Colonie'n circa 500.

Diese letztgenannten Colonie'n haben den fruchtbarsten Bezirk der Taurischen Steppen inne, haben ein Terrain, das über dem Wasserspiegel höchstens drei Ssashen erhaben liegt, haben durchlassenden Boden und günstige Bodenmischung, besitzen Fluss, Bäche und Teiche, die sonst in den Taurischen Steppen, ausser nahe am Gebirge, nirgends mehr vorkommen; und doch haben wir erlebt, dass ihre Bewohner in den Jahren 1832 und 1833 zum Theil auswandern und mit ihren Herden das Weite suchen mussten, und dass ein Theil ihrer Herden seitdem die Heimath gar nicht wieder zu sehen bekommen hat, sondern fortwährend auf erpachtetem Lande lebt. Die Bevölkerung dieser Colonie'n mag noch zunehmen können; und wer wollte im Stande seyn zu beweisen, dass nur eine bestimmte Zahl von Geschöpfen auf einer gegebenen Fläche leben könnten? Aber wenn schon dem menschlichen Erfindungs-Geiste keine Gränze vorgezeichnet ist, also Vergrößerung des Producten-Ertrags noch in jeder Zeit möglich seyn kann, so geht es doch damit nicht so schnell in Gegenden, die, wie die Mennoniten-Colonie'n, schon so weit in der Cultur vorgeschritten sind. Ein Jahrhundert mag einen wirklichen Unterschied bemerkbar machen, aber nicht schon die Spanne Zeit eines Menschenlebens.

Die Mennoniten beherrschen, als fleissige, umsichtige Speculanten aller Art, ihre Umgegend, und das hält sie aufrecht; behaupten zu wollen, sie lebten nur vom Natural-Ertrage der ihnen verliehenen 65 Dissätinen Land per Familie, wäre eben so unwahr, als dass Bewohner grosser Städte vom Natural-Ertrage ihres Stadtgebietes sich ernährten.

Mit den Kenntnissen, die man bis heute vom Ackerbau und von der gesammten Landwirtschaft hat, – in sofern sie geeignet sind, auf der Mennoniten-Colonie in Anwendung zu kommen, – wird die Bevölkerung derselben, wenn sie auf der jetzt benutzten Fläche nur noch um ein Geringes wächst, schon in Noth gerathen; ja der Nothzustand ist eigentlich schon vorhanden, und wird nur dadurch weniger fühlbar, dass es jetzt noch möglich ist, angrenzende fremde Ländereien für geringe Pacht für die Heerden zu benutzen. Es genügt nicht, dass man nur Brot zum Essen habe; zum menschlichen Leben gehört mehr.

Alle andern Taurischen Steppen stehen der Gegend der Mennoniten-Colonien in Fruchtbarkeit weit nach. Zwischen der Ertragsfähigkeit des Mennoniten-Landes und dem Herzoglich Anhalt-Köthenschen. Gute Askanianova achte ich den Unterschied so gross, wie zwischen 3 und 1. Aehnliche Verschiedenheit in der Ertragsfähigkeit Taurischer Ländereien hat die Russische Regierung schon vor langen Jahren anerkannt; darum gab sie

für jede deutsche Colonisten-Familie am Gebirge 15 Dessjätinen Land²⁶, während sie an der Molotschna einer Familie 60 – 65 Dessjätinen zumass.

Es ist nicht zu bezweifeln, dass ein glücklicheres Bevölkerungs-Verhältniss allmählig auch in den Steppen aufkommen werde; aber darum darf man nicht die Meinung fassen, dass die Steppen im Stande wären, sich sehr fruchtbaren Ländern anzureihen. Klimatische Umstände und der Mangel an zu Tage stehendem Wasser, setzen alle Steppen in die Reihe der

allerärmsten unter den an bauungsfähigen Ländern.

Zur genauern Beurtheilung der Steppen habe ich die nachfolgenden Aufsätze gesammelt, und bin im Stande, alle darin enthaltenen Angaben als richtig nachzuweisen.

KLIMA.

Das Klima der steppengegenden gibt uns alljährlich wochenlang die glühendste Hitze und auch wochenlang die grimmigste Kälte. Die grösste Hitze, die, auf Askanianova bemerkt wurde, betrug 40¼ Grad²⁷, die höchste Kälte 24¼ Grad.

Ziemlich die Hälfte aller Zeit, in 4 Jahren durch durchschnittlich 190 Tage, braust der Ost und Nord-Ost-Wind über die Steppen; er macht die Hitze erträglicher, aber er vermehrt für die Pflanzenwelt durch seine austrocknende Wirkung die Dürre, und im Winter wird durch ihn die Kälte noch schneidender. Häufig wird dieser Wind zum Sturm, der ungeheure Staubwolken auftreibt; Staubsäulen von bedeutender Höhe, die aufrecht, gleich Mastbäumen, eine Viertelstunde lang unbeweglich stehen, sind ein gewöhnliches Schauspiel.

Dieser Wind bewirkt auch im Winter das sogenannte Schneetreiben, das heisst, er hebt den schon gefallenen Schnee wieder auf und treibt ihn wagerecht vorwärts, was denn verursacht, dass Herden sich zerstreuen, da die Hirten nicht 10 Schritt weit sehen können, Menschen sich verirren, und dass die Wege nicht mehr zu erkennen sind, da jede Spur zugeweht wird. Solch Schneetreiben hält zuweilen mehrere Wochen lang an, gewöhnlicher aber nur 3 Tage, und wenn es beginnt, thut man wohl, alle Arten Vieh von den Weiden gleich heim zu treiben, und das Vieh dort zu halten bis die Witterung sich ändert; die nomadisirenden Herden, für die kein Obdach vorhanden ist, büssen dabei viel Vieh ein, und selbst andere Herden, die bei Beginn des Sturmes zufällig etwas entfernt von ihrem Gehöfte sind, leiden nicht selten; das Vieh verläuft sich, und wird vielleicht eine Beute der Wölfe, oder geht ins Meer. Besonders sehr schwierig ist es immer, das Vieh gegen den Wind nach Hause zu bringen.

²⁶ Als ich im J. 1837, beauftragt vom damaligen Minister des Innern, die Deutschen u. a. Colonie'n im Taurischen Gouvernement revidirte, kamen auf jede Wirthschaft in Rosenthal 23 Dessjätinen, in Neusatz 23¼ D., in Friedenthal 26 D., in Heilbronn 30 D., in Kronenthal gegen 61 Dessjätinen. Köppen.

²⁷ Also in der Sonne ? –

Noch glaube ich, eines glühend heissen Windes erwähnen zu müssen, den ich dem berüchtigten Sirokko an die Seite stellen möchte; er wehet zuweilen schon im Mai, und kommt bis im September vor; aber er wehet zum Glück nur strichweis; was er auf seinem Wege trifft, vertrocknet in wenigen Stunden. Ganze Getreidefelder, die gestern noch die beste Hoffnung gewährten, sind morgen gelb und vertrocknet: Blätter an den Bäumen rollen zusammen, völlig gedörrt: junge Baumstämme, die schon 1 Zoll und mehr im Durchmesser haben, vertrocknen durch und durch.

Es fällt nicht alljährlich Regen und Schnee, und die Menge der niederfallenden Feuchtigkeit ist, ein Jahr gegen das andere verglichen, ausserordentlich verschieden. Die Differenz von einem Jahre gegen das andere ist noch grösser, als 1 und 10; denn ich kann versichern, dass ich in den Jahren 1832 und 1833 etliche 20 Monate hier lebte, ohne einen Tropfen Regen, ohne eine Flocke Schnee gesehen zu haben. Ich war damals noch neu in dieser Gegend, und tröstete mich damit, dass eine solche Dürre eine Ausnahme seyn würde; allerdings war auch die Dürre in solchem Maasse eine Ausnahme, und in den Jahren, in welchen ich jetzt in den Steppen lebe, hat sie sich wenigstens nicht wiederholt. Aber diese 10 Jahre haben auch dazu gedient, mich zu überführen, dass in dieser Gegend durchschnittlich kaum $\frac{1}{3}$ so viel Feuchtigkeit fällt, als in Berlin und in Petersburg, das heisst jährlich in Berlin $19\frac{1}{2}$ Zoll, in St. Petersburg 17 Zoll, in Askanianova 6 Zoll.

Von den langen 10 Jahren während meines Hierseyns sind, in klimatischer Hinsicht, nicht zwei einander gleich gewesen; hier ist jeder überhaupt plötzliche Wechsel der Witterung zu erwarten: von einer Regelmässigkeit des Klimas kann nirgends weniger die Rede seyn, als hier. An demselben Sommertage, an dem man vor Hitze hätte ersticken mögen, muss man endlich noch nach dem Pelz greifen, um sich zu erwärmen, und so wie der einzelne Tag in seiner Temperatur schwankt, so täuschen ganze Monate, ganze Vierteljahre alle Erwartung. Hier spricht die Witterung jeder Regel Hohn.

Zwischenräume von 3 Monaten (im Sommer), von einem nennenswerthen Regen zum andern, sind ganz gewöhnlich. In den Sommermonaten bleibt auch in der Regel der Thau ganz aus, die Erde trocknet aufs Aeusserste, wird steinhart, platzt von einander, so dass Fugen entstehen, in denen Pferde die Beine zerbrechen können, alle Gewächse sterben ab. Wie weit dieses dürre Klima sich erstreckt, kann ich nicht bestimmen, aber schon zwischen Sympheropol und Askanianova ist ein ungeheurer Unterschied. So geht aus den in Sympheropol angestellten Beobachtungen des Herrn Staatsraths Milhausen hervor, dass Sympheropol durchschnittlich im Jahr 90 Regen und Schnee-Tage hat. In 6 hinter einander folgenden Jahren, von 1822 bis 1827, war dort die jährliche geringste Zahl der Regen und Schnee Tage 75, die grösste Zahl 115.

In den Jahren 1831 bis 1834 betrug die in Sympheropol alljährlich gefallene Menge an Regen, Schnee und Hagel, durchschnittlich 15 Zoll hoch Wasser. Im Jahre 1831 fielen 19 Zoll, im Jahre 1832 11 Zoll.

In Askanianova sind erst seit 4 Jahren genaue Wetterbeobachtungen angestellt, und es ergaben sich Regen- und Schnee-Tage

im Jahre 1838 59,
 » » 1839 35,
 » » 1840 39,
 » » 1841 53,

oder durchschnittlich 47 Regen- und Schnee-Tage.

Dennoch verdorren auch bei Sympheropol im Sommer alle Gewächse, die weiter als eine Viertel-Werst vom Flusse entfernt stehen.

Es darf aber der Steppenwirth auf Trockenheit nicht mit Gewissheit rechnen; es gibt, wie schon gesagt, abweichende Jahre, die um so verderblicher werden, je weniger man sie erwartet hat. Sechs Jahre, von 1832 bis 1837, hatte ich in den Steppen gelebt und über die Dürre geseufzt; dann kamen die Jahre 1838 und 1839, und boten ganz das Gegentheil der früheren 6 Jahre dar; besonders war das Jahr 1838 sehr reich an Feuchtigkeit, und wir mussten nun erst erfahren, wie nasse Jahre dem Steppenwirth noch schädlicher werden, als trockenere.

Aus der obern Erdschicht ward wochenlang ein Brei, die Wagen versanken bis an die Achse, die Schaf- und Rindvieh-Herden bekamen durch den fortwährenden Morast die Klauenseuche, die Heuschläge wurden im Sommer überschwemmt und unbrauchbar, das Wintergetreide verfaulte grösstentheils, während der nassen Winter, und der Rocken, der den Winter überlebte, enthielt ein gutes Viertheil Mutterkorn. Alle Steppen Gewächse wuchsen in ausserordentlicher Ueppigkeit und schossen in Samen, der vollkommen reif ward, was hier nicht gewöhnlich ist, so dass, nachdem dieser Samen ausgefallen war, sie dem Weideviehe, auf das in grösseren Wirthschaften Alles beruht, nicht mehr Nahrungstoff boten, als feuchtes Stroh.

In den ersten Jahren meines Hierseyens hatte ich weniger auf die Witterung gemerkt, die damals fast ununterbrochene Dürre schien, – was der Witterungsbeobachtung alles Interesse nahm; erst mit Beginn des Jahres 1838 wurden darüber tägliche genaue Notizen durch den hiesigen Förster gemacht, und von Anfang des Jahres 181 ward ein Feuchtigkeitsmesser aufgestellt. Das Ergebniss dieser Beobachtungen, tabella risch zusammengestellt, folgt weiter unten. Ihm schicke ich die spärlichen Beobachtungen der frühern Jahre voran:

Jährlicher letzter und erster Nachtfrost.

Der letzte Nachtfrost.			Der erste Nachtfrost.	
Im Jahre 1832	den 27. April	...	den 8.	September,
» » 1833	» 8. Mai	...	» 16.	»

Der letzte Nachtfrost.			Der erste Nachtfrost.	
» » 1834	» 7. April	...	» 14.	»
» » 1835	» 11. Mai	...	» 17.	»
» » 1836	» 8. »	...	» 20.	August,
» » 1837	» 20. März	...	» 19.	September,
» » 1838	» 28. »	...	» 18.	»
» » 1839	» 16. April	...	» 16.	»
» » 1840	» 18. »	...	» 15.	»
» » 1841	» 23. März	...	» 8.	»

Als ein Zeichen der Stärke der Frühjahrs-Nachtfroste führe ich hier noch an, dass im Jahre 1836, als alle Bäume längst stark belaubt waren, in der Nacht zum 26. April noch sogar das Laub der Weidenbäume, die doch nicht zu den zarten Bäumen gehören, total erfror, und dass in derselben Nacht auch das bis dahin schon aufgegangene Gras erfror, und dieser späte Nachtfrost allein hinreichte, eine sehr schlechte Heuernte zu veranlassen.

Dauer der Schlittenbahn jeden Winter.

Im Winter 1832 – 1833 war keine Schlittenbahn.

- » » 1833 – 1834 » » »
- » » 1834 – 1835 vom 7. Dec. bis 7. Januar.
- » » 1835 – 1836 vom 1. Dec. bis 14. Jan.
- » » 1836 – 1837 vom 15. Dec. bis 10. Jan.
- » » 1837 – 1838 vom 29. Nov. bis 12. Febr.
- » » 1838 – 1839 vom 2. Dec. bis 3. Febr.
- » » 1839 – 1840 vom 11. Dec. bis 16. Jan.
- » » 1840 – 1841 vom 15. Nov. bis 21. Febr.

Dauer der Stallfütterung der Schafe in jedem Winter.

Im Winter 1832 – 1833 sind 17 Futtertage aufgelaufen

- » » 1833 – 1834 » 10 » »
- » » 1834 – 1835 » 9 » »
- » » 1835 – 1836 » 22 » »
- » » 1836 – 1837 » 13 » »
- » » 1837 – 1838 » 76 » »
- » » 1838 – 1839 » 39 » »
- » » 1839 – 1840 » 72 » »
- » » 1840 – 1841 » 74 » »

WITTERUNGSBEOBACHTUNGEN.

Jahr 1838.

Die grösste Kälte und Wärme.

	Kälte			Wärme		
	6 Uhr Morgens	12 Uhr Mittags	6 Uhr Abends	6 Uhr Morgens	12 Uhr Mittags	6 Uhr Abends
Januar	19	14	13	3	7½	5½
Februar	10½	7½	6½	4½	13	10
März	5		½	3	14	9
April				10	22¼	16½
Mai				15	24	19
Juni				16½	34	18¾
Juli				16	33	20
August				14	34½	20
September	4			14½	31	17¾
October	5		2	11	24	15
November	10½	4	9½	9	17	9¾
December	11	9	11	1½	4½	3½

	Zustand der Atmosphäre, in jedem Monat wie viel Tage										Gewitter
	Helle	Trübe	dicke Wolken	dünne Wolken	Heiter	Nebel	überzog. Himmel	zerstreut. Wolken	Regen	Schnee	
Januar	5	1	7	6			4		1	7	
Februar	3	4	9	2		2	3		2	3	
März	17	1	7	2		2				2	
April	7	3	5	12			1		2		
Mai	2		12	11	1			1	5		2
Juni			6	13	1		2	1	7		5
Juli	1		6	13					11		5
August	2	1	1	14		3	1	4	4		
September	2		8	13		1	2		4		1
October			10	8		1	10		1	1	
November	2		4	12		3	3		6		
December	2		2	5		1	18		1	2	

	Winde, jeden Monat wie viel Tage							
	N.	S.	W.	O.	NO.	NW.	SO.	SW.
Januar	3	7	2	17	3	2	4	2
Februar	5	9	1	6	1	2		
März	2	3	3	17	3		1	2
April	2	1	2	19	3		2	1
Mai	1	9	6	4	2	1	4	4
Juni	13	4	5	3	1		1	3
Juli	2		8	11	1	2		6
August	5	1	5	10		7		3
September	6	2	4	17	1			6
October	4	4		17	2	4		
November	2	6	7	7		3	3	2
December	4	3	1	6	9	2	5	1

Jahr 1839.
Die grösste Kälte und Wärme.

	Kälte			Wärme		
	6 Uhr Morgens	12 Uhr Mittags	6 Uhr Abends	6 Uhr Morgens	12 Uhr Mittags	6 Uhr Abends
Januar	16½	2	10¾	2½	4½	5
Februar	12¼	5½	10½	1¼	9	3½
März	14	5	8	5	12	8
April	2½			15	24	16
Mai				15	31½	18
Juni				16½	33	22
Juli				20½	38½	28
August				20	40¼	27
September	2½			15	35	20
October	10	3	4½	9	19	12
November	16	12	12½	6½	9¾	8¼
December	24¼	14¼	18	1	3	2

	Zustand der Atmosphäre, in jedem Monat wie viel Tage										Gewitter
	Helle	dicke Wolken	dünne Wolken	Heiter	Nebel	überzog. Himmel	zerstreut. Wolken	Regen	Schnee	Glätteis	
Januar	5	4	5		2	3		3	9		
Februar	2	8	11			5			2		
März	4	6	12			1	4		4		
April	4	4	12	2	2		5				
Mai		9	12				1	1			8
Juni	2		22				1	3			2
Juli	7	2	18				1				3
August	14	10	4		1		1	1			
September	22		6					1			1
October	5	8	9		2	4	1	1	1		
November	3	5	6		7	7		2			
December	3	7	4			10			6	1	

	Winde, wie viel Tage jeden Monat							
	N.	O.	S.	W.	SO.	SW.	NO.	NW.
Januar	3	8	1	1	5	8	3	2
Februar	6	7	1	7	1		3	3
März	8	4	2	3	1	3	10	
April		10	6	3	1	1	7	2
Mai	2	8	4	1	7	1	8	
Juni	4		2	5	2	5	6	6
Juli	4	10		7			8	2
August	2	14	6	2		3	4	
September	1	1	1				27	
October	2	7	2		2		18	
November	1	9		2		1	17	
December	1	6		5	3	2	14	

Jahr 1840.
Die grösste Kälte und Wärme.

	Kälte			Wärme		
	6 Uhr Morgens	12 Uhr Mittags	6 Uhr Abends	6 Uhr Morgens	12 Uhr Mittags	6 Uhr Abends
Januar	13	9	12	2¼	4¼	2½
Februar	18	10	12		5	
März	4	3½	1	3¾	11	6
April	2			9	19	14
Mai				12	31	18
Juni				17	36	35
Juli				20	38	29
August				18	28	24
September	2			14	34	15
October	1			9	19	13
November	23	18	22	9	17	12
December	17½	16	17	5	5½	

	Zustand d. Atmosph., in jedem Monat wie viel Tage									Glätteis
	Helle	dicke Wolken	bewölkt	Nebel	überzog.	zerstreut. Wolken	Regen	Gewitter	Schnee	
Januar	4	9		4	13		1			
Februar	11	1	6	1	6				4	
März		3	16		1	6	2		3	
April	1	7	14			3	3	1	1	
Mai	2	4	19			1	4	1		
Juni	6		10			9	4	1		
Juli	23		5			2	1			
August	5	3	18			2	1	1		
September	22	2	5				1			
October		9	11				10	1		
November	12	1	10	3	1		1		2	
December	6	1	3	9	10				1	1

	Winde, wie viel Tage jeden Monat							
	S.	O.	W.	N.	SO.	SW.	NO.	NW.
Januar	5	4		1		2	14	4
Februar	1	1	2	8	1		15	1
März	4	9	4	3		5	15	1
April	5	6	4	9		4		2
Mai	5	3	13	2	1	2		5
Juni	3	8	12	5			1	1
Juli		20		6		4		1
August	2	1	14		2	4	7	1
September	8	17		2		1	2	
October	2	21		2		3	3	
November	9	4	1	7			8	1
December	6	7	2	3	1	1	9	2

Jahr 1841.
Die grösste Kälte und Wärme.

	Kälte			Wärme		
	6 Uhr Morgens	12 Uhr Mittags	6 Uhr Abends	6 Uhr Morgens	12 Uhr Mittags	6 Uhr Abends
Januar	19½	11¼	3	1	2½	1
Februar	20½	13	13½	1	3	
März	8	3	5	7½	17	10
April				10	23	15
Mai				14	34	17
Juni				17	33	23
Juli				19	40	25
August				16	38	22½
September	¾			14½	26	19
October	6½			11	27	14
November	4			9	17	9
December	17	6	10	4	11	6

	Bestandtheile d. Atmosphäre, in jedem Monat wie viel Tage								
	Helle	dicke Wolken	dünne Wolken	überzog. Himmel	zerstr. Wolken	Nebel	Regen	Schnee	Menge des gefall. Wassers als Regen u. Schnee, an Zoll.
Januar	4	2	6	10		3	2	4	$\frac{3}{4}$
Februar	10	2	3	5	2	3	1	2	$\frac{1}{22}$
März	3	5	3		4	11	3	2	$\frac{3}{4}$
April	8		10		5	4	3		$\frac{1}{6}$
Mai	7	2	16		1		5		$\frac{3}{4}$
Juni	10		14		2		5		3
Juli	15		11		1		4		$\frac{15}{16}$
August	22		7				2		$\frac{3}{5}$
September	17		7				6		1
October	23	2	5		1				
November	7	6	7	4			6		$\frac{1}{2}$
December		3	16	3		1	4	4	$\frac{35}{96}$

Zusammen $\frac{8}{4}$ Zoll
Wasser, an 53 Regen-
und Schnee-Tagen.

An 16 Tagen waren Gewitter.

Den 14. Juni fielen in 2 Stunden $\frac{7}{3}$ Zoll hoch Wasser, als Regen. Es war das Jahr 1841 durchaus nicht zu den dürren Jahren zu zählen; nur das Frühjahr war dürr, im Juni aber gab es ausserordentliche Regengüsse, und den Herbst müssen wir einen äusserst fruchtbaren nennen.

	Winde, jeden Monat wie viel Tage							
	S.	O.	W.	N.	SO.	SW.	NO.	NW.
Januar	1	12	1	5	1	2	7	2
Februar		14		2			12	
März	5	8		4	1	1	10	2
April		11	5	6			5	3
Mai	4	17	2			2	3	3
Juni	4	13	9	1		2		1
Juli	1	18	5	5			1	1
August	2	17	3	2			7	
September	7	5	6	8			4	
October	1	12	4	2	1	3	6	2
November	6	13	1	1		4	5	
December	2	26	1	1		1		

Es muss hier bemerkt werden, dass der Verfasser sich des Reaumur'schen Thermometers bediente. Leider scheint nicht darauf Rücksicht genommen zu seyn, dass alle Beobachtungen hätten im Schatten gemacht werden müssen. Was bei den Jahren 1838 und 1839 für ein Unterschied zwischen hellen und heitern Tagen ange nommen wird, ist mir nicht bekannt l'ass in manchen Monate nicht die wahre Zahl der Tage angegeben ist, muss ich dahingestellt lassen. – K.).

BODEN.

Der bei Weitem grössere Theil der Steppen hat einen Untergrund von Thon, der die Feuchtigkeit nicht durchlässt. Die über diesen Untergrund liegende fruchtbare Erdschicht aber ist recht häufig schwach; so dass sie leicht von Regen- und Schneewasser gesättigt und übersättigt, und eben so leicht in Sommerzeit von Sonnenhitze und Wind gänzlich ausgetrocknet wird. Sie sagt darum, wie fruchtbar auch sonst ihre Beständtheile sein mögen, nur wenigen Gewächsen zu, und namentlich, unter denen, die wild wachsen, nur solchen, die der höchste Grad der Dürre, wie der höchste Grad der Nässe nicht tödtet.

Diesem undurchdringlichen Untergrunde glaube ich es zuschreiben zu dürfen, dass die Steppen in dem baumlosen Zustande sind, in dem wir sie finden; und dieser Untergrund wird auch in der Folge verhindern, dass nierkliche Verbesserung des Klimas durch bedeutende Bäumenanlagen erzwungen werden kann. Niemals wird in einer schwachen Schicht fruchtbarer Erde, die auf völlig undurchdringlichem Untergrunde ruht, ein Baum fröhlich gedeihen, und der Baum, den man darauf pflanzt, wird nicht viel länger dauern, als manihn künstlich pflegt, und dasjenige ihm zu ersetzen sucht, was die Natur ihm verweigert. Auf solchem Untergrunde, vermag man kaum ein Gärtchen nothdürftig zu erhalten; Wald-Anlagen im Grossen, die zur Verbesserung des Klimas beitragen könnten, aber werden nicht gedeihen; denn alle Reichthümer der Welt würden nicht hinreichen, ihre Pflegekosten zu decken. Ich bezweifle, ob die Wissenschaften so weit gediehen sind, dass man bestimmen kann, wie viel Procent des Flächenraumes eines Landes bewaldet seyn müssten, um ein beliebiges Klima herzustellen. Doch kenne ich eine einzelne Behauptung der Art von dem Ober-Landforstmeister des Königreichs Polen J. v. d. Brinken; dieser sagt in seinen „*Ansichten über die Bewaldung der Steppen des Europäischen Russlands*“; (Braunschweig, bei Vieweg, 1833, Seite 170),“ dass, um der hiesigen Gegend – der an den Dneprowschen Kreis angränzende Melitopol'scheKreis ist ausdrücklich genannt – das Klima des Französischen Departements Gironde zu geben, ungefähr 8 Procent des Arealis bewaldet werden müssten. – Aus einer langjährigen Beschäftigung mit Baumpflanzungen auf Askanianova habe ich die Erfahrung geschöpft, dass hier eine Dessjatine Waldan lage nicht unter 5000 Rbl. Banco (1428½ Rbl. Slb.) hergestellt werden kön-

ne, und demnach würde die nöthige Wald-Anlage auf diesem Gute funfzehn Millionen Rubel Banco (über 4¼ Mill. Silber-Rubel) erfordern.

Nicht die enormen Kosten allein, sondern auch andere Gründe machen es mir gewiss, dass auf Askanianova Herr v. d. Brinken's Angabe ungenutzt bleiben werde.

Es zieht der Baum seine Nahrung zugleich und abwechselnd aus der Atmosphäre und aus der Erde, und die letztere muss ihm ein Reservoir von Feuchtigkeit seyn, die ihm allmählig und dann am nützlichsten zu Theil wird, wenn die Atmosphäre gerade Feuchtigkeit versagt. Wie aber auf Steppen mit undurchdringlichem Untergrunde die Feuchtigkeit nicht tief gehen kann, so verdunstet sie bei Hitze und Wind nicht allmählig, sondern überaus schnell, und dann bietet hier die Natur dem Baune Monate lang weder aus der Atmosphäre, noch aus der Erde Feuchtigkeit.

So genügt der Wald-Anlage hier nicht eine allgemeine Aufsicht, wie sie bei Wäldern hinreicht, sondern jeder einzelne Baum der Pflanzungen will Zeit seines Lebens speciell gepflegt werden, und dennoch sieht man nur langsames Hinkümmern, frühzeitiges Absterben der Bäume.

Ich nenne Steppen, die die eben genannten Eigenschaften haben, wegen gänzlicher Hoffnungslosigkeit, dass sie zu höherer Fruchtbarkeit durch irgend ein schon bekanntes Mittel zu bringen wären,

ewige Steppen.

Dagegen sind die Steppengegenden mit durchlassendem Untergrunde zu Waldanlagen im Grossen geeignet, durch welche sie sich selbst, wie auch der Umgegend nützen würden; auch in ihrem heutigen Zustande sind diese einer höheren Cultur nicht unfähig; ja wir finden, dass sie, besonders da, wo sie nur 2–3 Klafter über dem Wasserspiegel liegen, ehemals theilweis mit wildgewachsenen Bäumen bestanden haben, die durch die sich anbauenden Menschen ausgerottet wurden; Steppen mit durchlassendem Untergrunde nenne ich

zufällige Steppen.

Zu der ersteren Classe gehört ganz Askanianova, nicht eine Hand breit Landes dieser Besetzung ist davon ausgenommen. Ebenso gehören gute sieben Achttheile von Duchfineh daza, und nur etwa ein Achttheil von Duchfineh wird in die zweite Classe fallen. Dabei ist noch zu bemerken, dass die Gegenden, die ich mit dem Namen zufällige Steppen belege, von Askanianova's äusserster Gränze wenigstens 30 Werst und weiter entfernt liegen; dass also, selbst für den Fall, dass sie demnächst bewaldet würden, doch der Entfernung wegen schwerlich daraus für Askanianova's Klima Besserung zu hoffen wäre.

Die Erdoberfläche (Ackerkrume) ist in einem so ausgedehnten Landstriche, als die Steppen einnehmen, höchst verschieden; sie mag alle möglichen Nüancen durchlaufen, vom todtten Flugsande und vollkommen unfruchtbaran Salzboden an bis zu den allerwünschenswerthesten Erdmischungen. Im Allgemeinen lässt sich von ihr nur sagen, dass, im Verhältniss zum Ganzen, die Gegenden von unbedeutender Grösse sind, die dem Getreidebau ganz und gar widerstreben.

Eben, so wie diese obere Erdschicht nun in ihren Eigenschaften in verschiedenen Gegenden verschieden ist, eben so ungleich ist die Höhe, in der sie über dem Untergrund in verschiedenen Gegenden steht, und sie lässt hin und wieder durch ihre Menge die Fehler des Untergrundes beinahe vergessen. Dieser Fall findet unter andern in den östlichen Gegenden des Dnjeprowschen Kreises, und auch zum Theil auf dem Lande der Mennoniten Statt; diese letztgenannte Gegend besitzt überdem grosse Bezirke, die völlig in die Classe der zufälligen Steppen gehören.

Auf Askanianova ist mir die Tiefe der obern Erdschicht auf wenigstens dreissig, weit von einander liegenden, über das ganze Grundstück verbreiteten, Stellen bekannt; sie beträgt nirgends mehr noch weniger als 16 Zoll Rheinländisch.

Die Bestandtheile der Erdoberfläche Askanianova's mögen ursprünglich nicht sehr verschieden von denen des Untergrundes gewesen seyn: aber die mehrtausendjährige Einwirkung der Hitze und Kälte hat die Erdoberfläche vielfach gespalten, wie das noch heute in den Extremen des hiesigen Klimas geschieht; Feuchtigkeit ist eingedrungen und hat den Kalk gelöscht, der wieder den Thon gemildert hat; die Luft hat das in der Erde enthaltene Eisen zersetzen können, und so ist diese obere Schicht zu einer dunkleren Färbung gekommen, als der Untergrund; auch hat sie vegetabilischen und animalischen Dünger in ziemlicher Menge aufgenommen.

In der obern schwarzen Erdschicht Askanianova's fand ich in mehreren, von der Oberfläche aus 6 Zoll senkrecht und in gleicher Stärke mittelst eines Bohrers entnommenen Erdsäulen, nachdem ich sie nach Hermbstädt's Anleitung zerlegte,

½ Procent Sand,

2⅓ » » Extraktivstoff, – scharf bitter-salzig,

3½ » » Kalk,

4 Procent Eisen,

89⅔ » » Rückstand; vermuthlich nur Thon mit weniger gebundener Kieselerde.

Nach derselben Methode zerlegte Erde des Untergrundes, die aus einer Tiefe von Fuss genommen war, ergab:

7 Procent Sand,

9 » » Kalk,

84 » » Rückstand: vermuthlich eisenhaltiger Thon mit weniger gebundener Kie selerde.

Die Zerlegung der obern 6 Zoll Erde eines grossen Heuschlags (Dolina) ergab:

9 Procent gebrannte Erde und Sand,

1 » » Extraktivstoff,

6 » » Kalk,

7 » » Eisen,

77 » » Rückstand; zäher blauer Thon.

Die gründliche Zerlegungs-Methode Sprengel's habe ich, in Ermangelung höherer chemischer Kenntnisse, leider nicht in Anwendung bringen können.

Es geht aus der zu Tage stehenden Erdschicht der ebenen Steppe hervor, dass sie, wie uns das auch sonst die Erfahrung gelehrt hat, die Bestandtheile besitzt, um derentwillen man sie dem fruchtbaren Boden zugesellen könnte, und funfzehnfältige Ernten werden allerdings von ihr gewonnen werden können, wenn eben das, im Verhältniss zum Untergrunde, gerechte Maas von Feuchtigkeit eintritt, das heisst, wenn die - Erde während des Wachstums der Pflanzen weder durch Nässe zu Brei, noch durch Dürre steinhart wird; aber gerade, weil das Ernteglück fast lediglich von diesem nicht häufig gerechten Feuchtigkeits-Maasse abhängt, so sind solche Ernten wenigstens nicht zu erzielen, sondern sie sind das Werk des Zufalls. Nächstdem sind dergleichen Ernten das Ergebniss einer vieljährigen vorangegangenen Ruhe des Bodens, sie sind vollkommen dem nur einmal möglichen Ausschütten einer Sparbüchse ähnlich, zu der, hinter einander folgend, mehrere Geschlechter gesammelt haben.

Der angeführte Fall, wo die Erde zu Brei wird, tritt seltener ein; es vergehen zuweilen mehrere Jahre, wo er nicht vorkommt; am gewöhnlichsten aber kommt er im Winter vor, und ganz flache Gegenden, auf denen das Wasser keinen Abfluss findet, wie der grössere Theil der Steppen beschaffen ist, leiden davon am meisten.

Den andern Fall, wo die Erde vollkommen austrocknet, habe ich, während meines fast zehnjährigen Aufenthalts in den Steppen, alljährlich im Sommer eintreten, und wohl Vierteljahre lang anhalten sehen; nicht selten hat er die Pflugarbeit rein unmöglich gemacht, und sie wenigstens Wochen lang verzögert.

Der erstere Fall bewirkt auf tiefgelegenen Stellen, denen man auf dünnen Steppen den Vorzug geben zu müssen glaubt, behufs der Gartenanlagen, das Verfaulen der Baumwurzeln; überall nimmt er ausserdem den Baumwurzeln die Kraft, den Baum beim Winde aufrecht zu erhalten, und schon ein mässiger Wind reicht dann zu, den Baum umzuwerfen. Auf dem Acker aber bewirkt zu grosse Nässe im Winter das sogenannte Auswintern, richtiger das Verfaulen der Getreidepflanzen; im Sommer erzeugt sie beim Rocken das Mutterkorn Eine Verschiedenheit der Fruchtbarkeit, die der Erdmischung beizumessen wäre, habe ich auf Askanianova nie bemerkt. Auf Duchfneh ist sie dagegen unverkennbar.

Wie unter den vorher beschriebenen klimatischen und tellurischen Umständen sich der natürliche Pflanzenwuchs zeigt.

Wenn auf den Steppen einzelne Blütenstengel sich 2 – 3 Fuss über der Oberfläche erheben, so ist daraus noch gar nicht auf natürliche grosse Fruchtbarkeit zu schliessen, sondern letztere erkenne ich auf nie gerührtem Lande erst da an, wo die Pflanzen dicht am Boden schon im dichten Gedränge sich einander den Platz streitig machen und den Erdboden vollkommen verhüllen, oder ihn zu Rasen machen, und wo dies Pflanzenge dränge wenigstens 6 Monate fort dauert, und in den andern 6 Monaten, sey es immerhin unter der Schneedecke, zwar zu ruhen scheint, aber wenigstens nicht abstirbt, wie das Alles in den Gouvernements Podolien und Kijew und in Deutschland überall auf Wiesen Statt findet.

Solche Fruchtbarkeit aber habe ich, nachdem ich fast zehn Jahre lang in den Steppen lebe, und zu allen Jahreszeiten sie kreuz und quer durchreiste, bis heute darin noch nirgends getroffen. Dagegen fand ich, auf den von mir als ewig bezeichneten Steppen, überall einen armen Graswuchs, der nur stellenweis und nur den kleineren Theil der Erde bedeckt, und grosse, völlig leere, todte Zwischenräume lässt. Besser war der Graswuchs auf den von mir als zufällig bezeichneten Steppen; aber dennoch war er auch hier wenigstens nicht reich zu nennen.

Ich gebe hier drei Zeichnungen, die den Graswuchs auf Askanianova versinnlichen, und die zu verschiedenen Zeiten und in fruchtbaren Jahren auf von einander entlegenen Stellen mit grösster Genauigkeit und in der Absicht aufgenommen sind, dass sie als Norm des Graswuchses auf Askanianova gelten sollen²⁸.

Diese drei Zeichnungen stellen jede 1 □ Ssashen Landes vor, das sauber abge schelt und durch einge schlagene Pfähle und daran befestigte Schnüre in 49 □ Fuss getheilt ist. Die schwarzen Stellen sind perennirend beraset, der weisse Grund zeigt die kahle Erde, in welcher nur im ersten Frühjahre einige Tulpen, Lilien und dergleichen für die Landwirthschaft werthlose Gewächse sprossen, die kaum 4 Wochen grünen, und dann spurlos verschwinden; 9 Monat bleibt dieser Grund durchaus unfruchtbar.

Gewächse, die anderwärts beständig grünen, wie die Kleearten, erscheinen hier auch im Frühjahre, und sind im Juli in Staub zerfallen. Ueberhaupt aber dauert die ganze Vegetationszeit hier gewöhnlich nur 3 Monate; oftmals ist sie noch kürzer. Fruchtbare Jahre geben dem Grase mehr Höhe; auf eine Ausdehnung in die Breite (Bestaudung) wirken sie dagegen nicht, oder doch wenigstens fast unmerklich.

Diese nur stellenweise stattfindende Berasung der hohen Steppe macht den Heugewinn auf derselben gewöhnlich ganz unvortheilhaft; zwischen den vereinzelteten Grasbüschen kann man das mühselig Gemähete nicht mit der Harke behandeln. Als

²⁸ Diese Abbildungen entsprechen ganz den Steppen - Bildern, der oben, S. 17 ff, besprochenen Beilage Lit C.

Heuschläge dienen demnach gewöhnlich nur die Niederungen (Dolinen), von deren, von dem Steppengraswuchs ausgezeichneten, Grasbestand ich hier eine Profilzeichnung gebe, die am 19ten Juni 1840 aufgenommen ward, ebenfalls in der Absicht als Norm des Heuschlags zu gelten.

Diese Profilzeichnung stellt einen Ausschnitt eines Dolinen-Heuschlags vor, von 1 Zoll Breite und 81 Zoll Länge.

Ich bezeichne den Graswuchs der Dolinen im Allgemeinen nicht als reicher, wie den der offenen Steppe. An Nahrungsstoff den gleiche Quantitäten von beiden enthalten, stehen die Pflanzen der Niederungen nicht selten sogar denen der hohen Steppe nach; aber der Dolinen – Graswuchs steht nicht wie der der Steppe buschweise, sondern gleichmässig dünn gesäet und für die Bearbeitung mit Sense und Harke geeigneter.

Auf Askanianova gab in dem fruchtbarsten Jahre, dessen man sich erinnern kann, eine Dessjatine gewöhnlicher, nie bearbeitet gewesener, und seit 4 Monaten nicht mit Vieh betriebener Steppe, die versuchsweise und darum sehr genau und zur geeignetsten Zeit gemähet und geheuet ward, 60 Pud Heu; eine andere, die üppig mit eben in Samen schiessender *Stipa capillata* bestanden, deren Bodengras aber schon abgestorben war, gab nur 27 Pud Heu. In den Dolinen gab eine Dessjatine in den besten Jahren 95 Pud Heu.

In minder fruchtbaren Jahren gab eine Dessjatine mähbaren Dolinen-Heuschlags nur 56 Pud Heu, und der grössere Theil dieses Dolinen-Heuschlags blieb dann ganz unmähbar; eben so wenig war dann die offene Steppe mähbar.

Den Unterschied im Graswuchs auf ebener Steppe, zwischen einem fruchtbaren und einem unfruchtbaren Jahre zu messen, finde ich bis heute kein Mittel; aber ich führe zur Beurtheilung des Unterschiedes an, dass mir in den Jahren 1837, 1838, 1839 ungefähr die Hälfte allen gewachsenen Grases bis an die Wade, die andere Hälfte bis an den Leib reichte, während in den Jahren 1832–34 kein Grashalm hoch genug ward, um die Wade berühren zu können.

Um den Vergleich zwischen hier ermittelten Resultaten und dem Ertrag Deutscher Wiesen und Weiden bequemer zu machen, führe ich hier an, was Thaer an beiden für Ansprüche macht:

Wiesen. Eine einschürige Wiese heisst

gut, wenn sie 170 Pud Heu von der Dessjatine jährlich liefert;

mittelmässig, wenn sie 128 Pud Heu von der Dessjatine jährlich liefert;

schlecht, wenn sie 85 Pud Heu von der Dessjatine jährlich liefert;

ganz schlecht, wenn sie 56 Pud Heu von der Dessjatine jährlich liefert.

(Dass eine solche Wiese alle Jahre in ihrer ganzen Ausdehnung mähbar seyn müsse, versteht sich von selbst; unsere hiesigen Wiesen sind das aber

nicht, wie dies schon vorher angeführt ist. Ein grosser, hier am Dorfe belegener Heuschlag, den ich seit 9 Jahren sehr genau beobachtet habe, würde in dieser Zeit, auf seinen ganzen Flächenraum berechnet, durchschnittlich jährlich nicht mehr als

39 Pud Heu

auf die Dessjatine eingetragen haben, wie ich es aus meinen Rechnungen nachzuweisen im Stande bin).

Weiden. Von einer gewöhnlichen Viehweide, von der eine Dessjatine (2400 □ Ssashen) 134 Pud Heu gewähren könnte, sind auf eine Weidezeit von 165 Tagen für ein Schaf 168 □ Ssashen erforderlich.

Der zuletzt angeführte Grundsatz eines bewährten Autors galt für Deutschland, wo das Gras selbst im Winter nicht abstirbt, und wo ein Weideraum, wenn er heute kahl abgefressen ist, doch nach etlichen Tagen den Schafen schon wieder einige Nahrung gewährt. In der Mitte des Dnjerowschen Kreises dagegen wächst das Gras gewöhnlich nur im Frühjahre, und neun Monate liegt es fast abgestorben; ein einmal gemähetes und auch ein kahl abgehütetes Land begrünt fast immer erst im nächsten Frühjahre wieder.

Den Gras-Ertrag der Weiden in eine Zahl zu fassen ist unmöglich, wegen Ungleichheit der Jahre, wegen des bis dahin nicht gefundenen Mittels, die Weide eines dünnen Jahres zu messen, und weil eine durchschnittliche Berechnung auf Weiden unanwendbar ist, da man Weidegras nicht so wie Heu von einem Jahre zum andern conserviren kann. Blosser Abschätzung mag man nach meiner oben geäusserten Meinung, dass wohl zwischen dem jährlichen Grasertrage der Heuschläge und der andern Steppe kein bedeutender Unterschied seyn möge, entwerfen. Die Praxis ergibt, dass auf Askanianova, im Durchschnitt der Jahre, fünf Viertel Dessjatinen Land nicht immer ganz vollkommen hinreichen, ein Schaf das Jahr hindurch zu ernähren.

Noch folgt hier ein Namen-Verzeichniss aller auf beiden Herzoglichen Gütern wildwachsenden Pflanzen. Diejenigen Pflanzen, die allein nur dem Meeres-Ufer angehören, und die in den inneren Steppen nicht gefunden werden, sind mit D bezeichnet. Um den Grad der Fülle auszudrücken, in der man die verschiedenen Gewächse hier findet, sind im Namenregister Zahlen beigefügt. Die gesammte hiesige Pflanzenwelt ist mit der Zahl 100 bezeichnet, die allerseltenste Pflanze mit der Zahl $\frac{1}{100000}$. Zwischen den genannten beiden Zahlen findet jede Pflanze die ihrige, die ihr Menge-Verhältniss zu der Gesamt-Masse angibt²⁹. Für eine ganz gerechte

²⁹ Da Herr Teetzmann kein Botaniker von Fach ist, so glaubte ich sein Pflanzen-Verzeichniss, vor Abdruck desselben, meinem geehrten Collegen, dem Akademiker C. A. Meyer zur Durchsicht vorlegen zu müssen – wofür mir gewiss auch der, so viel ich weiss, gegenwärtig wieder in Deutschland befindliche, Herr Verfasser selbst Dank wissen wird. Bei Zurücksendung dieses Verzeichnisses erklärte mein gelehrter

Eintheilung dieser Zahlen-Verhältnisse ist natürlich nicht zu bürgen, denn sie ist nur das Ergebniss des Augenmaasses, des Gedächtnisses; aber sie wird jeder landwirthschaftlichen Forderung genügen.

Freund, dass einige Namen ihm gar nicht bekannt oder doch zweifelhaft sind, wie z. B. *Asperula vulgaris*, *Campanula calicina*, *Centaurium minoris* (vielleicht *Erythraea Centaurium?*), *Gagea unflora*, *Potentilla bifolia* (vielleicht *P. bifurca?*). – Ferner wurde die Nomenklatur sehr gemischt befunden, indem bald ein neuer, bald ein ganz veralteter Name vorkommt. Für diesen Fall theilte mir Herr Meyer 20 systematische Benennungen mit, die ich den frühern in Klammern beilüge.

Das Verzeichniss selbst ist in so fern geändert worden, als statt der alphabetischen Ordnung die quantitative angenommen wurde, um auf diese Weise die Steppen – Vegetation leichter überblicken zu können. Herr Teetzmann hatte das Verhältniss neben einander wachsenden Steppen-Pflanzen in Brüchen ausgedrückt, so dass die am seltensten vorkommenden Gewächse durch $\frac{1}{100000}$ angedeutet wurden, während diejenigen, welche sich noch einmal so oft vorfinden, durch $\frac{1}{50000}$, endlich die am häufigsten wachsende *Stipa capillata* durch 50 bezeichnet wurde. Abgesehen davon, dass durch Vermeidung der Brüche manche typographische Schwierigkeit beseitigt wird, theile ich vollkommen die Meinung meines Collegen, dass es besser sey, die am wenigsten vorkommenden Pflanzen durch eine 1, die noch einmal so oft vorhandenen durch 2 u. s. w., und die ganzen Zahlen (wie 1 bis 50) durch Hunderttausende (also durch 100,000 bis 5.000,000) auszudrücken. So braucht sich nun der Leser nur ein von 10 Millionen (das Verzeichniss hat übrigens nur 9.886,754; – also doch fast eben so viel) Pflanzen bedecktes Feld zu denken, um zu sehen, wie oft ungefähr unter dieser Pflanzen-Menge dieses oder jenes Steppen-Gewächs vorkommt. – Bei den in gleicher Zahl vorkommenden Pflanzen ist die alphabetische Ordnung beibehalten worden.

Noch darf ich Herrn Dr. Meyer's Bemerkung nicht verschweigen, dass nämlich an den Stellen, wo Pflanzen wachsen, die hier mit 1 (bei Herrn Teetzmann mit $\frac{1}{100000}$) bezeichnet vorkommen, – wie *Scandix australis*, *Portulaca oleracea*, *Veronica verna*, – solche immer in bedeutender Zahl vorhanden sind; woher denn wohl anzunehmen ist, dass Herrn Teetzmann's Angaben sich auf eine grosse Landstrecke beziehen, wo diese Pflanzen nur an einer oder an zwei Stellen zu finden sind. Koeppen.

1.	<i>Stipa capillata</i>	5.000,000
	<i>Stipa pennata</i>	1.500,000
	<i>Medicago falcata</i>	700,000
	<i>Triticum repens</i>	700,000
5.	<i>Artemisia austriaca</i>	600,000
	<i>Achillea Gerberi</i>	600,000
	<i>Achillea Millefolium</i>	
	<i>Vicia Cracca</i>	400,000
	<i>Pyrethrum millefoliatum</i>	100,000
10.	<i>Chrysocoma villosa</i> (<i>Linosyris villosa</i>)	50,000
	<i>Inula germanica</i>	50,000
	<i>Salvia pratensis</i>	50,000
	<i>Salsola Kali</i>	50,000
	<i>Euphorbia Esula</i>	25,000
15.	<i>Malva rotundifolia</i>	25,000
	<i>Melilotus officinalis</i>	14,000
	<i>Inuladysenterica</i> (<i>Pulicaria dysenterica</i>)	10,000
	<i>Poa bulbosa vivipara</i>	4000
	<i>Linum austriacum</i>	2000
20.	<i>Bromus arvensis</i>	2000
	<i>Bromus sterilis</i>	
	<i>Carex pilulifera</i>	2000
	<i>Carex stenophylla</i>	
	<i>Polygonum</i>	1000
25.	<i>Ceratocarpus arenarius</i>	200
	<i>Leontodon Taraxacum</i> (<i>Taraxacum officinale</i>)	200
	<i>Lepidium latifolium</i>	200
	<i>Gratiola officinalis</i>	100
	<i>Iris pumila</i>	100
30.	<i>Juncus articulatus</i>	100
	<i>Thalictrum flavum</i>	100
	<i>Triticum desertorum</i>	100
	<i>Amaranthus retroflexus</i>	20
	<i>Amygdalus nana</i>	20

35.	<i>Galium ruthenicum</i>	20
	<i>Potentilla argentea</i>	20
	<i>Scirpus lacustris</i>	20
	<i>Trifolium arvense</i>	20
	<i>Trifolium montanum</i>	
40.	<i>Trifolium pratense</i>	
	<i>Anthemis Cotula</i> (<i>Maruta Cotula</i>)	10
	<i>Linaria vulgaris</i>	10
	<i>Atriplex hortensis</i>	10
	<i>Carduus hamulosus</i>	10
45.	<i>Cichorium Intybus</i>	10
	<i>Galium humifusum</i>	10
	<i>Galium Mollugo</i>	10
	<i>Galium, verum</i>	10
	<i>Gypsophila muralis</i>	10
50.	<i>Gypsophila paniculata</i>	10
	<i>Lythrum Salicaria</i>	10
	<i>Myosotis Lappula</i> (<i>Echinosperrum Lappula</i>)	10
	<i>Ornithogalum umbellatum</i>	10
	<i>Phlomis pungens</i>	10
55.	<i>Poa pratensis</i>	10
	<i>Salicornia herbacea</i>	10
	<i>Salicornia prostrata</i>	10
	<i>Saponaria Vaccaria</i>	10
	<i>Solanum nigrum</i>	10
60.	<i>Statice tatarica</i>	10
	<i>Thalictrum medium</i>	10
	<i>Tuli a sylvestris</i>	10
	<i>Verbascum phoeniceum</i>	10
	<i>Verbascum Thapsus</i>	10
65.	<i>Xeranthemum annum</i>	10
	<i>Polygonum arenarium</i>	10
	<i>Polygonum Convolvulus</i>	
	<i>Polygonum Persicaria</i>	

	Senecio squalidus	
70.	Senecio erucaefolius	10
	Senecio Doria	
	Serratula arvensis (Cirsium arvense)	
	Serratula stochadifolia	10
	Serratulaxeranthemoides	
75.	Dianthus atrorubens	
	Dianthus collinus	6,66
	Dianthus bicolor	
	Alopecurus pratensis	5
	Arundo Phragmites	5
80.	Cakile maritima	5
	Chenopodium maritimum (Schoberia maritima)	5
	Cochlearia Armoracia	5
	Delphinium Consolida	5
	Draba verna (Erophila verna)	5
85.	Festuca serotina (Molinia serotina)	5
	Fumaria officinalis	5
	Gagea pusilla	5
	Gagea uniflora	5
	Lamium amplexicaule	5
90.	Melilotus vulgaris	5
	Messerschmidia Arguzia	5
	Nasturtium sylvestre	5
	Panicum verticillatum	5
	Peucedanum ruthenicum	5
95.	Prenanthes muralis	5
	Raphanus Raphanistrum	5
	Salsola Soda	5
	Saussurea salicifolia	5
	Silene viscosa	5
100.	Sisymbrium Sophia	5
	Statice caspia	5

	Thlaspi (Capsella) Bursa pastoris	5
	Tragopogon major	5
	Tragopogon pratensis	5
105.	Tulpa Gesneriana	5
	Valeriana tuberosa	5
	Veronica spicata	5
	Xanthium spinosum	5
	Xanthium strumarium	5
110.	Ranunculus Ficaria	
	Ranunculus oxyspermus	5
	Ranunculus testiculatus	
	Geranium bohemicum	4
	Gypsophila perfoliata	4
115.	Orobanche arenaria	4
	Poa Eragrostis	4
	Convolvulus sepium	3,33
	Gnaphalinm arvense (Filago arvensis)	3,33
	Hyoscyamus niger	3,33
120.	Potentilla bifolia	3,33
	Potentilla obscura	3,33
	Potentilla supina	3,33
	Rindera tetraspis	3,33
	Tanacetum vulgare	3,33
125.	Alyssum incanum (Berteroaincana)	2
	Arabis toxophylla	2
	Arenaria rigida	2
	Astragalus corniculatus	2
	Astragalus longiflorus	2
130.	Atriplex hastata	2
	Atriplex verrucifera	2
	Centaurea parviflora	2
	Centaurea phrygia	2
	Centaurea ruthenica	2
135.	Centaurea tatarica	2

	<i>Convolvulus lineatus</i>	2
	<i>Crepis tectorum</i>	2
	<i>Erodium cicutarium</i>	2
	<i>Hyacinthus ciliatus</i>	2
140.	<i>Lychnis dioica</i>	2
	<i>Medicago lupulina</i>	2
	<i>Myosotis arvensis</i>	2
	<i>Phlomis tuberosa</i>	2
	<i>Plantago lanceolata</i>	2
145.	<i>Plantago major</i>	2
	<i>Rumex aquaticus</i>	2
	<i>Salvia Aethiopsis</i>	2
	<i>Sedum Telephium</i>	2
	<i>Scabiosa uralensis</i> (<i>Cephalaria uralensis</i>)	2
150.	<i>Stellara graminea</i>	2
	<i>Kochia hyssopifolia</i>	2
	<i>Triglochin palustre</i>	2
	<i>Triticum junceum</i>	2
	<i>Verbascum Blattaria</i>	2
155.	<i>Verbascum nigrum</i>	2
	<i>Viola tricolor</i>	2
	<i>Allium guttatum</i>	2
	<i>Allium paniculatum</i>	
	<i>Allium sphærocephalum</i>	
160.	<i>Arenaria marina</i> (<i>Lepigonum marinum</i>)	1,25
	<i>Chaerophyllum bulbosum</i>	1,25
	<i>Echinops ruthenicus</i>	1,25
	<i>Ervum tetraspermum</i>	1,25
	<i>Heracleum sibiricum</i>	1,25
165.	<i>Hieracium echiodides</i>	1,25
	<i>Hypericum elegans</i>	1,25
	<i>Lavatera thuringica</i>	1,25
	<i>Lepidium perfoliatum</i>	1,25
	<i>Malva sylvestris</i>	1,25
170.	<i>Marrubium peregrinum</i>	1,25

	<i>Ononis arvensis</i>	1,25
	<i>Onosma tinctorium</i>	1,25
	<i>Orobus tuberosus</i>	1,25
	<i>Pastinaca sativa</i>	1,25
175.	<i>Stachys recta</i>	1,25
	<i>Adonis aestivalis</i>	1
	<i>Agrostis alba</i>	1
	<i>Alisma Plantago</i>	1
	<i>Alyssum minimum</i>	1
180.	<i>Androsace maxima</i>	1
	<i>Androsace septentionalis</i>	1
	<i>Artemisia Absynthium</i>	1
	<i>Artemisia campestris</i>	1
	<i>Artemisia monogyna</i>	1
185.	<i>Artemisia pontica</i>	1
	<i>Artemisia scoparia</i>	1
	<i>Artemisia taurica</i>	1
	<i>Artemisia vulgaris</i>	1
	<i>Arundo epigeios</i>	1
190.	<i>Asparagus (?)</i>	1
	<i>Asparagus verticillaris</i>	1
	<i>Asperula vulgaris (?)</i>	1
	<i>Aster Tripolium</i>	1
	<i>As ragalus asper</i>	1
195.	<i>Atriplex laciniata</i>	1
	<i>Ballota nigra</i>	1
	<i>Beckmannia erucaeformis</i>	1
	<i>Bidens tripartita</i>	1
	<i>Butonus umbellatus</i>	1
200.	<i>Campanula calicina (?)</i>	1
	<i>Centaurea minoris</i> (<i>Erythraea Centaurium ?</i>)	1
	<i>Centaurea Scabiosa</i>	1
	<i>Corispermum</i> <i>hyssopifolium</i>	1
	<i>Coronilla varia</i>	1
205.	<i>Cuscuta europaea</i>	1

	Cyperus flavescens	1
	Echium vulgare	1
	Elymus Caput-Medusae	1
	Epilobium palustre	1
210.	Erigeron canadense	1
	Eryngium campestre	1
	Euclidium syriacum	1
	Fedia olitoria (Valerianella olitoria)	1
	Frankenia hirsuta	1
215.	Glaucium flavum	1
	Glaux maritima	1
	Glycirrhiza echinata	1
	Gnaphalium arenarium	1
	Heliotropium europaeum	1
220.	Herniaria incana	1
	Herniaria hirsuta	1
	Hesperis tristis	1
	Kochia prostrata	1
	Leonurus Cardiac	1
225.	Lepidium Draba	1
	Lotus angustissimus	1
	Lotus corniculatus	1
	Lycopus europaeus	1

	Lythrum Hyssopifolia	1
230.	Lythrum Thymifolia	1
	Marrubium vulgare	1
	Melilotus coerulea (Trigonella coerulea)	1
	Myosurus minimus	1
	Nepeta sibirica	1
235.	Onopordon Acanthium	1
	Panicum Crus galli	1
	Panicum muticum	1
	Peganum Harmala	1
	Poa dura	1
240.	Portulaca oleracea	1
	Scandix australis	1
	Scirpus ovatus (Eleocharis ovata)	1
	Scirpussetaceus (Isolopsis setacea)	1
	Trifolium vesiculosum	1
245.	Utricularia vulgaris	1
	Urtica dioica	1
	Veronica (?)	1
	Veronica incana	1
	Veronica spicata	1
250.	Veronica verna	1

*Welche Resultate, unter den vorher beschriebenen
Umständen, der Ackerbau gewährt.*

Die angegebenen Bestandtheile der hiesigen Ackererde würden, wenn der undurchlassende Untergrund und das Klima nicht störende Nebenumstände wären, dieselbe etwa in diejenige Classe setzen, die Thaer humosen, strengen Boden oder auch starken Weizenboden nennt.

Wir finden auch in der praktischen Benutzung des Bodens diese Benennung nicht passend. In nasser Zeit ist die Bearbeitung des Bodens unmöglich, das Zugvieh versinkt bis an das Knie; indessen tritt dieser Fall selten ein, und lange anhaltend ist er wenigstens nie, da, wie gesagt, die Nässe schnell verdunstet, mit Ausnahme des Winters, wo sie wohl Monate lang anhält, und dann dem Wintergetreide schadet. Dagegen hindert die

Dürre gar nicht selten den Ackerbau, und die ganze Zeit, in der die Ackerbestellung vor sich gehen müsste, verläuft mitunter, ohne dass es möglich wäre einen Pflug, wegen der aus der Dürre entspringenden Härte des Bodens, in die Erde zu bringen. Der Fall tritt vom Mai bis August und September in recht vielen Jahren ein.

Die Dauer der Zeit, in der man im Frühjahr und Herbst den Ackerbau betreiben kann, ist durchaus nicht vorher zu bestimmen; daher kommt es, dass die Zahl der Ackerarbeiter und die Zahl des Zugviehes bald zureichen, bald nicht, und dass, unter beiden Erfordernissen, ein richtiges Verhältniss zur Ackerfläche zu treffen, zu den Unmöglichkeiten gehört, unter welchen jedoch kleine Wirthe, die mit eigener Hand ihr Arbeits-Quantum bezwingen, weniger leiden als grosse, welche zu ihren Arbeiten Tagelöhner bedürfen.

Die Härte der Erde müsste durch reichliche Düngung allmählig gehoben werden; aber ein so ärmlicher Graswuchs, als wir hier haben, gewährt an sich, im Verhältniss zur bewirtschafteten Fläche, nur geringe Düngererzeugung, und dieser wenige Dünger wird, in Ermangelung anderer Brennmaterialien, noch obenein verbrannt. Dass die Düngung so regelmässig und augenblicklich wie in Deutschland wirken sollte, muss man aber nicht glauben; sie wirkt unfehlbar, aber ob im ersten, zweiten oder dritten Jahre ist ganz ungewiss und hängt vom Regen ab, und so kömmt es denn auch, dass man wirklich im Stande ist, der Düngung die Veranlassung zu einer Miss-Ernte aufzubürden und einen einseitigen Beweis deshalb führen kann. Tritt hinreichende Nässe ein, um die Gährung des Düngers zu ermöglichen, so wird letzterer in ganz unglaublich kurzer Zeit verzehrt. Er befördert dann den Wuchs einzelner Gewächse dermaassen, dass ich ähnlicher Fälle von Deutschland her mich nicht erinnere. Unsere Gärten, die stellenweis gedüngt und zugleich bewässert werden, zeigen dies alljährlich. – Sagen muss ich aber auch noch, dass ich einen wirklichen pecuniären Reinnutzen von der Düngung jetzt nachzuweisen durchaus nicht im Stande bin. Es ist hier die Düngung eine vorübergehende Bereicherung kleiner Flächen auf Kosten einer, nach Deutscher Ansicht, unverhältnissmässig grossen Umgegend; aber es ist mir dennoch höchst wahrscheinlich, dass die Einführung der Düngung die hiesige Landwirtschaft, die jetzt nichts weiter vermag, als den Boden nur fragmentarisch zu benutzen, abrunden und der Gesamt - Menge des Bodens zu Produkten - Vermehrung verhelfen könnte³⁰.

Die Dürre ist nicht selten so anhaltend, dass man, selbst wenn die Erde schon vollkommen zur Saat vorbereitet ist, sich nicht entschliessen kann, die völlig ausgetrocknete Ackerkrume zu besäen; man wartet dann mit dem Säen auf Regen; letzterer aber bleibt aus, und die zur Saat geeignete Zeit verstreicht ganz ungenützt.

Wir erfreuen uns dann und wann überreicher Ernten, wie wir sie in Deutschland auch in den fruchtbarsten, am besten angebauten Gegenden niemals haben; ich schreibe dies allein der Jugendlichkeit des hiesigen Ackers zu, die zufällig hinlänglich durch die Wit-

³⁰ Diese Ansicht ist in den letzten Jahren schon durch die That bestätigt worden, und zwar zuvörderst bei den Mennoniten an der Molotschnaja. Köppen.

terung erregt ward; keineswegs aber will ich sie auf Rechnung einer tiefdurchdachten, fleissig ausgeführten Bestellung des Ackers setzen.

Vom öftern Pflügen ein und desselben Stück Lan des zu ein und derselben Aussaat, habe ich auf Askanianova niemals vortheilhafte Folgen gesehen. Selbst die Wahrscheinlichkeit ist nicht vorhanden, dass es si cherer zu einer erträglichen Ernte führen werde. Oefteres Pflügen vermehrte nur, wie dies vorauszusehen war, das Austrocknen der Erde.

Funfzehnfältige und noch grössere Vermehrung des Samens an Sommerweizen, Gerste und Rocken ist keinesweges unerhört; aber gerade eben so wenig selten sind die Miss-Ernten, in denen man selbst den Samen einbüsst. Es ist ein sehr beschränktes Glück, in einem Jahre nicht zu bergenden Ueberfluss zu haben, und nachher wieder mehrere Jahre darben zu müssen. Der Fall, dass Prunk-Ernten mit Miss-Ernten wechseln, lässt sich schwer oder vielleicht gar nicht ausgleichen; selbst Magazine schützen nicht vor Mangel.

Die Ackerbauer Deutschlands werden bei ihrer Ackerarbeit von der Wahrscheinlichkeit gestärkt, eine erträgliche Ernte zu machen; den Ackerbauer der hoffnungslosen Steppen dagegen regt allein nur die Möglichkeit einer guten Ernte an. Der Unterschied zwischen Wahrscheinlichkeit und Möglichkeit ist genügend, den Grad der Aufmerksamkeit und die Grösse des Betriebs-Capitals zu rechtfertigen, die man in beiden genannten Gegenden dem Ackerbaue widmet.

Der Ackerbauer Deutschlands stützt sich ferner auf die gesammte, oft erprobte Erfahrung eines Jahrtausends; der Taurische Ackerwirth nur auf die entmuthigende, tückenhafte, trügliche Erfahrung zweier Menschen-Alter, denen unmittelbar die Zeit der Sage und undurchdringliches Dunkel voraufgeht.

Nachdem ich schon oben von ausserordentlichen Ernten und Miss-Ernten gehandelt, kann ich noch versichern, dass auf den Herzoglichen Gütern im Dnjeprowschen Kreise folgende Vervielfältigung der Aussaat wirklich jährlich Statt fand.

	Rocken.	Sommer-Weizen.	Gerste.	Hirse.	Leinsaat.
Die Ernte von 1832	5fach	4fach	4fach	4fach	
- - - 1833	gar nichts	gar nichts	gar nichts	gar nichts	
- - - 1834	16fach	gar nichts			
- - - 1835	11fach	4fach	3fach	37fach	
- - - 1836	2fach	4fach	1fach	16fach	
- - - 1837	8fach	15fach	15fach	36fach	
- - - 1838	3fach	9fach	11fach	36fach	
- - - 1839	8fach	13fach	12fach	64fach	6fach
- - - 1840	4fach	8fach	12fach	7fach	6fach
- - - 1841	5fach	4fach	4fach	7fach	gar nichts
Durchschnittlich	6fach	6fach	7fach	23fach	4fach

In den ewigen Steppen säet man in Neuland Hirse oder auch Leinsamen, dann Sommerweizen oder auch Gerste, dann Rocken, wovon letzterer sich vielleicht durch das Ausfallgetreide³¹ in guten Jahren einmal, selbst zweimal von selbst wieder erzeugt; alsdann aber hält man das Land für so abgetragen, dass man sich nicht mehr getraut noch Arbeit daran zu verwenden.

Düngung ist unmöglich, wie schon gesagt ist, also muss die ausgesogene Kräfte durch eine lange Ruhe wieder erzeugt werden. Wie viel Jahre Ruhe aber – ich glaube 8 – 10 Jahre, wenigstens sehe ich diese Reihe von Jahren in der nächsten Nachbarschaft angewendet. Von einer kürzeren Ruhezeit, als 8 Jahre, habe ich noch keine guten Folgen gesehen.

Auf zufälligen Steppen, am Meere, genügt eine dreijährige Ruhe.

Colonisten an der östlichen Gränze der Taurischen Steppen, auf zufälliger Steppe, haben ein und dasselbe Drittheil ihres Areals, das sie zum Ackerbau bestimmt haben, beständig unterm Pflug, ohne dass sie bis dahin Abnahmen ihrer Ernten bemerken wollen.

So ist eine Verschiedenheit des Ackerbaues in den Steppen wirklich vorhanden, und sie findet ihre Rechtfertigung in der Verschiedenheit der von der Natur gegebenen Umstände.

Dass es dagegen in den ewigen Steppen irgend Jemand gelungen wäre, durch ausserordentliche mechanische oder chemische Mittel, oder durch eine sinnreicher erdachte Fruchtfolge der Erde grössere, ausgezeichnetere, regelmässige Ernten abzugewinnen, davon ist mir kein Beispiel bekannt, so viel ich mich auch bemühet habe, solche Fälle in Erfahrung zu bringen.

Vergleichende Versuche erlahmen hier an der Unregelmässigkeit des Klimas, das nur zu oft jede Anstrengung des Menschen zu Schanden macht; sie sind hier nicht eine Aufgabe für den Einzelnen, und eine allgemeine Aufmerksamkeit (einer Passion bedürfte es für den Gegenstand) habe ich noch nicht wahrgenommen. Versuche, die schnell zu einem glaubwürdigen Resultat führen sollen, sind in hiesiger Gegend nicht ohne grosse Opfer anzustellen, und überall geht ihnen die Wahrscheinlichkeit voraus, dass selbst für den Fall, dass sie zu einer Vermehrung der Produkte führen, diess Plus kein Aequivalent für den Mehr-Aufwand seyn werde.

Zu oft hat man hier die Erfahrung gemacht, dass die sorgfältigste Bearbeitung des Bodens „weniger zu guten Ernten verhalf, als günstige Witterung, deren Erzeugung ausser unserm Bereich ist, und deshalb hat das Nachdenken des Ackerwirths die Richtung genommen: mit dem geringsten Aufwand das Grösstmögliche der so wohlfeilen Fläche zu bearbeiten. Die Möglichkeit, Vermehrung der Produkte einer gegebenen Fläche der ewigen Steppen zu erzwingen, will ich darum doch aber keinen Augenblick bezweifeln.

---

³¹ Пáдалица; siehe oben S. 23, Anm. 23.

Ich habe bisher nur die feste Ueberzeugung gewonnen, dass der Natural-Ertrag des hiesigen Ackers niemals mit dem Natural-Ertrage fruchtbarer Deutscher Ländereien sich wird messen können. Der gewöhnlich fehlenden und künstlich nicht zu ersetzenden Feuchtigkeit wegen ist das positiv unmöglich. Darum kann Verbesserung des hiesigen Ackerbaues auch aus blosser Nachahmung ausländischer Methoden nicht hervorgehen.

Nach meiner Berechnung gibt im fruchtbaren Köthenschen Lande seit Jahrhunderten durchschnittlich jede Dessjatine Erde (2400 □ Sassen) Acker, Wiesen, Anger, Alles mit eingerechnet, alljährlich ein Einkommen von 60 Pud und mehr an Getreidefrüchten, und ungeachtet des zu gleicher Zeit betriebenen Kartoffel-, Kohl-, Rüben- und Futterkräuterbaues wird Abnahme der Kraft keinesweges gespürt.

Hier in Askanianova und der Umgegend trägt die Dessjatine durchschnittlich jährlich nicht mehr als 9 Pud Getreidefrüchte, wenn man das bis dahin wenigstens nothwendig scheinende achtjährige Brachliegen in Anschlag bringt.

Deutsche Colonisten an der östlichen Gränze des Taurischen Gouvernements, die in dem unbestrittenen Rufe stehen, dass sie durch fleissig betriebenen Ackerbau sich auszeichnen, haben doch den jährlich auf ihrem Besitz auf zufälligen Steppen zu erzielenden Getreidegewinn bis dahin nicht höher als 10 Pud per Dessjatine nachweisen können. Sie theilen ihr Areal ohne Wechsel in drei gleiche Theile, als: Acker, Weide, Wiese. Sollte sich indessen die Möglichkeit, den Acker ohne Düngung beständig bearbeiten zu können, ohne ihn zu erschöpfen, bei ihnen wirklich bewähren, so könnten sie es mit der Zeit wohl auf 30 Pud bringen; wiewohl zum Nachtheil anderer Wirthschafts-Zweige. Aber es streitet die Annahme dieser Möglichkeit gegen alle Erfahrung, und namentlich führt uns Thaer in seiner Englischen Landwirthschaft einen Fall vor, wo ein Englischer Landwirth, Jethro Troll, sein Leben lang mit demselben Projecte renommirte und im hohen Alter es endlich selbst für unhaltbar erklärte. Bernhard Petri sagt über diesen Gegenstand, in seinem Werke über Pflanzen-Ernährungs-Grundsätze, Seite 56:

„will man aber die fehlende Düngung durch eine häufige und sorgfältige Beackerung ersetzen, so hilft man den Acker auf diese Weise gerade am ersten zur Verarmung.“

Kartoffeln wachsen auf Askanianova und auf den von mir sogenannten ewigen Steppen, aber sie vermehren sich gewöhnlich nur der Zahl nach, und vom Glück hat man zu sagen, wenn man von einem Maasse grosser Kartoffeln Aussaat, ein Maas kleiner Kartoffeln wiedergewinnt. Ausnahmsweise fand funfzehnfache Vervielfältigung des *Quantums*, jedoch im nassen Jahre 1838 Statt. Die Kartoffeln werden in der Regel zweiwüchsig, als eine Folge der Sommerdürre; zweimal in 9 Jahren habe ich den Samen nicht wiedergewonnen. So eignet sich die Kartoffel allenfalls im Kleinen für den Gartenbau, aber keinesweges im Grossen für den Ackerbau.

Weisser Kohl gedeihet auf Askanianova, selbst bei der grössten Pflege, auch im Garten nicht; auf dem Acker würde man sich rein umsonst damit beschäftigen.

Rüben sind ebenfalls nur eine Näscherei, die der Garten mühsam aufbringen kann. Alle diese genannten Früchte gedeihen auf den von mir als zufällig benannten Steppen leidlich, aber doch nicht so regelmässig, als in Deutschland.

Von Futterkräutern habe ich bisher auf ewigen Steppen nur Esparsette versuchsweise angelegt, und sie gedieh, verging aber schon im dritten Jahre im Unkraute; dass sie im Grossen angebaut Nutzen gewähren könnte, lässt sich, wenn man die hiesigen Umstände zusammenstellt, ganz bezweifeln. Andere Futterkräuter sind bis dahin nicht versucht worden; die im hiesigen Klima voraus einleuchtende Gewissheit, sie im glücklichen Falle doch immer jährlich nur einmal abmähen zu können, verspricht davon keinen Nutzen und hält, nächst der Theuerung des Samens, selbst vom Versuche ab. Bewässerung der Felder würde der Dürre Trotz zu bieten erlauben; aber Flüsse und Bäche fehlen fast überall. Die grösstentheils vollkommene Ebenheit der Steppen erlaubt die Anlage von Teichen, die zur Bewässerung der Umgegend sich eignen, nur äusserst selten; auf den Herzoglichen Gütern ist sie durchaus für alle Zeiten unmöglich: solche Bewässerung aber aus Brunnen zu erzwingen, möchte nur an den Stellen auszuführen seyn, wo die Brunnen eine geringe Tiefe haben, und ihrer Umgegend das gehörige Gefäll nicht abgeht; und ob nicht selbst da die Kosten den Nutzen überwiegen würden, ist nicht bloss zweifelhaft, sondern sehr wahrscheinlich. Noch will ich der Veränderung erwähnen, die nie bearbeitet gewesene ewige Steppe wie Askanianova erleidet, wenn man sie der Bearbeitung vorübergehend unterworfen hat. Während die nie berührten Steppen eine für alle Thierarten gleich zuträgliche Weide gewähren, sind sie nach aufgehobener Bearbeitung und nach letzter Aberntung, wenn zufällig dürre Jahre eintreten, vollkommen unfruchtbar, und erzeugen nicht ein Hälmchen; dieser Zustand kann mehrere Jahre anhalten.

Kommt dagegen nach der letzten Ernte Regen, so spriesst noch in demselben Jahre die *Salsola Kali* hervor, und überzieht das ganze Feld. Dies Kraut ist in seiner ersten Jugend dem Viehe nicht zuwider, kann auch zu Heu benutzt werden; wird aber schon nach 4 Wochen holzartig, und taugt dann nur noch zum Heizen der Oefen. In folgenden Jahren erzeugen sich auf verlassenem Feldern, bei mässig nasser Zeit, eine Menge von Kräutern, die aber nur wenig Wochen grünen, und deren Gesamtmasse als Heu bearbeitet, mehr wiegt, als derselbe Flächenraum in seinem Urzustande an Heu gewährte. Aber leider ist dies bunte Kräutergemisch, unter dem Distelgewächse vorherrschen, der Art, dass es nicht jeder Viehart zusagt, sondern eigentlich nur dem Kameele.

Noch etliche Jahre später verschwindet dies bunte Kräutergemisch, und Wermuth und Queken bekommen die Oberhand; zuletzt bleibt die Queke allein übrig, und treibt, dünn und dürrig gesäet, in fruchtbaren Jahren eine Elle lange Stengel in die Luft, die

man zu Heu benutzt, das aber an Gewicht doch immer das übertrifft, was man von derselben Fläche als Ursteppe gewinnen konnte.

Als Weide betrachtet, hat das Land durch vor übergegangene Bearbeitung bedeutend von seinem früheren Werthe eingebüsst, und bis es den Urzustand wieder erreichen kann, werden vielleicht mehrere Menschenalter vergehen müssen; Land, das schon 15 Jahre unbearbeitet liegt, ist noch himmelweit verschieden von Ursteppe. Dass der Urzustand endlich wieder eintritt, davon kann man sich hier leicht überzeugen; unmöglich aber ist es mir gewesen, den Zeitraum zu ermitteln, der dazu erforderlich ist; die riesigen Grabhügel, die verschollene Völker in den Steppen aufthürmten, sind mit Graswuchs bedeckt, der von dem der Ursteppe nicht abweicht.

1889

Falz-Fein.

Creation d'un Jardin Zoologique en Russie par M. Falz-Fein.

Bulletin Bimensuel de la Societe Nationale D'Acclimatation de France. 4 Serie-Tome VI. 1889. Trente-Sixieme annee. Paris au Siege de la Societe, 20 Novembre 1889. P. 953-956.

L'intéressante création due à M. Falz-Fein est un exemple frappant de ce que l'homme peut sur la nature.

Au milieu des steppes immenses de Pérékop (Russie), vastes plaines où aucune élévation n'arrête le regard, où aucune végétation arborescente ne le repose, un jardin zoologique est en formation.

Nous sommes heureux de faire part de ce fait à nos confrères et nous pensons qu'ils liront avec intérêt la notice rédigée par le créateur de ce nouvel établissement.

» Ma propriété Tschaply est située à 50 kilomètres de Kachowka, au bord du Dnieper, et à 40 kilomètres de la petite ville de Pérékop, au nord du gouvernement de Tauride. Sur des cartes à grande échelle, la propriété est appelée Cascania-Nova.

» Les steppes appartenant aux propriétés de ma famille, sont aujourd'hui, encore pour la plus grande partie, des terrains vierges, non défrichés, des prairies servant au pâturage de nos troupeaux de bétail, surtout de moutons, pour l'abreuvement desquels nous nous servons d'eau de puits d'une très grande profondeur.

» Le climat est inconstant; les hivers sont généralement d'une courte durée; le thermomètre descend rarement au-dessous de -10° R. et il est rare que nous ayons de la neige en quantité suffisante. Les exceptions ne manquent pas, comme par exemple les deux derniers hivers qui ont été très rigoureux et d'une longue durée, pendant plusieurs jours le froid atteignait -19° R. Par suite du manque de forêts et d'élévations, les vents du N. E. ne rencontrent aucun obstacle, ce qui augmente sensiblement le froid hivernal.

» Mon jardin, qui couvre 20 hectares de terrain, n'était donc autrefois qu'une partie de l'immense steppe de Pérékop. Aujourd'hui il présente un parc avec une solide clôture en planches tout autour, traversé en divers sens de canaux d'une largeur de 2 mètres à 2 m. 5 sur 1 m. 25 de profondeur, communiquant entre eux et avec un étang. Cet étang rassemble les eaux de pluie et de neige, ainsi que le surplus d'eau des canaux. Ces canaux sont alimentés par des puits assez profonds, à l'aide de moteurs à vent. Sans ces provisions d'eau la végétation de mon parc serait mauvaise, par suite des sécheresses prolongées qui font souffrir les arbres. Ce parc n'est pas boisé dans toutes ses parties, à sa périphérie les arbres et arbustes diminuent, formant une zone de pâturage pour les animaux tout le long de la clôture, ce qui facilite la surveillance tant des animaux que de la clôture.

» J'ai l'intention de donner à mon jardin un caractère purement *zoologique*. Le côté botanique ne serait pris en considération qu'autant que l'embellissement et l'agrandissement de parcs et de plantations dans d'autres parties des steppes le réclameraient. Aussi, si la société voulait me charger de quelques essais de plantation et d'acclimatation de plantes, je serais bien aise de me mettre à sa disposition, pour les tenter aussi consciencieusement que possible.

» Presque tous mes animaux se trouvent à l'état de complète liberté dans le parc, à l'exception des palmipèdes en hiver, et des petits oiseaux, qui habitent une volière, avec du gazon, des bocages, une chute d'eau, un bassin d'eau, etc., etc. Cette volière est en communication avec un compartiment chauffé, leur servant de séjour en hiver.

» Cette volière est habitée en ce moment par les oiseaux suivants: *Otis tetrax*, *Ædionemus crepitans*, *Charadrius pluralis et morinellus*, *Glareola pratincola*, *Vanellus cristatus*, *Scolopax gallinaria*, *Machetes pugnax*, *Phalaropus hyperboreus*, *Totanus calidris*, *Himantopus candidus*, *Limosa melanura*, *Numenius arquata et phæopus*, *Ardea garzetta et minuta*, *Gallinula chloropus*, *Rallus aquaticus*, *Crax pratensis*, *Perdix cinerea*, *Coturnix vulgaris*, *Syrnhaptus paradoxus*, *Stema macrura* et quelques petits *Larus*.

» Comme vous voyez ces oiseaux présentent une collection intéressante de gibier de notre pays, et je les ai réunis comme embellissement instructif du jardin. Outre cette volière j'ai construit plusieurs parquets, qui jusqu'à présent ne sont habités que par quelques couples de faisans ordinaires – *Colchicus* et *Torquatus* – et par 1♂, et 2♀ *Tetrao tetrix*. Il y a beaucoup de Faisans ordinaires, mais je les ai mis en liberté dans le parc, tout en leur coupant la dernière articulation d'une aile. Ils prospèrent et se multiplient très bien; les jeunes faisans s'envolent, mais se tiennent tout près du parc. Il est certain que l'acclimatation de ces oiseaux a été une réussite, mais il est à regretter qu'ils ne puissent se disperser, à cause du manque complet de végétation arborée dans nos steppes. De la même manière les Dindes sauvages, les Paons et les Pintades prospèrent et se multiplient.

» L'étang et les canaux sont peuplés de: *Cygnus musicus et olor*; *Anser cygnoides, cinereus* et *Ægyptiacus*, *Casarca rutila et tadorna*; *Anas boschas, strepera, acuta, penelope, querquedula, crecca, clypeata, ferina, nyroca* et *cristata* et *Fulica atra*.

» Dans ce nombre ont couvé l'année passée et l'année présente, *Cygnus olor*; *Anas tadorna*, *boschas*, *strepera*, *querquedula*, *nyroca* et les *Fulica atra*.

» Les *Grus virgo*, *Otis tarda* et les *Rhea Americana* se promènent dans toute l'étendue du parc. Les *Grus virgo* ont eu cette année deux petits qui prospèrent. La femelle Nandou s'est mise à pondre maintenant; tandis que le mâle est devenu très furieux. De ces Nandous j'attends des petits cette année; les *Otis tarda* n'ont pas encore pondu, et comme je le crois, à cause de leur jeunesse.

» Dans le nombre des mammifères, je possède outre quelques *Cervus dama* et *Cervus capreolus*, des *Antilopes cervicapra*, *saïga*, et *subgutturosa* et des *Macropus Bennetti*. Les *Cervicapra*, *Kangourous* et les *Rhea americana*, que j'ai reçus l'année passée au mois de juillet, ont parfaitement bien supporté les grands froids de l'hiver passé (-19° R) et se trouvaient tout l'hiver à l'état de liberté dans mon parc; seulement aux jours de grande gelée, ils se tenaient dans des cabanes de roseaux, avec une couche de paille.

» Quant aux *Antilope subgutturosa* je les ai reçus tout dernièrement. Mes premières expériences avec les Saïga ne voulaient pas réussir, et seuls les exemplaires actuels sont devenus très familiers et se portent très bien.

» Vous avez maintenant à peu près un tableau de nos landes, de notre climat et de mes installations, qui peuvent être agrandies suivant les nécessités. Je viens vous prier de me dire votre opinion sur mon choix d'animaux déjà fait, et de m'honorer de vos conseils, quant aux essais et aux acquisitions à faire. Quels seraient surtout les gallinacés à recommander pour les élever à l'état demi-sauvage, et qui supporteraient notre climat si sévère?

» Pour ce qui concerne les mammifères, la famille des Antilopes m'intéresse le plus. Les Cerfs seraient probablement les plus avantageux, mais il leur faut une riche végétation arborée, et dans un parc tel que le mien, ils détruiraient, mes arbres.

» Comme vous avez dû le remarquer au choix de mes mammifères, je suis obligé, à cause du manque de forêts, de porter mon attention avant tout sur des animaux de steppe, ou habitant des contrées d'un caractère à peu près analogue. — Outre les animaux à destination du parc, qui devront par conséquent supporter les rigueurs de notre climat, j'ai l'intention de m'occuper de l'acclimatation d'autres animaux, tels que quelques grandes Antilopes, des Zèbres, des Atruches, etc., etc., qui dans la suite pourraient devenir complètement animaux domestiques. Pour ces animaux, qu'on devra garder en hiver dans des installations plus ou moins tempérées, je suis en train de construire une écurie, devant laquelle il y aura un grand enclos de steppe.

» Il y a deux ans, j'ai voulu acquérir des Bisons d'Amérique pour en faire le même essai de domestication et d'hybridation, quia si bien réussi à M. Johns, à Kansas, mais tous mes efforts pour me procurer ces animaux ont été vains; nonobstant, je n'y renonce pas, surtout si la Société voulait m'aider dans l'acquisition de ces bêtes.»

1903

Heck L.

Steppe und Steppenwirtschaft.

Herbsttage in Friedrich Falz-Fein. In der Taurischen Steppe Herbsttage bei Friedrich Falz-Fein in Askania Nova Von Prof. Dr. L. Heck Direktor des Zoologischen Gartens in Berlin, 1902-1903. S. 1-16. (окремий відбиток)

Steppe und Steppenwirtschaft.

Herbsttage bei Friedrich Falz-Fein.

Von

Prof. Dr. L. Heck,

Direktor des Berliner Zoologischen Gartens.

Herodot spricht von „königlichen Skythen«, die im Altertum Land und Leute zwischen den Flüssen Dnjepr und Don beherrschten. Inzwischen find schreckliche Jahrhunderte fast ununterbrochenen Völkermordes und Menschenraubes über viele Lande dahingegangen. Aber heute gibt es dort wieder moderne Großherren der Steppe, die mit den friedlichen, deshalb aber nicht weniger mächtigen Waffen der Neuzeit, Intelligenz und Kapital, das Land quadratmeilenweite sich zu eigen und für die Allgemeinheit nutzbar gemacht haben. Vorn-

Das Weiße Schloss am Schwarzen Meer.

Friedrich Falz-Fein mit seinen Windhunden beim Ausbruch zur Hasenhetze.

an unter diesen steht die Familie Falz-Fein, deren Stammgut Ascania Nova im Taurischen Gouvernment nördlich der Krim man auf jedem Atlas verzeichnet findet. Der Name erinnert an den Vorbesitzer, einen Herzog von Anhalt, dem feine weltgeschichtliche Verwandte, Kaiserin Katharina II., jenes Gebiet geschenkt hatte. Von ihm erwarben es die Vorfahren der jetzigen Besitzer, ebenfalls anhaltinischer Herkunft, aber längst zu guten Russen geworden und in der neuen Heimat zu einem ganz eigenartigen Geschlecht moderner Steppenlandwirte im größten Stile entwickelt. Bei ihnen, namentlich bei dem ältesten Bruder Friedrich Falz-Fein, mit dem mich langjährige Freundschaft verbindet, war ich vorigen Herbst zu Gäste und habe da einen Blick tun dürfen in eine ganz neue Welt.

Stauden der Stipa-Steppe.

Wie dort die Natur beschaffen ist und was zu ihr und aus ihr der Mensch dort geschaffen hat, das ist so verschieden von allem, was der Westeuropäer zu sehen gewöhnt ist, daß der Eindruck nicht minder stark ist, wie bei einer überseeischen Reise in einen anderen Erdteil. Ja, ich habe das Gefühl, daß durch Bilder und Schilderungen manches Tropenland in Wirklichkeit mir vertrauter erscheinen würde als dieses Steppenrußland. Das gibt mir den Mut, obwohl ich natürlich keine tiefen land- und volkswirtschaftlichen Studien über die südrus-

sischen Gouvernements und ihre Bewohner gemacht habe, mit einer Schilderung dessen vor die Öffentlichkeit zu treten, was ich bei Falz-Fein gesehen und erlebt habe, zumal ich meine schwachen Worte durch sehr anschauliche Bilder unterstützen kann.

Schon als ich nach drei durchreisten Tagen und Nächten mittelst eines riesigen Pelzes von stummen Dienern im wahren Sinne des Wortes in das nationale Gefährt meines Freundes, nicht Viere lang, sondern Viere breit bespannt, verpackt wurde und so mutterseelenallein bei Sonnenuntergang aus Kachowka, dem kleinen Landungsplatze am Dnjepr, hinausfuhr, da kam ich mir fremd und einsam vor wie Robinson auf seiner Insel. Anfangs zogen noch, knarrend und quietschend, hölzerne Bauernwagen vorbei, bespannt mit kleinen, struppigen Pferden, besetzt und begleitet von pelzmützigen, wettergebräunten Menschen in verwitterter, wetterfarbiger Kleidung. Schlappohrige Schweine, mageres Rindvieh und zottige Hunde liefen zur Seite. Manch Bäuerlein entblößte demütig das Haupt, und ein altes Weib sank sogar in die Knie vor dem entgegenkommenden Herrenfuhrwerk. Mein Zoologenauge fesselten noch einige Zeit ziehende Baumfalken, die in weithin zerstreuter Schar eleganten Fluges fortwährend so niedrig über mich wegstrichen, daß ich ihre roten Federhöschen und schwarzen Bartstreifen genau unterscheiden konnte. Bald aber war das letzte Lebewesen im Dämmer der herabsinkenden Nacht verschwunden, und wir fuhren allein dahin auf der uralten, breiten, allerdings durch keinerlei Wegebau, nur durch viele Meter Wagengeleise nebeneinander bezeichneten Fahrstraße von Norden nach Süden, dem sogenannten Salzweg, auf dem in früheren Jahrhunderten der Salzbedarf Rußlands aus der Krim heraufgebracht wurde.

Mahlzeit der Arbeiter auf der Steppe.

Brotwagen mit Halbblut-Shorthorn-Ochsen
vor der Gutsbäckerei.

Totenstille ringsum; höchstens hie und da einmal das leise, träumerische Auswitzern einer wachgewordenen Lerche seitab im Grase. Wirkliche Ruhe: welch eine ungewohnte Empfindung für Großstadtsinne und -nerven, die der unnatürliche Lärm des Kulturlebens sonst selbst mitten in der

Nacht nicht wirklich ungestört läßt! Hier genoß ich die Ruhe der schlafenden Natur mit wachenden Sinnen, Ruhe nicht nur für das Ohr, sondern auch für das Auge.

Obwohl der Mond noch nicht aufgegangen ist, herrscht doch ein wunderbares Hell-dunkel dank der Klarheit und Pracht des Sternhimmels, der ohne alles unruhige Geflimmer mit einer Leuchtkraft herunterstrahlt, von der man sich in der ozeanischen Dunstatmosphäre Mitteleuropas kaum eine Darstellung machen kann. Ordentlich tief am Himmel hängen die Sterne, das schwarzblaue Himmelsgewölbe scheint sich noch hoch über sie zu erheben, so klar und rein ist die Luft! Unabsehbar weit dehnt sich nach allen Seiten vollkommen flaches und ebenes, baum- und strauchloses Land, nur mit niedrigem Gras und Kraut büschelweise bewachsen: die Steppe!

Das ist sie also, von der man seit der phantasiefreudigen Knabenzeit schon so viel gelesen, von der man sich aber nie eine richtige Vorstellung machen konnte, weil sie aus jeder Zone und jedem Erdteil wieder anders geschildert wird. Auch nicht in ganz Südrußland, ja nicht einmal innerhalb des Falz-Feinschen Gebietes ist sie überall gleich; vielmehr unterscheidet sich hier deutlich nach der hauptsächlichsten Charakterpflanze die „süße“ Stipa-

Wöchentliche Karrenparade vor dem Proviantmagazin.

Steppe von der salzigen Artemisia-Steppe in der unmittelbaren Nähe des Schwarzen Meeres.

Aber ein Wunderboden ist sie an Nährkraft für das Vieh. Man muß wissen, daß Friedrich Falz-Fein allein, abgesehen von Pferden und Rindvieh, 50 000 Stück Merinoschafe hält, die wesentlich nur auf eigener Weide gehen. Da findet man dann die Steppe auf weite Strecken so kurz abgeweidet, daß man schon mit zwei spitzen Fingern zugreifen muß, wenn man noch ein Blättchen pflücken will. Aber die Schafe zupfen und rupfen, werden satt und gedeihen. Und dabei ist die Erde vor Dürre überall in Riffe geborsten. Aber wie nahrhaft müssen gerade diese derben, in der größten Trockenheit wachsenden, mit einem Minimum von Wasser aufgebauten Steppengräser sein gegenüber dem dünnen, wässrigen Grünzeug unserer feuchten Wiesen!

Und ein Wunderboden ist die Steppe auch an Sprießkraft für ihre Pflanzendecke. Man will es kaum glauben, wenn einem gezeigt wird, wie die abgeernteten Felder sich bis zum September schon wieder so vollständig mit Gras und Kraut überzogen haben, daß das ungeübte Auge sie von der anstoßenden Weidesteppe gar nicht mehr unterscheiden kann. Ich selbst habe das während meines Aufenthaltes dort kaum gelernt. Zu erfolgreichem Feldbau gehört allerdings, daß es zur rechten Zeit wenigstens etwas regnet. Dann werden aber auch Ernten erzielt, die an biblische Vergleiche mahnen, und als ich sah, was die künstlich bewässerten Gemüsegelder des einen Gutes hervorbrachten, wo jetzt eine

Steppenküche mit Köchin.

Und ein Wunderboden ist die Steppe auch an Sprießkraft für ihre Pflanzendecke. Man will es kaum glauben, wenn einem gezeigt wird, wie die abgeernteten Felder sich bis zum September schon wieder so vollständig mit Gras und Kraut überzogen haben, daß das ungeübte Auge sie von der anstoßenden Weidesteppe gar nicht mehr unterscheiden kann. Ich selbst habe das während meines Aufenthaltes dort kaum gelernt. Zu erfolgreichem Feldbau gehört allerdings, daß es zur rechten Zeit wenigstens etwas regnet. Dann werden aber auch Ernten erzielt, die an biblische Vergleiche mahnen, und als ich sah, was die künstlich bewässerten Gemüsegelder des einen Gutes hervorbrachten, wo jetzt eine

Feldarbeit auf der Steppe.

Zusammenholen der Maschinenmahl mit der Tauschlinge.

Konservenfabrik errichtet ist, da sagte ich zur Erheiterung meines Freundes unwillkürlich: „Früchte aus dem gelobten Lande Kanaan!“

Wenn es nur etwas mehr und regelmäßiger regnete, wäre die südrussische Steppe wirklich ein gelobtes Land auch für den Ackerbau: man würde dann im Getreide ersticken! So aber wechseln Mißjahre mit guten, sehr guten und wahren Riesenernten: alles je nachdem das göttliche Naß vom Himmel fällt oder nicht. Daher kehren sich alle Wünsche und Gefühle des Menschen gegenüber dem Wetter vollständig um. Während man hier nach „schön Wetter« ausschaut, worunter man ganz selbstverständlich Sonnenschein versteht, – wie oft der uns fehlt, das ist der letzte Regensommer klassischer Zeuge! – sehnt man sich dort stets danach, daß der Himmel sich bewölke und seine landbefruchtenden Schleusen öffne. War das eine Freude auf allen Gesichtern, als es während meines ganzen Aufenthaltes in Ascania Nova von Mitte September bis Ende Oktober glücklich einmal eine Stunde regnete! Dann war aber die oberste Decke des harten Bodens alsbald in eine zähe Lehmschicht aufgeweicht, die sich einem in schweren Schollen an die Stiefel hing. Wenn man dann nur ein kleines Ende zu gehen hatte, mußte man sich schon einen Stock mitnehmen, um sich zeitweilig von der fühlbaren Last zu befreien.

Ebenso schnell ist allerdings die Bodenrinde wieder aufgetrocknet, und in diesem Zustande tritt eine merkwürdige Eigenschaft des Steppenbodens recht deutlich hervor, nämlich die, jede einmal angenommene Form im einzelnen ganz erstaunlich lange festzuhalten. Ein seichter Graben, ein kleiner Erdhaufen markieren sich noch nach Jahren, ja nach Jahrzehnten, und auf diese denkbar einfachste Weise begrenzt man daher auch die öffentlichen Wege durch eine flache Furche zu beiden Seiten. Das Erstaunlichste in dieser Beziehung war mir aber doch, daß man auf der Steppe heute noch ganz genau jede einzelne Stelle bezeichnen kann, wo ein Bobak, eines der gesellig lebenden Steppenmurmeltiere, seinen Bau hatte, während dieses Tier selbst seit mindestens hundert Jahren aus der Gegend verschwunden ist, vielleicht weil eine

ansteckende Krankheit es ausrottete, vielleicht weil ihm überhaupt die anrückende Kultur seine Lebensbedingungen abschnitt. Die Baue sind längst verfallen, die aufgeworfenen Erdhausen verweht, die Erde ist auch an diesen Stellen hart und glatt wie sonst überall, und doch bezeichnet heute noch ein rundlicher, heller Fleck auf der Erde jeden einzelnen Bobakbau. Wenn man sich im Wagen ausrichtet, sieht man damit stellenweise die Steppe weithin übersät.

Nur wo besonders viel und schwer gefahren wird, in der Nähe der Dörfer und Gutshöfe, verliert der Steppenboden seine harte Glätte, wird zu braunem Staub zermahlen, und wenn dann der richtige Steppenwind dazu kommt, dann kann man was erleben! Das Staub und Wind heißt, das habe ich überhaupt erst in Taurien gelernt, und ich werde nie vergessen, wie wir alle aussahen, als wir eines Abends mittelst einer kleinen Wettfahrt zwischen Troika und Viergespann von der Remontierung in einem Steppendorf heimkehrten. Da war nicht mehr zu unterscheiden, ob einer blond-, braun- oder schwarzhaarig, blaß oder rotbackig war: alle Gesichter und Bärte deckte gleichmäßig ein und dieselbe braune Steppenstaubfarbe, und wenn nicht in jedem Herrenhause Staubmäntel zur Verfügung hingen, wären die Kleider gleich in den ersten Tagen vollkommen ruiniert.

Frühjahr und Vorsommer waren regenlos gewesen, und so reichte denn die Ernte wesentlich nur für den eignen Bedarf. Wie groß der ist, möge man daraus ermessen, daß auch für dieses „schlechte« Jahr immerhin 700 Knechte und Mägde gedungen worden haben. In „guten« Erntejahren steigt die Zahl der nötigen Arbeitskräfte bis auf 1200 und noch höher. Sie kommen aus den nördlich benachbarten Gouvernements Kiew und Poltawa und verdingen sich als richtige russische „Sachsengänger“ von Mai bis Oktober für eine runde Summe einschließlich der Beköstigung.

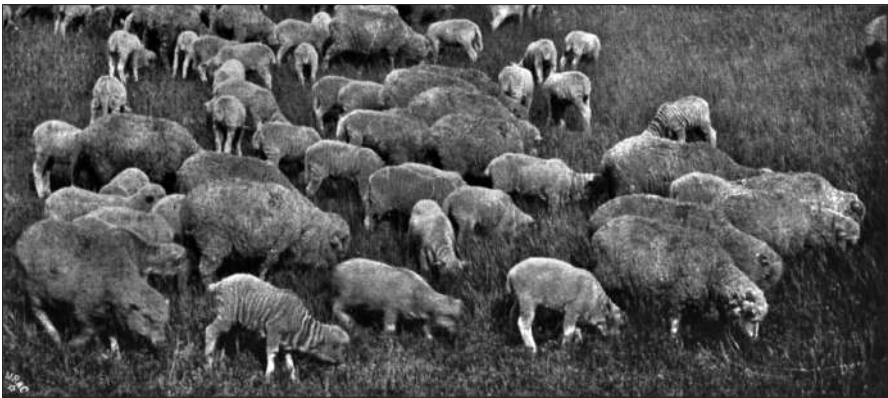

Fettsteißherde. (Kalmückenschafe.)

Wie diese bewerkstelligt wird, das scheint mir eines der Geheimnisse zu sein, durch die es den erfinderischen Vorfahren meines Freundes gelungen ist, die Steppe in solchem Umfange der Landwirtschaft dienstbar und nutzbar zu machen. Bei einem Betriebe, der sich über 30 000 Morgen ausdehnt, ist es natürlich gar nicht denkbar, daß die Mahlzeiten vom Gesinde auf dem Gutshofe eingenommen oder auch nur, daß sie dort zubereitet und hinausgebracht werden. Das Personal ist vielmehr über die ganze Steppe in Gruppen verteilt, je nachdem es der Bedarf an Arbeitskräften erheischt, und jede Gruppe bleibt Tag und Nacht an ihrer Arbeitsstelle, solange dort zu tun ist. Wo gearbeitet wird, wird auch gegessen und geschlafen. Und gearbeitet wird von Sonnenaufgang bis Sonnenuntergang mit den nötigen Essenspausen, die aber nicht, wie bei uns, zugleich längere Ruhepausen sind. Da schläft denn des Abends jeder ungewiegt, wenn er sich unter dem ewigklaren Sternenhimmel einfach lang ausstreckt im trocknen Steppengras, und wenn es in der Nacht recht frisch wird, nun, dafür ist er eben ein „Russe“, er kann es vertragen: ein Feldzug wäre ihm ein „Spaziergang“! Solches Menschenmaterial muß man loben, da gibt es noch keine Leutenot, und daß dieses leistungsfähige und anspruchslose Befinde zur Verfügung steht, ist gewiß nicht der letzte Grund, warum im modernen Taurien diese imponierende Steppengroßwirtschaft sich entwickeln konnte.

Freilich gut gehalten werden die Leute, bei Falz-Feins wenigstens, und zu ihrer rationalen Verpflegung an allen den unzähligen Arbeitsstellen auf der Steppe ist eine ganze Organisation ersonnen. Unter den Gutsgebäuden ragt ein mächtiger, hoher, langgestreckter Schuppen hervor: das Magazin. Wohlgeordnet und unter guter Aussicht enthält es alles, was das russische Volk zum Leben braucht; d. i. außer einem prachtvollen, hausbackenen Schwarzbrot, das ich selbst mit Passion aß, die Ingredienzien zu der nationalen Kohlsuppe, dem Borschtsch, einschließlich Hammelfleisch. Wie oft haben wir draußen mitgekostet, mein Freund und ich, aus den großen, reinlichen Holzstühlen, um die man

Merino-Mutterschafe mit Lämmern.

sich im Kreise niederhockt, und wie geehrt strahlten da die naivfröhlichen Gesichter der Leute, wie verschämt kicherten die kleinen zierlichen Mädels, wenn „Friedrich Eduardowitsch“ ein freundliches Wort sprach. Ja, er ist ein guter Herr; dafür sind seine Diener ihm aber auch gute Diener.

In Rußland gibt es noch „Herren“ und „Diener“.

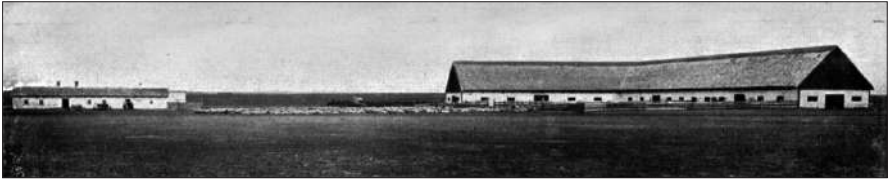
Vor dem Magazin entfaltet sich jede Woche einmal ein reges, eigenartiges Leben. „Heute ist wieder Karrenparade“, pflegte mein Freund lachend zu sagen, nachdem ich das Schauspiel einmal so getauft hatte. Von überallher aus der Steppe kommen große, zweirädrige Karren angefahren, jeder bespannt mit zwei mächtigen Zugochsen der schweren Falz-Feinschen Steppenraffe. Sie holen frischen Mundvorrat für alle die verschiedenen Arbeitsstellen auf der Steppe, und jedem ist sein Wochenbedarf im Magazin schon abgewogen und zugeteilt, je nachdem er einige wenige Viehhirten, eine größere oder kleinere Feldarbeiterkolonne zu versorgen hat.

An Ort und Stelle draußen wartet die „Steppenköchin“, die sich an ihrer primitiven Feuerstelle mit allem Nötigen eingerichtet hat und für die leibliche Notdurft der ihr zugeteilten Leute redlich sorgt. Auch das Wasserfaß fehlt nicht, das mit demselben Ochsenpaar vom nächsten Ziehbrunnen her stets gefüllt gehalten wird.

Am meisten imponieren aber natürlich die Bilder, die in solcher Riesenwirtschaft die Feldbestellung selbst darbietet. Das sind wahre Massenaufzüge! Ich sperrte nicht schlecht die Augen auf, als ich zum erstenmal an dem freien unverbauten Horizont der Steppe eine schier unabsehbare Kette der weißen Ochsensechsgespanne (das mittlere Paar waren junge zum Eingewöhnen) daherziehen sah. Scharf zeichneten sich in der klaren, reinen Luft die langen, leierförmigen Hörner gegen den goldig überflossenen Abendhimmel ab: sogar die Riemen der geschwungenen Peitschen sah man aus der weiten Ferne fliegen. „Da müssen wir hin!“ sagte ich zu meinem Freund, und rasch waren wir da mit unserem flotten Viergespann. Umwege und verbotene Wege gab es für uns nicht, weil und breit war alles Land „unser“, und wohin wir wollten, da fuhren wir eben gerade drauflos. War das ein Hochgefühl für mich armen, „ordentlichen“ Großstadtmenschen, der aber in seiner Jugend wenigstens noch den süddeutschen Bergwald eine Viertelstunde von seinem Vaterhaus gehabt hatte!

Es wurde gemäht mit kleinen, einfachen und praktischen Mähmaschinen, einem eignen Erzeugnis, nebst vielem anderen hergestellt und wiederhergestellt in der Falz-Feinschen Werkstätte, einem weiteren großen Gebäude, das auf dem Gutshofe nicht minderen Raum einnimmt als das Proviantmagazin.

Kräftigen Schrittes gingen die Ochsen vorwärts unter ihren Nackenjochen, so daß die kleinen, zum Teil blutjungen Mägde zur Seite sich tummeln mußten, um gleichen Schritt zu halten, während sie die Tiere zugleich mit hellem Zuruf und leichtem Peitschenschlag antrieben. Hinter jedem Fuhrwerk ging ein Kleinrussenjunge und warf mit einer Harke

Schäferei mit Herde.

die angesammelte Mahd von der Maschine zur Seite. Zu unserer Nähe verstummte alles Sprechen, Rufen und Singen, und ein ehrfürchtiger Ausdruck trat auf die Gesichter. Unmittelbar vor uns legte dann jeder und jede die linke Hand aufs Herz und beugte sich mit gedämpftem „Strastwuitje“ (soviel wie „Guten Tag!“ – gewöhnlich nur als langgezogenes „Straast“ zu hören) vor dem Gutsherrn. Ein eigenartiges Bild: Europa, weiße Menschen und doch, wie weltenfern von unseren Zuständen! An mir machte ich dabei die Selbstbeobachtung, wie willige Unterordnung die freiwillige, wohlthätige Menschenliebe fördert. Diesen Leuten könnte ich alles mögliche zu liebe tun, und mein Freund tut es auch: er verlangt, was er verlangen kann, und gibt, was er geben kann.

Der berittene Oberknecht war mit abgezogener Mütze sofort an unserer Seite und wurde nun von seinem Herrn, in dem diesem eignen, kurzen und geschäftsmäßigen, dabei aber durchaus nicht unfreundlichem Ton über das Nötige ausgefragt.

Weiterhin sahen wir auch die wahrhaft geniale Art, wie die Steppenmahd zusammengeholt wird, um für den Winter zu riesigen, haushohen Heumieten aufgestapelt zu werden. Zu diesem Zweck werden die Ochsespanne einfach vor eine lange Tauschlinge gelegt und auf den abgemähten Streifen entlang getrieben: die Schlinge nimmt dann alles Daliegende von selbst mit.

Mag aber die moderne Landwirtschaft im besten Sinne, wie die Familie Falz-Fein sie betreibt, es noch so gut verstanden haben, die Steppe auch dem Feldbau zu unterwerfen: das Rückgrat des ganzen Betriebes bleibt doch auch heute noch die Viehweidewirtschaft, vor allem die Schafzucht. Ihr Jahresergebnis aus dem Woll-Verkauf wurde gerade abgeschlossen, während ich dort war; es zählte nach Hunderttausenden. Und diese anscheinend

Kaschara aus trockenem Schafsmist.

so primitive, in Wirklichkeit unter kluger Berücksichtigung aller örtlichen Verhältnisse aufs rationellste, ausgestaltete Weidewirtschaft knüpft auch das historische Band mit der Vergangenheit des Landes. Sogar die

Schafzassen früherer Zeiten find noch da: die weißen, grobwolligen Fettschwänze der Tataren und die großen, graubraunen Fettsteiße der Kalmücken: beide werden des Fleisches wegen gehalten. Auch einige grauschwarze Breitschwänze fehlen nicht, deren schwarzgeborene Sauglämmer das beliebte Pelzwerk (russisch Karakul) liefern.

Indes die Hauptmasse bilden natürlich echte Merinos, ein kleiner, genügsamer und harter, aber hochedler Schlag mit vielfaltiger Haut und trefflichem Vließ.

Einzig und allein für diese wertvollen Schafe existieren Stallgebäude, in die sie aber nur bei allerschlechtem Winterwetter eingetrieben werden, wenn solche Schneestürme toben, daß sie sich unmöglich draußen nähren können, und die mächtigen, langgestreckten Schäfereien mit ihren hohen, graugelben Strohdächern und den riesigen Heumieten daneben sind es hauptsächlich, die auf dem Falz-Feinschen Gebiete das einformige Bild der Steppe hier und da unterbrechen. Alles übrige Vieh kommt niemals, buchstäblich niemals unter ein Dach. Man mache sich klar, was für ein kerniger, zäher und widerstandsfähiger Schlag von Rindern und Pferden auf diese Weise erzielt wird! Der einzige Schutz, den man ihnen gegen die schlimmsten Unbilden der Witterung bietet, ist die „Kaschara“, ein über mannshoher Ringwall von trockenem Schafsmist, der aus den Schafställen stückweise ausgestochen wird und sich fest wie Bausteine ausschichten läßt.

Derselbe „Kirpitsch“, wie er russisch heißt, ist in dem holz- und kohlenlosen Lande auch das hauptsächlichliche Brennmaterial, und ich kann versichern, ein recht gutes und lange vorhaltendes.

Wie erstaunt ist der Westeuropäer, solche ins Riesenmäßige gehende Schafhaltung ohne richtige Schäferhunde in unserem Sinne zu finden. Es sind zwar Hunde da, sogar eine höchst cha-

Südrussische Hirtenhunde (Schafpudel).

Schäfer mit jungem Merinobock.

rakteristische, weißzottige Rasse; sie beteiligen sich aber am Hüten gar nicht, sondern bewachen nur die Hirtenkarren und spielen überhaupt die Nachtwächter gegen Diebe und andere unliebsame Vorkommnisse. Mich interessierten sie ganz besonders, weil ich in ihnen eine jener primitiven Ur- und Naturrassen des Haushundes erblicke, welche in früheren Jahrhunderten überall vorhanden waren, um Hirten und Herde, Haus und Hof gegen Raubtiere und Räuber zu schützen. Bis heute haben sie sich natürlich nur da erhalten, wo noch ursprünglichere, weniger überkultivierte Verhältnisse herrschen. Im mittelalterlichen Deutschland spielt der „Vieh- oder Schafhund“ eine große Rolle, und er sah, nach der alten Geßner-Beschreibung, sogar bis auf die weiße Farbe genau aus, wie die Falz-Feinschen Hirtenhunde von heute. Bei uns sind die wetterharten, nützlichen und treuen Tiere längst verschwunden; man hat sie zu Grunde gehen lassen, wie so manche andere gute, alte, angestammte Rasse, und hält sich dafür auf dem Lande jetzt lieber allerlei Schund- und Schandköter unbestimmbarer Herkunft. Nur der Engländer, der als „Tiermensch“ nun einmal turmhoch über allen anderen Nationen steht, hat die uralte Hundeform aus Liebhaberei fortgezüchtet, aber – wiederum echt englisch – in einem abnormen stumpfschwänzigen Schlag, dem sogenannten „Bobtail“.

Wer hütet nun auf der taurischen Steppe die Schafe, wenn es der Hund nicht tut? Ganz einfach der Schäfer selbst und noch mehr der Kleirussenjunge, der ihm zur Hilfe beigegeben ist. Der hat auch die flinken Beine und die gute Lunge dazu. Und wie vergnügt schaut der frische, sehnige Bengel aus seinen blauen Augen! Man sieht, er ist mit seinem „Hundeleben“ sehr zufrieden, und darauf kommt es ja schließlich doch allein an in jeglichem Menschenleben.

Bei der Schafschur.

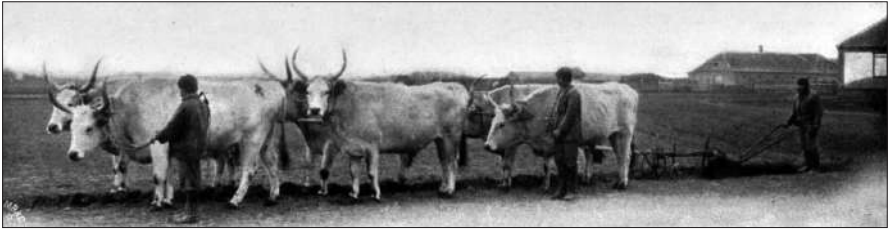
Die Schäfer, meist bärtige Männer in mittlerem Alter, sehen auf den ersten Blick recht wild und struppig aus: kommen sie doch ebenso selten, wie die ihnen anvertrauten Tiere unter ein Dach! Indes, im trockenen Steppengrass schläft sich's allezeit schön, ob Tag ob Nacht, und hört man Pferdegetrappel, so kann man sich ja aufrappeln. Dann liegt allerdings auf den weichen, gutmütigen Zügen, wie sie dem Russen eigen, ein ganz respektables Quantum „Stumpfsinn“ ausgeprägt, und diesen kann sich ja wohl ein russischer Steppenschäfer auch leisten un-

Schafe im Räudebad.

beschadet des übrigen Weltenlaufes. Nur zu viel darf's nicht werden der edlen Geistesgabe, die im modernen Musensohn ihren Lob- und Preissänger gefunden hat: sonst beschwört man energische Aufmunterungsversuche des revidierenden Oberschäfers oder Schafmeisters herauf, gegen die ein dicker Schafspelzrock den besten „Leitungswiderstand“ bietet.

Die Pflege der Schafe erfordert nämlich nicht wenig Aufmerksamkeit: bei ihnen ist der Stumpfsinn erst auf der Höhe! Noch nie und nirgends vordem und anderswo war es mir so schauerhaft klar geworden, bis zu welchem Grade von Unselbständigkeit die unausgesetzte Bewachung und Behütung das Schaf hat geistig verkümmern und verkommen lassen. Körperlich – allerdings nur im Sinne des sie ausnutzenden Menschen – so hochedle Tiere sind sie nicht einmal imstande, sich das ekle Fliegen- und Madengeschmeiß vom Leibe zu halten, das sich mit Vorliebe in die verschiedenen Ausfuhröffnungen ihres Körpers einnistet! Gegen diese Gefahr muß der Schäfer täglich auf der Hut sein, und er hat zu diesem Zweck eine ganz besondere Ausrüstung. Zunächst seinen langen Fangstock mit dem eigenartig gekrümmten Aussatz am Unterende, dessen Bedeutung man nicht eher versteht, bis man einmal gesehen hat, wie einfach, rasch und sicher der Mann jedes beliebige Stück seiner Herde am Hinterbein Festhakt und zu sich heranzieht. Dann faßt er nach der eigenen Wade, wo ein kleiner Köcher mit Holzteer und darin steckendem Schmierholz befestigt ist, und bestreicht mit diesem die gefährdeten Körperstellen des Tieres.

Arbeitsochsen vor dem Pflug.

Wo 50 000 Schafe gehalten werden, da ist natürlich die Schafschur ein großes Ereignis, das Gesinde und Beamtschaft tagelang in Aufruhr hält. Leider habe ich es nicht miterlebt, aber es müssen ganz einzigartige Bilder sein!

Sehr sinnreich und einfach, aber im großen Stile für Massenbedarf angelegt sind auch die Einrichtungen für desinfizierende Bäder der geschorenen Schafe, um der Räude entgegenzuarbeiten. Man treibt sie einfach eines hinter dem andern in einem künstlichen Graben mit Karbolwasser entlang, der gerade so tief ist, das sie mit dem Kopfe heraussehen.

Trotz rationellstem Betrieb und bester Organisation sind Verluste nicht zu vermeiden. Dem Vater Friedrich Falz-Feins starben einmal durch einen verspäteten Frost in einer einzigen Nacht 16 000 frisch geschorene Schafe. „Schlimm; aber Gott sei Dank, wir können's aushalten!“ sagte er gelassen, als die Hiobpost kam, und setzte sich zum Frühstück.

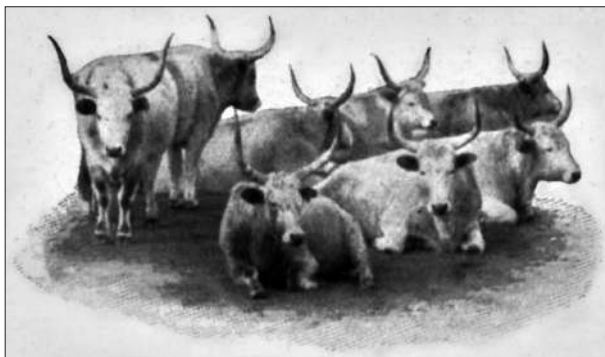
So rettungslos verumt das Schaf sich unter allen Umständen erweist, so klug und selbständig, sogar gegen den eigenen Herrn, zeigt sich das Rind in freierer Haltung. Das Falz-Feinsche Rindvieh wird nun so frei auf der Steppe gehalten, wie das überhaupt nur denkbar ist; es sieht in seinem ganzen Leben kein Dach über sich! Dabei wird aber doch eine rationelle Zuchtwahl geübt, und so sind es denn ganz prächtige Tiere, an denen man wirklich seine Augenweide gaben kann. Sie gehören zu den dort einheimischen weißen, langhörigen Steppenrindern, deren schöne, bei den Stieren schwarz überlaufene Farbe und mächtiger Kopfschmuck gleich für sie einnimmt, sind aber innerhalb dieser Form zu einer weithin durch Rußland berühmten Vollendung herausgezüchtet.

Steppenhirt.

Arbeitsochsen – mein Freund braucht von solchen im ganzen 1 200 Stück – sieht man bei Falz-Fein wahrhaft imponierend; Größe, Gewicht und Knochen zum

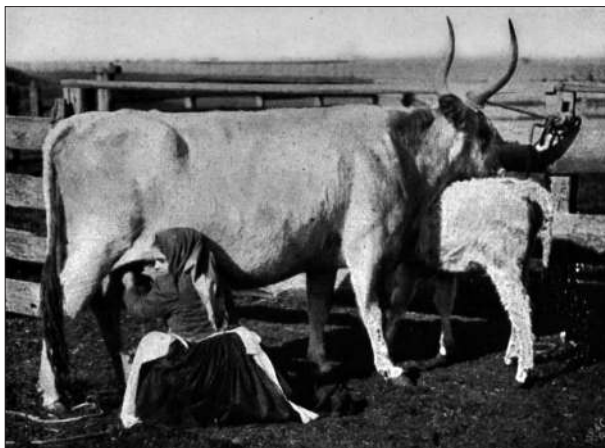
Staunen! Das geht vor dem Pflug oder schweren Wagen stundenlang und stundenweit dahin, immer in demselben sicheren, festen Schritte, ohne Wanken und Weichen. Für schwere Arbeit, die langsam getan werden kann, ein wahrhaft ideales Zugtier, das noch dazu in seiner freien Zeit sein Futter sich selbst sucht!

Ruhende Arbeitsochsen.

Ein ebenso ideales Milchtier ist die Steppenkuh; allerdings nicht in der Menge, nur im Gehalt und Wohlgeschmack ihrer Milch. Sei gibt nur wenig und mit Schwierigkeiten; sie muß erst vorn und hinten festgebunden werden, und das Kalb muß ansaugen. Das wenige, was sie gibt – eine ganze Herde war für den Hausbedarf meines Freundes nötig! – ist aber so kräftig und aromatisch, daß ich rein aus Leckerei Steppenkuhmilch getrunken habe. Und eine Sahne wird daraus geschlagen, wie sie sich unsere Konditoren, Hausfrauen und süßschnäbligen Backfische nicht einmal träumen lassen können!

Ausgeprägt ist bei dem freien Rinde der Steppe geradezu eine Art Gemeinsinn. Während in der Pferdeherde kaum ein Stück sich drum kümmert, was dem anderen passiert, müssen bei der Rinderherde die Hirten sich sehr vorsehen, alle möglichen Listen und Kniffe anwenden, wenn sie ein Stück von den anderen trennen oder sonst irgend was Besonderes mit ihm vornehmen wollen. Alle treten mannhaft für den gefährdeten Genossen ein und gehen schnaubend und mit erhobenem Schweif mitunter selbst auf die ihnen sonst so wohl vertrauten Hüter los.

Steppenkuh mit Kalb beim Melken.

Büffelgespann mit getrocknetem Schafsmist.

Auch die schwarzen Büffel, die in der römischen Campagna beginnend, durch Südosteuropa, Nordafrika, Süd- und Mittelasien als genügsame, leistungsfähige Arbeitstier sich verbreiten, gebraucht Friedrich Falz-Fein in beschränkter Anzahl; sie verstärken das „halbasiatische“ Element in diesem eigenartigen Großbetriebe.

Noch mehr geschieht das durch die zweihöckerigen Kamele. Auf deren Zucht legt der Gutsherr großen Wert, weil er ihre außerordentliche Arbeitskraft nach seiner Erfahrung schätzt, namentlich wenn es gilt, schwere Fuhren rascher fortzubewegen, als dies mit Ochsen möglich ist, und länger, als Pferde es aushalten. So sieht man denn in Ascania Nova sehr oft zwei riesige, starkknochige Kamele vor einem modernen Lastwagen ganz einfach mittelst eines breiten, vor den vordersten Höcker gelegten Riemens angespannt, und über den Schritt, den sie dabei am Leibe haben, staunt man. Ein wundersames Bild: das Charaktertier der asiatischen Nomaden im Dienste der europäischen Kultur!

Rationelle Praxis im besten Sinne des Wortes, die es ebensowohl versteht, sich auf den Boden der gegebenen Verhältnisse zu stellen, die Vorzüge des Vorhandenen anzuerkennen, als von da aus das höchste Ziel der möglichen Verbesserung klar ins Auge zu fassen und den kürzesten Weg dahin sicher und unbeirrt zu verfolgen, das alles, was den Tierzüchter, wie er sein soll, kennzeichnet, prägt sich auch in den Bestrebungen und Ergebnissen der Falz-Feinschen Pferdezucht aus.

Kamelwagen.

Schon Friedrich Falz-Feins Vater und Großvater haben durch weiße Shorthorn-bullen das Blut dieser hervorragenden englischen Fleischrasse in ihr Rindvieh eingeführt, um die Ochsen mastfähiger zu machen. Die Milchlinge verateten sich vielfach durch die rötlich-schimmelige Farbe, die den Shorthorns eigentümlich ist.

Die erstaunliche Wetterhärte und Genügsamkeit des kleinen, aus den Tartarenzeiten überkommenen Steppenpferdes soll erhalten bleiben, und dementsprechend ist die Haltung der Pferde: immer auf der Steppe, nie unter Dach! Infolgedessen fällt auch für die auf dem

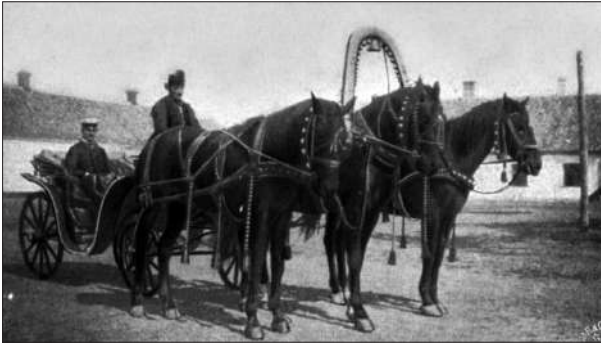
Einfangen von Halbblutpferden.

Gutshof eingestellten Gebrauchspferde die unselige Angst vor dem „lebensgefährlichen“ Stehen im Freien weg, womit die meisten westeuropäischen Pferdebesitzer ihre Umgebung nervös machen, und das ist eine große Wohltat. Man wird ja angesteckt von dieser Krankheit, und ich selbst glaubte in der ersten Zeit einige Male an wartende Pferde und Menschen erinnern zu müssen. Als ich aber dafür immer mitleidig „ausgelächelt“ wurde, schwieg ich gerne stille und freute mich, daß man wenigstens in Rußland wirkliche Gebrauchspferde und Gebrauchskutscher hat.

Und doch haben diese harten Falz-Feinschen Gebrauchspferde, die keine „Decke“ kennen, heute schon ein ganz ansehnliches Teil englisches Blut in sich, was sich jedem halbwegs kundigen Auge durch Größe und Formen der Tiere alsbald verrät. Wenn man eine Herde zu irgendwelchem Zwecke beim Gutshofe zusammengetrieben sieht, da entwickeln sich höchst lebhaft, fesselnde Szenen mit diesen Wildlingen, und man bewundert die kaltblütige Kunst der Pferdeknechte in der Behandlung und Beherrschung der Tiere. In diesem Gewerbe scheint aber der Großrusse mit Schirmmütze, Weste, dem darunter hervorbauischenden Hemd und hohen Stiefeln dem Kleinrussen über zu sein, der, barfüßig, in seinem langen, unglaublich weiten Hosen und im Strohhut schon gar nicht nach einem Reiter aussieht.

Ausbruch der Remonten-Kolonnen.

Woldemar Falz-Fein in seiner Steppen-Troika.

Steppenpferd ein großes, schönes Tier geworden, sondern durch das notorisch größere Herz des Vollbluts hat sich auch die Leistungsfähigkeit in andauernder, rascher Bewegung noch wesentlich erhöht. Mein Freund zeigte mir dies nicht ohne Stolz an seinem eigenen Lieblings-Viergespann, mit dem wir täglich stundenlang fuhren. Von diesen vier Pferden schwitzte und schnaufte nach längerem Trab stets dasjenige am wenigsten, welches am meisten englisches Blut hatte.

Die Falz-Feinschen Vollbluthengste stammen aus den Gestüten russischer Großfürsten, so daß ihnen russisches Klima und Futter nicht mehr ganz fremd sind; wiederum ein Beweis für das ebenso vorsichtige als zielbewußte Vorgehen meines Freundes! Ich traute aber doch meinen Augen kaum, als ich diese kostbaren Tiere in ihren Boxen aus einem weitmaschigen Netzbeutel reines Strohhäcksel knabbern sah; so „schlecht“ werden sie gehalten! Aber wie vor-

Friedrich Falz-Fein mit dem Autor in seinem Lieblings-Viergespann.

Gegen das englische Vollblut erhebt sich in unseren Pferdezüchtern manchen Stimmen. Bei Falz-Fein hat es Wunder gewirkt – immer natürlich in Gemeinschaft mit sorgfältiger Zuchtwahl unter dem einheimischen Stutenmaterial. So ist dort nicht nur aus dem kleinen, häßlichen

aus! Das macht wohl, daß sie einen großen Teil des Jahres ganz frei auf der Steppe in den Stutenherden zubringen, eine rationelle Naturzuchtmethode, die sich dadurch glänzend lohnt, daß kaum ein Fehlschlagen der Befruchtung vorkommt. Ist es doch im Grunde weiter nichts als eine Rückkehr zu dem ursprünglichen Wesen des Pferdes als wilden Her-

dentieres der Steppe! Und wie wenig an dieser Urpferdenatur generationsweise Verhättschelung in vieler Beziehung, ja jahrhundertelange Überkultur hat rütteln können, das beweist in geradezu überraschender Art der Vollbluthengst, wenn er zur Stutenherde freigelassen wird. Dann nimmt er sie wiehernd in Besitz, umkreist sie in stolzem Hochtrab und ver-

Bedarka (Botenwagen).

teidigt sie mutig gegen alles Nahende, genau wie der Zebrahengst. Eine ganz merkwürdige Beobachtung, die auch in hochwissenschaftlichen Kreisen weiteste Verbreitung verdient!

Daß die Falz-Feinschen „Dreijährigen“ von der russischen Heeresverwaltung gerne angekauft werden, erscheint nach dem Vorstehenden nicht mehr wie selbstverständlich. Ich machte eine solche Remontierung in einem Steppendorfe mit und lernte dabei die mitwirkenden Offiziere, Roßärzte und Mannschaften hoch schätzen nach ihrem Sachverständnis und allgemeinen Austreten.

Höchst malerisch war der Aufbruch unserer Remontenkolonne, wie sie, angebunden an große Ochsenwagen, die mit Heu für die nächsten Tage hochbeladen waren, langsam in die Steppe hinauszog – auf Nimmerwiedersehen!

In solch ausgeprägtem Pferdeland, wie Taurien es ist, fährt natürlich jeder, der einigermaßen was ist oder in höherem Auftrag etwas zu tun hat; nur das niedrigste Kleinarussengesinde läuft seine Wege auf den eigenen flinken und sehnigen Beinen. Der Herr fährt für gewöhnlich „Viere breit“, namentlich wenn er längere Strecken gleichmäßig rasch zurücklegen will. Will er mehr repräsentativ auftreten, so nimmt er die Troika, das russische nationale Dreigespann, das meines Freundes jüngster Bruder Woldemar in mustergültiger Aufmachung und ausgesuchtem Pferdmaterial sowohl mit Füchsen als mit Rappen vorfuhr. Ich war hingerissen von dem ebenso vornehmen als malerischen und temperamentvollen Bild! Das größere Mittelpferd unter dem buntbemalten Glockenjoch hoch erhobenen Kopfes weit ausgreifend im rasenden Trab, die beiden kleineren Seitenpferde mit nach außen gestellten Köpfen

Reitsitzwagen.

in wogendem Galopp: so saust das Ganze dahin, unter hellem Klingeln all der kleinen Glöckchen, mit denen das Pferdegeschirr behangen ist.

Für den Verwalter, Schafmeister, Gutsbeamten sind noch mindestens zwei Pferde standesgemäß, und schließlich fährt auch der jüngste Botenjunge, sobald er etwas zu bestellen und zu besorgen hat. Für diese Botenfuhren hat sich sogar ein ganz besonderes, leichtes, zweirädriges Fuhrwerk herausgebildet, das mir für den Zweck recht praktisch scheint, die sogenannte Bedarka. Sie soll von den württembergischen Kolonisten herkommen, und das will ich gerne glauben; denn ihre Form erinnert unverkennbar an das schwäbische „Wägele“. Daneben sieht man noch den niedrigen, vierrädrigen Reitsitzwagen, so genannt nach der unbequemen und unsicheren Stellung, die der bedauernswerte Fahrende auf dieser lehnenlosen Bank mit Rädern einnehmen und innehalten muß. Mir tat jeder arme Bauer und jüdische Händler leid, den ich auf solchem lebensgefährlichen Martergestelle auf- und niederfliegen und durchschütteln sah.

Wechsels- und lebensvolle Bilder konnte ich vorüberziehen lassen aus dem Lande der alten Skythen, wie es heute dort zugeht, da der moderne Menscheng Geist es versteht, auch diese Einöde auszunutzen. Von der Steppenwirtschaft vermochte ich in Wort und Bild eine gewisse Vorstellung zu geben. Wer aber schildert die Steppe? Die flache, nackte, kahle, das landschaftliche Nichts!

Und noch, wie liebe ich sie, Schon nach der ersten kurzen Bekanntschaft, die mich überwältigte wie ein Rausch! Welch ein Genuß ist es für den westeuropäischen Großstädter, einmal nichts zu sehen und nichts zu hören als Himmel, Gras und Lerchen! Kaum in Worte zu fassen ist die Stimmung solcher Steppenfahrt.

Der Himmelsdom blau,
Die Erdenflur grau;
Nicht Baum, noch Strauch in der Weite.

Nur trabender Pferde Huf
Und huschender Lerchen Ruf
Tönt mir und dem Freunde zur Seite.

So fahren wir stumm
Durch Schweigen ringsum,
Entrollen der Luft und dem Leibe.

Dir, Mutter Natur,
Sind wir auf der Spur:
O nimm in die Arme uns beide!

Heck L.

Im Zoologischen Paradiesgarten.

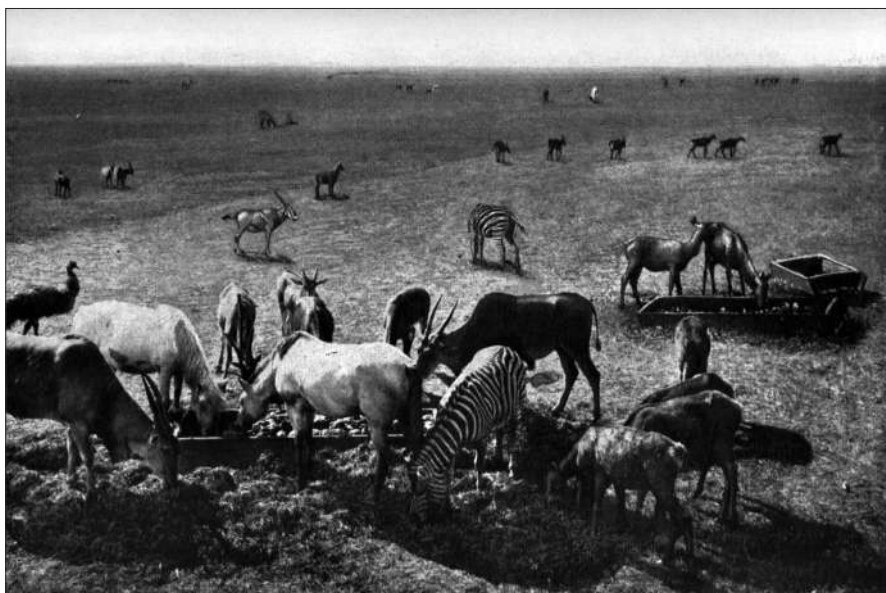
Herbsttage in Friedrich Falz-Fein. Tierpark zu Askania-Nova. Mit 38 Abb.
In der Taurischen Steppe Herbsttage bei Friedrich Falz-Fein in Askania
Nova Von Prof. Dr. L. Heck Direktor des Zoologischen Gartens in Berlin,
1902-1903. S. 17-38. (окремиий відбиток)

Im zoologischen Paradiesgarten.

Herbsttage in Friedrich Falz-Feins Tierpark zu Askania Nova.

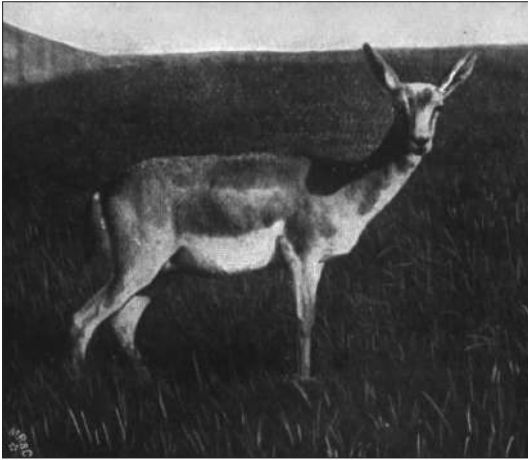
**Von
Prof. Dr. L. Heck.**

In Kunstsachen waren große Privatsammler, die sich mit ihren Schätzen neben öffentlichen Museen sehr wohl sehen lassen konnten von jeder nichts Unerhörtes. Auch hervorragende Naturliebhaber, die ein bestimmtes Gebiet museumsmäßig bearbeiten, Vogel-, Eier-, namentlich aber Insekten- und Konchyliensammler hat es immer in größerer Anzahl gegeben.

Auf der großen „Tiersteppe“.

Persische Kropfgazelle.

Anders in der Liebhaberei für lebende Tiere. Hier sind Sammler großen Stiles ebenso selten, wie Mittel und Raum groß sind, die diese Liebhaberei beansprucht. Wenn man von einem oder dem anderen großen Jagdherrn absieht, der, wie der Fürst Hohenlohe-Öhringen neuerdings bemerkenswerte Importe ausländischen Wildes zu Jagdzwecken veranlaßt hat, wäre hier für Deutschland kaum jemand zu nennen außer etwa dem Straßburger „Fasanen-Cro-

nau“, der diesen Beinamen als unser bester Kenner ausländischen Ziergeflügels mit allen Ehren trägt.

Wir Deutsche haben aber einen gewissen Anteil und ein gewisses Interesse an dem Manne, der in begeisterter, aber vom praktischen Sinne des tüchtigen Landwirtschafts geleiteter Liebhaberei es verstanden hat, ein Stück fremdländisches Tierleben auf die südrussische Steppe zu zaubern: an Friedrich Falz-Fein, der, obwohl heute ein guter Russe, eine hervorragende Persönlichkeit im taurischen Gouvernement, doch deutscher Abstammung ist von den Zeiten her, da Kaiserin Katharina II, ihre anhaltinischen Verwandten mit weiten Strecken der menschenleeren Einöden am Schwarzen Meere beschenkte, und anhaltinische Beamte und Landwirte ansingen, dieses Brachland nutzbar zu machen.

Langjährige Freundschaft verbindet mich mit Friedrich Falz-Fein: sie knüpfte sich schon in den achtziger Jahren vorigen Jahrhunderts zwischen ihm, dem Dorpater Studenten, und mir, dem neuberufenen Direktor des Berliner Gartens. Dann verfolgte ich es jahrelang mit freudigem Interesse aus der Ferne, aus Briefen und Zeitschriften, Mitteilungen unserer großen Händler, wie die Tiersammlung „da unten“, beinahe in der Krim, sich vergrößerte und gedieh. Und jetzt habe ich das alles mit eigenen Augen gesehen: es ist eine der schönsten Erinnerungen meines Lebens!

Von Dienstag morgen bis Freitag abend spät war ich erst im Schnellzug, dann nach einer Tagespause in Odessa mit dem Dampfer und schließlich noch einige Abend- und Nachtstunden „viere breit“ im Wagen gereist, bis ich endlich in dem weißen, einstöckigen, langgestreckten Herrenhause anlangte, empfangen wie ein Bruder. Während der

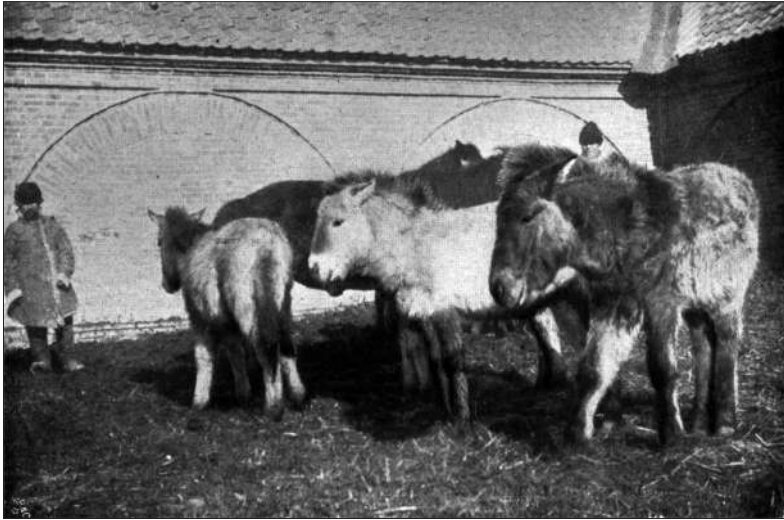
Nacht schlief ich ungewiegt in einem der behaglichen Gastzimmer. Am anderen Morgen war ich aber schon früh wach; ich hörte vor meinem Fenster einen Vogelton, den ich nicht kannte. Als ich den inneren Laden zurückklappte, sah ich vor mir in einem Tujabaum den Zwergfliegensänger, einen allerliebsten Vogel, von dem als interessanten Einwanderer nach Deutschland ich in ornithologischen Kreisen und Schriften schon viel gehört und gelesen, in der Freiheit und Natur aber noch nichts gesehen hatte. Und weiterhin in der klaren, sonnigen Steppenluft schwebten gaukelnden Fluges die schlanken, langschwänzigen Weihen. Auf jeden Blick sah ich mindestens eine; es war eine Fülle, die mir rätselhaft schien. Ich mußte eben erst lernen, daß ich mich in einem Vogeldorado befand, auf einer Hauptstation des russischen Vogelzuges vor dem Übergang übers Schwarze Meer, wo sich zur Zugzeit tage- und wochenweise solche Massen derselben Vogelart zusammenhäufen, daß man manchmal glauben möchte, es ginge nicht mit rechten Dingen zu. Im Oktober, ehe ich abreiste, hätte man wieder unmittelbar um das Haus herum die unter jedes Gebüsch „gedrückten“ Waldschnepfen fast mit dem Spazierstock totschiagen können!

Aber ich wollte ja heute nicht erzählen von dem, was von Naturrechts wegen in Ascania Nova lebt, sondern von dem, was der Herr des Geländes mit Verständnis und Liebe dort eingebürgert, in ein zweites Freileben übergeführt hat mit ganz überraschendem Erfolg.

Künstliche Aufzucht junger Saigas mit einem Kuhhorn.

Junge Urwildpferde nach der Ankunft.

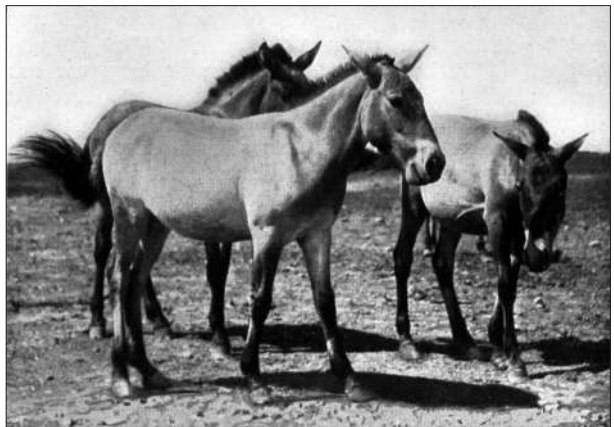
Ich sollte es bald kennen lernen, als wir uns nach dem Frühstück auf den Weg machten und eine Holzterappe zu einem vielverheißenden Aussichtspodest emporstiegen. Da lag sie dann vor uns, die Falz-Feinsche „Tiersteppe“, Afrika in Rußland!

Wir standen oberhalb einer Holzplanke, eines robusten Gatters, das sich in weitem Bogen nach beiden Seiten herumzog, vor uns in der Ferne auf dem eintönigen, flachen Steppengelände kaum noch erkennbar. Und auf diesem mächtigen, über 400 Morgen umfassenden Raum, da wanderten, standen und algen umher, da wedeten und wiederkäuten nebeneinander, friedlich wie im Paradiese die verschiedenartigsten pflanzenfressenden Großtiere. Nichts von den notwendigen Übeln des zoologischen Gartens, von Ritter, Stall und Käfig: frei tummelt sich alles durcheinander, wirklich wie im Paradiese! Ein einzigartiger Genuß für den Tierfreund! Rein, für jeden Menschen: ich habe keinen die Terappe emporsteigen sehen – und jeder Tag brachte durchreisende Gäste – dem nicht die Freude aus den Augen geleuchtet hätte bei dem Anblick, der sich ihm oben bot.

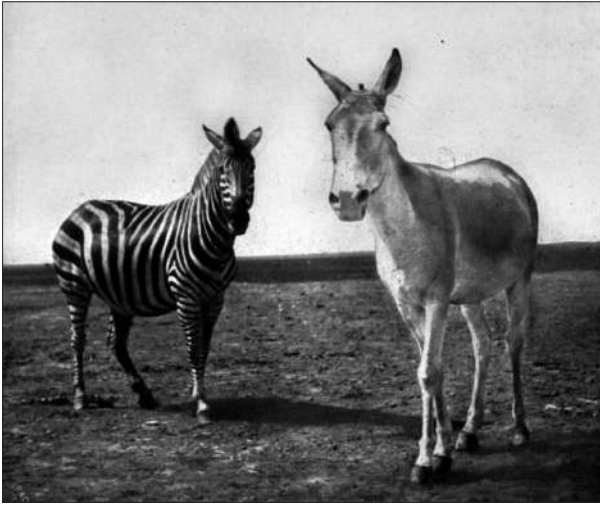
Da äste unmittelbar vor uns, dicht zusammenstehend, eine bunte Tiergruppe: herausleuchtend mit seinem schwarz-weiß gestreiften Fell vor allem ein Zebrahengst nebst seinen beiden unebenbürtigen Frauen, einer falben und einer Schimmelpferdestute, den Müttern der Zebroidenmischlinge, durch deren Zucht sich Falz-Fein u. a. auch hervorgetan hat; dann Elenantilopen, diese schweren, rinderartigen Riesen des Antilopengeschlechts, die dem Auge des praktischen Landwirts durchaus den vertrauenerweckenden Eindruck eines edlen, feinhäutigen, äußerst mastfähigen „Viehes“ machen müssen, wenn nur der Kopf mit den gerade nach hinten stehenden, im Wurzelteil schraubig gewundenen Hör-

nern nicht wäre; ferner Hirsche aus der Krim und vom Altaigebirge und schließlich auch ein Emu, der straußartige Großvogel Australiens. Etwas weiter in der Ferne schritten noch mehr Elenantilopen langsam dahin, deutlich unterschied man in der klaren Luft den Zipfel ihrer Halswamme; vor ihnen bewegten sich Nylgaus, die großen, hirschartig aussehenden Antilopen des vorderindischen Graslandes, und zwischen ihnen wieder eine kleinere, weiße, zimmetbraun überlaufene Gäbelantilope vom Senegal mit den langen Säbelhörnern, die ihr den Namen gegeben haben. Mitten im Bilde stand ein zweites Zebra freundnachbarlich bei einer graurötlichen, schwarz, wie mit aufgelegtem Zaumzeug, gezeichneten Beisa aus dem Somalilande, deren kerzengerade in die Luft ragende Spießhörner durch ihren parallelen Verlauf auf die Entfernung so in eins verschmelzen, daß man sich die Entstehung der Sage vom Einhorn sehr wohl vorstellen kann. Mit dem Trierderbinocle meines Freundes, das ich von Stunde an kaum mehr weglegte, unterschied ich auch noch den lang- und fetthaarigen, schwärzlichbraunen Senegalwasserbock, eine der schönsten und haltbarsten Antilopen unserer zoologischen Gärten, und die gelbe, vorn hoch überbaute, langköpfige, knickhörnige Kuhantilope aus Nordafrika, die mit ihrer ganzen Erscheinung den Beweis liefert, daß eine Antilope auch sehr häßlich sein kann. Ganz in der Ferne endlich flimmerten als hellere und dunklere Punkte, mit bloßem Auge kaum noch erkennbar, weißscheckige Lamas und braunschwarze Alpakas vom Hochlande Perus. Dort bewegten sich und ruhten auch größere, dicht sich zusammenhaltende „Klumpen“ gleichartiger Tiere, die ich mir erst von meinem Freunde erklären lassen mußte als Rudel von Saigas, von persischen Kropfgazellen und einer ganz eigentümlichen Mischrasse wilder Schafe, die ihre Entstehung der Kreuzung zweier verschiedener Wildschafböcke, eines sardinischen Muflons und eines indischen Kreishornbockes, mit Merino- und Fettsteißschafmüttern Falz-Feinscher Zucht verdanken. Sie Sahen ganz muflonartig aus, kurzhaarig, schwarzbräunlich meliert; in ihrem Wesen sind es aber achte Schafe: dumm und planlos rannten sie hin und her, wenn man ihnen nahekam.

Die persischen Kropfgazellen waren mir nichts Neues mehr: es sind die weniger schönen vorderasiatischen Verwandten der ob ihrer Grazie und Lieblichkeit

Urwildpferd im Sommerkleid.

Zebra mit Mulan.

berühmten afrikanischen Gazellenarten, unscheinbarer, graubräunlich und weißlich in der Farbe und plumper von Gestalt, aber wetter- und winterharte Tiere, die sich dort auf der taurischen Steppe wie zu Hause fühlen und schon seit Generationen Fortpflanzen.

Am meisten interessierten mich die Saigas; denn sie waren wirklich dort zu Hause, d. h. eigentlich und von Naturrechts wegen! Tat-

sächlich sind sie längst vertrieben und ausgerottet, seit die ersten Anfänge westeuropäisch-christlicher Kultur und Landwirtschaft in den taurischen Steppen eingezogen sind. Mein Freund konnte nur sehr unbestimmte Nachrichten darüber sammeln. Die Großväter der jetzt alten Leute sollen sie noch gesehen haben in den Salzsteppen am Faulen Meer, d. h. in der östlichen Krim; sie nannten sie „wilde Ziegen“. Auf dem rechten Dnjeprufer hat es Saigas in historischer Zeit wahrscheinlich nie gegeben. Auf Falz-Feinschem Gebiet fand sich rätselhafterweise im Winter 1899 als Irrling noch einmal ein einzelnes Weibchen ein, das viel vergeblich verfolgt und schließlich an der Mündung des Dnjepr geschossen wurde – zum größten Leidwesen meines Freundes, der es gar zu gern für seinen Tierpark lebendig gehabt hätte. Heute ist der letzte europäische Zufluchtsort der Saiga die Kalmückensteppe zwischen Don und Wolga mit ihrem salzhaltigen, für die Landwirtschaft ungeeigneten Boden. Von dort hat sich Friedrich Falz-Fein früher mehrfach kleinrussischen Tierparkwärter aufgezogen auf eine sehr eigenartige und urwüchsige Weise, aber mit glücklichem Erfolg. Die Tierchen erhielten nämlich die kräftige, würzige Steppenkuhmilch aus einem Kuhhorn zu trinken, dessen Spitze durchlöchert war, und sie liefen dem Pfleger immer schon von weitem hungrig entgegen. Jetzt sind schon mehrere Generationen auf der Falz-Feinschen „Tiersteppe“ in halber Freiheit geboren, und das ganze Saigarudel ist eine scheue, unbändige Gesellschaft, die vor jedem herankommenden Menschen flüchtet in ihrer ganz charakteristischen Haltung und Bewegung: gebückt, den Kopf zur Erde gesenkt, immer eine Anzahl sehr rascher, aber niedriger Galoppschritte wechselnd mit einem hohen Sprung in die Luft auf allen Bieren. Ein höchst

merkwürdiges, auf die größte Entfernung unverkennbares Bewegungsbild des flüchtigen Saigarudels, wenn man aus der rasch und geschlossen über den Boden gleitenden Masse immer ein Stück um das andere sich emporschnellen sieht!

In der Nähe betrachtet, macht die Saiga einen ganz eigenartig häßlichen Eindruck, der durch die gebückte Haltung mit dem vorgebeugten Kopf noch verstärkt wird. Hübsch ist an dem Tiere eigentlich nur das dichte, weiche, hellbräunlich oder graugelblich gefärbte Fell und die zierlich geringelten Hörner des Bockes, die auffallenderweise nicht schwarz, sondern hell bernsteinfarbig, halb durchsichtig sind. Das Sonderbarste ist die beutelförmig aufgetriebene und rüsselartig verlängerte Nase, mit der merkwürdigerweise keine stärkere Ausbildung, sondern eine Verkümmernng der knöchernen Rasenbeine Hand in Hand geht. Eine ähnlich „geschwollene“ Nase kehrt nur, aber in viel geringerem Grade, bei einer gazellenartigen Antilope wieder, die man deshalb im System neben die Saiga stellt. Dieser Chiru ist ein Bewohner ähnlich unwirtlicher Gegenden wie die Saiga, nämlich der Hochebenen Tibets, und so könnte man wohl auf den Gedanken kommen, daß diese Beutelnase mit dem Leben im trocken, regenarmen, extrem kontinentalen Klima zusammenhängen mag, wo das Tier ebenso glühende Hitze wie schneidende Kälte zu ertragen hat. In dieser Beziehung ist die Saiga nach den Beobachtungen Friedrich Falz-Feins absolut unempfindlich: sie sucht niemals eine Deckung – wo sollte sie auch in ihrer natürlichen Heimat, auf der kahlen Steppe, eine solche finden? – liegt, behaglich wiederkauend, im fürchterlichsten Schneesturm und läßt die Schneewehen über sich weggehen, ohne auch nur mit der Wimper zu zucken.

Die Saiga hat für uns Europäer ein besonderes Interesse, weil sie neben der Gemse die einzige Antilope ist, die in der gegenwärtigen Gestaltungsperiode der Erdrinde in Europa noch lebt. Allerdings, wie oben schon gesagt, nur im äußersten Südosten, auf den südrussischen Steppen „Halbasiens“ gegen das Kaspische Meer hin und jenseits desselben durch ganz Westsibirien bis zum Altaigebirge, soweit das Land Steppencharakter trägt, ebenes, baum- und strauchloses Grasland ist. Denn die Saiga ist im

Zebra in der Steppenlagune.

Gegensatz zur Gemse ein ausgeprägtes Steppentier, bevorzugt gerade die ödesten Salzsteppen und nährt sich mit Vorliebe von den dort wachsenden Gräsern und Kräutern. Umgekehrt ist daher auch der Schluß erlaubt, ja sogar geboten, daß, wo wir versteinerte Knochenreste der Saiga finden, Steppenland gewesen sein muß. Das ist aber nicht nur in unserer Vaterlande, z. B. in Westpreußen, der Fall, sondern auch in Mähren und Ungarn, weiter nach Westen auch in Frankreich, Belgien und sogar in Südengland. Dort finden sich neben Saigaresten auch solche anderer Steppentiere, z. B. von Ziesel und Pferdespringer, Steppennagern, die heute noch in Südrußland leben und die ich auf Falz-Feinschem Gebiete beobachtet habe. In der letztvergangenen diluvialen Erdperiode müssen wir für ganz Mitteleuropa also auch eine Steppenzeit annehmen, ebensogut wie eine Eiszeit, und zwar hat sich diese Steppenzeit, nach den Lagerungsverhältnissen der zugehörigen Tierreste zu schließen, eingeschoben in die Zwischenzeit zwischen die beiden eigentlichen Eiszeiten, die sogenannte Interglacialzeit. Das hat unser trefflicher Alfred Nehring, der kürzlich – leider viel zu früh! – verstorbene Zoologe der Berliner Landwirtschaftlichen Hochschule, mit der ihm eigenen Gründlichkeit so unwiderleglich nachgewiesen, daß es heute allgemein angenommen wird. Diese Steppenzeit, in ihren letzten Entstehungsursachen ebenso unklar wie die große, mindestens zweifache Eiszeit, jedenfalls aber auf veränderte Wind- und damit zusammenhängende Regenverhältnisse zurückzuführen, muß dann durch zunehmende Niederschlagsmengen allmählich in eine Waldzeit und diese schließlich in eine abermalige Vergletscherung übergeführt worden sein; denn die Knochen von den genannten Steppentieren und die von Waldtieren (Ur- und Wisentrind, Riesenhirsch, Elch, Mammut und haariges Nashorn) und die von Polartieren (Moschusochse, Renttier, Eisfuchs) liegen in unserem Diluvium, unseren Kiesgruben und Torflagern nahe beieinander, und auch heute leben wir hier in Deutschland und Mitteleuropa wieder eigentlich in einer Waldzeit, machen unser Vaterland aber künstlich immer mehr zu einer Kultursteppe für die Getreidegräser, die uns Brot bringen, während in dem weniger kultivierten, weil weniger dicht bevölkerten Südosteuropa im Zusammenhang mit dem kontinentalen Klima die Natursteppe sich bis heute erhalten hat – auch mit ihrer Tierwelt, soweit dies der heutige menschliche Bewohner erlaubt.

Der Saiga hat er es nicht erlaubt und ebensowenig dem anderen, größeren und ungleich bedeutungsvolleren Charaktertier der europäisch-asiatischen Steppe, dem Tarpan oder Urwildpferde. So habe ich es deutsch genannt, um auszudrücken, daß es sich hier nicht, wie in Amerika, um wieder verwilderte Nachkommen von zahmen Pferden handelt, sondern um ein ursprüngliches, wildes Tier, um die wilde Ur- und Stammform unseres vornehmsten Haustieres. Über diese waren die gelehrten Tierkundigen sehr lange im unklaren, Gott sei's geklagt, sogar so lange, bis die europäische Form dieses hochinteressanten und hochwichtigen Tieres ganz vom Erdboden verschwunden und vertilgt war,

so daß – man möchte es kaum glauben! – auch für wissenschaftliche Zwecke nicht das geringste gerettet und erhalten wurde. Kein russisches oder anderes Museum besitzt auch nur ein Haar vom süd-russischen Tarpan, dem echtem europäischen Urwildpferd, und doch ist die letzte wilde Stute, die sich wohl oder übel zeitweise einer zahmen Pferdeherde zugesellt,

Zebroid „Leopard“ mit Urwildpferden.

dabei aber, gegen jedes Hindernis ihrer Freiheit ungestüm angehend, ein Auge eingebüßt hatte, noch 1876 bei Ascania Nova gesehen worden, ehe sie im folgenden Winter, in eine Schneewehe gefallen, mit gebrochenem Beine von Bauern elendiglich ums Leben gebracht wurde.

Mein Freund Falz-Fein war damals, fern von der Heimat, noch auf dem Gymnasium und konnte nicht eingreifen. Aber der Gedanke an das schmachliche Ende des Europäischen Urwildpferdes, durch das die taurischen Steppen, das alte Skythenland, ihres hervorragendsten natürlichen Bewohners für immer beraubt wurden, verließ ihn seitdem nicht mehr, und als dann 1879/80 von dem berühmten Asienreisenden Przewalski in der wasserlosen Wüste Gobi „hinten“ in der Mongolei der asiatische Tarpan, das nach ihm benannte Przewalskische Urwildpferd, entdeckt wurde, da war es beschlossene Sache bei Friedrich Falz-Fein, die Schuld seiner Landsleute sozusagen wieder gut zu machen durch Einführung des asiatischen Tarpans. Jahrelang wurde die Verwirklichung dieses wissenschaftlich so hochverdienstlichen Planes aufgehalten durch die enormen Schwierigkeiten, die die abgelegene, wasserlose und menschenleere Heimat der Tiere dem Fang und Transport entgegenstellte. Endlich gelang es, sie zu überwinden dank der wirksamen Unterstützung des hochverdienten, für jede Förderung der Säugetierkunde stets hilfsbereiten Zoologen Büchner in Petersburg, damals Kustos am dortigen Museum der Akademie der Wissenschaften, und im Jubeljahre 1900 kamen glücklich drei Stutenfohlen in Ascania Nova an. Friedrich Falz-Fein befand sich damals gerade hier in Berlin, und ich empfinde heute noch wieder die gemeinsame Freude, als er mit der Depesche zu mir kam: Die Tarpane sind da!

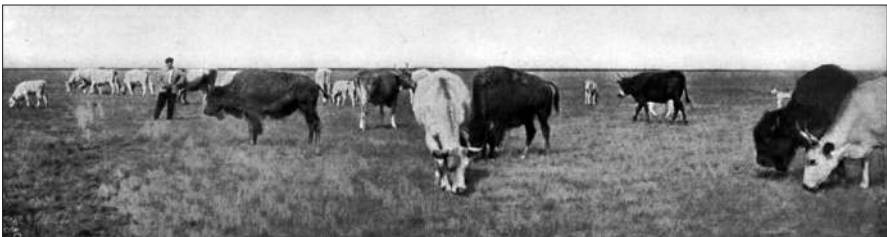
Bisonstier.

Wir erhielten auch gleich eine Aufnahme: struppig und unscheinbar, wie die Dinger unmittelbar nach der Ankunft aussahen, aber unzweifelhaft Pferde im allerengsten Sinne mit kurzen, spitzen Ohren und bis zur Wurzel Dickbehaartem Schwanz. Bei genauerer Betrachtung treten dann als ent-

scheidendes Kennzeichen noch hinzu die sogenannten „Kastanien“, je ein haarloser, warziger Fleck an der Innenseite aller vier Beine, welchen alle übrigen pferdeartigen Tiere, Zebra, Afrikanische graue und asiatische gelbe Wildesel, nur an den Vorderbeinen haben.

Mein Freund brannte natürlich darauf, seine mit so vieler Mühe endlich erlangten zoologischen Juwelen mit eigenen Augen zu sehen, und es hielt ihn nicht lange mehr in Berlin. Und als ich später zu ihm hinkam in sein kleines Steppenkönigreich, da waren sie auch der Hauptgegenstand meines gespannten Interesses. Kaum hatte ich mich an dem paradisischen Tierleben auf seiner „Tiersteppe“ notdürftig sattgesehen, da sagte ich: „Nun aber zu den Tarpanen!“ und „Der Wagen steht schon bereit!“ erwiderte er lächelnd; er hatte es nicht anders erwartet.

Nun ging es, viere breit, in schlankem Trab hinaus in die freie Steppe ohne Umweg und ohne Umstände querfeldein. Iwan, der bärtige Kutscher, wußte, wohin wir wollten. Was war das für mich, den frisch Zugereisten aus unserem „ordentlichen“ Deutschland, für ein Hochgenuß, zu sehen, daß wir ohne Weg und Steg freiweg darauflos fuhren! Nicht lange, so waren wir da; ich sah schon von ferne eine Gruppe Pferdegestalten, die da völlig frei weideten, darunter die schwarzweiß gestreifte eines Zebras. Der berittene Hirt schlief im Grase den gerechten Tagesschlaf des echten Naturmenschen, sprang aber

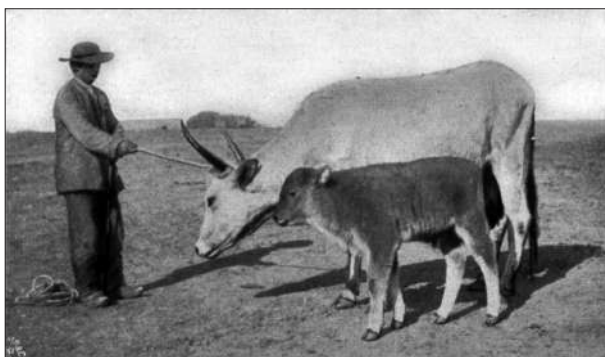
Bisons mit der Herde auf der Steppe.

Bisonkuh mit Kalb auf der Steppe.

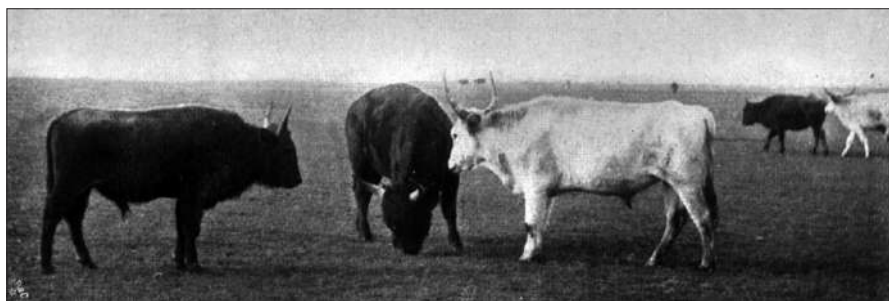
eiligst auf und sprengte uns entgegen. „Die Kerle schlafen immer,“ sagte Friedrich Falz-Fein gleichmütig erklärend, „aber, wenn was passiert, wachen sie auf.“

Es dauerte einige Augenblicke, ehe ich aus der gemischten Tiergruppe, die da vor uns stand, die drei „Hauptpersonen“ herausfand. Da waren außer der Transvaal-Zebrastute, die ich schon von weitem erkannt hatte, zunächst drei kleine Kirgisienpferde, grobknochig, langschwänzig und wirrmählig, angebliche Halbbluttarpane, dann ein gelber Kulan, asiatischer Wildesel, und was übrig blieb, nun, das mußten eben die echten Przewalski-Tarpane sein. In ihrem glatten, kurzen Sommerfell hübsche Pferdegestalten mit eleganten, leichten Bewegungen, nur etwas kurzhalsig und schwerköpfig, ohne hervortretenden Widerrist, der Schwanz doch nicht so ganz vollhaarig bis zum Wurzel, dort nur halblang behaart, ähnlich dem des Maultieres, die Mähne kurz, aufrechtstehend, ohne vorfallenden Stirnschopf. Einigermaßen verwunderlich war mir der ungleiche, bei allen dreien von Braunrot bis Weißgelb wechselnde Farbenton. Matschie ist deshalb geneigt, mehrere Arten anzunehmen.

Steppenkuh mit Bison-Milchlingkalb.

Bison-Halbblüter.

Ganz an unser Pferd erinnerte dagegen wieder die Neigung der Beine, gegen die Hufe hin ins Schwarze zu verlaufen, und der Muffel und Rüsterngegend, sich gegen den übrigen Kopf hell abzusetzen.

Ganz anders präsentieren sich die Tiere im Winter. Da tragen sie einen dicken, wolligen Pelz, der die Farben unreiner und unbestimmter macht und sich am Kopfe geradezu zu einer Art Kinnbackenbart entwickelt. Die Schwere des Halses und Kopfes tritt darin sehr auffallend hervor, und die Gesamterscheinung des Tieres wird eine völlig andere, ungleich plumpere. Wir haben das sehr schön beobachten können, seit der bekannte Hamburger Tierhändler Karl Hagenbeck, durch Falz-Fein auf die „Tarpan-Quelle“ aufmerksam geworden und von der Möglichkeit des Importes überzeugt, mit anerkanntem Wagemut mehr-

Halbblut-Bisonkuh mit dreiviertel Bison-Kalb.

fach Urwildpferde in den Handel gebracht und der Berliner Garten – allerdings bis jetzt der einzige deutsche – ein Paar erworben hat.

Lange betrachteten und beobachteten wir die hochinteressante Gruppe pferdeartiger Tiere, die da in ihrem natürlichsten „Milieu“, auf der Steppe, wie in Freiheit vor uns sich bewegte und tauschten unsere Wahrnehmungen und Gedanken aus. Wenn so der braungelbe

Kulan oder Dschiggatai, der mit den Tarpans mitgekommene Landsmann von diesen, aber zum Unterschied von ihnen, ein Wildesel, und das Zebra friedlich zusammenstanden, dann rief ich unwillkürlich aus: „Afrika und Asien in Europa! Ein kleines Wunder, vollbracht von großer Tierleibe!“ und befriedigt lächelte mein Freund.

Ich sollte noch mehr solcher Wunder und Merkwürdigkeiten sehen. Wenn das Zebra in der Stille des dunkelnden Abends trinkend im seichten Wasser der Steppenlagune stand und gleich darauf sein luftig klingendes, kurz abgebrochenes Wiehern in die endlose, eintönige Ebene hinausstieß, dann konnte man wähen, weit überm Ozean im Süden Afrikas, im Matabele- oder Bechuanaland zu sein.

Und in den Pferdeställen und Boxen mußte ich staunen, wie vielfältig und zielbewußt da Mischlinge zwischen Pferd und Zebra, die sogenannten Zebroide, nach den verschiedenen Möglichkeiten herausgezüchtet waren. Da war Senaide, das Kind des Zebrahengstes und einer ganz hellen, zart isabellfarbenen Bauernstute, die mein Freund ausgesucht hatte, um bei der Kreuzung die Zebrafarbe möglichst wenig zu be-

Krimmer Hirschkuh.

einflussen. Senaide wurde als erster Erfolg der Falz-Feinschen Zebroidenzucht mit besonderer Freude begrüßt und in früher Jugend schon photographisch verewigt. Jetzt führte sie der wackere Stallmeister, ein Deutscher, als stattlich herangewachsenes, 3½ jähriges Tier mit gerechtem Stolze vor. Auch die umgekehrte Mischung war da: vom Isabellenpferdhengst und der Zebrastrute. Ebenfalls ein schönes, kräftiges Tier, das mit der Zebrautter selbst im Winter bei Schnee jeden halbwegs guten Tag im Freien zubrachte. Während nun diese beiden Zebroide von gleichartigen, nur entgegengesetzt zusammengestellten Elternpaaren ihre Abstammung von unedlen Pferden durch gröberem Bau und schwereren Kopf doch deutlich zeigten, ließ der am ganzen Körper prächtig durchgestreifte und deshalb Leopard genannte Zebroidenjährling, der zeitweise mit den Urwildpferden auf die Steppenweide ging, ebenso deutlich in seinen feineren, edleren Formen erkennen,

Zahme Tora-Antilope.

daß seine Mutter eine Zuchtstute besseren Blutes aus dem Falz-Feinschen Gestüt war. Es war ein wunderhübsches Tier, dieser „Leopard“, namentlich interessant dadurch, daß bei ihm auf dem Kreuz die Zebrastreifen in eine Art Apfelschimmelzeichnung sich verliefen.

Inzwischen sind die Zebroide unter den Sattel und das Geschirr genommen, zugeritten und eingefahren worden und müssen jetzt ihr ganz regelrechtes Stück Arbeit leisten. Auch zur Zucht werden sie benutzt, und dabei muß sich ja herausstellen, inwieweit sie als Bastarde untereinander und mit den Arten, von denen sie abstammen, mit Pferd und Zebra, fruchtbar oder unfruchtbar sind.

Der alte Zebrahengst – ein interessanter Beitrag zur Tierseelenkunde! – ist unter der Fülle von Pferden auf der Falz-Feinschen Steppe und durch die Zebroidenzucht der eignen Art ganz abtrünnig geworden: er will von Zebra- und Zebrotuten gar nichts mehr wissen, hat eine geradezu umgekehrte Haltung. Dagegen ist er wie toll hinter jeder Pferdestute her und hat deshalb schließlich in die eingezäunte „Tiersteppe“ eingetan werden müssen; denn alle Bauernpferde wurden scheu, und gar manchem Bäuerlein selbst lähmte der Schreck wohl die Glieder, wenn solch schwarzweiß gestreiftes Tier, was „es gar nicht gibt“, mit lautem Gewieher dahergesprengt kam, als ob der leibhaftige Teufel los wäre.

Da ist der riesige amerikanische Bisonstier friedlicherer, beschaulicherer Natur. Kein unruhiger Don Juan, sondern ein behäbiger Philister, der weder Mensch noch Tier was tut, auch nicht „ausrückt“. Ganz frei und ohne jede Aufsicht lebt er auf der Falz-Feinschen Steppe ebenso bequem und behaglich, wie einst seine Ahnen auf der nordamerikanischen Prärie, ehe das Abenteurergesindel des „wilden Westens“ sie ohne Sinn und Verstand vom Erdboden vertilgte. Er lagert sich mit Vorliebe auf den einzigen Bodenerhebungen, die es in Taurien gibt: auf den alten Skythengrabhügeln. Ein prächtiges Bild!

Ehe er sich nach Art älterer Stiere zu einem Einsiedlerleben absonderte, ging er ganz treu mit der Herde weißen, frischmelkenden Steppenviehes, die in der Nähe des Guts Hofes geweidet wurde, um diesen mit Milch zu versehen. Dabei zeigte er, ebenso wie seine beiden Kühe, durch ruhiges, verträgliches Benehmen, daß er zu den Tieren gehört, die man nicht erst durch langwierige Zähmungsversuche zu Haustieren zu machen braucht, sondern sofort und ohne weiteres als solche behandeln kann. Gar merkwürdig stachen dann die drei dunklen, zottigen Gestalten von dem glatten, weißen Steppenvieh ab, und man mußte immer wieder daran danken, wie leichtsinnig und unsinnig in Amerika doch mit dem Bison eine bequeme und billige Nahrungsquelle vernichtet worden ist.

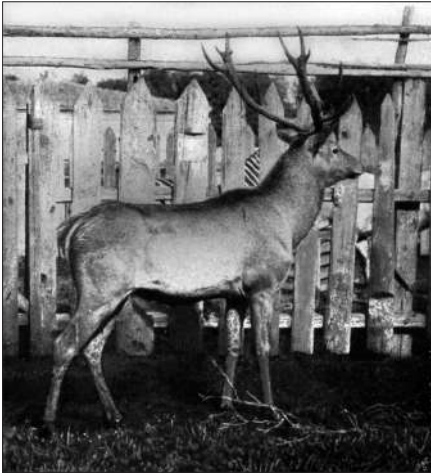
Die Schwierigkeiten und Kosten, die man jetzt durch die ihr Nahrungstier überlebenden Indianer hat, sind die Strafe dafür.

Als Zuchtvater tut der Bisonstier aber fortdauernd seine Schuldigkeit: sowohl Vollblutkälber als Mischlinge mit weißen Steppenkühen sind mehrfach vorhanden. Letztere überraschen dadurch, wie ähnlich sie dem Vater in der Jugend sind: ganz so in der Form und auch so hellfuchsig in der Farbe wie echte Bisonkälber. Später macht sich dann durch schlankere, hochbeinigere Gestalt und längere Hörner das Steppenviehblut geltend; die dunkle Farbe und das zottigere Haarkleid bleiben aber vom Bison erhalten. Auch Dreiviertelblutkälber vom Bisonstier und Halbblutkuh sind bereits erzielt: hochinteressante Zuchterfolge, die sich der Falz-Feinschen Zebroidenzucht würdig zur Seite stellen!

Ähnlich ruhige, gutmütige Tiere, wie die Bisons, und ähnliche mächtige, imposante Erscheinungen sind die südafrikanischen Elenantilopen; auch sozusagen geborene Haustierte! Daß sie es in ihrer Heimat nicht vor undenklichen Zeiten schon wirklich geworden sind, kann man trotz aller menschenfreundlichen Gesinnung nur als Beweis für die geistige Minderwertigkeit des Negers nehmen, der ja überhaupt in seiner kindlichen, um nicht zu sagen kindischen Planlosigkeit und Gedankenlosigkeit aus der ganzen ihn umgebenden Natur kaum etwas in überlegter Weise sich nutzbar zu machen wußte. Die weltgeschichtlich gewordenen Kriegerhäuptlinge der Kaffern und Matabeles, denen ein großer soldatisch-spartanischer Zug nicht abzusprechen ist, hatten übrigens gerade angefangen, auch Elen-

Ungarischer Rothirsch; im Hintergrund Altai-Maral.

Drei jähriger Halbblut-Maralhirsch.

Düsseldorfer Reiter- und Panoramamaler Hugo Ungewitter, der, durch meine Vermittlung mit meinem Freunde bekannt geworden, jetzt schon längere Zeit Leben und Landschaft der südrussischen Steppe mit vollem Erfolge künstlerisch verarbeitet. Ein großes, lebensvolles Bild „Hasenhatz mit Windhunden“ auf unserer vorjährigen Berliner Kunstausstellung legte beredtes Zeugnis davon ab: zwei Brüder meines Freundes erkannten darauf ihre Heimat, ohne daß sie von dem Zusammenhang etwas wußten.

Von den verschiedenen Gruppen auf der großen Tiersteppe verdient schließlich noch das Rot- und Maralwild eine nähere Betrachtung. Zunächst muß lobend hervorgehoben werden, daß die Hirsche auf der sonnigen Grasebene genau so gut leben und gedeihen wie in ihrer eigentlichen Heimat, dem schattigen Walde. Dann aber haben sie durch die Kreuzungen, die zwischen ihnen

Blick in den Park von Ascania Nova.

antilopen in gezähmten Herden zu halten, als Buren und Engländer abwechselnd und gemeinsam ihre eigenartigen, gefährlich emporstrebenden Kriegerstaaten für immer niederschlugen.

Aber auch andere Antilopenarten, die sonst zum scheuen Wilde gehören, werden in der verhältnismäßig großen Freiheit und Ruhe, die ihnen auf der Falz-Feinschen „Tiersteppe“ zuteil wird, ganz erstaunlich zahm. So z. B. eine Tora oder nubisch-abessinische Kuhantilope, die von einem der letzten Mengeschen Importe aus dem Gebiete des Blauen Nil stammt. Auf unserer Aufnahme sehen wir sie vertraulich angeschmiegt an den bekannten

im Laufe der Jahre unter der glücklichen Züchterhand meines Freundes zustande gekommen sind, ein erhöhtes Interesse, namentlich für den Jäger und Wildparkbesitzer oder Hochwildjagdpächter, dem ja jetzt in den Jagdzeitungen so mancherlei Aufbesserungsvorschläge gemacht werden.

Den Stamm der Falz-Feinschen Hirschzucht bildete ein Paar Rothirsche aus der benachbar-

ten Krim, zoologisch und geographisch hochinteressante Stücke, weil der Rothirsch sonst, vom Kaukasus abgesehen, im ganzen europäischen Rußland nicht einheimisch, sondern, wo er vorhanden, eingeführt ist. Das Krimer Rotwild, von dem ich nur noch ein altes Muttertier lebend sah, ist von mittlerer Stärke und durch helle, an Kopf und Hals ganz gelbgraue Farbe ausgezeichnet; der gelbliche „Spiegel“ reicht weit über die Schwanzwurzel auf den Rücken hinaus.

Nachdem das Alttier leider sehr bald verwitwet war – der Krimer Hirschkopf mit Zwölfergeweih zierte, schön gestopft, Falz-Feins Zimmer –, wurde ihm ein ungarischer Hirsch beigegeben, von dem es mehrere weibliche Kälber setzte. Der Ungar trieb es, wie alle seinesgleichen: wenn er abgeworfen oder „Kolben“ auf hatte, fraß er zahm und nett aus der Hand; aber sobald er gefegt hatte, wurde er so böse, daß er schließlich auch wieder abgeschossen werden mußte.

Inzwischen war ein echter sibirischer Maral aus dem Altaigebirge hinzugekommen, einer jener neuerdings von Hagenbeck viel eingeführten Riefenhirsche, die nach ihrer hohen, dünnen Fistelstimme und der hellen, gelbgrauen Farbe eigentlich asiatische Wapitis zu nennen sind, den wirklichen Rothirschen nur insofern etwas näher stehen, als das Geweih eine Krone bildet, wenn es über zwölf Enden hinausgeht. Dann wird sogar oft die Kronenbildung auf Kosten der unteren Sprossen ganz riesenmäßig stark, und es entsteht eine Trophäe, die wohl ein Jägerherz lachen machen kann. Dieser Altai-Maral erhielt sich nun als Oberhaupt des kleinen Hirschrudels zwischen den anderen Tieren, weil er gutartig oder vielleicht besser gesagt: zum Bösewerden zu faul war. Wenn man ihn näher kam, rollte er zwar mit seinen „Lichtern“ und knirschte mit den Zähnen; aber drauf los ging er nicht.

Im Parkweiher zur Winterzeit.

Teestunde auf der Veranda. Im Vordergrund Trappen.

Mißfarbe hatte er vom Vater auch geerbt und ebenso die helle, hohe Brunststimme, die ich frühmorgens beim Aufstehen oft schon wenig erfreulich aus den Einzelboxen der Tiersteppe herübertönen hörte.

***

Ein ganz anderes Bild entrollt sich im sogenannten kleinen Tiergarten, der zwar an seinem hintersten Ende jenseits eines breiten Wassergrabens mit teichartiger Erweiterung auch noch ein Stück Steppe in seine Umzäunung einschließt, aber in seiner Hauptausdehnung unmittelbar hinter dem Wohnhause doch ganz Garten in unserem Sinne ist, teils Gemüse- und Blumengarten, teils dichter, in möglichst natürlicher Wildheit gestalteter Waldpark mit mittelstarkem Baumwuchs und reichlichem Unterholz: Alles in dem trocknen Steppenklima nur ermöglicht durch eine umfassende, fortwährend arbeitende Bewässerung mittels Rieselgräben. So

Ohrfasanenpaar im Park.

Zwergghirsch.

durch und durch künstlich dieser Park nach Entstehung und Erhaltung auch ist – von Natur gedeihen in der taurschen Steppe kein Baum und kein Strauch! –, so entbehrt er doch eines feinen, landschaftlichen Reizes nicht, wie unsere Aufnahme beweist, und selbst im starren Winter gibt der vereiste Teichgraben mit dem bunten Wassergeflügel ein anziehendes, lebensvolles Bild.

Gegen Abend saßen wir gewöhnlich auf der traumlichen Veranda hinter dem Hause bei dem vortrefflichen russischen Tee, und um uns herum liefen einige prächtige, große Trappenhähne, deren Zahmheit in ganz unangenehme Frechheit überging, wenn man ihnen nicht ganz prompt die Schwarzbrot- und Kuchenbrocken zukommen ließ, die sie, wie ihr gutes Recht, höchst energisch verlangten. Dabei „trappten“ die unverschämten Kerle auf, daß es eine Art hatte,

und im fernen Rußland ging mir so ein Licht auf, warum die Trappe wohl Trappe heißt. Wenn man im Zimmer saß, und sie kamen auf den Steinplatten dicht am Hause vorbei, so konnte man durch die geschlossenen Fenster das „Trappen“ kräftig hören.

Bald gesellten sich auch noch Pfauen, Jungfernkraniche und allerlei Fasanen hinzu, die aber sämtlich glücklicherweise schüchterner Natur waren und sich in einigermaßen respektvoller Entfernung hielten – bis auf einen mandschurischen Ohrfasan. Dieser hatte sich nun einmal einen Dachbalken der Veranda zum Schlafplatz erkoren, zu dem er den Teetisch als Anflugbrett benutzte, und in echt fasanenmäßiger Dämlichkeit ließ er sich durch kein lebendes oder totes Hindernis abhalten, zur rechten Zeit und auf dem gewohnten Wege zu Bett zu gehen. Als wir mit einer ganzen Schar durchreisender Offiziere beim Tee saßen, flog er mitten auf den Tisch, warf dem einen von uns die Müt-

Bennetts Känguruh.

Gabelantilope.

ze herunter, beim Weiterfliegen so und so viel Kannen und Gläser um und setzte sich dann, lachend bestaunt von allen ob seines „zielbewußten Vorgehens“, oben auf seinem Schlafplatz zu recht, als ob nichts geschehen wäre.

Vor und nach dem Tee luftwandelten wir am liebsten im kleinen Tiergarten, und es war wirklich ein Luftwandeln! Eine Luft, das Leben der Vögel und kleineren Tiere ringsum sich entfalten zu sehen, nicht durch und unmittelbar nebeneinander, wie das der großen Tiere auf der freien, kahlen Tiersteppe, sondern jedes mehr für sich, aus dem Gebüsch und Unterholz auftauchend und dadurch im einzelnen mehr zur

Geltung kommend! Wenn auch, im Grunde genommen, ebenso bunt aus allen Weltteilen zusammengewürfelt, wie draußen auf dem offenen Steppenplan, so traten einem doch die einzelnen Lebensbilder hier ungleich intimer und idyllischer, eins ungestört vom andern entgegen, und man war immer sofort in der Illusion, sich inmitten einer ganz freien und wilden, natürlichen Tierwelt zu bewegen.

So wenn plötzlich bei einer Biegung des Weges am Rande des Gebüsches vertraut der kleine chinesische Zwerghirsch stand, kaum größer als ein Gase, mit dem kurzen Spießergeweih, das nicht länger ist, als der hohe „Rosenstock“, auf dem es sitzt, das seine Köpfschen eigentümlich markiert durch erhabene Längsleisten, die vom Geweih herunter über den Nasenrücken verlaufen. Flink pflegte das Tierchen mit seinem niedlichen Weibchen durch das Unterholz des Tiergartens zu huschen; es lebte hier so frank und frei, als ob es wild wäre, und hatte doch die Scheu vor dem Menschen vollkommen abgelegt, bot zutraulich sich der Beobachtung dar.

Anders die Känguruhs. Sie bevorzugten ein Revier, das ihnen zuliebe mit Weiden und ähnli-

Schwarze Schwäne mit Jungen.

chem Gebüsch bepflanzt war. Wenn man sie dort aufsuchte, sah man bald solchen Springer auf seinen langen Hinterbeinen und dem muskulösen Schwanze, wie auf einem Dreifuß, aufrecht dasitzen und blöde nach dem Näherkommenden

Maras.

hinstarren. Das ging eine ganze Weile, bis in dem stumpfen Beuteltiergehirn sich der instinktive Trieb zur Flucht regte und die sonderbare Tiergestalt mit ihren komischen Sätzen, auf dem Hinterteil hüpfend, im Dickicht verschwand.

Da war die weibliche Gabelantilope aus dem nordamerikanischen Westen ein erfreulicherer Anblick. Leider nur ein einzelnes Stück, aber ein wahres Prachtexemplar! Und so zahm, daß sie sich anfassen ließ! Ewig schade, daß mein Freund keinen Bock erlangen konnte von dem merkwürdigen, schon selten werdenden Tiere, das zwischen Antilopen und Hirschen sozusagen in der Mitte steht durch seinen eigenartigen Kopfschmuck, der zwar einen Hornüberzug hat wie bei Antilopen, Ziegen, Schafen, Rindern, sich aber doch gabelt und gewechselt wird, annähernd ähnlich wie das knöcherne Hirschgeweih! Wir sahen die Gabelantilope oft noch spät abends im Mondschein sitzen, der in der trockenen Steppenluft von einer anderswo unerhörten Silberklarheit ist; sie hatte sich dann im Gemüsegarten sein säuberlich irgendwo zwischen den Pflanzen niedergetan. Gegen die Winterkälte soll sie nach den Beobachtungen meines Freundes vollkommen unempfindlich sein, unter der sommerlichen Hitze der Steppe dagegen als Tier der kühleren Hochebene merklich leiden.

Wir treten aus dem Waldpark heraus, überschreiten auf breiter hölzerner Brücke das Wasser, wo die schwarzen Schwäne ihre grauflaumigen Jungen führen, und schlendern der hinteren freien Ecke des Tiergartens zu.

Da hoppeln über die flachen Graben, die zum Ablauf des winterlichen Schneewassers gezogen sind, ein paar eigentümliche graugelbliche, stark hasengroße Tiere vor uns her, die sich federnd auf ihren vier dünnen, aber sehnigen Läufen emporschnellen. Es sind patagonische Maras, und sie sehen ungefähr aus wie kurzohrige, auf gleichlange Läufe hochgestellte Hasen. In Wirklichkeit haben sie aber mit unserem Lampe nicht mehr zu tun, als daß sie eben auch Nagetiere sind, sondern gehören nach den feineren Verhältnissen ihres Schädels und Gebisses vielmehr in die Nähe des gleichfalls aus Südamerika stammenden Meerschweinchens und seiner Verwandten. Es sind dumme, aber durch ihre Gestalt und Bewegung ganz amüsante Dinger. Falz-Fein züchtet sie

Brütender afrikanischer Strauß. (Hahn.)

schon durch mehrere Generationen, und ihre Freihaltung macht gar keine Schwierigkeiten; es werden ihnen nur Erdlöcher hergerichtet, in die sie sich zurückziehen können. Dort bringen sie auch ihr einzelnes Junges zur Welt, das erst anderthalb Wochen fest in der Höhle sitzt und dann von den Alten mitgeführt wird.

Während wir die Tier beobachten, erzählt mir mein Freund ein merkwürdiges Erlebnis mit ihnen. Einst hatte er zum Blutwechsel ein neues Paar gekauft, wechselte mit diesem und seinem alten Paare die einzelnen Geschlechter um und hielt die beiden so neu zusammengestellten Paare ein halbes Jahr zwangsweise vereinigt, jedes für sich, damit sie sich umpaaren sollten. Das taten sie aber nicht; kaum waren alle vier wieder freigelassen, so kehrte vielmehr das alte Männchen zu seinem alten Weibchen zurück und biß das neue Männchen derart ab, daß dieses an seinen Wunden einging. Das neue Weibchen mußte sich dann mit dem Sohne des alten Paares trösten. Auch ein Beitrag zur Tierseelekunde!

Wir werfen noch einen Blick auf die indischen Hirschziegenantilopen, die in der Nähe stehen, auf die zierlichen, grauen Jungfernkraniche mit den weißen Ohrbüscheln, die als einheimische Vögel der taurischen Steppe oft Besuche von wilden Brüdern erhalten, und auf die stolzen, prächtigen, japanischen Kraniche, die wie eine Prachtausgabe unseres westeuropäischen Kranichs erscheinen, weil leuchtendes Weiß bei ihnen an die Stelle des unscheinbareren Grau tritt.

Brütender afrikanischer Strauß. (Henne.)

Ihre Trompetenstimme, in die der schnatternde Chor des Wassergeflügels einfällt, schmettert uns einen Abendgruß nach, und wir treten wieder in den Waldpark ein. Da streben jetzt über all die Fasanen ihren Schlafplätzen zu; das ganze Unterholz lebt von den bunten, farbensprühenden Gestalten. Alle Arten sind vertreten, die man nur im Handel haben kann: Jagd-, Rind- und Schillerfasan,

Königs- und Elliotfasan, Gold- und Amherstfasan, Silber-, Schwarzrücken- und Swinhoefasan, Ohr- und Glanzfasan; dieser letztere, von oben bis unten in ein schillerndes Bronzegefieder verschiedener erzglänzender Farbentöne gehüllt, hat sich schon zur Nachtruhe eingeschwungen auf einem alten Nistkasten am Hausgiebel; das erkennen wir daran, daß sein wohllauter Abendruf, ähnlich dem Klickli unseres Grünspechtes, hell zu uns herüber tönt.

Alle diese Fasanen laufen und fliegen ganz frei, und das macht den Falz-Feinschen Tiergarten zu einem wahrhaft entzückenden Paradiesgarten. Auch den Winter überstehen sie ohne jeden Zwangschutz: schaukelnd im Sturmwinde, der über die Steppe saust, sitzen sie dann auf ihren Schlafbäumen. Das ist nur zu erklären durch das Steppenklima. Trockene, klare Kälte ist gar nicht so gefährlich; aber jene

Afrikanische Strauße mit Jungen.

Nandu mit Jungen.

naßkalte Winterwitterung, mit der wir z. B. gerade in Norddeutschland so gesegnet sind, ist Menschen wie Tieren am unangenehmsten und unzutraglichsten. Und die umgebende Steppennatur birgt auch das Geheimnis in sich, warum die Fasanen, ganz frei ausgesetzt, bleiben, nicht wegstreichen. Ringsum, soweit das Auge reicht, eine kahle, öde Fläche; kein Baum oder Strauch, dem man zustreben könnte: wo sollten sie also hin? Da bleiben sie lieber in ihrem heimlichen Waldpark mit seinen gut beschickten Futterplätzen.

Im Schauen und im Gespräch über alle diese interessanten Dinge unterbricht uns ein unmelodisches Krächzen, das uns laut in die Ohren gellt. Ein Kakadu? Ja, es ist einer. Da sitzt er auf der Dachfirst und klappt aufgeregt seine gelbe Haube auf und nieder. Ich bin ihm wohl eine ungewohnte Erscheinung. Es ist das alte Männchen eines Paares vom großen Gelbhauben-Kakadu, das, ebenfalls ganz frei fliegend, schon seit Jahren hier eingewöhnt

ist. Es hat sogar in einer Erdhöhle am hohen Ufer des Teichgrabens zweimal ein Junges ausgebracht und glücklich groß gezogen. Alle vier fliegen jetzt mit viel Geschrei zwischen den Gutsgebäuden umher, angestaunt von jedem Fremden, der die zoologischen „Wunder“ von Ascania Nova noch nicht kennt.

Von diesen bleiben schließlich noch zu schildern die beiden Straußenfamilien mit ihrem Nachwuchs. Nicht nur der kleine, in beiden Geschlechtern unscheinbar grau gefärbte Nandu oder amerikanische Strauß aus Argentinien wird hier seit Generationen gezüchtet, sondern auch der große afrikanische Strauß, der Hahn prangend im Schmucke „echter“ schneeweißer Straußenfedern, und zwar die blauhalsige und blaubeinige Art aus dem Somaliland. Dabei zeigte sich, daß, wenn der afrikanische Strauß paarweise gehal-

Zahmer Nanduhahn.

ten wird, beide Eltern sich sehr ehrlich in das Brutgeschäft teilen; das Männchen sitzt meist nachts, das Weibchen am Tage. Die Brut dauert 48 bis 50 Tage; genauer läßt sich die Brutzeit kaum angeben, weil während der Brut noch Eier gelegt werden. der sitzende Gatte steht nicht eher auf, ehe der andere wieder beim Nest angelangt ist.

Ganz anders beim Nandu. Hier besorgt der Hahn die ganze Brutpflege: er macht das Nest, brütet und führt die Junge. Die Henne tut nur, was sie unbedingt tun muß: sie legt die Eier. Wiederum ein überraschender Einblick in das Seelenleben und die instinktiven Gewohnheiten der Tiere!

In dieser Beziehung interessierte der alte Nanuhahn noch anderweit. Er war, wie manche Hunde, gegen unsaubere, schlecht gekleidete Menschen angreifend böse und gegen „Gebildete“ ganz im Gegenteil wieder über alle Maßen zahm. Selbst als ich, um ihn irre zu machen, mich in kleinrussische Bauernkleider steckte, hörte er keinen Augenblick auf, mir nachzulaufen und sich an mich anzuschmiegen.

So mag er denn – frei, aber freiwillig zahm – als Schlußbild das Wahrzeichen sein für Ascania Nova, Friedrich Falz-Feins zoologischen Paradiesgarten!

1904

Пачоский І.

Очеркъ растительности Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи (фрагмент).

Записки Новороссійскаго общества Естествоиспытателей,
1904. Т. XXVI. С. 5-48.

Вся сѣверная или материковая часть Таврической губніи въ ботаническомъ отношеніи изслѣдована до того плохо, что ее слѣдуетъ отнести къ мѣстностямъ Европейской Россіи наименѣе изученнымъ въ означенномъ отношеніи. Какъ ни странно, но со времени выхода въ свѣтъ сочиненія Н. К. Срединскаго: «Очеркъ растительности сѣверной части Таврической губерніи», т.е. за длинный тридцатилѣтній періодъ не вышло ни одной работы по флорѣ этого края, за исключеніемъ нѣсколькихъ чрезвычайно отрывочныхъ и неполныхъ замѣтокъ. Это замѣтка г. Исполатова: «Списокъ нѣкоторыхъ растений, собранныхъ въ 1900 г. въ сѣверной части Таврической губерніи»¹ (Тр. Бот. Сада Юрьевск. Унив. – Т. III, 1902 г., вып. 2-ой, стр. 85-88), въ которой перечислено нѣсколько десятковъ видовъ растений, собранныхъ въ Днѣпровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ. Затѣмъ замѣтка г. Таліева подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя данныя о растительности и почвахъ степей Таврической губ.» – (Харьковъ 1903), напечатанная на основаніи бѣлаго знакомства автора съ однимъ не паханымъ участкомъ степи бл. с. Михайловки Мелитопольскаго уѣзда, въ которой Г-нь Таліевъ характеризуетъ весеннюю растительность цѣлинной степи и степныхъ «подовъ»² ближайшихъ къ Херсону (гдѣ постоянно проживаю) мѣстностей. Однако, въ 1902 году, благодаря денежному пособию со стороны Новороссійскаго Общ. Естествоиспытателей (100 руб.), мнѣ уда-

¹ Записки Новорос. Общ. Естеств., вып. I-й.

² Къ числу характерныхъ для степи растений авторъ причисляетъ *Carex Schreberi*. Это ошибка. На цѣлинѣ у насъ растетъ похожая на нее *C. stenophylla*

лось побывать двукратно въ замѣчательной Солено-озерной, лѣвому берегу Днѣпра (Каховка, Завадовка, Горностаевка) и ознакомиться съ растительностью центральной и южной части Днѣпровскаго уѣзда.

Здѣсь я долженъ выразить особую благодарность извѣстному любителю природы Ф. Э. Фальць-Фейнь, благодаря просвѣщенному содѣйствію котораго мнѣ удалось познакомиться не только съ замѣчательнымъ защитнымъ цѣлиннымъ участкомъ въ его экономіи Асканія Нова, но и съ типами приморской полосы уѣзда. Любезность Ф.Э. Фальць-Фейнь простиралась столь далеко, что онъ въ продолженіи почти недѣли экскурсировалъ со мною, а правильнѣе, нарочно для меня устроилъ экскурсію, причемъ указанія его, какъ мѣстнаго и интересующагося природою жителя, были незамѣнимы. Наконецъ, въ 1903 году мнѣ еще разъ удалось побывать въ Асканіи Новой во время пышнаго развитія ковыля-тырсы на защитномъ участкѣ (въ половинѣ іюля). Во время этой экскурсіи мною собраны были нѣкоторыя не найденныя раньше растенія. Такъ какъ списокъ растей мною былъ составленъ еще осенью 1902 года, то новыя наблюденія пришлось помѣстить, большею частью, въ примѣчаніяхъ.

Такимъ образомъ, я ознакомился съ цѣлымъ почти Днѣпровскимъ уѣздомъ, за исключеніемъ его юго-восточной части.

Въ заключеніе привожу алфавитный списокъ мѣстностей, изслѣдованныхъ мною и другими изслѣдователями:

Агайманскій подь – часть этого пода находится въ Днѣпровскомъ, часть въ Мелитопольскомъ уѣздѣ.

Аджиголь – озеро на краю кучугуръ въ западной части уѣзда.

Алешки – уѣздный городъ Днѣпровскаго уѣзда.

Херсонской губерніи, особенно, дикій миндаль часто встѣчается даже въ посявахъ.

Это отсутствіе въ степяхъ Днѣпровскаго уѣзда рѣкъ и балокъ устраняетъ изъ состава флоры много элементовъ флоры равнины чуждыхъ, а поэтому, изучая флору внутренней степи Днѣпровскаго уѣзда, мы можемъ быть увѣрены, что изучаемъ явленіе въ чистомъ видѣ, не осложненное и не затемненное поздѣйшей ео дифференцировкой. Ботанико-географическая литература флоры степей южной Россіи довольно богата относительно предстепня и переходнаго района, но крайне бѣдна по отношенію наиболѣе типичныхъ ея участковъ, а въ послѣднемъ отношеніи едвали можно что либо найти болѣе подходящее, чѣмъ степи таврическія.

Таврическія степи хотя и менѣе измѣнены культурою, чѣмъ херсонскія, не смотря на обиліе дѣйствительно никогда не паханныхъ участковъ, все таки очень сильно истоптаны скотомъ и это послѣднее обстоятельство лишило бы насъ возможности въ своемъ родѣ на всемъ югѣ Россіи защитный участокъ Ф.Э. Фальць-Фейнь, находящійся въ самомъ центрѣ днѣпровскихъ степей при экономіи Асканія Нова.

Защитный участок ковыльной степи

Большой любитель природы Ф.Э. Фальцъ-Фейнъ давно задался цѣлью сохранить участокъ цѣлинной ковыльной степи въ ея первобытной неприкосновенности. Съ этой цѣлью имъ былъ изъять изъ какого бы то ни было хозяйственного пользованія участокъ около 1000 десятинъ никогда не паханной степи бл. экономіи Асканія Нова, называемый «Кролики» вслѣдствіе того, что въ одно время тамъ были пущены дикіе кролики, которые впослѣдствіи въ одинъ неблагопріятный годъ пропали. Участокъ этотъ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ выбранъ крайне неудачно. Дѣло въ томъ, что раньше тамъ пролегалъ солевозный трактъ шириною, если не ошибаюсь, въ двѣ версты или около этого. Вслѣдствіе этого весь участокъ исполосованъ старыми дорогами, съ которыхъ верхній слой почвы, понятно, выдутъ вѣтромъ. Благодаря этому, почва защитнаго участка не типична, а это неминуемо отражается и на составѣ, покрывающей ее растительности. Между дерновинами степныхъ злаковъ проглядываетъ свѣтлая глинистая почва. На этомъ участкѣ попадаетъ много полыни, а также *Statice tatarica*, *Trinia* даже *Cachrys odontalgica* (изрѣдка). Не смотря на свыше какъ 10-ти лѣтнее пребываніе въ типичную степь не превратился, почему былъ, въ концѣ концовъ, пріобщенъ къ пастбищамъ (слѣды старыхъ дорогъ хорошо замѣтны и сейчасъ), а для защитнаго участка было отведено около 500 десятинъ у самой экономіи. Новый участокъ оказался очень для этого подходящимъ и теперь представляетъ типичную ковыльную степь, покрытую столь роскошною растительностью, что подобной нигдѣ на югѣ Россіи (по равниѣ) мнѣ не приходилось до сихъ поръ видѣть.

Вотъ подробное описаніе защитнаго участка, сдѣланное въ разныя времена года:

Весна (время наблюденія 8 апреля 1902 года). Ровная степь, покрытая кое гдѣ сурчинами, т. е. курганчиками, оставшимися послѣ обитавшихъ когда то въ этихъ степяхъ сурковъ и исчезнувшихъ неизвѣстно по какой причинѣ.

Прежде всего брасается въ глаза масса прошлогоднихъ стеблей тырсы (*Stipa capitata*). Между ними начинаютъ уже зеленѣть дерновинки перестыхъ ковылей (*Stipa pennata* и *S. Lessingiana*) и типчака (*Festuca ovina* var.), которыя также попадаютъ въ большомъ количествѣ. *Poa bulbosa* var. *vivipara* (тонконогъ) и *Carex stenophylla*, играющія столь видную роль на «збояхъ» (истоптанныя цѣлины), здѣсь почти не замѣтны³. Мѣстами чаще, мѣстами рѣже попадаютъ тюльпаны (*Tulipa Gesneriana*), изъ которыхъ преобладаютъ экземпляры съ краснитъ цвѣтами. Кое гдѣ выглядываютъ изъ травы различныхъ оттѣнковъ цвѣты *Iris pumila* и блѣдно-розовія кисти *Valeriana tuberosa*.

³ *Poa bulbosa* я когда то считалъ за очень характерную для дѣвственныхъ степей. Точно также полагаюсь и Д. И. Литвинъ. Для меня теперь ясно, что ошибка эта произошла вслѣдствіе того, что истоптанныхъ степей въ настоящее время почти нѣтъ.

Между дерновинами степных злаков, которые не совсем сплошь покрывают поверхность почвы, ютятся однолетние, играющие роль сорных, элементы: *Alyssum minimum*, *Draba verna*, *Androsace elongata* и др.

Начало лѣта. (25 мая 1902 года). Бросается в глаза съдѣющая масса ковыля, волнуемого вѣтромъ. Перистый ковыль (по мѣстному чаще «ковыла») здѣшнихъ степей не представляетъ одного вида, какъ думаютъ хозяева, а два. Болѣе крупный – *Stipa pennata* и менѣе крупный – *Stipa Lessingiana*. Первый изъ нихъ при утилизаціи степей, особенно при кошениі сѣна низко срѣзывающими траву косилками, исчезаетъ скорѣе (еще скорѣе исчезаетъ *S. capitata*, кочки которой, срѣзываемыя косилками, очень быстро переводятся), второй держится дольше. На дѣвственныхъ участкахъ, каковы описываемый, мѣстами преобладаетъ одинъ видъ, мѣстами другой. Вообще они равноправные члены формациі дѣвственной степи.

Въ херсонскихъ степяхъ *S. pennata* составляетъ рѣдкость и чаще всего встрѣчается даже не по степямъ, а по песчанымъ мѣстамъ. Вслѣдствіе этого я полагаю, что этотъ ковыль менѣе характеренъ, чѣмъ *S. Lessingiana*, образующая и теперь въ Херсонской губ. мѣстами сплошныя заросли. Однако, изучивъ этотъ вопросъ болѣе тщательно и подробно, я убѣдился, что это не такъ, и что *S. pennata* почти перевелась въ Херсонской губ. только благодаря безтолковой эксплуатаціи степныхъ сѣнокосовъ и пастбищъ.

Сухіе стебли тырсы, придававшіе въ самомъ раннемъ періодѣ весны (да, собственно, и съ осени до весны) своеобразный обликъ степи, теперь стужеваются. Дерновинки ея позеленѣли и сгустили травяной покровъ.

Среди ковылей очень много *Festuca ovina*, которая теперь цвѣтетъ. Попадаетъ также *Kaeleria cristata*, *Triticum cristatum*, *Euphorbia Gerardiana* (этотъ молочай, являющийся иногда почти единственнымъ растеніемъ на непомерно экспортируемыхъ пастбищахъ, здѣсь попадаетъ рѣдко). Затѣмъ находимъ: *Sisymbrium junceum*, *Carduus uncinatus*, *Pyrethrum achilleifolium*, *Dianthus capitatus*, *Artemisia austriaca* и др. растенія, которые въ лучше задернованные участки не проникаютъ. Въ подовидныхъ участкахъ (болѣе низкія мѣста на степи) и по окраинахъ степныхъ подовъ растительность дѣлается значительно богаче, но объ этомъ будетъ сказано ниже. Засоряющими элементами являются: *Sisymbrium pannonicum*, *Bromus squarrosus*, *Lepidium perfoliatum*, *Alyssum minimum* (въ это время года уже сухой) и др.

Ости перестыхъ ковылей къ началу іюня опадаютъ и степь принимаетъ желтоватый оттѣнокъ отъ торчащихъ стеблей.

Лѣто (время наблюденія 13 іюля 1903 года). Сплошное море ковыля-тырсы (*Stipa capitata*), метелки котораго съ широко растопыренными скрученными на концахъ остями наклонены по вѣтру въ одну сторону. Свѣтло желтовато-зеленый цвѣтъ остей,

съ нѣсколько блестящимъ золотистымъ оттѣнкомъ, придаеть своеобразный общій видъ степи. Если взоръ скользитъ вдоль по согнувшимся метелкамъ, картина болѣе однообразна, такъ какъ кромѣ метелокъ не видно ничего. Наоборотъ, если смотрѣть противъ вѣтра она болѣе разнообразна, такъ какъ однообразіе нарушается виднѣющимся кое гдѣ среди метелокъ, болѣе темными стеблями ковыля. Никакая другая растительность не взвисяется въ то время надъ ковылемъ, что и понятно, такъ какъ ковыль въ обыкновенъ своемъ согнутомъ положеніи доходить взрослому человѣку до пояса, а съ приподнятыми остями попадаютъ кустики въ ростъ человѣка (стоящіе отдѣльно кустики доходятъ даже свыше 180 сантиметровъ; у Шмальгаузена ростъ *Stipa capilata* указанъ отъ 60 сент. до метра). Общее впечатлѣніе ковыльной степи въ этотъ періодъ, цвѣтенія перистыхъ ковылей, таково, что какъ ни банально это сравненіе, оно можетъ быть сравнено только съ моремъ.

Одна *Stipa capilata*, какъ бы густо она не росла, не можетъ сплошь закрыть почву и между дерновинами *S. capilata* всегда находятъ себѣ приютъ другая растительность съ *Festuca ovina* и перистыми ковылями во главѣ, пожелтѣвшіе стебли которыхъ исчезаютъ въ зелени тырсы. Все же это вмѣстѣ уже въ состояніи иногда почти сплошь закрыть пучками листьевъ почву (на участкахъ болѣе черноземныхъ) и замѣнить ее даже, что способствуетъ задержанію влаги у самой поверхности. Это позволяетъ подъ пучками листьевъ злаковъ расти лишайникамъ и мхамъ, которые бывають иногда зелеными даже среди лѣта. Здѣсь слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что въ 1903 году роскошный видъ ковыльной степи зависѣлъ не только отъ того, что это защитный участокъ, но и отъ обилія влаги, происшедшей отъ постоянныхъ дождей весною и въ началѣ лѣта.

Среди *Stipa capilata*, не считая дерновинокъ *Festuca ovina* съ осыпавшимися, перистыхъ ковылей и другихъ растений, перечисленныхъ въ весеннихъ спискахъ и теперь совершенно незамѣтныхъ, попадаютъ изрѣдка слѣдующія растенія: *Statice intermedia*⁴ (форма средняя между *S. Gmelini* и *S. latifolia*, которая едва-ли можетъ быть помѣсю между названными видами, такъ какъ она очень распространена въ степи и по близости нѣтъ чистаго ни того, ни другого вида), *Triticum cristatum*, *Allium guttatum*, *A. flacum*, *Falcaria Ricini*, *Chrysocoma cilloso*, *Medicago falcata*, *Peucedanum ruthenicum* (впрочемъ, чаще по окраинамъ подовъ и въ подовидныхъ участкахъ), *Artemisia austriaca*, *Jurinea linearifolia*, *Linaria Biebersteini* (больше по окраинамъ подовъ и по подовиднымъ участкамъ; это же растеніе растеть въ видѣ сорного на поляхъ и особенно замѣтно послѣ снятія хлѣба). Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о *Vicia hirsuta*, развившейся кое гдѣ, вѣроятно, благодаря особенно благопріятнымъ условіямъ влаги настоящаго года. Обычно это растеніе степныхъ подовъ.

⁴ Эту форму несомнѣнно имѣлъ въ виду Коржинскій (Tentamen Florae Ross. austr p. 346 №1037). описывая ея отличія отъ *S. Ratifolia*, къ которой онъ все таки ее не отнесъ.

Сверхъ того, на цѣлинной степи въ мѣстахъ, гдѣ остаются свободные промежутки между типичными степными растеніями, произрастаютъ формы, которыя играютъ роль сорныхъ, но появленіе ихъ не всегда связано съ дѣятельностью человѣка. Таковы

Trifolium arvense

Bromus squarrosus

Sisymbrium Sophia

Filago arvensis

S. pannonicum

Arenaria serpyllijolia

Eragrostis poaeoides

Lepidium perfoliatum

и даже *Salsola kali*.

Изъ нихъ обращаю вниманіе на *Eragrostis poaeoides*, чрезвычайно обыкновенное сорное растеніе у насъ на югѣ, покрывающее сплошь поля и толоки, издающее слабый запахъ (похожій на запахъ *E. suaveolens*, но слабѣе) и извѣстное въ здѣшней мѣстности подъ названіемъ «воночки». Растеніе это, хотя и сорное, встрѣчается среди пучковъ степныхъ злаковъ и на защитномъ участкѣ, почему оно, быть можетъ, относится также къ естественнымъ элементамъ цѣлинной степи, играя лишь роль сорного элемента въ данномъ случаѣ (во многихъ случаяхъ это несомнѣнно сорное, синантропное растеніе). Впрочемъ слѣдуетъ прибавить, что въ настоящемъ году *Eragrostis poaeoides* вездѣ развилось въ непомерномъ количествѣ, благодаря обилію влаги. Изрѣдка по степи, играя роль сорного элемента, попадается *Polygonum Bellardi*, или форма *P. aviculare* съ прямостоячимъ стеблемъ. Эта же форма встрѣчается и въ подахъ.

Говоря о сорной растительности цѣлинной степи, слѣдуетъ указать на то, что развѣ уничтоженный цѣлинный покровъ восстанавливается очень медленно. Ф. Э. Фальцъ-Фейнъ показывалъ мнѣ на защитномъ участкѣ мѣста, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ выгорѣлъ ковыль и которыя до сихъ поръ остаются все таки покрытыми сорными травами. Кромѣ того, на защитномъ участкѣ, равно какъ и среди первобытной степи всегда найдутся подходящія станціи для необщественныхъ элементовъ, изъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ формируется синантропная флора. Я имѣю здѣсь въ виду уничтоженіе нормального степного покрова при помощи насѣкомыхъ. Для примѣра укажу на слѣдующій фактъ: года два-три тому назадъ по цѣлинамъ какъ Таврической, такъ равно и Херсонской губерніи, легко было замѣтить отмираніе дерновинъ степныхъ злаковъ. Болѣе подробное излѣдованіе этого явленія обнаруживало, что дерновина подѣдена темною гусеницею съ оранжевымъ ошейниковъ, очень быстро прятавшейся въ норку среди дерновины. Гусеницы эти, по излѣдованію С. Мокржецакаго, оказались гусеницами небольшой бабочки – молдаванской огневки (*Cledeobia moldavica*). Участки степи, пораженные молдаванскою огневкою, заростають сорными травами и долго не могутъ возвратится къ своему первоначальному типу. Въ первобытной степи, кромѣ случаевъ уничтоженія растительнаго покрова насѣкомыми, играющія роль сорныхъ элементовъ растенія могутъ селиться по сурчинамъ, вдоль тропъ, вытаптываемыхъ высшими животными и т.д.

На защитномъ участкѣ находятся небольшіе «подики» т.е. блюдцеобразныя углубленія, подчасъ, для глаза еле замѣтныя, растительность которыхъ уже издали отличается отъ нормальной равнины. Во первыхъ бросаются въ глаза пересохшія стебли *Festuca ovina*, которые за отсутствіемъ ковыля становятся замѣтными, падаются также дерновины тырсы, затѣмъ изрѣдка: *Dianthus guttatus*, *Lotus angustissimus*, *Gypsophila muralis*, *Polygonum Bellardi* (*aviculare?*), *Artemisia austriaca*, *Galium verum*, *Potentilla bifurca*, *Euphorbia virgata*, *Allium paniculatum*, *Statice intermedia*, *Eragrostis poaeoules*, *Peucedomm ruthenium*, *Linaria Biebersteini*. Тамъ же весной растеть *Ornithogalum brachystachys* и др. растенія.

Осень (конецъ октября). Сплошныя заросли тырсы со скрученными остями и пожелтѣвшими стеблями. Насколько густъ и высокъ тырсовый покровъ, съ которымъ степь входитъ въ зиму, можно судить по тому, что охота съ борзыми на защитномъ участкѣ часто затрудняется тѣмъ, что заяць исчезаетъ въ заросляхъ тырсы и спасается отъ преслѣдованія.

Значеніе, остающихся на зиму стеблей ковыля, въ дѣлѣ накопленія и сохраненія влаги, огромно. Во первыхъ, снѣгъ не можетъ сноситься вѣтромъ, но равномерно набивается въ густую и высокую щетку тырсы. Во вторыхъ, стебли, сдерживая силу вѣтра, уменьшаютъ непроизводительное испареніе влаги. Тоже самое значеніе имѣеть и мертвый покровъ, образующійся изъ отжившихъ стеблей и листьевъ. Въ третьихъ, на стебляхъ тырсы осаждаются масса влаги изъ обычныхъ у насъ тумановъ осенью, зимою и весною, при чемъ эта влага скатывается въ видѣ капель внизъ и въ значительной степени способствуетъ накопленію влаги въ почвѣ. Итакъ, при помощи мертваго покрова и стеблей тырсы, почва въ теченіи около полугода защищается прекрасно отъ такого непроизводительнаго расходованія влаги, какое мы наблюдаемъ на обнаженныхъ цѣлинныхъ пастбищахъ. Пока на этомъ я покончу съ вопросомъ о сохраненіи влаги, но опять возвращусь къ нему, когда будетъ рѣчь о степныхъ подахъ.

Въ общемъ, лучше сохранившіеся участки степей Днѣпровскаго уѣзда похожи на только что описанный защитный участокъ, но ковыли на нихъ рѣже и ростомъ ниже, промежутки между дерновинами злаковъ значительно больше, а сорныхъ травъ масса.

Вотъ еще описаніе одного степнаго участка, отличающагося нѣсколько по второстепенной растительности и расположеннаго вблизи песчаныхъ кучугуръ:

(...)

..... такъ какъ никакіе весенніе дожди не могутъ замѣнить собою воды, происшедшей заблаговременно отъ таянія снѣга. Къ сожалѣнію, таврическихъ подовъ мнѣ не удавалось видѣть въ такомъ состояніи. Однако мнѣ довольно близко знакомы херсонскіе поды и я знаю, что въ такихъ случаяхъ въ нихъ вырастаютъ такія растенія, которыхъ мы послѣ цѣлыми годами не встрѣтимъ, при этомъ это растенія

рѣдкія, частю прирѣчныя, частю спородически разбросанныя по югу Россіи (напр. *Ranunculus polyphyllus*, *Middendorfia borysthenaica*, *Lythrum thymifolia*, *Lepturus panonicus*, *Juncus sphaerocarpus*).

Б. Чепельскій подь (25 мая 1902 года). Этотъ большой подь (версть 5-6 въ діаметръ) почти весь занятъ сизымъ пыреемъ (синець), растущимъ довольно рѣдко. Среди синца изрѣдка попадаетъ *Poa bulbosa* var. *vivipara*, *Alopecurus pratensis* (мѣстами), кое гдѣ дерновинки *Festuca ovina* var., иногда даже *Carex stenophylla*. Затѣмъ *Potentilla argentea*, *Euphorbia virgata* и другіе случайные и сорные элементы. Къ послѣдней категоріи относится *Draba verna* (сухіе стебли), *Holosteum umbellatum* и довольно часто попадающеея *Cerastium anomalum* (общественно), характерное для степныхъ подовъ. *Centaurea inuloides* кое гдѣ по окраинамъ, но обильно, сплошь.

Въ серединѣ пода вырыть прудикъ, по берегамъ котораго растутъ *Butomus umbellatus*, *Scirpus tabernaemontani*, *Heleocharis palustris*, *Beckmannia eruciformis*, *Nasturtium brochycarpum*, *N. austriacum*, *Vicia villosa*, *V. tetrasperma*, *Rumex crispus?*, *Myosurus minimus* и др.

Къ окраинамъ пода количество *Alopecurus pratensis*, *Poa bulbosa* и *Festuca ovina* все увеличивается и начинаютъ попадаться растенія въ родѣ *Serratula xeranthemoides*, *Ferula orientalis*, *F. caspia*, *Achillia micrantha*, *Onosma* и др. Наконецъ появляются отдѣльные кустики *Stipa Lessingiana* и *S. pennata*, которые дальше образуютъ сплошныя заросли ковыля и подь переходитъ въ типичную ровную степь.

Почва пода свѣтлая нѣсколько солонцеватая, заключаетъ в себѣ различной величины шарики болотной желѣзной руды.

Раньше въ этомъ поду никогда не пересыхала вода, а въ снѣжные годы ее тамъ бывало такъ много, что во времена герцога Ангальтъ-Кетенскаго пришлось насыпать валъ, чтобы воспрепятствовать подовой водѣ заливать дом, расположенный на окраинѣ пода. Въ настоящее время этотъ валъ не имѣетъ значенія хотя и сохранился въ цѣлости.

Другіе поды, какъ напр., М. Чепельскій, находящійся тоже бл. Асканіи Новой, Зеленый подь и т.д., въ общемъ, похожи на только что описанные.

Наибольше типичные элементстепныхъ подовъ Таврической губерніи

Cerastium anomallum
Nasturtium brochycarpum
Centaurea inuloides
Trifolium montanum
Sisymbrium toxophyllum
Ferula orientalis

Ornithogalum brachystachys
Achillea micrantha
Beckmannia cruciformis
Alopecurus pratensis
Potentilla bifurca
Valerianella costata

F. caspia
Agropyrum littorale?
Myosurus minimus.
Rumex stenophyllus
R. acetosa
Heleocharis acicularis
Lythrum virgatum
Phragmites communis
Avena tenuis

Lepturus pannonicus
Plantago tenuiflora
Heleocharis palustris
Butomus umbellatus
Scirpus tabernaemontani
S. maritimus
Gratiola officinalis
Carex nutans
Scirpus supinus и др.

Устье степной ложбины в Б. Чапельский подь (13 июля 1903 года)

Въ началѣ едва замѣтная ложбина, углубляющаяся по мѣрѣ приближенія къ поду и по входѣ въ послѣдній представляющаяся въ видѣ широкой, занесенной землею канавы съ пологими берегами. Дно ея поросло кучками темной-зеленой *Heleocharis palustris*, между которыми возвышаются кое гдѣ зонтики крупныхъ цвѣтовъ *Butomus umbellatus*. Тамъ-же на не задернованной сырой почвѣ произрастаетъ *Scirpus supinus*.

По такой ложбинѣ (которыхъ въ Б. Чапельский подь впадаетъ нѣсколько) вода послѣ дождей и отъ таянія снѣга попадаетъ со степи въ подь, причемъ, увлекаемая водою, муть отлагается при устьѣ лощины въ подь. Вслѣдствіе этого, тамъ образуется довольно значительное пространство, приподнятое по отношенію ко дну остальной части пода. Однимъ словомъ здѣсь происходитъ въ маломъ размѣрѣ то, что въ устьѣ каждой рѣки. Однако здѣсь, благодаря лишь присутствію воды въ извѣстные непродолжительные періоды (какъ въ лощинѣ, такъ и въ поду) все это болѣе замѣтно. Здесь мы можемъ обнять взглядомъ то, что въ рѣкѣ обычно скрыто подь водою.

Часть пода, покрытая наносомъ изъ степной ложбины, выдѣляется и своею растительностью, а слѣдовательно, меншею влажностью почвы. Здѣсь, кромѣ пырея, растутъ мѣстами (въ наиболѣе высокой части, прилегающей къ степи) ковыль-тырса (*Stipa capitata*). Затѣмъ, тамъ же довольно много *Phlomis tuberosa*, *Triticum cristatum* и др. Мѣстами много *Alopecurus pratensis* (въ болѣе низкой части наноса).

Само-же дело дно Б. Чапельскаго пода, какъ намъ уже извѣстно, покрыто сплошь пыреемъ-синцомъ. Впрочемъ, это бываетъ обыкновенно только въ болѣе засушливые годы. При большомъ запасѣ воды съ зимы, по сообщенію Ф. Э. Фальцъ-Фейнъ, по всему поду развивается *Heleocharis palustris* и *Butomus umbellatus*⁵.

⁵ Въ 1903 году, кромѣ пырея и перечисленныхъ въ соотвѣтствіи мѣстъ растений я находилъ: *Inula britannica*, *Gratiola officinalis*, *Lythrum virgatum*, *Polygonum oviculare!* (дов. об.). *Polycnesnum arvense* и др.

Лощина на 6-мъ сараѣ бл. Успенки (26 мая 1902 года)

В началѣ еле замѣтная широкая ложбина, идущая къ Агайманскому поду и по мѣрѣ приближения къ нему нѣсколько болѣе углубленная. Масса злаковъ *Stipa pennata* и *S. Lessingiana*, *Festuca ovina*, *Triticum cristatum*, *Koeleria cristata*; мѣстами *Poa pratensis*, *Bromus inermis* (зарастаетъ сплошными круговинами) и огромное количество различныхъ травянистыхъ растений:

<i>Sisymbrium junceum</i>	<i>Linaria macroura</i>
<i>Salvia Aethiopsis</i>	<i>Silene densiflora</i>
<i>Trinia hispida</i>	<i>Anthemis ruthenica</i>
<i>Xeranthemum annuum</i>	(мѣстами
<i>Achillea nobilis</i>	въ видѣ сорнаго)
<i>Phlomis tuberosa</i>	<i>Statice tatarica</i>
<i>Stachys recta</i>	<i>Medicago falcata</i>
<i>Potentilla recta</i>	<i>Dianthus capitatus</i>
<i>Cirsium uncinatum</i>	<i>Astragalus Onobrychis</i> и др.

Вообще даже самыя высокія мѣста лощины походятъ по типу растительности на окраину пода, а не на растительность совершенно ровной степи.

Въ самой низкой части растутъ мѣстами пырей, приближающийся къ синцу *Nasturtium austriacum*, *Vicia tetrasperma*, *Beckmannia eruciformis*, *Chaiturus marrubias-trum*, *Vicia villosa*, *Rumex*, *Sisymbrium toxophyllum*, *Carex stenophylla*, *Inula britannica*, *Poa pratensis*, *Bromus patulus*, *Trifolium ambiguum*. Вообще же дно не представляетъ однообразной формации...

1906

Пачоский І. К.

Объяснительный каталогъ Естественно-Историческаго музея Херсонскаго губернскаго земства. (фрагменти)

Херсонъ: Типогр. наслед. О. Д. Ходушиной, 1906. 204 с.

...Херсонскій земскій естественно-историческій музей состоитъ исключительно изъ образцовъ мѣстныхъ животныхъ и растений, отчасти, минераловъ и образцовъ почвъ, причемъ подь словомъ „мѣстныхъ“ слѣдуетъ понимать не только всю Херсонскую губернію, но и прилежащую къ ней за Днѣпромъ часть Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи.

Музей этотъ въ настоящее время далеко еще не полный, такъ какъ начало его относится къ очень недалекому прошлому. Именно, въ 1899 году губернскимъ земствомъ въ Херсонѣ былъ учрежденъ *энтомологическій кабинетъ*, который постепенно и превратился въ естественно-историческій музей. Въ основаніе его были положены энтомологическія коллекціи бывшей „Одесской энтомологической комиссіи“. Кромѣ того, Херсонскимъ уѣзднымъ земствомъ были переданы музею коллекціи млекопитающихъ и птицъ (148 экземпляровъ), собранныхъ А. А. Браунеромъ, рыбъ (58 экземпляра), гербарій (686 видовъ), собранный И. З. Рябковымъ и образцы почвъ (79 образцовъ), собранные студ. Топоровымъ. Коллекціи эти, согласно условію передачи, сохраняются отдѣльно и на нихъ имѣется надпись: „коллекція Херсонскаго уѣзднаго земства“. Всѣ прочія коллекціи собраны персоналомъ музея, который, кромѣ завѣдующаго состоитъ изъ помощника-препаратора Т. И. Баряя.

Въ пополненіи коллекцій музея особенно рѣдкими экземплярами дѣятельнѣе участие принимали Ф. Э. и К. Э. Фальць-Фейнъ.

Такъ какъ въ настоящее время коллекціи музея еще не полны, то предлагаемый объяснительный каталогъ является временнымъ. Въ виду этого, онъ составленъ кратко и въ немъ сообщаются только наиболѣе необходимыя свѣдѣнія.

Съ цѣлью дать въ объяснительномъ каталогѣ тѣ именно свѣдѣнія, которыя были бы наиболѣе желательны для посѣтителей музея, покорнѣйше прошу гг. посѣтителей заносить свои запросы и пожеланія въ имѣющуюся специально для этого книгу или лично сообщать объ этомъ кому либо изъ персонала музея. Это дастъ возможность отвѣтить на нихъ въ болѣе разширенномъ изданіи каталога....

...№ 23. Тушканчикъ большой (*Alactaga jaculus* Pall = *Dipus jaculus* Pall.) Въ предѣлахъ Херсонской губерніи въ настоящее время уже, повидимому, не встрѣчается, такъ какъ, вѣроятно, исчезъ параллельно съ распашкой степей. На цѣлинахъ сосѣдняго Днѣпровскаго уѣзда встрѣчается еще какъ рѣдкое животное. Оттуда (Асканія Нова) и подаренъ одинъ экземпляръ музею Ф. Э. Фальць-Фейномъ...

...№ 58. Волкъ (*Canis lupus* L.). Въ Херсонской губерніи въ настоящее время волки рѣдки, а въ самой южной половинѣ и вовсе не встрѣчаются. Экземпляръ музея (даръ А. Э. Фальць-Фейнь) представляетъ выдающийся интересъ. Это приблизительно полугодовалый кобелекъ щенокъ, являющійся помѣсью волчицы и собаки. По словамъ жертвователя, мать типичная волчица была убита лѣтомъ въ то время когда она своихъ щенковъ переносила (послѣ окончанія уборки хлѣба) изъ степи въ Днѣровскія плавни (бл. экономіи Гавриловки Херсонскаго уѣзда). А. Э. Фальць-Фейнь были взяты три щенка, которые жили въ экономіи на цѣпи. Я ихъ видѣлъ въ началѣ сентября живыми. Сучка представляла почти типичнаго волченка, два кобелька - явные вымѣски. Для музейнаго чучела мною былъ выбранъ кобелекъ наиболѣе отличающійся отъ типа (даже кончики ушей у него нѣсколько свѣшивались)...

...Въ настоящее время изъ дикихъ представителей копытныхъ у насъ обитаетъ только косуля (см. ниже). Сравнительно не давно, въ степяхъ сѣвернаго побережья Чернаго моря (въ частности и у насъ въ Херсонской губерніи) обитали дикія лошади-тарпаны, раса чрезвычайно близкая къ обитающей въ пустыняхъ Джунгарія лошади Пржевальскаго (*Equus Przewalskii* Polakow). Послѣдняя дикая лошадь была убита у насъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Агайманскомъ поду Таврической губерніи. Въ настоящее время мѣстные жители еще помнятъ отлично нашу дикую лошадь. Тѣ изъ нихъ, которымъ доводилось видѣть *Equus Przewalskii* въ зоологическомъ саду Ф. Э. Фальць-Фейнь въ Асканіи-Новой, утверждаютъ, что нашъ тарпанъ былъ почти тождественъ съ нею. Наша дикая лошадь была истреблена главнымъ образомъ потому, что табуны ихъ отбивали домашнихъ лошадей, дичавшихъ въ табуны

и пропадавших, такимъ образомъ, для владѣльца. Къ стыду нашему необходимо признаться, что мы не только въ послѣднее время истребили такое крупное млекопитающее, но и не позаботились сохранить о нем, никакихъ данныхъ. Ни въ одномъ изъ музеевъ міра нѣтъ ни чучела, ни скелета тарпана. Скажу больше, мы не располагаемъ даже хорошимъ и вполне достовѣрнымъ рисункомъ его. В настоящее время появилось даже ученое разсужденіе о том, что никакой дикой лошади у насъ не было, а была только обыкновенная одичалая лошадь. Однако, тѣ, которые видѣли когда то живыхъ тарпановъ, не согласны съ этимъ мнѣніемъ.

Другое исчезнувшее наше степное животное это сайгакъ:

№ 76 и 77. Антилопа сайга или сайгакъ (*Antilope saiga* Pall. = *Colus tataricus*). Это довольно крупное травоядное животное (изъ сем. антилопъ – *Antilopina*) исчезло изъ нашихъ степей еще раньше тарпана. Извѣстно, что въ первой половинѣ прошлаго столѣтія оно еще водилось у насъ. Въ настоящее время сайгакъ вытѣсненъ культурою за Донъ, къ востоку отъ котораго онъ заходитъ въ глубь Азіи. Впрочемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ сосѣднемъ съ Херсонскимъ Днѣпровскомъ уѣздѣ былъ убитъ неизвѣстно откуда забѣжавшій сайгакъ (не изъ зоологическаго сада Ф. Э. Фальць-Фейнь). Животное это чрезвычайно своеобразно; голова тяжелая, неуклюжая, у самцовъ (№ 76) съ лировидными рогами, у самокъ (№ 77) безрогая; ноги тонкія, стройныя. Бѣгаетъ сайгакъ чрезвычайно быстро. Экземпляры музея происходятъ изъ зоологическаго сада въ Асканіи-Нова – это даръ владѣльца сада Ф. Э. Фальць-Фейнь...

1908

[6/a]

На акклиматизаційной выставке

Утро, №537. 11.09.1908. Шп. 2.

Асканія-Нова.

На югѣ, въ Таврической губ. (Днѣпровскій уѣздѣ), есть оригинальнѣйшій уголокъ. Это – имѣніе или, точнѣе, акклиматизаціонный зоологическій питомникъ – Асканія-Нова г. Фальць-Фейна. Громадныя средства владѣльца имѣнія дали ему возможность слѣдующимъ образомъ оборудовать свой акклиматизаціонный уголокъ. Питомникъ, – передаемъ со словъ представителя на выставкѣ отъ Асканіи, І. П. Кирильцева, – состоитъ изъ 13,000 десятинъ земли. Изъ нихъ только 3,000 десятинъ находятся подъ пашней, а остальные 10,000 дес. – подъ «степью». Большая часть степи (9,500 дес.) оставлена подъ выпасъ. Остальныя-же 500 дес. представляютъ нетронутую охраняемую цѣлину. Это – одинъ изъ немногихъ на югѣ Европейской Россіи уголковъ, гдѣ степь можно видѣть во всей ея первобытной красѣ.

При имѣніи имѣется зоологическій садъ. Болѣе дикіе животныя въ продолженіе цѣлаго года живутъ въ специально выдѣленномъ и огороженномъ участкѣ степи въ 60 десятинъ. Здѣсь-же производятся акклиматизація и прирученіе дикихъ животныхъ и опыты скрещиванія и гибридизаціи животныхъ. Кромѣ того, подъ парками и прудами въ Асканіи-Нова находится болѣе 40 дес. Въ паркѣ разводятся разнообразныя породы фазановъ, на прудахъ – водяныя птицы и въ водѣ – разныя породы рыбъ.

На выставкѣ, по сообщ. «Р. У.», представлены всѣ почти паиболѣе интересныя экземпляры Асканіи-Нова. Изъ нихъ наибольшее вниманіе обращаютъ на себя дикія лошади, зеброиды и зубры.

Equus Przewalski.

Дикія лошади были, какъ извѣстно, открыты въ Средней Азіи знаменитымъ путешественникомъ Пржевальскимъ. Имъ было прислано академіи наукъ лишь чучело этой

прародительницы домашних лошадей во всем их разнообразии. Благодаря весьма значительным затратам, для Асканіи-Нова были доставлены двѣ партіи диких кобылокъ. Государемъ г. Фальць-Фейну былъ подаренъ вывезенный изъ Средней-же Азіи самецъ.

Опыты дали положительные результаты. Климатическія условія оказались для диких лошадей благоприятными. Онѣ размножаются въ степи свободно. Пасутся вмѣстѣ съ домашними лошадьми и совершенно приручены. На нихъ катаются верхомъ.

Послѣ диких лошадей очень интересны выставленные экземпляры зеброидовъ – помѣсь африканских зебровъ съ обыкновенными русскими крестьянскими лошадьми. Результаты, прежде всего, получились чрезвычайно эффектныя, съ внѣшней стороны. Зеброиды употребляются въ имѣніи для ѣзды и различной работы. Они отличаются и силой, и выносливостью. Но попытки дальнѣйшаго скрещиванія зеброидовъ съ зебрами или лошадьми результатовъ не дали, т.-е. зеброидовъ приходится признать бесплодными.

Асканіей-Нова представлены еще на выставку зубры. Взятые изъ знаменитой Бѣловѣжской пуши, они удачно акклиматизировались въ Таврической степи. Кромѣ того, съ зубрами были произведены опыты гибридизаціи съ коровами и бизономъ. Всѣ опыты оказались удачными. На выставкѣ имѣется корова съ миловиднымъ телкомъ-зубренкомъ.

Кромѣ того, въ Асканіи-Нова удачно акклиматизировались и живутъ въ общихъ стадахъ бизоны, антилопы и олени. Всѣ представлены на выставкѣ. Изъ Асканіи-Нова привезены также: страусы, фазаны, лебеди и др.

Въ виду того, что Асканія пользуется въ ученомъ мірѣ большимъ вниманіемъ, комитетъ выставки нашель возможнымъ за собственный счетъ устроить стойла и т. п. для ея экспонатовъ. Владѣлецъ-же Асканіи взялъ за свой счетъ доставить лишь экспонаты. Получено пока не все.

Пачоский И.

Причерноморские степи.

Ботанико-географический очерк.

Записки Имп. Об-ва Сельского Хозяйства Южной России. Одесса, 1908. № 7 – 9.

При-черноморські степи.

(Ботанико-географическій очеркъ).

Травяные равнины, именуемая у нас степями, какъ известно, занимаютъ почти весь югъ России. Къ сожалѣнію, коренная ихъ растительность въ настоящее время настолько измѣнена человекомъ, что отъ степей осталось почти только одно названіе. Бесконечныя поля, понятно, не степь. Но и немногочисленные, притомъ съ каждымъ годомъ уменьшавшіеся, участки никогда не паханныхъ цѣлинъ, подъ вліяніемъ непомернаго количества выпасаемаго на нихъ скота, окончательно утратили свой девственный растительный покровъ, вслѣдствие чего возстановленіе прежняго ихъ облика является дѣломъ чрезвычайно труднымъ. Къ этому нужно прибавить, что если «сегодня» это дѣло хотя и трудное, но возможное, то «завтра», быть можетъ, оно будетъ и вовсе невозможнымъ. Во всякомъ-же случаѣ, сходство возстановленной картины съ действительно бывшей будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ позже мы примемся за это дело. Между тѣмъ, знать, что такое представляла изъ себя степь до культуры, какой растительный покровъ одѣвалъ въ это время столь цѣнную для человека землю, чрезвычайно важно не только въ силу глубокаго теоретическаго интереса этого вопроса, но и въ виду часто практическихъ целей.

Прежде всего, практическое значеніе изученія растительнаго покрова степей выразится въ томъ, что наши сведения о степныхъ почвахъ получаютъ большую определенность. Это положеніе явствуетъ изъ того, что развитая почва является результатомъ жизнедеятельности растений и животныхъ, количество и составъ которыхъ зависитъ отъ растений, вслѣдствие чего «растительная формація», т. е. вся совокупность растительныхъ организмовъ даннаго участка (но не единичные виды, которымъ придавали раньше значеніе при характеристике почвъ и называли иногда «указателями») не только опредѣляетъ данный типъ почвы, но и позволяетъ различать его видоизмѣненія иногда более тонко, чѣмъ это возможно на основаніи однихъ морфологическихъ почвенныхъ признаковъ, или процентнаго содержанія гумуса. Детальное-же знакомство съ почвою является необходимымъ, быть можетъ, не столько въ смысле значенія его для оцѣнки земель, сколько для болѣе точнаго дѣленія ихъ

на естественные районы, требующие одинаковой обработки почвы и, вообще, одинаковых приемов выращивания растений, т. е. всего того, что стараются определить наши опытные поля.

Если мы достигнем деления территории на сельско-хозяйственные районы, соответствующие природным условиям, то, понятно, опытные поля будут учреждать не случайно (как до сих пор), а строго приурочивая их к наиболее типичным (и по возможности центральным) участкам, данного района. Легко видеть, что такой выбор будет тем удачней, чем на большем количестве обстоятельств мы будем его основывать. В виду этого, указания со стороны растительного покрова, при взвешивании всех прочих данных, являются не только желательными, но и обязательными. Само собою понятно, что результаты опытного поля, при соблюдении вышеуказанных условий, получают обязательную силу для всего района, конечно, поскольку это будет в согласии с экономическими условиями хозяйств, что никакими опытными учреждениями указано быть не может.

К сожалению, в настоящее время степи наши не достаточно еще изучены, чтобы возможно было соответствующее действительности деление их территории на упомянутые районы. Это недостаточное знакомство наше с природою степей будет еще долго препятствовать правильному развитию степного хозяйства.

Южно-русские степи, за исключением их северной полосы, характеризуемой разбросанными по ним «островами» лесов, еще недавно считались за одно целое, и восточная их граница терялась где-то в далеких пустынях азиатского материка. Большим шагом вперед по изучению степей было выделение прикаспийской низменности, которая теперь относится вполне правильно к области азиатских пустынь, так как помимо своего восточного флористического состава, лишена сплоченного растительного покрова. Однако, и после этого выделения, степи южной России не представляют из себя чего то вполне однородного, даже если не принимать во внимание полосы островных лесов, называемой тоже лесостепью и уже совершенно неправильно — предстепью.

Разсматривая южно-русские степи с геологической точки зрения, легко заметить, что они простираются по территории, отдельные участки которой весьма различного возраста. Мы видим травяную степную растительность в области плейстоценовых, плиоценовых, миоценовых, олигоценовых и др. отложений. Легко понять, что флора, обитающая на пространстве, не подвергшемся никаким существенным изменениям со времен миоцена (не говорю уже олигоцена, так как столь древнее существование материка не влияет заметно на распространение растительных организмов, в силу прочих сглаживающих условий. В числе которых изменения климата играют первостепенную роль) будет богаче, так как уже аргіогі должна заключать в своем составе и такие растительные расы, которые

являясь угасающими, не распространяются на образовавшиеся позже части материка, или на такие участки древней суши, которые недавно были покрыты льдами великого скандинавского ледника.

Отложение лёсса, столь характерного новейшего образования степной и лесостепной области, прикрывающего собою и моренные образования и древнейшие третичные отложения, произошло, как теперь принимается лучшими знатоками этого вопроса, субэаральным путем, причем покрывавшая страну флора претерпела больше или меньше значительные изменения, но не была уничтожена, подобно тому как в области развития ледников. По крайней мере, факты географического распространения растений указывают с достоверностью, что отложение лёсса не оказало столь нивелирующего значения, чтобы сгладить отличия больше древних флор от больше молодых.

Такими, образом, мы придем к заключению, что геологический возраст различных участков степей должен быть положен в основу деления их на более мелкие единицы, тем больше, что растительный покров и его состав находятся в соответствии с этим возрастом.

Хотя, для грубо практических целей, деление степей на более мелкие единицы, устанавливаемое на основании известных признаков, будет достаточным, тем не менее — для строго научных целей оно не годится. Как известно, по всем наукам со времени распространения эволюционного учения, стараются проводить генетический принцип, так как только история развития объектов или явления даст верную основу для их классификации. В виду этого, я, по отношению интересующего нас вопроса, должен буду отрезвиться от устаревшего, хотя и общепринятого, деления степей на флористические районы, которых границы связывались с климатическими линиями, границами почв известных типов, с границами некоторых растений (диких и разводимых), с границами известных растительных формаций. На основании этих, хотя и важных, но единичных данных, нет возможности дать подразделение, соответствующее истории развития флоры. Поэтому, для научного деления степной области на более мелкие районы, необходимо обратиться к исторической геологии, так как лишь она может нам раскрыть историю того субстрата, на котором и происходило развитие и расселение растительных организмов.

Впрочем, принятые мною генетические границы не всегда отличаются существенно от установленных раньше на основании вышеупомянутых более грубых способов.

Переходя к рассмотрению степной растительности, я должен отметить, что в настоящем моем кратком очерке, буду иметь в виду только тот степной район, который называю при-черноморскими степями. Более точное установле-

ние границь этого района будет дано мною в концѣ этой работы, когда я буду говорить объ исторіи развитія растительнаго покрова. Здѣсь же пока упомяну, что подь причерноморскими степями я понимаю исключительно только довольно узкую полосу самыхъ типичныхъ ковыльныхъ степей, примыкающихъ къ Черному морю и простирающихся въ сѣверномъ направленіи до границы Понтического моря¹, существовавшая на мѣстѣ причерноморскихъ степей въ началѣ пліоцена. Такимъ образомъ, въ составъ при-черноморскихъ степей войдетъ: самая южная часть Бессарабіи, южная и средняя часть Херсонской губ. и вся материковая часть Таврической губ. (Крымскія степи тоже относятся къ при-черноморским, но объ нихъ я здѣсь говорить не буду). Къ сѣверу отъ очерченной такимъ образомъ границы при-черноморскихъ степей, расположилась древняя лѣсостепная флора подольскаго типа, которая по юго-восточному крылу Вольтинско-Азовской кристаллической полосы спускается къ самому Азовскому морю. Въ возрастномъ отношеніи эта лѣсо-степь значительно старше при-черноморскихъ степей, такъ какъ она поселилась въ области міоценовыхъ, олигоценовыхъ и др. болѣе древнихъ отложений. Въ орографическомъ же и флористическомъ отношеніяхъ она несравненно болѣе дифференцирована и, какъ увидимъ ниже, является главною родоначальницею флоры причерноморскихъ степей.

Оставляя въ сторонѣ разсмотрѣніе растительности приморской полосы нашихъ степей, которая занимаетъ, лишь узкую полосу и очень разнообразна въ своемъ составѣ и группировкѣ въ растительныя формации, въ зависимости отъ высоты надъ уровнемъ моря, рельефа почвъ и геологическаго строенія (въ этой полосѣ находимъ: густые солонцы, лишенные почти всякой растительности, солонцеватые поды, камфоросомовыя пятна, полынковую формацию, полусолонцеватые луга, заросли кустарниковъ и даже рощи: ольховыя, осиновыя, березовыя и дубовыя, сопутствуемая въ послѣднемъ случаѣ свитою типичныхъ лѣсныхъ растений², песчаныя дюны, болотистыя саги, каменистыя и глинистыя склоны и т. д.). Все это для степи не характерно, или даже необычно, имѣтъ, ограниченное распространеніе (за исключеніемъ полынковой формации, значительно распространенной въ степяхъ, прилегающихъ къ Сивашу), перемешано между собою и поэтому нами разсматриваемо здѣсь не будетъ³, тѣмъ болѣе, что цѣлью настоящей статьи я поставилъ описаніе

¹ Соколовъ, Н. А. Къ исторіи Причерноморскихъ степей съ конца третичнаго періода. Почвовѣдѣніе. 1901, №2, р. 103–121 и №3, р. 197–220, съ картою, на которой обозначена сѣверная граница Понтического моря.

² Къ югу отъ Днѣпровскаго лимана.

³ Объ этомъ читатель можетъ найти въ моихъ прежнихъ работахъ: Очеркъ растительности Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи. Одесса, 1904 и Матеріалы для флоры сѣверной части Таврической губерніи. Одесса 1907. Также въ работахъ другихъ авторовъ и моей, которыя указаны ниже.

типичных степных формаций. Точно также я опушу по той же причине и описание растительности каменистых балок и рѣчных склонов⁴.

Причерноморскія степи, сообразно ихъ природѣ, распадаются на два типа. Первый изъ нихъ, прилегающій къ Сивашу и къ Черноморскому побережью въ предѣлахъ Днѣпровскаго уѣзда и простирающійся къ сѣверу до Николаева, – водораздела между Днѣпромъ и Ингульцемъ (противъ Берислава) и Ново-Покровки на Днѣпрѣ (приблизительно), является геологически болѣе молодымъ (позднѣе освободившимся отъ водъ Понтическаго моря), орографически менѣе развитымъ (большая равнинность, отсутствіе балокъ и присутствіе характерныхъ для этого типа степныхъ подовъ, часто огромныхъ по своей величинѣ), въ почвенномъ отношеніи меньшимъ содержаниемъ гумуса, во флористическомъ болѣе однообразнымъ растительнымъ покровомъ съ рѣшительнымъ преобладаніемъ ковылей и отсутствіемъ растений, характерныхъ для степей, простирающихся не только къ сѣверу, но и къ востоку и западу. Такъ, напр., въ области этого типа отсутствуютъ: *Caragana frutescens*, *Adonis vernalis*, *A. wolgensis*, *Ogobus albus* и др. растенія болѣе луговидныхъ степей второго типа, которыя появляются не только къ западу, но и къ востоку по степямъ, прилегающими къ Азовскому морю. Въ хозяйственномъ отношеніи интересно отмѣтить, что тягостная сорная трава нашихъ полей – овсюгъ (*Avena fatua*) не заходитъ на поля, расположенныя въ полостъ степей перваго типа.

Второй типъ степей болѣе повышенныхъ, болѣе дифференцированныхъ (многочисленныя балки и рѣчки, менѣе равнинный рельефъ), характеризуемый почвами, содержащими болѣе гумуса (настоящій черноземъ), покрытыхъ болѣе луговиднымъ травянымъ покровомъ, заключающий лишь остатки подовъ, заростающихъ терномъ, – окружаетъ съ трехъ сторонъ (W, N, O) предыдущій типъ.

Необходимо еще замѣтить, что указанная выше граница обоихъ типовъ очень приближительна, такъ какъ типы эти переходятъ постепенно одинъ въ другой. Затѣмъ, восточная граница распространенія степныхъ формаций перваго типа не можетъ быть

⁴ Литература по описанію растительныхъ формаций причерноморскихъ степей очень не велика. Кромѣ только что поименованныхъ моихъ работъ, укажу еще слѣдующія:

Kehmann, A. Einige Notizen über die Vegetation der nördlichen Gestade des Schwarzen Meeres. Brünn. 1872.

Срединскій, Н. Матеріалы для флоры Новороссійскаго края и Бессарабіи. Одесса 1872–1873.

Липскій, В. Изслѣдованія о флорѣ Бессарабіи. Кіевъ. 1889.

Пачоскій, І. Матеріалы для флоры степей юго-восточной части Херсонской губ. Кіевъ 1890.

Зеленецкій, Н. Отчетъ о ботанич. изслѣдов. Бессарабской губ. (І. Уѣзды Бендерскій, Аккерманскій и Измаильскій). Одесса 1891.

Федосѣевъ, С. Флора окр. гор. Николаева. Изв. С.-Петербур. лѣсн. Института. Вып. І. 1898.

Шестериковъ, П. Матеріалы для флоры юго-западной части Одесскаго уѣзда. Одесса 1894.

помѣчена даже и приблизительно, такъ какъ восточная часть Таврической губ. почти вовсе не изучена. Вѣроятно, она почти совпадаетъ съ границею болѣе тучнаго чернозема (какъ это показано на картѣ Докучаева). Во всякомъ случаѣ, защитные участки Ф. Э. Фальць-Фейнь, находящіеся въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, значительно отличаются по своему растительному покрову отъ Днѣпровскихъ, о чемъ, впрочемъ, болѣе подробно будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Сдѣлавъ это предварительное замѣчаніе, приступимъ къ описанію степныхъ формаций, начиная съ перваго типа.

I. Растительность степей первого типа.

Возстановить растительность наиболѣе типичныхъ ковыльныхъ степей Днѣпровскаго уѣзда, занимающихъ поразительно равнинную местность, сравнительно легко, благодаря единственному въ своемъ родѣ защитному степному участку Ф. Э. Фальць-Фейнь, находящемуся при экономіи послѣдняго Асканія Нова⁵.

Большой любитель природы Ф. Э. Фальць-Фейнь давно задался цѣлью сохранить участокъ цѣлинной ковыльной степи въ ея первобытной неприкосновенности. Съ этой цѣлью имъ былъ изъятъ изъ хозяйственнаго использованія участокъ, около 1000 десятинъ никогда не паханной степи бл. экономіи Асканія Нова, называемый «Кролики» вслѣдствіе того, что въ одно время тамъ были пущены дикіе кролики, которые впослѣдствіи, въ одинъ неблагопріятный годъ, погибли. Участокъ этотъ, какъ оказалось, былъ выбранъ крайне неудачно. Дѣло въ томъ, что раньше тамъ пролегаль солевозный трактъ шириною, если не ошибаюсь, въ двѣ версты или около этого. Вслѣдствіе этого весь участокъ исполосованъ старыми дорогами, съ которыхъ верхній слой почвы, понятно, выдуть вѣтромъ. Благодаря этому, почва защитнаго участка не типична, а это неминуемо отражается и на составѣ покрывающей ее растительности. Между дерновинами степныхъ злаковъ проглядываетъ свѣтлая глинистая почва. На этомъ участкѣ попадается много полыни, а также *Statice tatarica*, *Trima*, даже *Cachrys odontalgica* (изрѣдка). Не смотря на свыше какъ 10-ти лѣтнее пребываніе въ защитѣ безъ всякой эксплуатаціи, участокъ этотъ въ типичную степь не превратился, почему былъ, въ концѣ концовъ, приобщенъ къ пастбищамъ (слѣды старыхъ дорогъ) хорошо замѣтны и сейчасъ), а для защитнаго участка было отведено около 500 десятинъ у самой экономіи. Новый участокъ оказался очень для этого подходящимъ и теперь представляетъ типичную ковыльную степь, покрытую

⁵ Исторія возникновения Ангальтъ-Кетенской колонии Асканія Нова послужила темой для докторской диссертации Drücke Artur – «Ascania Nova. Die Geschichte einer Kolonie Anhalts in Süd – Russland». Halle a S. 1906. Известный зоологический садъ Ф. Э. Фальць-Фейнь былъ описанъ директоромъ берлинскаго зоологическаго сада: «Prof Dr. L. Heck. In der Taurischen Steppe. Herbstage bei Friedrich Falz-Fein in Ascania Nova» (годъ и мѣсто изданія не обозначены).

Степь описана была тоже Н. Прохоровымъ: «Девственная степь Асканія Нова» въ «Матер. по изученію русск. почвъ», вып. 17, 1907 г. стр. 35–47.»

въ благопріятные годы столь роскошно растительностью, что подобной нигдѣ на югѣ степной области мнѣ не приходилось до сихъ поръ видѣть.

Кромѣ этого большого участка, одновременно съ нимъ (т. е. въ 1898 г.) были отведены меньшій участокъ (около 100 десятины), расположенный на окраинѣ Б. Чапельскаго пода, не далеко отъ большого защитнаго участка. При дальнѣйшемъ изложеніи этотъ послѣдній будетъ называться просто защитнымъ участкомъ.

Ниже слѣдуетъ подробное описаніе защитныхъ участковъ, сдѣланное въ разныя времена года.

А. Защитный участокъ у эк. Асканія Нова.

Весна (время наблюденія 8 апрѣля 1902 года). Ровная степь, покрытая кое гдѣ байбаковинами или сурчинами, т. е. курганчиками, оставшимися послѣ обитавшихъ когда то въ этихъ степяхъ сурковъ, исчезнувшихъ неизвѣстно по какой причинѣ.

Прежде всего бросается въ глаза масса прошлогоднихъ стеблей тырсы (*Stipa capillata*). Между ними начинаютъ уже зеленѣть дерновинки перистыхъ ковылей (*Stipa pennata* и *S. Lessingiana*) и типчака (*Festuca ovina* var.⁶), которыя также попадаютъ въ большомъ количествѣ. *Poa bulbosa* var. *vivipara* (тонконогъ), *Carex stenophylla*, играющія столь видную роль на «збояхъ» (истоптанныя цѣлины), здѣсь почти не замѣтны. Мѣстами чаще, мѣстами рѣже попадаютъ дикіе тюльпаны (*Tulipa Gesneriana*), изъ которыхъ преобладаютъ экземпляры съ красными цвѣтами. Кое гдѣ выглядываютъ изъ травы различныхъ оттѣнковъ цвѣты *Iris pumila* и блѣдно-розовыя кисти *Valeriana tuberosa*.

Между дерновинами степныхъ злаковъ, которыя не совсѣмъ сплошь покрываютъ поверхность почвы, ютятся однолѣтніе, играющіе роль сорныхъ, ингредиентные элементы: *Alyssum minimum*, *Draba verna*, *Androsaco elongata* и др.

Начало лѣта. (25 мая 1902 года). Бросается въ глаза сѣдьющая масса ковыля, изъ за которой невидно прочихъ растеній. Перистый ковыль (по мѣстному, чаще «ковыла») здѣшнихъ степей представляетъ не одинъ видъ, какъ думаютъ хозяева, а два. Болѣе крупный—*Stipa pennata* и менѣе крупный—*Stipa Lessingiana*. Первый изъ нихъ, при утилизаціи степей, особенно при кошеніи сѣна низко срѣзывающими траву косилками, исчезаетъ скорѣе (тоже скоро исчезаетъ и *S. capillata*, кочки когорой срѣзываются косилками), второй держится дольше. На дѣвственныхъ участкахъ, каковъ описываемый, мѣстами преобладаетъ одинъ видъ, мѣстами другой. Вообще, они равноправные члены формаціи дѣвственной степи Днѣпровскаго уѣзда.

Въ херсонскихъ степяхъ *S. pennata* составляетъ рѣдкость и чаще всего встрѣчается даже не по степямъ, а по песчанымъ мѣстамъ. Вслѣдствіе этого я долго полагаю, что

⁶ Овсяница нашихъ степей принадлежитъ, собственно, къ *F. sulcata* Hackel., но я сохраняю старое сборное названіе, какъ общепонятное.

этот ковыль менее характерен, чем *S. Lessingiana*, образующая и теперь в Херсонской губ. местами сплошные заросли. Однако, изучив этот вопрос более тщательно и подробно, я убедился, что *S. pennata* является типичным представителем флоры Херсонской губ. и почти перевелась там, только благодаря чрезмерной эксплуатации степных сенокосов и пастбищ. На совершенно ровных степных участках Херсонской губ. *S. Lessingiana* встречается даже редко и обильно появляется лишь по склонам, почва которых более или менее смыта.

Сухие стебли тырсы, придававшие в самом раннем периоде весны (с осени до весны) своеобразный облик степи, теперь стужеветаются. Дерновинки ее позеленели и сгустили травяной покров.

Среди ковылей очень много *Festuca ovina*, которая теперь цветет. Попадает также *Koeleria cristata*⁷, *Triticum cristatum*, *Euphorbia Gerardiana* (этот молочай, являющийся иногда почти единственным растением на непомёрно эксплуатируемых пастбищах, здесь попадает редко). Затем находим: *Sisymbrium junceum*, *Carduus uncinatus*, *Pyrethrum achilleifolium*, *Dianthus capitatus*, *Artemisia austriaca* и др. растения, которые в лучше задернованные участки не проникают. В подвидных участках (более низкие места на степи) и по окраинам степных подовь растительность делается значительно богаче, но об этом будет сказано ниже. Ингредиентными⁸ элементами являются: *Sisymbrium rannonicum*, *Bromus squarrosus*, *Lepidium perfoliatum*, *Alyssum minimum* (в это время года уже сухой) и др.

Ости перистых ковылей к началу июня опадают и степь принимает желтоватый оттенок от торчащих отмирающих стеблей.

Лето – (время наблюдения 13 июля 1903 года). Сплошное море ковыля тырсы (*Stipa capillata*), метелки которого с широко растопыренными скрученными на концах остями наклонены по ветру в одну сторону. Светло желтовато-зеленый цвет остей, с несколько блестящим золотистым оттенком, придает своеобразный общий вид степи. Если взор скользит вдоль по согнувшимся метелкам, картина более однообразна, так как кроме метелок не видно ничего. Наоборот, если смотреть против ветра она более разнообразна, так как однообразие нарушается видными среди метелок, более темными стеблями ковыля. Никакая другая растительность не возвышается в то время над ковылем, что и понятно, так как ковыль в обычном своем согнутом положении доходит взрослому человеку до пояса, а с приподнятыми остями попадают кусты в рост человека (стоящие отдельно кусты доходят даже выше 180 сантиметров); у Шмальгаузена рост

⁷ Я оставляю здесь старое сборное название этого растения, так как расы его еще мною не изучены.

⁸ Ингредиентными элементами я называю растения, занимающие свободные места между нормальными членами формации. Они являются не только аналогами сорной растительности, но и ряды этой последней происходят из элементов индигенных.

Stipa capillata указанъ отъ 60 сент. до метра). Общее впечатлѣніе ковыльной степи въ періодъ цвѣтенія ковылей таково, что, какъ ни банально это сравненіе, оно можетъ быть сравнено только съ моремъ.

Одна *Stipa capillata*, какъ бы густо она ни росла, не можетъ сплошь закрыть почву, и между дерновинами *S. capillata* всегда находятъ себѣ пріютъ другая растительность съ *Festuca ovina* var. и перистыми ковылями во главѣ, пожелтѣвшіе стебли которыхъ исчезаютъ въ это время въ зелени тырсы. Вся же совокупность цѣлинной растительности вмѣстѣ въ состояніи иногда сплошь закрыть почву (на участкахъ болѣе черноземныхъ) и затѣнить ее даже, что способствуетъ задержанію влаги у самой поверхности. Это позволяетъ подъ пучками листьевъ злаковъ расти лишайникамъ и мхамъ, которые бываютъ иногда зелеными даже среди лѣта. Здѣсь слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что въ 1903 году роскошный видъ ковыльной степи зависѣлъ не только отъ того, что это защитный участокъ, но и отъ обилія влаги, происшедшей отъ постоянныхъ дождей весною и въ началѣ лѣта. Какъ увидимъ ниже, въ засушливые годы растительный покровъ участка значительно отличается отъ описаннаго.

Среди *Stipa capillata*, не считая дерновинокъ *Festuca ovina* var. съ осыпавшимися сѣменами, перистыхъ ковылей и другихъ растений, перечисленныхъ въ весеннихъ спискахъ и теперь совершенно незамѣтныхъ, попадаются изрѣдка слѣдующія растенія: *Statice tonientella* Boiss. (форма похожая на *S. Gmelini* и *S. latifolia*, очень распространенная по цѣлинной степи), *Triticum cristatum*, *Allium guttatum*, *A. flavum*, *Falcaria Rivini*, *Chrysocoma villosa*, *Medicago falcata*, *Peucedanum ruthenicum* (впрочемъ, чаще по окраинамъ подовъ въ подовидныхъ участкахъ), *Artemisia austriaca*, *Jurinea linearifolia*, *Linaria Biebersteinii* (больше по окраинамъ подовъ и по подовиднымъ участкамъ; — это же растеніе растеть въ видѣ сорного на поляхъ и особенно замѣтно послѣ снятія хлѣба). Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о *Vicia hirsuta*, развившейся кое гдѣ, благодаря особенно благоприятнымъ условіямъ влаги настоящаго года. Обычно, это растеніе луговой зоны степныхъ подовъ.

Сверхъ того, на целинной степи въ мѣстахъ, гдѣ остаются свободные промежутки между типичными степными растеніями, произрастаютъ формы, которыя мы привыкли считать сорными и которыя играютъ роль сорныхъ, но появленіе ихъ не всегда связано съ дѣятельностью чловѣка. Таковы:

<i>Trifolium arvense</i>	<i>Bromus squarrosus</i>
<i>Sisymbrium Sophia</i>	<i>Filago arvensis</i>
<i>S. pannonicum</i>	<i>Arenaria serpyllifolia</i>
<i>Eragrostis poaeoides</i>	<i>Lepidium perfoliatum</i> .
и даже <i>Salsola kali</i>	

Изъ нихъ обращаю вниманіе на *Eragrostis poaeoides*, чрезвычайно обыкновенное сорное растеніе у насъ на югѣ. покрывающее сплошь поля и топки, издающее слабый

запах (похожий на запах *E. suaveolens*, но слабше) и известное в здѣшной мѣстности подь названіемъ «вонючки». Растеніе это, хотя и сорное, встрѣчается среди пучковъ степныхъ злаковъ и на защитномъ участкѣ, почему оно, быть можетъ, относится также къ естественнымъ ингредиентнымъ элементамъ цѣлинной степи, играя лишь роль сорнаго элемента (во многихъ случаяхъ это несомнѣнно сорное, синантропное растеніе). Впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что въ настоящемъ году *Eragrostis roaeoides* вездѣ развилось въ непомѣрномъ количествѣ, благодаря обилію влаги. Изрѣдка по степи, играя роль сорнаго элемента, попадаетъ *Polygonum aviculare* съ прямостоячимъ стеблемъ). Эта же форма встрѣчается и въ подахъ.

Говоря о сорной растительности цѣлинной степи, слѣдуетъ указать на то, что разь уничтоженный цѣлинный покровъ восстанавливается очень медленно. Ф. Э. Фальцъ-Фейнъ показывалъ мнѣ на защитномъ участкѣ мѣста, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ выгорѣлъ ковыль и которыя до сихъ поръ остаются все таки покрытыми сорными травами. Кромѣ того, на защитномъ участкѣ, равно какъ и среди первобытной степи, всегда найдутся подходящія станціи для необщественныхъ элементовъ, изъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ формируется синантропная флора. Я имѣю здѣсь въ виду уничтоженіе нормального степного покрова при помощи насѣкомыхъ. Для примѣра укажу на слѣдующій фактъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ по цѣлинамъ, какъ Таврической, такъ равно и Херсонской губерніи, легко было замѣтить отмираніе дерновинъ степныхъ злаковъ (овсяницы). Болѣе подробное изслѣдованіе этого явленія обнаруживало, что дерновина подѣдена темною гусеницею съ оранжевымъ ошейникомъ, очень быстро прятавшейся въ норку среди дерновины. Гусеницы эти, по изслѣдованію С. Мокржецкаго, оказались гусеницами небольшой бабочки — молдаванской огневки (*Cledeobia moldavica*). Участки степи, пораженные молдаванской огневкою, заростають сорными травами и долго не могутъ возвратиться къ своему первоначальному виду. Въ первобытной степи, кромѣ случаевъ уничтоженія растительнаго покрова насѣкомыми, играющія роль сорныхъ элементовъ растенія могутъ селиться по сурчинамъ, вдоль тропь, протаптываемыхъ высшими животными и т. д.

На защитномъ участкѣ находятся небольшіе «подики»⁹, т.е. блюдцеобразныя углубленія, подчасъ, для глаза еле замѣтныя, растительность которыхъ уже издали отличается отъ нормальной равнинной. Во первыхъ, уже на окраинѣ пода бросаются въ глаза пересошіе стебли *Festuca ovina*, которые за отсутствіемъ ковыля ставовятся особенно замѣтными (дерновинки тырсы попадаютъ рѣдко), во вторыхъ, находимъ цѣлый рядъ растений, на ровной степи не растущихъ или рѣдкихъ: *Dianthus guttatus*, *Lotus angustissimus*, *Gypsophila muralis*, *Polygonum Bellardi?* (*avicularo*), *Galium verum*, *Potentilla bifurca*, *Euphorbia virgata*, *Allium paniculatum*, *Peucedanum rutlicnicum*, *Linaria Biebersteinii*. Тамъ же весною растеть много *Alopecurus pratensis*, *Ornithogalmn brachystachyum* и др.

⁹ Подробнѣе объ этихъ, замѣчательныхъ пониженныхъ участкахъ степи будетъ сказано ниже.

Осень (конец октября). Сплошная заросли тырсы со скрученными остями и пожелтвшими стеблями. Насколько густь и высокъ тырсовый покровъ, съ которымъ степь входитъ въ зиму, можно судить по тому, что охота съ борзыми на защитномъ участкѣ часто затрудняется тѣмъ, что заяць исчезаетъ въ заросляхъ тырсы и спасается отъ преслѣдованія.

Значеніе остающихся на зиму стеблей ковыля въ дѣлѣ накопленія и сохраненія влаги огромно. Во первыхъ, снѣгъ не можетъ сноситься вѣтромъ, но равномерно набивается въ густую и высокую щетку тырсы. Во вторыхъ, стебли, сдерживая силу вѣтра, уменьшаютъ непроизводительное испареніе влаги. То-же самое значеніе имѣетъ и мертвый покровъ, образующійся изъ отжившихъ стеблей и листьевъ. Въ третьихъ, на стебляхъ тырсы осаждается масса влаги изъ обычныхъ у насъ тумановъ осенью, зимою и весною, при чемъ образующаяся роса скатывается въ видѣ капель внизъ и въ значительной степени способствуетъ накопленію влаги въ почвѣ. Итакъ, при помощи мертвого покрова и стеблей тырсы, почва въ теченіи около полугода защищается прекрасно не только отъ такого непроизводительнаго расходованія влаги, какое мы наблюдаемъ на обнаженныхъ цѣлинныхъ пастбищахъ, но и накапливаетъ влагу.

27 іюня 1904 года. Оставшійся съ прошлаго года калдань (сухіе стебли ковыля), необыкновенно густой и высокій, не даль весною (по сообщенію мѣстныхъ жителей) развиваться новой растительности. Во время моего посѣщенія (т. е. 27 іюня) общій колоритъ степи еще опредѣлялся этими прошлогодними остатками стеблей тырсы (*Stipa capillata*), которые будучи сами цвѣта старой, нѣсколько почернѣвшей соломы, придавали этотъ оттѣнокъ всей степи. На участкахъ, гдѣ калдань былъ рѣже, проглядывали уже пожелтѣвшія кочки *Festuca ovina* var. нынѣшняго года, выдѣляясь отъ прошлогодняго калдана своею болѣе свѣжею и свѣтлою желтизною. Кромѣ того, виднѣлись стебли обычной въ степи *Koeleria cristata* и *Triticum cristatum*, болѣе или менѣе уже желтые, затѣмъ засохшіе *Pyrethrum achilleifolium*, собирающаяся цвѣсти *Statice tomentella* и др. растенія, не нарушающія общаго грязно-сѣро-желтаго фона. Дерновики тырсы въ это время, благодаря отсутствію лѣтней влаги, почти не проявили своей жизни. Зеленые стебли и листья *Stipa capillata* можно было наблюдать у единично растущихъ дерновинокъ, а также въ участкахъ, гдѣ ростъ прошлогодней травы былъ много рѣже. Это, конечно, легко объясняется лучшими условіями сохраненія влага и отсутствіемъ излишне густого мертвого покрова, механически препятствовавшего росту новой растительности. Въ общемъ, контрастъ растительнаго покрова нынѣшняго и прошлаго года чрезвычайно разительный, тогда какъ разница во времени наблюденій заключается лишь въ двухъ недѣляхъ. Засоряющихъ элементовъ въ 1904 году на защитномъ участкѣ было очень мало, а *Eragrostis proaeoides*, столь обильной въ 1903 году, не было совсѣмъ.

28 сентября 1904 года. Общій видъ степи желтовато-сѣрый, происходящій отъ дерновинъ *Stipa capillata*. Листья тырсы на концахъ истрепаны и болѣе свѣтлые, чѣмъ стебли, попадающіеся лишь изрѣдка и принадлежащіе преимущественно прошлогоднимъ растеніямъ, такъ какъ въ настоящемъ году, какъ видно было изъ лѣтняго описанія степи, вслѣдствіе засухи, тырса стеблей почти не развивала. Дерновинки ковылей, не смотря на неблагоприятныя условія влаги, совмѣстно съ мягкими и густыми дерновинками *Festuca ovina*, образуютъ мѣстами сплошной коверъ.

18 июня 1906 года. Въ 1905 году мнѣ вовсе не довелось увидѣть защитнаго участка. Ко времени моего посѣщенія въ 1906 г. общій видъ степи былъ буровато-желтый отъ сухихъ стеблей перистыхъ ковылей (*Stipa pennata* и *S. Lessingiana*), потерявшихъ уже ости и отъ *Festuca ovina*, плоды которой хотя уже созрѣли, но еще не осыпались. Листья этихъ злаковъ тоже болшею частью уже сухіе (особенно, концы ихъ), но кое гдѣ еще зеленоватые. На этомъ желтоватомъ фонѣ выдѣляются сѣроватые прошлогодніе стебли тырсы. Дерновинки ея, частью отмершія, вслѣдствіе густоты своей, не даютъ безпрепятственно развиваться новымъ стеблямъ. Вѣроятно, этотъ факторъ, въ связи съ незначительнымъ количествомъ осадковъ, выпавшимъ въ то время, когда тырса готовится къ своему развитію, привелъ къ тому, что на всѣхъ защитныхъ участкахъ, какъ въ Асканія Нова, такъ равно и въ Дорнбургѣ (гдѣ оставлено около 20 десятинъ цѣлины) и даже въ Мелитопольскомъ уѣздѣ (Елизаветфельдъ – см. ниже), тырса развилась весьма слабо, а кое гдѣ даже почти и вовсе не замѣтна (Дорнбургъ, Елизаветфельдъ), хотя тамъ-же по обмежкамъ и по менѣе истоптаннымъ степнымъ пастбищамъ остистый ковыль попадался въ значительномъ количествѣ. Вслѣдствіе этого возникаетъ предположеніе, что умѣренный выпасъ цѣлины способствуетъ только уничтоженію избыточной растительности и прорѣженію мертваго покрова (вѣроятно, наиболѣе важно выбиваніе копытами мертвыхъ частей дерновинъ, занимающихъ безъ надобности мѣсто и не дающихъ расти новымъ побѣгамъ), и не нарушаетъ существенно самой жизни растительнаго покрова.

Можно было бы предположить еще (какъ это сдѣлалъ владѣлецъ участка Ф. Э. Фальць-Фейнъ), что кочки тырсы были повреждены какимъ либо наѣдомымъ (болшія и плотныя дерновинки были, по крайней мѣрѣ, въ своей внутренней части мертвы, или казались таковыми), но это не подтверждено наблюденіемъ (*Cledeobia moldavica*, о которой я упоминалъ, не было, и притомъ ею повреждается, повидимому, только овсяница), да и самъ характеръ отмиранія дерновинки не говорилъ, по моему, въ пользу этого предположенія. Вообще, растительный покровъ защитнаго степнаго участка былъ въ это время низкій (хотя нѣсколькими недѣлями раньше онъ былъ покрытъ хорошо развитыми перистыми ковылями) и значительно засорень, чему способствовало слабое развитіе тырсы, а можетъ быть, и гибель злаковъ отъ гусеницъ *Cledeobia moldavica* въ теченіи 1905 года.

Кромѣ ковылей, на защитномъ участкѣ попадались пожелтѣвшіе стебли *Koeleria cristata* и *Triticum cristatum*. Между дерновинами многолѣтнихъ злаковъ попалалсъ сухіе стебли засоряющаго *Bromus squarrosus*. Мѣстами, гдѣ травяной покровъ почти отсутствовалъ, значительными пятнами располагалось *Pyrethrum achilleifolium*. Разбросано росли по степи:

<i>Allium flavum</i>	<i>Phlomis pungens</i>
<i>A. guttatum</i> (еще не цвѣт.)	<i>Dianthus capitatus</i> (рѣдко)
<i>Linosyris villosa</i> (не цвѣт.)	<i>Centaurea diffusa</i> и др.
<i>Statice tomentella</i> (бутоны)	

Въ подовидныхъ участкахъ степи:

<i>Gypsophila paniculata</i>	<i>Serratula xeranthemoides</i> и др.
------------------------------	---------------------------------------

Засоряющіе элементы, уже сухіе (кромѣ вышеупомянутаго *Bromus squarrosus*):

<i>Alyssum minimum</i>	<i>Trifolium arvense</i>
<i>Lepidium perfoliatum</i>	Пырей ¹⁰
<i>Sisymbrium pannonicum</i>	<i>Filago arvensis</i>

и даже *Delphinium consolida* (мѣст. дов. об.).

Б. Защитный участокъ около пода Б. Чапли.

21 июня 1906 года. Кромѣ большого защитнаго участка, который выше я только и имѣлъ въ виду, при экономіи Асканія Нова имѣется еще меньшій защитный участокъ, заключающій около 100 десятинъ и отведенный точно также какъ и большой, въ 1898 году. Этотъ степной участокъ расположенъ на окраинѣ Б. Чапельскаго пода и находится недалеко отъ большого защитнаго участка.

Во время моего посѣщенія (21 июня) онъ не былъ столь сожженъ солнцемъ, какъ большой защитный участокъ. Составъ злаковой растительности такой-же, но гуще. Кочки тырсы находились въ лучшемъ состояніи и были болѣе зелены. Впрочемъ, обиль-

¹⁰ Ф. Э. Фальцъ-Фейнъ обратилъ мое вниманіе на то, что пырей-синець на степяхъ около Асканія Нова падается повсемѣстно, не исключая и защитнаго участка, причемъ его нельзя считать сорнымъ элементомъ (какъ я полагалъ раньше), такъ какъ даже въ хорошо задернованныхъ участкахъ онъ произрастаетъ вездѣ, хотя и не играетъ никакой роли до тѣхъ поръ, пока покровъ прочихъ степныхъ злаковъ не нарушенъ. Ниже мною приведенъ примѣръ гибели овсяницы и ковыля на окраинѣ одного пода, вслѣдствіе заливки этихъ злаковъ дождевой водой. Мѣсто исчезнувшихъ ковыля и овсяницы на слѣдующій годъ занялъ пырей-синець, что указываетъ на присутствіе его корневищъ (хотя и въ подавленномъ состояніи) въ почвѣ еще до гибели степныхъ злаковъ. Пырей-синець настолько распространенъ вообще по цѣлинѣ Днѣпровскаго уѣзда, что при поднятіи такой почвы ее слѣдуетъ еще, по крайней мѣрѣ, одинъ годъ держать въ видѣ чернаго пара для уничтоженія синца, заглушающаго посѣвы хлѣбовъ.

но тырса попадалась только островками. Въ лучшихъ участкахъ, находящихся въ небольшой и еле замѣтной лощинѣ, почва задернована очень хорошо и сплошь занята живыми и мертвыми частями дерновинъ злаковъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ (на худшихъ участкахъ) имѣютъ возможность проникать сорные элементы (здѣсь больше всего *Bromus squarrosus*). Гдѣ много прошлогоднихъ стеблей тырсы, тамъ весь обликъ участка опредѣляется ими, такъ какъ зеленыхъ стеблей этого года очень мало, вслѣдствіе отсутствія своевременныхъ дождей (большіе дожди и даже ливни въ это время уже начинались) и вслѣдствіе того, что прошлогоднія, отмершія части кочекъ тырсы съ трудомъ позволяютъ развиваться молодымъ побѣгамъ, особенно не обладающимъ значительной силой роста, вслѣдствіе недостатка влаги. Между кочками тырсы и др. степныхъ злаковъ растутъ мохъ и лишайники (позеленѣвшіе отъ дождя 19-го іюня). Послѣ этого дождя мѣстами повыростали даже грибы, повидимому, изъ рода *Agaricus*). Затѣненіе кочками позволяютъ развиваться даже *Vicia hirsuta* (уже сухой), растенію луговому, о которомъ я упоминалъ въ описаніи большого защитнаго участка въ 1903 году. Впрочемъ, развитие *Vicia hirsuta* обуславливается, вѣроятно, и близостью пода.

На маломъ защитномъ участкѣ, кромѣ обычныхъ степныхъ злаковъ, попадались болѣе или менѣе обильно:

<i>Dianthus leptopetalus</i>	<i>A. guttatum</i>
<i>Statice tatarica</i>	<i>Galium verum</i>
<i>S. tomentella</i>	<i>Erynarium campestre</i> (листья)
<i>Linosyris villosa</i>	<i>Sisymbrium junceum</i>
<i>Allium flavum</i>	<i>Carduus</i> и др

Въ участкахъ, гдѣ нормальная степная растительность рѣже или отсутствуетъ:

<i>Artemisia austriaca</i>	<i>Kochia prostrata</i>
<i>Pyrethrum achilleifolium</i>	

6-10 августа 1906 года. Благодаря дождямъ, шедшимъ почти непрерывно съ половины іюня по августъ, степные участки значительно поправились и приблизились по общему виду къ картинѣ, описанной мною 13 іюля 1903 года. Однако, ковыли были ниже (въ исключительныхъ случаяхъ доходили до 165 сантиметровъ, противъ 180 сант. 1903 года) и рѣже.

Участокъ, расположенный на окраинѣ Б. Чапельскаго пода, выглядѣвшій и въ началѣ лѣта лучше, теперь представляетъ типичную степную картину во время развитія тырсы. Въ лучшихъ участкахъ почва задернована и закрыта сплошь. *Festuca ovina* var., разославъ кругомъ густо свои листья, совершенно закрываетъ промежутки между кочками тырсы и дерновинами прочихъ злаковъ. Отъ перистыхъ ковылей остались только дерновины, зеленѣющія какъ у прочихъ злаковъ, благодаря обилію влаги (впрочемъ,

къ моменту наблюдёнія запасъ влаги въ почвѣ былъ уже невеликъ, благодаря огромной транспираціи роскошнаго травяного покрова). Ости тырсы начали уже кое-гдѣ скручиваться и въ скоромъ времени степь начнётъ переходить къ осеннему ландшафту.

Главный защитный участокъ (въ 500 десятины) выглядитъ хуже. Мѣстами видны цѣлыя островки и полосы пропавшей тырсы, нарушающіе общее впечатлѣніе. Такія мѣста заняты, впрочемъ, другими степными злаками или сорными элементами¹¹, а также цѣлыми колоніями *Pyrethrum achilleifolium* и *Artemisia austriaca*. Въ особенности плоха тырса тамъ, гдѣ въ 1903 году она достигала наибольшаго развитія.

Въ концѣ защитнаго участка (наиболѣе удаленномъ отъ экономіи) находится небольшой подъ, который, благодаря ливнямъ, превратился въ довольно значительное озеро. Ко времени наблюдёнія (10 августа), озеро это было покрыто торчащими изъ воды стеблями *Scirpus supinus* (вышиною до 1½ фута, изъ которыхъ около ½ фута выступало надъ поверхностью воды) и на немъ обитали цѣлыя тучи дикихъ утокъ, а по берегамъ было много бекасовъ. Этотъ подъ уже давно не затапливался водою, вслѣдствіе чего степная растительность значительно надвинулась на него. Достаточно, было, однако, залитьъ пода дождями, чтобы освободить его отъ этихъ временныхъ пришельцевъ. Въ наиболѣе глубокой части пода, кромѣ *Scirpus sarpinus*, попадался *Elatine alsinastrum* въ видѣ водной формы. По краямъ попадались характерные: *Vandelia puxidaria*, *Juncus sphaerocarpos* (оба растенія развиваются лишь во время влажныхъ періодовъ), *Alopecurus pratensis* (цвѣтущей вторично), *Lotus angustissimus*, *Carex nutans*, *Gypsophila muralis*, мѣстами *Potentilla bifurca*, въ видѣ цѣлой зоны *Polygonum aviculare* съ прямостоячими стеблями и др. Нѣсколько дальше: *Linaria Biebefsteinii* (пятнами), *Dianthus guttatus*, *Peucedanum ruthenicum* и др. Дальше, постепенно растительность переходитъ въ типичную степную. Съ другой стороны пода, на довольно большомъ, пространствѣ, видны были сухіе стебли тырсы, погибшей вслѣдствіе временнаго покрытія водою (во время моего посѣщенія воды тамъ уже не было). Точно также тамъ погибла *Festuca ovina* и другіе степные злаки, надвинувшіеся, совмѣстно съ тырсой, на подъ во время засушливаго періода.

Въ теченіи зимняго періода 1906–1907 года на защитныхъ участкахъ былъ введенъ умѣренный выпасъ съ цѣлю приблизить развитіе ихъ растительнаго покрова къ естественному, такъ какъ степи до культуры были населены тарпанами и сайгакамъ, то устраненіе такого фактора, какъ вытаптываніе, начало, повидимому, сказываться неблагоприятно.

10 сентября 1907 года. Ростъ травъ на защитномъ участке весною былъ слабъ въ силу недостатка осадковъ и очень поздней весны. Лишь въ срединѣ мая прошли дожди, оживившіе степь и давшіе возможность развиться лѣтомъ тырсѣ (*Stipa capillata*).

¹¹ Въ это время на степи было много *Eragrostis poaeoides*, какъ и въ 1903 году; попадалась островками то же и *E. pilosa*.

Однако, къ концу лѣта влага уменьшилась на столько, что тырса, достигшая средняго развитія по росту и довольно густая, не могла выбросить всей метелки изъ листового влагалища, окутывающаго соцвѣтіе, а изъ него выступили только ости, ко времени наблюденія поблѣднѣвшія и скрутившіяся спиралью. Вслѣдствие этого общій видъ степи получился довольно оригинальный: стебли тырсы частью зеленые, частью пожелтѣвшіе, съ выступающими у верхушки бѣлесоватыми свертками изъ остей, представляли совершенно иную картину, чѣмъ во время нормальнаго развитія, когда влаги хватаетъ для полнаго развитія соцвѣтія. Несмотря на то, что цвѣтки тырсы не выступили на дневную поверхность, сѣмена развились совершенно нормально. Это приспособленіе весьма полезно для растенія, которое, подобно тырсѣ, развивается подъ конецъ лѣта, когда влаги часто не хватаетъ для нормальнаго завершенія всего жизненнаго цикла.

Среди желтовато-зеленоватаго тырсоваго покрова, въ это время года лишь кое-гдѣ попадались желтыя соцвѣтія *Chrysocoma villosa* и синія *Statice tomentella*.

Почти всѣ прочія растенія уже отцвѣли и лишь изрѣдка попадаютъ запоздалыя или цвѣтущія вторично растенія.

Въ тѣхъ мѣстахъ (болѣе низкихъ, подобразныхъ, или примыкающихъ къ поду), въ которыхъ въ прошломъ году, вслѣдствие застаиванія дождевой воды, пропала тырса и даже *Festuca* (объ этомъ см. описаніе выше), въ настоящемъ году образовались сплошныя (но, понятно, рѣдкія) заросли пырея. Точно также рѣдкимъ пыреемъ поросло и дно пода въ концѣ защитнаго участка. Однако, тамъ мѣстами попадались еще даже довольно обильно сухіе стебли, характерной для влажныхъ періодовъ *Lythrum thymifolia*. Въ 1908 г. (засушливомъ) 31 іюля подъ этотъ (уже выкошенный) былъ покрытъ пыреемъ синцемъ, *Carex stenophylla*, *Artemisia austriaca*, *Gypsophila muralis*, *Polygonum aviculare* и *Polycnemum arvense*. Отъ болотной флоры 1906 года не осталось и слѣдovъ.

31 іюля 1908 года. Благодаря недостатку влаги въ 1908 году, растительный покровъ защитныхъ участковъ около эк. Асканія Нова развился плохо (по сообщенію владѣльца участковъ Ф. Э. Фальць-Фейнь, перистые ковыли въ этомъ году тоже были развиты плохо). Общій видъ меньшаго защитнаго участка (100 десятинъ на окраинѣ Б. Чапельскаго пода) столь мало напоминаетъ ту картину, которую представлялъ онъ въ концѣ лѣта 1906 года, что трудно даже съ перваго взгляда признать въ немъ защитный участокъ. Въ лучшихъ участкахъ (расположенныхъ по еле замѣтной лощинкѣ) ковыль-тырса очень не высокій (не доходитъ съ приподнятыми остями даже до пояса), довольно рѣдкій, съ остями часто еле высунутыми изъ влагалища верхняго листа. Обильно засорень участокъ *Falcaria Rivini*, *Kochia sedoides*, *Polygonum aviculare*, *Eryngium campestre*, *Sisymbrium sophia* и др. Много мѣста занимается круговинами *Pyrethrum achilleifolium* (сух.), круговинами изъ *Triticum cristatum*, среди которыхъ

много пырея-синца, попадающагося тоже въ видѣ единичныхъ стеблей и между кочками тырсы. Среди нормального злакового покрова разбросаны: *Dianthus guttatus*, *Staticc tomentella*, *Serratula xeranthemoides* (сух.), *Chrysocoma villosa*, начинающая кое гдѣ разцвѣтать и нѣкоторыя др. растенія.

Большой защитный участокъ (31 іюля 1908 г.) выглядит не лучше. Ковыль-тырса въ плохомъ состояніи. Много стеблей прошлогоднихъ, кое гдѣ попадаются зеленые стебли этого года, съ немного лишь выступившими остями, часто даже настолько слабо развитыхъ, что ости вовсе не выступили изъ влагалища верхняго листа. Дерновины *Stipa capillata* очень рѣдки, мѣстами даже ихъ вовсе нѣтъ. Общій фонъ степи желтовато-сѣроватый. Изъ засоряющихъ элементовъ особенно много *Artemisia austriaca*, *Sisymbrium sophia*, синца, *Falcaria Rivini* и др. *Erogrostis poaeoides*, столь обильнаго во влажные годы вовсе нѣтъ. Мѣстами попадаютъ отмершія дерновинки овсяницы (поврежденныя *Cledeobia moldavica*).

Сѣнокосно-пастбищные степные участки около Асканіи Нова въ это время выглядѣли мѣстами значительно лучше, были зелены, ости тырсы были широко разставлены и цѣликомъ выступили изъ влагалищъ. Контрастъ этотъ легко объясняется тѣмъ, что въ 1908 году какъ разъ защитные степные участки были обойдены дождями, тогда какъ надъ пастбищно-сѣнокоснымъ осадковъ выпало несравненно больше.

Хотя мои наблюденія надъ защитнымъ участкомъ обнимаютъ всего семилѣтній періодъ, тѣмъ не менѣе я считаю возможнымъ сдѣлать нѣкоторыя общіе выводы, касающіеся измѣненія растительнаго покрова, который, какъ мы видѣли на цѣломъ рядѣ представленныхъ мною описаній, не одинаковъ въ различные годы.

Главнымъ факторомъ, опредѣляющимъ то или иное состояніе растительнаго покрова, является, какъ слѣдовало ожидать и а priori, влага и ея своевременное выпаденіе. Вполнѣ понятно, что развитіе такой огромной растительной массы, какое наблюдалось ко времени цвѣтенія тырсы въ 1903 году (или даже въ 1900 г.), возможно послѣ обильныхъ дождей выпадающихъ въ началѣ лѣта. Роскошное развитіе перистыхъ ковылей возможно лишь при большомъ запасѣ влаги въ серединѣ весны. Въ засушливые годы эти наиболѣе существенные элементы мѣстной степи, понятно, не могутъ развиваться въ достаточной мѣрѣ и степь принимаетъ совершенно другой обликъ. Контрастъ между такими крайними состояніями иногда бываетъ столь великъ, что просто не хочется вѣрить, что это одинъ и тотъ-же участокъ, тѣмъ болѣе, если будетъ принято во вниманіе, что рядомъ находящіяся пастбища часто выглядяютъ гораздо лучше (въ смыслѣ живой растительной массы), такъ какъ ихъ болѣе рѣдкій растительный покровъ, не расходуя такой массы влаги, какъ защитный участокъ, не выгораетъ такъ скоро.

Кромѣ этихъ, какъ мы видѣли, очень значительныхъ колебаній растительнаго покрова цѣлинной степи, опредѣляемыхъ колебаніями въ количествѣ и времени выпаденія влаги, есть еще нѣчто другое, играющее тоже немаловажное значеніе въ жизни рас-

тительного покрова и вызываемое непосредственно жизнью самих растений — это мертвый покров, образующийся в излишек после исключительно благоприятных для растительности годов и мешающий росту трав нового поколения. На степях пастбищных этот фактор не имеет никакого значения, так как мертвый докров там почти совсем отсутствует. Наоборот, в степях, подверженных незначительному вытаптыванию, а тем более вовсе не вытаптываемых, как (до последнего времени) защитный степной участок (на этом участке обитает только много зайцев), мертвые части прошлогодних растений (конечно, больше всего тырсы) препятствуют росту до такой степени, что даже дикие кочевники, обитающие в разных странах света, прибегали к палам (выжигание мертвого покрова), как средству, улучшающему рост новой травы. Даже и в настоящее время жители Херсона, пользующиеся плавневым камышом как топливом, под конец зимы выжигают остатки своих обширных камышей с целью облегчить весной развитие новых побегов. В это время по вечерам и ночам видны из города громадные зарева горящих камышей, что представляет оригинальную картину. Несомненно, что и степные палы, пущенные в начал весны, когда корни растений защищены влажной почвой от неблагоприятного влияния высокой температуры (до начала вегетации) могут принести известную пользу, очищая степь от излишнего и вредного мертвого покрова, сыгравшего уже свою положительную роль в течении осени и зимы (накопление влаги), при этом, конечно, погибнет много и вредных насекомых, так или иначе связанных в зимний период с мертвым покровом. Однако, палы, пущенные по пересохшей степи, конечно, уничтожат нормальный растительный покров.

Так как во всех степях, даже самых первобытных, пасутся стада крупных копытных животных, не только съдающих в течение осени и зимы много сухой растительности но и выбивающих своими копытами мертвые части кочек и дерновины злаков, то накопление там такого излишка мертвого покрова, какой бывает после благоприятного года на защитном участке, не может иметь места. В виду этого, для приведения защитного участка к большему равновесию, как я уже об этом упоминал, Ф. Э. Фальц-Фейн ввел с конца 1906 года зимний выпас на своих участках, о результатах, по незначительности прошедшего времени и засушливости следовавших за этим опытом годов, судить, понятно, невозможно.

Вытаптывание степи имеет еще и другие значения, помимо уничтожения излишнего мертвого покрова. Это угнетание преимущественно наиболее сильных и обильных степных злаков — ковылей, значительное уменьшение в засушливые периоды транспирирующей растительной массы, что способствует меньшему выгоранию остающихся растений и вытаптывание в землю семян различных растений.

Описанные замечательные защитные степные участки при экономии Аскания Нова позволяют нам восстановить облик степей, до заселения их человеком. Что такое

отождествленіе растительности защитныхъ участковъ съ первобытной — вѣрно, видно изъ слѣдующихъ соображеній:

Цѣлина эта никогда не подвергалась столь значительному влиянію со стороны человека, чтобы не могла вскорѣ возвращаться къ состоянію не отличающемуся существенно отъ первобытнаго. Во-первыхъ, она никогда не была пахана. Во-вторыхъ, она поступила въ „защиту“ малоистоптанной. Вообще, таврическія цѣлины еще недавно не были столь сильно измѣнены, какъ въ настоящее время, особенно у владѣльцевъ такихъ крупныхъ какъ Фальць-Фейнь. Къ, этому нужно прибавить, что извѣстная степень вытаптыванія составляетъ принадлежность къ наиболее первобытной степи. До культуры при-черноморскія степи служили пастбищемъ для многочисленныхъ табуновъ тарпановъ и сайгаковъ. Сколь мало была измѣнена природа днѣпровскихъ степей въ еще недавнее время можно судить по тому факту, что лишь въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія исчезла дикая лошадь — тарпань. Непомѣрное обремененіе пастбищъ скотомъ, выступающее по мѣрѣ увеличенія населенія и сулящее полное уничтоженіе растительнаго покрова въ скоромъ будущемъ, не могло имѣть мѣста въ то время, когда существовали тарпапы. Съ другой стороны, наблюденіе за смѣной и развитіемъ растительнаго покрова на защитномъ участкѣ (о чемъ подробно было сказано выше) привели Ф. Э. Фальць-Фейнь къ заключенію о необходимости умѣренного выпаса для уменьшенія излишняго мертваго покрова, препятствующаго росту травъ весною. Поэтому, принимая все сказанное во вниманіе, я категорически утверждаю, что не вижу основанія, которое не позволило бы отождествить описанный мною защитный участокъ съ дѣвственной ковыльной степью. Это тѣмъ болѣе справедливо, что владѣлецъ защитнаго степного участка Ф. Э. Фальць-Фейнь не удовлетворился своимъ первымъ опытомъ, а искалъ чего то болѣе типичнаго, именно того, что далъ нынѣшній защитный участокъ.

Такимъ образомъ, господствующимъ типомъ растительнаго покрова степей первой категоріи, былъ типъ, описанный мною для защитныхъ участковъ при экономіи Асканія Нова. Понятно, къ сѣверу, западу и востоку, постепенно, онъ дѣлался болѣе луговиднымъ (количество двудольныхъ увеличивалось), но въ общемъ онъ былъ распространень по всей площади, до границъ, указанныхъ мною раньше. Слѣдуетъ еще прибавить, что понятно, и въ доисторическое время растительный покровъ степи не представлялъ чего-то неизмѣннаго и постоянного, а подверженъ былъ, въ зависимости отъ осадковъ и другихъ условій, столь-же значительнымъ колебаніямъ, какія были показаны мною на многочисленныхъ примѣрахъ, только что приведенныхъ.

Для степей только что описанныхъ, чрезвычайно характерно присутствіе степныхъ подовъ.

Какъ ни равнинна степь Днѣпровскаго уѣзда, все-таки по ней кое гдѣ разбросаны блюдцеобразныя углубленія, о которыхъ вскользь уже неоднократно я упоминалъ. Эти углубленія бываютъ очень различной величины (колеблются отъ самыхъ незначитель-

ныхъ размѣровъ до нѣсколькихъ, даже десяти, версть въ діаметрѣ), но онѣ всегда не глубоки, подчасъ, для глазъ еле замѣтны. Растительность этихъ подовъ, смотря по величинѣ и глубинѣ ихъ, различна, но всегда отличается отъ растительности ровной степи.

Вотъ описаніе двухъ таврическихъ подовъ¹²:

Агайманскій подъ. (26 мая 1906 г.). Огромный этотъ подъ, часть котораго находится въ предѣлахъ Днѣпровскаго уѣзда, но большая — въ Мелитопольскомъ у., простирается какъ глазъ хватить отъ Успенки до Агайманъ (Мелитоп. у.). Въ семидесятихъ годахъ здѣсь погибла послѣдняя дикая лошадь — тарпань. По рассказамъ старожиловъ въ этомъ поду когда-то были огромныя заросли камыша и куги (*Scirpus lacustris*). Въ 1888 году вода въ поду стояла все лѣто (въ 1887 году подъ былъ совсѣмъ сухой), а въ 1889 году пода косить не могли и въ заросляхъ подовой растительности завелись одичавшія свиньи, на которыхъ устраивали форменныя облавы. Въ настоящее время растительность этого пода не только не роскошна, но и довольно бѣдна. Мною посѣщена только часть пода, принадлежащая къ Успенкѣ (Днѣпр. у.), которую я и имѣю въ виду при нижеслѣдующемъ описаніи.

На болѣе высокихъ участкахъ пода, именуемыхъ кряжами, находимъ сплошной коверъ изъ *Festuca ovina* var., *Poa bulbosa* var. *vivipara*, *P. pratensis*, *Triticum cristatum* и *Carex stenophylla*, коо гдѣ *Achillea*, *Sisymbrium toxophyllum*, *Artemisia austriaca*, *Stipa pennata*, пырей-синець, *Medicago falcata*, *Hyacinthus ciliatus*, *Vicia villosa*.

Въ болѣе низкихъ участкахъ *Festuca ovina* рѣдѣетъ, появляются *Alopecurus pratensis*, *Beckmannia eruciformis*, *Sisymbrium toxophyllum* (обильно), *Nasturtium austriacum*, *Ferula orientalis*, *Potentilla argentea*, *Centaurea inuloides*, *Nasturtium brachycarpum* (рѣдко), *Vicia hirsuta*, *Valerianella costata*, *Euphorbia virgata*. Ближе въ центру пода много участковъ не задернованныхъ, вслѣдствіе чего тамъ появляется сорная растительность. Наоборотъ, окраины довольно хорошо задернованы.

Конечно, растительность пода не остается одинаковою ежегодно. Она слишкомъ сильно зависитъ отъ влаги, количество которой въ поду ежегодно мѣняется. Послѣ многоснѣжной зимы подъ представляетъ изъ себя сплошное озеро, и въ болѣе низкихъ мѣстахъ его вода сохраняется до лѣта. Въ такомъ случаѣ, обилие влаги позволяетъ развиваться массѣ болотныхъ растений, которыхъ въ годы болѣе бѣдные влагою совсѣмъ не замѣтимъ. Таковы: *Heleocharis palustris*, *Butomus umbellatus*. Слѣдуетъ еще прибавить, что для типичнаго развитія такой болотной флоры необходимо, чтобы вода собралась въ поду заблаговременно, такъ какъ весенніе дожди не могутъ вполне замѣнить воды, произшедшей заблаговременно отъ таянія снѣга.

Чапельскій подъ (25 мая 1902 года). Этотъ большой подъ (версть 5–6 въ діаметрѣ) почти весь занятъ сизымъ пыреемъ (синець), растущимъ довольно рѣдко. Среди син-

¹² Описаніе одного небольшого степного пода и измѣненія его растительнаго покрова въ зависимости отъ осадковъ было дано выше при описаніи защитнаго степнаго участка

ца изрѣдка попадається: *Poa bulbosa* var. *vivipara*, *Alopecurus pratensis* (мѣстамп), кое гдѣ дерновинки *Festuca ovina* var., иногда даже *Carex stenophylla*, затѣмъ, *Potentilla argentea*, *Euphorbia virgata* и другіе случайные и сорные элементы. Къ послѣдней категоріи относится *Draba verna* (сухіе стебли), *Holosteum umbellatum*. Довольно часто попадається *Cerastium anomalum* (общественно), характерное для степныхъ подовъ. *Centaurea inuloides* кое гдѣ по окраинамъ, но обильно, сплошь *Phlomis tuberosa* (мѣст. об. по окраин.).

Въ серединѣ пода вырыть прудикъ, по берегамъ котораго растутъ: *Butomus umbellatus*, *Scirpus tabernaemontani*, *Heleocharis palustris*, *Typha*, *Beckmannia eruciformis*, *Nasturtium brachycarpum*, *N. austriacum*, *Vicia villosa*, *V. tetrasperma*, *Rumex stenophyllus*, *Myosurus minimus* и др. Въ водѣ прудика въ 1908 году замѣчено довольно много *Myriophyllum* (повидимому, *spicatum*; – экземпляры утеряны).

Къ окраинамъ пода количество *Alopecurus pratensis*, *Poa bulbosa* и *Festuca ovina* все увеличивается и начинаютъ попадаться растенія въ родѣ *Serratula xeranthemoides*, *Ferula orientalis*, *F. caspica*, *Achillea micrantha*, *Onosma* и др. Наконецъ, появляются отдѣльные кустики *Stipa Lessingiana* и *S. pennata*, которые дальше образуютъ силовныя заросли ковыля, и подѣ переходить въ типичную ровную степь.

Почва пода свѣтлая, заключаеть въ себѣ различной величины шарики болотной марганцово-железной руды.

Раньше въ этомъ поду никогда не пересыхала вода, а въ снѣжные годы ее тамъ бывало такъ много, что во времена, когда Асканія принадлежала герцогу Ангальтъ-Кетенскому, пришлось насыпать валь, чтобы воспрепятствовать подовой водѣ заливать домъ расположенный на окраинѣ пода. Въ настоящее время этотъ валь указаннаго значенія не имѣеть.

Участокъ пода при экономіи, съ 1906 г. залитый дождями и водой изъ артезианскаго колодца, покрытъ теперь нормальной подовой растительностью. Тамъ обильно растеть *Butomus umbellatus* и *Heleocharis palustris*, а также *Scirpus supinus*¹³. Въ годы обильныя влагой, когда весь подѣ заливается водою, по сообщенію Ф. Э. Фальцъ-Фейнъ, онъ цѣликомъ покрывается вышеописанной растительностью (появляется болѣе обильно также *Scirpus tabernaemontani*), овсяница же и другія степныя растенія, проникающія въ подѣ въ засушливые періоды, исчезаетъ.

¹³ Въ 1908 году въ каналы и пруды, наполняемая артезианской водой, были пущены изъ Двѣпра слѣдующія растенія: *Ceratophyllum*, *Hydrocharis*, *Morsus ranae*, *Najas major*, *N. minor*, *Ranunculus divaricatus*, *Lemna trisulca* и *L. polyrrhiza*. Сама собою появилась въ значительномъ количествѣ *Lemna minor*. Кромѣ нея, по берегамъ канавъ и пруда тоже само собою появились раньше незамѣченныя растенія: *Erythraea pulchella* и *E. albiflora* (обѣ расы растутъ совмѣстно по травянымъ сыроватымъ берегамъ канавъ), *Epilobium parviflorum*, *Rumex ucrainicus* (не рѣдко), *Heleocharis alopecuroides* (мѣст. об.). Смена этихъ растевій, безъ сомнѣнія, попали изъ Днѣпровскихъ плавень и, благодаря постоянному притоку артезианской воды, существованіе ихъ теперь обезпечено.

Въ настоящемъ (1908) году степные поды Херсонской губ. были налиты водою еще съ зимы, вслѣдствіе чего растительность ихъ развилась прекрасно (поды-же сосѣдняго Днѣпровскаго у. Таврической губ. остались сухими). Это дало возможность мнѣ изучить, наконецъ, болѣе подробно эти замѣчательныя образованія. Не вдаваясь въ излишнія подробности, я приведу сначала нѣсколько конкретныхъ примѣровъ подовой растительности, а затѣмъ дамъ ихъ общую характеристику, на основаніи одиннадцатилѣтняго знакомства моего съ подами.

Подъ около Копаней (15 мая 1908 г.). По линіи Херсонско-Николаевской жел. дор. около ст. Копаней находится пониженная часть степи, имѣющая характеръ обширнаго пода.

Кстати, упомяну, что на табачной плантаціи около Асканіи довольно обильно появилось сорное *Chenopodium vulvaria*, на которой находятся еще болѣе пониженные участки большей или меньшей величины, представляющіе поды въ ихъ наиболѣе типичной формѣ. Между ст. Копани и Киселевыми хуторами мною обслѣдованы четыре такихъ пода:

1) Маленькое круглое блюдце. Почва во время наблюденія сухая, пепельно-сѣрая. Больше всего *Heleocharis palustris* (небольшого роста, вслѣдствіе рано наступившаго высыханія этого пода), образующаго довольно густыя, задернованныя круговинки. Среди этого покрова единично, но въ довольно значительномъ количествѣ, вкраплены *Alopecurus pratensis* (цвѣт.). Мѣста, не занятые *Heleocharis*ом заселены: *Myosurus minimus* (обильно), *Lythrum thymifolia* (не цв., б.). Единично подаются; *Nasturtium brochycarpum*, *Sisymbrium toxyphyllum*, *Juncus bufonius*, *J. sphaerocarpus* и *Lotus angustissimus* (листья). Тамъ, гдѣ растительный покровъ еще болѣе былъ угнетенъ вытаптываніемъ, видна масса всходовъ *Polygonum aviculare*.

2) Въ другомъ, болѣе обширномъ и глубокомъ поду въ центрѣ вода еще не высохла (болото). Много тамъ *Heleocharis palustris*, еще не цвѣтущей *Beckmannia eruciformis*, *Nasturtium austriacum* уже издали заметой своими желтыми цвѣтами, *Juncus atratus*. Между этими растеніями, въ видѣ болотной и водяно-болотной формы, довольно много *Elatine alsinastrum*. По болѣе сухимъ участкамъ (окраины), къ *Heleocharis* и *Juncus atratus* присоединяется *Nasturtium brochycarpum*, *Lythrum thymifolia*, *Stellaria graminea* (послѣдняя почти на границѣ съ степовидной частью пода) и *Alopecurus pratensis*. Кромѣ того, тамъ довольно много листьевъ *Inula britannica*.

3) Въ одномъ небольшомъ блюдцѣ, уже высохшемъ и покрытомъ рѣдкимъ *Heleocharis palustris*, на лишенной болѣе высокаго растительнаго покрова почвѣ падается *Elatine alsinastrum* (въ видѣ очень маленькой формы). Тамъ-же, въ одномъ мѣстѣ найденъ *Elatine hydropiper* (рѣдко), не замѣченный мною раньше въ предѣлахъ Херсонской губ., но найденный вслѣдствіи въ большомъ количествѣ въ одномъ поду около Ивановки (см. ниже).

4) Въ одномъ маленькомъ блюдцѣ (уже высохшемъ), въ мѣстахъ, не покрытыхъ *Heleocharis* о́мъ, мною найдено довольно много *Limosella aquatica*, которой я до сихъ поръ не находилъ ни въ одномъ поду Херсонской и Таврической губ. По болѣе сухимъ (похожимъ на стень) участкамъ пода много *Poa bulbosa* var., *Festuca ovina* var. и *Alopecurus pratensis*. Мѣстами цѣлыя круговины *Phlomis tuberosa* (не цвѣт.). *Ornithogalum brachystachyum* вообще попадаетъ часто, а мѣстами цѣлые участки пода бѣлѣють огъ его цвѣтовъ. По сухимъ мѣстамъ пода попадаютъ также: *Sisymbrium tochophyllum* (рѣдко), *Onosmia tinctorium* (изрѣдка), *Artemisia austriaca* (листья – обильно), *Euphorbia leptocaula*, *E. Gerardiana*, *Ranunculus illyricus* (не рѣдко), *Verbascum phoeniceum*, кое-гдѣ даже листья *Statice Gmelini*. Вообще, почва не совсѣмъ задернована, а мѣстами покровъ даже очень рѣдкій (подъ этотъ служить пастбищемъ; болѣе же низкіе участки косятъ на сѣно).

Пырей, присутствіе котораго у насъ характерно для степныхъ подовъ, въ это время еще былъ очень слабо развитъ и не игралъ еще замѣтной роли среди прочихъ членовъ подоваго растительнаго покрова.

Степные поды около Ивановки (23 мая 1908 года). Весною 1908 года поды около эк. Ивановки (К. Э. Фальць-Фейнь¹⁴), находящейся въ 25 верстахъ къ Н отъ Берислава, на водораздѣлѣ между Днѣпромъ и Ингульцемъ, были сильно залиты водою (въ прошломъ 1907 году поды около Ивановки были залиты тоже, но не столь сильно, какъ въ настоящемъ году). Въ центральныхъ котловинкахъ вода еще и во время моего посѣщенія образовала небольшія озерки. Изъ шести обследованныхъ подовъ, я остаюлюсь только на одномъ:

Подъ около «Плантаціи». Большой подъ, около 500 десятинь (т. е. свѣше четырехъ квадратныхъ версть), не замѣтно сливающійся со степью. Почти посрединѣ этого пода разведень лѣсокъ, занимающій 22 десятины. Этотъ подъ интересень въ томъ отношеніи, что всѣ подовыя зоны въ немъ развиты очень хорошо, почему онъ можегъ служить типомъ подобныхъ образованій. Подъ этотъ, подобно большинству другихъ подовъ Херсонской губ., неглубокій. Отъ периферіи къ центру въ немъ можно различить слѣдующія зоны, весьма незамѣтно, впрочемъ, переходящія одна въ другую:

1) *Луговостепная* (переходъ отъ степи къ поду) отличается отъ степи болѣе луговиднымъ характеромъ растительнаго покрова, состоящаго изъ весьма значительнаго количества видовъ, причемъ типичные представители степи еще не исчезли совершенно (попадаетъ *Stipa pennata* и видны кое-гдѣ даже дерновины *S. capillata*). Въ этой зонѣ растутъ:

Serratula tinctoria
Carduus uncinatus

Sisymbrium junceum
Triticum cristatum

¹⁴ Пріятнымъ долгомъ считаю выразить Фридриху Эдуардовичу Фальць-Фейнь мою искреннюю признательность за предоставленіе возможности изучить замѣчательную растительность степныхъ подовъ.

<i>Dianthus capitatus</i>	<i>Euphorbia leptocaula</i>
<i>Arenaria longifolia</i>	<i>Medicago falcata</i>
<i>Achillea nobilis</i>	<i>Galium verum</i> (не цв.)
<i>A. setacea</i>	<i>Phlomis pungens</i> (не цв.)
<i>Verbascum phoeniceum</i>	<i>P. tuberosa</i>
<i>Potentilla recta</i>	<i>Inula Oculus Christi</i> (не цв.)
<i>Onosma tinctorium</i>	<i>Alopecurus pratensis</i> (єдиничн. екз.)
<i>Statice Besseriana</i> (не цв.)	<i>Festuca ovina</i> var.
<i>Potentilla argentea</i>	<i>Poa bulbosa</i> var.
<i>Salvia aethiopsis</i>	<i>Koeleria cristata</i>
<i>Pyrethrum millefoliatum</i>	<i>Stipa pennata</i>
<i>Salvia silvestris</i>	<i>Linosyris villosa</i> (не цв.)
<i>Iris pumila</i> (отцвѣтш.)	<i>Bromus inermis</i>
<i>Thymus Marschalliana</i>	и др.

Рано весною въ этой зонѣ попадаетъ *Adonis wolgensis*, какъ очень рѣдкое растеніе.

2) *Луговая* (нѣсколько болѣе пониженная). Ковыли исчезаютъ. Кромѣ многихъ, перечисленныхъ выше, попадаютъ:

<i>Thalictrum minus</i> (круговинами)	<i>Stellaria graminea</i>
<i>Ornithogalum brachystachyum</i>	<i>Herniaria incana</i>
<i>Ranunculus illyricus</i>	<i>Orobus albus</i> (рѣдко)
<i>Centaurea inuloides</i> (не цв.)	<i>Jurinea mollis</i>
<i>Rumex acetosa</i> (рѣдко)	<i>Valeriana tuberosa</i>
<i>Euphorbia virgata</i> (лист. дов. об. даже среди густ. покрова)	
<i>Spiraea Filipendula</i> (рѣдко)	
<i>Silene densiflora</i>	<i>Iris Güeldenstaedtiana</i> (изрѣдка)
<i>Alopecurus pratensis</i> (об.)	<i>Lathyrus tuberosus</i> (не цв.)
<i>Statice Gmelini</i> (листья)	<i>Sisymbrium junceum</i>
<i>Peucedanum ruthenicum</i> (листья)	<i>Linaria Biebersteinii</i> (не цв.)
<i>Trifolium montanum</i> ¹⁵	<i>Onosma tinctorium</i>
<i>Avena tenuis</i> ¹⁶	и др.

¹⁵ Въ одномъ участкѣ пода (среди рѣдкаго *Alopecurus pratensis* и низкаго прочаго злаковаго покрова) *Trifolium montanum* растеть очень обильно на значительномъ протяженіи (около квадр. версты), причѣмъ уже издали выдѣляется островками среди прочей растительности пода. Тамъ же растеть *Iris Güeldenstaedtiana* и *Statice Gmelini* (листья).

¹⁶ *Avena tenuis* растеть среди негустого или даже рѣдкаго злаковаго покрова, мѣстами болѣе обильно, мѣстами рѣже. Тамъ же начинаегъ уже попадаться *Juncus sphaerocarpos* и *Myosurus minimus*.

3) *Лугово-заливная* зона занимает еще болѣе пониженную часть пода, въ которой вода застаивается на болѣе продолжительное время. Она характеризуется весьма сильнымъ развитіемъ *Alopecurus pratensis*, который растетъ столь обильно, какъ будто нарочно посѣянный. Тамъ-же много пырея (начин. еле выбр. колось), который занимаетъ свободныя мѣста между *Alopecurus*'омъ. Въ этой зонѣ уже въ подходящихъ мѣстахъ (т. е. тамъ, гдѣ высокій и густой растительный покровъ уничтоженъ или подавленъ, напр., около мало проѣзжей дороги) попадаютъ мелкія растенія: *Myosurus minimus*, *Juncus sphaerocarpus*, *J. bufonius*, всходы *Polycnemum arvense*, *Elatine alsinastrum*, *E. hydropter* (рѣдко), *Lythrum thymifolia*, *Nasturtium brachycarpum* и др.

4) *Лугово-болотная* зона занимаетъ самое низкое мѣсто пода (вода еще не высохла). Больше всего *Heleocharis palustris*, понадается *Butoinus umbellatus* (въ другихъ подахъ онъ появляется иногда въ большомъ количествѣ), *Gratiola officinalis*, *Nasturtium austriacum.*, *Juncus compressus*, мѣстами пырей (на почвѣ сырой и на болотѣ – островками) сизый, приближающійся къ синцу днѣпровскихъ степей (среди этого пырея росъ *Myosurus minimus*, листья *Statico Gmelini*, всходы *Polygonum aviculare*), *Alopecurus pratensis* (въ менѣе заболоченныхъ участкахъ), *Fritillaria minor* (изр., – въ другихъ подахъ обильно). Въ мѣстахъ, гдѣ высокій растительный покровъ подавленъ (вытаптываніемъ и вымоканіемъ): *Elatine alsinostrum*, *Nasturtium brachycarpum*, *Alisma arenatum*, *Juncus bufonius*, *J. sphaerocarpus*, *Lythrum thymifolia* и др. растенія, избѣгающія высокаго и густаго травяного покрова. Впрочемъ, такъ какъ подъ этотъ служить сѣнокосомъ, то растенія этой категоріи попадаютъ въ немъ значительно рѣже, чѣмъ въ другихъ (пастбищныхъ) подахъ.

Озерко чистой воды, встрѣчающееся въ другихъ подахъ въ центрѣ, въ поду около плантаціи незамѣтно, такъ какъ оно заросло болотной растительностью.

Растительность указанныхъ выше зонъ, понятно, не разграничена рѣзко. Многія растенія встрѣчаются въ двухъ, трехъ зонахъ. *Alopecurus pratensis* появляясь въ лугово-степной зонѣ, доходить до лугово-болотной, однако, наиболѣе сильнаго развитія онъ достигаетъ въ лугово-заливной зонѣ, гдѣ онъ образуетъ сплошное кольцо. *Ornithogalum brachystachyum* тоже переходитъ почти черезъ всѣ зоны, но наиболѣе обильно понадается на границу *Alopecurus*'овой зоны съ зоной степныхъ злаковъ (*Festuca*, *Poa*), въ мѣстахъ, гдѣ растительный покровъ нѣсколько взрѣженъ и угнетенъ (въ такомъ случаѣ *Ornithog. brachyst* растетъ иногда въ громадномъ количествѣ).

Почти каждый подъ имѣетъ свое характерное растеніе, хотя и не всегда исключительно ему свойственное, но встрѣчающееся въ немъ наиболѣе обильно. Такъ, напр., въ поду „Черная долина» (между Бѣлозеркой и Софіевкой въ юго-зап. ч. Херс. у.) обильно растетъ *Middendorfia borysthenica*, а Рябковымъ найдены и *Eanunculus polyphyllus*, около Копаней въ одномъ степномъ блюдцѣ найдена *Limosella aquatica*, въ одномъ маленькомъ поду около Ивановки много *Peplis alternifolia*, въ другомъ масса *Lythrum*

thymifolia, въ третьемъ—*Elatine hydropiper*, въ четвертомъ — *Fritillaria minor* и *Juncus atratus* (оба чрезвычайно обидно), въ пятомъ — *Plantago tenuiflora* и *Lepturus pannonicus*, въ шестомъ—*Centaurea inuloides* и т. д.

Какъ уже упоминалось неоднократно, растительность степныхъ подовъ находится въ самой тѣсной зависимости отъ осадковъ и времени ихъ выпаденія. Въ обычные, болѣе или менѣе засушливые годы весьма многія изъ перечисленныхъ выше растений не развиваются вовсе (*Heleocharis*, *Butomus*, *Elatine*, *Alisma*, *Lythrum* и др.). Иногда проходитъ пять, шесть, даже десять лѣтъ, въ теченіи которыхъ болотная растительность подовъ не можетъ развиваться. Въ эти засушливые періоды, степная растительность надвигается на подъ, но послѣ перваго, болѣе продолжительнаго, залитія ея водою, подъ очищается отъ нея весьма быстро и покрывается лугово-болотной флорой.

Кромѣ хорошо выраженныхъ подовъ, существуютъ на степи не мало незамѣтныхъ пониженій, находящихся, однако, въ лучшихъ условіяхъ орошенія, по сравненію съ участками отличающимися строго равниннымъ или покатымъ (выпуклымъ) рельефомъ. Такія пониженія сейчасъ отличаются своею растительностью, принимающей болѣе луговидный характеръ (появляется, напр., *Alopecurus pratensis*). Это указываетъ на то, что даже самыя незначительныя измѣненія рельефа должны быть принимаемы въ расчетъ при сравненіи, напр., урожайности различныхъ способовъ обработки почвы и т. д. Вообще, вліяніе мелкихъ колебаній рельефа на растительность еще не достаточно использовано ни наукою, ни практикою. Впрочемъ, въ работѣ Димо и Келлера: «Въ области полупустыни. — Почвенныя и ботаническія изслѣдованія на югѣ Царицынскаго уѣзда, Саратовской губерніи». (Саратовъ 1907 г.), предпринятой по инициативѣ и на средства Саратовскаго губернскаго земства, находимъ много интересныхъ указаній на зависимость почвъ и растительнаго покрова отъ рельефа.

Растительность степныхъ подовъ во направленію къ сѣверу дѣлается все болѣе и болѣе луговидной и пырей въ нихъ уже не столь сильно распространены. Наконецъ, появляются терновые поды, свойственные степямъ второго типа.

II. Растительность степей второго типа.

Переходя къ описанію растительности степей второго типа слѣдуетъ замѣтить, что полное возстановленіе ея встрѣчаетъ затрудненія по нѣсколькимъ причинамъ: 1) степи эти вытянуты значительно въ длину съ *W* на *O*, почему растительный ихъ покровъ не можетъ быть столь однообразнымъ, какъ въ степяхъ перваго типа; — 2) небольшіе защитные участки (въ числѣ двухъ) имѣются только въ восточной части этихъ степей, притомъ они изучены еще очень мало; — 3) о растительности крайней западной части мы, въ сущности, ничего не знаемъ (южная Бессарабія) и 4) растительный покровъ этой полосы измѣненъ подъ вліяніемъ культуры значительно больше.

Начну съ описанія мелитопольскихъ защитныхъ участковъ.

Кромѣ вышеописанныхъ защитныхъ участковъ въ имѣніи Асканія Нова, Ф. Э. Фальцъ-Фейномъ оставлены были безъ пользовавія два небольшихъ участка въ другомъ его имѣніи «Елизаветфельдъ», находящемся въ сосѣднемъ съ Днѣпровскимъ, Мелитопольскомъ уѣздѣ. Несмотря на то, что имѣніе это находится отъ Асканіи Нова всего около 130 верстѣ къ сѣверо-востоку, характеръ растительнаго покрова елизаветфельдскихъ степей значительно разнится отъ вышеописанныхъ степныхъ участковъ. Притомъ, сама почва иная — типично черноземная. Рельефъ поверхности почти столь же ровный, какъ и въ Асканія Нова. Отличительною особенностью елизаветфельдскихъ степей является ихъ большая луговидность и обиліе двухдольной растительности, придающей растительному покрову значительную пестроту, въ виду которой эти участки получили мѣстное названіе «цвѣтниковъ».

I-ый участокъ (въ 8 верстахъ къ Югу отъ экономіи Елизаветфельдъ; — время наблюденія 22 іюня 1906 года). Около 10 десятинъ ровной степи, на которой раньше росъ катранъ (*Crambe tatarica*), но котораго мнѣ уже не удалось найти (въ виду присутствія этого растенія участокъ былъ оставленъ въ защитѣ; хотя *Crambe* мнѣ найти не удалось, но я не думаю чтобы оно исчезло)

Много дерновинъ *Stipa*. Сколько можно судить по сухимъ стеблямъ безъ плодовъ, это, вѣроятно, *S. Lessingiana*, если не исключительно, то, вѣроятно, въ господствующемъ количествѣ¹⁷. Много также *Festuca ovina*, *Koeleria cristata* и *Triticum cristatum*. Между дерновинами этихъ злаковъ разбросаны по всей степи сухіе стебли *Poa bulbosa* var. *vivipara*.

Кромѣ того, въ большемъ количествѣ по степи разбросаны слѣдующія растенія:

<i>Statice tomentella</i>	<i>Verbascum orientale</i>
<i>S. latifolia</i>	<i>Medicago falcata</i>
<i>S. tatarica</i>	<i>Jurinea linearifolia</i>
<i>Artemisia austriaca</i>	<i>Salvia silvestris</i>
<i>Pyrethrum achilleifolium</i>	<i>Verbascum phoeniceum</i> (плоды)
<i>Salvia nutans</i>	
<i>Adonis wolgensis</i> (сухой)	<i>Phlomis tuberosa</i>
<i>Euphorbia Gerardiana</i>	<i>Gypsophila paniculata</i>
<i>Centaurea trinervia</i>	<i>Carduus hamulosus</i>
<i>Achillea setacea</i>	<i>Asparagus officinalis</i> (единичные экzemпл.)
<i>Serratula xeranthemoides</i>	
<i>Senecio Jacobaea</i>	<i>Bromus erectus</i> (сухой — об.)
<i>Jurinea mortis</i>	<i>Dianthus leptopetalus</i>
<i>Centaurea diffusa</i>	<i>Centaurea ruthenica</i> (единичные экzemпл.)

¹⁷ Впрочемъ, по ровнымъ черноземнымъ степямъ Херсонск губ. (напр., около Исановки, въ 25 верст. отъ Берислава) распротравлена *Stipa pennata*, а по смытымъ почвамъ приднѣпровья *S. Lessingiana*.

Arenaria graminifolia	Euphorbia agraria
Iris pumila (сухое; цѣлыми островками)	
Dianthus guttatus	
Inula Oculus Christi	Phlomis pungens
Allium flavum	Galium verum
Amgdalus nana (не рѣдко; мѣстами даже обильно) ¹⁸	
Onosma tinctorium и др.	

Въ одномъ мѣстѣ росла даже цѣлая группа *Vinca herbacea*.

II-ой защитный участокъ (въ 4 верстахъ къ Югу отъ экономіи Елизаветфельдъ; время наблюденія 22 июня 1906 года). Около 15 десятинь ровной цѣлины. Почва довольно тучный черноземъ.

Наибольшую достопримѣчательностью этого участка является піонь (*Paeonia tenuifolia*), въ это время года уже съ созрѣвшими плодами и присохшими листьями, разбросанный единичными экземплярами и растущій кое гдѣ въ видѣ болѣе густыхъ колоній и островковъ. Въ одномъ изъ такихъ густо заселенныхъ піонь «островковъ», онъ росъ среди *Festuca ovina*. Въ составъ того же «островка», сверхъ того, входили слѣдующія растенія:

<i>Veronica spicata</i>	<i>Salvia nutans</i>
<i>Inula germanica</i>	<i>S. silvestris</i>
<i>Medicago falcata</i>	<i>Phlomis pungens</i>
<i>Galium verum</i>	<i>Veronica austriaca</i>
<i>Asparagus officinalis</i>	

Всюду по участку, кромѣ обычныхъ: *Stipa Lessingiana* (можетъ быть, *S. pennata*), *Festuca ovina*, *Koeleria cristata*, очень много *Bromus erectus*.

Кромѣ того, болѣе или менѣе обильно попадаютъ слѣдующія растенія:

<i>Adonis wolgensis</i> (сухой)	<i>Paeonia tenuifolia</i> (кромѣ «островк.», единич. экз.)
<i>Statice tatarica</i>	<i>Thalictrum minus</i> (группами)
<i>S. tomentella</i>	<i>Gypsophila paniculata</i>
<i>Centaurea trinervia</i>	<i>Asparagus officinalis</i>
<i>Arenaria graminifolia</i>	<i>Medicago falcata</i>
<i>Astragalus dolichophyllus</i> (сухой)	<i>Allium flavum</i>
<i>Amgdalus nana</i>	<i>Jurinea linearifolia</i>
<i>Seseli tortuosum</i> (не цвѣт.)	<i>Pyrethrum achilleifolium</i>
<i>Alopecurus pratensis</i> (сухіе стебли)	<i>Centaurea ruthenica</i>

¹⁸ Около Асканіи Новой этогъ кустарничекъ встрѣчается крайне рѣдко и никакой роли въ характеристикѣ растительнаго покрова не играетъ.

Helichrysum arenarium
и др.

Orobus albus (сухие стебли)

Вообще, этот участок похож на предыдущий.

Пион попадает и на рядом находящейся 8-ми лѣтней залежи, покрытой преимущественно *Bromus* и *Artemisia austriaca*.

Как видно из этой краткой характеристики, составленной в очень неблагоприятное время года, когда многія растения весенняго періода уже исчезли, характер растительнаго покрова значительно отличается от степей днѣпровскихъ и замѣтно приближается къ типу донскихъ піоновыхъ степей¹⁹. Если бы на елизаветфельдскихъ степяхъ произрастали еще такія характерныя для юго-западныхъ донскихъ степей растения, какъ *Centaurea axillaris*, *Myosotis silvatica*, *Geranium tuberosum* и *Clematis pseudoflammula*, то отличий вовсе бы не было, такъ какъ прочія, перечисленные мною для задонской степи растения, безъ сомнѣнія, будутъ найдены и въ мелитопольскихъ степяхъ.

Что касается *Stipa capillata*, то она на защитныхъ участкахъ мнѣ не попадалась, хотя росла въ другихъ мѣстахъ елизаветфельдской степи. Быть можетъ, это отсутствіе тырсы объясняется тѣми же причинами, которыя мною указаны были выше при описаніи защитнаго участка въ Асканія Нова.

Описанными участками исчерпывается все, что имѣемъ конкретнаго относительно неизмѣннаго растительнаго покрова степей второго типа. Такъ какъ, на основаніи изученія остатковъ этихъ степей, можно возстановить лишь идеальную картину, то я ограничусь здѣсь спискомъ растений, участвующихъ въ растительномъ покровѣ болѣе сѣверной полосы причерноморскихъ, степей вообще, не пріурочивая его къ какой либо опредѣленной мѣстности.

Кромѣ характерныхъ для Днѣпровскихъ степей трехъ видовъ ковыля, *Festuca ovina* var., *Koeleria cristata*, *Triticum cristatum*, *Poa bulbosa* var. *vivipara*, *Carex stenophylla*, *Iris pumila*, *Valeriana tuberosa*, *Sisymbrium junceum*, *Euphorbia Gerardiana*, *Artemisia austriaca*, *Dianthus capitatus*, *Allium flavum*, *Medicago falcata*, *Jurinea linearitolia* и др., на ровныхъ цѣлинныхъ участкахъ болѣе сѣверной полосы причерноморскихъ степей находимъ массу слѣдующихъ растений, придающихъ имъ болѣе луговидный характеръ:

Adonis vernalis

Salvia austriaca

A. wolgensis

Thymus Marschallianus

Astragalus pubiflorus

Jurinea mollis

A. asper

Oxytropis pilosa

A. onobrychis

Hesperis tristis

*A. utriger*²⁰

Statice Bessieriana

¹⁹ Сравни: Пачоскій І. — «Матеріалы для флоры степей юго-западной части Донской области». Одесса. 1891. стр. 22 и 23.

²⁰ Только въ восточной части.

<i>A. dollchophylus</i>	<i>Poa pratensis</i>
<i>Nepeta ucrainica</i>	<i>Alopecurus pratensis</i>
<i>Orobis albus</i>	<i>Xeranthemum annuum</i>
<i>O. canescens</i>	<i>Asperula galoides</i>
<i>Asparagus officinalis</i>	<i>Arenana rigida</i>
<i>Centaurea trinervia</i>	<i>Veronica prostrata</i>
<i>C. ruthenica</i>	<i>V. austriaca</i>
<i>Arenaria graminifolia</i>	<i>Spiraea filipendula</i>
<i>Bromus erectus</i>	<i>Thalictrum minus</i>
<i>Salvia nutans</i> ²¹	<i>Achillea nobilis</i>
<i>Inula Oculus Christi</i>	<i>Silene densiflora</i>
<i>O. germanica</i>	<i>Linaria macroua</i>
<i>Verbascum orientale</i>	<i>Herniaria incana</i>
<i>Gypsophila paniculata</i>	<i>Teucrium chamaedrys</i>
<i>Dianthus leptopetalus</i>	<i>Stachys recta</i>
<i>Carex Schreberi</i>	<i>Campanula sibirica</i>
<i>C. supina</i>	<i>Senecio Jacobaea</i>
<i>C. nutans</i>	<i>Knautia arvensis</i>
<i>Erysimum canescens</i>	<i>Coronilla varia</i>
<i>Trifolium montanum</i>	<i>Crambe tatarica</i>
<i>Hypericum elegans</i>	

и много других менее характерных, а также масса различных растений, играющих роль сорных.

Характерные для степей первого типа поды в полость второго типа причерноморских степей исчезают (это находится без сомнѣнія в связи съ большей развитостью рельефа – многочисленныя балки). Остаются только небольшія блюдцеобразныя углубленія, заростающія терномъ. Въ западной части среди подовыхъ терняковъ попадаетъ *Rosa rumila*. Въ этихъ кустарникахъ произрастаетъ также много разнообразныхъ луговыхъ и степныхъ формъ. Въ срединѣ такого пода иногда тернь отсутствуетъ и тамъ весною развивается травяная лугово-болотная флора (въ годы обильныя осадками).

По многочисленнымъ балкамъ этого района значительно распространены кустарные заросли, въ которыхъ принимаютъ участіе:

<i>Prunus spinosa</i>	<i>Viburnum Lantana</i>
<i>Ulmus campestris</i>	<i>Crataegus monogyna</i>
<i>Rhamnus cathartica</i>	<i>Pirus communis</i>
<i>Evonymus europaeus</i>	<i>Rosae sp. variae</i>
<i>Ligustrum vulgare</i>	<i>Cytisus ratisbonensis</i> и др.

²¹ Характерна для степныхъ глинистыхъ почвъ (склоновъ), но попадаетъ и на черноземной равнинѣ.

Покончивъ съ описаніемъ растительнаго покрова причерноморскихъ степей, остається сказать еще нѣсколько словъ объ исторіи его развитія. Однако, для этого необходимо бросить предварительно взглядъ на исторію развитія самаго субстрата, т. е. той части суши, на которой поселились современные причерноморскія степи. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ прекрасную новую работу недавно умершаго геолога Н. А. Соколова²², большого знатока геологическаго строенія причерноморскихъ степей, по которой мною и составленъ нижеслѣдующій краткій очеркъ.

Воды современнаго Чернаго моря въ продолженіи третичнаго періода нѣсколько разъ подымались и затопляли собою причерноморскія степи. Въ послѣдній разъ степи эти были затоплены въ началѣ пліоценовой эпохи, причемъ на нихъ отложились верхніе слои известняковъ, называемыхъ понтическими. Какъ видно на картѣ, приложенной къ работѣ Соколова, сѣверная граница этого Понтическаго моря, начинаясь около Кагула на Прутѣ въ Бессарабіи, идетъ на Бендеры, пересѣкаетъ Днѣстръ выше Тирасполя, затѣмъ подымается къ сѣверу, пересѣкаетъ Бугъ нѣсколько выше Вознесенска, оттуда идетъ на Кривой Рогъ, пересѣкаетъ Днѣпръ около Александровска и почти вслѣдъ за этимъ круто принимаетъ меридіональное направленіе и упирается въ Азовское море къ востоку отъ р. Молочной²³, а оттуда тянется въ восточномъ направленіи почти вездѣ совпадая съ сѣверною границею, покрывавшаго эту страну еще раньше Сарматскаго моря и упирается въ древній берегъ Каспія. Такимъ образомъ, сѣв. граница Понтическаго моря въ западной части очень точно совпадаетъ съ областью типичныхъ безлѣсныхъ степей, а въ области гранитной полосы она нѣсколько не доходитъ до южной границы островныхъ (степныхъ) лѣсовъ. Тѣмъ не менѣе, указанная граница исчезнувшаго Понтическаго моря имѣетъ чрезвычайно важное фитогеографическое значеніе, такъ какъ является вмѣстѣ съ тѣмъ границею двухъ флоръ: болѣе древней лѣсо-степи подольскаго типа и болѣе молодой, генетически съ ней связанной флоры причерноморскихъ степей. Въ этомъ краткомъ очеркѣ я не могу развить высказаннаго только что взгляда, но онъ будетъ въ достаточной степени обоснованъ въ моей болѣе обширной работѣ объ исторіи развитія флоры юго западной Россіи, которую я приготавливаю къ печати.

Какъ показали изслѣдованія Соколова, указанная выше граница Понтическаго бассейна близко совпадаетъ съ направленіемъ изогипсы въ 120 метровъ основнаго рельефа степей (водораздѣловъ, безъ принятія во вниманіе пониженія рельефа вслѣдствіе позднѣйшихъ эрозіонныхъ явленій). Изъ этого видно, что основной характеръ распредѣленія высотъ не измѣнился существенно съ начала пліоценовой эпохи.

Понтическіе известняки обыкновенно бываютъ покрыты гипсоносными зеленосѣрыми и краснокоричневыми глинами, содержащими иногда прослои и жел-

²² Къ исторіи Причерноморскихъ степей съ конца третичнаго періода. «Почвовѣдніе» 1 904 ; № 2, р. 105–124; .№ 3, р. 197–220 – съ картою.

²³ Этой частью образуетъ восточную границу причерноморскихъ степей.

ваки мергеля съ отпечатками понтических раковинъ. Глины эти, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ подобными же краснобурими глинами, представляющими материковыя образования позднѣйшей эпохи, по мнѣнію Соколова, должны быть разсматриваемы какъ доказательство, что бассейнъ подвергся усыханію.

Отложенія средней пліоценовой эпохи извѣстны въ южной Россіи (за исключеніемъ Крыма) только по берегаъ Куяльницкаго лимана и, по крайней незначительности своего распространенія, для насъ значенія не имѣють. Верхнопліоценовыя отложенія морскаго типа нигдѣ въ Новороссіи до сихъ поръ не найдены. Въ виду чего, «едва ли можетъ быть сомнѣніе, говорить Соколовъ, что къ концу третичнаго періода вся площадь Новороссійскихъ степей представляла сушу» (loc. cit. p. 110).

Въ началѣ послѣ-третичнаго періода Каспійское море соединялось съ Чернымъ черезъ Манычскій проливъ, но уровень воды въ послѣднемъ повысился лишь очень немного и могъ покрыть только наиболѣе низкія прибрежныя части степей: небольшую часть къ Н отъ устья Дуная и еще меньшую и болѣе узкую полосу въ окр. Таганрога и, конечно, все пространство узкаго пролива, соединявшаго Черноморско-Азовскій бассейнъ съ Арало-Каспійскимъ. Кромѣ этихъ мѣстностей, въ которыхъ присутствіе каспійскихъ осадковъ установлено непосредственно, Соколовъ полагаетъ, что въ это время должна была покрыться водою и сѣв. часть Таврической губ. (совмѣстно съ сѣверною частью Крымскихъ степей), какъ мѣстности наиболѣе пониженныя. Однако, до сихъ поръ отложеній съ каспійской фауной такъ и не найдены.

Изъ этого краткаго очерка исторіи причерноморскихъ степей мы видимъ, что наиболѣе молодыми являются степи, прилегающія къ современному Черному морю, такъ какъ усыханіе Понтическаго моря шло по направленію отъ сѣвернаго берега, къ современнымъ берегамъ Чернаго моря.

Исходя уже изъ одной только исторіи образованія этой суши, можно предположить, что заселеніе ея растительными организмами могло происходить не иначе, какъ съ береговъ болѣе древняго материка, находившагося къ сѣверу отъ усыхающаго Понтическаго бассейна, который, какъ показываютъ данныя ботанической географіи, и въ настоящее время покрыть флорою, содержащею значительное количество болѣе древнихъ элементовъ. Проникновеніе формъ изъ Крыма въ теченіи долгаго періода было совсѣмъ не возможно, такъ какъ онъ былъ отрѣзанъ отъ болѣе рано возникнувшихъ херсонскихъ степей пониженною при-Перекопскою частью, не освободившеюся еще отъ водъ моря. Да и въ настоящее время перекопскія степи настолько еще молоды, почва ихъ настолько мало развита и содержитъ такъ много солей, что переселеніе на нихъ черноземной растительности (не говоря уже о лѣсной) немыслимо и теперь.

Обращаясь къ сравненію видового состава флоры причерноморскихъ степей съ флорою лѣсо-степи подольскаго типа, замѣтимъ, что почти все то, что растеть въ пер-

вой изъ этихъ флоръ, находимъ и во второй. Изъ 133 видовъ, произрастающихъ въ причерноморскихъ степяхъ, но не заходящихъ въ область древней лѣсостепи имѣемъ:

Литторальныхъ (црибрежно-морскихъ)	50 видовъ
Свойств. солонцамъ и солонцевато-глинистымъ степямъ	15 "
Свойств. устьямъ рѣкъ	18 "
Растеній степныхъ подовъ	9 "
Заносныхъ	11 "
Прочихъ	32 "

Изъ этого обзора видно, что больше половины растений этой категоріи падаетъ на растенія морского берега и густыхъ солонцевъ, т. е. на такіе экологическіе типы, которыхъ въ настоящее время нѣтъ въ области лѣсостепи. Исключая растенія заносныя и обитающія въ устьяхъ большихъ рѣкъ, у насъ останется только 9 видовъ, свойственныхъ степнымъ подамъ восточной части и зашедшихъ къ намъ, вѣроятно, съ востока, а также 32 вида, частью западныхъ, частью восточныхъ, придерживающихся преимущественно приморской полосы.

Съ другой стороны, лѣсостепная область подольскаго типа имѣетъ 430 видовъ, не произрастающихъ въ области причерноморскихъ степей, причемъ въ это число не вошли растенія Волынской губ. (южная часть которой несомнѣнно относится къ лѣсостепи подольскаго типа), дабы не вводить многочисленныхъ формъ, свойственныхъ Полѣсью.

Сопоставленіе этихъ чисель указываетъ сразу, что лѣсостепная область значительно богаче по своему флористическому составу, чѣмъ область при-черноморскихъ степей²⁴, а такъ какъ она геологически древнѣе, то ее слѣдуетъ считать родоначальницей степной флоры. Замѣчательная зональность распредѣленія растительныхъ формаций отъ Перекопа до Чернаго лѣса (въ сѣв. г. Херсонск. губ.), которая выражается въ постепенномъ усложненіи ихъ въ слѣдующемъ направленіи: 1) лишенная растительности полоса періодическаго нагона водъ Сиваша, 2) густые солонцы, 3) полынковая формация, 4) ковыльные степи на бѣдной гумусомъ почвѣ, 5) болѣе луговидныя степи на типичномъ черноземѣ, 6) степные кустарники и 7) лѣсь, указываетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ порядокъ заселенія при-черноморскихъ степей, ибо та смѣна, которую мы теперь наблюдаемъ въ пространствѣ, несомнѣнно, происходило когда то и во времени.

²⁴ Мнѣ могутъ (повидимому, не безъ основанія) возразить, что богатство растеніями флоры лѣсо-степи подольскаго типа можетъ быть объяснено не большей древностью этой флоры, а тѣмъ, что она является смѣсью формъ южныхъ (степныхъ) и сѣверныхъ (лѣсныхъ, полѣскихъ). Въ результатѣ такого столкновенія двухъ различныхъ флоръ и образовалась флора болѣе богатая. Но это возраженіе сразу падаетъ если указать на то, что не только флора степей и Полѣсья порознь бѣднѣе подольской, но и въ совокупности своей онѣ все таки будутъ имѣть на 175 видовъ меньше, чѣмъ флора подольскаго типа (въ Полѣсьѣ, въ границахъ принятыхъ для моей флоры Полѣсья, находимъ только 120 видовъ, не заходящихъ въ Волынскую губ. южнѣе границы ледника.

Энгельке Г.

Африка в России (Зверинецъ Фальць-Фейна)

Путеводный Огонекъ, 1908. № 20. С. 591-593.

Въ этомъ году въ московскомъ зоологическомъ саду была устроена выставка акклиматизаціи животныхъ и растений, на которой общее вниманіе обратили на себя экспонаты владѣльца частнаго звѣринца, г. Фальць-Фейна, извѣстнаго землевладѣльца и крупнѣйшаго овцевода. Въ его громадномъ имѣніи на югѣ Россіи собраны со всего свѣта и обитаютъ на особыхъ, предоставленныхъ въ ихъ исключительное пользованіе, обширныхъ лугахъ и въ тѣнистыхъ рощахъ рѣдкія породы животныхъ тропическихъ странъ. Много есть разныхъ коллекціонеровъ-любителей: кто не знаетъ собирателей марокъ, старинныхъ монетъ, насѣкомыхъ? Но рѣдко найдутся такія крупныя матеріальныя средства и необходимое мѣсто, чтобы частному лицу сдѣлаться собирателемъ живыхъ звѣрей и птицъ, большихъ и малыхъ, съ ихъ различными потребностями по отношенію къ корму, климату и жилищу.

Германскій ученый, докторъ Г. Геккъ, другъ г. Фальць-Фейна, посѣтилъ его имѣніе и описалъ тотъ чудесный звѣринецъ, который тамъ представился его глазамъ.

«Со вторника утромъ, – пишетъ докторъ Геккъ, – и до вечера пятницы я ѣхалъ въ скоромъ поѣздѣ, затѣмъ, пробывъ день въ Одессѣ, сѣлъ на пароходъ, а достигнувъ берега, отправился ночью на лошадахъ въ помѣстье моего пріятели. Ночь я провелъ въ одной изъ уютныхъ комнатъ для пріѣзжихъ гостей. На другое утро я, однако, проснулся рано; передъ моимъ окномъ я услышалъ голосъ незнакомой мнѣ птицы. Отворивъ внутреннюю ставню, я увидѣлъ на вѣткѣ дерева маленькаго мухолова, премилую птичку, о которой я много читалъ и слышалъ, но которой никогда еще не встрѣчалъ на свободѣ. А тамъ дальше, въ свѣтломъ, облитомъ яркимъ солнцемъ пространствѣ обширной степи, плыли по воздуху тонкія, длиннохвостыя цапли. Ихъ было такъ много, что я не могъ понять, откуда онѣ появились. Я забылъ, что нахожусь на одной изъ главныхъ станцій перелета птицъ, на которой онѣ обыкновенно отдыхаютъ передъ перелетомъ черезъ Черное море въ теплые края. Въ эти времена ихъ здѣсь, собираются такія густыя стаи однородныхъ породъ, что думаешь видѣть чудо передъ собой. Въ октябрѣ, передъ моимъ отъездомъ, напримѣръ, опять собралась около самаго дома, подъ каждымъ кустомъ такая пропасть вальдшнеповъ, что ихъ можно было бить палкой.

Однако, я собирался рассказывать не о томъ, что здѣсь обитаетъ по закону природы, а про то, что владѣльцемъ имѣнія перенесено сюда изъ дальнихъ странъ, чему здѣсь съ замѣчательнымъ успѣхомъ создана вторая родина.

Послѣ завтрака мы поднялись по деревянной лѣстницѣ на вышку и увидѣли передъ собой „звѣриную степь», Африку – перенесенную въ Россію!

Громаднымъ кругомъ, теряясь за горизонтомъ, тянулся крѣпкій деревянный заборъ. И по всей огромной степи гуляли, стояли и лежали мирно и дружно различнѣйшія породы крупныхъ животныхъ, пользующихся растительной пищей. Все необходимое зло зоологическихъ садовъ здѣсь отсутствовало: не было ни клѣтокъ, ни стойлъ, ни рѣшетокъ: свободно, безъ оковъ и преградъ живутъ вольныя животныя!

Прямо передъ нами тѣснымъ кругомъ паслась разношерстная группа животныхъ: выдѣлялся изо всѣхъ своими черными и бѣлыми полосами африканскій зебръ со своими дѣтьми отъ простыхъ лошадей, знаменитыми фальць-фейновскими зеброидами: далѣ виднѣлись олени антилопы (Elenantilopen), тяжелые великаны породы антилопъ, составляющіе въ глазахъ хозяина-практика безусловно видъ породистаго, тонкокожаго, удобообразоваемаго „скота“, если бы не тонкая голова съ прямыми, отогнутыми назадъ, въ корню винтообразными рогами; далѣ – крымскіе и алтайскіе олени и, наконецъ, еще и „эму“, австралійская великань-птица изъ породы страусовъ. Нѣсколько въ отдаленіи шагало еще нѣсколько оленьихъ антилопъ, въ ясной дали отчетливо отдѣлялись ихъ шейные наросты; передъ ними двигались нильгау, крупныя антилопы, похожія на оленей, родомъ изъ Передней Индіи, и между ними опять небольшая, бѣлая съ коричневой полосой, антилопа съ рѣки Сенегаль съ длинными, загнутыми на подобіе сабли, рогами. Въ серединѣ картины стояла второй зебръ мирно рядомъ съ бейзой изъ Сомалиленда, большой сѣровато-красной антилопой, украшенной черными полосами въ видѣ уздечки и длинными прямыми острыми рогами. Черезъ отличный бинокль моего друга я различала вдали длинношерстаго, чернобураго сенегальскаго козла, одну изъ красивѣйшихъ и часто встрѣчаемыхъ въ зоологическихъ садахъ породъ антилопы, и желтую, съ высокимъ передомъ, длинноголовую коровью антилопу, съ ея надломленными рогами, уроженку Сѣверной Африки, вся внѣшность ея служить единственнымъ въ своемъ родѣ доказательствомъ того, что и антилопа можетъ быть очень некрасивой. Совсѣмъ вдали мелькали свѣтлыми и темными пятнами, еле различаемыми простымъ глазомъ, бѣлыя, пятнистыя ламы и темнобурые альпака изъ Перу. Тамъ же двигались и отдыхали цѣлыя «кучки» однопородныхъ животныхъ, которыхъ мой другъ называлъ стадами сайги, персидской козы (газели), и чрезвычайно своеобразной породы овецъ. Послѣднія очень похожи на муфлоновъ, короткошерстыя, черно-буроватыя; какъ всякая овца, онѣ тупо, безъ цѣли бросались изъ стороны въ сторону, какъ только мы къ нимъ приближались.

Персидскія козы мнѣ были и раньше хорошо знакомы, но больше всего меня интересовали сайги. По природѣ онѣ обитатели южно-русскихъ степей; въ дѣйствительности же онѣ частью уже истреблены, частью ушли въ другія нетронутыя культуры мѣста. По рассказамъ моего друга, дѣды нынѣшнихъ стариковъ еще встрѣчали ихъ на солончакахъ около восточной части Крыма. Они ихъ называли «дикими козами». На правомъ

берегу Днѣпра, по всей вѣроятности, сайги никогда не обитали, хотя въ 1899 году какъ-то случайно забрела въ имѣніе Фальць-Фейна сайга-самка, которую послѣ долгой тщетной ловли охотники пристрѣлили на устьяхъ Днѣпра, къ великому огорченію моего друга, очень желавшаго пріобрѣсти ее живую для своего звѣринца. Теперь въ Европѣ сайга встрѣчается только лишь въ калмыцкихъ соляныхъ степяхъ, между Дономъ и Волгой; оттуда Фальць-Фейнъ и добылъ нѣсколько молодыхъ экземпляровъ и выкормилъ ихъ искусственнымъ путемъ. Сторожъ, которому былъ поручень ухаживать за ними, кормилъ ихъ здоровымъ молокомъ степныхъ коровъ изъ коровьяго рога и такъ ихъ пріучилъ къ себѣ, что онѣ, голодныя, уже издали подбѣгали къ нему. Теперь ихъ на фальць-фейновской «звѣриной степи» цѣлыя стаи, выросшія на свободѣ, дикія, при приближеніи человѣка убѣгающія характерными скачками: несясь мелкимъ галопомъ, онѣ послѣ каждого ряда невысокихъ скачковъ дѣлають одинъ высокій скачокъ всѣми четырьмя ногами.

Вблизи сайга довольно некрасива; единственнымъ украшеніемъ ея служить густая, мягкая, свѣтло-бурая или сѣровато-желтая шерсть и у козла — красиво изогнутые рога, оригинальные еще тѣмъ, что они не черные, а цвѣта свѣтлаго янтаря, почти прозрачные. Своеобразень также носъ у сайги, удлинненный, на подобіе короткаго хоботка. Такой же носъ встрѣчается только еще у одной породы козъ «хиру», обитающей въ горахъ Тибета и выбирающей, такимъ образомъ, такъ же, какъ и сайга, самыя глухія, неплодородныя мѣста для своего житья, почему и можно заключить, что этотъ ихъ хоботовидный носъ стоитъ въ связи съ ихъ жизнью при исключительно суровыхъ климатическихъ условіяхъ, заставляющихъ ихъ переносить рѣзкій холодъ, наравнѣ съ палящимъ зноемъ: сайга никогда не ищетъ убѣжища даже въ самую лютую снѣжную бурю и преспокойно лежать, пережевывая жвачку, подъ напоромъ снѣжной вьюги.

Кромѣ сайги, также и трапанъ или дикая лошадь была такимъ образомъ лишена своей первоначальной родины. Про эту дикую лошадь, родоначальника нашего лучшаго домашняго животнаго, ученые зоологи долго не могли придти къ точному заключенію, и, къ сожалѣнію, такъ долго, пока, въ концѣ-концовъ, ни одного экземпляра этого интереснаго и чрезвычайно важнаго животнаго не осталось въ живыхъ! Ни русскій, ни одинъ изъ многочисленныхъ чужестранныхъ музеевъ не владѣеть хотя бы однимъ волоскомъ отъ южнорусскаго трапана, настоящей европейской дикой лошади. Въ 1876 году, вблизи имѣнія Фальць-Фейна, дѣйствительно, появилась дикая лошадь; отстаивая свою свободу, она лишилась одного глаза и, наконецъ, зимой, настигнутая снѣжной вьюгой, была съ разбитыми ногами найдена крестьянами и ими же убита.

Въ то время Фальць-Фейнъ находился еще въ гимназіи, далеко отъ родныхъ мѣстъ. Узнавши, однако, про этотъ случай, онъ рѣшилъ такъ или иначе изгладить

ошибку своих земляков, и воспользовался открытием знаменитого путешественника по Азии, Пржевальского, нашедшего, названную по нему, азиатскую дикую лошадь, чтобы поселить у себя, на родине старых скифов, азиатского трапана. Много стоило трудов, чтобы добыть его, и только благодаря дѣятельной помощи знаменитого зоолога Бюхнера, в С.-Петербургѣ, удалось в 1900 году привести 8 жеребятъ в Новоросію. Фальцъ-Фейнъ тогда, какъ разъ, находился в Берлинѣ, и мы оба пришли в неописуемый восторгъ при полученіи телеграммы, в словахъ: «Трапаны прибыли». Одновременно намъ выслали и фотографическій снимокъ съ нихъ: волосатые, невзрачные послѣ долгаго пути, они имѣли все-таки обликъ настоящей лошади, съ ея короткими, острыми ушами и отъ основанія покрытымъ длинными волосами хвостомъ.

Меня тоже во время этой поѣздки особенно интересовали эти трапаны, почему я, налюбовавшись «звѣриной степью», попросилъ первымъ долгомъ показать мнѣ именно ихъ.

Просить пришлось недолго: четверка лошадей была вмигъ подана, и мы понеслись по степи. Какое это было блаженство для меня, ѣхать такъ, безъ дорогъ, съ бѣшеной скоростью!.. Подѣзжая къ пастбищу, я уже издали замѣтилъ группу лошадей, между которыми мелькала пестрая шерсть зебры. Пастухъ спалъ в травѣ; услышавъ грохотъ нашего экипажа, онъ вскочилъ и верхомъ помчался навстрѣчу. Не сразу я различилъ в табунѣ дикихъ лошаковъ. Были тамъ, кромѣ уже упомянутого зебра, три маленькія киргизки, ширококостныя, длиннохвостыя и съ могучей гривой, и азиатскій куланъ, дикій осель; весь остальной табунъ составляли лошади Пржевальскаго. Я ихъ узналъ по ихъ красивому росту, гладкой, короткой шерсти, легкимъ движеніямъ, короткой шеѣ и большой головѣ, по отсутствію холки, неполноволосому хвосту, какъ у мула, и короткой, торчащей вверхъ гривѣ. Шерсть окрашена в неровный отъ красно-бураго до блѣдножелтаго, цвѣтъ. Что у нихъ было совершенно схоже съ нашей домашней лошадыю, такъ это болѣе свѣтлая окраска головы около ноздрей и окраска ногъ, становящихся къ копытамъ все темнѣе.

Совершенно другой видъ трапаны имѣютъ зимой. Тогда они покрыты длинной, пушистой шерстью, образующей в нижней части головы родъ бороды. Крупные размѣры шеи и головы выдѣляется особенно ярко; и вообще они кажутся значительно болѣе неуклюжими.

Г. Энгельке.
(Окончаніе слѣдуетъ)

Энгельке Г.

Африка в России (Зверинецъ Фальць-Фейна)

Путеводный Огонекъ, 1908. № 22. С. 658-659.

Проведя довольно значительное время за наблюдениемъ этихъ интересныхъ лошадокъ, мы вернулись къ конюшнямъ, гдѣ мое главное вниманіе обратили на себя молодые жеребята-зеброиды.

Въ особенности мнѣ понравилась «Зинаида», потомукъ зебры и простой крестьянской лошади. Простая порода лошадей сказывалась у нея болѣе грубыми формами и крупной головой, но шерсть, съ ея полосатымъ рисункомъ, дѣлала ее своеобразно красивой. Зеброиды должны, наравнѣ съ прочими лошадьми, нести разныя работы, для испытанія ихъ пригодности въ этомъ отношеніи. Непокойная, горячая кровь африканской зебры, однако, сказывается у нихъ очень часто.

Въ этомъ отношеніи огромный американскій бизонъ гораздо смиренѣе и добродушнѣе. Совершенно свободно, не требуя за собой ни наблюдений, ни ухода, живеть онъ въ степяхъ такъ же спокойно и привольно, какъ его предки когда-то жили въ сѣвероамериканскихъ преріяхъ. Съ особымъ предпочтеніемъ располагается онъ на скифскихъ похоронныхъ холмахъ, единственныхъ возвышеніяхъ въ Таврической губерніи.

Подобными же спокойными, добродушными животными являются и южноафриканскія олени антилопы, самой природой какъ бы предназначенныя быть домашними животными.

Изъ различныхъ группъ звѣрей, обитающихъ на «звѣриной степи», необходимо еще упомянуть объ оленяхъ, при чемъ слѣдуетъ указать, что они на просторѣ обширной, облитой солнцемъ степи чувствуютъ себя такъ же хорошо, какъ и на своей родинѣ, въ тѣнистыхъ лѣсахъ.

Совсѣмъ другую картину представляетъ такъ называемый малый звѣринецъ. Хотя онъ и прихватываетъ часть степи, отдѣленную отъ нея широкимъ рвомъ, наполненнымъ водой, онъ представляетъ собой сплошной прилегающей къ дому садъ, незначительная часть котораго отдѣлена подъ огороды и цвѣтники, остальная же содержится по возможности въ дикомъ, запущенномъ видѣ.

Подъ вечеръ мы обыкновенно сидѣли на верандѣ, позади дома, за стаканомъ чая, и наблюдали за павлинами, цаплями и разными фазанами, которые держались очень скромно, на приличномъ отъ насъ разстояніи, за исключеніемъ лишь длинноухаго манджурскаго фазана. Этотъ господинъ нашель излюбленное мѣсто ночлега на одномъ изъ деревянныхъ брусевъ подъ крышей, куда онъ взлеталъ, забравшись предварительно на столъ; никакое препятствіе не могло помѣшать ему отправиться въ обычное время и по обычному пути на ночлегъ. Какъ-то разъ мы сидѣли съ большимъ

обществом проѣзжихъ офицеровъ за чаемъ. Недолго думая, нашъ фазанъ взлетѣлъ на середину стола, сбиль фуражку съ головы одного изъ офицеровъ, уронилъ нѣсколько чашекъ и преспокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ оправляться и искать удобное мѣстечко на своей вышкѣ.

До чая и послѣ него мы любили погулять по малому звѣринцу. Какое это удовольствіе — наблюдать за птицами и мелкими звѣрками. Наблюденіе тѣмъ болѣе интересно, что каждый изъ нихъ предоставленъ самому себѣ, держится особнякомъ, не такъ, какъ на звѣриной степи, гдѣ всѣ звѣри держатся кучками, цѣлыми стадами или табунами.

Птицы и звѣри живутъ здѣсь на полной свободѣ, въ безусловной дикости, но все же они настолько привыкли къ человѣку, что нисколько не пугаются наблюдающихъ за ними.

Мы покидаемъ паркъ и, перейдя мость надъ маленькимъ прудомъ, въ которомъ черные лебеди плаваютъ со своими птенцами, покрытыми сѣрымъ пушкомъ, выходимъ на открытое мѣсто.

Первое, что обратило на себя наше вниманіе, былъ маленькій, сѣренькій звѣрокъ, прыгающій на подобіе зайца, изъ стороны въ сторону, черезъ вырытый для стока воды ровъ. Это была патагонская „мара“ — нѣсколько похожая на рослаго зайца, если у послѣдняго отнять длинныя уши и посадить его на всѣ четыре лапки одинаковой длины.

Это очень потѣшныя животныя. У г. Фальць Фейна имѣется уже нѣсколько поколѣній ихъ, и содержаніе ихъ на свободѣ не представляетъ никакихъ неудобствъ, если не считать необходимости рыть для нихъ норки, въ которыя онѣ могли бы прятаться. Тамъ же у нихъ рождаются и дѣтеныши, которые остаются въ норкѣ недѣли полторы и затѣмъ только выводятся родителями на свѣтъ Божій.

Вблизи мы замѣчаемъ еще индійскую антилопу, стройныхъ сѣрыхъ журавлей, съ бѣлымъ опереньемъ около ушей, жителей Таврической степи; далѣе — гордыхъ, роскошныхъ японскихъ журавлей, отличающихся отъ нашихъ обыкновенныхъ сѣрыхъ журавлей яркой бѣлизной оперенья.

Громкимъ крикомъ, напоминающимъ звуки трубы, подъ аккомпаниментъ хора остальныхъ водяныхъ птицъ, они устраиваютъ намъ вечерніе проводы, и мы опять возвращаемся въ паркъ. Тамъ теперь всѣ фазаны направляются къ мѣстамъ своего ночлега, все мелкоколѣсье кишмя-кишитъ пестрыми, яркими цвѣтами ихъ оперенія. Фазаны летаютъ и бѣгаютъ на полной свободѣ, и въ этомъ именно отношеніи невольно навязывается сравненіе фальць-фейновскаго сада съ райскимъ. Равнымъ образомъ и зимой фазаны остаются на свободѣ и качаются на вѣтвяхъ деревь подъ свистъ снѣжной бури, гуляющей по степи. Объяснить это можно опять-таки только степнымъ климатомъ. Сухой холодъ далеко не такъ опасенъ и непріятенъ, какъ сырая зимняя

стужа. Фазаны не улетають нікуди, тому що кругом – голая пустинна рівнина; ні дерева, ні кустика: куди їм летіть? По тому вони і остаються в своєму парку з його обильним кормом.

Наш розговор про всі ці своеобразні явленія преривається неприємним, рѣжущим ухо покрякиванієм. Оказується, – какаду. Сидить на крышѣ и взволнованно то поднять, то опустить свой хохоль.

Остается упомянуть о двух семьях страусов. Живет здесь не только низкорослый, сѣрый нанду или американский страус из Аргентины, но и большой африканский, с его роскошными бѣлыми страусовыми перьями.

Г. Энгельке.

1910

[б/а]

Благодарность

Утро, №1060. 06.06.1910. Шп. 5.

По постановленію совѣта профессоровъ ветеринарнаго института послана благодарность владѣльцу акклиматизаціоннаго сада Асканія-Нова, Г. Фальць-Фейну за радушный приѣмъ участниковъ экскурсіи, соорганизованной проф. М. Ф. Ивановымъ.

[б/а]

Корреспонденции

Утро, №1125. 22.08.1910. Шп. 7.

Въ извѣстномъ ботаническомъ и зоологическомъ саду г. Фальць-Фейна – «Асканія-Нова» открывається правительственная зоотехническая станція.

[б/а]

Мѣстная жизнь. Публичнія лекціи.

Утро №962 від 09.02.1910. Шп. 5.

Въ субботу, 13 февраля, въ зданіи ветеринарнаго института состоится лекція проф. М. О. Иванова въ пользу студенческой библіотеки-читальни на тему: „Акклиматизація, одомашниваніе и гибридизація дикихъ животныхъ въ зоологическомъ саду Ф. Э. Фальць-Фейна въ им. Асканія-Нова Таврической губерніи“.

Программа лекції: Своеобразный характерь сада, широкая извѣстность сада за границей и малая въ Россіи; географическое положеніе сада; охраняемая первобытность степи; садъ и пруды; животное населеніе сада, степи и прудовъ; знаніе акклиматизаціи и одомашниваніе дикихъ лошадей Пржевальскаго, зебръ, бизонъ, зубровъ, яковъ, антилопъ, оленей, ламъ, муфлоновъ, кенгуру, разныхъ породъ страусовъ, дрофъ, различныхъ водныхъ птицъ и мн. друг. Гибридизація и ея значеніе въ научномъ и практическомъ отношеніи. Гибридизація дикой лошади съ домашней, зебръ съ домашней лошадыю, бизонъ и зубровъ съ рогатымъ скотомъ, бизонъ съ зубрами, муфлоновъ съ овцами и проч.; значеніе сада, какъ біологической станціи. Лекція будетъ сопровождаться демонстраціей большого количества цвѣтныхъ свѣтовыхъ картинъ.

[б/а]

Публичная лекція

Утро, №952. 27.01.1910. Шп. 5.

Въ зданіи ветеринарнаго института 18 февраля будетъ прочтена проф. М. О. Ивановымъ публичная лекція въ пользу студенческой бібліотеки института на тему «Акклиматизація, одомашниваніе и гибридизація дикихъ животныхъ въ зоологическомъ саду Фальць-Фейна въ им. Асканія, Таврической губ. Лекція будетъ сопровождаться демонстраціей большого количества діапозитивовъ.

[б/а]

Реклама

Утро, №1049. 23.05.1910. Шп. 7.

М. г., г. редакторъ!

Позвольте черезъ посредство редактируемой вами газеты выразить сердечную благодарность уважаемому проф. М. Ф. Иванову за организацію и руководство экскурсіей въ им. г. Фальць-Фейна Асканія Нова, Таврической губ.

Студенты-экскурсанты ветеринары и универсанты-агрономы.

[б/а]

Учебныя заведения

Утро, №995. 19.03.1910. Шп. 4.

Проф. Ивановъ извѣщаетъ, что предполагаются 2 экскурсіи по животноводству:
1) въ имѣніе Харитоненко (Натальевка, Харьковской губ.) съ 30 марта по 2 мая. Проездъ туда и обратно съ человека 2-3 руб. Количество экскурсантовъ 30 человекъ;
2) въ имѣніе Фальць-Фейна (Асканія-Нова Тавричesk. губ.) съ 14 по 20 или 22 мая. Стоимость проезда туда и обратно съ содержаніемъ 10-12 руб. Количество экскурсантовъ 30 человекъ. Желающіе принять участіе благоволятъ записываться у проф. Иванова, въ зоотехническомъ кабинетѣ.

[б/а]

Хроника учительскихъ курсов

Утро, №1064. 11.06.1910. Шп. 5.

На лекціяхъ.

Вчера, во время лекцій, преподаватель Н. К. Кничеръ демонстрировалъ, при помощи волшебнаго фонаря, 60 діапозитивовъ акклиматизаціоннаго сада въ имѣніи г. Фальць-Фейна – «Асканія Нова».

1911

Iwanoff E.

Die Fruchtbarkeit der Hybriden des *Bos Taurus* und des *Bison americanus*.

Biologisches Centralblatt. Bd. XXXI. 1. 1-1-1911.

(Aus der physiolog. Abteilung des Laboratoriums der Veterinärverwaltung.)

Von E. Iwanoff

Die Frage der Erzeugung von Hybriden der Hauskuh (*Bos taurus*) mit dem amerikanischen Bison (*Bison americanus*) blieb in der Literatur fast bis zur jüngsten Zeit offen. Bei Brehm finden wir keinen direkten und bestimmten Hinweis auf die Tatsachen der Erzeugung von solchen Hybriden. Wir haben bei ihm nur Hinweise auf die Berichte von A. Galatin und R. Wickliff. Der bekannte Fachmann auf dem Gebiete der Tierkreuzung, Suchetet geht in seiner Einleitung über die uns interessierende Frage mit Stillschweigen hinweg. In dem Ackermann'schen Buch finden wir darüber folgendes: „Die Frage der Möglichkeit, einen Nachwuchs durch Kreuzung zwischen *Bison americanus* und *Bos taurus* zu bekommen, wird von den einen Forschern positiv, von den anderen negativ gelöst.“

Zu den ersteren gehören:

Hindmarsch (Bericht über das wilde Hornvieh in Chilligham-Park, vorgetr. in der British Assoc. zu Newcastle 1838; vgl. Forriep's Notizen X, Nr. 6, 1839, S. 41 und Wiegmann's Archiv f. Nat. VI, 1, 1840. Gisborne (Essays on Agriculture, London 1854, p. 4. Settegast, Tierzucht, S. 93. Carl Vogt (Vorlesungen über den Menschen II, S. 213). – Rafinesque (Consideration sur quelques animaux hybrides. Journal universel des sciences medicales, Paris 1821, XXU, p. 114).

Das interessanteste Material finden wir bei Prof. Rafinesque. Er erzählt, dass der *Bison americanus* die Hauskuh gern belegt. Umgekehrt äußert der Stier seinen Widerwillen gegen das Bisonweibchen. Was den Bau des Rumpfes anbelangt, so sind die Halbblutbisonen der Kuh ähnlich, aber ihr Rücken ist gekrümmt, wenn auch ohne den Buckel. Die

Farbe des Felles, der Kopf und die Mähne sind denen des Bisons ähnlich. Untereinander geben die Hybride keine Nachkommenschaft. Die Viertelbluthybride aber, welche durch die Kreuzung zwischen dem Halbbluthybriden und dem Stier oder dem Bison („Stammblut noch einmal mit der Stammart“) gezeugt werden, – sind sehr fortpflanzungsfähig und bilden eine widerstandsfähige Hybridenrasse, welche, ihre Merkmale bewahrend, sich unendlich vermehren kann.

Gleichartige Hinweise sind auch im „Zoolog. Garten“ (1872) zu finden.

Auf dem Gute von F. E. Falz-Fein „Askania-Nova“ ist eine ganze Reihe von Halbbluthybriden vorhanden, die aus der Kreuzung des *Bison americanus* mit Kühen und Wisenten hervorgegangen sind; es gibt dort auch Hybride, die zu $3/4$ *Bison americanus* und zu $1/4$ *Bos taurus* sind und umgekehrt: zu $1/4$ *Bos americanus* und zu $3/4$ *Bos taurus*.

Die Fruchtbarkeit der Halbblutbisonweibchen ist erwiesen und unterliegt keinem Zweifel. Sie geben nicht nur vom *Bison americanus*, sondern auch vom Wisent eine Nachkommenschaft. Dreiviertelblutbisonweibchen sind auch fruchtbar. Was die Fortpflanzungsfähigkeit der Hybridenmännchen anbelangt, so wusste man diesbezüglich, dass sowohl die Halbblut- als auch Dreiviertelblutmännchen den Geschlechtsinstinkt besitzen und fähig sind, die Weibchen zu belegen, seien es Vollblutkühe oder Bisonweibchen oder Hybride. Allein trotz einer ganzen Reihe von Versuchen eine Nachkommenschaft vom Halbblutbison zu bekommen, ist bis jetzt noch kein Fall beobachtet worden, wo eine nur vom Halbblutbison belegte Kuh tragend geworden wäre. In der „Askania-Nova“ zeigt man einen Stier, den man, auf Grund einiger indirekten Daten, für den Nachkommen eines Halbblutbisons zu halten bereit ist. Für solch eine Abstammung gibt es aber keine direkten Beweise.

Auf Grund der eben angeführten Tatsachen und auch dessen, was wir über den Bau der Samendrüsen bei den Männchen solcher Hybride, wie das Maultier und der Zebroid (siehe Stephan und Iwanoff)⁵⁾ wissen, – konnte ich schon. Bei einem Halbblutbison eine dauernde Unfruchtbarkeit vermuten, deren Ursache im Fehlen von Spermatozoen in dem Sperma und in den Hoden zu suchen wäre. Mikroskopische Untersuchung des Spermas hat die Richtigkeit dieser Vermutung bewiesen. Das Sperma eines Halbblutbisons wurde in der gewöhnlichen Weise, mittelst des Schwammverfahrens, gewonnen und unter dem Mikroskop beobachtet. Hier, wie auch im Sperma von einem Zebroiden, wurden keine Samenzellen entdeckt. Das Sperma bestand aus dem Sekrete der akzessorischen Geschlechtsdrüsen und aus einer ganzen Reihe von Formenelementen, wie z.B. Epithelialzellen, Leucocyten.

Der Geschlechtsinstinkt bei dem von mir untersuchten Halbblutbison war wirklich vorhanden. Das Sperma von diesem Tier wurde zweimal gewonnen, und beide Male hat es, bezüglich des Vorhandenseins von Samenzellen, eine negative Antwort gegeben.

Der histologische Bau der Samendrüse bei dem Halbblutbison wurde einstweilen von uns noch nicht untersucht.

Außer dem Halbblutbison war es uns möglich, den Bau der männlichen Geschlechtsdrüse bei einem Dreiviertelblutbison kennen zu lernen.

Eine Untersuchung des Inhaltes von Vas deferens der Samenrüse eines Dreiviertelblutbisons hat die Anwesenheit von Spermatozoen gezeigt, welche scheinbar normal entwickelt waren. Eine weitere histologische Untersuchung des Hodens bei diesem Tiere hat einen normalen Bau der Drüse und das Vorhandensein von Geschlechtszellen aller Arten, bis zu Spermatozoen in den Samenkanälchen festgestellt. Ob die Spermatozoen beweglich waren, ist unaufgeklärt geblieben; das Tier ist infolge einer Infektionskrankheit verendet mit Symptomen von Antrax, weshalb das aus den Kadaver ausgeschnittene Testiculum in eine fixierende Flüssigkeit gebracht wurde.

Es erscheint als kaum möglich, in diesem Falle das Vorhandensein von unbeweglichen Spermatozoen anzunehmen, weil es nach dem Bericht von F. E. Falz-Fein in „Askania-Nova“ eine Kuh gibt, die geworfen hat, nachdem sie von einem von uns untersuchten Dreiviertelblutbison belegt wurde.

Die Fruchtbarkeit des Dreiviertelblutbisonochsen ist also sowohl durch die mikroskopische Untersuchung des Baues der Geschlechtsdrüse als auch durch Beobachtungen der Resultate der Paarung dieses Bisons mit einer Kuh festgestellt worden. Indem man Dreiviertelblutbison mit Einviertelblutbisonen paart (die letzteren sind auch fruchtbar, worauf auch der Kentukkyer Prof. Rafinesque hinweist, der sie Viertelhybride nennt), kann man Halbblutbison bekommen, deren Fruchtbarkeit schon nicht mehr unbeschränkt sein dürfte. Es ist denkbar, dass es gelingen kann, in dieser Weise eine neue Rasse vom Hausvieh zu bekommen und diejenigen wertvollen Eigenschaften des Halbblutbisons zu fixieren, welche in ihrer Kraft, Unermüdlieheit und Ausdauer ihren Ausdruck finden. Die Überlegenheit der Halbblutbison über das Hausvieh hat sich sehr deutlich erwiesen, als in der „Askania-Nova“ Versuche gemacht worden sind, diese Hybride für Feldarbeiten zu verwenden.

Brehm schreibt darüber: „Unser Gewährsmann (Hornaday) ist überzeugt, dass, wenn nur noch Büffel genug vorhanden sind, um eine durchgehende allmähliche Blutmischung mit den frei weidenden Rinderherden zu erzielen, diese im Laufe der Zeit viel besser geeignet sein werden, den Unbilden der Witterung, namentlich der strengen, schneereichen Winter, zu widerstehen, als sie es bisher vermochten.“

Freilich dürfte es jetzt, da der Bison doch schon so gut wie ausgerottet ist, bereits zu spät sein, um derartige Versuche noch in dem notwendigen großen Umfange unternemen zu können.“

Wir können uns aber nicht mit diesem wissenschaftlichen Schlusse einverstanden erklären. Der Mangel an den Zuchtbisonen kann bis zu einem gewissen Grade durch die Anwendung der Methode der künstlichen Befruchtung abgeschwächt werden; diese Methode könnte bekanntlich die Menge des jährlich möglichen Nachwuchses erhöhen.

Es versteht sich, dass für einen Bauern- oder einen landwirtschaftlichen Kleinbetrieb diese Hybride als unerreichbar erscheinen, für solche Güter aber, wie die „Askania-Nova“ ist es eine Frage von wirtschaftlicher Bedeutung. Ein derartiger Betrieb wäre in der Lage, die Züchtung von Hybriden zu organisieren, welche ihre Vorteile in der Landwirtschaft durch die Praxis bewiesen haben.

Bei uns in Russland könnte der *Bison americanus* leicht durch den Wisent ersetzt werden; derselbe gibt in der Askania-Nova eine Nachkommenschaft nicht nur mit Kühen, sondern auch mit dem amerikanischen Bison und seinen Hybriden.

Es wäre sehr wünschenswert, solange es noch nicht zu spät ist, dieses seltene Tier vor dem Aussterben zu retten und die Möglichkeit seiner Verwendung zu Tierhybridisierungszwecken auszunützen.

Iwanoff E.

Zur Frage der Fruchtbarkeit der Hybriden des Hauspferdes.

Biologisches Centralblatt. Bd. XXXI. 1. 1-I-1911.

(Aus der physiologischen Abteilung des Laboratoriums der Veterinärverwaltung.)

Von E. Iwanoff.

(Vorgelegt in der Sitzung der Sektion für Physik und Mathematik. 12. April 1910.)

Die Frage der Fruchtbarkeit der Zebroiden wird von einigen Schriftstellern positiv und manchmal in der entschiedensten Form gelöst. So erfahren wir von Brehm¹, dass man bis jetzt Hybride vom Esel und Zebra, Halbesel und Zebra und vom Pferde und Zebra bekommen hat, und dass die meisten von diesen Hybriden sich nicht nur mit Vertretern der Stammarten, sondern auch untereinander fruchtbar zeigten. „Es unterliegt“, schreibt Brehm, „nach diesen und anderen Versuchen, welche wir doch als sehr anfängliche bezeichnen müssen, gar keinem Zweifel mehr, dass alle Einhufer sich fruchtbar untereinander vermischen können und dass die erzeugten Blendlinge wiederum der Fortpflanzung fähig sind. Diese Tatsache stößt den Lehrsatz von den Einpaarlern, welcher zwischen den Naturforschern und ihren Gegnern vielen Streit hervorgerufen, vollständig über den Haufen“. – In den Werken von K. Ackermann² und A. Suchetet³ finden wir keine Antwort auf die uns interessierende Frage.

¹ Brehm's Tierleben. Bd. III, S. 87, Leipzig und Wien 1891.

² K. Ackermann, Tierbastarde. Kassel 1898.

³ A. Suchetet, Des hybrides a l'état sauvage. Lille 1896.

Von den Zebrahybriden habe ich die Gelegenheit, nur Hybride vom Pferde und Zebra zu untersuchen und zu beobachten gehabt (*Equus caballus* ♀ *Equus sebra* ♂ und *Eyuus zebra* ♀ *Eyuus caballus* ♂). In dem berühmten zoologischen Parke, der dem Herrn F. E. Falz-Fein gehört (Gouvernement Taurien, Bezirk Dnjeprowsk) sind von solchen Zebroiden mehr als 10 Exemplare vorhanden. Unter ihnen gibt es sowohl erwachsene Weibchen als auch geschlechtsreife Männchen. Bereits im Jahre 1905⁴ habe ich Ergebnisse meiner mikroskopischen Untersuchungen der Samenflüssigkeit und der Geschlechtsdrüse von einem Zebroidenmännchen (Mutter – Zebra, Vater – Pferd) dargelegt. Meine Schlüsse erwiesen sich als nicht übereinstimmend mit dem, was Ewart⁵ zu dieser Frage geschrieben hat.

Nachdem er das Zebroidensperma untersucht hatte, kam Ewart zum Schlusse, dass die Samenzellen eines Zebroiden (Vater – Zebra, Mutter – Pferd) ein Köpfchen und ein Schwänzchenrudiment besitzen.

Es gelang mir nicht, in dem Sperma der beiden von mir untersuchten Zebroiden, Spermatozoen zu entdecken. Was aber die glänzenden, runden Körperchen anbelangt, welche die Braunsche Bewegung aufwiesen, so konnte ich dieselben nicht als Köpfchen der Spermatozoen mit einem Rudimentarschwänzchen anerkennen. Die histologische Untersuchung der Samendrüse bei einem von diesen Zebroiden hat mich endgültig davon überzeugt, dass wir nicht erwarten dürfen, im Sperma von Zebroiden Samenfäden zu finden.

Im Hoden eines Zebroiden haben wir klar ausgesprochene gewundene Samenkanälchen, aber ohne die Samenbildungszellen und deren Abkömmlinge. Weil unsere Untersuchungen sich nur auf Zebroiden bezogen haben, deren Väter nicht, wie bei Ewart, Zebrahengste, sondern Pferde waren, so blieb für die Diskussion noch Raum genug, und für die endgültige Aufklärung der Frage war es sehr wünschenswert, das Sperma von den Zebroiden zu prüfen, die von einer Pferdestute und einem Zebrahengst herstammten.

Im Frühjahr 1909 gelang es mir, meine Untersuchungen nach dieser Richtung hin zu ergänzen. Indem ich die gewöhnliche, von mir vorgeschlagene Methode der Spermagewinnung mittelst eines Schwammes benutzte⁶, habe ich das Sperma vom Zebroiden „Mikado“ (Pferdestute – Zebrahengst) bekommen und unter dem Mikroskop untersucht.

Gleich dem Sperma der früher von mir untersuchten „Tuan“ und „Menelik“, erwies sich das Sperma vom „Mikado“ von Spermatozoen völlig frei.

Was die Fruchtbarkeit der Zebroidenstuten anbelangt, so haben wir bis jetzt keine Tatsachen, die für die Lösung dieser Frage im positiven Sinne sprächen.

In den Jahren 1904 und 1905 haben wir Versuche mit der künstlichen Befruchtung der Pferde angestellt. Es wurden neben den Pferdestuten auch die Zebroidenstuten der

⁴ E. Iwanoff, Untersuchung über die Ursache der Unfruchtbarkeit von Zebroiden. Biol. Centralbl. Nr. 23/24, 1905.

⁵ J.C.Ewart, The Penycuik experiments. London 1899. General introduction.

⁶ E. Iwanoff, Künstliche Befruchtung der Säugetiere. Arch. f. Biolog. Wissensch. Bd. XII (in russischer Sprache).

künstlichen Befruchtung unterworfen (im ganzen 5 Stück). Im Jahre 1909 wurde derselbe Versuch an 3 Zebroidenstuten gemacht.

In keinem Fall trat Empfängnis ein. Die Unfruchtbarkeit der Männchen stellt also hier, wie auch im Falle der Hybride vom Pferde und Esel (Stephan⁷), eine Tatsache dar, welche ihren Grund im Fehlen der Geschlechtszellen in den männlichen Geschlechtsdrüsen hat.

Es ist sehr gut möglich, dass die Zebroidenstuten, wie auch die Hybridenweibchen von anderen Vertretern der Säugetiere (Maultiere, Bastarde von der Hauskuh und Bison oder Auerochsen, Hybride von dem Schafe und Moufflon) sich nicht als fortpflanzungsunfähig erweisen werden. Was den Geschlechtsinstinkt und Entwicklung der Geschlechtsorgane anbelangt, so sind diese Eigenschaften sowohl bei den Männchen als auch bei den Weibchen gleich gut ausgeprägt.

Das Wildpferd, *Equus Przewalskii*, stellt eine Art *Equus* dar, welche zuerst von J. S. Poljakoff im Jahre 1881⁸ beschrieben und untersucht wurde. Im Jahre 1898 ist in Russland die erste Partie von lebenden Exemplaren *Equus Przewalskii* (5 Stuten) in den Akklimatisationsgarten von Falz-Fein geliefert worden. Sodann kamen im Jahre 1901 ein Hengst und eine Stute *Equus Przewalskii*, die Eigentum S. M. des Kaisers von Russland waren. Eins von diesen Pferden ist verendet, das andere (der Hengst) wurde dem Herrn Falz-Fein Allerhöchst geschenkt und im Sommer 1904 von Zarskoje-Ssjelo nach „Askania Nova“ transportiert.

In „Askania-Nova“ gibt es jetzt eine Reihe von Voll- und Halbblutpferden Przewalsky's, die akklimatisiert, völlig abgerichtet sind und gewöhnliche Feldarbeiten verrichten.

Die Frage von der Abstammung der *Equus Przewalskii* und von seiner verwandtschaftlichen Beziehung zum *Equus caballus* ist bis jetzt noch nicht ganz aufgeklärt. Akademiker W. W. Salensky⁹ schreibt in dem Kapitel: „Die Stellung *Equus Przewalskii* in dem System“: „Kraniologische und kraniometrische Untersuchungen, ebenso wie Untersuchung des Skelettes und die äußeren Merkmale geben uns die Überzeugung, dass das Pferd Przewalsky's eine besondere, eigenartige Form des Pferdes ist, die eine eigene Art oder Rasse bildet... Subgenus *Equus*, welche dem *Equus caballus* am nächsten steht“ (S. 66). „Das Pferd Przewalsky's ist eine selbständige Form: eine Art oder Rasse des Genus *Equus*; sie ist den anderen Arten oder Rassen, wie Steppenesel, Kiang, Onager, Esel gleichbedeutend“ (S.67). „Das Pferd Przewalsky's stellt eine Übergangsstufe zwischen

⁷ Stephan, Sur la structure histologique du testicule du mulet. C. R. de l'Associat. des Anatom, IV Session. Montpellier 1902.

⁸ Poljakoff, Das Pferd Przewalsky's *Equus Przewalskii* n. sp.) 1881. Herausgeg von der Kaiserl. Russisch. Geograph. Gessellschaft.

⁹ W.Salensky, *Equus Przewalskii* Pol. – Wissenschaftliche Ergebnisse der Reisen N.M. Przewalsky's in Zentralasien. Zoolog. Abteilung BD. I, Teil 2. Herausgegeb. Von der Kaiserl. Akad. D. Wiss., ST. Petersburg 1902 (in russischer Sprache).

Pferd und Esel dar, und das führt uns auf den Gedanken, dass es mehr als irgendwelche andere Arten des Genus *Equus*, sich der ursprünglichen, allgemeinen Form für Pferde, Esel und Halbesel nähert. Darin besteht seine sehr große systematische Bedeutung. In welchem genetischen Zusammenhang steht es mit den Hauspferden? Verdanken irgendwelche bekannte Urahnen derselben ihm ihren Ursprung? Hat es in früheren Zeiten eine größere geographische Verbreitung gehabt als jetzt? Auf all diese Fragen dürfte man nur mit Hypothesen antworten können, aber sogar für solche haben wir sehr wenig vom Tatsachenmaterial“ (S. 71–72).

Bezüglich der Abhandlungen von Prof. Noack¹⁰ schreibt Akademiker Salensky: „Was die Ähnlichkeit des Przewalsky'schen Pferdes mit irgendwelchen Rassen des Hauspferdes anbelangt, so halte ich diese Frage einstweilen für eine offene, weil das Vergleichungsmaterial für die Lösung dieser Frage im allgemeinen Sehr ungenügend ist.“

Flower¹¹ und Hahn¹² wären bereit, das Pferd Przewalsky's für einen Hybriden vom Kiang und Pferde anzuerkennen. Ewart rechnet *Equus Przewalskii* zu einem von den 3 von ihm aufgestellten Pferdetypen: 1. *Equus Przewalskii* durch 3 Spielarten vertreten (südöstliche, westliche und südliche oder Altaier), 2. *Equus cubullus celticus*, 3. *Equus caballus typicus*.

Zur Frage von der Verwandtschaft von *Equus Przewalskii* mit *Equus caballus* siehe auch bei Trouessart¹³. Angesichts solcher offenbaren Meinungsverschiedenheiten in den Ansichten über die Stellung von *Equus Przewalskii* in dem System gewinnt die Frage der Fruchtbarkeit der Hybriden des Pferdes Przewalsky's ein besonderes Interesse.

Die Fruchtbarkeit der Weibchen der Hybriden des Hauspferdes mit *Equus Przewalskii* wurde in Askania-Nova beobachtet und mehrfach bewiesen. Es gelang mir erst im Frühjahr 1909 das Sperma vom Hybridenmännchen (*Equus Przewalskii* ♀, *Equus caballus* ♂, englisches Vollblutrennpferd) zu untersuchen. Das untersuchte Exemplar ist ein 3 Jahre altes Tier. Infolge Unwohlseins durch eine traumatische Verletzung ließ der Hengst zuerst keinen Geschlechtstrieb bei sich wahrnehmen. Nachdem das Tier eine Zeitlang gepflegt wurde, ist es gelungen, es zum Belegen einer Stute anzureizen. Das durch das Schwammverfahren gewonnene Sperma erwies sich reich an sich lebhaft bewegenden Spermatozoen, die der Form nach den Spermatozoen des Hauspferdes ähnlich waren.

Soll das Pferd Przewalsky's als eine besondere Art anerkannt werden, so haben wir also vor uns in seinen Hybriden von Hauspferde eine interessante Abweichung von der

¹⁰ Noack, a) *Equus Przewalskii*. Zoolog. Anz. NR. 663. b) Die Entwicklung des Schädels von *Equus Przewalskii*. Zoolog. Anz. NR. 664.

¹¹ Flower, *The Horse* (Moderne Science. edited by Sir John Lubbock II) zitiert nach Salensky.

¹² Hahn, *Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen* (nach Salensky).

¹³ Trouessart, *Bull. Mus. Paris* 1906.

gewöhnlich beobachteten Unfruchtbarkeit der Männchen bei Hybriden des Pferdes z. B. Maultiere, Maulesel, Zebroiden.

Die unbeschränkte Fruchtbarkeit der Hybriden des *Equus Przewalskii* mit dem Hauspferd kann kaum als ein unanfechtbarer Beweis für die Identität der beiden Arten dienen; aber für die Anhänger der engen Verwandtschaft des *Equus caballus* mit *Equus Przewalskii* muss diese Tatsache als eine der festen Stützpunkte dienen.

[б/а]

Всякі звістки

Рада, №146. 29. 06. 1911. Шп. 3.

На одеській виставці почав приваблювати публіку не-що давно відчинений „туберкульозний“ павільон, популяризацію якому зробила „біла квітка“. Тут виставлено багато цікавих картограм, з яких видно залежність сухот від алкоголю, розповсюдження цієї хвороби серед учнів, робітників та салдат, а також данні про успіхи санаторського лічення.

Виставочний комітет звернувся з проханням до Фальц-Фейна спорудити на виставці свій „зоологічний“ відділ, що мав торік великий успіх.

(Власн. кор.).

[б/а]

Зоологічний сад

Рада, 1911. №277 (09.12.1911). Шп. 2.

Незабаром в київський зоологічний сад має прийти з Криму з відомого там зоологічного сада Ф. Фальц-Фейна дуже дорога колекція звірят, подарованих цим акліматизатором. Крім того, ще де-які видатніші російські зоологічні сади обіцяли київському подарувати звірят. Таким чином київський сад дуже збільшиться і йому стає тісно на участкові землі, одведеному університетом в Ботаничному садку. Зважаючи на це, київське товариство любителів природи, яке єсть власником зоологічного саду, подало заяву в городську думу з проханням одвести йому участок городської землі в 10 – 15 десятин для упорядкування на ньому зоологічного саду та зразкової пасіки і станції шовківництва з натур-історичним музеєм. Єсть думка зробити це або на кручах Царського саду, або на Сирецькому вигоні за політехнічним інститутом.

[б/а]

Мѣстная жизнь.

Питомникъ въ Университетскомъ саду.

Утро №1416 від 06.08.1911. Шп. 6.

Въ самомъ непродолжительномъ времени въ питомникъ харьковскаго отдѣленія южно-русскаго общества акклиматизаціи (Университетскій садъ) прибудеть большая партія животныхъ и разныхъ птицъ, подаренныхъ г. Фальць-Фейномъ изъ своего имѣнія Асканія-Нова, Таврической губ. Между прибывающими животными находятся: верблюдъ, буйволъ, нельгау, джіоранъ, овчарки и разнообразная коллекція водяной и болотной птицы.

Ивановъ М. Ф.

Акклиматизаціонный зоологическій садъ

Ф. Э. Фальць-Фейнамъ въ Асканіи-Нова,

Таврической губерніи.

Естествознание и географія, 1911. № 3. С. 1–19.

Акклиматизаціонный зоологическій садъ Ф. Э. Фальць-Фейна сравнительно мало извѣстенъ не только русской широкой публикѣ, но даже и специалистамъ. Только послѣ юбилейной всероссійской акклиматизаціонной выставки въ Москвѣ въ году, на которой были выставлены замѣчательныя животныя изъ Асканіи-Нова, о садѣ Фальць-Фейна стали говорить и писать¹. А между тѣмъ за границей о немъ знаютъ уже давно; не одинъ разъ описывался онъ какъ въ специальной, такъ и въ общей нѣмецкой прессѣ, неоднократно нѣмецкіе зоологи и художники посѣщали этотъ садъ и знакомились съ его животными и тѣми результатами, которые достигнуты здѣсь въ области акклиматизаціи и гибридизаціи.

Съ понятіемъ «зоологическій садъ» у большинства связано представленіе о небольшой площади земли или небольшомъ садѣ, гдѣ различныя дикія животныя содержатся въ клѣткахъ, небольшихъ огражденныхъ дворикахъ, маленькихъ прудахъ и

¹ Въ журналѣ „Естествознание и Географія“ (1898 г., мартъ) была помѣщена статья Н. Делпа: „Нѣсколько словъ о зоологическомъ садѣ Ф. Э. Фальць-Фейна“ съ приложеніемъ списка животныхъ, находившихся въ саду Асканія-Нова въ 1897 году. Ред.

т. п. Даже такіе знаменитые зоологическіе сады, какъ берлинскій и гамбургскій, расположены не болѣе, какъ на нѣсколькихъ десятинахъ земли.

Зоологическій садъ Фальць-Фейна въ этомъ отношеніи представляетъ особый, своеобразный характеръ. Здѣсь всѣ дикія животныя живутъ на свободѣ, на волю. Часть ихъ пользуется степью на ряду съ домашними животными, другая часть живетъ въ огороженномъ участкѣ степи, площадь котораго равна шестидесяти десятинамъ. Затѣмъ парки, пруды, болота, подъ которыми находится около пятидесяти десятинь, тоже населены различными млекопитающими, разнообразнѣйшими пернатыми и рыбами.

Только для болотной дичи, т.-е. различного рода куликовъ, дупелѣй, бекасовъ, чакекъ и мног. другихъ, а также для небольшой группы хищныхъ птицъ въ зоологическомъ саду Фальць-Фейна имѣются огромныя клѣтки. Но онѣ устроены такъ, что птица почти ихъ не чувствуетъ. Прежде всего клѣтки эти очень велики и соединены между собою такимъ образомъ, что птица изъ одной клѣтки свободно, по желанію, можетъ переходить въ другія. Въ этихъ клѣткахъ все сдѣлано по вкусу разнообразныхъ ихъ обитателей. Такъ, устроены ручейки, болотца, песочные берега, каменистые берега, водопадики, заросли камыша, заросли травы, пригорки, скалы, кустарникъ и пр.

Другой особенностью зоологическаго сада въ Асканіи-Нова является отсутствіе въ немъ хищныхъ звѣрей. Здѣсь имѣются животныя, такъ сказать, мирныя, принадлежащія въ большинствѣ случаевъ къ парнокопытнымъ и однокопытнымъ.

Имѣніе Асканія-Нова, гдѣ находится зоологическій садъ, расположено въ Таврической губерніи, въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, въ 65 верстахъ отъ станціи Ново-Алексѣевки Южныхъ ж. д. и въ 50 верстахъ отъ Каховки, пристани на Днѣпрѣ.

Дорога отъ обоихъ пунктовъ проходитъ по равнинной мѣстности, по бывшимъ когда-то степямъ, теперь сплошь распаханнымъ полямъ. О бывшемъ степномъ просторѣ здѣсь уже ничто не говорить. Только подъѣзжая къ Асканіи-Нова, за нѣсколько верствъ до имѣнія, мѣстность рѣзко измѣняетъ свой характеръ. Ввору представляется степь въ полномъ смыслѣ этого слова, покрытая травой, на которой пасутся табуны лошадей, стада крупнаго рогатаго скота, овецъ, верблюдовъ и разныхъ другихъ животныхъ.

Всего земли у Фальць-Фейна въ Асканіи-Нова имѣется 13.000 десятинь, изъ которыхъ 3000 находится подъ распахкой и 10.000 подъ степью, т.-е. подъ пастбищемъ для скота.

Большой любитель природы, тонкій знатокъ и цѣнитель ея, Ф. Э. Фальць-Фейнъ пожелалъ имѣть у себя образчикъ первобытной степи, т.-е. такой, какою она была до заселенія ея человѣкомъ съ его домашними животными. Для этой цѣли онъ выдѣлилъ 500 десятинь степи, которая никогда не распахивалась, и запретилъ на ней пасти скоть. Врядъ ли еще гдѣ-либо возможно наблюдать такую роскошную степную растительность, какъ на этомъ участкѣ.

Я не могу не сказать хотя нѣсколько словъ объ этой охранный степи, которую мнѣ неоднократно приходилось наблюдать въ различныя времена года. Степь вообще, а эта охранный въ особенности, весной сказочно красива. Какъ только пригрѣтъ весеннее солнце, она быстро покрывается яркой зеленью. Степь въ этомъ районѣ Таврической губерніи ровна, какъ столъ, безъ малѣйшаго бугорка, косягора. Этотъ безконечный зеленый коверъ быстро покрывается цвѣтами. Сначала большими группами появляются разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ степныя ирисы, наполняя воздухъ своимъ нѣжнымъ ароматомъ, черезъ нѣсколько дней вся степь густо покрывается степными тюльпанами, по преимуществу краснаго и желтаго цвѣта. Это одинъ изъ красивѣйшихъ моментовъ въ жизни степи. Еще не успѣютъ отойти тюльпаны, какъ появляются красивыя розовыя кисти валеріаны, а затѣмъ цвѣты быстро исчезаютъ, такъ какъ къ этому времени разрастается и заглушаетъ все остальное — ковыль, который въ половинѣ мая выбрасываетъ свою серебристую пушистую метелку, и тогда степь превращается въ постоянно волнующееся серебристо-бѣлое море. Къ осени ковыль достигаетъ въ благопріятныя годы до 2 аршинъ роста, при чемъ бываетъ густымъ, какъ щетка. Зимой здѣсь находятъ себѣ пріютъ тысячи зайцевъ.

Вернемся къ зоологическому саду.

Въ Асканіи-Нова имѣются два большихъ парка, огромныя пруды, болото, загороженная степь въ 60 десятинъ; вокругъ парковъ имѣются всевозможныя заросли, и все это буквально кишитъ всякаго рода живностью.

Подъ парками занято болѣе сорока десятинъ земли, при чемъ одинъ изъ нихъ можно назвать ботаническимъ садомъ, такъ какъ здѣсь собрано большое количество разнообразнѣйшихъ хвойныхъ и лиственныхъ породъ.

Въ паркахъ устроены отличныя пруды, въ которыхъ плаваютъ большое количество разной рыбы, среди которой много золотистыхъ короховъ. Здѣсь же устроены фонтаны, бассейны и цѣлая сеть каналовъ съ водой. Обиліе воды и роскошныя парки заставляютъ забыть, что находишься въ степяхъ Таврической губерніи, на которыхъ еще недавно смотрѣли какъ на мѣста, лишеныя воды. Ф. Э. Фальць-Фейнъ устроилъ цѣлый рядъ артезіанскихъ колодцевъ, помощью которыхъ изъ глубины земли на поверхность выносятся масса воды, оживившей мѣстность и давшей возможность создать парки и пруды въ Асканіи-Нова.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію животнаго населенія этихъ парковъ, прудовъ и степей, я скажу нѣсколько словъ объ акклиматизаціи и одомашниваніи животныхъ.

Подъ акклиматизаціей понимаютъ способность животныхъ, перенесенныхъ съ мѣста родины на новыя мѣста, въ новыя условія, здѣсь при новой обстановкѣ жить и размножаться. Далеко не всѣ животныя одинаково относятся къ акклиматизаціи. Одни изъ нихъ быстро привыкаютъ къ новымъ условіямъ, къ новому климату, къ новой

пищѣ и мало-по-малу осваиваются съ ними настолько, что плодятся и размножаются совершенно нормально, какъ у себя на родинѣ. Другія животныя, не найдя для своего существованія на новыхъ мѣстахъ подходящихъ условий и не сумѣвши приспособиться къ новымъ условіямъ, начинаютъ вырождаться, теряютъ плодовитость, легко поддаются различнымъ заболѣваніямъ, если дадутъ, то слабое, хилое потомство, и въ концѣ концовъ совершенно вымираютъ.

Вопросы акклиматизаціи животныхъ сравнительно мало еще изучены. Въ этомъ отношеніи зоологической садъ Фальць-Фейна представляетъ огромный интересъ, такъ какъ здѣсь собрано большое количество животныхъ изъ различныхъ странъ, при чемъ всѣ они находятся въ совершенно естественныхъ условіяхъ жизни, а потому и могутъ служить отличнѣйшимъ матеріаломъ для изученія вопросовъ акклиматизаціи.

Не меньшій интересъ представляютъ и вопросы прирученія и одомашниванія дикихъ животныхъ. Всѣмъ, конечно, извѣстно, что всѣ современныя домашнія животныя были прежде, въ отдаленныя времена, дикими и постепенно приручены и одомашнены человекомъ. Мы не знаемъ даже приблизительно, когда это произошло. Вѣроятно, это было на зарѣ человеческой жизни, въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ не сохранилось никакихъ воспоминаній. Моментъ прирученія дикихъ животныхъ сыгралъ въ жизни человека огромную роль, такъ какъ позволилъ ему промѣнять жизнь бродяги-охотника и рыбака, сопряженную съ лишениями и опасностями, на болѣе покойную и сытую жизнь скотовода-номада. Мы, конечно, не знаемъ тѣхъ способовъ, какими пользовался первобытный человекъ для прирученія дикихъ животныхъ и превращенія ихъ въ домашнихъ. Зоологической садъ Фальць-Фейна и въ этомъ отношеніи представляетъ большой интересъ, такъ какъ и въ этомъ направленіи производятся здѣсь опыты и наблюденія.

Разсмотримъ теперь населеніе зоологического сада.

Прежде всего въ паркахъ находится большое количество фазановъ разнообразныхъ породъ, число которыхъ насчитывается до двадцати. Между ними наиболѣе интересными и красивыми являются: золотой, королевскій, алмазный, серебристый, ушастый, лоффоръ, верзиколеръ и много другихъ. Большинство изъ этихъ фазановъ отлично здѣсь акклиматизировались, хорошо размножаются, а нѣкоторые, какъ напр. ушастый, легко дѣлаются даже ручными.

Кромѣ фазановъ въ паркѣ живутъ въ густыхъ кустарникахъ кенгуру, родина которыхъ — Австралія. Животныя эти имѣютъ очень своеобразный внѣшній видъ благодаря тому, что переднія конечности у нихъ небольшія, а заднія длинныя и сильно развитыя, на которыя животное обычно садится, опираясь въ то же время на длинный, очень толстый мускулистый хвостъ. Благодаря сильно развитымъ заднимъ конечностямъ и хвосту животное въ состояніи дѣлать прыжки въ нѣсколько аршинъ вышиною. Кенгуру относится къ такъ называемымъ сумчатымъ, т.-е. имѣющимъ въ области молоч-

ныхъ железъ складку кожи, прикрывающую эти железы и образующую какъ бы сумку, въ которой запряганы соски. Животное родитъ дѣтеныша въ недоразвитомъ видѣ и затѣмъ сейчасъ же его кладетъ въ эту сумку, въ которой дѣтенышъ схватываетъ сосокъ, присасывается къ нему и въ такомъ состояніи остается нѣсколько мѣсяцевъ до полнаго своего развитія. Въ зоологическомъ саду въ Асканіи-Нова имѣется три породы кенгуру. Несмотря на громадное различіе въ климатѣ между родиной этихъ животныхъ и таврическими степями, все же они чувствуютъ себя здѣсь хорошо, размножаются, хотя чувствительны къ морозамъ и нерѣдко отмораживаютъ себѣ уши и кончики хвостовъ.

Кромѣ кенгуру въ паркѣ живутъ на свободѣ патагонскіе зайцы, мелкія породы антилопы и др.

На прудахъ, на каналахъ, на болотѣ и всюду въ паркахъ, гдѣ только имѣется вода, находится безчисленное множество разнообразныхъ водяныхъ птицъ.

Большое количество разныхъ лебедей, жителей Европы, Азіи, Сѣверной и Южной Америки и Австраліи. Изъ породы лебедей отмѣчу: шипуна, кликуна, пигмея, трубача, черношейнаго и чернаго. Всѣ эти породы успѣшно акклиматизировались и такъ же успѣшно размножаются, строя свои гнѣзда тутъ же въ паркѣ или въ заросляхъ камыша, при чемъ совершенно не боятся людей, близко подпускаютъ къ себѣ и даже позволяютъ фотографировать себя на гнѣздахъ.

Не менѣ велика и разнообразна группа дикихъ гусей, также обитателей всѣхъ частей свѣта. Между ними наиболѣе рѣдкими являются: большой полярный гусь, малый полярный, индійскій, египетскій, канадскій и мн. друг. Всѣ эти породы дикихъ гусей плаваютъ въ прудахъ, не боятся человѣка, акклиматизировались и свободно размножаются, при чемъ довольно близко подпускаютъ человѣка къ своимъ гнѣздамъ.

Здѣсь же имеется огромное количество различныхъ казарокъ и дикихъ утокъ также всѣхъ частей свѣта. Я перечислю изъ нихъ только нѣкоторыхъ: бѣлолицая и черная казарки, огорь, галагазъ, пепозака, каролинка, мандаринка, красноносый нырокъ и мн. друг.

Всѣ эти пернатые здѣсь живутъ, плодятся и не улетаютъ отсюда въ другіе края. Самъ собою является вопросъ: почему же всѣ эти дикія птицы не улетаютъ на зиму въ теплыя страны? Объясняется это тѣмъ, что ежегодно имъ подрѣзываютъ по нѣсколько перьевъ въ крылѣ, благодаря чему онѣ не могутъ высоко и далеко летать.

Ранней весной и поздней осенью, когда происходитъ перелетъ птицъ, здѣсь на прудахъ и каналахъ можно видѣть громадныя стада отдыхающихъ передетныхъ дикихъ гусей и утокъ. Здѣсь никто ихъ не трогаетъ, не тревожитъ. Весной многія перелетныя птицы, въ особенности дикія утки и огори, остаются на все лѣто, несутся, выводятъ, а затѣмъ осенью улетаютъ съ тѣмъ, чтобы весной снова появиться въ этихъ же мѣстахъ.

Изъ другихъ птицъ на свободѣ въ паркѣ и на прилегающихъ къ парку прудахъ и лугахъ живутъ фламинги, дрофы, американскіе страусы (нанду), разнообразныя породы журавлей, чибисовъ, цаплей, мартиновъ, чаекъ и пр.

Фламинги, родина которых — северная и средняя Африка, чувствуют себя здесь довольно хорошо, но не несутся. Сохраняют свою розовую окраску только на крыльях, на всех же других местах перья имеют белый цвет.

Дрофа — птица широких и привольных степей, очень осторожная и не допускающая к себе человека на близкое расстояние. Известный зоолог Брем, между прочим, говорит, что дрофа совершенно не поддается приручению. В зоологическом саду Фальц-Фейна дрофы размножаются свободно и легко деляются ручными. Здесь имются между другими два дрофича, которые почти всегда сопровождают посетителей по всему парку.

Американский страус, или нанду, переносит здешний климат хорошо. Снега и холода не боится, хотя во время сильных холодов требует небольшой защиты в виде навесов, открытых сараев и пр. Размножается легко. К особенностям этих страусов относится разделение труда в заботах о потомстве: самка строит гнездо и кладет яйца, самец же высиживает. В одно гнездо могут класть яйца одновременно несколько самок. Яйца пригодны для пищи.

Имются в парке также австралийские страусы (эму), но они переносят климат труднее и на яйца не садятся.

Кроме перечисленных имются еще болотные птицы в огромных соединенных между собою клетках. Среди них есть различные породы куликов, кроншнепы, бекасы, дупеля, чайки и пр. Затем — несколько клеток с хищными птицами: орлами, ястребами, коршунами и пр.

Чтобы закончить мой краткий очерк о пернатых сада Фальц-Фейна, необходимо несколько слов сказать еще о певчих птицах, которых в парках находится огромное количество. Весной во время перелета различных певчих птиц с южных стран в более северные в парке наблюдается большое оживление, так как перелетные птицы охотно здесь отдыхают. Их ловят различными западнями, подрезывают у пойманных по несколько перышек в крылышках и пускают обратно в парк. Такие птички уже не в состоянии лететь дальше, остаются на лето здесь, выводят гнезда, выводят птенцов, а к осени у них перья отрастают, и они вместе с возвращающимися перелетными улетают на юг.

Интересно также разведение канареек. Для них имеется специальный домик в несколько комнат, в которых канарейки зимуют. Весной с наступлением теплой погоды окна комнат открываются, и канарейки свободно вылетают в парк. В течение всего лета они находятся на свободе; нередко в это время их можно наблюдать в компании с воробьями. Летая на свободе, они не теряют связи с своим домиком, так как там всегда для них имеется корм. С наступлением холодного времени канарейки добровольно возвращаются в свои теплые комнаты, где их запирают, и они остаются там до следующей весны.

Въ зоологическомъ саду производились опыты акклиматизаціи попугаевъ какаду, для чего пара такихъ попугаевъ была пущена въ паркъ. Они жили на свободѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, а затѣмъ оба погибли.

Теперь рассмотримъ животныхъ, населяющихъ огороженную степь. Здѣсь обитаютъ различнаго рода антилопы, олени, дикія овцы, зебры, африканскіе страусы и мн. друг. Изъ антилопъ наиболѣе интересными являются слѣдующія:

Олене-быки, родина которыхъ – южная и юго-восточная Африка. Это – красивыя, большія животныя, очень граціозныя. Хорошо акклиматизировались и успѣшно размножаются; часть олене-быковъ пасется въ степи вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ.

Нильгау (родина его – Индостанъ) акклиматизируется труднѣ предыдущаго, размножается успѣшно.

Гну – въ высшей степени оригинальное животное: голова его похожа на голову буйвола, а задняя часть туловища сходна съ таковою лошади. Окраска темно-бурая. Животныя эти очень подвижны; самцы очень злы, часто бросаются на животныхъ и на людей. Родина гну – Сахара, южнѣ Лимпопо. Въ таврическихъ степяхъ гну хорошо акклиматизировался, успѣшно размножается, приспособляясь съ дѣторожденіемъ къ нашимъ временамъ года. Этихъ животныхъ имѣется въ зоологическомъ саду нѣсколько штукъ; въ послѣднее время привезены еще пара.

Изъ другихъ антилопъ имѣются: серно-быки, бубалы, бунтебоки, водяные быки, цервикапра, джераны, сайгаки, козероги и пр. Описывать здѣсь ихъ всѣхъ я не имѣю возможности.

Изъ оленей имѣются: маралы, пятнистые, свинные олени, лани и др.

Мараловъ имѣется довольно большое стадо, которое пасется свободно въ степи вмѣстѣ съ домашними животными. Владѣлецъ предполагаетъ развести ихъ въ большемъ количествѣ, такъ какъ они могутъ давать большой доходъ вслѣдствіе высокой цѣнности мараловыхъ роговъ, покупаемыхъ китайцами для лѣкарственныхъ препаратовъ. Маралы привыкаютъ къ степи легко, быстро дѣлаются ручными.

Изъ дикихъ овецъ имѣются муфлоны и гривистые бараны.

Родина муфлона – скалистыя мѣста Корсики и Сардиніи, тѣмъ не менѣе онъ легко акклиматизируется въ степи. Здѣсь два стада муфлоновъ: одно пасется свободно въ степи, другое находится въ огороженномъ участкѣ. Если взять только что родившихся дѣтенышей и воспитать ихъ молокомъ изъ рожка, то они становятся совершенно ручными, тогда какъ воспитанные подъ матерью держатся очень строго и не подпускаютъ къ себѣ человѣка. Замѣчено, что среди муфлоновъ, воспитанныхъ изъ рожка, часто обнаруживается заболѣваніе туберкулезомъ. Муфлонъ признается многими зоологами родоначальникомъ нѣкоторыхъ европейскихъ породъ домашней овцы.

Родиной гривистаго барана является сѣв. Африка, именно Атласскія горы. Онъ также въ степяхъ хорошо акклиматизируется.

Изъ другихъ животныхъ огороженной степи укажу еще на ламу, родина которой — Южная Америка. Животныя эти имѣются въ значительномъ количествѣ, часть ихъ пасется въ степи. Ламы могутъ служить, какъ домашнія животныя: въ Америкѣ ими пользуются какъ выючными животными и для полученія длинной, мягкой шерсти.

Въ зоологическомъ саду въ огороженной степи находятся также африканскія зебры, представляющія собою особый видъ дикихъ полосатыхъ лошадей. Климатическія условія южнорусской степи переносятся этими обитателями жаркихъ странъ довольно легко. Зебры ходятъ иногда въ табунѣ вмѣстѣ съ лошадьми, близко подходятъ къ человѣку, даются гладить и пр.

Здѣсь же въ огороженномъ участкѣ содержатся и африканскіе страусы. Какъ извѣстно, эти страусы разводятся во многихъ мѣстахъ Африки въ большихъ количествахъ для эксплуатаціи ихъ перьевъ. Въ таврическихъ степяхъ акклиматизируются они все же съ трудомъ, требуютъ зимой защитныхъ построекъ, чувствительны къ сырости. Зимой любятъ глотать снѣгъ, вслѣдствие чего простуживаютъ желудки и нерѣдко отъ этого погибаютъ. Въ одну изъ суровыхъ зимъ у Фальць-Фейна погибло четырнадцать большихъ страусовъ. Страусы здѣсь успѣшно размножились до послѣдняго времени. Самка несетъ до 20 яицъ (вѣсъ яйца около 5 фунтовъ). Высиживаютъ птенцовъ самецъ и самка, постоянно чередуясь. Молодые страусы растутъ быстро, заканчивая развитіе къ 3—4 годамъ. Молодыхъ воспитываютъ на пастбищахъ и первое время подкармливаютъ творогомъ и рубленымъ мясомъ. Взрослые лѣтомъ кормятся на пастбищѣ, кромѣ того дается имъ различное зерно; зимой кормятъ рубленой люцерной и зерномъ. Страусы легко одомашниваются и дѣлаются совершенно ручными. Избытокъ яицъ, употребляется въ пищу. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время остался одинъ только самецъ, который ни за что не желаетъ раздѣлить съ самками бремя высиживания птенцовъ, вслѣдствие чего въ послѣдніе годы молодыхъ страусовъ не получается.

Я въ самыхъ общихъ чертахъ ознакомилъ съ животнымъ населеніемъ парковъ, прудовъ и огороженного участка, остается еще разсмотрѣть обитателей широкой привольной степи въ имѣніи Фальць-Фейна.

Эта степь является продолженіемъ зоологическаго сада. На ней охота воспрещена, вслѣдствие чего здѣсь имѣется в большомъ количествѣ разнообразная дичь. Всегда много куропатокъ, зайцевъ и лисицъ. Въ степи пасутся десятки тысячъ разнообразнѣйшихъ домашнихъ животныхъ: табуны лошадей, стада сѣраго степного скота, свыше сорока тысячъ испанскихъ мериносовыхъ овецъ, каракули, волошскія овцы, курдючныя овцы, ангорскія козы, буйволы, верблюды. Всѣ эти домашнія животныя служатъ для эксплуатаціи ихъ полезныхъ свойствъ.

Но самое замѣчательное, что можно видѣть въ степи Ф. Э. Фальць-Фейна, это свободно пасущихся дикихъ лошадей (лошадь Пржевальскаго), бизонъ, зубровъ и стада свободно пасущихся антилопъ, оленей, дикихъ овецъ, муфлоновъ и пр. Обычно

въ это стадо попадають животныя, побывавшія въ огороженном участкѣ и хорошо привыкшія къ мѣстнымъ условіямъ.

Дикая лошадь Пржевальскаго — рѣдкій въ настоящее время видъ. Несомнѣнно, въ прежнее время эта лошадь водилась въ южнорусскихъ степяхъ, а затѣмъ, по мѣрѣ заселенія ихъ, она перекочевывала все дальше на востокъ и въ настоящее время водится по преимуществу въ пустынныхъ степяхъ Монголіи. До послѣдняго времени о ея существованіи никто ничего не зналъ и не имѣлъ о ней никакого представленія. Впервые съ этой лошадью ознакомили ученыхъ знаменитый изслѣдователь Средней Азіи Н. М. Пржевальскій, приславъ шкуру ея въ Академію Наукъ. Изъ шкуры было сдѣлано чучело, которое хранится въ музеѣ Академіи. Впослѣдствіи эти лошади были подробно описаны другими путешественниками: Поляковымъ и братьями Грумъ-Гржимайло².

Когда о нихъ получились болѣе или менѣе опредѣленные свѣдѣнія, Ф. Э. Фальць-Фейнъ пожелалъ пріобрѣсти этихъ лошадей для своего зоологическаго сада. Но достать ихъ оказалось не такъ легко и удалось въ концѣ концовъ только благодаря настойчивости, энергіи и средствамъ Ф. Э. Фальць-Фейна, а также содѣйствию академика Бихнера и г. Клеменса. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ была Асановъ, купецъ изъ Бійска. На средства Фальць-Фейна была снаряжена экспедиція въ монгольскія степи для поимки дикихъ лошадей. Но первая попытка окончилась полной неудачей. На слѣдующій годъ снаряжена была новая экспедиція, на этотъ разъ увѣнчавшаяся успѣхомъ, хотя и не вполне удовлетворительнымъ. Оказалось, что этихъ животныхъ не только поймать, но и убить очень трудно, такъ какъ они не подпускаютъ къ себѣ близко на разстояніи нѣсколькихъ верствъ. Поэтому прибѣгли къ такому пріему: зимой посланы были въ монгольскія степи развѣдчики, которые должны были опредѣлить приблизительно мѣстонахожденіе дикихъ лошадей. Получивъ свѣдѣнія, экспедиція ранней весной трогалась въ путь, беря съ собой продовольствіе на нѣсколько недѣль, ведя съ собой хорошо тренированныхъ верховыхъ лошадей и нѣсколько кобылъ, только что ожеребившихся. Ранней весной обыкновенно жеребятся и дикія лошади. Замѣтивъ табунъ дикихъ лошадей, охотники верхами начинаютъ ихъ преслѣдовать. Старыя животныя легко уходятъ отъ преслѣдованія, но если между ними есть недавно родившіеся жеребята, то послѣдніе начинаютъ послѣ продолжительнаго преслѣдованія мало-помалу отставать и наконецъ совершенно отстаютъ и попадаютъ въ руки охотниковъ. Послѣдніе приводятъ ихъ къ мѣсту остановки и подпускаютъ къ кобыламъ, приведеннымъ съ собою и недавно пожеребившимся. Такимъ путемъ второй экспедиціи удалось поймать пять жеребятъ, но всѣ они оказались женскаго пола. Эта партія кобылокъ была доставлена въ имѣніе Асканія-Нова въ 1898 г., при чемъ въ пути она находилась около двухъ мѣсяцевъ.

² Въ журналъ „Естеств. и Геогр.“ (1898, апрѣль) помѣщена статья проф. А. А. Тухомирова: „Дикая лошадь Монголіи (Equus Przewalskii)“. Ред.

Но Фальць-Фейнь этимъ не удовольствовался, такъ какъ не было жеребчиковъ, слѣдовательно нельзя было завести завода. Снаряжена была третья экспедиція. Въ результатъ въ 1904 году полученъ былъ новый транспортъ жеребятъ, но тоже кобылокъ. Тѣмъ временемъ организатору экспедицій кушу Асанову въ Бійскѣ удалось добыть дикихъ жеребчика и кобылку, которыхъ онъ преподнесъ Государю. Вскорѣ кобылка у Государя пала, а жеребчика Государь подарилъ Фальць-Фейну.

Такимъ образомъ послѣ многолѣтнихъ неудачъ и затраты большихъ денегъ наконецъ удалось получить желаемое и образовать заводъ дикихъ лошадей. Климатическія условія не оказали худого вліянія на животныхъ: они легко размножаются, и въ настоящее время имѣется уже нѣсколько штукъ своего завода, какъ чистокровныхъ, такъ и разныхъ метисовъ съ домашней лошадыю. Всѣ дикія лошади пасутся въ табунѣ вмѣстѣ съ домашними. Нѣкоторыя сдѣлались ручными. Дикая лошадь отличается отъ домашней меньшимъ ростомъ, головой, похожей болѣе на ослиную, отсутствіемъ чолки, короткой, какъ бы стриженной гривой, буланой мастью съ черной полосой вдоль спины и еще нѣкоторыми мелкими признаками.

Извѣстный торговецъ рѣдкими животными Гагенбекъ изъ Гамбурга, провѣдавшій, какимъ путемъ получаютъ дикія лошади, сталъ пріобрѣтать ихъ отъ того же Асанова и, присвоивъ себѣ честь открытія этихъ лошадей, продаетъ ихъ за очень высокую цѣну въ зоологическіе сады.

Зубры разводятся въ Асканіи-Нова съ 1902 года, когда была доставлена сюда пара ихъ изъ Бѣловѣжской души. Новая климатическія условія и степныя пастбища зубрами переносятся довольно хорошо. Въ настоящее время имѣется нѣсколько штукъ своего завода. Всѣ они пасутся вмѣстѣ съ домашними коровами, не дичатся людей; къ нимъ примѣняется такой же уходъ и содержаніе, какъ и къ домашнему скоту.

Бизоны разводятся здѣсь съ 1897 года, при чемъ доставлены были два раза: второй разъ – въ 1900 году. Въ настоящее время имѣются только родившіеся въ Асканіи-Нова, всѣ привезенные уже пали. Бизоны очень сходны съ зубрами, отличаются только большей головой, меньшимъ ростомъ и линіей спины, которая у бизоновъ, начиная отъ холки, постепенно спускается къ корню хвоста, тогда какъ у зубра, начиная отъ холки, эта линія сначала образуетъ небольшое возвышеніе, а затѣмъ постепенно спадаетъ. Родина бизоновъ – сѣверная Америка. Еще сто лѣтъ тому назадъ тамъ въ дикомъ состояніи водились безчисленныя стада этихъ животныхъ. Съ заселеніемъ Америки, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ бизоновъ стали безпощадно уничтожать. Въ настоящее время они остались только въ зоологическихъ садахъ да въ нѣкоторыхъ охранныхъ участкахъ. По изслѣдованіямъ бизоновъ теперь имѣется не болѣе нѣсколькихъ сотенъ на всемъ земномъ шарѣ. Бизоны акклиматизировались въ Асканіи-Нова довольно успѣшно; они пасутся, какъ и зубры, вмѣстѣ съ домашними животными и къ человѣку привыкли.

Въ послѣднее время привезены въ садъ еще яки.

Мой очеркъ зоологическаго сада Фальць-Фейна будетъ неполнымъ, если я не укажу на опыты гибридизаціи, которые здѣсь успѣшно производятся уже въ течение многихъ лѣтъ.

Гибридизаціей называется полученіе потомства отъ животныхъ, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ видамъ.

Въ природѣ существуетъ законъ, въ силу котораго потомство могутъ давать только животныя, очень сходныя между собою и близко стоящія другъ къ другу по происхожденію. Такъ, напр., существуетъ очень большое число породъ домашнихъ лошадей, начиная отъ маленькихъ шотландскихъ пони и кончая огромными бельгійскими тяжеловозами. Всѣ эти породы, повидимому, имѣютъ общаго родоначальника, всѣ онѣ между собою даютъ потомство, которое въ свою очередь въ дальнѣйшемъ оказывается плодовитымъ. Всѣ породы домашнихъ лошадей относятъ къ одному виду. Съ домашней лошадей имѣютъ сходство осель и зебра, но все же эти послѣдніе настолько отличаются отъ лошади, что ихъ зоологи относятъ къ различнымъ видамъ. Отъ кобылы и осла, отъ ослицы и жеребца, отъ зебры-самки и жеребца, отъ зебры-самца и кобылы возможно получить потомство, но оно въ дальнѣйшемъ оказывается бесплоднымъ, т.-е. другъ отъ друга такія животныя дѣтей давать не могутъ. Если мы возьмемъ животныхъ, еще болѣе отличающихся и еще дальше отстоящихъ одно отъ другого по происхожденію, то такія животныя уже совершенно никакого потомства между собою не дадутъ.

Если бы не было этого закона природы, въ силу котораго потомство могутъ давать только сходныя по признакамъ и близко стоящія по происхожденію животныя, то не было бы ни отдѣльныхъ видовъ, ни родовъ животныхъ, а весь бы животный міръ представлялъ пеструю смѣсь самыхъ разнообразныхъ формъ.

Итакъ, полученіе потомства отъ животныхъ, относящихся къ двумъ различнымъ видамъ одного и того же рода, называется гибридизаціей, а самое потомство носить названіе гибридовъ, бастардовъ или ублюдковъ. Нѣкоторые гибриды извѣстны уже давно: въ спеціальной литературѣ описаны, напр., гибриды отъ осла и кобылы (муль), отъ жеребца и ослицы (лошакъ), отъ зебры и домашней лошади (зеброидъ), отъ овцы и козла, отъ зайца и кролика и пр. Особенно много гибридовъ получено между различными видами птицъ.

Полученіе гибридовъ имѣетъ помимо чисто научнаго интереса часто и практическій. Такъ, на мулахъ и лошакахъ работаютъ въ Италіи, на югѣ Франціи, на Балканскомъ полуостровѣ, у насъ въ Закавказьѣ и другихъ мѣстахъ. Мулы и лошаки отличаются выносливостью, силой и нетребовательностью къ корму и уходу.

У Ф. Э. Фальць-Фейна давно уже производится полученіе различныхъ гибридовъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ получались и раньше въ другихъ мѣстахъ, а нѣкоторые получены здѣсь впервые, а потому представляютъ особый интересъ.

Ф. Э. Фальць-Фейнь получилъ гибридовъ отъ дикой лошади Пржевальскаго и домашней лошади. Насколько мнѣ извѣстно, такіе опыты въ литературѣ не описаны. Гибриды эти оказываются плодущи между собою, что указываетъ на большое родство дикихъ лошадей съ домашними.

Здѣсь же получено большое количество зеброидовъ, т-е, гибридовъ отъ зебры и лошади. Зеброиды между собою не плодущи. Эти животныя очень красивы, такъ какъ унаслѣдуютъ масть домашней лошади и поперечныя темныя полосы отъ зебры. Получается очень красивая комбинація окрасокъ. Зеброиды употребляются въ Асканіи-Нова для тяжелой работы, при чемъ они отличаются силой, выносливостью и нетребовательностью къ корму и уходу.

Изъ другихъ полученныхъ здѣсь гибридовъ заслуживаютъ вниманія таковыя отъ бизоновъ и домашнихъ коровъ, отъ зубровъ и домашнихъ коровъ, отъ зубровъ и бизоновъ, отъ овцы и козы, отъ овцы и муфлона.

Гибриды-самки при спариваніи съ бизономъ, зубромъ или быкомъ даютъ потомство. Гибриды отъ коровъ и бизоновъ обладаютъ отличными рабочими качествами. У Фальць-Фейна, между прочимъ, есть одинъ гибридъ-воль, который имѣетъ очень крупную фигуру и отличается необычайной силой и выносливостью. Работы съ нимъ въ парѣ въ теченіе цѣлаго дня не выдерживаетъ ни одинъ сѣрый степной воль, а между тѣмъ послѣдніе считаются лучшими рабочими животными.

Если ко всему вышеизложенному я добавлю, что въ Асканіи-Нова, какъ для хозяйственныхъ цѣлей, так и для опытовъ гибридизаціи, примѣняется въ довольно широкомъ масштабѣ искусственное оплодотвореніе, то этимъ я дополню тѣ общія черты, на которыя я хотѣлъ указать въ своемъ очеркѣ, и которыя, по моему мнѣнію, дѣлаютъ этотъ зоологическій садъ въ высшей степени интереснымъ какъ для ученаго-біолога, такъ равно и для всякаго любителя природы.

Въ текущемъ году, благодаря хлопотамъ проф. И. И. Иванова, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ лицѣ Ветеринарнаго Управленія, устроило въ Асканіи-Нова, съ любезнаго разрѣшенія владѣльца, зоотехническую опытную станцію, на которой предполагается дальнѣйшая разработка вопросовъ искусственнаго оплодотворенія и гибридизаціи.

Мнѣ кажется, что этотъ садъ могъ бы служить и для болѣе широкихъ задачъ, а именно для устройства въ немъ біологической станціи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Врядъ ли возможно найти болѣе благоприятныя условія для такой станціи. Разнообразіе и обиліе животныхъ и птицъ, живущихъ на свободѣ, при вполнѣ естественныхъ условіяхъ, можетъ дать громадный матеріалъ для наблюденій и опытовъ. Если бы такая станція осуществилась, то можно смѣло сказать, что она привлекала бы, къ себѣ для работъ не только русскихъ специалистовъ, но, вѣроятно, и ученыхъ другихъ странъ.

Проф. М. Ф. Ивановъ.

Малышевъ С.

Зоологическій садъ Ф. Э. Фальць-Фейна.

(Къ отчету о командировкѣ въ Асканія-Нова лѣтомъ 1911 г.)

Труды С.-Пб. Общества Естествоиспытателей, 1911. № 5 – 7. С. 253 – 270.

Уже неоднократно и у насъ, и за границей печатались статьи и замѣтки о своеобразномъ, весьма интересномъ зоологическомъ садѣ, находящемся въ имѣніи Ф. Э. Фальць-Фейна Асканія-Нова, Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губ¹. Отсылая интересующихся болѣе подробными свѣдѣніями объ этомъ зоопаркѣ къ приведенной въ сноску литературѣ, я постараюсь, по возможности безъ повтореній, сообщить здѣсь лишь нѣкоторыя къ ней добавленія².

Начало зоопарка относится къ 1885 г., когда наблюдавшееся Ф. Э. Фальць-Фейномъ исчезновеніе мѣстной фауны породило у него мысль огородить участокъ степи, гдѣ бы можно было содержать мѣстныхъ птицъ (на первыхъ порахъ) по возможности въ естественныхъ условіяхъ. Огороженное тогда пространство, какъ таковое, существуетъ и теперь. Въ 1888 г. въ Асканія-Нова были получены и первые представители иноземной фауны: пара нанду (изъ которыхъ одинъ околѣлъ лишь въ началѣ 1911 г.), 2 кенгуру и нѣсколько гарнѣ (*Antilope cervicapra*). Въ этомъ же 1889 г. Ф. Э. Фальць-Фейнъ, благодаря знакомству (на всемірной выставкѣ

¹ Укажу изъ нихъ на слѣдующія:

1. Heck, L. „In der Taurischen Steppe Herbsttage bei Friedrich Falz-Fein in Askania-Nova.“ *Klassing's Monatshefte*. Oktober, 1906, Н. 2.
2. Делъпъ, Н. „Нѣсколько словъ о зоологическомъ садѣ Ф. Э. Фальць-Фейна.“ *Естествознание и Географія*. 1898 г., мартъ.
3. Ильинъ, С. „Асканія-Нова. Зоологическій садъ Фальць-Фейна.“ *Сѣверное Сіяніе*. 1908 г., декабрь.
4. Княжнинъ, С. „У миллионеровъ-культуртрегеровъ“. *Мирь*. 1909 г. № 17–20.
5. Ангелъке, Г. „Африка въ Россіи (звѣринецъ Фальць-Фейна)“ *Путеводный огонекъ*. 1908 г., №№ 20 и 22.
6. Ивановъ, И. „Зоологическій садъ Ф. Э. Фальць-Фейна и его значеніе какъ научно-зоотехнической станціи.“ *Архивъ Ветеринарныхъ Наукъ*. Кн. 6 – 1910 г.
7. Куницкій, Р. В. „Сказочный оазисъ“. *Природа и Люди*. 1911 г., № 1 и № 2.
8. Ивановъ, М. Ф. „Аклиматизаціонный зоологическій садъ Ф. Э. Фальць-Фейна въ Асканіи-Нова, Таврической губ.“ *Естествознание и географія*. 1911 г., № 3.
9. „Краткія свѣдѣнія о зоопаркѣ Ф. Э. Фальць-Фейна въ Асканія-Нова“. Типографія И. Д. Шрейбера въ г. Бериславѣ.
10. Мокржецкій, С. А. „Аклиматизаціонный зоологическій паркъ въ Асканія-Нова“. *Крымскій вѣстникъ*. 1911 г., № 215.
11. Gernet, A. „Askania-Nova“. *St.-Petersburger Zeitung*. 1911. № 259.
- 12.* Falz-Fein, F. „Mitteilungen aus meinem Tierpark“. *Natur und Haus*. Jahrgang IX, Heft 11.

² Главная масса сообщенныхъ ниже свѣдѣній заимствована мною отъ самаго Ф. Э. Фальць-Фейна, отъ нѣкоторыхъ его знакомыхъ (г. Буссиусъ) и служащихъ.

въ Парижѣ) съ директоромъ зоологическаго сада и въ то-же время президентомъ акклиматизаціоннаго общества въ Парижѣ, Альбертомъ Сентъ-Илеромъ, воспользовался нѣкоторыми указаніями послѣдняго по части плана своего зоопарка и содержанія въ немъ животныхъ. Въ томъ же году основанъ и такъ называемый ботанической садъ, гдѣ теперь имѣются деревья и кустарники преимущественно изъ болѣе сѣверныхъ широтъ (даже береза!) или, по крайней мѣрѣ, съ успѣхомъ въ нихъ растущихъ; исключеній (напр. платанъ) немного. Усиленное искусственное орошеніе этого сада при помощи сѣти канальцевъ, питаемыхъ водою изъ резервуаровъ водочерпательныхъ машинъ, началось съ 1895 г., а огороженъ онъ проволоочною сѣткой вмѣстѣ съ небольшимъ участкомъ степи въ 1905 г.

Если не считать исключеній, то въ этомъ саду живутъ лишь пользующіяся полною свободой птицы, особенно фазаны (послѣдніе гнѣздятся и прямо въ степи, окружающей усадьбу). Второй же садъ, составляющій небольшую часть обнесеннаго заборомъ пространства зоопарка, напротивъ, закрытъ только для крупныхъ животныхъ (во избѣжаніе серьезной потравы съ ихъ стороны). Вслѣдствіе обилія населяющихъ его птицъ и отчасти, быть можетъ, вслѣдствіе неспособности степныхъ растений жить среди густой тѣни, травянистый покровъ въ немъ почти исчезъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (около дома) поддерживаются искусственные газоны. Среди этого сада устроена сѣть каналовъ съ постоянно находящейся въ нихъ водою, а на западномъ краю лежитъ ставокъ (прудь), въ первоначальномъ своемъ видѣ служившій еще родителямъ Ф. Э. Фальцъ-Фейна для полученія изъ него льда въ зимнее время. Въ этомъ саду около дома устроены большія клѣтки-вольеры, обыкновенно сообщающіяся другъ съ другомъ.

Въ нихъ держатъ, помимо требующихъ изоляціи хищниковъ, больныхъ или только что пойманныхъ, преимущественно, мелкихъ птицъ, которыхъ нельзя выпускать въ паркъ безъ серьезнаго риска потерять ихъ изъ виду; однако въ случаѣ успѣшнаго размноженія и достаточной численности мелкія птички выпускаются и на полную свободу.

Съ 1906 г. въ Асканія-Нова имѣется большое болото, представляющее собой довольно натуральную картину; не достааетъ развѣ только большаго разнообразія растеній. Въ настоящее время тамъ ведутся работы по углубленію, распланировкѣ плёсовъ и проч. Это болото составляетъ небольшую часть огромнаго, — около тысячи десятинъ, — по́да³, на Ю.-В. окраинѣ котораго расположена усадьба. Послѣ снѣжной зимы или въ дождливое лѣто въ этомъ поду бываетъ много воды, и тогда онъ покрывается болотной и, по краямъ, луговой растительностью; въ сухіе же годы подъ высыхаетъ, и болотная растительность, какъ передаютъ, исчезаетъ за исключеніемъ самаго

³ Широкая и неглубокая естественная котловина.

центра пода, гдѣ искусственно углублена почва и куда, въ случаѣ нужды, при помощи рабочаго скота подкачивается вода изъ вырытаго вблизи колодца. Часть усадьбы съ прилегающимъ къ ней участкомъ пода еще со временъ владѣнія Асканіей герцога Ангальт-Кеттенскаго обнесена невысокимъ валомъ, защищавшимъ въ былое время усадьбу отъ наводненій со стороны пода. И вотъ, въ 1906 г., когда послѣ проливного дождя стекавшая изъ усадьбы вода была задержана этимъ валомъ и уходила въ подѣ лишь чрезъ его разрушенную часть, — Ф. Э. Фальць-Фейномъ были немедленно приняты мѣры къ обновленію вала, въ результатъ чего образовалось постоянное болото, уровень воды въ которомъ поддерживается и даже, при желаніи, подымается при помощи той же водочерпательной машины, которая обслуживаетъ и сады.

Составъ животнаго населенія зоологическаго сада въ началѣ іюня 1911 г. былъ слѣдующій⁴:

Кл. Mammalia.
Отр. Marsupialia.
Сем. Macropodidae. Кенгуру.

1.	<i>Halmaturus benetti</i>	∅	*	7
2.	— <i>ruficollis</i>	∅	*	2

Отр. Ungulata.
Сем. Equidae.

3.	<i>Equus przewalskii</i> . Лошадь Пржевальскаго	○	*	5
4.	— <i>grevyi</i> . Зебра Грэви ⁵			1
5.	— <i>chapmani</i> . Зебра Чапмана	○		2
5-а.	— <i>zebra</i> . Зебра настоящая	○		1

⁴ Цифры, стоящія вправо отъ названій, указываютъ на число экземпляровъ данного вида, живущихъ въ зоопаркѣ;

черта (—) вмѣсто этой цифры указываетъ, что счета экземплярамъ не ведется;

* — звѣздочками отмѣчены размножавшіеся здѣсь виды;

○ — млекопитающія, выпускаемая на пастбища вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ или птицы, живущія на полной свободѣ;

∅ — млекопитающія и птицы изъ Ratitae, живущія въ огороженномъ участкѣ степи или остальные птицы, живущія хотя часто и на полной свободѣ, но всегда съ подрѣзанными крыльями.

● — содержимые въ клѣткахъ;

▲ — пойманные въ Асканія-Нова.

Понятно, что знаки: *, ○, ∅ и др. относятся не ко всѣмъ живущимъ въ зоопаркѣ представителямъ отмѣченныхъ ими видовъ, а часто лишь къ тѣмъ, какіе успѣшнѣе акклиматизировались. Вѣроятно, въ числа экземпляровъ вкрались невольныя ошибки, но все же, полагаю, послѣднихъ немного, и въ общемъ приведенныя цифры правильно характеризуютъ данный моментъ въ жизни зоопарка.

⁵ Выписана, но еще не была получена.

Сем. **Camelidae.**

6.	<i>Camelus bactrianus domesticus.</i> Двухгорбый верблюд (рабочий скоть)			
7.	<i>Auchenia lama.</i> Лама	○	*	6

Сем. **Cervidae.**

8.	<i>Cervus dybowskii.</i> Маньчжурский олень	∅	*	3
9.	– <i>sp.</i> (Кавказск.) [собственность зоотехнич. станции]	∅		1
10.	– <i>dama.</i> Лань	○	*	10
11.	– <i>axis.</i> Аксись	○	*	4
12.	– <i>porcinus.</i> Свиной олень	∅	*	3
13.	<i>Capreolus caprea.</i> Козуля	∅	*	8

Сем. **Bovidae.**

14.	<i>Bubalis pygarga.</i> Пигарга	∅		1
15.	– <i>albifrons.</i> Бълолобый бубал	∅		2
16.	– <i>saama.</i> Каама	∅	*	1
17.	<i>Connochaetes taurinus.</i> Полосатый гну	∅		2
18.	– <i>gnu.</i> Бълохвостый гну	○	*	6
19.	<i>Antilope cervicarpa.</i> Гарна	∅	*	8
20.	<i>Saiga tatarica.</i> Сайга	∅	*	25
21.	<i>Gazella dorcas.</i> Газель	∅		3
22.	– <i>subgutturosa.</i> Джейрань	∅	*	21
23.	– <i>sp. ?</i> (персидская)	∅		1
24.	<i>Hippotragus niger.</i> Коневидная антилопа	∅		1
25.	<i>Oryx leucoryx.</i> Сернобыкъ	∅	*	1
26.	<i>Addax nasomaculatus</i>	∅		1
27.	<i>Oreas canna.</i> Оленебыкъ канна	○	*	22
28.	<i>Portax pictus.</i> Нильгау	○	*	18
29.	<i>Bison europaeus.</i> Зубрь	○	*	6
30.	– <i>americanus.</i> Бизонь	○	*	3
31.	<i>Bos grunniens.</i> Якъ	○	*	6
32.	<i>Buffelus bubalus.</i> Буйволь (рабочий скоть)			
33.	<i>Ovis tragelaphus.</i> Гривистый барань	○	*	2
34.	– <i>musimon.</i> Муфлонь	○	*	25
35.	<i>Capra sp. ?</i> (Кавказская горная коза.) [Собственность зоотехнич. станции]	○		1

Отр. **Rodentia.**
Сем. **Sciuridae.**

36.	<i>Sciurus vulgaris</i> . Векша	●		2
-----	---------------------------------	---	--	---

Сем. **Caviidae.**

37.	<i>Dolichotis patagonica</i> . Патагонскій заяць	∅	*	5
-----	--	---	---	---

Помѣси млекопитающихъ.

Благороднаго европейскаго оленя (<i>C. elaphus</i>) и алтайскаго (<i>C. altaicus</i>) съ преобладаніемъ крови послѣдняго	*
--	---

Муфлона ♂ и домашней овцы (мериносы, курдючныя)	*
---	---

Бизона ♂ и домашней коровы	*
– ♂ и полукровной бизонки	*
Домашняго быка и полукровной бизонки	*
Бизона $\frac{3}{4}$ – кровнаго ♂ и домашней коровы	*

Зубра ♂ и домашней коровы	*
– ♂ и полукровной зубрицы	
– ♂ и бизонки	*
– ♂ и кровной бизонки	*
– ♂ и полукровной бизонки	*

Зебры чапмана ♂ и домашней лошади.	
Домашней лошади ♂ и зебры чапмана.	

Лошади Пржевальскаго ♂ и домашней	*
Домашней лошади ♂ и лошади Пржевальскаго	*

Кл. **Aves.**
 А. **Ratitae.**
 Сем. **Struthionidae.**

1.	<i>Struthio molybdophanes.</i> Сомалийский страус	∅	*	2
----	---	---	---	---

Сем. **Rheidae.**

2.	<i>Rhea americana.</i> Нанду	∅	*	8
----	------------------------------	---	---	---

Сем. **Dromaeidae.**

3.	<i>Dromaeus novae-hollandiae.</i> Эму	∅		1
----	---------------------------------------	---	--	---

В. **Carinatae.**
 Отр. **Ciconiiformes.**
 Сем. **Ardeidae.**

4.	<i>Ardea cinerea.</i> Сѳрая цапля	∅		1	▲
----	-----------------------------------	---	--	---	---

Сем. **Ciconiidae.**

5.	<i>Ciconia nigra.</i> Черный аист	∅		2	
6.	[– <i>alba.</i> Бѳлый аист ⁶]				

Сем. **Ibidae.**

7.	<i>Ibis aethiopica.</i> Священный ибис	∅		2	
----	--	---	--	---	--

Сем. **Phoenicopteridae.**

8.	<i>Phoenicopus roseus.</i> Фламинго	∅		12	
----	-------------------------------------	---	--	----	--

Отр. **Anseriformes.**
 Сем. **Anatidae.**

9.	<i>Mergus merganser.</i> Крохаль большой	∅		1	▲
10.	– <i>albellus.</i> Лутокъ	∅		3	▲
11.	<i>Fuligula cristata.</i> Чернеть хохлатая	∅		6	▲
12.	– <i>marila.</i> Чернеть морская	∅		1	▲
13.	– <i>pyroca.</i> Нырокъ бѳлоглазый	○	*	29	▲
14.	– <i>rufina.</i> Нырокъ красноносый	∅	*	12	▲
15.	– <i>ferina.</i> Нырокъ красноголовый	∅	*	15	▲
16.	<i>Anas clypeata.</i> Широконоска	○	*	7	▲

⁶ Самостоятельно гдѳздится въ усадьбѳ.

17.	– <i>crecca</i> . Чирокъ свистунокъ	○	*	9	▲
18.	– <i>formosa</i> . Чирокъ японскій	∅		2	
19.	– <i>circia</i> . Чирокъ трескунокъ	○	*	13	▲
20.	– <i>boschas</i> . Кряквa	○	*	–	▲
21.	– <i>strepera</i> . Утка сѣрая	∅	*	7	▲
22.	– <i>acuta</i> . Шилохвость	○	*	–	▲
23.	– <i>spinicauda</i> . Шилохвость чилийск.	○	*	17	
24.	– <i>penelope</i> . Свiязь	○	*	10	▲
25.	Свiязь чилийская	∅		2	
26.	<i>Metopiana peposaca</i>	∅	*	34	
27.	<i>Aix sponsa</i> . Каролинская утка	○	*	39	
28.	<i>Aix galericulata</i> . Мандаринская утка	○	*	16	
29.	<i>Anser cinereus</i> . Гусь сѣрый	○	*	35	
30.	– <i>segetum</i> . Гуменникъ	∅		12	
31.	– <i>arvensis</i> . Гуменникъ полевой	∅			
32.	– <i>brachyrhynchus</i> . Гуменникъ ко-ротконосый	∅		4	
33.	– <i>albifrons</i> . Казарка бѣлолобая	○	*	15	
34.	<i>Chen hyperboreus</i> . Гусь бѣлый	∅	*	5	
35.	– <i>rossii</i> . Гусь малый полярный	∅		2	
36.	<i>Eulabeia indicus</i> . Горный гусь	∅	*	4	
37.	<i>Chloëphaga magellanica</i>	○		4	
38.	<i>Bernicla canadensis</i> . Казарка канадская	○	*	9	
39.	– <i>brenta</i> . Казарка черная	∅		10	
40.	– <i>leucopsis</i> . Казарка бѣлощекая	○	*	25	
41.	<i>Chaenalopex jubata</i> . Гусь гривистый	∅		6	
42.	– <i>aegyptiaca</i> . Гусь египетскій	○	*	7	
43.	<i>Tadorna rutila</i> . Красная утка; Огарь	○	*	–	▲
44.	– <i>cornuta</i> . Галагасъ; пѣганка	∅	*	35	▲
45.	– <i>variegata</i> . Новозеландская пѣганка	∅		3	
46.	<i>Anseranas melanoleucos</i> . Гусь лапчатый	∅		1	
47.	<i>Cygnus musicus</i> . Лебедь кликунь	∅		9	▲
48.	– <i>bewicki</i> . Лебедь малый	∅		2	
49.	– <i>columbianus</i> . Лебедь колумбійскій	∅		2	
50.	– <i>buccinator</i> . Лебедь трубачъ	∅		2	
51.	– <i>olor</i> . Лебедь шипунъ	○	*	14	▲
52.	– <i>nigricollis</i> . Лебедь черношейный	∅	*	3	
53.	– <i>atratus</i> . Лебедь черный	∅	*	32	

Отр. **Falconiformes.**Сем. **Vulturidae.**

54.	<i>Vultur monachus.</i> Грифь черный	●		1	
-----	--------------------------------------	---	--	---	--

Сем. **Falconidae.**

55.	<i>Circus aeruginosus.</i> Лунь болотный	●		1	▲
56.	<i>Astur palumbarius.</i> Ястреб тетеревятник	●		1	▲
57.	<i>Aquila orientalis.</i> Орель степной	●	*	1	▲
58.	– <i>nobilis.</i> Беркуть	●	*	1	▲
59.	<i>Aquila clanga.</i> Подорлик большой	●		1	▲
60.	– <i>naevia.</i> Подорлик малый	●		1	▲
61.	– <i>fulvescens.</i> Подорлик желтый	●		1	▲
62.	<i>Haliaeetus albicilla.</i> Орлань бѣлохвостый	●		2	▲
63.	<i>Archibuteo lagopus.</i> Канюк мохноногий	●		1	▲
64.	<i>Buteo ferox.</i> Канюк курганник	●		1	▲
65.	– <i>vulpinus.</i> Канюк малый	●		1	▲
66.	<i>Falco peregrinus leucogenys.</i> Сапсан бѣлощекий	●		1	▲

Отр. **Galliformes.**Сем. **Phasianidae.**

67.	<i>Pavo cristatus</i> var. <i>alba.</i> Павлинь бѣлый	○		3	
68.	<i>Phasianus colchicus.</i> Фазань кавказский	○		–	
69.	– <i>torquatus.</i> Фазань маньчжурский	○	*	–	
70.	– <i>mongolicus.</i> Фазань монгольский	○	*	–	
71.	– <i>versicolor.</i> Фазань пестрый	○	*	–	
72.	– <i>principalis.</i> Фазань мургабский	○	*	–	
73.	– <i>reevesi.</i> Фазань королевский	○	*	–	
74.	– <i>elliotti.</i> Фазань Элліота	○	*	–	
75.	<i>Chrysolophus pictus.</i> Фазань золотой	○	*	–	
76.	– <i>amherstiae.</i> Фазань алмазный	○	*	–	
77.	<i>Catreus wallichii.</i> Фазань чееръ или чирь	○	*	–	
78.	<i>Euplocamus nyctemerus.</i> Серебряный фаз.	○	*	–	
79.	– <i>lineatus</i>	○	*	–	
80.	– <i>albicristatus.</i> Бѣлоголовый фаз.	○	*	–	
81.	– <i>horsfieldi.</i> Фаз. Горсфильда	○	*	–	
82.	– <i>melanotus.</i> Черноспинный фаз.	○	*	–	
83.	– <i>swinhoei.</i> Фаз. Свинэ	○	*	–	

84.	<i>Crossoptilon auritum</i> . Ушастый фазань	○	*	15	
85.	<i>Lophophorus impeyanus</i> . Кашмирский мональ	○	*	5	
86.	<i>Cerionis caboti</i> . Сатирь Кабота	○	*	–	
87.	– <i>satyrus</i> . Сатирь обыкновенный	○	*	–	
88.	– <i>temmincki</i> . Сатирь Темминка	○	*	–	
89.	<i>Coturnix communis</i> . Перепель	●	*	13	▲
90.	<i>Francolinus vulgaris</i> . Турачь	●		1	
91.	<i>Caccabis rufa</i> . Красн. каменная куропатка	○	*	–	
92.	– <i>saxatilis</i> . Греческая куропатка	○	*	–	
93.	<i>Lophortyx californicus</i> . Калифорн. куроp.	○	*	19	
94.	<i>Tetrao tetrix</i> . Тетеревь косачь	●		5	

Отр. **Gruiformes.**

Сем. **Rallidae.**

95.	<i>Rallus aquaticus</i> . Водяной пастушокь	●		1	▲
96.	<i>Crex pratensis</i> . Коростель	●		2	▲
97.	<i>Porzana maruetta</i> . Погоньшъ	●	*	5	▲
98.	<i>Gallinula chloropus</i> . Водяная курочка	●		3	
99.	<i>Fulica atra</i> . Лысуха	○	*	–	▲

Сем. **Gruidae.**

100.	<i>Grus cinerea</i> . Сърый журавль	○	*	7	▲
101.	– <i>australasiana</i> . Австралийский жур.	∅		4	
102.	– <i>viridirostris</i> . Маньчжурский жур.	∅		2	
103.	– <i>antigone</i> . Индийский журавль	∅	*	2	
104.	– <i>virgo</i> . Журавль-красавка	○	*	5	▲
105.	– <i>leucauchen</i> . Даурский журавль	∅		2	
106.	– <i>leucogeranus</i> . Стерхъ	∅		1	
107.	– <i>paradisea</i> . Журавль Стэнле	∅		1	
108.	<i>Balearica pavonina</i> . Павлиний журавль	∅		2	

Сем. **Otididae.**

109.	<i>Otis tarda</i> . Дрофа	∅	*	8	▲
------	---------------------------	---	---	---	---

Отр. **Charadriiformes.**Сем. **Charadriidae.**

110.	<i>Charadrius pluvialis.</i> Сивка ржанка	●		4	▲
111.	– <i>morinellus.</i> Сивка глупая	●		4	▲
112.	– <i>hiaticula.</i> Зуекъ галстушникъ	●		4	▲
113.	<i>Vanellus cristatus.</i> Чибись, пиголица	●	*	2	▲
114.	<i>Himantopus candidus.</i> Ходулочникъ	●		1	▲
115.	<i>Recurvirostra avocetta.</i> Шилоклювка	●		4	▲
116.	<i>Haematopus ostralegus.</i> Куликъ-сорока	●		1	▲
117.	<i>Tringa temmincki.</i> Куличекъ-воробей	●		(?)	▲
118.	<i>Totanus calidris.</i> Травникъ	●	*	8	▲
119.	– <i>fuscus.</i> Щеголь	●		1	▲
120.	– <i>glareola.</i> Фифи	●		4	▲
121.	– <i>ochropus.</i> Чернышь	●		1	▲
122.	– <i>hypoleucos.</i> Перевозчикъ	●		8	▲
123.	<i>Machetes pugnax.</i> Турухтанъ	●		5	▲
124.	<i>Limosa melanura.</i> Веретенникъ	●		1	▲
125.	<i>Numenius arquata.</i> Кроншнепъ большой	∅	*	6	▲
126.	– <i>phaeopus.</i> Кроншнепъ средній	∅		5	▲
127.	<i>Scolopax gallinula.</i> Гаршнепъ	●		1	▲

Сем. **Glaeolidae.**

128.	<i>Glaeola melanoptera.</i> Тиркушка луговая	●		6	▲
------	--	---	--	---	---

Сем. **Laridae.**

129.	<i>Larus cachinnans.</i> Чайка хохотунья	○	*	6	▲
130.	– <i>ridibundus.</i> Чайка обыкновенная	●	*	2	▲

Отр. **Columbiformes.**Сем. **Pteroclididae.**

131.	<i>Syrhaptus paradoxus.</i> Саджа, копытка	●		2	▲
------	--	---	--	---	---

Сем. **Columbidae.**

132.	<i>Columba palumbus.</i> Вяхирь	●		1	▲
133.	<i>Turtur auritus.</i> Горлица обыкновенная	●		1	▲
134.	– <i>senegalensis.</i> Сенегальск. горлица	○	*	17	
135.	– <i>cambayensis.</i> Египетская горлица	○	*	9	
136.	<i>Ocyphaps lophotes.</i> Австралийскій чубатый голубь	○	*	8	

Отр. **Cuculiformes.**Сем. **Psittacidae.**

137.	<i>Melopsittacus undulatus.</i> Волнистый по-пугайчикъ	●	*	4	
138.	<i>Cacatua galerita.</i> Какаду съ пестрымъ хохломъ	○	*	1	
139.	<i>Cacatua roseicapilla.</i> Красногруд. какаду	○		3	

Отр. **Coraciiformes.**Сем. **Strigidae.**

140.	<i>Bubo maximus.</i> Филинь	●		2	▲
------	-----------------------------	---	--	---	---

Отр. **Passeriformes.**Сем. **Alaudidae.**

141.	<i>Melanocorypha calandra.</i> Степной жаво-ронокъ	●	*	5	▲
142.	<i>Alauda arvensis.</i> Полевой жаворонокъ	●	*	3	▲
143.	– <i>leucoptera.</i> Сибирскій жавор.	●		6	▲
144.	– <i>crinata.</i> Хохлатый жавор.	●	*	(?)	▲

Сем. **Motacillidae.**

145.	<i>Motacilla alba.</i> Бѣлая трясогузка	●	*	5	▲
146.	– <i>flava.</i> Желтая трясогузка	●		2	▲
147.	– <i>melanocephala.</i> Черногол. тряс.	●		(?)	▲
148.	<i>Anthus pratensis.</i> Конекъ луговой	●		1	▲
149.	– <i>cervinus.</i> Конекъ краснозобый	●		1	▲

Сем. **Ampelidae.**

150.	<i>Ampelis garrulus.</i> Свиристель	●		6	▲
------	-------------------------------------	---	--	---	---

Сем. **Laniidae.**

151.	<i>Lanius minor.</i> Сорокопуть чернолобый	●		1	▲
152.	– <i>collurio.</i> Сорокопуть жуланъ	●		1	▲

Сем. **Turdidae.**

153.	<i>Turdus viscivorus.</i> Дроздь деряба	●	*	13	▲
154.	– <i>pilaris.</i> Дроздь рябинникъ	●	*	2	▲
155.	– <i>musicus.</i> Пѣвчій дроздь	●		7	▲
156.	– <i>iliacus.</i> Бѣлобровый дроздь	●		4	▲
157.	– <i>merula.</i> Черный дроздь	●	*	11	▲
158.	<i>Erithacus rubecula.</i> Малиновка, зорянка	●		10	▲

159.	<i>Daulias luscinia</i> . Западный соловей	●		(?)	▲
160.	– <i>philomela</i> . Восточный соловей	●		(?)	▲
161.	<i>Liothrix lutea</i> ? Соловей китайский	●		6	
162.	<i>Accentor modularis</i> . Завирушка лѣсная	●	*	7	▲
163.	<i>Sylvia atricapilla</i> . Славка черноголовая	●		2	▲
164.	– <i>cinerea</i> . Славка сѣрая	●		(?)	▲
165.	– <i>nisoria</i> . Славка ястребиная	●		(?)	▲

Сем. Paridae.

166.	<i>Parus ater</i> . Московка	●	*	2	▲
167.	– <i>caeruleus</i> . Лазоревка	●		5	▲

Сем. Corvidae.

168.	<i>Nucifraga caryocatactes</i> . Кедровка	●		1	▲
169.	<i>Pica caudata</i> . Сорока	●		1	▲
170.	<i>Corvus corax</i> . Ворон	●		1	▲
171.	– <i>monedula</i> . Гапка	●		1	▲

Сем. Fringillidae.

172.	<i>Emberiza hortulana</i> . Овсянка садовая	●		6	▲
173.	– <i>schoeniclus</i> . Камышевая овс.	●		(?)	▲
174.	– <i>citrinella</i> . Овсянка обыкн.	●	*	2	▲
175.	<i>Fringilla coelebs</i> . Зяблик	●	*	(?)	▲
176.	– <i>montifringilla</i> . Вьюрокъ	●		14	▲
177.	<i>Acanthis cannabina</i> . Рѣполовь, коноплянка	●	*	4	▲
178.	– <i>linaria</i> . Чечетка	●		23	▲
179.	– <i>flavrostris</i> . Чечетка горная	●		4	▲
180.	<i>Chrysomitris spinus</i> . Чижъ	●	*	16	▲
181.	<i>Carduelis elegans</i> . Щеголь	●	*	9	▲
182.	<i>Serinus canarius</i> . Канарейка	○	*	–	
183.	<i>Coccothraustes vulgaris</i> . Дубонось	●		2	▲
184.	<i>Chloris chloris</i> . Зеленушка	●	*	5	▲
185.	<i>Pyrrhula coccinea</i> . Снѣгирь	●	*	7	▲

Помѣси птицъ.

<i>Anser hyperboreus</i> ♂ и <i>A. cinereus</i> ♀	*
<i>Anser cinereus</i> ♂ и <i>Bernicla canadensis</i> ♀.	
<i>Anas moschata</i> (шипунь) ♂ и <i>Chenalopex aegyptiaca</i> ♀.	

<i>Anas boschas</i> ♂ и <i>A. strepera</i>	*?
<i>Anas boschas</i> ♂ и <i>A. spinicauda</i>	*?
<i>Anas acuta</i> и <i>A. spinicauda</i>	*
<i>Phasianus colchicus</i> , <i>Ph. torquatus</i> , <i>Ph. mongolicus</i> , <i>Ph. versicolor</i> , <i>Ph. principalis</i>	*
<i>Chrysolophus pictus</i> и <i>Ch. amherstiae</i>	*
<i>Euplocamus albicristatus</i> , <i>Eupl. horsfieldi</i> , <i>Eupl. melanotus</i>	*
<i>Cerionis caboti</i> , <i>C. satyrus</i> , <i>C. temmincki</i>	*?
<i>Phasianus reevesi</i> съ <i>Ph. colchicus</i> , <i>Chrysolophus pictus</i> , <i>Ch. amherstiae</i> , <i>Euplocamus swinhoei</i> .	
<i>Crossoptilon auritum</i> и <i>Lophophorus impeyanus</i> .	
<i>Turtur senegalensis</i> ♂ и <i>T. cambayensis</i> ♀	*

<i>Carduelis elegans</i> ♂ и <i>Serinus canarius</i> ♀.	
<i>Fringilla cannabina</i> ♂ и <i>Serinus canarius</i> ♀.	
<i>Fringilla cannabina</i> ♂ и <i>Chloris chloris</i> ♀.	

Кромъ млекопитающихъ и птицъ пущены въ зоопаркъ немногія другія позвоночныя:

- Reptilia: — *Emys lutaria*. Болотная черепаха.
Amphibia: — *Rana esculenta*. Зеленая лягушка.
Bombinator igneus. Жерлянка.
Hyla arborea. Древесная лягушка, квакша.
Pisces: — *Misgurnus fossilis*. Вьюнь обыкновенный.
Cyprinus carpio. Карпъ.
— *carpio* var. Карпъ королевскій, хигой,
карпъ золотой, японскій ?
Carassius vulgaris. Карась.
Tinca vulgaris. Линь.
Idus orfus. Орфа золотая.

Благодаря покровительству со стороны челоуька, мѣстная фауна птицъ значительно обогатилась какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ; такъ, здѣсь самостоятельно начали гнѣздиться: широконоска, кряква, шилохвостка, каролинская утка, огарь, кобчикъ (*Falco vespertinus*), болотная курочка, коростель, лысуха, сѣрый журавль, чибись, чайка хохотунья, горлица, кукушка, сизоворонка, козодой, бѣлая трясогузка, сорокопуть, жулань, восточный соловей, европейскія славки, зябликъ и др.

Сообщу теперь несколько словъ о посѣщеніи сада и объ условіяхъ жизни посѣтителѣй въ Асканія-Нова. Осмотръ животныхъ и наблюденія за ними въ зоологическом саду Ф. Э. Фальць-Фейна сопряжены съ нѣкоторыми, часто немалыми, затрудненіями. Это прежде всего тѣ затрудненія, съ которыми, повидимому, вообще неразрывно связано изученіе жизни животныхъ въ природѣ; отсюда, чѣмъ естественнѣе условія въ которыхъ содержатся животныя, тѣмъ рѣзче выступаютъ для знакомства съ ними. Сюда надо отнести, напр., большое пространство, занятое зоологическимъ садомъ: — подразумѣваемъ и степь, и подь, гдѣ или пасутся многія млекопитающія, или гнѣзятся разныя птицы (такъ, въ текущемъ году, верстахъ въ 3 отъ усадьбы, среди залитаго водой пространства, устроилъ себѣ гнѣздо *Grus antigone*). Приходится, слѣдовательно, серьезно считаться и съ неудобствами передвиженія, и съ психикой животныхъ, требующихъ обычно для своихъ интимныхъ отправленій укромныхъ и тихихъ мѣстъ. Съ другой стороны, не надо забывать, что ходить по саду внѣ дорожекъ запрещается, чтобы не пугать при этомъ гнѣздящейся тамъ птицы и не вытаптывать растительность. Затѣмъ, по вполне понятнымъ причинамъ, система этикетокъ въ саду совершенно отсутствуетъ.

Во всякомъ случаѣ знакомство съ зоологическимъ садомъ г. Фальць-Фейна требуетъ не одного дня времени. Посѣтителѣмъ предоставляется возможность жить въ такъ называемомъ „пріѣзжемъ домѣ“ съ платой по 2 руб. 50 коп. за полное содержаніе въ сутки; только экскурсіи учащихся и въ исключительныхъ случаяхъ другіе посѣтители пользуются особыми льготами или полнымъ гостепріимствомъ. Для того, чтобы доѣхать до Асканія-Нова съ ближайшей желѣзно-дор. станціи (Ново-Алексѣвка ю. ж. д. — въ 70 верстахъ отъ Асканія-Нова) или парашодной пристани (Каховка на Днѣпрѣ — около 50 в. до Аск.-Н.), слѣдуетъ заблаговременно телеграфировать въ контору имѣнія⁵ о высылкѣ лошадей въ ту или другую сторону. Лошади высылаются (пара или при плохой дорогѣ тройка и даже четверикъ) съ расчетомъ по 7 коп. на версту и лошадь, — въ сторону Ново-Алексѣвки только до села Ново-Троицкаго (въ 40 вер. отъ Асканія-Нова), а до Ново-Троицкаго отъ Ново-Алексѣвки нанимаются по тому же тарифу крестьянскія или земскія лошади.

Въ заключеніе позволю себѣ отъ души поблагодарить Общество Естествоиспытателей за данную имъ мнѣ возможность лично познакомиться съ зоопаркомъ г. Фальць-Фейна и природой Таврической степи; приношу также искреннюю благодарность Фридриху Эдуардовичу Фальць-Фейну за широкое гостепріимство, которымъ я пользовался во время моего пребыванія въ Асканія-Нова.

---

⁵ Въ Асканія-Нова имѣется казенное почтово-телеграфное отдѣленіе.

NOTES ET COMMUNICATIONS.

S. Malyshev.

Der Zoologische Garten von F. E. Falz-Fein.

(Zu dem Bericht über den Besuch von Ascania-Nova im Sommer 1911 im Auftrage der Kaiserlichen Naturforscher Gesellschaft in St.-Petersburg.)

Résumé.

Der Zoologische Garten von Herrn Falz-Fein befindet sich auf seinem Gute Ascania-Nova im Dnjeprowschen Kreise des Taurischen Gouvernement. Derselbe wurde im Jahre 1885 gegründet. Die Tiere werden in diesem Garten nach Möglichkeit den natürlichen Lebensbedingungen entsprechend gehalten. Auf p. 258–268 ist eine Liste der im Zoopark im Mai–Juni 1911 vorhandenen Tiere gegeben. – Die Zeichen in der Liste bedeuten:

- – frei gehalten (wie Haustiere).
- ∅ – halbfrei (bei den Carinatae sind die Flügel beschnitten, die übrigen Tiere leben in grossen umzäunten Räumen (Teilen des Parks).
- – nicht frei (in Käfigen).
- * – es sind Geburten im Garten beobachtet worden.
- ▲ – in Ascania-Nova gefangen.

Марков М.

Аскания-Нова

Любитель природы, 1911. №12. С. 385-392.

Южная Сельско-Хозяйственная Газета, 1911. №14,15.

На севере Таврической губ., в Днепровском уезде, на 13-ти тысячах десятин раскинулась Аскания Нова, имение Ф. Э. Фальц-Фейна. Самый удобный и ближайший путь к нему от Харькова через ст. Ново-Алексеевку Южн. дорог. Оттуда около 70 вер. по ровной, как скатерть, дороге на рессорной тачанке, которую приговаривают рублей за 10.

Аскания Нова представляет чудесный уголок в степях Новоросии и известна своим зоологическим парком. Характерная особенность зоопарка Ф. Э. Фальц-Фейна – это почти полная свобода, предоставляемая его обитателям. Все зоологические сады, по недостатку места, принуждены держать своих питомцев в клетках, тесных загородках и проч. Здесь же совсем иная система. Животные, постепенно приручаясь, выходят в степь на полную свободу. Птица живет в парке на прудах и только несколько представителей хищников помещаются в огромных клетках. Всему хищному вообще нет места в этом *Paradies-Garten*, как называют его немцы.

При осмотре небольшого зимнего помещения для разнообразной птицы, Франц Эдуардович, тонкий знаток и большой любитель природы, рассказывает о добывании дичи, прикормке ея, образе жизни и проч. Чтобы не сильно поранить птицу, желая добыть ее живой, надо стрелять, отпуская шагов на 50, причем дробь нужно брать номером крупнее обыкновенного. Наилучшее положение, – когда птица летит от охотника или на него. В таком случае большей частью страдает только кончик крыла. Подраненной птице подвязывают крылья и пускают в помещение, где начинают кормить сначала червячками, а затем к ним постепенно подмешивают обыкновенно принятый здесь корм: творог, смешанный с пшенной кашей на молоке, размоченные сухие бычки, иногда и рубленое яйцо. На таком корме большинство птиц отлично выживают и постепенно акклиматизируются.

В огромных вольерах пернатое население чувствует себя привольно. Мелодично кричит чибис (*Vanellus vanellus*), кроншнепы всех видов (*Numenius*), белая с черным с шиловидно выгнутыми носами шилоклювка (*Recurvirostra avosetta*), кулики, сороки (*Haematopus ostrilegus*). Вообще здесь очень много куликов и один из них живет уже 18 лет. По утрам и вечерам здесь стон стоит от мелодичных посвистов куликов, криков чибиса и воркования голубей.

Дальше – большой тенистый парк, весь изрезанный бесконечным кольцом каналов малых и больших, по которым непрерывно течет светлая, прозрачная вода. То здесь, то там в более глубоких местах в тени стоит без движения большой косячок – стайка зо-

лотых рыбок. Им здесь сытно, привольно – золотом чешуй и красным отливом крупные японские карпы хигои и великолепно блестящая на солнце по более широким каналам плавают лебеди шипуны, кликуны и проч. На зеленых лужайках, лениво пощипывая травку, бродят гуси разных очень редких пород, магелановы, казарка, белошекие гуменники, полярные и проч. Главная аллея парка упирается в большой пруд. На пруде птица самая сторожская и дикая, – как, например, дикие гуси, утки и проч., – мирно плавают и почти не обращают внимания на подошедших людей. Табунчики уток огарей, казарки летают в разных направлениях над прудом. Особенно эффектна группа белых, как снег, фламинго. Вот они вытянули шеи и забили крыльями с ярко розовой подбивкой. Большинство гусей и уток здесь и поблизости гнездятся и выводят детей. Среди птиц нужно указать на очень редких журавлей: стерхов белых, венценосных, красавок, австралийских, корейских и проч. На лужайках можно повстречать священного ибиса, а дрофы настолько приручены, что одна из них постоянно бродит возле дома и из рук получает рыбу, причем предпочтение оказывает живой. Между водяными птицами встречаются помеси от сераго гуся и канадского, потомство их неплодущее, помеси же от полярного и сераго дают потомство. Кроме того, получены помеси кряквы и шилохвости и некоторых других уток. Что касается фазанов, то они так теперь перемешались, что у большинства трудно с точностью определить их происхождение. У водяной птицы для гнездовья есть места, заросшие осокой и камышом, в падах на степи.

Рядом с парком лежит еще один пруд, который в данное время значительно расширился.

Все полевые работы производятся на зеброидах, их работает здесь около 12 штук. Эти гибриды мастью похожи на лошадь, а темные полосы, гривы и холка унаследованы от зебры. У одних полосы ясно выражены и покрывают сплошь все тело – таков, например, красавиц зебрид Того; у других полосы более резко выражены на ногах, боках и шее.

Влево от пруда огороженный в 60 с лишним десятин участок степи. Менее прирученные животные постепенно осваиваются и привыкают здесь как к степи, так и к тому сообществу, с которым в дальнейшем они перейдут в широкую степь. В этой огромной огороже, покрытой густой травой, летом желтой и сухой, находится маленький водоем, окруженный несколькими деревьями. Оленебыки, буйволы, бунтебоки, гну, газели, серны, маралы, джайраны, зебры, нильгау, африканские страусы – нанду, эму, небольшими группами бродят и зорко наблюдают за нарушителями их спокойствия – людьми. Часть животных местной выводки, некоторые выписаны в разное время из-за границы. Страусы нанду и эму несут яйца и выводят детей. При нас у нанду вывелось 8 штук. Высиживает детей самец. На 35 день после кладки он ходит с маленькими и присматривает все время за молодыми. Яиц страусы несут много, так что они даже идут в пищу людям. Сейчас в мастерской препаратора А. И. Риббергера целый

ящик выдутых яиц африканского страуса – нанду и всего лишь 4 очень красивых темнозеленых более мелких яиц австралийского эму.

Следующий, рядом лежащий, небольшой огороженный участок, заросший колючим кустарником (*Lucium barbarum*), черной смородиной и проч., – место обитания и вывода детей кенгуру *Halmalurus Benetti* и *H. ruficollis*. Не очень крупные звери, при приближении к ним, делают огромные прыжки, отталкиваясь задними ногами и длинным толстым хвостом. Большинство животных этих участков остаются круглый год на открытом воздухе. В холодные снежные зимы они заходят в два открытых сарая, где на пол брошена солома и корм. Опасны сильные холода и снег для страусов и кенгуру. Как известно, страусы, глотая лед и снег, простуживают себе горло и желудки и пропадают, а кенгуру отмораживают кончики ушей и хвостов.

В отдельных загородках живут 3 гну; у самца, очень злого, на рог надет медный шарик. Это сильное животное, выпущенное первое время на свободу, загубило не мало ценных экземпляров зоопарка.

Гну изящное животное с корпусом лошади и головой быка. Кричит как птица, а когда сердится – фыркает и храпит по лошадиному. Чрезвычайно резв в движениях и хорошо скачет.

Чтобы постепенно получить более или менее прирученных животных, их сейчас после рождения выкармливают или из рук, или с помощью обыкновенных коз. Молоденькие горбоносые сайгаки вполне привыкли к своей кормилице, тут же неподалеку самка нильгау с двумя молодыми телятами. Дальше детеныши оленей.

Большинство животных плодятся здесь в большом количестве. От времени до времени для освежения крови приобретаются новые производители.

Переходя к дальнейшему, обратим внимание на наиболее редких представителей зоопарка. Я говорю о зубрах, бизонах и лошадях Пржевальского.

Зубры привезены в Асканию Нова в 1902 году из Беловежской пуши. Они хорошо приспособились к степи и теперь есть несколько чистокровных собственного завода. Что касается бизонов, то разводить их начали с 1897 года. Большинство несколько раз привозимых пали, остались лишь чистокровные бизоны своего завода. особенно большого труда стоило владельцу добыть лошадей Пржевальского. Целый ряд экспедиций, о которых писал проф. Иванов, увенчались успехом. 5 кобылок и подаренный Государем в 1904 году жеребчик дали возможность получить как чистопородных, так и гибридов *Equus Przewalskii*.

Особенно интересны гибриды разных животных. Здесь вы встретите зеброидов и зубробизонов и гибридов зубров и бизонов с обыкновенной коровой, гибридов от лошадей Пржевальского и обыкновенной лошади.

Зеброиды, которых сейчас в экономии 12 штук, представляют из себя очень крепкий рабочий сорт. Крепкие, энергичные они исполняют самую разнообразную работу.

Сила их почти в 1,5 раза превосходит силу обыкновенной лошади, они возят мешки с зерном и землю. Энергичны, но несколько строптивы. Зеброиды бесплодны. Исследования спермы жеребцов показали отсутствие сперматозоидов.

Помеси зубробизонов представляют первую попытку в этом направлении. Помеси зубра с обыкновенной серой коровой дают крупный скот, который может быть приспособлен к работе. Гибриды же от бизонов и сераго Фальц-Фейновского скота дают очень крепкий и сильный рабочий сорт. Запряженный вместе с серым быком или буйволом в телегу, огромный вол-гибрид спокойно тянет всю тяжесть почти один и кажется, что его сотоварищ по упряжке только шагает рядом, как на прогулке.

Получение гибридов обыкновенной лошади с *Equus Przewalskii* составляет тоже не малую заслугу Ф.Э. Фальц-Фейна перед наукой. Теперь на степях в лошадиных косяках бродит уже изрядное количество таких гибридов; эти полукровки – хороший верховой сорт, годный для ремонта. По виду они близки к лошади, отличаясь лишь более массивной головой, несколько укороченным корпусом и жестковатой холкой и гривой.

Вопросы гибридизации в связи с законами Менделя стали в последнее время боевыми в экспериментальной и общей биологии. Большинство гибридов бесплодны. Самки некоторых гибридов (гибрид бизона с серой коровой, зубра с серой коровой) плодны, что же касается самцов, то они вероятно, бесплодны, по крайней мере этот вопрос еще не вполне выяснен.

Жеребец гибрида *Equus Przewalskii* с обыкновенной лошадейю имеет жизнеспособные сперматозоиды и способен к оплодотворению. Многое здесь удалось получить благодаря методу искусственного оплодотворения. Пионером и вдохновителем этого дела был И. И. Иванов, который много работал у Фальц-Фейна, применяя искусственное оплодотворение в широких размерах. При его посредстве основана здесь и зоотехническая лаборатория Министерства Внутренних Дел, которая помещается в двух небольших домах.

Лабораторное оборудование ее оставляет желать многого. Искусственное оплодотворение, по словам заведующего лабораторией ветеринара-врача Кнорринга, дает здесь до 85% удачи.

Метод искусственного оплодотворения, примененный здесь в широком масштабе, должен дать очень ценные результаты, особенно в вопросах гибридизации разнообразных диких животных.

Нельзя не упомянуть еще о нескольких достопримечательностях Аскания Нова. Первое – это прудовое хозяйство. Здесь в прудах разводятся и вырастают до очень больших размеров разнообразная порода золотой рыбки. Во время производившейся при нас рыбной ловли огромным бреднем на берег вытащили несколько десятков пудов рыбы. Золотистые японские хигои достигали 12 фунтов, орфы 4-6 фун., осо-

бенно крупные отсаживались в чаны с водой и взвешивались. У каждого в жаберную крышку продето серебряное кольцо с отметкой.

В особую книгу заносится прибыль в весе и др. наблюдения. Порядок в этом отношении образцовый, как и во всем, что касается животного мира этого уголка.

Еще два слова о ботаническом саде. Интересный по акклиматизации растений, выведенный в течение 15-16 лет в голой степи, он мог пышно развиться, только благодаря рациональной нивелировке и канализации, осуществленным после долгих трудов и некоторых неудач приобретением газогенератора, который сильными помпами подает всюду огромные запасы воды. Часть сада занята фруктовыми деревьями. Длинная аллея платанов, перемежаясь с высокими куполовидными туями, ведет к пруду с берегами, выложенными серым камнем. Повсюду многое множество водоплавающей птицы – лебеди, гуси, утки и проч.

Из деревьев парка укажем крымскую ель (*Pinus taurica*), биоты, разнообразия сосны и ели, пирамидальный дуб, сапфору, разнообразные тополи, клены, бересты, акации и проч. На каждой прогалянке, а вечером на деревьях располагаются фазаны; их здесь большое разнообразие – серебристые, золотистые, алмазные, ушастые, затем пышные павлины, лофофоры, сатиры. В парке можно часто натолкнуться на зайцев; кроме обыкновенных встречаются так называемые патагонские зайцы. Зайцев, по словам Ф. Э. Фальц-Фейна, зимой собирается до 2000 штук. В эту исключительно холодную зиму они подошли почти к дому.

Мой очерк был бы неполным, если бы я не упомянул о музее.

Музей занимает большое помещение в доме владельца. Несколько двойных полков вдоль стены, шкафы уставлены всевозможными чучелами. Есть редкие экземпляры, как местных, так и пролетных птиц. Далее чучела копытных. Из интересных объектов упомянем о птицах альбиносах, ласточке, воробье, коростеле с белыми маховыми перьями. Ласточки, как самец, так и самка, в ближайшей деревне несколько лет подряд давали птенцов, причем часть детей была белая, а часть вышли из родителей нормальными. Из спиртовых препаратов монтируются эмбрионы чрезвычайно редкие – лошади Пржевальского, гну, антилопы, кенгуру, оленя свиного, страуса, сайги, газели, оленька. Несколько органов пораженных туберкулезом и уродливый теленок и испанская овца. В недалеком будущем предполагается музей пополнять всеми представителями местной фауны и флоры.

Стекланки витрины с археологическими находками из разрытых курганов дополняют обстановку. Образцы почв и геологический разрез придают этому музею характер естественно-исторического. Как таковой, по нашему мнению, он окажет не малую услугу не только науке, но и практическим мероприятиям земского самоуправления.

В последнее время во всех государствах сознали огромную важность сохранения и защиты интересных участков природы от истребления. В большинстве случаев само

государство берет на себя защиту их, объявив заповедными. У нас в России охрана таких участков с сохранением их редкой, исконной флоры и фауны являлась до сих пор почти несбыточной мечтой. Не только частные лица, но и само государство почти ничего не предпринимают в этом направлении. Трудно уже встретить первобытную степь; редкая растительность, редкие животные доживают свои последние дни. И очень почтенен почин в этом направлении Ф. Э. Фальц-Фейна. Выделено 500 десятин целины под защитный участок. Нет распашки, выпаски скота, так что исконная растительность сохраняется. Такая забота дала уже свои результаты. И. Пачосский опубликовал свои интересные наблюдения над этим участком. Приложенные к его работе фотографии дают понятие о могучей ковыльной степи, где тырса (*Stipa pennata*) подымается чуть ли не на 2 аршина.

Осматривая степь, мы подъехали к участку, засеянному хлопком. К этому времени, 24 июля, растение еще не цвело. По словам Ф. Э. Фальц-Фейна, он сеет хлопок 3-й год, семена прислала одесская опытная станция с просьбой испытать. Первый год дал около 25 пудов хлопка, второй год был менее удачен, а третий – нынешний еще нельзя учесть.

В заключение могу сказать, что в России до сих пор слишком мало знали об этом интересном парке, литература о нем очень не богата. За границей его очень хорошо знают. Ряд художников и ученых, как наших, так и иностранных, подолгу гостят у радужного хозяина.

Мих. Марков.

Мокржецкий С. А.

Несколько слов об акклиматизационном зоологическом парке в Аскании-Нова

Ф. Э. ФальцФейна

Крымский Вѣстник. № 214 (7187). 21 августа 1911 г. Севастополь, 1911. 14 с.

На днях мѣстные газеты сообщили о томъ, что Ф. Э. Фальцъ-Фейну присуждена на одесской сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ большая золотая медаль Императорскаго Всероссийскаго Общества Акклиматизаціи животныхъ и растений за экспонаты изъ находящагося въ его имѣніи «Асканія-Нова» зоологическаго сада. Эта награда, а также другія высшія награды, полученныя Ф. Э. на прежнихъ выставкахъ

въ имперіи, и неоднократно выраженная признательность създовъ и ученыхъ обществъ по поводу зоологическаго парка Асканія-Нова – даютъ мнѣ поводъ сказать нѣсколько словъ, объ этомъ интересномъ мѣстномъ зоопаркѣ, который я имѣлъ возможность посѣщать изъ года въ годъ на протяжении пятнадцати лѣтъ.

Когда четверть вѣка тому назадъ Ф. Э. Фальць-Фейнъ, будучи еще студентомъ юрьевскаго университета, сталъ дѣлать первыя акклиматизаціонныя попытки, то очень многіе теоретическіе вопросы и прикладная сторона акклиматизаціи были далеко не разработаны не только въ Россіи, но и за границую, и даже сами понятія объ акклиматизаціи, натурализаціи и одомашненіи животныхъ казались неустановленными. О тѣхъ же фактическихъ результатахъ, какіе получены теперь – въ то время трудно было и мечтать.

Начавъ свои работы съ воспитанія и прирученія нашихъ дикихъ степныхъ животныхъ, Ф. Э. постепенно расширяя рамки своихъ изслѣдованій и сталъ включать сюда и многіе виды животныхъ самыхъ разнообразныхъ странъ земнаго шара. Легко себѣ представить, какой богатый біологическій и анатомическій матеріалъ могъ-бы накопиться въ теченіе четверти вѣка въ Асканіи-Нова, гдѣ сосредоточены рѣдкія животныя разныхъ странъ и гдѣ они въ большинствѣ случаевъ даютъ потомство.

Описать сохраненный матеріалъ, свести многолѣтнія записи и наблюденія – задача далеко нелегкая, и чтобы ее выполнить, нужна кропотливая работа цѣлой комиссіи натуралистовъ, знакомыхъ съ акклиматизаціею животныхъ. Здѣсь же я хотѣлъ бы познакомить нашу публику лишь съ важнѣйшими результатами почти четверть-вѣковой дѣятельности зоопарка и съ тѣми практическими выводами, какіе можно уже сдѣлать на основаніи накопившихся данныхъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію полученныхъ результатовъ акклиматизаціи, необходимо сказать нѣсколько пояснительныхъ словъ о самомъ паркѣ. Асканія-Нова расположена въ днѣпровскомъ уѣздѣ и отстоитъ отъ ст. Новая-Алексѣевка, южныхъ жел. дор., въ 70-ти верст. и отъ Днѣпра (пристань Каховка) – въ 50-ти верст. Имѣніе расположено среди безконечныхъ степей и является обширнымъ оазисомъ среди безводной и безлѣсной мѣстности, гдѣ находятся большіе бассейны воды и обширный паркъ. Подъѣзжая къ Асканіи-Нова, уже издали, версть за 12, на горизонтѣ вырисовывается обширный массивъ лѣсныхъ насажденій, и на этомъ зеленомъ фонѣ красиво выступаетъ круглая башня въ старо-германскомъ стилѣ. Издали уже чувствуется, что подъѣзжаешь къ чему то большому и интересному. Самъ паркъ, его насажденія, занимаютъ десятина 15 и состоитъ изъ нашихъ южныхъ лѣсныхъ породъ до платановъ включительно, причѣмъ паркъ такъ искусственно разбитъ, что въ немъ на каждомъ шагу среди насажденій встрѣчаются полянки, покрытыя красивыми дикими травами, производящими иллюзію естественныхъ полянокъ, разбросанныхъ среди лѣса. Весь паркъ заполненъ самыми разнообразными породами птицъ и другихъ животныхъ

и, гуляя по немъ, можно встрѣтить самыхъ сказочныхъ формъ фазановъ и др. птицъ. Въ паркѣ же находится нѣсколько искусственныхъ прудовъ, гдѣ и плаваютъ многочисленныя породы водяной птицы. Тамъ-же и огромныя вольеры, гдѣ тоже живетъ большое количество видовъ различной птицы. Къ парку примыкаетъ обширная площадь, до 60 десятинъ, огороженной высокимъ заборомъ степи, гдѣ гуляютъ животныя: различныя породы антилопы, сайги, джейраны, гну, страусы и мн. др.

Собственно говоря, все обширное имѣніе, весь укладъ его жизни приуроченъ къ жизни животныхъ, которыхъ здѣсь вы встрѣчаете на каждомъ шагу. Подобно тому, какъ любящій человѣкъ приготовляетъ извѣстную обстановку и создаетъ уютъ для своей возлюбленной, такъ и Ф. Э. создалъ всю ту обстановку, то приволье, которое подходитъ къ образу жизни животныхъ, къ ихъ привычкамъ и нравамъ. Первое, что бросается въ глаза при встрѣчѣ съ животными, населяющими паркъ, это – ихъ бодрый, здоровый видъ и отсутствіе запуганности и забитости. Кому приходилось видѣть дикихъ животныхъ въ большихъ даже звѣринцахъ и паркахъ, тотъ, вѣроятно, обратилъ вниманіе на печальный видъ, какой большей частью имѣютъ содержимыя въ неволѣ животныя. Исхудалыя, нерѣдко полуголодныя, запущенныя, эти несчастныя животныя, какъ узники, томятся въ своихъ клѣткахъ и въ глазахъ у нихъ проглядываетъ скрытый ужасъ передъ человѣкомъ и безконечная тоска по свободѣ и приволью родныхъ полей и лѣсовъ. Эти животныя стали «ручными» и «привѣтливими» изъ-подъ палки, и каждое движеніе прошедшаго человѣка вызываетъ въ нихъ трепетъ передъ «укротителемъ звѣрей» – человѣкомъ. Животныя же въ Асканіи-Нова чувствуютъ себя привольно и хорошо. Среди южно-русской степи въ Асканіи-Нова вы можете увидѣть и подойти къ мирно пасущимся и уживающимся вмѣстѣ животнымъ самыхъ разнообразныхъ странъ: рядомъ съ угрюмымъ обитателемъ Бѣловѣжской пуши – зубромъ, ходитъ сынъ далекихъ прерій С.-Америки – бизонъ; тутъ же пасется оригинальная монгольская лошадь, обитательница пустынныхъ пространствъ Монголіи, дикая и недоступная на своей родинѣ. Къ нимъ присоединяются нерѣдко въ одинъ табунъ и полосатые зебры, обитатели Южной Африки – и всѣ они чувствуютъ себя гражданами новой родины. И этотъ результатъ достигнуть разумнымъ режимомъ, пониманіемъ образа жизни и привычекъ животныхъ!

Отъ этихъ общихъ замѣчаній перехожу къ изложенію достигнутыхъ результатовъ акклиматизаціей.

1. Начну съ одомашненія зубра и бизона.

Еще совсѣмъ нестарый читатель, увлекавшійся въ свои дѣтскіе годы чтеніемъ Фенимора Купера и Густава Эмара и тѣми яркими картинами животнаго и растительнаго міра далекой Америки, которая рисовали намъ эти авторы, хорошо помнитъ описываемые этими авторами тысячеголовыя стада бизоновъ и охоту индѣйцевъ и бѣлыхъ на этихъ дикихъ животныхъ. Читатель помнитъ, вѣроятно, и картинки въ иллюстрированныхъ журналахъ,

изображающія стада бизонів, расположившихся на полотнѣ новой желѣзной дороги и задержавших движеніе поѣзда. Такія картины наблюдались лѣтъ двадцать-тридцать тому назадъ. Теперь же бизоны исчезли на своей родинѣ съ необыкновенной быстротой, и въ настоящее время въ Америкѣ насчитываютъ не болѣе 600 головъ этихъ животныхъ, находящихся въ Иеллстонскомъ паркѣ подъ охраною правительства. И когда американцы спохватились, что съ лица земли исчезаетъ большое, мощное животное, родственное нашему домашнему скоту, которое слѣдуетъ сохранять, то было уже поздно. Теперь въ Америкѣ, въ Буфало, существуетъ особый комитетъ по охранѣ и разведенію бизонівъ, прилагающій всѣ старанія, чтобы развести эту породу животныхъ.

Также почти исчезъ съ лица земли и родственннй бизону нашъ зубръ, имѣвшій даже въ историческое время широкое распространеніе по средней Европѣ. Теперь же онъ сохранился лишь въ числѣ 400–500 головъ въ знаменитой Бѣловѣжской пушчѣ и на сѣверномъ Кавказѣ.

Надъ этими двумя видами большихъ и дикихъ животныхъ разныхъ континентовъ и были поставлены опыты акклиматизаціи въ Асканіи-Нова.

Бизонъ былъ полученъ Ф. Э. въ 1897 году, а зубръ – въ 1902 году. Въ теченіе этого времени выяснилось полнѣйшее одомашненіе какъ чистой породы – только лишь при условіи содержанія ея совмѣстно съ домашнимъ скотомъ, – такъ и возможность гибридизаціи зубра и бизона въ различныхъ комбинаціяхъ съ домашнимъ скотомъ. Полукровные бизоны оказались, какъ и въ Америкѣ, такъ и у насъ сильнымъ домашнимъ рабочимъ скотомъ. – Это-ли не побѣда человѣка надъ природою? Берутъ двухъ дикихъ, вымирающихъ животныхъ съ противоположныхъ точекъ земного шара, одного – обитателя великой пушчи, другого великихъ луговъ, ставятъ ихъ въ совершенно новыя условія существованія среди южно-русскихъ степей и достигаютъ на протяженіи десятка лѣтъ того, что эти животныя уживаются, скрещиваются между собою и домашнимъ скотомъ и даютъ плодovitое потомство, годное для услугъ человѣка!

2. Зеброиды. Уже около 15-ти лѣтъ тому назадъ Ф. Э. получилъ гибридъ (помѣсь) зебры съ домашнею лошадыю. Получилась новая, оригинальная полосатая порода животныхъ, зеброидовъ, оказавшихся, правда, между собою бесплодной, но очень сильной, выносливой и неприхотливой къ корму, употребляемой въ Асканіи-Нова для тяжелой работы. Такимъ образомъ, дикое животное Южной Африки, при умѣломъ содѣйствіи человѣка, вступило въ связь съ домашнею лошадыю и дало новую выносливую породу животнаго, годную для сельско-хозяйственной работы.

3. Страусы. Въ теченіе цѣлага ряда лѣтъ выяснилась полная возможность разведенія на юге Россіи африканскихъ страусовъ, лишь при условіи содержанія ихъ въ теченіе нѣсколькихъ зимнихъ мѣсяцевъ въ закрытыхъ, но не отапливаемыхъ сараяхъ и при самомъ неприхотливомъ содержаніи этихъ животныхъ – кормомъ рубленой люцерной съ зерномъ и т. п.

4. Одомашненіє дикой монгольской лошади. Историческія хроники, какъ русскія, такъ и польскія указываютъ на находженіє дикой лошади, такъ называемой тарпана, въ средней Европѣ и Россіи почти до послѣдняго времени. Еще - лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ косяки (табуны) дикихъ лошадей встрѣчались въ приднѣпровскихъ плавняхъ. Теперь этотъ видъ – вѣроятный родоначальникъ нашей домашней лошади, совершенно исчезъ съ лица земли, и до послѣдняго времени мы не знали ни одного вида дикой лошади, живущей въ современной намъ природѣ. Лишь въ 1883 году знаменитый путешественникъ Н. М. Пржевальскій впервые добылъ шкуру дикой монгольской лошади, которая была названа Поляковымъ лошадыю Пржевальскаго (*Equus przewalskii*). Позднѣе извѣстные путешественники бр. Грум-Гржимайло нарочито отправились въ пустыни Центральной Азіи, гдѣ съ большимъ трудомъ убили пару экземпляровъ этого рѣдкаго животнаго. Такъ какъ съ исчезновеніемъ тарпана на Югѣ Россіи, лошадь Пржевальскаго является единственнымъ представителемъ на земномъ шарѣ дикой лошади, то Ф. Э. Ф., заинтересовавшись этимъ животнымъ, затратилъ значительныя средства и, при содѣйствіи академика г. Бюхнера и г. Клеменса, Ф. Э. удалось черезъ купца Асанова изъ Бійска снарядить нѣсколько экспедицій въ Монгольскія степи и съ огромнымъ трудомъ поймать и доставить впервые на континентъ Европы этихъ необыкновенно осторожныхъ и быстрыхъ въ движеніи животныхъ, прибывшихъ въ Асканія-Нова въ 1898 году.¹

Въ настоящее время эта порода не только приручена и успѣшно размножается въ Асканіи-Нова, но имѣются и метисы отъ домашней лошади. Такимъ образомъ, у насъ, на нашихъ глазахъ, получена новая порода лошади. Каково ея практическое значеніе – выяснитъ, конечно, будущее.

Въ настоящее время въ Западной Европѣ извѣстный торговецъ животными Гаганбекъ въ Гамбургѣ, пойдя по впервые открытому Ф. Э. Фальць-Фейномъ пути, добываетъ этихъ животныхъ и сбываетъ ихъ по огромной цѣнѣ.

Такимъ образомъ, благодаря инициативѣ г. Ф. Ф. былъ открытъ также путь полученія этихъ интересныхъ животныхъ.

5. Мараловодство. Какъ извѣстно, въ Сибири водится олень-мараль, молодые, наполненные еще кровью рога котораго, называемые пантами, сбываются китайцамъ по

---

¹ Не могу здѣсь не упомянуть объ одномъ курьезѣ связанномъ съ появленіемъ этихъ животныхъ въ Таврической губерніи: когда въ 1898 г. было доставлено нѣсколько кобылокъ этой породы въ Асканію-Нова, я поспѣшилъ туда, чтобы полюбоваться этими невиданными у насъ дѣтьми далекихъ пустынь Центральной Азіи. Возвратившись домой, я подѣлился своими впечатлѣніями о лошади Пржевальскаго съ однимъ изъ нашихъ интервьюеровъ. Спустя нѣсколько дней, я прочелъ въ одной газетѣ сообщеніе о томъ, что, по моимъ словамъ въ Асканію-Нова была доставлена очень интересная лошадь, на которой ѣздилъ знаменитый путешественникъ Пржевальскій по степямъ Монголіи... Научное понятіе «Лошадь Пржевальскаго» превратилось въ верховую лошадь путешественника, умершаго за 10 лѣтъ до описываемаго событія, гулявшую въ теченіе всего времени гдѣ-то въ пустыняхъ Монголіи и затѣмъ пойманную и приведенную въ Асканію-Нова...

очень высокими ценам и служат там для цѣлей народной медицины, главным образом для поднятія жизненной способности ослабѣвшаго мужского организма. Цѣна пары хороших панть доходит на Китайскомъ рынкѣ до 500-700 рублей.

Ф. Э. Фальцъ-Фейну удалось установить возможность мараловодства на югѣ Россіи. Различныя породы оленей въ настоящее время живутъ въ Асканіи-Нова и размножаются болѣе чѣмъ удовлетворительно, требуя за собою такого же ухода, какъ и за домашнимъ скотомъ. Причемъ, развиваемые ими рога достигаютъ здѣсь сравнительно большихъ размѣровъ, нежели на ихъ родинѣ. Это обстоятельство и попытка успѣшной продажи панть, произведенная Ф. Э. на китайскомъ рынкѣ, повидимому, вполне подтверждаютъ возможность практическаго мараловодства въ нашихъ степяхъ.

Я здѣсь ограничился указаніемъ лишь на вышеприведенные результаты акклиматизаціи животныхъ, которыя могутъ имѣть практическое сельско-хозяйственное значеніе, и не буду останавливаться на другихъ удовлетворительно рѣшенныхъ задачахъ, представляющихъ, однако, большой научный интерес, на примѣръ, разведеніе очень рѣдкихъ видовъ фазановъ (до 15-ти видовъ) и цѣлага ряда другихъ птицъ разныхъ странъ и климатовъ, которыя до сихъ поръ не гнѣздились въ паркахъ Европы. То же можно сказать и о цѣломъ рядѣ другихъ животныхъ, на примѣръ, сайгъ (родина Центральная Азія), гну (родина – Южная Африка), нильгау (Индостанъ), джейрана и всевозможныхъ антилоповъ: оленебыка (Юго-Восточная Африка), бубала и мн. другихъ.

Въ паркѣ живетъ не менѣе 40 видовъ млекопитающихъ и 130 видовъ птицъ (кромѣ видовъ дикоживущихъ въ нашихъ степяхъ), самыхъ разнообразныхъ странъ и климатовъ.

Рядомъ съ зоологическимъ паркомъ въ Асканіи-Нова находится заповѣдный участокъ цѣлинной, дѣвственной степи въ 500 десятинъ, на которомъ вмѣшательство человека и его хозяйство прекращено съ 1889 года. При современной быстротѣ роста распашки степей, цѣлинныя степи исчезаютъ, а съ ними вмѣстѣ вымираютъ и тѣ растенія, и тѣ животныя, которыя характерны для цѣлинной степи. И этотъ заповѣдный участокъ останется рѣдкимъ въ Европѣ памятникомъ природы, гдѣ растительный покровъ и животный міръ сохранятся во всей своей неприкосновенности!

Въ послѣднее время въ Асканіи-Нова, при содѣйствіи Ф. Э., учреждена зоотехническая опытная станція подъ руководствомъ проф. И. И. Иванова и на средства ветеринарнаго управленія, ставящая себѣ задачу разработку вопросовъ искусственнаго оплодотворенія и гибридизаціи животныхъ. Надо надѣяться, что въ будущемъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію владѣльца, въ Асканіи-Нова разовьется сухопутная біологическая станція, ставящая себѣ болѣе широкія задачи изученія животнаго и растительнаго міра, какъ туземнаго, такъ и заселеннаго путемъ акклиматизаціи, въ связи съ изученіемъ факторовъ мѣстной природы.

Мой краткій очеркъ зоологическаго парка въ Асканіи-Нова я не могу не дополнить указаніемъ на художественное и общеобразовательное значеніе его.

Современная жизнь нашихъ городовъ «этихъ каменныхъ Вавилоновъ, переполненныхъ клѣтками для живыхъ людей», жизнь, съ ея пряной, взвинчивающей нервы атмосферой, съ современнымъ псевдоискусствомъ, бьющимъ на чувственную сторону человѣка, съ алкоголизмомъ, заразными болѣзнями и различными экономическими недугами – совсѣмъ разобщили человѣка съ природою. Остались порванными тѣ невидимыя, но могущественныя нити, которыя должны связывать человѣка съ нею, и современный культурный человѣкъ, подобно древнему Антею, этому сыну земли, сталъ слабѣть и вырождаться какъ физически, такъ и духовно, будучи оторваннымъ отъ лона природы. Это поняли выдающіеся люди вѣка, какъ, напримѣръ, Левъ Толстой, Кнутъ Гамсунъ, многіе врачи и соціологи – и стали призывать къ общенію съ природою, къ «жизни по природѣ».

Въ настоящее время въ Западной Европѣ создались цѣлыя кооперативныя товарищества, имѣющія цѣлью строить города-сады, гдѣ бы каждый горожанинъ имѣлъ бы общеніе съ природою, гдѣ бы дѣти его учились, не порывая связи съ нею. Краеугольнымъ камнемъ духовнаго и физическаго развитія молодежи современная школа должна поставить любовь къ природѣ и общеніе съ нею. Подъ вліяніемъ біенія пульса могучей жизни природы въ чуткой душѣ ребенка начинается дѣятельная работа воображенія и мысли; создаются яркіе образы, и свѣтлыя, радостныя впечатлѣнія отъ нихъ остаются на всю жизнь. Какъ тускло и сѣро было бы наше дѣтство, если бы изъ него выбросить впечатлѣнія, навѣяныя природою! И Асканія-Нова, съ ея ковыльными дѣвственными степями, волнующимися какъ море, съ ея красивой картиной животной жизни, полною захватывающаго интереса, раскрываетъ передъ изумленнымъ взоромъ посѣтителя величавую жизнь природы и знакомитъ съ ея интересными проявленіями въ наиболѣе близкомъ къ человѣку мірѣ животных!...

Дѣятельность Ф. Э. Фальцъ-Фейна по акклиматизаціи животныхъ мнѣ напоминаетъ работу знаменитаго американскаго изслѣдователя Лутера Бербанка, совершившаго цѣлый переворотъ въ растеніеводствѣ. Бербанкъ вывелъ болѣе двухъ съ половиною тысячъ разновидностей растений – и раскрылъ намъ горизонты почти безграничнаго совершенствованія растительныхъ формъ. Кормовыя кактусы безъ шиповъ, сливы безъ косточекъ, картофельные клубни на вѣтвяхъ томата, помѣсь ежевики съ малиною, обладающая феноменальной величины ягодами (въ 3 дюйма) и т. д., и т. д. Эти опыты Бербанка заставили обратить на себя вниманіе всего міра. Оба изслѣдователя имѣютъ одно общее: они подчинили себѣ самую загадочную силу, а именно – творческую жизнь природы и заставили ее создавать новыя формы по ихъ волѣ и на пользу человѣчества!..

Пачоский I. К.

Заметка о гнездовании шилохвости (*Dafila acuta*) в поду Аскания Нова

Птицеведение и Птицеводство, 1911. № 3-4. С. 15.

Относительно шилохвости (*Dafila acuta* Linn.), къ напечатанному мною въ моей статьѣ: «Утки низовьев Днѣпра» (Птицевѣдѣніе и Птицеводство, 2-й вып. за 1911 годъ, стр. 14), считаю необходимымъ прибавить слѣдующее: Шилохвость въ годы, отличающиеся обиліемъ воды въ степныхъ «подахъ» (замкнутые пониженные степные участки, въ которые стекаетъ снѣговая и дождевая вода), иногда у насъ выводятся, о чемъ мнѣ сообщилъ Ф. Э. Фальць-Фейнъ владѣлецъ зоопарка въ Асканія Нова. Въ настоящемъ году я самъ видѣлъ въ концѣ мая въ Асканія Нова крупныхъ утятъ шилохвости, пойманныхъ тамъ въ поду. По сообщенію Ф. Э. Фальць-Фейнъ, въ настоящемъ году въ поду около Асканія Нова вывелось много шилохвости. Однако, ко времени моего вторичнаго посѣщенія Асканія Нова во второй половинѣ іюля шилохвости уже улетѣли, такъ что лично я видѣлъ только одинъ экземпляръ.

Изъ сказаннаго видно, что шилохвость принадлежитъ у насъ къ числу утокъ, гнѣздящихся лишь въ исключительные годы. Прежде, когда степные поды заливались чаще и обильнѣе, шилохвость у насъ, вѣроятно, была довольно обыкновенной гнѣздящейся уткой.

Херсонъ 29. VII. 1911.

1912

[б/а]

Всякі звістки

Рада. 1912, №217 (23.09.1912). Шп.3.

Зоологичний сад. В Дніпровському повіті (на Таврії) єсть чудовий сад Фальц-Фейна в Асканії-Новій. Германські вчені кажуть, що цей сад єдиний в світі. Навколо цього саду – поля. Коло самої дороги в саду ходять лами, бізони, зубри, антилопи Індостана, африканські барани, джерани, сайгаки, олені, серни, марали, муфлони, кенгуру та інші представники птиці і звірів всіх частин світа. В садку літають фазани, плавають на ставках лебіді, казарики то-що. В ставках багато риби. Окремі породи звірів та птиць мають в саду свої участки.

[б/а] [В. Талієв]

Современная разруха и охрана природы

Природа, 1912. № 12. С. 1063-1064.

Газеты сообщают многочисленные факты об истреблении крестьянами культурных имений, вырубке лесов, старых парков, садов и пр. Между прочим подверглось захвату в Бугурусланском у., Самарской губ., культурное имение Карамзина Полибино, в котором находится заповедный участок ковыльной целины («Р. С.»). – Къ числу наиболее кошмарных эксцессов аграрного движения принадлежит убийство князя Б. Л. Вяземскаго и разгромъ его имения «Лотарево» въ Тамбовской губ. Въ имени князя находится несколько участков целины, которые покойный владелец предполагалъ передать въ распоряженіе государства или какого-нибудь научнаго общества для создания заказниковъ («Р. В.»).

Для охраны всемірно-известной Асканіи-Нова Ф. Э. Фальць-Фейна Временнымъ Правительствомъ былъ назначенъ специальнымъ комиссаромъ сначала известный ботаникъ І. К. Пачоскій, а затемъ путешественникъ генераль П. К. Козловъ. Въ вышеупомянутомъ Совещаніи по охране природы, имевшемъ мсто 17–20 октября, была получена срочная телеграмма отъ владельца Асканіи-Нова Фальць-Фейна, просящая оказать содействіе въ смысле урегулирования чрезмерныхъ, непрерывно растущихъ экономическихъ требованій рабочихъ, грозящихъ привести владельца къ необходимости ликвидировать знаменитый зоопаркъ.

Алехин В.

Некоторыя новыя свѣдѣнія относительно растительности Асканіи-Нова

Труды Ботаническаго сада Императорскаго Юрьевскаго университета, 1914. Т. 13. Вып. 3–4. С. 192–196.

Защитный участокъ Ф. Э. Фальць-Фейна заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ самаго серьезнаго къ себѣ вниманія, а между тѣмъ мы до сихъ поръ¹ не имѣемъ полнаго систематическаго описанія его интересной растительности. Правда, изъ работъ І. Пачоскаго² мы можемъ составить себѣ вѣрное представление о растительности защитнаго участка, но только лишь въ общихъ чертахъ, при чемъ различные періоды развитія растительности описаны не съ одинаковой полнотой. Прежде всего необходимо было бы дать возможно полныя картины развитія растительности втеченіе всего вегетаціоннаго періода, хотя бы черезъ каждыя двѣ недѣли, затѣмъ установить наблюденія надъ передвиженіемъ растеній на участкѣ, выяснить ихъ взаимоотношенія другъ къ другу, производить правильныя фенологическія записи и т. д.

Очень интересень и цѣнень былъ бы гербарій, исчерпывающій собой флору защитнаго участка и собранный хотя бы въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Во время нашего кратковременнаго посѣщенія Асканіи-Нова въ іюнѣ 1911 года намъ удалось ознакомиться лично съ защитнымъ участкомъ и собрать нѣкоторыя новыя данныя относительно его растительности и растительности «пода», лежащаго

¹ См. И. П. Б о р о д и н ъ. Охрана памятниковъ природы. – Труды Бот. Сада Имп. Юрьевск. Унив. Томъ XI. Вып. 4, 1910. Стр. 312–313.

² Наиболье полно участокъ описанъ въ работѣ І. Пачоскаго «Причерноземныя степи». – Записки И. Общ. Сельск. Хоз. 1908, №№ 7–9.

вблизи участка³, что подтверждает наше мнѣніе относительно недостаточной полноты его изслѣдованія. Начнемъ съ защитнаго участка.

Въ высшей степени засушливое лѣто 1911 года отразилось очень неблагоприятно на растительности участка (въ болѣе пониженныхъ мѣстахъ его растительность имѣетъ гораздо лучшей видъ). Въ числѣ многочисленныхъ уже отцвѣтшихъ растений замѣчены (24 іюня), кромъ видовъ *Stipa*, *Koeleria cristata*, *Festuca ovina*, *Triticum repens* и др., слѣдующія растенія:

<i>Arenaria rigida</i> M B.	<i>Onosma tinctorium</i> M B.
<i>A. serpyllifolia</i> L.	<i>Phlomis pungens</i> M B.
<i>Astragalus</i> sp.	<i>Pyrethrum achilleifolium</i> M B.
<i>Cachrys odontalgica</i> P a l l.	<i>Salvia Aethiopsis</i> L.
<i>Carduus uncinatus</i> M B.	<i>Serratula xeranthemoides</i> M B.
<i>Dianthus capitatus</i> D C.	<i>Sisymbrium junceum</i> M B.
<i>D. leptopetalus</i> W i l l d.	<i>Statice tatarica</i> L.
<i>Euphorbia Gerardiana</i> J a c q.	<i>Tragopogon major</i> J a c q.
<i>Ferula caspia</i> M B.	<i>Trinia hispida</i> H o f f m.
<i>Iris pumila</i> L.	<i>Verbascum phoeniceum</i> L.
<i>Lepidium perfoliatum</i> L.	

Цветущими мы заметили слѣдующія растенія (звездочкой въ этомъ и въ послѣдующихъ спискахъ обозначены растенія, неуказанныя ранѣе для Асканіи-Нова):

<i>Achillea leptophylla</i> M B.	<i>Dianthus guttatus</i> M B.
<i>Allium flavum</i> L.	<i>Falcaria Rivini</i> H o s t. (зацв.)
<i>Ceratocarpus arenarius</i> L.	<i>Galium verum</i> L.
* <i>Cuscuta planiflora</i> Ten.	* <i>Gypsophila paniculata</i> L.
<i>Delphinium Consolida</i> L.	* <i>Herniaria incana</i> L a m.
* <i>Hypericum elegans</i> S t e p h.	<i>Medicago falcata</i> L.
* <i>Inula gertnanica</i> L.	<i>Peganum Harmala</i> L.
* <i>I. Oculus Christi</i> L.	* <i>Senecio jacobaea</i> L.
<i>Jurinea linearifolia</i> D C.	* <i>Verbascum ovalifolium</i> D o n.
* <i>Kochia prostrata</i> Schrad. (зацв.)	<i>Veronica spicata</i>
<i>Linaria Biebersteinii</i> B e s s.	

Еще не цвѣтутъ такія растенія:

<i>Allium guttatum</i> Stev.	<i>Eryngium campestre</i> L.
<i>Artemisa austriaca</i> Jacq.	<i>Peucedanum Ruthenicum</i> M B.
<i>Aster villosus</i> Benth. et Hook.	<i>Statice intermedia</i> Czern.
* <i>Centaurea diffusa</i> Lam	<i>Stipa capillata</i> L.

³ См. также нашу статью: «Асканія-Нова, замечательный оазисъ въ степяхъ Таврической губ.». – Вѣстникъ Воспитанія, 1912, № 1.

Интересно, что некоторые растения приведенных списков, по словам Ф. Э. Фальц-Фейна, появились на защитном участке лишь в настоящем или прошлом году впервые: *Inula Oculus Christi* L. (в одном мѣстѣ), *Veronica spicata* L. (в одном мѣстѣ), *Gypsophila paniculata* L. (в двух мѣстах 4 экз.), *Cuscuta planiflora* Ten. (в двух мѣстах).

Один экз. *Gypsophila paniculata* разросся в большой роскошный шарь. Эти факты еще раз указывают на необходимость постоянного систематического наблюдения на участке, так как многие вопросы ботанической географии, в частности переселения растений, могут быть рѣшены лишь на таких защитных участках, поставленных в условия первобытной степи.

Из вышеприведенного списка цвѣтущих растений видно, что в июнѣ защитный участок характеризуется растениями исключительно двудольными (кромѣ *Allium flavum*). Этот июньскій період двудольныхъ лежитъ между двумя періодами ковылей – майскимъ (*Stipa pennata* и *S. Lessingiana*) и июльскимъ (*Stipa capillata*).

Среди еще не цвѣтущихъ растений выше была приведена *Statice intermedia* Czern. Это растение I. Пачоскій в своихъ позднѣйшихъ работахъ называетъ *Statice tomentella* B o i s s. (см. «Причерноморскія степи», «Основные черты развитія флоры Ю.-З. Россіи»), тогда какъ раньше (напр. «Очеркъ растительности Днѣпровск. у. Таврич. губ.») считалъ его за *Statice intermedia* Czern. Какъ выяснилось изъ моихъ предварительныхъ изысканій, видъ этотъ ни- какъ нельзя принять за *Statice tomentella* B o i s s., очень возможно, что это есть действительно черняевская *S. intermedia*. Во всякомъ случаѣ я отлагаю пока окончательное рѣшеніе этого вопроса, надѣясь в свое время снова къ нему вернуться.

Переходя теперь къ растительности пода у Асканіи-Нова (Б. Чапельскій подѣ), интересно отмѣтить слѣдующіе факты изъ жизни пода. Благодаря нѣсколькимъ засушливымъ годамъ растительность пода все болѣе и болѣе вытеснялась степной, надвигавшейся на подѣ со всѣхъ сторонъ. Но в этомъ году, послѣ многоснѣжной зимы, подѣ былъ совершенно залить водой, покрывавшей среднюю часть пода и во время моего посѣщенія. Можно было видѣть многочисленныя отмершія дерновины (ковыля, типчака) по окраинамъ пода, при чемъ здѣсь же развилась совершенно другая растительность. Обращаетъ на себя вниманіе то явленіе, что после неоколькихъ лѣтъ господства одной растительности, внезапно, в силу наметившихся условій влажности, появляется другая, часто прямо противоположная по своимъ свойствамъ (степная – болотная). Здѣсь несомнѣнно нужно предполагать совместное существованіе в одномъ и томъ же мѣстѣ растительности совершенно различныхъ формаций, при чемъ одна изъ послѣднихъ в данный моментъ находится в наиболее благоприятныхъ условіяхъ существованія. Но намъ пока совершенно не извѣстно то количество времени, втеченіе котораго то или другое растеніе можетъ существовать в почвѣ, такъ сказать, в „скрытомъ состояніи“, не давая замѣтныхъ надземныхъ побѣговъ и сохраняя жизнь лишь в своихъ корневищахъ, клубняхъ и проч. Можно предположить, что это время можетъ быть очень продолжительно, а если это

такъ, то многіе факты внезапнаго появленія растеній могутъ предстать въ совсѣмъ другомъ свѣтѣ, напр. часто внезапное появленіе степныхъ многолѣтнихъ (!) растеній на вырубленныхъ мѣстахъ лѣса и др.

Возвращаясь къ растительности описываемаго пода и не перечисляя всехъ замеченныхъ нами растеній, мы приведемъ только наиболее интересныя:

Elatine Alsinastrum L. (часто).

Lythrum Thymifolia L.

E. Hydropiper L. (часто).

Centaurea inuloides F i s c h. (въ изобиліи)

Lythrum Hyssopifolia L.

и друг.

Продолжительныя наблюденія надъ растительностью пода показываютъ, что послѣдняя постепенно обогащается новыми видами, раньше не встречавшимися въ Асканіи. І. П а ч о с к і й указываетъ на *Lemna minor* L., *Erythraea pulchella* Fr. и друг.; къ этимъ растеніямъ надо добавить: *Typha latifolia* L., *Limnanthemum nymphaeoides* Lk., *Epilobium hirsutum* L. (на берегу пруда въ паркѣ, появившіяся въ самое послѣднее время. Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ заносомъ или съ сильнымъ проявленіемъ растеній, уже раньше находившихся тамъ, на это могутъ отвѣтить лишь систематическія наблюденія.

Кроме того, мне удалось найти въ этомъ поду одно очень редкое растеніе – *Damasonium stellatum* P e r s. Къ сожалѣнію, у меня имеется всего лишь одинъ экз., и, не зная при сборе, что это за растеніе, я не могъ выяснитъ его распространеніе въ Асканіи-Нова.

Насколько мне известно, *Damasonium stellatum* найденъ въ Россіи лишь въ двухъ, близкихъ одно отъ другого, мѣстахъ: въ южной части Саратовск. губ. у Сарепты и въ киргизскихъ степяхъ по берегу Баскунчакскаго озера⁴. Съ другой стороны, растеніе встрѣчается въ западной Европѣ отъ южн. Англій черезъ средиземноморскія страны (Франція, Италія) до Египта, Сиріи и Персіи. Наше мѣстонахожденіе такимъ образомъ или соединяетъ черезъ южную Европу два разъединенныя въ настоящее время мѣстонахожденія Сарепта – Италія, опоясывая кольцомъ средиземноморскія страны, или же является, можетъ быть, крайнимъ мѣстонахожденіемъ ряда: Италія – Египетъ – Сирія – Персія – Сарепта – Асканія, образуя незамкнутую петлю.

Въ заключеніе отмѣчу, что мнѣ пришлось въ Асканіи наблюдать *Orobanche Cumana* W a l l g. на *Centaurea inuloides* F i s c h. Послѣднее растеніе, кромѣ мокрыхъ мѣстъ пода, растеть также и по гребню такъ называемаго «герцогскаго» вала на берегу пода; здѣсь и паразитируетъ на немъ *Orobanche Cumana*, фактъ, показывающій во всякомъ случаѣ, какъ неприхотливо наше растеніе въ выборѣ хозяина.

2. II. 1912

⁴ Мѣстонахожденіе приведено по Шмальгаузену (Фл. сред. и южн. Россіи, стр. 529), при чемъ авторъ дѣлаетъ отметку, что видѣлъ лично въ герб. Б е к к е р а. Странно, что самъ Беккеръ не указываетъ растеніе для Сарепты (Verzeichniss d. um Sarepta wildwachs. Pflanzen, Bull. d. Moscou, 1858 г.), а въ другой работѣ (Noch einige Mittheilungen über Astrachaner und Sareptäer Pflanzen, Bull. d. Moscou, 1867 г.) прямо говорить, что *Damasonium stellatum* у Сарепты не встрѣчается. Поэтому возможно, что доказаніе Шмальгаузена ошибочно.

Дипломъ

Бюллетени Харьковскаго общества любителей природы, 1912. №5.
С. 58.

Харьковское общество любителей природы, в заседании 22 января 1912 года избрало Фридриха Эдуардовича Фальцъ-Фейнь своимъ почетнымъ членомъ за особые заслуги в деле популяризации любви къ природе и охране ея памятниковъ.

Пачоский И. К.

Описание растительности Херсонской губернии, ч. III // Плавни, пески, солончаки, сорные растения...

Материалы по исследованию почв и грунтов Херсонской губернии.
1912. С. 183-184.

Когда поле забрасывается в залежь, то постепенно растительность на нем меняется, причем в конечном итоге оно может покрыться растительным покровом, не отличающимся от настоящего целинного. Последняя возможность, однако, не является правилом, а требует для своего осуществления известных условий, не всегда имеющих на лицо. Как уже было упомянуто выше, первым условием является то, чтобы почва была достаточной мощности, т. е. чтобы при вспашке не были выворочены наружу слои, значительно отличающиеся от поверхностных. Так, напр., в южном варианте степи, в котором гумусный слой является тонким, при вспашке выворачиваются на поверхность слои более бедные гумусом, при чем растительность, которая сможет развиваться на такой обедненной гумусом почве, даже после очень длинного периода, все-таки будет отличаться от той растительности, которая свойственна была данному участку до вспашки. Отличие этой новой растительности от первоначальной будет заключаться в том, что она представит собою тип более южный, более пустынный и ксерофитный, нормально расположенный к югу от данной зоны. Такие участки, напр., я видел в Днепровском уезде Таврической губ. Они, не смотря на десятилетия, прошедшие с того момента, когда их забросили в залежь, все таки сразу выделялись на фоне окружавшей их никогда не паханной степи. К этой же категории явлений надо отнести неудачу первой попытки Ф. Э. Фальцъ-Фейна создать заповедный степной участок в имени Аскания-Нова в урочище „Кролики», которое находилось в полосе прежнего солевозного тракта (ширина этого последнего равнялась трем верстам) и было испо-

лосовано старими дорогами, с поверхності котрих ветром була снесена ґрунт. Як я об цьому згадував в іншому місці, ділянка ця в типову для даної зони степ не перетворилася, і їй довелося пристосуватися до пасбищ, а ділянку закласти в іншому місці. Навпаки, там, де шар чорнозема дуже потужний і плугом вивертаються шари, суттєво не відрізняючись від поверхневих, немає ніякого ґрунтового підґрунтя. Щоб через певний термін не отримати повного повернення рослинного покриву, звичайно, при наявності другого умови регенерації степу, яке складається в тому, щоб поруч знаходився джерело насіння степних трав, так як якщо такого джерела не буде, то відновлення степної рослинності або назавжди зробиться неможливим, або потребує для свого виконання незвичайно тривалого часу, впродовж якого насіння на цю ділянку, при сприятливих умовах, потрапляє з більш віддалених місць.

1913

Soffel Karl und Else.

Im Steppenpark zu Askania-Nova.

Ein Tierparadies in Sud-Russland.

Westermanns Monatshefte. Braunschweig und Berlin, 1913. 1. 12.
S. 393-478.

Im Steppenpark zu Askania Nova

Ein Tierparadies in Süd-Rußland.

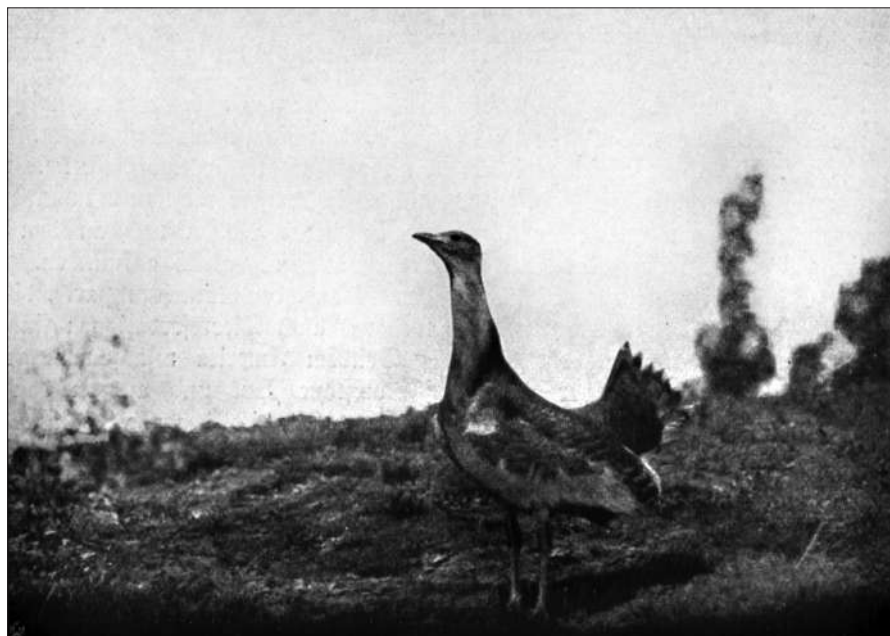
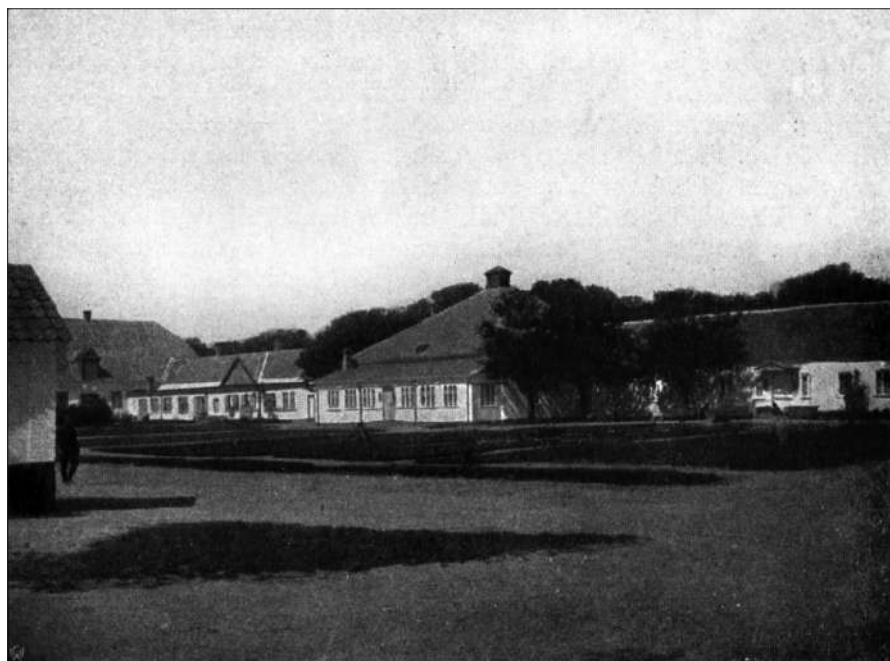
Bilder und Text von Karl und Elfe Soffel

Wir stehen in einer Zeit kräftig wiedererwachenden Naturinteresses. Richtiger vielleicht: wiedererwachenden Naturgefühls. Die notwendige Reaktion gegen die nervöse Überkultur unsrer Tage, die so verschiedene Formen annehmen kann, ist die wiederkehrende Sehnsucht nach Einfachheit, Natürlichkeit, mit einem Wort: die Sehnsucht nach der Erde. Und mit dieser Sehnsucht entsteht der Wunsch, das, was wir von dieser Erde und ihrem Reichtum noch unzerstört besitzen, zu erhalten, es vor weiteren Schädigungen zu schützen.

Wir sind erwacht, und es ergreift uns ein Bangen, wenn wir von dem Aufsaugen der letzten Naturasyle durch die Zivilisation lesen, wenn wir hören, über wievielen Tier- und Pflanzenformen heute schon die Worte stehen: „Im Aussterben begriffen“ oder „Ausgerottet“. Was wird unsern Kindern, unsern Enkeln bleiben von dem, was wir einst Heimat nannten?

Man kann mit Recht von gewissen Ideen sagen, das sie in der Luft liegen. Sie sind zu ihrer Zeit naturgemäß, weil sie reif sind, und es ist deshalb nicht zu verwundern, wenn sie in vielen Köpfen und an den verschiedensten Arten zugleich auftauchen. So auch der Gedanke der Naturschutzparke, die ja ohne weiteres auch Tierreservationen sind.

Seitdem Amerika mit seinem gewaltigen Yellowstone-Park und andern den Anfang gemacht hat, ist derselbe Gedanke in den ersten europäischen Staaten lebendig geworden. England ist ihm in seinen Kolonien gefolgt, Schweden besitzt seine Reservationen

in Lappland, Holland sin Nardermeer. In Deutschland ist der Anfang gemacht mit dem Wilseder Park in der Lüneburger Heide. Und wo – wie in Rußland – das Interesse an dieser Sache noch zu seinem öffentlichen geworden ist, sind es einzelne, die, obwohl dem Zentrum der Bewegung äußerlich fernstehend, doch dem Geiste nach mit ihr verbunden, auf ihrem eignen Gebiet mit eignen Mitteln dasselbe anstreben.

Vielleicht mag gerade jetzt die Schilderung eines Unternehmens interessieren, das zwar nur in seinem kleineren Teil eigentliches Naturschutzgebiet ist, aber durch seine ganze Anlage und Entwicklung und vor allem durch die Auffassung seines Besitzers sich eng mit den Bestrebungen zur Erhaltung der Natur berührt: ein Tierparadies im Südosten Europas, der Steppentierpark des Herrn Friedrich Falz-Fein zu Askania Nova.

Steppenfahrt, letzte Etappe zum Endziel unsrer Reife ins gelobte Askania! Der morgen ist hell, der Reisewagen steht vor der Tür, in demütiger Haltung nimmt der uprawliajustschii (Hausverwarter) den Rubel entgegen, den wir ihm reichen. Die Pferde ziehen an – entschwinden! Im Nu durch das weitgebaute stille Dorf Kachowka am Dnjepr – Dampferstation der Flußdampfer von Cherson aus – an der entlegenen Kirche vorbei mit der grüingedeckten Kuppel unter bleigrauem Himmel, mit dem großen strahlenden Kreuz vor dem Portal. Im Umbiegen noch einen Blick vor der Höhe des Dorfes hinunter nach dem Fluß, dem breiten schwermütigen Dnjepr mit feinen Lehmufeln, feinen frühlings-

grünen Birkenwäldern, die im Wasser stehen – vor uns liegt braune Weite, Unendlichkeit, baum- und strauchlos, brütend unter gewittrigem Frühlingshimmel, mit den auszuckenden Täuschungen der Fata Morgana an ihrem Horizont, von tausendfachem Lerchenjubel schwirrend und zitternd, mit den ersten Blumen bestickt: die Steppe.

Niemals werde ich jenen Morgen vergessen. Sollte ich der Frühlingssteppe ihren Namen geben, so würde ich sie Lerche nennen, und träumt mir von ihr, so höre ich fernen Lerchentriller. Nicht Dutzende oder Hunderte von ihnen waren es, nein Tausende. Sie waren überall, sie waren unter, über, und um uns, der Boden selbst schien zu zittern und zu schwingen von ihrem Gesang, die Luft zu schmettern, auf jedem kleinsten Grasbult standen sie, zwischen den Krumen der braunen Erde liefen sie, sie warfen sich in der Luft herum, stiegen hoch ald singende Punkte – unzählbar. Fast schmerzhaft wurde ihr Jubel. Doch wir wurden ihrer nicht müde, stundenlang. Dann, als der Mittag und die Länge der Fahrt allmählich anfangen auf uns zu lasten – was steht dort in der Steppe, weiß und braunwollig, hochbeinig, langköpfig, und äugt neugierig zu uns herüber, von einem einzigen Steppenreiter bewacht? Der iswostschik deutet mit dem Peitschenstiel danach, nennt den Namen Falz-Fein – am Horizont taucht etwas wie eine grüne Insel auf, Bäume, ein Park in der Steppe, weiße Gebäude dazwischen: wir find am Ziel. Die Lamas dort, frei in der Steppe weidend, ohne jede Haft – keine Zaun ist in der Weite zu entdecken – nur unter "Aufsicht" eines berittenen „objestschick“, sie sind der Erste Gruß aus dem Steppenparadies, aus Askania Nova.

Und solche Überraschungen kamen dann Schlag auf Schlag, jeden Tag, durch beinahe acht Wochen. Den das sahen wir beim ersten Rundgang, den Einer der Angestellten an jenem goldenen Nachmittag mit uns machte: zu erschöpfen, auszugenießen war diese Sache in der Frist von etwa zwei Monaten, die uns gegönnt war, niemals. Dazu gehörten Jahre, wie das Ganze ja auch durch ein Menschenalter hindurch „geworden“ war. Leben musste man mit dem allen, daran arbeiten, um es ganz würdigen zu können. Uns aber war nur ein kurzer Blick gegönnt.

An jenem ersten Nachmittag statteten wir unter anderm der „Tiersteppe“ untern ersten Besuch ab, einem zweihundert Morgen großen eingezäunten Platz, auf dem in bunter Reihe Zebras, Elen- und Rappantilopen, die seltene und für die südrussische Steppe einst charakteristische Saiga, Muffels, Gnus, Maralhirsche, Kropfgazellen usw. durcheinander weideten.

Ein paar Stufen führten aus einem hinter dem Park gelegenen, wieder hundert Morgen großen Stück Freiland, in dem Großtrappen liefen und Fasanen brüteten und die seltsamen patagonischen Maras hoppelten, zu einer kleinen Holzkanzel, von wo man einen herrlichen Ausblick auf die eben genannte Tiersteppe genoß. Wieder ein paar Stufen abwärts, und man befand sich unter den Tieren selbst, was wir jederzeit wagen konnten. So gehaltene Tiere – und das ist ein Grund, warum ich Askania ein Paradies genannt habe – sind selten böse. Nur wenn der alte Elenbulle, ein mächtiger Herr mit ausgebildeter Wamme und schwarzem Rückenbehang, seinen „Tag“ hatte und mit gesenktem Kopf

in beschleunigtem Tempo auf uns zukam, zogen wir es vor, rasch die paar Holzstufen hinauszuspringen und von droben in Ruhe zuzustehen, wie er blindwütig die kleine Steppe anrannte, dass sie zitterte. Am jenseitigen, der Entfernung wegen kaum sichtbaren Zaun vergnügten sich schweisschlagend in mutwilligen Sprüngen die bunten Zebras, ein sonderbar fremdartiger Akzent in dem sonst ziemlich gleichfarbigem Bilde. Der seltene Buntbock kam ernsthaft und neugierig, beständig mit dem Kopfe nickend, auf unser kleines Asyl zu, um geduldig an der Treppe auf uns und unsre Zärtlichkeiten zu warten, abseits in scheuen Rudeln zogen Saigas und Muffels. Kam aber einer der Gärtner oder Pfleger und brachte grüne Zweige, die im Park unter dem Baumschere gefallen waren, was gab das dann für ein Bild! Alle kamen sie: die etwas dümmlische Kirschziegenantilope vergaß das Nasenrümpfen, dem alten Ellenbullen fiel es nicht mehr ein, gegen uns oder – in Ermangelung unsrer Person – gegen die Treppe zu rennen, gefleckte Dubowsin- und Urishirsche zogen heran, das sprunghaft originelle Gnu bockelte herbei, zaghaft näherten sich ein paar Muffels, ein einzelner Saiga-Bock sogar löste sich von der Herde. Weit über den Zaun hinaus, so weit unter Blick reichte, braune, im Abendlicht schimmernde Steppe, aus dem Park der Ruf eines Fasans, das Trompeten, Singen, Schnattern und Schnarren, die ganze vielstimmige Unruhe der Wasservögel, in Pausen der melodische Ruf der Singschwäne, die nacheinander auf dem Wasser ziehen, das klagende „cha cha“ einer Casarca – und vor uns, dicht vor uns, mit ihren Geäsen warm unsre Hände berührend, die vertrauenden, sich untereinander so gut vertragenden, friedlich schmausenden Tiere.

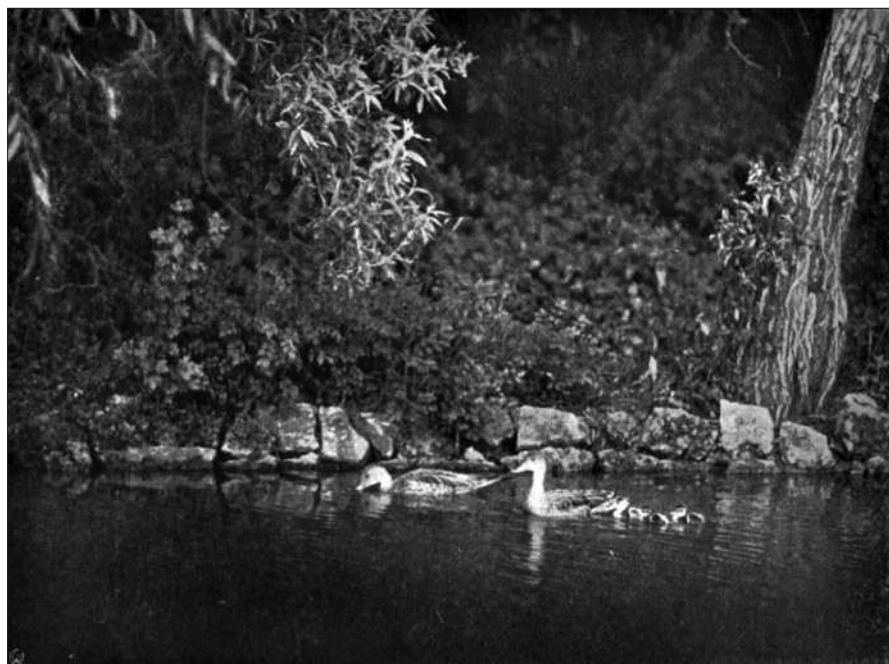
Wirklich, die uralte Sehnsucht des Menschen nach dem verlorenen Paradies der Freundschaft zwischen ihm und altem Lebenden schien hier erfüllt.

Und dieser Eindruck bestätigte sich jeden Tag aufs neue und ließ uns immer mehr alle Vorsicht vergessen. Der Gedanke, dass man „Angst“ haben könnte, kam uns gar nicht, und den Tieren offenbar ebensowenig. Nur wenige machten eine Ausnahme. So die Tarpäne, Urwildpferde aus den mongolischen Steppen, das zoologische Juwel von Askania Nova, und ebenso wie die Saiga ursprünglich in der Steppe Südrußlands heimisch – die boshaft-dummen, aus alter Gnubulle, dessen Hörner zum Schuß des Personals mit Messingkugeln geschlossen werden mussten – die alle mussten in etwas engerem Gewahrsam gehalten werden. Die mächtigen Bisons und Wisente dagegen, sowie deren Züchtungs- und Kreuzungsprodukte (amerikanischer Bison mit Steppenkuh, Wisent mit Steppenkuh, Halbblüter untereinander usw.) weideten nicht in der schon genannten Tiersteppe, sondern wie die Lamas vor den Ställen in freier Steppe unter Elenantilopen, Kirschcharten, Gnus herum, und es war eine unsrer liebsten Freuden, dabei zu sein, wenn sie des Abends aus den Ställen und geschlossenen Weideplätzen ins Freie entlassen wurden und nun in donnerndem Rhythmus, Kopf nach unten, Hinterleib hoch, stampfend und den Steppenstaub im Wolfen hochwirbelnd, an uns vorüberpolterten. Ein Wärter, mit langer Lederpeitsche bewaffnet, war dann der einzige Schutz in erreichbarer Nähe – aber auch seiner bedurften wir niemals.

Dass unter solch natürlichen Bedingungen gehalten die Tiere, Säugetiere wie Vögel (von denen ich noch erzählen werde), sich ganz als freilebende fühlen und von selbst zur

Fortpflanzung schreiten, ist wohl kaum erstaunlich. So stammt z. B. die ganze Herde der Elenantilopen, deren es damals an zwanzig Stück waren, von einem einzigen, gekauften Paare ab, wenn auch natürlich um Inzucht zu vermeiden, für Blutwechsel gesorgt wird. Gnus, Damhirsche, Muffels, Lamas, selbst die so unendlich scheuen Saigas haben ihren Nachwuchs im Frühjahr, der dann, zum Teil von den Müttern getrennt, aus Gründen der leichteren Zähmung mit Ziegenmilch – teils aus dem Kuhhorn gereicht, teils vom Tier selbst dargeboten – ernährt wird.

Sonderbare Kinderstube! Ich sehe noch das Bild vor mir: einen kleinen, mit Querbalken, gezäunten Grasplatz, auf dem sich etwa dreißig hungrige, blökende und schreiende, tolpatschig-ungeschickte Jungtiere um den Wärter stoßen, einen freundlichen blonden Slawen mit angenehmem Gesichtsausdruck, der, auf den Knien liegend, sich kaum der zappelnden, drängenden Gesellschaft erwehren kann. Ist eins der Tiere „absolviert“, so bekommt es rasch eine Schnur um den Hals geworfen, um es zu zeichnen, und schon will das nächste in tölpischer Gier dem Wärter das Horn aus der Hand stoßen, das es tränken soll. Unglaublich komischer und zugleich rührender Anblick! Besonders komisch ein junges Gnustierkälbchen, wenn es mit rollenden Augen, um die ihm bereits wie den Alten bedrohlich aussehende weiße Haarspieße standen, in ungestümen sprunghaften Sätze seine Milchziege annahm; rührend das Rotwildkälbchen, das noch kaum auf den schwachen hohen Beinen zu stehen vermochte und

als einziges unter allen Tieren sich nicht an dem allgemeinen Kampf um die Milch beteiligte, sondern still im Gras liegend wartete, nachdem es erst ein paarmal von den andern umgerannt worden war.

Wie wenig übrigens auch Mütter, die ihrer Nachwuchs selbst führten, Schlimmes von uns fürchteten, bewies mit seinem Jungen in der Nähe der Ökonomie an einem der riesigen Heufeimen ruhend fand. Ich hatte diese Tiere bisher nur in unsern zoologischen Gärten und als unermüdliche – Spucker kennen gelernt und näherte mich daher anfangs vorsichtig. Das Muttertier lag, das Kälbchen – einstweilen nur Gliedmaßen, d. h. Beine – stand still dösend dicht am Schober, in dessen Schatten sie vor der Steppensonne Schutz gesucht hatten. Schrittchen für Schrittchen nur kam ich näher, um die Tiere nicht durch plötzliche Bewegung zu erschrecken, denn ich merkte, daß die Mutter, obschon regungslos in derselben Stellung verharrend, mir mit dem Blick des großen dunkeln Wiederkäuerauges folgte. Ich war in atemloser Spannung – jetzt stand ich dicht vor dem dösenden Kalb. Ich hätte es ruhig streicheln dürfen, aber meine Angst, die Tiere am Ende doch noch scheu zu machen, überwog die Luft, es zu tun. Da stand die Mutter ruhig auf und führte das Junge an das andre Ende des Schobers, wo sie sich gemütlich wieder niedertat. Später habe ich dasselbe Kälbchen übrigens doch noch gestreichelt, und die Mutter ist ruhig dabei liegende geblieben.

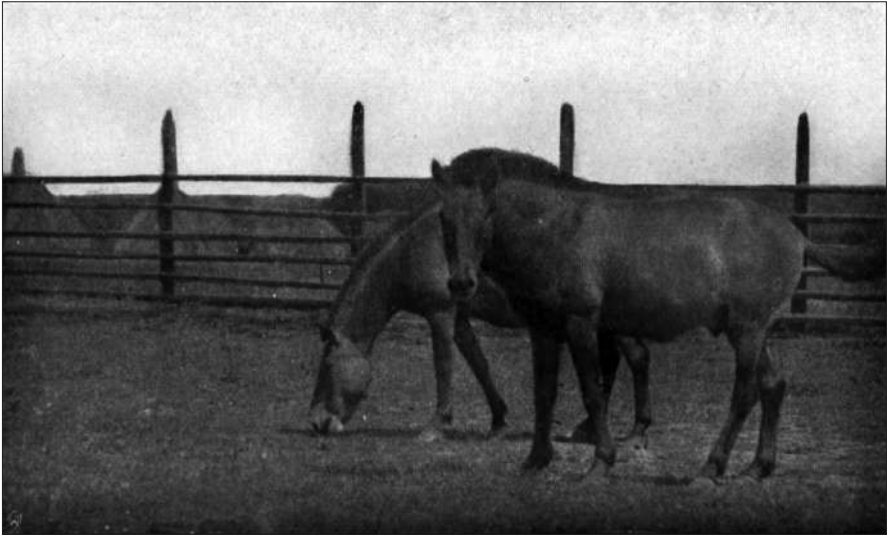
Welcher Zauber, so mit Tieren verkehren zu können, die Eigenart des einzelnen kennen und es danach behandeln zu lernen! Die Stunden, die ich auf diese Weise zubrachte, in unbelauschtem Tete-a-Tete mit Tieren aller Art, gehören zu den schönsten und – obwohl häufig ganz „aktionslos“ – zu den inhaltreichsten meines Lebens. Inhaltreicher als mancher glänzende, laute Gesellschaftsabend, von dem ich trotzdem nur ein Gefühl der Öde mit nach Hause trug.

Ein Morgen im Steppenpark. Wir haben uns um fünf Uhr wecken lassen. Wir müssen die Zeit hier nützen, um so mehr, als um Mittag die Sonne gebieterisch zu einer mehrstündigen Pause zwingt. Erst der Abend bringt wieder Leben für Mensch und Tier.

Unser erster Gang ist in den Park. Wir treten ein paar Stufen von der Veranda des Hauses hinunter und sehen den langen, lichtgrün überdachten Gang hinauf, bis dorthin, wo ein Wasserspiegel golden in der Frühsonne aufblitzt und Schwäne oder andre Wasservögel flügelschlagend silberne Furchen hineinziehen. Noch singt der Sprosser, einer dicht vor den Fenstern des Hausherrn, ein anderer in den Büschen am Teich, ein dritter hinter der Voliere; der Pirol ruft „gidleoh, gidleoh“ und hängt wie eine fremde Blüte an schwer duftender blauer Fliedertraube, einen kurzen Augenblick lang.

Fast ist es spät – die Sonne ist schon eine Stunde hoch, und den Morgentusch der Kraniche haben wir versäumt. Aber sonst gibt es überall zu sehen und zu hören. Hinten am Parkende rauscht es in den Bäumen und lärmt vielstimmig. Es sind die Stare, die jeden Abend dort zu Tausenden einfallen. Im Rohr, nicht weit davon, wetzt die Rohrdrossel ihr Liedchen, eifrig und scharfsilbig. Und aus der Voliere tönt bunter Lärm. Sanftes Flöten und leises Gurren, Schmetter vom Buchfinken und das kieselharte Gesängchen der Bachstelze, der Schlag einer Nachtigall und Rotkehlchens kinderhaft süßes Gestammel, das aber sofort in leidenschaftlich lauten Balz- und Kriegs- gesang übergeht, als ein zweites Männchen sich dem ersten gegenüber setzt und ebenfalls zu singen anfängt. Und all diese Melodien, in die sich noch so viele andre mischen: die runde Strophe der Amsel und heller Drosselruf, das trauliche Geplauder der Rotschwänze und der Singsang der Ammer, Lerchentriller, Geraune und Ticken der Wachtel, Meisengeklingel und Zeisiggeschwätz, Braunellchens Duellgeriesel und der metallisch klingende glänzende Kunstgesang des Sonnenvogels: all dies durchsetzt und unterbrochen von den staccati der Ufervögel, die an dem kleinen Rinnsal hin und wider rennen, das die Voliere durchströmt, von dem schrillen, schwirrenden Balzgesang des Rotschenkels, der mit hochgehobenen, in leiser Bewegung zitternden Flügeln sein Weibchen umkreist, der plötzlich ausbrechenden und plötzlich ersterbenden Klage des Brachvogels, diesem schwermütigen Preis einsamer Freiheit, dem gutmütig=hellen „piwitt, piwitt“ des Kiebitz und dem gell

gezogenen „tliet“ der Goldregenpfeifer, dem kurzen harten Ruf des Austernfischers und dem ewig wiederholten flötenden „tliu, tliu“ der Avosetten, lang fortgesponnenem Triller der Flußregenpfeifer, Gelächter und Gehöhne der Möwen. Töne, die bald in das Ganze gesetzt sind wie grelle Akzente, bald es umhüllen wie ein Nebel, in weiches Halblicht tauchen, in dem das einzelne fast untergeht. Es ist Frühling, hohe Zeit im Jahr. Wir dürfen das nicht vergessen. Die laute und doch so heimliche Zeit. Keins von all den Wesen im

Park wollte mehr allein sein: überall heimliche Pärchen, die versteckte Wege wandeln, brütende Mütter, die sich in die Einsamkeit zurückgezogen und, todstill, erst bei unserm Nahen aufschrecken, eifersüchtig wachende Gatten. Überall Hochzeit: in grünen Parkwinkeln, auf abseitsliegenden stillen Weihern, zu Wasser und zu Lande, öffentlich und heimlich, stille und laute Hochzeit.

Und wo nicht Art zu Art sich finden konnte, nun, da wurden auch Mesalliancen nicht gescheut. Die Schneegans verband sich mit der Graugans, Grau= und Kanadagans untereinander. Es gab da mancherlei Verbindungen, glückliche und weniger glückliche, solche mit und solche ohne Resultat. Als der Juni kam, waren die Jungen da. Die Graugans führte ihr Junges aus der Ehe mit der Schneegans, ein einziges Sorgenkind, Kanada= und Graugans waren ebenfalls fruchtbar gewesen. Der australische schwarze Schwan attackierte uns jedesmal, wenn wir an dem kleinen Wasserlauf außerhalb des Parkes entlang kamen, auf dem er seine Nachzucht hütete. Die Rostente (Casarca), deren zärtliches Wesen vor Jahrtausenden und heute noch zu poetischen Deutungen Anlaß gegeben, schwamm mit vierzehn grauflaumigen Flöckchen, flog uns dicht vor die Füße, klagend und sich lahm stellend, in übertriebener Muttersorge, und wo der weite Weiher zum Bach sich einengt, unter Gebüsch und in aller Heimlichkeit, betreute das scheue Wasserhuhn seine Kinder.

Warum sollten sie auch nicht? Der künstliche, in schmale Wasserarme auslaufende See, wie Park und Gartenland der Steppe mühsam abgetrotzt und nur unter den größten

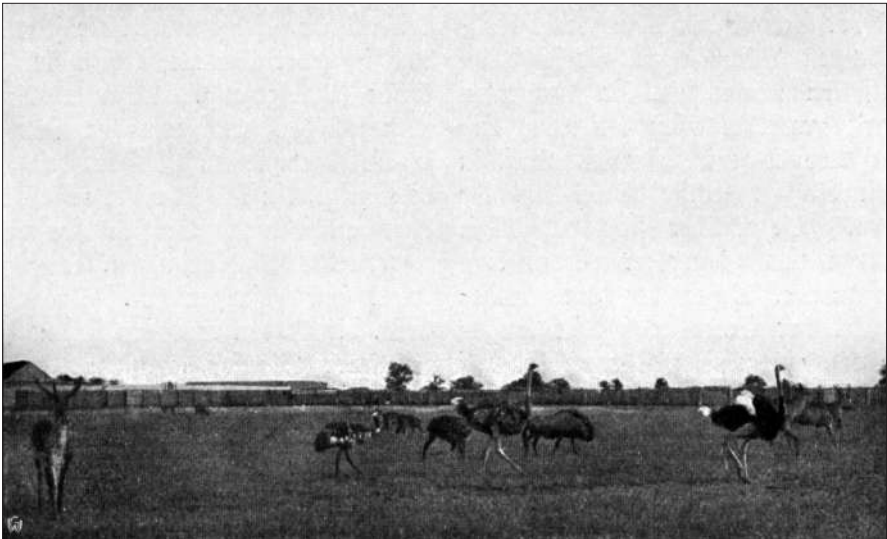
Schwierigkeiten zu halten, ist groß genug, um die Illusion völliger Freiheit zu ermöglichen. Und des Morgens und Abends erheben sich die Schwäne, die bunten Brandenten und fremdländischen Gänse in freiem Flug und ziehen aus in die Steppe, um regelmäßig wieder zurückzukehren zu dem Gewässer, das längst ihre Heimat geworden war.

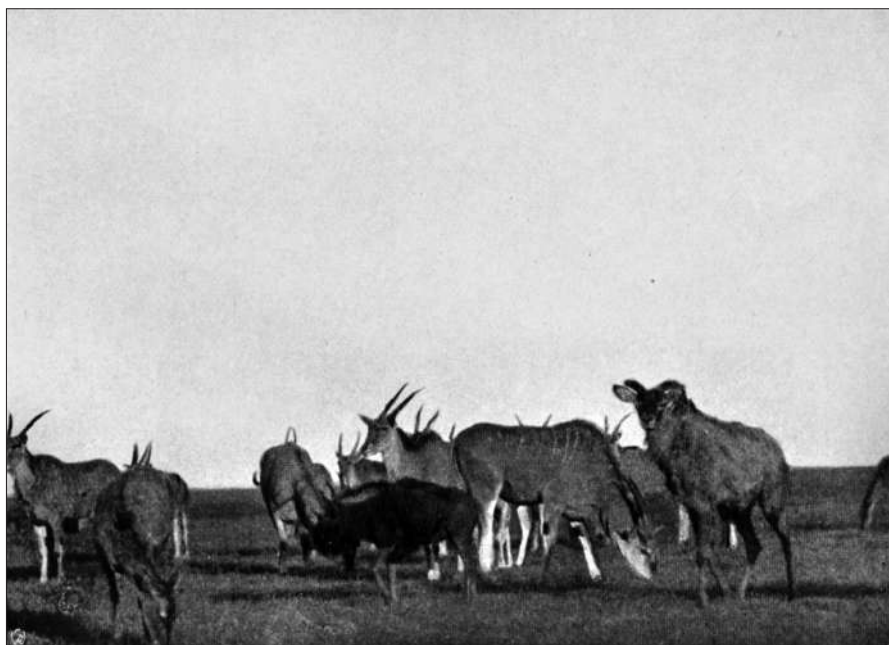
Dann sah man ihre Züge hoch am blauen Himmel, hörte drunten die vertrauten Laute und freute sich. Manche von ihnen, so z. B. der Antigonekranich, haben sich eingebürgert in der freien Steppe, sehen sie als ihre Heimat an und pflanzen sich fort, so daß tatsächlich, seitdem Askania Nova Falz=Feinscher Besitz ist, der Tierreichtum in der Umgegend nicht abgenommen (wie dies gewöhnlich der Fall ist), sondern sich gemehrt und auch an Artenzahl bereichert hat. Kein Wunder: in ihrer Heimat, ja überall in der weiten Welt meist schwer verfolgt, aus ihren natürlichen Zufluchtsorten und Nistplätzen immer mehr vertrieben, erfreuen sie sich in dem Frieden dieser Steppeninsel eines sicheren Asyls. Und das Asyl wird Heimat. Günstig ist dabei der Umstand, daß Askania Nova an einer der großen Vogelzugstraßen vom Norden nach dem Süden liegt. Es wandern Hunderttausende von Singvögeln, Raub- und Seevögeln diesen Weg, so daß an manchen Tagen die Steppe bedeckt erscheint von zahllosen Individuen einer Vogelart. Und wiederum günstig sind die herrlichen Parkanlagen, Seen und Sümpfe, eine grüne Insel in öder Steppenweite, die den Tieren willkommenen Ruhepunkt bietet auf ihrer Reise. Um die Frühlingszeit zwitschert und flötet es überall um das Herrenhaus von Vögeln, denen nur der Mensch das Bleiben hier ermöglicht hat. Blauraken und Bienenfresser fliegen aus der

Steppe den Schutz und Nahrung spendenden Bäumen zu, Rotfußfalken und Turmfalken kehren wie die Blauraken jährlich zurück an ihre alten Nistplätze und ziehen des Abends mit scharfem Ruf in Scharen oft bis zu sechzig Stück um die Baulichkeiten. Die Dächer sind vollgeklebt mit Dutzenden von Schwalbennestern, eins neben dem andern. Gegenüber dem Herrenhause klappert der Storch auf dem langen niedrigen Dach, ein zweites Pärchen hat auf einem der Wirtschaftsgebäude sein Nest, ein drittes hoch auf dem Schornstein der technischen Werkstätten. Man kennt das Datum ihrer Ankunft und wartet, wie man auf alte Freunde wartet, auf liebe, unentbehrliche Hausgenossen. Man steht des Morgens früh auf, um einen Zug von Kranichen zu beobachten, der in den grünen Parterres vor dem Herrenhause eingefallen ist, oder um den Wiedehopf und den Pirol zu hören, die seit gestern wieder da sind, und man wandelt des Abends in Maimondnächten in stummer Reihe durch den Park: die Sprosser singen zum erstenmal!

Es gab einstmals keine Sprosser zu Askania Nova. Jetzt kehren sie jährlich wieder, und in jeder Parkecke orgeln sie ihren feierlichen Nachtgesang. Manche Tiere werden zum Bleiben gewissermaßen „aufgefördert“, indem einem ersten Pärchen, das sich im Gebiete zeigt, ein Flügel leicht angeschossen wird, oder auch durch Stutzen der sechs ersten Federn der Handschwinger, nachdem man die Tiere erst gefangen hat. Die Wunde verheilt die Federn erneuern sich nach gut überstandener Mauser, und das erste Pärchen lockt das zweite an, das freiwillig bleibt und sich fortpflanzt.

Ziel und Endgedanke aller Falz=Feinschen Tierhaltung und Tierpflege – soweit nicht wissenschaftliche Beobachtungen, Züchtungen und dergleichen in Frage kommen, die ein Halten in engerem Gewahrsam nötig machen – ist völlige Freiheit für die Tiere,

vertrauendes Zusammenleben von Mensch und Tier. Und bis zu welchem Grade ist dies Ideal schon erreicht! Bis hinaus in die Steppe, so weit sie unter seinem Machtgebot steht, erstreckt sich des Steppenherrn Fürsorge. Er kennt die Zahl der Nester seiner Steppenadler und findet sie in der weg= und richtungslosen Weite. Seine Leute zeigen ihm jedes Nest, jeden seltenen Fund an. Und wenn die Zeit zum Mähen kommt, so fällt keiner der heranwachsenden Vögel der Maschine zum Opfer. Sorgfältig werden die Nester, die vorher durch Einstecken eines Stockes bezeichnet sind, ummäht.

Noch fehlt im Gesamtbilde die Fasanenzucht, die sich von den gewöhnlicheren Arten bis auf die seltensten und am schwersten zu haltenden erstreckt (Glanzfasanen, Lady Amherst, Elliots usw.), im ganzen über tausend. ES fehlt die Schilderung so vieler halbwild- der Geschöpfe, die außerhalb des Parks in Sumpf= und Trockenland umherschweben, =schritten und =stiegen und den Übergang bildeten von den Gefangenen und Parktieren zu den frei angesiedelten. Manche von ihnen sah man nur hin und wieder auftauchen, andre gehörten zu den uns täglich Begegnenden. Manches kleine Tieridyll blieb unbeschrieben, manches Bild ungezeichnet, mancher Zug unerzählt. Ich denke nur an die tägliche Begleitung eines zahmen Großtrappen, an meine Renkontres mit freilaufenden Dorcasgazellen usw., an die Abendmusik der Zwergeulen im Park. Es würde den Rahmen eines Überblicks, einer Einführung überschreiten.

Nur von einem möchte ich noch einen Augenblick sprechen, von dem „Gottesgarten« der Steppe, von den Anfängen eines Naturschutzparkes auf Falz=Feinschem Gebiet: der Ursteppe.

Der Blick in diese Weite, ursprünglich und unberührt und voll Größe, scheint mir auch der rechte Schluß zu sein. Dieses zweitausend Morgen große Stück Land, fruchtbar, wie der Steppenboden überhaupt, doch un bebaut, jungfräuliche Erde, wird niemals gemäht. Im Mai und Juni blüht dort das Federgras, die *Stipa pennata* mit ihren flatternden Silberfahnen, wie ein weißes wallendes Meer. Tulpen und Iris und das rauhe *Onasma* sind dann längst gegangen, aber der blaue Widerstoß flirrt im Sonnenglast, und heiße Duftwellen steigen auf vom herben Steppenwermut, mit dem zu Pfingsten die Hausdielen bestreut werden. Dort sitzt der Steppenweih auf dem Erdwurf, der Geeadler zieht, und der braune Steppenadler kreist in der Höhe. So war die Natur einmal. So weit und so groß. Und nicht nur hier... Was haben wir daraus gemacht!

Tuzson J.

Adatok a délorosz puszták összehasonlító flórájához. 1. Tauri-Puszták.

BOTANIKAI KOZLEMENYEK. XII. KÖTET, 1913. XII/25. 5-6. FÜZET.
Old.181-202.

A délorosz puszták flóráját főleg az Alföld flórájával össze-hasonlítólag tanulmányozván, ismertetéseimet azokkal a területekkel kezdem meg, amelyek az általam bejártak közül hozzánk közelebb esnek. Ezek a Tauri Puszták ama részei, amelyek a Fekete-Tenger és a Dnjepr folyó között a Chersontól Perekop felé vonható vonal környezetén terülnek el.

Ezekre a tájakra az asztraeháni pusztákról jövet, 1912 július 10-én érkeztünk. Első állomáshelyünk Cherson volt, ahol az emsztvo-hivatal részéről Paczoski múzeumi igazgató úr fogadott, hogy hozzánk csatlakozva kirándulásainkon kalauzoljon. A tanulmányozandó terület felől tájékozódván, kirándulásaink tervét úgy állapítottuk meg, hogy a Dnjepr valamelyik szigetét és parti táját, egy homokpusztát, egy szikest, egy feketeföldű pusztát és a Fekete-Tenger melléki iirömpuszták egyikét és annak littorális halofita-vegetációját figyeljük meg.

Mint chersoni tartózkodásunk alatt mindvégig előzékeny kalauzunkról, e helyen is köszönettel és elismeréssel emlékszem meg Paczoski J. múzeumi igazgató úrról, nemkülönben Falz-Feini nagybirtokos úrról, a kinek mint a Tauri-Puszták jelentékeny része urának, vendégszeretetét és kirándulásainkon szakszerű vezetését is élveztük.

Az alábbiakban és általában az orosz pusztákról folytatólag közlendő cikkeimben azokat a növényeket sorolom fel, amelyeket meg is gyűjtöttem. Gyűjtéseimben pedig elsősorban arra helyezem a súlyt, hogy a délorosz pusztákon közel egyenlő időpontban, még pedig június elejétől július közepéig viritó flórának azokat a fajait gyűjtsem, amelyek tömegesebb megjelenésükkel, vagy más okokból jellemzők. Ezek közül azokról, amelyeknek tanulmányozásával elkészültem, a rendszertani megállapításokon kívül közlöm azt is, hogy milyen formációnak a tagjai és hogy mi a növénygeográfiai jelentőségük.

Általában a Tauri-Puszták növényzete az oroszországi puszták közül egyike a legérdekesebbeknek; a magyar pusztákra való tekintettel pedig egyike a legfontosabbaknak. Érdekessé teszi az északabbra és keletebbre fekvő orosz pusztákkal szemben az a körülmény, hogy területén egymás mellett: littorális-, igazi sztep-lakó-, futóhomoki-, halofita-, folyamparti stb. növényközvetkezetek változatos fajai helyezkednek el. Reánk nézve pedig az általánosan fontos az az terület, hogy a Dunai Flóra-Kerület keleti határától számítva, kelet felé a legközelebbi olyan terület, amelyet már a keleti puszták számos jellemző növényfaja népesít be...

...**A feketeföldü sztep formációja.** A Dnjeprtől keletre abban a távolságban, ahová e folyam homokja nem jutott el, nagy kiterjedésű *sztep* terül el, amelynek ugyan nincs olyan sötétfekete humusztakarója, mint pl. az északabra fekvő voronyezi pusztáknak, azonban kilúgozott talajnak koránt sem mondható, hanem sokkal inkább fekete földnek. Ha a sztep fogalmát a fátlansághoz kötjük, akkor szigorúan véve, a *Tauri-Puszták sztepei az igazi sztepek*. Rajtuk nemcsak fák nincsenek, de még az apróbb cserjék : a *Cytisusok* és az orosz puszták jellemző *Caragana* cserjéi sem élnek meg, hanem csakis füvek. Erre a rendkívül érdekes területre Kachovka, Dnjeprparti hajóállomásról jutottunk el. Eleinte a kachovkai vetések között haladtunk. Ezek szélén *Amarantus albus*, *Brassica elongata*, *Gypsophila paniculata*, *Linaria Biebersteinii*, *Chondrilla juncea*, *Crépis rhoeadifolia*, *Centaurea scabiosa* fajt láttam. A *Cirsium arvense* itt igen ritka: a *Centaurea cyanus* pedig, úgy látszik, teljesen hiányzik. A legelőkön *Polygonum convolvulus*, *Bassia sedoides*, *Euphorbia virgata*, *Melilotus officinalis*, *Salvia aethiopsis*, *Artemisia austriaca*, *Achillea micrantha*, *Inula germanica* volt, az út mentén. A Dnjeprtől mintegy 50 km-nyire fekszik Aszkania-Nova, a F a l z - F e i n-féle uradalom központja és ettől keletre terül el a sztep, amelynek egy részét szánt ják, kaszálják és legeltetik ; egy nagy kiterjedésű rész azonban érintetlen és teljes szépségében mutatta be a sztepi flórát.

A sztep itt kétféle területből áll, amely egymástól florisztikai-lag éppen úgy eltér, mint ahogy pl. nálunk a Hortobágyon : a kiemelkedőbb síkság és az ú. n. „lapos»-ok flórája egymástól lényegesen különbözik. A Tauri-Puszták sztepei e kétféle területek egyikét, a magasabb fekvésű síkságot, amely egyúttal a túlnyomóbb kiterjedésű is, ott egyszerűen sztepeknek nevezik ; a másikat pedig, amely ennél a szélén csak néhány deciméterrel, de beljebb talán 1–1'5 m-rel is mélyebben fekszik, megkülönböztetésül Тpod»-nak mondják. Ez a szó oroszul valaminél alább levőt jelent. A továbbiakban az előbbit „száraz sztep»-nek, az utóbbit „sztepi lapos»-nak nevezem.

A száraz sztep alformációja. Az aszkania-novai sztep a délorosz puszták között a legszárazabbak közé tartozik. A talajvíz 20–25 méter mélységben van ; patak vagy folyó-víz nem áztatja és eső is ritkán éri. Innen magyarázható az, amit fennebb már kiemeltem, hogy fás növénye egy-általán nincs, még a legapróbb cserje is hiányzik rajta. Annál meglepőbb azonban az, hogy a fűnemű növényzet rajta rendkívül dús: helyenként deréki, sőt magasabbra is ér. Olyan fajokból verődött össze ez a növényközvetkezet, amelyek mindegyike kitűnően állja a száraz, pusztai klimát és talajt. E száraz sztepeken a következőket gyűjtöttem: *Stipa capillata*, *Stipa pennata*, *Agropyrum repens*, *Bromus erectus*, *Allium Paczoskianum*, *Kochia prostrata*, *Silene otites*, *S. lonyi flora*, *Dianthus leptopetalus*, *D. campestris*, *Delphinium consolida*, *Potentilla bifurca*, *Medicago falcata*, *Astragalus reduncus*, *Cachrys odontalgica*, *Peucedanum graveolens*, *Falcaria Rivini*, *Goniolimon tataricum*, *Statice sarep-tana*, *Salvia aethiopsis*, *Phlomis pungens*, *Verbascum ovalifolium*

(meglazított talajon), *Veronica spicata*, *Asperula humifusa*, *Artemisia austriaca*, *Jurinea linearifolia*, *Centaurea diffusa*, *Serratula xeranthemoides*, *Carduus hamulosus*.

A laposok alformációja. A laposok talaja rendkívül tömött, vizet át nem bocsátó agyagos talaj, amely a tavaszi vizet sokáig megtartván, eleinte nagy kiterjedésű, sekélyvízű tavat alkot. Ily állapotában virít rajta az *Alisma arcuatum*, *Platine alsinastrum* és más mocsári növény. Később, lia kiszikkad a „podmint otlétemkor is, akkor található rajta az *Agropyrum repens*, *A. ramosum*, *Peckmannia erucaeformis*, *Juncus Gerardi*, *J. sphaerocarpus*, *Allium globosum*, *Arabidopsis toxophyllum*, *Nasturtium brachycarpum*, *Potentilla supina*, *Lythrum tribracteatum*, *L. thymifolium*, *Flantago major* (eltörpült alakja), *Achillea micrantha* és a lapos szélén az *Pryngium planum*, *Veronica spicata* és *Centaurea inuloides*. Ez a formáció az alig észrevehető lejtőn azután fokozatosan megy át a száraz szteppebe...

Statice sareptana Becker f. ...

...f. 2. *glabra* Paczoski in herb. (*St. Gmelini* Willd. C., *parviflora* Schmal h. Fl. II. 1897. 191.) *Foliis et caulibus glaberrimis*.

Habitat: prope Jekaterinoslaw Ross. mer.

Az aszkania-novai sztepen mind Paczoski kollega úrnak, mind pedig nekem feltűnt ez a *Statice*, amelyet eleinte nem ismeriünk fel, csakhamar azonban közölte velem levélben Pa-czoski úr, hogy az nem más, mint a *St. sareptana* Becker. Ezzel a most kiderült termőhellyel és a *St. sareptana* sziszte-matikai értékével behatóan foglalkozik Paczoski abban az ismertetésében, amelyet nem régen orosz nyelven a mi együttes kirándulásunkról írt. Ebben Paczoski arra az eredményre jut, hogy a *St. sareptana* önálló faj és az a feltevés tehát, hogy a *St. Gmelini* Willd. és a *St. latifolia* S m. faj hibridje volna, téves.

Nekem első sorban feltűnt az, hogy a teljesen sőtlan, feketeföldű aszkania-novai sztepen elszórtan mindenfelé megvolt. Összehasonlító morfológiai vizsgálataim megerősítik Paczoski fenti megállapítását.

Az Oroszországból kért összehasonlító anyagért a szent-pétervári botanikus kert igazgatóságának és Paczoski úrnak tartozom köszönettel. A küldött példányok között volt a Jekate-rinoslav környékéről származó, fennebb ismertetett kopasz alak is : a f. *glabra* Paczoski.

Tuzson J.

Beiträge zur vergleichenden Flora der südrussischen Steppen. 1. Die Taurischen Steppen.

BOTANIKAI KÖZLEMÉNYEK. BAND XII. 25. XII, 1913. HEFT 5–6. S. 41–61.

Im vorigen Jahre (1912) durchreiste icli die südrussischen Steppen vom Dnjepr bis zum Aralsee, um ihre Vegetation mit der unseres Alfölds² und der des ostungarischen Beckens ver-gleichend zu studiereu.

Ich beginne nun meine diesbezüglichen Mitteilungen mit den Gebieten, die unter den von mir durchreisten uns am nächsten liegen. Dies sind die Teile der ‚Bäurischen Steppen, die sich zwischen dem Dnjepr und dem Schwarzen Meere in der Umgebung der Linie zwischen Cherson und Perekop ausbreiten.

In dieses Gebiet gelaugten wir erst auf dem Bückwege von den Astrachanischen Steppen am 10. Juli. Unsere erste Haltestelle war Cherson, woselbst wir von Seite des Zemstwo-Amtes durch Herrn Direktor J. Paczoski empfangen wurden. Wir haben uns die Aufgabe gestellt, liier eine Insel des Dnjepr, eine Ufergegend desselben, eine Flugsand-, Salz- und schwarz-erdige Steppe, ferner aber auch Wermut-Steppen und die Küsten-land-schaft des Schwarzen Meeres zu durchstreifen.

Herr Direktor Paczoski war so freundlich, die Durch-führung unseres Planes durch seine geschätzte Leitung zu erleichtern, wofür ich ihm auch an dieser Stelle meinen innigsten Dank ausspreche, ebenso aber auch dem Herrn Grossgrund- besitzer F a 1 z - F e i n, dem Besitzer eines grossen Teiles der Taurisclien Steppen, dem wir nicht nur für seine liebenswürdige Gastfreundschaft, sondern auch für seine fachmässige Leitung zu danken haben.

Hier sowohl, als auch in meinen weiteren Mitteilungen führe ich die Pflanzenarten an, die ich selbst beobachtet und gesammelt habe, in meinen Forschungsreisen legte ich Gewicht darauf, die südrussischen Steppen womöglich zu demselben Zeitpunkt zu besichtigen und beobachtete und sammelte, von Norden gegen Süden vorschreitend, die von Anfang Juni bis Mitte Juli in der Blüte stehenden Pflanzenarten dieser Steppen und besonders diejenigen, die durch ihr massenhaftes Auftreten oder aus anderen Gründen als charakteristisch zu betrachten sind. Die Vegetation der Taurischen Steppen ist, vergli-chen mit der der übrigen russischen Steppen, eine der interessantesten ; mit Bezug auf die Vegetation der ungarischen Becken aber eine der wichtigsten.

Den nördlicheren und östlichen russischen Steppen gegen-über gewinnt sie dadurch an Interesse, dass man in einem ver-hältnismässig kleinen Gebiet an der nordwestli-chen Spitze des Schwarzen Meeres echte schwarzerdige Steppen, Flugsand-flächen, kon-tinentale und litorale salzige Böden und sandige Flussufergegendeu, beziehungsweise

ihre charakteristischen Pflanzenzungenossenschaften nahe zueinander beobachten kann. Wichtig ist aber diese Vegetation bei der Vergleichung derselben mit der Vegetation der ungarischen Becken deshalb, weil das erwähnte Gebiet am Ostrande der Danubischen Zone das nächste ist, das schon ziemlich durch Pflanzenformen der östlichen Steppen besiedelt ist...

... **Die Formation der schwarzerdigen Steppen.** Östlich vom Dnjepr zieht sich ein nicht zu breiter Streifen der vorher erwähnten Sandsteppe hin, worauf dann – bis zum Schwarzen Meer sich ausbreitend – die ganz ebene schwarzerdige Steppe folgt. Die obere Schichte des Bodens dieser Steppe besteht nicht aus einer so tief schwarzfarbigen, humushaltigen Erde, als wie z. B. die Steppen des Voronesher Guberniums, ist aber dennoch keinesfalls eine ausgelaugte, sondern vielmehr eine, wenn auch etwas lichtere, aber dennoch „schwarze Erde“. Wenn man den Begriff der „Steppe“ an eine völlige Baum- und Strauchlosigkeit binden wollte, so wären die Taurischen Steppen jedenfalls als echte Steppen zu betrachten. Es fehlen ihnen nicht nur die Bäume gänzlich, sondern es kommen auf denselben überhaupt keine Holzgewächse vor; es scheinen hier nicht nur die kleinsten Cytisus-Arten, sondern auch die typischen Caragana-Sträucher der südrussischen Steppen gänzlich zu fehlen. Ich konnte wenigstens kein einziges Exemplar der selben auffinden und auch Herr Paczowski, der mit dieser Flora eingehender bekannt ist, bestätigte meine diesbezüglichen Beobachtungen. Die ganze Ebene ist bloss durch hauptsächlich perennierende Stauden und Kräuter bedeckt. Auf diese ausserordentlich interessante Steppe gelangten wir von der Schiffstation Kachovka am Dnjepr. Anfangs fuhren wir in östlicher Richtung zwischen den Getreidefeldern von Kachovka und an den Rändern derselben sah ich: *Amaranthus albus*, *Brassica elongata*, *Gypsophila paniculata*, *Linaria Biebersteiniana*, *Chondrilla juncea*, *Crepis rhoea-difolia*, *Centaurea scabiosa*. – *Cirsium arvense* kommt in den Taurischen Steppen seltener vor und *Centaurea cyanus* scheint gänzlich zu fehlen. An den Hutweiden am Wegsrande sah ich *Polygonum convolvulus*, *Bassia sedoides*, *Euphorbia virgata*, *Melilotus officinalis*, *Salvia aethiops*, *Artemisia austriaca*, *Achillea micrantha* und *Inula germanica*. Vom Dnjepr ist Askania-Nova ca. 50 km entfernt und bildet den Mittelpunkt des Falz-Feinschen Grossgrundbesitzes. Die grosse Taurische Steppe breitet sich grösstenteils östlich von dieser Ortschaft aus. Auf einem grossen Teil derselben wird geackert, gemäht oder sie wird als Hutweide benützt; ein ansehnlicher Teil aber wurde durch den Besitzer, Herrn Falz-Fein, als Naturdenkmal reserviert und somit ihre Vegetation in ihrem ursprünglichen jungfräulichen Zustand belassen. Dieser Teil zeigte uns die Flora der Taurischen Steppen in ihrer vollen Schönheit.

Die Steppe lässt hier besonders zwei Subformationen erkennen, welche voneinander etwa in der Weise verschieden sind, wie zum Beispiel die tieferen Lagen (ungar.: „lapos“)

und die etwas höheren Plateaus der Hortobágyer Puszién unseres Alföldes. Die höheren Lagen der Taurischen Steppen, welche zugleich stark überwiegend sind, werden dort einfach „Step“ genannt, die tieferen Wiesen aber, die sich zwar anfänglich kaum merkbar unter das Niveau der vorigen senken, in der Mitte aber doch um ca. 1–1¹/₅ m tiefer liegen als die Steppen, werden „pod“ (bedeutet soviel wie „tiefer liegend“) genannt. Im folgenden sollen die ersteren dieser beiden ökologisch und floristisch verschiedenen Flächen, nämlich die höher liegenden Steppen „trockene Steppen“, die tiefer liegenden aber „Steppen-Niederungen“ genannt werden.

Die Subformation der trockenen Steppen. Die Steppen bei Askania-Nova gehören unter den südrussischen Steppen gewiss zu den trockensten. Das Grundwasser befindet sich in einer Tiefe von 20–25 m. Vom liegen werden sie im Sommer selten befeuchtet und von Bächen sind sie nicht durchzogen. Dass sie gänzlich baumlos sind, ja sogar hier die kleinsten Sträucher fehlen, glaube ich einzig und allein mit ihrer Wasser-armut in Zusammenhang bringen zu müssen. Um so üppiger entwickeln sich aber hier die Steppengräser und Stauden. Diese Pflanzengenossenschaft besteht somit aus Arten, welche das trockene Steppenklima und den ebenfalls ausserordentlich trockenen Boden vorzüglich vertragen. Hier sammelte ich die folgenden Arten: *Stipa capillata*, *Stipa pennata*, *Agropyrum repens*, *Broinuserectus*, *Allium Paczoskianum*, *Kochia prostrata*, *Sileue otites*, *Silene longiflora*, *Dianthus leptopetalus*, *D. campestris*, *Astragalus reduncus*, *Cachrysodontalgica*, *Peucedanum graveolens*, *Falcaria llivini*, *Goniolimon tataricum*, *Statice sareptana*, *Salvia aethiopsis*, *Ptilomis puilgens*, *Verbascum ovalifolium* (aufgelockertem Boden), *Veronica spicata*, *Asperula humifusa*, *Artemisia austriaca*, *Jurinea linearifolia*, *Centaurea diffusa*, *Serratula xeranthenioides*, *Carduus hamulosus*.

Die Subformation der Steppen-Niederungen. Der Boden der Niederungen der Taurischen Steppen ist ein ausserordentlich gebundener, vom Wasser undurchdringbarer lehmiger Boden. Diese Niederungen füllen sich im Frühjahr mit Wasser, das lange dort bleibend, ausgedehnte seichte Teiche bildet. Zu dieser Zeit blühen in diesen Niederungen *Alisma arcuatum*, *Elatine* als in a str um und andere Sumpfgewächse. Später, wenn sie austrocknen – wie das auch zur Zeit meines Aufenthaltes in Askania-Nova der Fall war, werden sie von einer sehr charakteristischen Vegetation bedeckt. Und zwar habe ich in diesen Niederungen die folgenden Pflanzen gesammelt: *Agropyrum repens*, *A. ramosum*, *Beckmannia erucaeformis*, *Juncus Gerardi*, *J. sphaerocarpus*, *Allium globosum*, *Arabidopsis toxophyllum*, *Nasturtium brachycarpum*, *Potentilla supina*, *Lythrum iribracteatum*, *L. thymifolium*, *Plantago major* (eine Zwergform), *Achillea mierantha* und am Rande derselben: *Eryngium planum*, *Veronica spicata* und *Centaurea inuloides*. Diese Pflanzengenossenschaft geht dann allmählich in jene der trockenen Steppen über...

Die Küstenforinationen. Die ausgedehnten Steppen in der Richtung von Perekop durchstreifend, hielten wir gegen die Kiiste der Siwasch-Bucht am Schwarzen Meer. Hier dringen die Wermutsteppen meistens bis zum Wasser vor, ohne dass der schwarzerdige Boden in Sanddünen überginge. Es dominiert besonders *Artemisia maritima* und diese Formation reicht mit tiefem senkrechten Ufer bis an das Meer. Nur hier und da senkt sich die höher gelegene trockene Steppe etwas allmählicher zum Wasserspiegel herab, so Raum bietend, dass an ihrem niedriger liegenden, durch Salz durchdrungenen Boden sich Halophyten ansiedeln können. An einer Stelle gegenüber der Krim nahm ich die Vegetation eines solchen Ufergesenkes eingehender auf und fand daselbst die in der auf S. 186 des ungarischen Textes beigelegten Skizze angegebenen Formationen 1–IV, und zwar:

I. Von den Pflanzen der Wermutsteppen habe ich am Rande des Plateaus die folgenden Arten gesammelt: *Stipa capillata*, *Bassiasedoides*, *Atriplex nitens*, *Eruca sativa*, *Glaucium corniculatum*, *Gonolimon tataricum*, *Artemisia maritima* und eine, *Tulipa* mit Frucht (wahrscheinlich *T. Schrenkii*. Paczoski: Excurs. bot. à Askania-Nova et à Sivache, Bull. Soc. nat. en Crimée, 1912. S. 21).

II. Im lockeren Boden der Böschung des Ufers wuchsen: *Camphorosma peliacum*, *Pegailum harniala*, *Verbascum phlomooides*, *Echinops ritro*, *Mulgedium tataricum*, *Taraxacum bessarabicum*.

III. An der Solde der Böschung befand sich ein etwas tiefer gelegener feuchterer Streifen, auf dem besonders *Triglochin maritimum*, *Dactylis glomerata* und *Spergularia* massenhaft vorkamen.

IV. Von dieser feuchteren Mulde angefangen breitete sich eine etwas höher gelegene salzige Fläche bis zum Wasserspiegel aus, an welcher sich auch kleinere Erhebungen und Buckel befanden. Die typische, hier und da unterbrochene halophytische Pflanzendecke dieser stark salzigen Fläche bestand aus den folgenden Arten: *Statices caspia*, *S. Gmellini*, *S. suffruticosa* (1–2 starke Exemplare), *Halocnemum strobilaceum*, *Salicornia herbacea*, *Tournefortia sibirica* (ich fand bloss ein einziges Exemplar), *Frankenia hirsuta*...

[б/а]

Мѣстная жизнь.

Утро №1900 від 08.03.1913. Шп. 4.

Весна идетъ. Въ Асканія-Нова (Таврич.) 24-го прилетѣли скворцы и показались зарянки.

[Николаев В.Ф.]¹

Доклады Губернской земской управы 49-го очередного созыва Полтавскому Губернскому Земскому Собранию, 1913 года.

Полтава: Типо-литография И.П. Фришберга, 1913. С. 136.

...Изъ частныхъ начинаній заслуживаетъ особеннаго вниманія дѣятельность г-на Фальцъ-Фейна, который въ своемъ имѣніи Асканія-Нова (Днѣпровскаго у., Таврич. губ.) отвелъ подъ заповедный участокъ до 600 десят. целинной степи. Здѣсь же устроены г. Фальцъ-Фейномъ, обширный акклиматизационный паркъ, неуступающій по своему устройству и по богатству видовъ лучшимъ паркамъ Европы. Опыты, поставленные по акклиматизаціи и по скрещиванію дали интересные и блестящіе результаты...

---

¹ В публікаціі не зазначено авторства. Разом з тим, ідентичні за змістом тексти доповідей зачитувались того ж року головою Полтавського Товариства любителів природи, завідувача Природно-історичним музеєм М.Ф. Ніколаєвим на Другому з'їзді лісовласників і лісівників (1913 р), що дозволяє припустити його авторство і тут.

Козлов П. К.

История Ангальтской колонии в южной России и разведение мериносов.

Газета „Новое Время“, № 13448 от 20/VI 1913 г.

История ангальтской колонии в Южной России и разведение мериносов.¹

По окончании испанской войны за престолонаследие и отмены запрещения вывоза испанских мериносов, во всей Европе, в особенности же в Германии, стало сильно развиваться овцеводство. Саксония первая начала ввозить к себе мериносов с 1765 года: ей примеру скоро последовали все соседние государства, таким образом в двадцатых годах прошлого столетия на всем Западе успешно процветало овцеводство...

В Ангальте также с большим усердием стали заниматься улучшением пород овец. В одних герцогских имениях держали свыше ста тысяч голов мериносов, как негретской, так и эскориальной пород, и Англия, самая производительная страна, получала шерсть главным образом из Ангальта. Чтобы получить еще большую выгоду от овцеводства, Ангальту нужно было найти новые рынки сбыта продуктов мериносов. При этом главное внимание было обращено на Россию, с ее огромными степями, в высшей степени подходящими для разведения овец. Вспоминались родственные связи между царствующими домами, а, следовательно, представлялось некоторое благоволение со стороны России.

Русское правительство уже давно обратило свое внимание на разведение овец в больших степных пространствах страны. Оно стремилось главным образом к разведению благородных пород, с тонким руном, дающим хороший доход. При этом, как всегда, Россия принуждена было обратиться к иностранцам, в частности к Германцам, к дрезденскому правительству, с просьбой вывести из Саксонии в южные степи мериносов для улучшения собственного овцеводства.

Как только в Ангальте стало известно об этом намерении России, тот-час же решено было определить Саксонию и самим вступить в переговоры с Россией относительно доставки улучшенных пород овец. С этим был связан дальнейший план – иметь Россию выгодным рынком для постоянной поставки овец. С этою целью Ангальт желал основать в России свою собственную колонию, в которой занимались бы преимуще-

¹ Основанием для этой статьи послужили ценные материалы, любезно предоставленные в наше распоряжение современным владельцем Аскания-нова, Ф. Э. Фальц-Фейном, устройтелем в своем имении известного зоопарка.

ственно овцеводством в связи с развитием и других выгодных промыслов. населенная ангальтскими подданными, колония, под руководством опытного агронома, могла бы быстро развиваться и приносить большие доходы.

В 1827 году герцог Ангальт-Кетенский послал императору Николаю I письмо, в котором просил его одобрить план – основать на Юге России маленькую колонию его подданных, главной заботой которой будет культура чистокровных овец и их распространение во всей России.

Император ответил чрезвычайно благосклонно, что план возбудил в нем живой интерес и что он поручил министру финансов детально рассмотреть его.

Найти подходящую для будущей колонии землю и затем приобрести таковую на самых выгодных условиях было главной задачей предприятия, и все зависело как от сельско-хозяйственных, так и от политических способностей и ловкости комиссаров. Поэтому герцог и вверил эту миссию главному управляющему своих имений Альберту и фон-Беру – знатоку финансового дела и известному дипломату.

В сентябре они прибыли в Россию и после долгих поисков остановились на местности, которая значилась на карте генерального межевания “stepь №71”; она во всех отношениях отвечала их желаниям. Вблизи находился Перекоп, обещавший дешево доставлять камни, немного дальше – Раковка на Днепре, так же сулившая дешево доставлять лес. Комиссары скоро и окончательно высказались за эту местность; смущал их лишь размер участка, так как он значительно превосходил таковой, имевшийся в виду русским правительством. Тем не менее, они надеялись пидти к соглашению в Петербурге, объявив эту местность единственно подходящей для своих целей.

После посещения соседних немецких колонистов на Молочной реке комиссары отправились в дальнейшее путешествие через Харьковскую, Курскую, Орловскую и Тульскую губернии, и через Москву в конце октября приехали в Петербург, сделал свыше четырех тысяч верст пути...

Посланников герцога Ангальтского везде встречали самым любезным образом. “Весь Петербург” говорит уже о нашей мисии, которой придают большое значение и которую считают более интересной, чем она есть в действительности”, писал в это время Бер. Влиятельные люди, как граф Нессельроде и князь Голицын, быстро заинтересовались всем этим делом.

В день русского Нового года, 13 января, состоялось окончательное решение этого дела. “Вероятно министр финансов вам уже сказал, что я одобрил ваше дело. Я его считаю законченным”, – таковы были первые слова, сказанные императором в аудиенции Ангальтинцу.

Формальное окончание дела было теперь лишь вопросом времени, хотя подписание договора еще затянулось из-за продолжительной болезни министра финансов.

Третьяго марта был издан указ относительно молодой колонии, а двадцать второго - Бер уже сообщил домой о полном окончании дела по пунктам:

- 1) Император Всероссийский дает разрешение на устройство колонии в Таврической губернии, которую герцог Ангальтский предполагает учредить из своих подданных.
- 2) Под сие поселение назначаются в Таврической губернии избранные герцогскими депутатами свободные участки земли:
  - а) участок №71, в 42.345 десятин удобной и неудобной земли...
  - б) по уважению сухого качества сего участка отрезать до 6000 десятин из участка №47, на берегу Чернаго моря...
3. Оба сии участка земли отдаются Ангальт-Кетенскому в вечное и потомственное владение, с правом пользования всем тем, что находится на поверхности земли и в недрах оной, на нижеследующих основаниях:
  - а) На сих участках земли не могут быть поселены крепостные крестьяне, также не могут быть куплены, по причине владения сим поселением, другия населенныя имения; но покупка земли для присоединения к колонии, на общем основании, дозволяется; для работ же в поселении могут быть употреблены вольнонаемные люди
  - б) Поселение сие может переходить по наследству, завещанию, купчей, или иным законным способом, без раздробления; но кроме фамилии герцога, оно может переходить только к таким лицам, кои имеют право владения имениями в России, с сохранением прав поселенцев.
  - в) Поселение сие возвращается в собственности казны, если в оном, по истечении десяти лет, не будет находится по меньшей мере двадцать тысяч овец улучшенной породы, с потребным числом семейств для содержания сих животных.
- 4) По истечении десяти льготных лет, начиная с оныя с перваго января 1830 года, платить казне ежегодной повинности за каждую десятину с 42345 по 8 коп. серебром, а с 6000 десятин приморской земли по 15 коп. серебром...
- 5) Колонисты освобождены от ре...ской повинности, и т. п.
- 6) Церкви и школы должны быть устроены за счет герцога, который определяет и служащих при оных.
- 7) Выкурка и варка пива свободно могут быть производимы.
- 8) Торговля и фабрики поселенцев не подлежат гильдейским повинностям.
- 9) Внутренняя полиция в поселении предоставляется чиновникам герцога.
- 10) Относительно уголовных дел, общей безопасности и починки дорог, поселение подчиняется земской полиции, которая однако действует через чиновников поселения.

- 11) Герцогу предоставляется казенное имение Каменец-Подольской губернии, в Гайсинском повете, называемо Староство Гайскинское, на 24 года, с платежом по 2000 рублей серебром в год, начиная срок владения с 1829 года.
- 12) Подлежащим пограничным таможням будет предписано о беспошлинном пропуске отправленных из Ангальта поселенцев, с их имуществом, скотом, орудиями, семенами и проч., за исключением однако товаров.

На Пасхальной неделе, 8 апреля, Бер приехал в Кетен. Единственно, благодаря энергии и разсудительности обоих герцогских комиссаров, переговоры закончились для Ангальта весьма удовлетворительным образом. Герцог Фердинанд сумел оценить это, назначив Бери и Альберту почетные награды и денежные подарки, а император России с своей стороны пожаловал герцогским комиссарам по перстню с своей буквой, одновременно с этим он утвердил фон-Кюстера ангальтским агентом при Русском Дворе в С.-Петербурге.

Приобретенное герцогом Фердинандом Ангальтским имение находится на юге России, в Днепровском уезде, Таврической губернии. Оно состоит из двух отдельных друг от друга степей, из которых большая, называвшаяся раньше Русскими “Чапли”, с момента приобретения ангальтским княжеским домом, стала называться “Аскания-Нова” (в России она называлась также Ангальт-Кетеном или Ново-Кетеном, меньшая же, расположенная у моря, сохранила первоначальное русское или татарское название “Дофино”. Степи расположены на расстоянии 65 верст друг от друга и соединены между собою почти совершенно прямою дорогою, идущею, между прочим, через казенные степи Чаплинка и Каланчак.

Земледелием можно заниматься лишь в скромных размерах, так как все владение - сплошная степь, в которой почти не встречается ни рек, ни ручьев, ни прудов. На этих обширных пастбищах имеются так называемые “балки”, т.е. долины-низины, сохраняющие больше всего сырости и дающие даже в самые бедные сеном годы корм скоту. Большею частью оне очень мелки, и лишь “большая балка”, имеющая диаметр в три версты, в самой низкой своей части только на три фута ниже окружающего ее берега. В степях встречаются также маленькие возвышенности или курганы, по всей вероятности прежняя татарская могилы или места для караульных...

Лесов не имеется, лишь изредка встречаются отдельные деревья. Из-за глинистаго грунта, не пропускающего сырости, нечего и думать об облесении края в больших размерах.

Из трав чаще всего встречается “тирса”-ковыль двух родов, майский и поздний. Вся растительность вообще скудная.

Климат степей крайне переменчивый. После продолжающейся в течение нескольких недель знойной жары, целыми неделями длятся суровые холода. Наи-

большая жара наблюдалась до 1842 г. в Аскания-нова 40.25°R, сильнейший мороз - 24.25°R. Полгода, в среднем 190 дней, в степях дуют восточный и северо-восточный ветры, делающие жару более выносимой, но увеличивающие засуху. Вообще в этих местах влаги выпадает в три раза меньше, чем в Берлине или Петербурге, бывали годы, в которые не замечалось ни снега, ни дождя, как в 1832 и 1833 гг.

Согласно постановлению герцога Фердинанда, от 28 апреля 1828 г., вновь приобретенное на Юге России имение должно было управляться совершенно автономно. Для этой цели была образована в Кетен особая “администрация над таврическими владениями”, и в ней участвовали финансраты фон-Бер и Альберт. Оба были совершенно независимы от других присутственных мест и лишь подведомственны самому герцогу. Местное управление было названо: “администрация таврических владений”.

После окончания целого ряда судебных формальностей, 27 июля 1828 года, в присутствии симферопольского губернатора состоялась в Чаплинских казармах торжественная передача степей.

Одной из главных забот ангальтского правительства был вывоз в ближайшем будущем достаточно большого количества овец в новые владения. В Кетене совершенно верно признали, что предприятие лишь тогда разовьется как следует и даст желанный доход, когда в степях имения будет находиться в достаточном количестве хорошее племя овечьих пород, что может обеспечить скорое размножение овечьих стад.

Тогда же было решено отправлять в таврическое владение, в течение первых трех лет, ежегодно, по одному транспорту племенных овец, в сопровождении колонистов, которые там поселятся.

На приготовления к поселению тратилось много времени. Лишь в конце лета первый транспорт отправился в путь из Кетена. “Ангальт-Кетенская Газета” пишет: “11 августа с. г. мы видели редкое для местных жителей зрелище; первый главный караван, состоящий из 3000 овец, отправился в новые владения его светлости герцога Ангальтского в Южной России. Многочисленная толпа собралась по этому поводу, присутствовали также их светлости герцог и герцогиня. В виду того, что такие транспорты овей будут уходить ежегодно, страна наша может рассчитывать на значительную прибыль”...

Вторая экспедиция выступила в последней половине июля 1829.

Третий и последний основной транспорт вышел из Кетена тринадцатого июля 1830 года, под предводительством агрономного комиссара Пихта. Между прочим ангальтское правительство послало с этим транспортом сортировщика шерсти, который должен был тщательно разсортировать стада в Гайсине и в степи, и в каждом месте оставить племенные стада. Транспорт по прошлогоднему пути прибыл в степь тридцатого сентября, без значительных потерь.

Таким образом в конце 1830 года имелось в степи около восьми тысяч голов племенных овец. Задача администрации состояла в разведении из этого основного племени больших стад, а также в правильном направлении культуры всей колонии.

В 1828 году в южно-русской степи, недавно приобретенной Ангальт-Кетенским домом, не было еще никакого населения; единственными обитателями ее являлись несколько стражников, живших в так называемой казенной квартире...

Администратор Брауман, прибывший в нарождающуюся колонию в июле того же года, тотчас начал работы по возделыванию полей и по постройке помещений для людей и скота. первое время строения возводились с глинобитными стенами и из глины, но потом этому материалу стали предпочитать фахверк, в соединении с известью и камнями.

Пастбище в Аскании-Нова само по себе было очень хорошее, но в виду того, что согласно условию, нельзя было держать крепостных, – приходилось в большом количестве нанимать чужих рабочих, на содержание которых тратилось довольно много денег, и таким образом сено все-таки обходилось очень дорого.

Большую часть зимы бывали умеренные, так что стада кормились сеном всего в течение нескольких дней, но бывали годы, когда овец загоняли в хлева и на более продолжительное время, дней на 27 и даже на 45. В общем овцеводство постепенно развивалось и крепло. Овцы были разсортированы по тонкости шерсти и поделены на классы. Для того, чтобы выгоднее сбыть шерсть, в которой, кроме тонкости ценилась еще и чистота, приходилось как-нибудь мыть овец. В степной местности воды было мало, и стада гоняли купаться к Днепру, который протекал в 100 милях от Аскании-Нова.

Шерсть сбывали главным образом в Москву и Одессу, а в течение нескольких лет также на немецкие и английские рынки.

23 августа 1830 года умер герцог Фердинанд, основатель и покровитель молодой колонии. На престол вступил его брат, Генрих, приняв на себя также и заботу о таврическом владении. Для заведывания этим именем он образовал особое учреждение, в котором между прочими заседали, с правом голоса, и тайные финансы - фон-Бер и фон-Альберт.

Герцог обещал навестить колонию в будущем 1831 году...

Между тем дела в Аскания-Нова были далеко не в блестящем состоянии. С одной стороны господствовал полный беспорядок, обусловленный постоянной враждой старших чиновников и неповиновением младших, с другой – колония требовала больших затрат и не давала никаких доходов. Тогда решено было отправить летом 1831 года ревизию для подробного разследования положения вещей в кетенских кладениях. Ревизия эта однако принуждена была вернуться, не достигнув цели, так как в России в то время свирепствовала холера, и переход через границу был запрещен.

Лето 1832 года выдалось очень сухое, вследствие чего урожай хлеба был неудачный; вообще, нужно сказать, что климатические и геологические условия молодой

колонии были настолько неблагоприятны, что не могло быть и речи об успешном развитии земледелия.

Весною 1832 года ревизия вторично отправилась в Таврическую губернию. первое впечатление от деревни, с ее правильными строениями и плодовыми садами было хорошее. Стада размножились в достаточном количестве, и дальнейшему процветанию колонии мешали повидимому больше всего раздоры чиновников. Результатом расследования явилась смена управляющего, которым теперь был назначен Тетцман.

До сих пор кетенские владения в южной России не имели еще наименования, и только теперь, согласно данному приказу, ревизор Бер назвал главное селение – *Ascania Nova* (Новая Аскания). “так как это владение по воле приобретателя должно вечно оставаться за ангальтским домом, – писал домой начальник ревизии, – то, мне кажется, уместным напомнить о правах на потерянный вследствие насилия чудный участок земли, вместо которого остался лишь пустой титул², который едва ли когда-либо приобретет реальное значение...” “остальные участки земли (под ними подразумевались несколько отдельных хозяйств) будут достойным образом названы, получив имена царствующей четы, которой колония обязана своим процветанием и существованием, а также умерших герцога и герцогини, основателей колонии”. Он их назвал – Фердинандовкой, Юлиановкой, Генриково и Августово.

В середине июня, после приведения в порядок всех дел, Бер отправил в петербург для ведения переговоров с Русским двором относительно уступки Ангальт Кетену, для дальнейшего усовершенствования колонии, алодиального капитала в 360500 талеров, который Россия должна была получить от Ангальтского герцогства, как наследственную часть Екатерины II. Когда переговоры приняли благоприятный для герцога оборот, Бер отправился морем домой и в середине сентября приплыл в Кетен.

Новому управляющему имением Тетцману было передано при его вступлении в должность 15004 голов овец, 48 голов рогатого скота и 82 лошади. Уже вскоре после его назначения все отрасли хозяйства колонии стали заметно подниматься. Обратив особенное внимание на виноделие, приносившее в Крыму большие доходы, Тетцман посадил более 5000 виноградных лоз, обещавших дать хорошие результаты (как выяснилось впоследствии, виноград даже не созрел). При первом же своем близком знакомстве с овцеводством, управляющий высказал мысль о необходимости сделать прививку оспы; этот проект однако не встретил сочувствия в Кетене, и только после 1833 г., когда появилась сильная эпидемия оспы, стали прибегать к прививке, благодаря которой удалось спасти большую часть животных.

Несмотря на сильную засуху и полный неурожай хлебов, колония вконец 1833 года производила самое благоприятное впечатление. Были построены приличные жилища для тридцати немецких семейств, зал для богослужений, школа, водоподъемная ма-

² В 1830 г. ангальтские князья приняли титул “Графы Аскании”

шина, снабжавшая всю деревню водой из колодца, глубиною в 10 сажень, большой кирпичеобжигательный завод и еще много различных более мелких сооружений.

Наконец в 1834 году, первый раз за все время существования колонии, был выслан в Кетен чистый доход, в размере 10000 талеров, полученный почти исключительно с овцеводства. Теперь овец было уже около 24000 голов, которых Тетцман подразделил по качеству шерсти на пять классов; это давало повод думать, что выгода от продажи шерсти с каждым годом будет повышаться.

Однако надежды на дальнейшее блестящее развитие не осуществились. До 1840 года колония акуратно высылала на родину некоторый капитал, но он далеко не соответствовал тем затратам, которых требовало имение. Тетцман в это время писал: “Если так будет продолжаться, то имение не оправдает затраченных на него денег; я сокращу расходы, насколько возможно...”

В 1835 году русский император постановил вернуть Ангальт-Кетену наследственный капитал в 163500 талеров, с тем однако условием, чтобы он был использован на нужды колонии,

Император писал: “Я действительно сделал, чтобы алодиальный капитал Ангальт-Цербста был употреблен согласно желанию вашей светлости, и я был рад доказать вашей светлости, как ценю полезную деятельность этой колонии на Юге России, и попечение, которое вы о ней имеете”.

Это письмо очень обрадовало герцога, и он снова надеялся на улучшение финансового положения Аскании-Нова.

Между тем, отчеты Тетцмана становились все запутаннее и неблагоприятнее; наконец летом 1842 года прибыла в Асканию-Нова ревизия, которая обнаружила большие злоупотребления со стороны управляющего: число овец значительно уменьшилось и между ними не было ни одного взрослого барана, так как Тетцман все продавал... Покупатели всегда выбирали лучших первоклассных овец, а для разведения оставались лишь плохия. Земледелие было запущено, коннозаводство велось без всякого знания дела. Отчетность кассы находилась в невероятном беспорядке.

Все соседи единодушно выражали свое порицание управлению имением, говоря: “Дурная слава всего хозяйства Аскания-Нова составляет предмет всеобщей насмешки, так как степь всегда управлялась самым ужасным образом”. Все были того мнения, что “герцог Ангальтский должен обладать несметными богатствами, если оставляет без внимания эту запущенность хозяйства имения”. Вскоре стали ходить слухи о продаже колонии.

В 1845 году началось разведение чундукских овец, которая выносливее испанских, и дают больше чистой прибыли. Но и этот опыт не увенчался успехом. В октябре 1846 года главные чиновники Аскании-Нова посетили первую выставку сельскохозяйственных продуктов в Симферополе. Образцы шерсти, выставленные

колонией, вследствие своей выровненности, тонкости и хорошаго свойства, получили похвалу.

Герцогскому имению была присуждена большая серебряная медаль.

Двадцать третьяго ноября 1847 года умре герцог Генрих; с его смертью прекратился род герцогов Ангальт-Кетенских, который так интересовался основанной им колонией и всячески поддерживал ее. Было ясно, что теперь дальнейшее существование Аскании-Нова будет лишь вопросом времени.

Согласно завещания покойнаго герцога Фердинанда, колония перешла в собственность герцога Ангальт-Дессаускаго. Ангальт-Бернбургскому дому должна была быть выплачена наличными деньгами половина стоимости земли колонии.

Герцог Ангальт-Дессауский с большою неохотой вступил по владение Асканией-Нова и, ознакомившись ближе с ея хозяйством, которое в то время было ниже всякой критики, в 1849 году начал вести переговоры о продаже с помещиком и обладателем стад в Елисаветполе Фейном, прадедом нынешняго владельца Ф. Э. Фальц-Фейна. Эти переговоры велись с перерывами (во время турецкой войны 1854 г.), в течение нескольких лет, но не приводили ни к каким результатам.

Наконец, 26 августа 1856 года купчая была подписана обеими сторонами. Содержание ея, в главных пунктах было следующее:

1. Герцогския таврическаия владения продаются целиком за 525000 талеров серебром, в таком виде, как они перешли в пользование герцога Фридриха Ангальт-Кетенскаго, согласно указу его величества императора Николая I, от 3 марта 1828 года...
2. Из проданнаго Фейну табуна в Аскании-нова 200 лошадей исключаются и представляются в распоряжение герцога Леопольда Фридриха[3]
3. Правительство обязуется, тотчас же после высочайшаго соизволения на продажу имения, отдать администрации Аскания-Нова распоряжение, чтобы из имеющагося инвентаря и из запасов ничего больше не продавалось...
4. Действительные герцогския чиновники, пастухи и служащие не могут быть принуждены оставаться на службе у покупателя...

Известие о продаже колонии произвело в Аскания-Нова потрясающее впечатление: многие плакали и вопли их не прекращались долгое время. никто не ожидал такой быстрой перемены.

Третьяго октября 1856 года состоялась передача колонии Фейну. Он получил: 49123 голов овец, 297 коз, 640 лошадей и 549 голов рогатаго скота. Герцогския служащие, оставленные Фейном при имении, частью пожелали вернуться к себе в Германию, частью остались в той стране, которая стала для них второй родиной.

Итак, Аскания-нова перестала быть колонией Ангальта...

П. Козлов

Онтонычъ Н.

Въ гостяхъ у Фальць-Фейна

Утро, №1980. 01.06.1913. Шп. 6.

На-дняхъ возвратилась въ Харьковъ экскурсія, организованная об-вомъ любителей природы для осмотра извѣстнаго акклиматизаціоннаго парка и ботаническаго сада Ф. Э. Фальць-Фейна. Подъ руководствомъ организатора поѣздки Малишева экскурсія отправилась 22 мая по желѣзной дорогѣ до ближайшей къ имѣнію Фальць-Фейна станціи, откуда до цѣли путешествія – «Асканія-Нова» пришлось ѣхать около 70 верстъ по степной, удивительно однообразной, а потому очень скучной дорогѣ на лошадахъ. Пріѣздъ въ имѣніе, гдѣ участникамъ экскурсіи былъ оказанъ очень любезный пріемъ и осмотръ единственнаго по богатству представителей акклиматизаціоннаго сада скоро изгладили непріятное впечатлѣніе степной поѣздки. Подъ руководствомъ завѣдующихъ разными отдѣлами обширнаго сада былъ осмотрѣнъ сначала огромный паркъ для птицъ съ многочисленными прудами. Здѣсь собрано множество самыхъ разнообразныхъ представителей фауны летающихъ, мѣстной и тропической: утки и гуси разныхъ породъ, розовые фламинго, бѣлые и черные лебеди, страусы, фазаны, красивые вѣнценосные журавли, попугаи, бѣлые павлины, куропатки и масса другой птицы чувствуютъ себя здѣсь какъ дома, выютъ гнѣзда, выкармливаютъ птенцовъ. Послѣ этого былъ осмотрѣнъ зоологическій садъ копытныхъ, гдѣ помѣщаются олени, антилопы, дикія козы, нильгау или голубые быки, гну, ламы. На другой день на лошадахъ отправились въ самый интересный отдѣлъ акклиматизаціоннаго сада, гдѣ на волѣ, бродятъ вмѣстѣ съ разными породами лошадей – полосатая зебра, бизоны, и оригинальныя помѣси этихъ животныхъ.

Запѣдующій физиологической лабораторіей сада И. И. Ивановъ познакомилъ участниковъ экскурсіи съ новой теоріей о бесплодіи нѣкоторыхъ помѣсей, явившейся результатомъ многочисленныхъ его наблюденій и опытами искусственнаго оплодотворенія лошадей, которое дало прекрасные результаты и можетъ получить практическое примѣненіе. Затѣмъ была осмотрена обширная заповѣдная степь для зайцевъ и кроликовъ, овцеводный хуторъ и роскошный ботанической садъ. Послѣ осмотра участники экскурсіи бесѣдовали съ владѣльцемъ сада г. Фальць-Фейномъ, который сказалъ, между прочимъ, что очень радъ видѣть у себя многочисленныя экскурсіи и будетъ всегда оказывать имъ всякое содѣйствіе. Въ гостяхъ у Фальць-Фейна находится сейчасъ извѣстный путешественникъ П. К. Козловъ, который сообщилъ членамъ об-ва, что ихъ ходатайство объ устройствѣ въ Харьковѣ выставки по охранѣ природы встрѣтило сочувствіе въ Петербургѣ; кромѣ того, въ скоромъ времени въ Гос. Думу будетъ внесенъ особый законопроектъ по охранѣ нашей природы.

Пачоскій І. К.

Ботаническая экскурсія въ Асканія Нова и на Сивашъ

Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, 1913. Т. 2. С. 128–148.

Въ концѣ іюня 1912 года я совмѣстно съ венгерскими (изъ Будапешта) ботаниками I. Tuzson'омъ (I. Тужонъ) и Stankowicz'омъ (Станковичъ), возвращавшимися изъ продолжительной ботанической поѣздки по юго-востоку европейской Россіи, гдѣ ими собраны были весьма обширные гербаріи, поѣхаль изъ Херсона въ Асканія Нова. Оттуда, благодаря любезности владѣльца этого имѣнія Фридриха Эдуардовича Фальцъ-Фейнъ и при его личномъ участіи, намъ удалось совершить однодневную поѣзду на Сивашъ (1 іюля), при чемъ мы проникли на островъ Чурюкъ, находящейся по срединѣ Сиваша и принадлежащій Днѣпровскому уѣзду. Съ южной оконечности этого острова уже довольно хорошо видѣнь сѣверный берегъ Крыма.

Какъ ни незначительна была эта поѣздка, тѣмъ не менѣе она дала нѣсколько новыхъ растений для флоры Днѣпровскаго уѣзда. Въ виду этого, а также принимая во вниманіе, что мѣстность эта не была вовсе затронута прежними моими ботаническими изслѣдованіями, я рѣшилъ напечатать о нашей экскурсіи предлагаемую вниманію читателя замѣтку.

Сѣверный берегъ Сиваша и островъ Чурюкъ находятся въ области полыньковыхъ степей и солонцовъ. Несмотря на это, въ этой мѣстности находятся не только пастбища, но и поля. Впрочемъ, общій видъ мѣстности довольно пустынный, а растительныя сообщества, покрывающія ее, принадлежать къ полупустынному типу. Почва свѣтлая, солонцеватая или глинистая съ очень небольшимъ процентомъ гумуса. Болѣе или менѣе влажные или сырые густые прибрежные солонцы Сиваша покрыты *Halocnemum strobilaceum*, *Frankenia hirsuta*, *Gypsophila trichotoma*, *Spergularia marginata*, *Statice caspia* (найдена тоже *S. suffruticosa*, находящаяся здѣсь на предѣлѣ своего распространенія къ западу), *Obione verruciferum*. По солонцеватымъ лужайкамъ произрастають: *Cirsium Elodes*, *Juncus Gerardii*, *Agropyrum elongatum* v. *ruthenicum*.... По болѣе сухимъ солонцеватымъ мѣстамъ: *Petrosimonia brachiata*, *Camphorosma monspeliaca* var. *pilosa*.... По нѣсколько возвышеннымъ и обрывистымъ берегамъ Сиваша мѣстами довольно много *Salsola laricina*, небольшого кустарничка съ очень большими корнями (тамъ, гдѣ глинистые берега сползають и обнажаются корни этого растенія, я видѣлъ ихъ до сажени и больше длиною), находящегося, подобно *Statice suffruticosa*, на западномъ предѣлѣ своего распространенія (впрочемъ, *S. laricina* указана еще нѣсколько дальше къ западу, именно для Перекопа).

Полыньковыя степи, занимающія мѣста съ равниннымъ рельефомъ, состоятъ, кромѣ еще не цвѣтущей *Artemisia maritima nutans* Willd. и еще нѣсколькихъ съдыхъ соля-

нокъ, изъ слѣдующихъ растений: *Linosyris villosa*, *Goniolimon tataricum*, *Marrubium peregrinum*. Попадаетъ также ковыль-тырса (*Stipa capillata*), начинающій уже выпускать ости, *Peganum Harmala*, сопровождающее въ другихъ мѣстахъ дороги, здѣсь же на Чурюкѣ мѣстами растеть столь обильно, что производитъ впечатлѣніе дикаго растенія. Встрѣчается изрѣдка *Ferula caspica* (съ плодами) и другія растенія.

Вообще, уже одинъ видъ присивашской природы таковъ, что сама собою исключается мысль о миграціи изъ Крыма въ область материковыхъ степей Таврической губерніи не только кустарниковъ, но даже и весьма многихъ черноземныхъ растений. Впрочемъ, я уже объ этомъ говорилъ въ одной изъ моихъ прежнихъ работъ, въ которой я описывалъ растительность окрестн. Перекопа. Къ этому надо прибавить, что на Крымскомъ полуостровѣ смѣна почвъ и растительности идетъ въ обратномъ направленіи (см. сообщеніе Н. Н. Клепинина: „Главнѣйшіе факторы почвообразования въ Таврической губерніи» — „Записки Крымск. Общ. Естествоиспыт.», Т. I, стр. 12-13), т. е. гумусность почвы увеличивается съ сѣвера къ югу. Такимъ образомъ, между степями юга Россіи и степями Крыма расположена полоса полупустынной природы. Полоса эта геологически, безъ сомнѣнія, является наиболѣе молодой. Она, какъ я уже упомянулъ выше, являлась преградой къ переселенію многихъ формъ изъ Крыма.

Асканія Нова (30 іюня 1912 года). Благодаря незначительному количеству осадковъ, выпавшихъ за весенній періодъ, на защитныхъ степныхъ участкахъ развилось мало растительной массы, несмотря на то, что съ начала лѣта дожди начали проходить не рѣдко. Изрѣженность растительнаго покрова, замѣчавшаяся въ послѣдніе годы, видна и теперь, хотя она не такъ бросается въ глаза, такъ какъ высокіе засоряющіе (ингредиентные) элементы развились въ настоящемъ году тоже плохо (нѣтъ той массы *Falcaria Rivini* Host., каковая наблюдалась въ прошломъ году и нарушала типичность степной картины; — сравни мою работу: „Замѣтки о флорѣ Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи — Одесса 1912, стр. 8). Вообще травяной покровъ степи рѣдкій, низкій, но на видъ довольно равномерный, такъ какъ участки, на которыхъ степные злаки пропали или изрѣдились, не выдѣляются столь рѣзко на фонѣ хуже развитаго травостоя.

Перистые ковыли (*Stipa stenophylla* и *S. Lessingiana*) цвѣли, по сообщенію Ф. Э. Фальць-Фейнъ, мало и благодаря засухѣ плоды ихъ частью недоразвились. Вслѣдствіе этого даже къ концу іюня ости еще не вездѣ опали, а попадались изрѣдка, оставаясь зажатыми, совмѣстно съ плохо развившимися плодами, во влагищахъ листьевъ (впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, что я видѣлъ только „перья» *Stipa stenophylla* Czern: остей *S. Lessingiana* Trin. мнѣ наблюдать въ это время не приходилось). Единичные стебли ковыля-тырсы (*S. capillata* L.) начали уже кое гдѣ выбрасывать изъ влагищъ ости, что, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ дождливой и сравнительно холодной погодой нынѣшняго лѣта. Не знаю, улучшили-ли все продолжавшіеся дожди

ковыль-тырсу къ осени въ Асканія Нова, но въ Херсонской губерніи этотъ ковыль въ 1912 году развился прекрасно.¹

Степные поды сухіе. Въ нихъ нѣтъ и признаковъ той болотной флоры, какая пышно была развита въ 1911 году. Даже прудъ (въ центрѣ пода Б. Чапли) и обводнительныя канавы (на окраинѣ этого пода) были безъ воды, такъ какъ владѣльцемъ предпринималось расширение этого пруда, и вода въ него не накачивалась.

Въ прилагаемомъ ниже спискѣ растений приведены тѣ немногія изъ нихъ, которыя мнѣ удалось найти по Сивашу. Кромѣ того, въ этотъ списокъ включено нѣсколько растений, раньше мною около Асканія Нова не замѣченныхъ, а также нѣкоторыя исправленія къ моимъ прежнимъ спискамъ растений изъ Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губерніи. Исправленія эти сводятся къ описанію *Trifolium expansum* и *Statice sareptana*, которыя прежними изслѣдователями флоры Россіи игнорировались или назывались невѣрно, а также къ описанію двухъ подвидовъ *Silene multiflora*. Кромѣ того, тамъ-же приводятся нѣкоторыя соображенія о значеніи этихъ формъ.

СПИСОКЪ РАСТЕНІЙ.

Eruca sativa DC. На островѣ Чурюкъ (на Сивашѣ) въ посѣвахъ льна единичными экземплярами, но не рѣдко (цв. и плоды 1 іюля). Въ гербаріи Херсонскаго Естественно-Историческаго музея есть экземпляры этого растенія, собранные на паровыхъ поляхъ около Перекопа въ 1900 году И. Егоровымъ. Такимъ образомъ, *E. sativa* въ восточной части южной полосы материковыхъ степей Таврической губерніи, повидимому, является болѣе или менѣе постояннымъ членомъ.

Frankenia hirsuta L. Сыроватія солончаковыя мѣста по берегу Сиваша около острова Чурюкъ – мѣст. обильно (цв. 1 іюля).

Gypsophila trichotoma Wend. Сыроватія солонцовыя мѣста по берегу Сиваша близъ острова Чурюкъ (бутоны и единичн. цв. 1 іюля).

Silene viscosa Pers. Островъ Чурюкъ (цв. 1 іюля).

S. wolgensis Spreng. (настоящая! –, а не то, что подразумѣвается у Шмальгаузена). Травян. мѣста по берегу Сиваша близъ острова Чурюкъ (цв. и незр. плоды 1 іюля) мѣстами довольно обильно.

S. multiflora Pers. Это растеніе имѣетъ два ареала: 1) западно-европейскій, обнимающій нижнюю Австрію, Венгрію съ Трансильваніей и Добруджу, и 2) европейско-азиатскій, гораздо болѣе обширный и обнимающій южную Россію и западную Сибирь до

¹ Послѣ того, когда эта замѣтка уже была написана, мнѣ удалось еще разъ побывать въ Асканія Нова (въ половинѣ ноября). Благодаря дождямъ второй половины лѣта и осени 1912 года ковыль-тырса на защитномъ участкѣ нѣсколько поправился, по все таки ости большею частью не совсѣмъ выступили изъ влагилицъ листьевъ, а выглядывали изъ нихъ скрученныя въ видѣ штопора. Во всякомъ случаѣ, въ своемъ развитіи тырса въ Таврической губерніи значительно уступала Херсонской.

Алтая и Джунгаріи, Западно-европейское растеніе² отличается от нашего опушеніемъ цвѣтоножекъ и чашелистиковъ (опушеніе состоитъ изъ густыхъ, но очень короткихъ щетиновидныхъ и нѣсколько крючковато внизъ согнутыхъ волосковъ) и бѣлыми лепестками (по описанію; на засушенныхъ экземплярахъ, конечно, трудно судить объ окраскѣ лепестковъ, однако, можно предположить, что она въ крайнемъ случаѣ съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, но не желтовато-зеленая, какъ у нашихъ экземпляровъ). Мои экземпляры (изъ Голой Пристані Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губерніи, а также изъ Николаева и Новогоріевска Херсонской губерніи; послѣднее мѣстонахождение находится въ сѣверо-восточномъ углу Александрійскаго уѣзда) отличаются отъ венгерскихъ совершенно голою верхушкою стебля, голыми цвѣтоножками и чашелистиками (но прицвѣтники и зубцы чашечки по краямъ рѣдко-рѣсничатые, какъ и у венгерскаго растенія), а также желтовато-зеленоватыми лепестками. Еще во „Флорѣ юго-западной Россіи» Шмальгаузен (стр. 88) сказано: „У формы, найденной въ Полтавской губерніи, верхняя часть стебля и чашечка гладкія, цвѣтоножка на половину короче чашечки, плодоножка на 1/2 короче коробочки». Коржинскій: („Tentamen fl. Rossiae orient.», р. 68) говоритъ о *S. multiflora*, свойственной востоку европейской Россіи: „Calyces in nostri glabri vel vix puberuli». Крыловъ: („Флора Алтая и Томской губерніи» — I, стр. 145-146) говоритъ: „стебель... въ верхней части обыкновенно гладкій, чашечка... гладкая» и только Ledebour („Fl. rossica», I, р. 311) опредѣленно говоритъ: „Calyculus... glabris vel puberulis». Что касается западно-европейскихъ экземпляровъ, то въ нижней Австріи (по Бэку, — F1. von Nieder-Oesterreich, р. 382) и въ Добруджѣ (Brandza — „Flora Dobrogei», р. 61) *S. multiflora* имѣетъ чашечку пушистую. По Hegi („Illustrierte Flora von Mittel-Europa», III, р. 291). чашечка у *S. multiflora* голая или коротко-курчаво-волосистая.

Такимъ образомъ, если считать даже, что указаніе Hegi вѣрно и для западной Европы, то въ этой послѣдней, если не всегда, то въ подавляющемъ количествѣ преобладаетъ форма пушистая, а въ Россіи и въ Азіи форма голая³, Кромѣ того, во всѣхъ

² Для сравненія я имѣлъ экземпляры изъ „Flora exsic. austro-hungarica" — Hungaria centralis. Budapest in praedio Rakos — leg. Simonkai.

³ Когда мы имѣемъ дѣло съ двумя близкими расами, изолированными географически, случается иногда, что среди сплошнаго ареала данной расы попадаются единичные экземпляры, какъ будто, другой расы, по крайней мѣрѣ, отъ нея по своимъ морфологическимъ признакамъ не отличимые. Такіе случаи могутъ быть объяснены атавистической конвергенціей, т. е. развитіемъ признаковъ, которые входили въ амплитуду колебанія ихъ у материнской расы, давшей также начало и другой расѣ, отличающейся теперь именно наличностью этихъ признаковъ. Эта особенность служитъ нерѣдко источникомъ ошибочныхъ опредѣленій. Вотъ почему такъ важно имѣть при обработкѣ значительнаго серіи экземпляровъ и учитывать ихъ происхожденіе, не доверяясь одной морфологіи. Кромѣ того случается также, что среди сплошнаго ареала данной расы попадаются единичные островки другой близкой къ ней расы. Такіе случаи весьма трудно объяснить, если мы придерживаемся обычной миграціонной гипотезы происхожденія ареаловъ. Наоборотъ, когда мы станемъ на точку зрѣнія, которая была мною изложена въ общихъ чертахъ въ моей работѣ о развитіи флоры юго-западной Россіи, то они не только дѣлаются легко объяснимыми но и прямо ее подтверждаютъ.

цитированных выше сочинениях цветъ лепестковъ западно-европейской формы указанъ бѣлый (за исключеніемъ одного сочиненія Brandza, который говоритъ, что лепестки *S. multiflora* въ Добруджѣ зеленовато-бѣлые: — „verdiu-alba»), между тѣмъ какъ на моихъ экземплярахъ, какъ я уже упоминалъ, они желтовато-зеленоватые. Возможно, что въ западной Европѣ лепестки *S. mult.* дѣйствительно бываютъ и съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, однако это не нарушаетъ общаго отличія въ окраскѣ вѣнчиковъ западной и восточной расы.

Хотя, имѣющагося у меня матеріала, конечно, недостаточно для окончательнаго выясненія вопроса о западной и восточной *S. multiflora*, однако, принимая во вниманіе, что формы эти раздѣлены также и географически, полагаю возможнымъ раздѣлить *S. multiflora* на двѣ расы:

S. multiflora glabra: Calycibus pedunculisque glabris, petalis flavido-virescentibus. Rossia australis, Altai, Songaria.

S. multiflora pubescens: Calycis pedunculisque brevis-pubescentibus, petalis albidis vel albido-virescentibus. Austria inferior, Hungaria, Dobrogea.

Spergularia marginata P. M. E. Мокрыя солонцы по берегу Сиваша близъ острова Чурюкъ (плоды 1 іюня).

Reganum Harmala L. Чурюкъ — мѣстами очень обильно даже тамъ, гдѣ нѣтъ дорогъ (сѣвернѣе, въ томъ-же Днѣпровскомъ уѣздѣ это растеніе попадаетъ обильно около степныхъ дорогъ, а также и по пустырямъ въ населенныхъ пунктахъ, являясь очевидно заноснымъ растеніемъ. На Чурюкѣ *P. Harmala* производитъ впечатлѣніе растенія дикаго (цв. 1 іюля).

Trigonella coerulea Ser. Рѣдко попадаетъ на остр. Чурюкъ (цв. и незр. плоды 1 іюля). Я не увѣренъ, впрочемъ, будетъ-ли это настоящая *T. coerulea* или близкая къ ней раса *T. Besseriana* Ser. Скорѣе даже мой экземпляръ слѣдовало-бы отнести къ послѣдней формѣ, но я до сихъ поръ не уяснилъ себѣ въ достаточной мѣрѣ отличій этихъ растеній.

Trifolium expansum W. K. (*T. pratense* var. *expansum* Hauskn.—Aschers. und Grabener: „Synopsis der Mitteleurop. Flora» — VI, 2, p. 554: *T. pratense* var. *intermedium* Lindem.: „Flora chersonensis», I, p. 144; *T. pallidum* Schmalh.: „Флора», I, стр. 238 et auct. fl. ross. nec W. K.; Пачоскій: „Очеркъ раст. Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи», стр. 80; „Матер. для фл. сѣв. части Таврической губерніи», стр. 38).

Уже въ моей работѣ: „Плавневые солонцы въ низовьяхъ Днѣпра» (Тр. Бот. Сада Императорскаго Юрьевскаго Университ. — т. XIII, стр. 3) я вскользь замѣтилъ, что растеніе, принимаемое у насъ всѣми авторами за *T. pallidum* W. K., ничего общаго съ этимъ послѣднимъ не имѣетъ и, вѣроятно, есть блѣдноцвѣтная (желтовато-бѣлая) форма *T. expansum*. Въ настоящее время я въ этомъ убѣдился, почему *T. pallidum*, приводившееся мною для Днѣпровскаго и Мелитопольскаго уѣздовъ (въ выше цитированныхъ

моихъ работахъ) должно быть замѣнено *T. expansum*.⁴ Кромѣ того, это растеніе вообще необходимо исключить изъ русской флоры.

Вотъ краткое описаніе нашего *T. expansum*:

Стебель отъ 20 сант. до метра и болѣе (одинъ измѣренный экземпляръ изъ Херсонской губерніи имѣлъ 1 метръ 22 сант.), прямостоячій или приподымающійся, съ основанія развѣтвленный, болѣе или менѣе угловатый или бороздчатый, въ нижней части оттопыренно-волосистый или почти голый, а въ верхней обыкновенно прижато-пушистый или даже бѣло-пушистый. Черешки нижнихъ листьевъ, образующихъ розетку, оттопыренно-волосистые, а до распусканія листьевъ и густо-бѣло-пушистые. Листочки ихъ довольно разнообразны: болѣе или менѣе эллиптическіе или нѣсколько косо-обратно-яйцевидные, до 3,5 сант. длины и до 3 сант. ширины, на верхушкѣ нѣсколько заостренные, закругленные или неглубоко-выемчатые, почти цѣльнокрайніе. Стеблевые листья болѣе вытянуты по длинѣ (падаютъ пластинки до 5 сант. длины, но обыкновенно меньше четырехъ), верхніе удлинненные и даже широко-ланцентные, по краямъ зазубренные или зубчатые. Прилистники удлинненные, вдругъ суженные въ тонкія остроконечія, покрытыя кучками щетинистыхъ волосковъ, похожихъ на волоски кончиковъ зубцовъ чашечки. Головки чаще всего одиночныя, окруженныя листьями, рѣдко на болѣе или менѣе длинныхъ, вначалѣ иногда даже бѣло-пушистыхъ ножкахъ (листья удалены). Головки обыкновенно крупныя до 30 мм. длины, вначалѣ почти шаровидныя, впоследствии болѣе или менѣе удлинненные (иногда широко-коническія), густыя, многоцвѣтковыя. Цвѣтки крупныя (до 15 мм. длиною), грязно-желтовато-бѣлые (въ юго-восточной части Херсонской губерніи и въ сѣв. Таврической обыкновенно только этого цвѣта), палевые, съ розовымъ оттѣнкомъ или красныя (въ сѣверной части Херсонской губерніи и въ Бессарабіи; къ этому надо прибавить, что въ восточной половинѣ Херсонской губерніи, тамъ, гдѣ блѣдно-цвѣтная и красно-цвѣтная форма соприкасаются, можно рядомъ встрѣтить обѣ формы и переходы между ними; въ западной-же части Херсонской губерніи и въ Бессарабіи я не видѣлъ формы съ желтовато-

⁴ Настоящее *T. pallidum* W. K. (ср. описаніе Aschers. und Graebner „Synopsis“, VI, 2, p. 559; есть растеніе однолѣтнее (рѣдко двулѣтнее), лишенное прикорневой розетки листьевъ, которая на хорошо развитыхъ экземплярахъ того растенія, которое до сихъ поръ у насъ принималось за *T. pallidum*, всегда явственно замѣтна. Кромѣ того, этотъ послѣдній отличается значительно меньшимъ ростомъ и вообще меньшими размѣрами, въ частности болѣе мелкими головками (часто немногимъ только превосходящими 1 сантим. въ длину — экз. „fl. exs. Austro-Hungarica“, № 1607: „in pratis humidis ad Danubium prope Belgrad. leg. Bornmüller; то же „Flora serbica“ — leg. Bierbach) и болѣе мелкими цвѣтками 8—10 мм. длиною. Географическое распространеніе *T. pallid.* обнимаетъ: Италію, южн. и вост. Венгрію, южн. Трансильванію, Балканскій полуостровъ, Малую Азію и сѣверную Африку.

бѣлыми цвѣтами. а исключительно только красно-цвѣтную)⁵. Чашечка немного прижато-волосистая. Зубцы ея при основаніи узко-треугольные, постепенно суженные въ тонкія острія, оттопыренно-щетинисто-волосистые (волоски сидятъ на буроватыхъ бугоркахъ, какъ у *T. pratense* L.). Нижній зубецъ длиннѣ четырехъ верхнихъ. Отношеніе длины трубки чашечки къ зубцамъ весьма измѣнчиво: то она короче послѣднихъ, то наоборотъ.

Тогда какъ различіе *T. expansum* и *T. pallidum* W. K. не представляетъ какихъ либо затрудненій (эти виды въ „Synopsis» Ашерсона и Гребнера совершенно справедливо отнесены даже къ разнымъ сборнымъ видамъ), отличить первый изъ нихъ отъ *T. pratense* не всегда легко, въ особенности если мы имѣемъ дѣло съ красно-цвѣтной формой *T. expansum*. Тѣмъ не менѣе, это безспорно различныя расы, игнорировать которыя нельзя. *T. expansum* прежде всего у насъ идетъ значительно дальше на югъ, замѣняя собою тамъ обыкновенный клеверъ, встрѣчающійся тамъ, впрочемъ, иногда въ видѣ заноснаго растенія. Эта особенность географическаго распространенія указываетъ на то, что *T. expansum* является расою болѣе ксерофильною, чѣмъ *T. pratense*. Кромѣ того, у насъ *T. expansum* попадаетъ на лугахъ и лужайкахъ, отличающихся нѣкоторою солонцеватостью (обыкновенно тамъ попадаетъ въ видѣ блѣдноцвѣтной формы, что же касается красноцвѣтной, то ее можно встрѣтить по лѣснымъ лугамъ и въ кустарникахъ, повидимому, не засоленныхъ вовсе).

Распространенъ *T. expansum* въ болѣе южной половинѣ Россіи (къ востоку отъ Буга тоже въ видѣ блѣдноцвѣтной формы, болѣе распространенной на востокъ) до Саратовской, Самарской и Кавказа.

Въ моей работѣ: „Основныя черты развитія флоры юго-западной Россіи»⁶ *T. expansum* (подъ названіемъ *T. pallidum*, какъ тогда всѣ называли блѣдноцвѣтную форму этого растенія) приведенъ въ качествѣ примѣра взаимоотношенія двухъ близкихъ расъ. Въ настоящее время примѣръ этотъ не теряетъ своего значенія, хотя мы теперь видимъ, что дѣло заключается не въ взаимоотношеніи двухъ видовъ, какъ я полагалъ раньше, а двухъ цвѣтныхъ варьяцій одного и того-же вида. Такъ какъ въ западной Европѣ, повидимому, нѣтъ формы съ грязно-желтовато-бѣловатыми (не бѣлыми, каковыя альбиносы могутъ встрѣчаться у самыхъ разнообразныхъ растеній и въ дѣйствительности извѣстны и у обыкновеннаго клевера) цвѣтами (Ашерсонъ и Гребнеръ указываютъ цвѣтъ вѣнчиковъ *T. exp.* слѣдующимъ образомъ: „meist pfirsichblütfarben bis karminroth» — „Synopsis», VI, 2, p. 555), то я назову эти цвѣтовыя варьяціи *var. pallidum* и *var. rubrum*, причѣмъ первое изъ нихъ является формою специально русскою, которую Линдеманъ

⁵ Впрочемъ, можно предположить, что въ южной части Подольской губерніи попадаетъ и форма съ желтовато-бѣлыми цвѣтами, такъ какъ *T. pallidum* указывается Роговичемъ (Обозрѣніе сѣм. и высш. споров. раст., стр. 69) для Оконь и Косъ Балтскаго уѣзда, мѣстностей, граничащихъ съ Херсонской губерніей.

⁶ Стр. X и XI.

описаль подъ названіемъ *T. pratense intermedium* Lind..⁷ считая его формой, какъ будто средней между *T. pratense* и *T. expansum*. Я же полагаю, что эта варьяція есть лишь блѣднодвѣтнѣй (цвѣты грязно-желтовато-бѣловатые, какъ я неоднократно указывалъ, а не бѣлые, какъ говорить Линд.) *T. expansum*.

Astragalus reduncus Pall. Въ Асканія Нова найдено мною въ 1912 году (30 іюня цв. и незр. плоды) нѣсколько экземпляровъ въ видѣ густыхъ и высокыхъ кустовъ (стебли доходили до 40 сант. вышины, тогда какъ у Шмальгаузена ростъ этого астрагала указанъ въ 10-12 сант.; этотъ необыкновенно высокій ростъ можно объяснить тѣмъ, что *A. reduncus* найденъ былъ въ паркѣ около оросительной канавки), произроставшихъ среди растительности, приближающейся къ цѣлинной. Раньше около Асканіи я этого астрагала не находилъ, а собиралъ его нѣсколько къ югу близъ Преображенки и Перекопа при полупустынной обстановкѣ. Быть можетъ, въ Асканія Нова *A. reduncus* попалъ лишь случайно. Впрочемъ, ничего невѣроятнаго нѣтъ и въ томъ, что это растеніе является тамъ аборигеномъ, такъ какъ разстояніе Асканіи отъ Преображенки всего около 35 версть.

Ferula caspica MB. Остр. Чурюкъ (плоды 1 іюля).

Linosyris villosa DC. На полынной степи на остр. Чурюкъ (нецв. экз. 1 іюля).

Artemisia maritima nutans Willd. (sp.). Очень обильно въ присивашскихъ степяхъ (еще не цвѣтеть).

Senecio Jacobaea L. Травяныя мѣста на остр. Чурюкъ – рѣдко (цв. 1 іюля). Собр. экземпляры отличаются низкимъ ростомъ. Стебель и листья покрыты сѣровато-бѣлыми хлопьями.

Cirsium Elodes MB. Солонцеватая лужайки по берегу Сиваша бл. острова Чурюкъ (цв. 1 іюля).

Acroptilon Picris C. A. Mey. Асканія Нова на окр. Б. Чапельскаго пода (въ паркѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ густыми, но небольшими колоніями). Это растеніе въ 1912 году впервые замѣчено мною около Асканіи (цв. 30 іюня). Въ юго-восточной части Днѣпровскаго уѣзда *A. Picris* не составляетъ рѣдкости и даже является тягостной сорной травой на поляхъ съ нѣсколько солонцеватой почвой.

Serratula xeranthemoides MB. Отр. Чурюкъ (плоды 1 іюля).

Taraxacum bessarabicum (Hornem) Hand.-Mzt. По окраинѣ водоема съ артезіанской водой бл. Громовки недалеко берега Сиваша на довольно сухой почвѣ – изрѣдка (цв. 1 іюля). Отличается отъ типичныхъ экземпляровъ этого вида болѣе крупнымъ ростомъ (одинъ экземпляръ около 9 сант., другой почти до 20 сант.) и болѣе короткими листочками наружной обертки, составляющими не болѣе четвертой части длины внутреннихъ листочковъ; по формѣ они узко-треугольные.

⁷ Подъ этимъ названіемъ *T. expansum* var. *pallidum* фигурируетъ у Цингера („Сборн. свѣд. о флорѣ средн. Россіи“ – Москва 1886, стр. 132). Къ этой же расѣ, безъ сомнѣнія, относится также *T. pratense* var. (съ желтовато-бѣлыми цвѣтами) Литвинова („Гео-ботан. записки о флорѣ европ. Россіи“. Москва 1891, стр. 35).

Mulgedium tataricum С. А. М. Берегъ Сиваша бл остр. Чурюка (цв. 1 июля).

Goniolimon tataricum Boiss. На полынній степи на остр. Чурюкъ (цв. 1 июля).

Staticе caspia Willd. Вл. солонцы по берегу Сиваша – мѣст. обильно бл. Чурюка (цв. 1 июля).

S. suffruticosa L. По сыроватому берегу Сиваша (совмѣстно съ *Halocnemum strobilaceum* MB. и др. солончаковыми растеніями) бл. остр. Чурюкъ – рѣдко (нецв. экз. 1 июля). Это растение является новостью для флоры Днѣпровскаго уѣзда. Впрочемъ, оно найдено въ сосѣднемъ Перекопскомъ уѣздѣ⁸. (Юшуни–Левандовск. у Кузнецова: *Flora caucasica critica*, IV, I, p. 222). Наша форма есть *var. typica* Trautv. (Кузнецовъ; loc. cit., 221). Отъ экземпляровъ „Herb. Fl. Rossicae», № 1085 (изъ Самарской губерніи) мои экземпляры отличаются болѣе широкими и болѣе тупыми на верхушкѣ листьями.

S. sareptana Becker.⁹ Въ 1851 году въ „Bull. de la Soc. des Natur. de Moscou» подѣ выше приведеннымъ названіемъ былъ описанъ изъ Сарепты новый видъ *Staticе*. Къ сожалѣнію, описанія этого я не имѣю и съ признаками, отличающими этотъ видъ отъ близкихъ *S. latifolia* L. и *S. tomentella* Boiss., познакомился изъ выдержки, приведенной у Кузнецова („*Fl. cauc. critica*», IV, I, p. 216) и позаимствованной у Бэккера. Вскорѣ послѣ того, какъ послѣдній далъ описаніе своей *S. sareptana*, въ тѣхъ-же бюллетеняхъ Московск. Общ. Ест. появилось описаніе *S. alutacea* Steven (1857, p. 367). Судя по этимъ описаніямъ, *Staticе* изъ сѣверной части Таврической губерніи, характерная для цѣлинныхъ ковыльныхъ степей и даже произрастающая въ посѣвахъ (ср. Яната: „Матеріалы по сорной флорѣ Мелитопольскаго и Днѣпровскаго уѣздовъ» – Симферополь 1912, стр. 63, подѣ названіемъ *S. tomentella*), которую я до сихъ поръ не могъ окончательнo опредѣлить (я принималъ ее сначала за *S. intermedia* Czern. – „Очеркъ», стр. 38, послѣ за *S. tomentella* Boiss. – „Матеріалы», стр. 45 и за *S. tomentella* Boiss.? – „Записки о флорѣ Днѣпровскаго уѣзда», – стр. 19), есть, повидимому, *S. alutacea* (описана изъ Одессы и Полтавы) или, употребляя болѣе раннее названіе, *S. sareptana*¹⁰.

Долгое время *S. sareptana* (и, повидимому, тождественную съ нею *S. intermedia* Czern.), какъ форму по своимъ признакамъ занимающую среднее мѣсто между *S. latifolia* и *S. Gmelini*, считали за помѣсь этихъ послѣднихъ видовъ (Шмальгаузенъ, Кузнецовъ). Однако, недавно Б. А. Келлеръ („Въ области полупустыни» II. „Очерки и замѣтки по флорѣ юга Царицынскаго уѣзда. „Саратовъ 1907, стр. 121-126) выступилъ съ критикой взгляда

⁸ Кромѣ того, въ Крыму найдено Зеленецкимъ около Джанкоя и Таганаша („Матеріалы для флоры Крыма» – Одесса 1906, стр. 358).

⁹ Возстановляя этотъ видъ, болѣе полувѣка не признаваемый флористами, я нѣсколько расширяю его объемъ, включая и формы не пушистыя.

¹⁰ Вотъ описаніе Стевена: „*Densissime verruculoso-pubescentis, foliis ellipticis breviter petiatis, scapo tereti: ramoso, spiculis secundis scorpioideis densis, bracteis late scarioso-marginatis, calycis tubo undique piloso limbo breviter 5 fido laciniis dentatis.*» – *S. tomentella* videtur proxima, sed secundum diagnosin (Led. fl. r. 3, p. 461) differt foliis oblongo-lanceolatis bracteis haud velutinis, calyci laciniis rotundis obtusis».

на помѣсное происхождение *S. sareptana*, приводя очень вѣскія доказательства (кстати, замѣчу, что я еще раньше, именно въ 1904 году, высказался против помѣснаго происхожденія нашей степной *Statice*, когда я ее еще считалъ за *S. intermedia* Czern., т. е., въ сущности, за ту-же *S. sareptana*). Въ настоящее время я вполнѣ убѣжденъ, что наша *Statice*, характерная для ковыльныхъ степей южнаго типа и для сухихъ лессовыхъ почвъ верхнихъ частей склоновъ, покрытыхъ скудною растительностью (тамъ-же часто попадаетъ и *Stipa capillata*), не только не является помѣсью, но является самостоятельной расой, совершенно эквивалентной *S. Gmelini*. *S. latifolia* и *S. caspia*, съ которыми она находится въ ближайшемъ родствѣ. Къ этому надо прибавить, что раса эта вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, очень широко распространена въ южной Россіи, заходя даже, по свидѣтельству Келлера, въ Акмолинскую область.

S. sareptana вообще по росту значительно уступаетъ близкой къ ней *S. latif.* и обыкновенно не бываетъ больше 40 сант. высоты (наиболѣе крупный экземпляръ моего гербарія достигаетъ 55 сант.), тогда какъ эта послѣдняя часто достигаетъ даже и до метра. Прикорневая розетка листьевъ *S. sareptana* тоже очень невелика по сравненію съ листьями *S. latif.* Тогда какъ листья (совмѣстно съ черешками) послѣдней часто достигаютъ 40 сайт., у первой обыкновенно даже меньше 10 сант. (наиболѣе длинный черешокъ 17 сант.). Что касается формы листьевъ, то въ этомъ отношеніи степная *Statice* приближается къ *S. Gmelini* (однако листья обыкновенно немного меньше, чѣмъ у послѣдней, обыкновенно приподняты вверхъ, а не распростерты на землѣ, средняя жилка на изнанкѣ выдѣляется рѣзче, почти какъ у *S. latifolia*). Впрочемъ, длина черешковъ и направленіе листьевъ, повидимому, зависятъ отъ густоты травостоя. Въ мѣст., лишенной растит., растеніе можетъ разстлать розетку на землѣ, и длинные черешки тогда не нужны. Листья *S. sarept.* никогда не бываютъ такими толстыми и кожистыми, какъ у *S. Gmel.*; еще болѣе, быть можетъ, иногда по формѣ листья эти бываютъ похожи на *S. caspia*. Стебель иногда почти отъ основанія усаженъ короткими безплодными вѣточками и только самыя верхнія въ такомъ случаѣ несутъ цвѣтки. Такіе экземпляры иногда удивительно напоминаютъ *S. caspia* и, быть можетъ, если бы мнѣ попались такіе экземпляры въ гербаріѣ, а не завѣдомо были мною лично собраны — совмѣстно съ экземплярами по типу болѣе похожими на *S. latifolia* и въ мѣстностяхъ, которыя, по меньшей мѣрѣ, удалены на сотню верстъ отъ мѣстонахожденій *S. caspia*, я бы тоже могъ ихъ счесть за помѣсь *S. latifolia* и *S. caspia*, какъ это сдѣлали Boissier¹¹ и Кузнецовъ¹².

Еще болѣе къ типу *S. caspia* приближается иногда наше растеніе въ томъ случаѣ,

¹¹ Fl. orient., IV, p. 865: „cl. Rehmann e campis Tauriae sub *S. caespitosae* nomine misit plantam caracteribus inter *S. latifoliam* et *S. caspiam* mediam et earum prob. proles hybridam”.

¹² „Fl. caucasica critica”, IV, I, p. 218. Отнесень къ этой помѣси экз. изъ Чонгарь, похожий по опушенію на *S. latif.*, а по характеру соцвѣтія на *S. caspia*.

когда мы имѣемъ дѣло не съ пушистой формой *S. sareptana*, а съ голой. Возможно, что *St. Gmelini* х *caspia* Kusnetz. (loc. cit., p. 216) тоже относится къ этому циклу, а не является помѣсью (впрочемъ, возможно также, что это не болѣе, какъ *S. Gmelini* съ безплодными вѣточками, каковыя экземпляры попадаются и у насъ). Къ этому надо прибавить, что въ діагнозахъ *S. Gmelini* и *S. latifolia* (у Кузнецова, Boissier, Шмальгаузена) совершенно напрасно сказано, что у этихъ видовъ безплодныхъ вѣточекъ не бываетъ¹³. Наоборотъ, почти всегда, а по крайней мѣрѣ, очень часто, можно найти хоть нѣсколько безплодныхъ вѣточекъ, какъ у *S. Gmelini*, такъ и у *S. latifolia*, притомъ на экземплярахъ, развитыхъ вполнѣ типично. Возвращаясь къ характеру соцвѣтія *S. sareptana*, необходимо добавить, что оно далеко не всегда бываетъ почти столь сжатымъ и вытянутымъ, какъ у *S. caspia*, но съ другой стороны оно никогда не бываетъ столь обширнымъ, какъ у *S. latifolia*.

Что касается цвѣтковъ, то они у *S. sareptana* замѣтно больше, чѣмъ у *S. latifolia*, не смотря на то, что все растение менѣе крупное. Такъ, цвѣтки *S. latifolia* до 6 м. длины, а у *S. sareptana* до 7 м. Что касается *S. Gmelini*, то оно, повидимому, имѣетъ цвѣтки тоже нѣсколько меньше, чѣмъ *S. sareptana*, хотя и замѣтно крупнѣе, чѣмъ у *S. latifolia*.¹⁴ Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что опредѣлить точныя отношенія величинъ цвѣтковъ довольно затруднительно. Дѣло въ томъ, что цвѣтки этихъ *Statice* полностью раскрываются очень рѣдко, почему выводы приходится основывать на небольшомъ количествѣ измѣреній. Чаше всего вѣнчикъ не раскрывается полностью, а на верхушкѣ лепестки сомкнуты; часто также сомкнутый вѣнчикъ почти не выставляется изъ трубки чашечки. Подобное неполное цвѣтеніе наблюдается не только въ началѣ лѣта, но и осенью. Изъ этого факта, пожалуй, можно было-бы сдѣлать предположеніе: не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣла съ клейстагоміей? Это имѣло-бы извѣстный смыслъ для растенія развивающагося подъ осень, т. е. въ тотъ періодъ, когда, вслѣдствіе недостатка влаги, нужно быть очень экономнымъ на расходованіе ея¹⁵. Такъ напримѣръ, ковыль-тырса въ засушливые годы даже полностью не выпускаетъ остей, изъ окутывающаго соцвѣтіе влагалища, а плоды все таки развиваются. Если-бы удалось установить клейстагомію для нашихъ *Statice*, то это было-бы доказательствомъ противъ гибридныхъ формъ, принимаемыхъ нѣкоторыми изслѣдователями. Вѣнчикъ *S. sareptana*, какъ и у другихъ близкихъ видовъ, темно-голубой и никакихъ отличій, повидимому, не представляетъ. Зато

¹³ У Шмальгаузена и Кузнецова этотъ признакъ даже подчеркнуть.

¹⁴ Здѣсь я противорѣчу тому, что говорить о величинѣ цвѣтовъ Шмальгаузенъ (относительно *S. tomentella* и *S. Gmelini* *parviflora*) и я самъ. Дѣло въ томъ, что цвѣтки *S. sareptana*, благодаря болѣе узкимъ и блѣдно окрашеннымъ чашечкамъ, которыя, въ сущности, и образуютъ большинство цвѣтковъ, кажутся меньше, чѣмъ цвѣтки настоящей *S. Gmelini*. Однако, точное измѣреніе цвѣтковъ съ вполнѣ развитыми вѣнчиками не подтверждаетъ этого глазомѣрнаго опредѣленія.

¹⁵ Я знаю случаи, когда *S. Gmelini* даже не цвѣла вслѣдствіе засухи.

чашечка *S. sarep.* болѣ крупная (около 5 м.), чѣмъ у *S. latifolia*, но окрашенная столь-же блѣдно, какъ и у послѣдней (у *S. Gmelini* чашечка окрашена несравненно болѣ интенсивно, лилово-фіолетовая; такъ какъ вѣнчики чаще всего не раскрываются цѣликомъ, то окраска соцвѣтія получается отъ чашечекъ, вслѣдствіе этого соцвѣтія *S. sarept.* и *S. latifol.* блѣдныя, а у *S. Gmelini* ярко-окрашенныя, что бросается въ глаза уже издали). Итакъ, чашечка *S. sarep.* блѣдная, бѣловатая, но нѣсколько болѣ темно (красновато или коричнево) окрашенная по гранямъ, при основаніи которыхъ замѣчаются необильныя щетинистыя волоски. Зубцы чашечки *S. sarept.* ясно замѣтныя, болѣ или менѣ острые (у *S. Gmelini* они часто мало замѣтныя и край чашечки мало зубчатый), тогда какъ болѣ короткіе промежуточные часто закругленные. Прицвѣтники широко перепончатые по краямъ, на спинкѣ голые (не бархатисто-пушистыя¹⁶, какъ у *S. tomentella*, у которой кромѣ того и чашечка кругомъ пушистая, а не только по жилкамъ, какъ у *S. sareptana*; этими признаками, помимо условій произрастанія, отличаются между собою эти виды, которые нѣкоторыми отождествлялись и соединялись въ одинъ). Сѣмена около 2 3/4 м. длины, по формѣ напоминаютъ плохо развитыя зерна ржи, рыжевато-буроватыя.

Экологически *S. sareptana* отличается отъ близкой къ ней *S. latifolia* тѣмъ, что является расою безусловно болѣ ксерофитной, чѣмъ эта послѣдняя, которая у насъ всегда произрастаетъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ кустарниками (въ этомъ отношеніи мои наблюденія вполне совпадаютъ съ наблюденіями Келлера, который, въ уже цитированномъ сочиненіи, подробно разсматриваетъ условія произрастанія на югѣ Саратовской губерніи обѣихъ расъ)¹⁷. Наоборотъ, *S. sareptana* въ сѣверной

¹⁶ Этотъ признакъ самъ по себѣ, быть можетъ, и не имѣлъ-бы большого значенія. На ковыльно-полынквой цѣлинной степи бл. Бѣлозерки подѣ Херсономъ мною найдена была типичная *S. Gmelini*, у которой, однако, прицвѣтники были бархатистые. Всѣ же другіе мои экземпляры *S. Gmelini* и *S. sareptana* изъ Херсонской и Таврической губ. не имѣютъ бархатисто-пушистыхъ прицвѣтниковъ. Примѣчаніе: Когда я получилъ возможность сравнить мои экземпляры изъ Бѣлозерки съ экземпляромъ *S. tomentella*, собраннымъ В. А. Келлеромъ по мокрымъ солонцамъ бл. Сарепты, то оказалось, что одинъ изъ моихъ экземпляровъ отличается отъ сарептскаго лишь болѣ слабымъ опушеніемъ стеблей и листьевъ (на этомъ моемъ экземплярѣ на стеблѣ и по жилкамъ листьевъ все таки есть, хотя и очень короткіе волоски), и морфологически не отдѣлимъ отъ *S. tomentella*. Другіе два мои экземпляра являлись переходными между *S. tomentella* и *S. Gmelini*. Принимая во вниманіе, что мои экземпляры изъ Бѣлозерки, не смотря на морфологическую близость къ сарептскимъ, генетически съ ними не связаны, а также и то, что мои экземпляры были найдены при условіяхъ совершенно не тождественныхъ съ сарептскими, я дѣлаю выводъ, что такой признакъ, какъ пушистость, не сопровождаемый никакимъ другимъ параллельнымъ измѣненіемъ, у *S. Gmelini* является не существеннымъ, т. е. не имѣющимъ почти никакого систематическаго значенія. Въ виду этого, *S. tomentella* Boiss. (если этотъ видъ есть дѣйствительно то, что представляетъ изъ себя сарептское растеніе) я считаю лишь незначительной формой *S. Gmelini*, а не самостоятельной расой.

¹⁷ „*Statice latifolia* въ районѣ моихъ изслѣдованій, говоритъ Келлеръ (стр. 122), придерживается тра-

части Таврической губернии свойственна ровным степям, попадаясь не только на ковыльных степях, но и на полях. В соседней Херсонской губернии, где *S. sareptana* растет преимущественно в виде формы „glabra» (лично я иной не видел), она придерживается наиболее сухих склонов с лессовой почвой, покрытой довольно скудной растительностью, т. е. избирает местоположения более суха, по сравнению с равниной¹⁸.

Цветение *S. sareptana* начинается рано. В конце июня уже обычно она зацветает.

Возвращаясь к мнению проф. Шмальгаузена, подтверждаемому проф. Кузнецовым, будто бы *S. intermedia* Czern. (*S. sareptana* Becker) представляет тип неустойчивый, похожий на *S. latifolia* по своему соцветию, а по листьям напоминающий *S. Gmelinii*, или же наоборот, имеющий соцветие, свойственное последнему виду, а листья напоминающие первый из них, то и в этом отношении тоже я должен примкнуть к взгляду Келлера, который среди сарептских экземпляров не нашел указанного непостоянства. Что касается нашей местности (Херсонск., Тавричск., Екатеринославск. губ.), то *S. sareptana*, хотя и варьирует, но всегда сохраняет свой основной тип и сразу видно, что мы имеем дело с самостоятельной (не гибридной расой). Вся амплитуда колебаний, если не считать довольно разнообразной формы

вяноstepных западин, зарослей *Spiraea hypericifolia*, лѣсных опушек и т. п., иногда я встречаю эту *Statice* даже в самых древесных насаждениях". „*Statice sareptana* в упомянутом районе встречается в типчакowo-пиретровой формации, наблюдалась на чернополянных участках, нередко на глинистых лбах Ергеней и вообще приурочена к физически сухим местобитаниям, характеризующимся более ксерофитной растительностью, чем те местобитания, на которых распространена *S. latifolia*". Примѣчаніе: *S. latifolia* из Сарепты (экземпл. Келлера) совершенно тождественна с херсонской.

¹⁸ Здесь слѣдует еще указать на то, что Стевень, описывая свою *S. alutacea*, говорит, что она растет: „in salsis circa Oclessam et Poltawam". Точно также Черняев („Конспект растений дикораст. и развод, в окр. Харькова и в Украйнѣ" — Харьковъ 1859, № 1193) говорит: „Specimina... in pratis salsis non procul a Poltawa a me lecta cum descript. celeb. Auctoris conveniunt. An a *St. tomentella* Boiss. cujus specimina authentica non vidimus, diversa est, exsamen docebat rigorosius". — Как согласовать это несходство экологических условий, указываемых этими авторами с моими наблюдениями — не знаю. Если мы здесь не имеем дела с неточным указанием экологических условий (старинные авторы на это меньше обращали внимания), то, быть может, это лишь одно из слѣдствій неполного распада цикла варьяцій *Eulimonium* на отдѣльные расы. Возможно, что, подобно тому, как мы имеем рядом с более распространенными пушистыми формами *S. latifolia* и *S. sareptana* формы и голыя, существует и пушистая форма *S. Gmelini*, не тождественная, однако, со *S. tomentella*, но очень близкая морфологически к *S. sareptana*. Такую форму могли видеть Стевень и Черняев. Не исключено также предположение, что раса, морфологически не отличимая от *S. sareptana*, дала экологическую варьяцію, произрастающую на более влажном и более засоленном субстратѣ. Такие вопросы подлежат, однако, изучению на мѣстах, почему говорить здесь больше бесполезно. Кстати, прибавлю, что только изучение подобных вопросов, а не гадательное указание „центров", из которых, будто бы, к нам пришли данные виды, может передь нами развернуть истинную картину возникновения рас и ареалов.

листьевъ и большаго или меньшаго количества безплодныхъ вѣточекъ, сводится къ опушенію, которое можетъ быть болѣе или менѣе густое, вплоть почти до такого, какъ у *S. latifolia*, или совершенно отсутствуете какъ у *S. Gmelini*. На основаніи этого признака можно *S. sareptana* раздѣлить на двѣ формы: пушистую (*forma pubescens*) и голую (*forma glabra*). Линдеманнъ относилъ нашу *Statice* къ *S. tomentella* и, слѣдую Траутфеттеру, различалъ двѣ формы: *trachycaulis* Trautv. и *glabella* Trautv. (о *S. alutacea* Stev. Линдеманнъ говоритъ: „*verosimile praecedentis* – *S. latifolia* – *varietas, vix species propria*»). Пушистая и голая форма *S. sareptanae* являются крайне незначительными измѣненіями, не имѣющими почти никакого систематическаго значенія (Шмальгаузенъ, описывая свою *S. Gmelini parviflora*, которая, повидимому, тоже принадлежитъ къ циклу *S. sareptanae*, говоритъ: стебель голый или наверху немного бугорчатый или пушистый). Даже у *S. latifolia*, которую всѣ безъ исключенія описываютъ, какъ растеніе густо пушистое, попадаются экземпляры совершенно голые (такіе вполне типичные во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ экземпляры я имѣю изъ Коблево, Одесскаго уѣзда¹⁹. Отсюда можно заключить, что пушистая и голая *S. sareptana* одно и тоже (пушистая форма распространена по цѣльнымъ степямъ сѣверной части Таврической губерніи, голую я находилъ въ восточной части Херсонской губерніи и около Екатеринослава, гдѣ она нерѣдко попадаетъ по травянымъ склонамъ высокаго берега Днѣпра въ Потемкинскомъ саду).

Примѣчаніе: Послѣ того, когда все вышележащее о *S. sareptana* было уже написано, я, благодаря крайней любезности Б. А. Келлера, получилъ отъ него экземпляры изъ Сарепты *S. sareptana* (Б. А. въ письмѣ ко мнѣ упоминаетъ, что экземпляры эти сравнены были съ подлинными экземплярами Беккера и оказались тождественными съ ними) *S. tomentella* и *S. latifolia*. Принося здѣсь Борису Александровичу глубокую признательность за его помощь, я долженъ замѣтить, что экземпляры нашей *Statice*, хотя и отличаются нѣсколько отъ сарептскихъ, но тѣмъ не менѣе оба растенія принадлежать къ одному и тому-же виду. Точно также В. И. Липскій, который сравнивалъ мои экземпляры изъ Асканія Нова съ настоящими сарептскими, писалъ мнѣ, что экземпляры эти существенно отъ послѣднихъ не отличаются²⁰.

Вѣтви нашей западной *Statice* обыкновенно не столь растопырены и все соцветіе болѣе вытянутое и сжатое, чѣмъ у сарептскихъ экземпляровъ. Кромѣ того количество вѣтвей у нашей *Statice* часто больше и больше иногда безплодныхъ вѣточекъ внизу. Затѣмъ, цвѣтки у нашей формы часто значительно болѣе скучены, чѣмъ на экзempl. изъ Сарепты (особенно скучены цвѣтки на голой формѣ изъ Предднѣпровья).

¹⁹ Только по средней жилкѣ можно замѣтить очень короткіе единичные волоски.

²⁰ Здѣсь необходимо еще отмѣтить, что *S. sareptana* на югѣ Саратовской губерніи, какъ и у насъ, почти всегда выступаете совмѣстно съ *Stipa capillata*. Ср. объ этомъ у Келлера: „Въ области полупустыни“. II. Очерки и замѣтки по флорѣ юга Царицынскаго уѣзда. Саратовъ 1907.

Что касается опушения, то оно не представляет существенного признака не только у *S. sareptana*, но и у *S. Gmelini* и даже у *S. latifolia*. Еще я должен обратить внимание на то, что сарептское растение имеет иногда (но не всегда) опушенные прицветники (как у *S. tomentella*, хотя и в меньшей степени). Это замечается как на экземплярах, полученных от Келлера, так и на куске веточки, присланной мне В. И. Липским. Признак этот я тоже считаю не существенным (точно также, как и большую или меньшую опушенность чашечки). Таким образом, наша *Statice* отличается в лучшем случае от сарептской не больше, чем *S. Gmelini* от *S. Gmelini* var. *laxiflora* Boiss.

Указывая на широкие пределы варьирования *S. sareptana*, я должен упомянуть, что чашечка этого растения является наиболее постоянной, почему и может служить признаком для отличия его от других близких видов. Так, чашечка *S. sareptana* является наиболее длинной и узкою. Она чуть, чуть поменьше 5 м., тогда как наиболее близкая к *S. sareptana* *S. latifolia* отличается чашечкою всего 3-3,5 м. длины (у *S. Gmelini* чашечка 4-5 м. длины, но она отличается от чашечки *S. sareptana* большею шириною, окрашенностью своей верхней части и неясною зубчатостью отгиба).

Итак, *S. sareptana*, широко распространенная по крайнему югу европейской России, не является гибридом, а настоящей расой, совершенно эквивалентной *S. Gmelini*, *S. latifolia* и *S. caspia*.

Tournefortia Arguzia R. et Sch. По берегу Сиваша против острова Чурюкь.

Calystegia sepium R. Вр. Среди зарослей камыша по берегу Сиваша бл. остр. Чурюкь (цв. 1 июля).

Verbascum phlomidoides L. По несколько возвышающемуся берегу Сиваша местами против остр. Чурюкь (цв. 1 июля).

V. ovalifolium Don. Изредка в посевках хлебов бл. Н. Покровки (бл. Громовки) – цв. 1 июля.

Marrubium peregrinum L. На остров Чурюкь. Повидимому, в приморской полосе Днепровского уезда эта раса замняет собою более распространенную в южной России *M. graecum* Janka. От последней, собранные мною, экземпляры отличаются более сильным опушением, причем стебель *M. peregr.* опушен к тому гуще. Ветви нашего *M. peregr.* не всегда горизонтальны (особенно у экземпляров более мелких, веточки которых коротки), хотя б. ч. значительно более отклонены, чем у *M. graecum*. Прицветники короче. Ср. тоже мою работу: „Материалы для флоры северной части Таврической губернии», стр. 49. К этому я должен еще прибавить, что *M. peregrinum* я находил тоже около Перекопа.

Halocnemum strobilaceum MB. По берегам Сиваша на сырых густых солончаках местами обильно.

Atriplex nitens Schk. Въ постѣвахъ хлѣбовъ на остр. Чурюкъ обильно, но въ видѣ разрозненныхъ экземпляровъ (нецвѣтушіе экз. 1 іюля).

Obione verruciferum Moq. Tand. Сыр. солончаки по берегу Сиваша бл. остр. Чурюкъ (бутоны 1 іюля).

Petrosimonia brachiata Vge. Сухіе солонцы – Чурюкъ (нецвѣт. экзempl. 1 іюля).

P. volvox Vge. Раньше мною былъ найденъ при дорогѣ въ Асканія Нова всего одинъ экземпляръ этого растенія, а въ 1912 году я видѣлъ на истоптанной окраинѣ Б. Чапельскаго пода около экономіи въ одномъ мѣстѣ *P. volvox* въ большомъ количествѣ.

Salsola laricina Pall. (Ledebour – Fl. ross., III, p. 811; Шмальгаузенъ – флора, II, стр. 382; Boissier – Flora orient., IV, p. 962). Растетъ по нѣскольکو возвышеннымъ берегамъ Сиваша бл. остр. Чурюкъ (бутоны 1 іюля). Тамъ, гдѣ глинистые берега обрывисты и по временамъ составляющая ихъ глина сползаетъ, можно видѣть обнаженные корни этого растенія, доходящіе до сажени и даже больше. Наша форма, повидимому, приближается или тождественна съ *var. villosa* Fenzl. (in Ledeb. Fl. ross., loc. cit., p. 812), такъ какъ бесплодныя вѣточки и листья на нихъ густо и бѣло оттопыренно-волосистые (вѣточки плодущія пушистыя, но листья на нихъ голые). – Растеніе это, свойственное юго-востоку европейской Россіи, Кавказу (съ Закавказьемъ), Закаспійскимъ степямъ и Туркестану, а также Крыму (Аджикларъ бл. Судака–Стевень, а по Рудзкому, произрастаетъ по берегамъ соляныхъ озеръ около Перекопа²¹; кромѣ того. Зеленецкій²² указываетъ это растеніе между Гурзуфомъ и Ламбатомъ, что уже нѣскольکو не вяжется съ общимъ распространеніемъ этого растенія. У Ледебура²³) Фенцль указываетъ *S. laricina* для Екатеринославской губерніи, ссылаясь на Böber'a (здѣсь, безъ сомнѣнія, надо понимать екатеринославское Пріазовье), а Көрпенъ въ выше цитированномъ сочиненіи указываетъ это растеніе для низовьевъ Дона (около Ростова и Азова) и береговъ Калміуса (ссылаясь на Гюльденштедта). *S. laricina* является новостью для флоры Днѣпровскаго уѣзда.²⁴)

Samphorosma monspeliaca L. *var. pilosa* Litw. На остр. Чурюкъ – об. (нач. цвѣтеніе 1 іюля).

Polygonum Bellardi All. Солонцеватый берегъ Сиваша бл. остр. Чурюкъ (бутоны 1 іюля). Запаловичъ (Conspect. florum Galicie criticus. II, p. 126) экземпляры *P. Bellardi* изъ Россіи отнесъ къ *P. ratulum* MB., которое обыкновенно считается простымъ синонимомъ *P. Bellardi* All. Не имѣя необходимаго матеріала для рѣшенія вопроса

²¹ Köppen: „Geographische Verbreit. des Holzgewäse des Europ. Russlands und des Kaukasus“. I, p. 620, 621.

²² Зеленецкій „Матеріалы для флоры Крыма“ – стр. 363.

²³ Ledebour „Flora rossica“, III, p. 812.

²⁴ Такъ какъ у меня не было экземпляровъ для сравненія моей *S. laricina*, то я послалъ послѣднюю В. И. Липскому, который любезно мнѣ сообщил, что мои экземпляры не отличаются отъ подлинныхъ. За это пріятнымъ долгомъ считаю принести Владимиру Ипполитовичу мою благодарность.

о тождествѣ или различіи этого растенія на западѣ и на востокѣ, оставлю этотъ вопросъ открытымъ.

Tulipa Schrenkii Rgl. (*T. Gesneriana* var. *minor* Boiss., *T. Gesneriana* Auct. nec L.). По полыннмъ степямъ на островѣ Чурюкѣ (сухіе плоды 1 іюля).

Juncus Gerardi Loisel. Лужайки по берегу Сиваша бл. Ново-Покровки (плоды 1 іюля).

Alisma arcuatum Michalet. Въ поду на искусственно орошаемомъ участкѣ на глинистой почвѣ въ Асканія Нова (плоды 30 іюня). Экземпляры, собранные мною въ прошломъ году во время залитія этого пода водою, были признаны мною за *A. Plantago*. L. Впрочемъ, экземпляры эти не имѣли достаточно развитыхъ плодовъ. Въ подахъ Херсонской губерніи я исключительно находилъ только *A. Plantago* въ видѣ var. *latifolium* Asch. et Graeb. (часто въ видѣ крошечныхъ экземпляровъ, даже иногда не превосходящихъ 5 сант.).

Stipa capillata L. Изрѣдка по полыннмъ степямъ на остр. Чурюкѣ (нач. цв. 1 іюля; на единичныхъ экземплярахъ начали показываться ости).

Phragmites communis Trin. По бер. Сиваша бл. Чурюка.

Aeluropus littoralis Parl. Сыр. солонцев. м. по берегу Сиваша бл. остр. Чурюкѣ (цв. 1 іюля).

Agropyrum elongatum P. B. var. *ruthenicum* Griseb. (in Ledeb. Fl. ross., IV, p. 342 pro var. *T. rigidi* Schrad.). – Солонцеватая сыроватая мѣста по берегу Сиваша бл. остр. Чурюкѣ (цв. 1 іюля). Вообще, обитающая у насъ въ юго-западной Россіи, раса изъ цикла *A. elongat.* отличается отъ обитающей на западѣ меньшимъ количествомъ жилокъ, кроющихъ чешуй (западно-европейское растеніе, согласно описанію Ascherson'a и Graebner'a – *Synopsis der Mitteleurop. Flora*, II, I, p. 661, имѣеть отъ 9 до 11 жилокъ, тогда какъ наша имѣеть ихъ обыкновенно 5 и никогда число ихъ не доходитъ до 9).

Atropis distans Griseb. Берегъ водоема съ артезіанской водой бл. Ново-Покровки, (цв. 1 іюля). – Собранные экземпляры представляютъ этотъ видъ въ типической формѣ.

Херсонъ, 29 октября 1912 г.

Яната А. А.

Флора степи Мелитопольского и ю.-в. части Днѣпровского уѣздовъ Таврической губерніи (фрагменты)

Труды естеств.-историч. музея Таврич. губернского земства.
Симферополь, 1913. Т.2. С. 5-250.

„Отсутствіе работъ по флорѣ сѣверной части Таврич. губ. легко объясняется отвлекающимъ вліяніемъ Крыма, который, представляя большое разнообразіе растительныхъ формъ, привлекаетъ массу гербаризаторовъ, предпочитающихъ выискивать сорную флору южнаго берега, чѣмъ заняться изученіемъ растительныхъ формаций степной полосы. А между тѣмъ это очень прискорбно, такъ какъ изученіе послѣднихъ не только очень важно въ научномъ отношеніи, но и можетъ дать большое умственное наслажденіе“.

І. К. Пачоскій „Очеркъ раст. Днѣпр. у.“ стр. 2–3

Поистинѣ большое умственное наслажденіе получилъ я, погрузившись послѣдніе три года въ изученіе растительности Таврической полосы причерноморской и приазовской степи...

1910 и 1911 годы пошли на изученіе флоры Мелитопольскаго уѣзда, кромѣ приднѣпровской его полосы и долины рѣки Молочной, которыя имѣются ввиду посѣтить въ 1913 году, – и той части Днѣпровскаго уѣзда, которая осталась незатронутой изслѣдованіями г. Пачоскаго (юго-восточной). Въ текущемъ году заканчивается обслѣдованіе Бердянскаго уѣзда, результаты котораго будутъ опубликованы въ 1913 году.

Настоящая работа является какъ-бы продолженіемъ той („Матеріалы по сорной флорѣ Мелитоп. и Днѣпров. уу.“¹, которая была напечатана въ І т. „Трудовъ Естеств.-историч. музея Таврич. губерн. земства“, за 1912 г., отдѣлъ прикладной ботаники, стр. 1 – 86 и дополненіе стр. 87 – 92. Поэтому здѣсь я совершенно не буду касаться сорной флоры изслѣдованнаго района, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда она внѣдряется въ коренныя мѣстныя растительныя сообщества, или когда это понадобится для полноты общихъ выводовъ, напр. при описаніи смѣнъ растительности на перелогахъ и т. п.

Не буду я здѣсь также касаться исторіи изслѣдованія флоры Таврическихъ степей и отдѣльныхъ работъ, поскольку это не явится необходимымъ для сравненій и выводовъ, такъ какъ это отчасти сдѣлано въ указанной предыдущей работѣ², а въ болѣе

¹ Въ этой работѣ указаны болѣе подробно районъ изслѣдованія и перечислены всѣ посѣщенные географическіе пункты уѣздовъ. Указано также время и число поѣздокъ въ районъ изслѣдованія.

² Послѣ ея отпечатанія вышла еще новая работа І. К. Пачоскаго „Замѣтки о флорѣ Днѣпровскаго уѣзда Тавр. губ.“ – Зап. Нов. Общ. Ест. т. XXXIX стр. 1–31 (отд. отт.).

исчерпывающем видѣ предполагается сдѣлать по окончаніи изслѣдованія Таврическихъ степей, – въ сводной работѣ.

Таким образомъ, предлагаемое изслѣдованіе является попыткой, по возможности въ чистомъ видѣ, представить, или вѣрнѣе возстановить, картину распредѣленія естественныхъ растительныхъ формаций въ изслѣдованномъ районѣ, равно какъ и его причины. Оно-же представляетъ попытку выяснитъ сложную экологическую сущность жизни растительныхъ сообществъ, въ частности ихъ ежегоднаго развитія. Наконецъ, главы о выпасахъ, толокахъ и перелогахъ являются попыткой выяснитъ роль копытныхъ животныхъ и картину возстановленія нарушенныхъ человѣкомъ естественныхъ взаимоотношеній въ степи, а потому представляютъ не только теоретическій но и практическій интересъ, хотя его не лишены, по существу, и всѣ остальные главы.

Переходя къ методикѣ своего изслѣдованія, приводящаго къ выясненію (конечно, не исчерпывающему) намѣченныхъ вопросовъ, я долженъ оговориться, что не вполне слѣдоваль программѣ ботанико-географическихъ изслѣдованій, выработавшейся многолѣтней практикой изслѣдователей Россіи. Причиной этого были главнымъ образомъ техническія условія работъ, а также нѣкоторыя мѣстныя особенности въ распредѣленіи растительности. Это заставляеть меня и въ описаніи растительности (ниже) нѣсколько отступать отъ установившихся въ бот.-геогр. литературѣ традицій. Не останавливаясь на этомъ здѣсь болѣе подробно, полагаю, что методика моихъ работъ вполне выяснится при описаніи ихъ результатовъ.

Имѣя ввиду и прикладное значеніе ботанико-географическихъ изслѣдованій, я въ предлагаемой работѣ, какъ и при описаніи сорной флоры, – привожу, по мѣрѣ возможности и необходимости, параллельно съ научными также мѣстныя народныя названія растений, записанныя мною со словъ населенія, которыя въ Мелитопольск. и Днѣпровск. уѣздахъ являются преимущественно украинскими. Мѣстныхъ названій я также придерживаюсь по отношенію къ географическимъ пунктамъ, селамъ, подамъ и проч.

Планомѣрнымъ распредѣленіемъ своихъ экскурсій по территоріи изслѣдованной области я обязанъ почвеннымъ картамъ изслѣдованныхъ уѣздовъ, изданнымъ почвенной лабораторіей Таврическаго губернскаго земства, а также личнымъ указаніямъ губернскаго почвовѣда Н. Н. Клепинина; обработкою собраннаго гербарія я отчасти обязанъ ботаническому кабинету Кіевскаго университета, гдѣ пользовался правомъ осмотра богатыхъ коллекцій Шмальгаузена, Бессера и др. Многими литературными указаніями – обязанъ библиотекѣ „Taurica“ при губернской земской управѣ и любезности завѣдующаго ею И. М. Волошинова. Наконецъ успѣшностью своихъ экскурсій я обязанъ ѣздившимъ со мной и помагавшимъ мнѣ: М. С. Очану (препараторъ Ест.-Истор. музея), М. П. Розанову (студентъ московскаго университета) и И. М. Щеголеву (помощникъ губернскаго энтомолога).

Считаю пріятной обязанностью выразить здѣсь всѣмъ этимъ лицамъ и учреждениямъ искреннюю благодарность отъ имени своего и, въ лицѣ С. А. Мокржецкаго, отъ имени Естественнo-историческаго музея Таврическаго губернскаго земства, по порученію котораго и на средства котораго были предприняты мои работы.

Всѣ собранные мною матеріалы и негативы произведенныхъ фотографій являются собственностью Естественнo-Историческаго музея Таврическаго губернскаго земства.

Симферополь.

26 августа 1912 года.

Авторъ.

(стор. 10-11)

Необходимость возстановленія картины дѣвственной степи.

Къ сожалѣнію, несмотря на столь недавнее время, вся полнота бывшей картины осталась незапечатлѣнной. Отдѣльные путешественники, изслѣдователи, хотя и зафиксировали кое-какой ботанический матеріалъ въ то время, но онъ носить слишкомъ отрывочный, несистематическій характеръ. Первой задачей изслѣдователя теперь – является возстановить, поскольку это еще возможно, картину дѣвственной таврической степи. Это является неотложной необходимостью не только теоретической, но и прикладной, ибо безъ этого почти невозможно полное изученіе почвеннаго покрова, являющагося непосредственнымъ результатомъ развитія того или иного типа степной растительности, который „не только опредѣляетъ данный типъ почвы, но и позволяетъ различать его видоизмѣненія иногда болѣе тонко, чѣмъ это возможно на основаніи однихъ морфологическихъ почвенныхъ признаковъ, или процентнаго содержанія гумуса“; какъ совершенно справедливо говорить г. Пачоскій ³.

„Дикая растительность является едва-ли не лучшимъ, наиболее тонкимъ бонитировочнымъ средствомъ для почвъ этихъ областей въ цѣляхъ агрономіи и лѣсоводства“ – говоритъ другой изслѣдователь степи – Б. А. Келлеръ ⁴.

Пути возстановления прошлаго растительности степи.

Главный путь къ достиженію намѣченной цѣли заключается, конечно, въ возможно подробномъ изученіи тѣхъ остатковъ дѣвственной степи, которые сохранились еще въ видѣ защитныхъ участковъ, цѣлинныхъ степныхъ сѣнокосовъ и выпасовъ, – преимущественно у крупныхъ владѣльцевъ. Въ этомъ отношеніи Таврическія степи находятся въ сравнительно благопріятномъ положеніи. Прежде всего необходимо указать на нѣсколько защитныхъ участковъ цѣлинной степи, оставленныхъ въ Днѣпровскомъ (ок.

³ Причерном. степи стр. 2.

⁴ „Травяностенная, полупустынная и пустынная формации“ – Прогр. бот. геогр. изслѣд. стр. 105.

Асканія-Нова) и Мелитопольскомъ (ок. эк. Елизаветфельдь) уѣздахъ покровителемъ памятниковъ степной природы – Ф. Э. Фальць-Фейномъ, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ десятинь. Эти участки изучены І. К. Пачоскимъ. Кромѣ того, какъ заповѣдныя, они общають неизмѣнно обогащать еще многіе годы наши познанія въ степной флорѣ и ея экологіи.

Съ другой стороны, – въ Мелитопольскомъ уѣздѣ и юго-восточной части Днѣпровскаго разбросаны по разнымъ мѣстамъ еще довольно многочисленныя участки степныхъ цѣлинъ, иногда до 1000 десятинь размѣромъ, – которые что ни годъ все больше и больше распахиваются, или выбиваются скотомъ до неузнаваемости. Не представляя каждый въ отдѣльности равноцѣннаго защитнымъ участкамъ, – они тѣмъ не менѣе, расположившись въ разныхъ почвенныхъ зонахъ, по всему изслѣдованному пространству, – представляютъ огромный интересъ для возстановленія характера растительности всего района. Поэтому, имѣвъ въ своемъ распоряженіи очень ограниченное количество времени, – я долженъ былъ въ первую очередь спѣшить изучить флору цѣлинъ не защитныхъ.

Болѣе или мене сохранившихся участковъ удалось констатировать 25, общей площадью, приблизительно, около 4000 десятинь. Результаты ихъ изслѣдованія, ради сокращенія мѣста, я привожу ниже въ видѣ таблицы.

(стор. 38 – 41)

Типичная ковыльная степь.

Ковыльная степь различается г. Пачоскимъ двухъ типовъ: I типъ „болѣе однообразный, свойственный почвѣ не столь богатой гумусомъ“, и II типъ „болѣе разнообразный, свойственный почвамъ типично-черноземнымъ въ образованіи котораго принимает участіе весьма много различныхъ растений, среди которыхъ видное мѣсто принадлежитъ и двудольнымъ⁵“. Эта классификація вполне примѣнима и къ степямъ мелитопольскимъ (въ изслѣд. мною части Днѣпровскаго уѣзда ковыльныхъ цѣлинъ нѣтъ). Желая избѣжать нѣсколько неудобнаго обозначенія „I“ и „II“ типъ степи, примѣняемаго г. Пачоскимъ, я впредь буду удерживать за I типомъ степи наименованіе типично ковыльной, а за II – ковыльно-луговой.

Итакъ, сейчасъ, я буду говорить только о типичной ковыльной степи.

Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ она выражена сравнительно небольшимъ числомъ сохранившихся участковъ цѣлины, преимущественно въ окрестностяхъ станціи Рыково. Изъ нихъ обслѣдованы цѣлины при экономіяхъ: Е. В. Рыкова, Ар. Рыкова, Ал. Рыкова, Нейфельда и Фишера (участокъ съ восточной и участокъ съ западной стороны ж.-д. линіи). Объединяющимъ началомъ для всѣхъ нихъ является господство злаковъ. Роль двудольныхъ не велика.

⁵ Основ. черты разв. фл. ю-з. Россіи стр. 199.

Въ зависимости от этого и флористическій составъ типичной ковыльной степи не богатъ видами. Число ихъ только вдвое превышаетъ составъ полыннной степи (104 вида). Насколько рѣзко отличается типично ковыльная степь отъ полыннной (имѣя только 3 общихъ только съ ней вида), – настолько постепенно переходитъ она въ степь ковыльно-луговидную, причемъ половина ея состава оказывается общей только съ послѣдней, кромѣ трети, общей всѣмъ типамъ степи. Исключительно ковыльной (тип.) степи принадлежитъ едва 5-я часть всей ея флоры (20%). Самостоятельность этого типа степи, очевидно, значительно уступаетъ самостоятельности полыннной степи, – и онъ является скорѣе подтипомъ ковыльной степи въ широкомъ смыслѣ слова, какъ совершенно справедливо указываетъ г. Пачоскій, – только первоначальной стадіей ея развитія.

Надо однако сказать, что хотя по общей характеристикѣ Мелитопольскія степи съ буро-черноземными почвами почти вполне аналогичны типичной ковыльной степи, описанной неоднократно г. Пачоскимъ по защитнымъ участкамъ Ф. Э. Фальць-Фейна близъ экономіи его Асканія-Нова, – но полного совпаденія ихъ флористическаго состава не наблюдается. Нѣкоторые виды, указываемые г. Пачоскимъ для типичной ковыльной степи, мнѣ при ходилось находить только на цѣлинахъ ясно выраженной ковыльно-луговидной степи:

<i>Valeriana tuberosa.</i>	<i>Bromus squarrosus.</i>
<i>Allium guttatum.</i>	<i>Tulipa Biebersteinii.</i>
<i>Falcaria Rivini – Ризак.</i>	<i>Serratula xeranthemoides.</i>
<i>Dianthus capitatus.</i>	<i>Dianthus leptopetalus.</i>

Изъ типичныхъ ингредіентовъ – *Arenaria serpyllifolia* и *Sisymbrium Sophia* – Ародник. Думаю, что большинство изъ нихъ и слѣдуетъ считать типичными для ковыльно-луговидной степи, только въ видѣ исключенія заходящими въ зону тип. ковыльной степи.

За исключеніемъ указанныхъ, вся остальная свита растений, составляющихъ формацию тип. ковыльной степи, по описанію Г. Пачоскаго, – въ полномъ составѣ является главной растительной массой ковыльной степи Мелитопольскаго уѣзда.

Главное же ихъ отличіе отъ степей днѣпровскихъ – это ихъ большая луговидность, что и является естественнымъ благодаря неоднократно уже указывавшемуся измѣненію въ рельефѣ юга уѣзда (повышенный водораздѣлъ съ черноземной почвой).

Мелитопольскія типично ковыльныя степи представляютъ собой какъ-бы дальнѣйшую стадію въ развитіи ковыльной степи вообще. Цѣлый рядъ, преимущественно двудольныхъ, обогащаетъ ихъ флористическій составъ, по сравненію со степью днѣпровской:

<i>Varianella costata.</i>	<i>Rochelia stellulata.</i>
----------------------------	-----------------------------

Taraxacum serotinum.	Trifolium arvense.
Jurinea cyanoides?	Dianthus campestris.
Astragalus dolichophyllus.	Xeranthemum aunum.
Polycnemum arvense.	Achillea leptophylla.
Ferula Ferulago.	

Последние два вида распространены преимущественно на полынной степи. Перечисленные виды являются характерными для мелитопольской типчино-ковыльной степи, нигде больше на цълинах в Мелитопольском уезде не встречаясь, за исключением Astragalus dolichophyllus, указанного г. Пачоским для защитного участка Ф. Э. Фальц-Фейна при экономии его Елизаветфельд, – в зоне ковыльно-луговой степи.

Из общих для обоих типов ковыльной степи в Мелитопольском уезде, по моим наблюдениям, но не указанных для днѣпровской типчино-ковыльной степи, слѣдует отмѣтить:

Silene Wolgensis	Convolvulus arvensis – <i>Берізка</i> .
Lamium amplexicaule.	Salvia nutans – <i>Бабки</i> .
Anthemis ruthenicus.	Herniaria incana.
Euphorbia agraria.	Potentilla argentea.
Hyoscyamus niger.	Thesium ramosum.
Veronica triphyllos.	Chorispora tenella.
Potentilla recta.	Bromus erectus.
Echinopspermum Lappula – <i>Липка</i> .	Coronilla varia – <i>Гірчак</i> .
Phlomis tuberosa.	Chenopodium viride.
Scorzonera mollis.	Crepis tectorum.
Statice Besseriana.	Astragalus utrigger.
Verbascum phoeniceum.	Carex Schreberi.
Achillea Setacea.	Nonnea pulla – <i>Ранник</i> .
Thalictrum minus – <i>Живокіст</i> .	Carex nutans.
Ranunculus illyricus.	Carduus hamulosus – <i>Будяк</i> .

Кроме того, цѣлый рядъ общих для всѣх типов степи (отъ полынной до ковыльно-луговой) растений, преимущественно ингредиентных, оказался не указанным для днѣпровской ковыльной степи:

Holosteum umbellatum.	Erysimum repandum.
Salvia Aethiops – <i>Верблюже вухо</i> .	Silene viscosa.
Ornithogallum tenuifolium.	Lithospermum arvense.
Taraxacum officinale.	Bromus tectorum – <i>Мітличка</i> .
Hyacinthus ciliatus.	Ranunculus oxyspermus.
Vicia villosa – <i>Горошок</i> .	Lepidium Draba – <i>Кашка</i> .

Linaria macrura – указано г. Пачоским только для ковыльно-луговой степи, но является болѣе характерным для полынной.

Onosma tinctorium.

Achillea nobilis.

Salvia silvestris – *Васильки.*

} Указано г. Пачоским только для ковыльно-луговой степи.

Вѣроятно конечно и то, что довольно рѣзкая разница между днѣпровской и мелитопольской ковыльной степью – только кажущаяся, такъ какъ возможно что она является, отчасти только конечно, результатомъ неполнаго изслѣдованія днѣпровской ковыльной степи, такъ какъ г. Пачоскій имѣлъ дѣло только съ защитными участками Ф. Э. Фальць-Фейна.

Расширеніе района изслѣдованія цѣлинь Днѣпровскаго уѣзда увеличило-бы и ихъ флористическій составъ, особенно конечно, въ отношеніи элементовъ степи, являющихся общими всѣмъ ея типамъ.

Но во всякомъ случаѣ, фактъ большей типичности изслѣдованной части ковыльной степи Днѣпровскаго уѣзда, и фактъ большей луговидности изслѣдованной мелитопольской ковыльной степи, – остается несомнѣннымъ и естественнымъ.

Въ почвенномъ отношеніи типичная ковыльная степь характеризуется бурыми суглинистыми черноземами („буроземами“ по терминологіи г. Федоровскаго), бѣдными гумусомъ (3,5 – 4,5%). На этихъ почвахъ залегаютъ всѣ изслѣдованныя цѣлины этой степи. Къ сожалѣнію, въ другихъ частяхъ изслѣдованнаго района, занятыхъ бурими черноземами, – цѣлинь не наблюдалось; но тотъ фактъ, что, описанные г. Пачоскимъ, цѣлинные защитные участки Ф. Э. Фальць-Фейна лежатъ въ той же зонѣ, – даетъ намъ полное право хоть приблизительно возстановить границы распространенія типично-ковыльной степи. Какъ и бурые-суглинистые черноземы, – ковыльная степь достигала наибольшаго распространенія въ Днѣпровскомъ уѣздѣ (въ средней его полосѣ), а въ Мелитопольскомъ уѣздѣ занимала юго-западную его часть, за исключеніемъ упоминавшагося повышеннаго языка, занятого степью слѣдующаго типа, болѣе развитой.

(стор. 135-136)

Естественность вытапыванія пода.

Та слабая степень потревоженности пода, которую я неоднократно подчеркивалъ при описаніи, какъ факторъ, измѣнившій характеръ растительности пода, – едва-ли для него можетъ считаться ненормальной. Теперь она обусловливается пастьбой скота, но безусловно, что и дѣвственной степи підъ былъ тѣмъ водопойнымъ оазисомъ, къ которому стекались съ окрестной степи стада дикихъ животныхъ, иного мѣста для водороя которымъ не было на огромномъ протяженіи, лишенномъ рѣкъ. Поэтому опредѣленная степень вытапыванія пода является также естественной и необходимой, какъ и для нормальнаго состоянія степной цѣлины. Подойти къ болѣе близкому

выясненію предѣла нормального вытаптыванія и выпасыванія пода, – дѣло очередного опыта, который весьма желательно было-бы видѣть поставленнымъ въ имѣніи Асканія-Нова Ф. Э. Фальць-Фейна. Тотъ фактъ, что г. Пачоскій, во время многократныхъ посѣщеній защитныхъ подовъ г. Фальць-Фейна, не находилъ до послѣднаго времени *Pulicaria vulgaris* и другихъ растений, характерныхъ для истоптанныхъ подовъ, – заставляеть предполагать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло какъ-бы со внутреннимъ перерожденіемъ пода, подобно защитной цѣлинѣ. Лишеніе пода нормального выпаса, конечно, значительно измѣяеть въ немъ условія взаимоотношеній между растеніями, заставляя нѣкоторыя даже совершенно исчезнуть въ поду.

Послѣ приведенной оговорки относительно вліянія человека и скота на растительность пода, – возвращаюсь къ характеристикѣ послѣдней.

Зональность подовъ.

Благодаря тому, что при описаніи подовъ, мы расположили ихъ въ порядкѣ поднятія къ сѣверу (какъ и цѣлины при ихъ описаніи), т. е. въ томъ порядкѣ, въ какомъ шло развитіе степи отъ полынной къ ковыльно-луговидной и формированіе почвъ, въ связи съ этимъ, отъ каштановыхъ до типично-черноземныхъ, – мы вправѣ были предполагать, что и поды при этомъ расположатся не въ случайномъ порядкѣ, а въ рядѣ, строго эволюціонный, такъ какъ чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ залегаютъ они въ геологическихъ зонахъ болѣе древнихъ, ранѣе выступившихъ изъ подъ воду Понтическаго моря, – въ степи все болѣе и болѣе развитой ⁶.

Наши предположенія оправдались: изъ данныхъ описанія подовъ и поясненій къ нему, намъ въ схемѣ намѣтилось развитіе пода, какъ самостоятельнаго сложнаго организма, со всѣмъ многообразіемъ его физическихъ, химическихъ и біологическихъ взаимоотношеній. Но безусловно, чувствуется потребность по возможности объединить, обобщить съ общей теоріей генезиса степи, тѣ мысли, которыя сами собой навязывались при описаніи конкретныхъ примѣровъ.

(стор. 141-143)

Поды типично-ковыльной степи.

Въ зонѣ типичной ковыльной степи изслѣдованнаго района расположено 4 пода, лежащихъ въ области бурыхъ-черноземныхъ почвъ: Отрадовскій, Мостапольскій, Отлой и Куяли. При описаніи была дана ихъ подробная характеристика, сводящаяся въ общемъ къ тому, что поды ковыльной степи, повидимому, болѣе повышены, потому менѣе влажные и менѣе оподзоленные по сравненію съ подами ковыльно-луговидной степи. Растительность ихъ носить характеръ луговидно-степной и влажно-луговой.

⁶ Эволюція пода отъ солончаковаго до болотнаго и наконецъ до кустарниковаго, въ сѣверной части причерноморской степи, неоднократно въ общихъ чертахъ подчеркивалась въ работахъ г. Пачоскаго.

Только під Куяли, лежачій на границѣ съ ковыльно-луговидной степью, оказывается глубже другихъ этой зоны и сближаетъ ихъ съ подами ковыльно-луговидной степи, по флористическому составу.

Указанный для подовъ ковыльной степи характеръ, въ общихъ чертахъ, имѣютъ также и, изученные г. Пачоскимъ, поды Днѣпровскаго уѣзда, расположенные также среди слабо-гумусныхъ бурыхъ черноземовъ въ зонѣ той-же ковыльной степи: Агайманскій, Б.-Чапельскій, М.-Чапельскій, Зеленый, на защитномъ участкѣ г. Фальць-Фейна и др. Зональное распредѣленіе растительности въ Днѣпровскихъ подахъ, какъ и въ Мелитопольскихъ этой зоны, выражено слабо сравнительно съ подами Мелитопольскими ковыльно-луговидной зоны и Херсонскими. Это, повидимому, согласуется съ характеромъ ихъ рельефа.

Сравнивая болѣе детально флористическій составъ Днѣпровскихъ и Мелитопольскихъ подовъ типичной ковыльной степи, — мы видимъ почти полную ихъ идентичность, если внести, конечно, необходимую оговорку къ списку типичныхъ растений Таврическихъ подовъ, приводимому г. Пачоскимъ въ „Очеркъ Раст. Днѣпр. у.“ стр. 46. Въ этотъ списокъ попали и такія растенія, какъ: *Avena tenuis*, *Lepturus rannonicus*, *Plantago tenuiflora* и *Scirpus marilimus*, характерные, конечно, только для солончакowychъ подовъ полынной зоны.

Изъ приведенныхъ г. Пачоскимъ для днѣпровскихъ подовъ растеній, мною не найдены въ подахъ ковыльной степи Мелитопольскаго уѣзда только:

Vandelia Pyxidaria.

Lythrum tribracteatum.

Elatine alsinastrum.

Damossonium stellulatum.

Второй изъ нихъ, какъ указывалось, найденъ мною въ подахъ ковыльно-луговидной степи, а послѣдній только въ подахъ Бердянскаго уѣзда. Необходимо оговориться, что сравнивая Днѣпровскіе и Мелитопольскіе поды, я не принимаю во вниманіе болѣе или меньше типичныхъ степныхъ элементовъ флоры, находящихся на підъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ и сохраняющихся около него въ зависимости отъ условій увлаженія, выпаса и т. п.

Такія растенія, указываемая г. Пачоскимъ для Б.-Чапельскаго пода, какъ:

Avena dubia (*A. tenuis*).

Potamogeton fluitans.

Utricularia vulgaris.

Juncus gerardi.

Myriophyllum spicatum.

Rumex acetosa.

въ большинствѣ попали туда, вѣроятно, благодаря случайному заносу въ связи съ опытами акклиматизаціи растеній изъ плавень Днѣпра, и вообще большой культурностью самой экономіи. Нигдѣ въ другихъ подахъ Днѣпровскаго и Мелитопольскаго уѣзда всѣ эти растенія не растутъ.

Не найдены мною въ подахъ типично-ковыльной степи Мелит. у. так-же нѣкоторыя растенія, свойственныя обычно болѣе глубокимъ подамъ ковыльно-луговидной степи,

а въ подахъ разсматриваемой зоны появляющіяся только въ исключительные годы сильнаго ихъ затопленія, или при условіяхъ искусственнаго обводненія (пруды, каналы и т. п.). Большинство такихъ растений именно и найдены г. Пачоскимъ въ подахъ бл. Асканія-Нова, только въ исключительно влажный 1911 годъ и при условіяхъ усиленнаго и искусственнаго обводненія:

<i>Butomus umbellatus.</i>	<i>Lythrum thymifolia.</i>
<i>Juncus atratus.</i>	<i>L. borysthenicum.</i>
<i>Beckmania eruciformis.</i>	<i>L. virgatum.</i>
<i>Alisma plantago.</i>	<i>Trifolium ambiguum</i> и др.

Впрочемъ, въ подахъ Днѣпровскаго уѣзда, пограничныхъ съ ковыльно-луговидной степью, заходящей туда въ сѣверо-восточной части уѣзда, – появленіе растений, типичныхъ для подовъ послѣдней, является вполнѣ естественнымъ.

Поды ковыльно-луговидной степи.

Зона ковыльно-луговидной степи характеризуется, какъ мы уже видѣли при описаніи, подами болѣе развитыми, по сравненію съ подами зонъ степи менѣе развитой. Поды этой зоны болѣе глубоки, что подчеркивается также и г. Пачоскимъ для Херсонскихъ подовъ, расположенныхъ въ той-же зонѣ степи⁷ (болѣе подробно объ этомъ сказано при описаніи зонъ степи). Это находится, очевидно, въ связи съ тѣмъ, что по мѣрѣ того какъ під, при развитіи степи, все болѣе и болѣе отодвигался отъ моря (вѣрнѣе послѣднее отступало), – тѣмъ все болѣе увеличивалась сборная площадь степи, вода съ которой могла стекать только въ під. Въ під, расположенный вблизи моря, стекала вода только съ одной стороны степи, въ під же, далекій отъ моря, вода стекаетъ со всѣхъ сторонъ степи. Поэтому естественно и законно предположеніе, что чѣмъ въ болѣе развитой зонѣ степи під расположенъ, т. е. чѣмъ онъ древнѣе, – тѣмъ больше степныхъ водъ онъ принималъ въ себя, служа проводникомъ ихъ въ глубокія подпочвенныя породы. Въ связи съ этимъ, почвы и подлежащія породы въ такихъ подахъ все больше и больше выщелачивались, при этомъ почвы обращались въ подзолы, а дно подовъ опускалось благодаря очень медленному сжиманію выщелочившихся подлежащихъ породъ. Въ результатъ, наиболѣе развитые поды ковыльно-луговидной степи наиболѣе глубоки, съ типичными подзолами и ортштейнами. Благодаря этому, растительность ихъ наиболѣе разнообразная, расчлененная на рядъ концентрическихъ зонъ, въ связи съ такимъ-же зональнымъ измѣненіемъ почвы въ поду и ея влажности. Установленныя и впервые описанныя г. Пачоскимъ зоны (луговидно-степная, луговидная, влажно-луговая, болотно-луговая⁸), здѣсь выражены наиболѣе рельефно. Зональность, какъ указывалось, обнаруживается и въ менѣе развитыхъ подахъ, но здѣсь достигаетъ

⁷ Зам. о фл. Днѣпр. у. стр. 5.

⁸ г. Пачоскій именуетъ эту зону нѣсколько иначе: „лугово-заливная“.

наибольшого развитія и расчлененія. Эта закономерность проявляется не только въ изслѣдованномъ мною районѣ; г. Пачоскимъ типичная зональность флоры подовъ наблюдалась только въ болѣе глубокихъ Херсонскихъ подахъ. Поды-же Днѣпровскаго уѣзда, въ отношеніи зональности, какъ указывалось, аналогичны подамъ Мелитопольскаго уѣзда ковыльной зоны.

Наибольшая развитость подовъ ковыльно-луговидной степи достаточно уже характеризована мною какъ здѣсь, такъ при описаніи ихъ и въ сводныхъ таблицахъ распредѣленія видовъ въ подахъ и графикахъ. Поэтому, я проведу еще только параллель между подами Мелитопольскими и Херсонскими (описанными г. Пачоскимъ) ковыльно-луговидной степи, чтобы предотвратить всякія сомнѣнія въ ихъ почти полной близости.

1914

[б/а]

Путешествие государя императора.

Утро, №2298. 02.05.1914. Шп. 3.

29 апрѣля Его Величество Государь Императоръ изволиль выѣхать изъ Ливадіи по направленію къ Симферополу и у выселокъ деревни Саблы остановиться для ознакомленія съ условіями хуторского разселенія въ Таврической губерніи.

Встрѣченный губернаторомъ, Государь Императоръ изволиль принять хлѣбъ-соль отъ депутаціи хуторянь и выслушать ихъ привѣтствіе, послѣ чего подробно осмотрѣль два хутора, посѣтивъ ихъ хозяевъ и ознакомился съ ихъ хозяйствами, причемъ объясненія давали уполномоченный южнаго района Голубниченко и непремѣнный членъ губернской землеустроительной комиссіи Шлейферъ.

Пробывъ на хуторахъ свыше часа, Его Величество изволиль далѣе прослѣдовать на Симферополь, куда прибыль около одиннадцати часовъ утра и при въѣздѣ въ городъ былъ встрѣченъ депутаціями отъ дворянства и земства Таврической губерніи, а также представителями городского самоуправления, поднесшими хлѣбъ-соль.

Обойдя ихъ, а равно представителей войскъ и гражданскихъ установленій, Государь Императоръ изволиль отбыть, привѣтствуемый войсками и учебными заведеніями, стоявшими шпалерами, и народомъ.

После короткой остановки въ имѣніи Супруненко и въ Перекопѣ, гдѣ уѣзднымъ предводителемъ дворянства была поднесена хлѣбъ-соль отъ города и мѣщанскаго общества, Государь Императоръ продолжая поездку по губерніи, въ 4½ часа дня изволиль остановиться въ именіи «Асканія Нова», Фальцфейна, гдѣ подробно осматривалъ находящійся при имѣніи обширный зоопаркъ.

[б/а]

Путешествие государя императора.

Утро, №2302. 06.05.1914. Шп. 3.

3-го мая Его Величеству имѣль счастье представиться владѣлецъ имѣнія «Асканія-Нова» Фальць-Фейнь.

[б/а]

Экскурсія о-ва любителей природы.

Утро, №2275. 09.04.1914. Шп. 4.

Организаторы и руководители экскурсії въ имѣніе Фальцфейна – „Асканія-Нова“, просятъ насъ сообщить, что участники экскурсії приглашаются на вокзаль сегодня къ 10 ч. утра.

Анучин Д. Н.

Международная охрана природы

(фрагмент)

Москва: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1914. 59 с.

Виднымъ дѣятелемъ въ смыслѣ охраны природы является у насъ крупный землевладѣлецъ Таврической губ. Фр. Эд. Фальць-Фейнь, создавшій уже лѣтъ 20 тому назадъ, въ своемъ имени Асканія-Нова (Днѣпровскаго уѣзда), замѣчательный акклиматизаціонный паркъ, въ которомъ пасутся на волѣ зубры, олени, зебры, лошади Пржевальскаго, кенгуру, страусы и др., при чемъ ему удалось получить и любопытныя продукты помѣсей между нѣкоторыми близкими между собою видами. Кромѣ этого парка, Фр. Эд. устроилъ еще въ 1898 г. два заповѣдныхъ участка цѣлинной степи, одинъ въ 500, другой въ 100 десятинь, а затѣмъ и еще два меньшихъ участка, въ 130 верстахъ оттуда, въ другомъ своемъ имѣніи Елизаветфельдѣ. Изъ другихъ заповѣдниковъ въ частныхъ владѣніяхъ имѣются еще у насъ: участокъ целинной степи въ дес. въ имѣніи г. Карамзина Бугуруславскаго у. Самарской губ.; лѣсъ близъ Диканьки Полтавской губ. кн. Кочубея; участокъ цѣлинной степи въ имѣніи графини Паниной въ Валуискомъ у. Во-

ронежской губ.; звѣринецъ Пилявинь, основанный гр. Юс. Потоцкимъ въ Новградъ-Волинскомъ у., Волинской губ., въ его имѣніи, на участкѣ въ 5000 дес. (а вся пуща здѣсь насчитываетъ болѣе 32000 дес.), гдѣ разводятся разные виды оленей, а также имѣется нѣсколько экземпляровъ зубровъ и бизоновъ, водится бобръ и встрѣчается въ изобиліи кавказская желтая азалея – *Azalea pontica*.

Анучин Д. М.

Охрана памятников природы (фрагмент)

Землеведение, 1914. Т. 21. № 1-2.

...Виднымъ дѣятелемъ въ смыслѣ охраны природы является у насъ крупный землевладѣлецъ Таврической губ. Фр. Эд. Фальць-Фейнъ, создавшей уже лѣтъ 20 тому назадъ, въ своемъ имѣніи Асканія-Нова (Днѣпровскаго уѣзда), замечательный акклиматизаціонный паркъ, въ которомъ пасутся на волѣ зубры, олени, зебры, лошади Пржевальскаго, кенгуру, страусы и др., при чемъ ему удалось получить и любопытные продукты помѣсей между некоторыми близкими между собою видами. Кромѣ этого парка, Фр. Эд. устроилъ еще въ 1898 г. два заповѣдныхъ участка целинной степи, одинъ въ 500, другой въ 100 десятинъ, а затѣмъ и еще два меньшихъ участка, въ 130 верстахъ оттуда, въ другомъ своемъ имѣніи Елизаветфельдъ...

Бородин И. П.

Охрана памятников природы (фрагмент)

Санкт-Петербург: типография М. М. Стасюлевича, 1914. 31 с.

(Императорское географическое общество. Постоянная природоохранительная комиссия. № 1).

...Изъ частныхъ лицъ съ особеннымъ уваженіемъ и благодарностью слѣдуетъ отмѣтить дѣятельность Фридриха Эдуардовича Фальць-Фейна. Его имѣніе Асканія-Нова въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи (70 в. отъ станцій Ново-Алексѣвка Севастопольской ж. дороги) пользуется европейскою извѣстностью,

благодаря оригинальному зоологическому саду, въ которомъ пасутся на волѣ зебры, зубры, олени, лошади Пржевальскаго, кенгуру, страусы и т. п. Нѣмцы назвали этотъ садъ райскимъ (Paradiesgarten). Но для насъ въ данномъ случаѣ еще важнѣе то обстоятельство, что въ томъ же имѣніи Асканія Нова Ф. Э. Фальць-Фейнъ устроилъ (въ 1898 г.) два защитныхъ участка дѣвственной степи, одинъ въ 500, другой въ 100 десятинъ, а сверхъ того въ другомъ своемъ имѣніи Елизаветфельдъ, находящемся въ сосѣднемъ Мелитопольскомъ уѣздѣ, еще два небольшихъ участка (10 и 15 десятинъ). Эти степные участки изучали и описали Н. И. Прохоровъ¹ и І. Пачоскій². Послѣдній въ особенности посѣщаль ихъ неоднократно въ разное время года. Чрезвычайно важень и любопытенъ тотъ фактъ, что хотя Асканія-Нова и Елизаветфельдъ удалены другъ отъ друга всего на 130 верстъ, защитные участки ихъ весьма значительно разнятся по характеру своей растительности. Пачоскій прекрасно объясняетъ это различіе неодинаковымъ возрастомъ степи, которая въ Асканіи-Нова принадлежите къ типу при-черноморскихъ степей, наиболѣе молодыхъ, т.-е. сравнительно недавно освободившихся изъ водъ Понтическаго моря. Такимъ образомъ, степь наша далеко не однородна, а потому, если бы даже все защитные участки Ф. Э. Фальць-Фейна можно было считать обезпеченными въ качествѣ таковыхъ и на будущее время³, все же это было бы недостаточно при обширности и разнообразіи нашей степной полосы. По нѣкоторымъ частнымъ свѣдѣніямъ, въ Бугурусланскомъ уѣздѣ Самарской губерніи бывший членъ Государственнаго Совѣта г. Карамзинъ заповѣдалъ въ своемъ имѣніи участокъ въ 600 десятинъ дѣвственной степи, который остается пока неизслѣдованнымъ; на него нужно было бы неотложно обратить серьезное вниманіе...заповѣдныхъ участка целинной степи, одинъ въ 500, другой въ 100 десятинъ, а затѣмъ и еще два меньшихъ участка, въ 130 верстахъ оттуда, въ другомъ своемъ имѣніи Елизаветфельдъ...

¹ Прохоровъ, Н. Дѣвственная степь Асканія-Нова. СПб. 1906. См. «Матер. по изученію русск. почвъ», вып. 17.

² Пачоскій, Іосифъ. При-черноморскія степи. Одесса. 1908. Изъ «Записокъ Имп. О-ва с. хоз. южной Россіи». – Его же. Основныя черты и пр. (см. выше).

³ Некоторую надежду подаетъ то обстоятельство, что на запросъ Имп. СПб. Общ. Ест., избравшаго его въ свои почетные члены, Ф. Э. Фальць-Фейнъ выразилъ принципиальное согласіе на устройство въ Асканіи-Нова біологической станціи.

Браунеръ А.

Млекопитающія Новороссіи. Хорекъ, норка, выдра. (фрагмент)

Записки Крымского общества естествоиспытателей, 1914. № 6-7.
С. 35-36.

...однако лесной хорекъ, следуя по лескамъ и береговымъ кустарникамъ окаймляющимъ долины рекъ (Днестръ, Днепръ, Бугъ, Ингуль, Ингулецъ и др.), далеко спускается вглубь степей, вплоть до Чернаго моря вслѣдствии этого онъ встречается наряду со степнымъ хорькомъ тамъ, где его трудно было бы ожидать, напримеръ въ Асканіи-Новой...

Еремина Е.В.

Охрана памятниковъ природы въ Россіи и въ другихъ странахъ (фрагмент)

Природа, 1914. №7-8. С. 911-913.

...Въ Россіи до самаго послѣдняго времени дѣло охраны природы не было правильно организовано. Оно носило узкій характеръ огражденія богатствъ нашей природы отъ хищнической эксплуатаціи предпринимателей и некультурнаго населенія, или находило себѣ защитниковъ въ лицѣ отдѣльныхъ любителей природы и ученыхъ учреждений. Всѣмъ извѣстнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи является Бѣловѣжская пуща въ Гродненскомъ уѣздѣ, занимающая пространство болѣе 1000 кв. верстъ, созданная для охраны зубра въ охотничьихъ цѣляхъ. Кромѣ Бѣловѣжской пущи зубръ водится еще въ дикомъ состояніи на Кавказѣ въ Майкопскомъ уѣздѣ Кубанской области.

Изъ отдѣльныхъ лицъ дѣятельно способствовали делу охраны природы крупный землевладѣлецъ Фридрихъ Эдуардовичъ Фальцфейнъ. Въ своемъ имѣніи Асканія-Нова (Таврич. губ., Днѣпровск. у.), въ которомъ онъ устроилъ извѣстный не только у насъ, но и за границей замѣчательный зоологическій и акклиматизаціонный садъ, онъ отвелъ въ 1898 г. два большихъ защитныхъ участка (въ 100 и въ 500 десятинъ) дѣвственной степи. Черноземныя степи встрѣчаются только въ Россіи, сохранить ихъ очень важно для науки. „Наиболѣе неотложнымъ, – говоритъ въ своей статьѣ „Охрана

памятниковъ природы“ акад. Бородинъ, – представляется мнѣ образованіе степныхъ заповѣдныхъ участковъ. Степные вопросы – это наши, чисто русскіе вопросы, между тѣмъ именно степь, дѣвственную степь мы рискуемъ потерять скорѣе всего“. Извѣстный ботаникъ І. Пачосскій красиво описываетъ свои впечатлѣнія отъ степныхъ участковъ Асканія-Нова (въ іюль мѣсяцѣ). „Сплошное море ковыля... Никакая другая растительность не возвышается въ то время надъ ковылемъ, что и понятно, т. к. ковыль въ обычномъ своемъ согнутомъ положеніи доходить взрослому человѣку до пояса, а съ приподнятыми остями попадаютъ кустики въ ростъ человѣка“. – „Общее впечатлѣніе ковыльной степи въ этотъ періодъ таково, что какъ ни банально это сравненіе, оно можетъ быть сравнено только съ моремъ“.

Зимой сплошныя заросли стеблей ковыля образуютъ чрезвычайно густой и высокій покровъ, имѣющій большое значеніе для накопленія и сохраненія влаги. Въ котловинахъ заповѣднаго участка Асканія-Нова, раньше зараставшихъ камышами, погибъ въ 1882 г. послѣдній тарпанъ. Но и въ настоящее время тамъ еще сохранились степныя животныя: кроты, сурки, байбаки и дрофы укрываются въ ковыль.

Кроме того Ф. Э. Фальцфейнъ устроилъ два небольшихъ защитныхъ степныхъ участка (въ 10 и 16 дес.) въ другомъ своемъ имѣніи въ Мелитопольскомъ уѣздѣ...

Козлов П. К.

Асканія - Нова в ее прошлом и настоящем.

Русская Старина, июль 1914. С.19-38.

СПБ, 1914. 35 с.

Современное положеніе Асканія-Нова.

Асканія-Нова, какъ собственность Фейна. – Откуда начался родъ Фальцъ-Фейновъ и кто изъ нихъ послужилъ причиною выясненія этого рода. – Основаніе зоопарка, – Мое знакомство съ владѣльцемъ этого зоопарка. – Снаряженіе экспедицій въ Монголію за поимкою лошади Пржевальскаго... – Географическое положеніе Асканія-Нова. – Таврическая степъ весною. – Зоологической и ботанической парки Асканія-Нова. – Представители орнитологической и маммологической фауны всѣхъ уголковъ нашей планеты. – Страусы, фламинго, вѣнценосныя журавли, лафогоръ съ одной стороны и дикая лошадь, зубръ, американскій бизонъ, кенгуру съ другой... – Гибридизація – Зоотехническая лабораторія – Фауна мѣстныхъ прудовъ. – Асканійскій музей. – Посѣщеніе зоопарка Государемъ Императоромъ... Забѣтка о бобрахъ Налибокской пуши. – Заключеніе.

Въ августѣ 1856 года колоніальное имѣніе Ангальтовъ – Асканія-Нова, въ количествѣ сорока восьми тысячъ десятиныхъ, перешло въ руки крупнаго землевладѣльца на югѣ Россіи, Ѳедора Ивановича Фейна – прадѣда нынѣшняго обладателя Асканія-Нова. Единственная дочь Фейна – Елизавета Ѳедоровна, отличавшаяся своеобразиемъ и самостоятельностью, вышла замужъ за помѣщика Фальца, который вмисти со всеми имѣніями Ѳедора Ивановича унаслѣдоваль, согласно грамотѣ Императора Николая I, и фамилію своего тестя, слывшаго въ округѣ за разумнѣйшаго общественнаго деятеля. Родоначальникъ Фальць-Фейновъ Иванъ Ивановичъ имѣлъ трехъ сыновей: Эдуарда, Густава и Александра и нѣсколькихъ дочерей. Старшій изъ сыновей Эдуардъ Ивановичъ и его жена Софья Богдановна суть родители Фридриха или Ѳедора Эдуардовича Фальць-Фейна, етяжавшаго міроую извѣстность своимъ акклиматизаціоннымъ садомъ въ Асканія-Нова. Строго говоря, только личныя заслуги Ѳедора Эдуардовича и послужили поводомъ къ разъясненію рода Фальць-Фейновъ.

Въ раннемъ возрастѣ лишившись отца, даровитый мальчикъ остался на попеченіи матери – выдающейся женщины нашего времени... Въ настоящее время Софья Богдановна Фальць-Фейнъ счастливо проживаетъ въ своемъ богатомъ черноморскомъ имѣніи Преображенка, замѣчательно не только образцовымъ хозяйствомъ, но и дворцомъ и паркомъ. Во дворцѣ, между прочимъ, имѣется лучшая серія картинъ И. К. Айвазовскаго, бывшаго другомъ Фальць-Фейновъ.

Ѳеодоръ Эдуардовичъ Фальць-Фейнъ родился въ 1863 году, въ привольной Таврической степи. Въ этой степи онъ росъ, развивался, крѣпчалъ духомъ и тѣломъ, въ этой же «родной» степи онъ научился любить и проникать въ сокровенныя тайны природы. Первый гувернеръ и воспитатель Фальць-Фейна Конрадъ – ныне инвалидъ Асканія-Нова – скоро подмѣтилъ въ своемъ ученикѣ необычное стремленіе къ степи, влеченіе къ ея растительному и животному міру, и много способствовалъ развитію мальчика въ этомъ направленіи. Конрадъ умѣлъ во-время подвести своего питомца къ первому цвѣтку степнаго растенія, къ первой пѣвчей птичкѣ, въ особенности соловью, и своимъ собственнымъ увлеченіемъ легко увлекалъ ими чуткую душу мальчика. И теперь, при случаѣ, Ѳеодоръ Эдуардовичъ указываетъ на Конрадса, какъ на одного изъ тѣхъ людей, который, вмѣстѣ съ его студенческимъ другомъ Вальтеромъ и товарищемъ по заграничному путешествію съ цѣлью ознакомленія съ зоологическими садами Бельгіи и Голландіи Же-Фруа-Сантъ-Илеромъ, привили ему горячую любовь къ естествознанію. Десятилѣтній Фальць-Фейнъ поймалъ зяблика и заботливо посадилъ его въ клѣтку. Любуясь опереніемъ и наслаждаясь громкимъ пѣніемъ этой птички, будущій великій другъ природы мечталъ уже объ устройствѣ большой вольеры съ птицами. Мечтамъ мальчика вскоре суждено было осуществиться: въ награду за успѣшный экзамень для поступленія въ гимназію Фальць-Фейнъ получилъ отъ отца позволеніе на устройство въ саду вольеры по его усмотрѣнію. Первый зябликъ и первая вольера послужили

основаніємъ всего того, что нынѣ подразумѣвается подъ асканія-новскимъ зоопаркомъ. Свои гимназическія (Херсонская гимназія) и студенческія (Юрьевскій университетъ, естественный факультетъ) каникулы Теодоръ Эдуардовичъ бѣльшую частью проводилъ въ Таврической степи и мѣньшую – за границей.

Въ 1889 году Фальць-Фейнъ окончилъ университетъ и почти всецѣло отдался устройству зоологическаго сада. Его задачей было не только разведеніе овецъ, но и опыты акклиматизаціи и другихъ животныхъ, представляющихъ интересъ либо въ научномъ, либо въ промышленномъ отношеніи. По словамъ близкихъ его, садъ Фальць-Фейна росъ со сказочной быстротою. Представители животнаго міра привозились не только изъ уголковъ Россіи и Сибири, но даже изъ Средней Азіи, Америки, Африки, Австраліи... Добывъ американскаго бизона, онъ хотѣлъ во что бы то ни стало пріобрѣсти изъ Джунгаріи дикую лошадь Пржевальскаго (*Equus Przewalskii*)...

Вотъ съ этого-то вотъ времени и начинается мое личное знакомство съ Теодоромъ Эдуардовичемъ. Въ 1896-мъ году, вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ экспедиціи, оффіціально именованной «экспедиція спутниковъ Пржевальскаго, Роборовскаго и Козлова», я встрѣтился съ Фальць-Фейномъ. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ специально посоветоваться объ организаціи экспедиціи въ Джунгарію за поимкою *Equus Przewalskii*. Съ живымъ интересомъ Теодоръ Эдуардовичъ разспрашивалъ меня о дикой лошади, объ ея мѣстонахожденіи, о прирученіи ея местными обитателями, и страшно завидовалъ мнѣ, что я виделъ «отлично прирученнаго» жеребенка *Equus Przewalskii*, содержавшагося въ конюшнѣ люкчунскаго вана...

Самъ Н. М. Пржевальскій о лошади его имени оставилъ намъ такое описаніе:

«Новооткрытая лошадь, называемая киргизами *кэртэгъ*, а монголами *такэ*, обитаетъ лишь въ самыхъ дикихъ частяхъ Чжунгарской пустыни. Здѣсь кэртаги держатся небольшими (5 – 15 экз.) стадами, пасущимися подъ присмотромъ опытнаго стараго жеребца. Вѣроятно, такія стада состоятъ исключительно изъ самокъ, принадлежащихъ предводительствующему самцу. При безопасности звѣри эти, какъ говорятъ, игривы. Кэртаги вообще чрезвычайно осторожны; при томъ одарены превосходными обоняніемъ, слухомъ и зрѣніемъ. Встрѣчаются доволно рѣдко, да при томъ, какъ сказано выше, держатся въ самыхъ дикихъ частяхъ пустыни, откуда посещаютъ водопои. Впрочемъ, описываемыя животныя, какъ и другіе звѣри пустыни, вѣроятно, надолго могутъ оставаться безъ воды, довольствуясь сочными солончаковыми растеніями».

«Охота за дикими лошадьми чрезвычайно затруднительна; при томъ на такую охоту можно пускаться лишь зимою, корда въ безводной пустыне выпадетъ снѣгъ.

Мнѣ лично удалось встрѣтить только два стада дикихъ лошадей. Къ одному изъ этихъ стадъ можно было подкрасться на мѣткй выстрѣлъ, но звѣри почуяли по вѣтру, по крайней мѣрѣ за версту, моего товарища и пустились на уходъ. Жеребецъ бѣжалъ впереди, оттопыривъ хвостъ и выгнувъ шею, вообще съ посадкою совершенно лоша-

диною; за нимъ слѣдовали семь, вѣроятно самокъ. По временамъ звѣри останавливались, толпились, смотрѣли въ мою сторону и иногда лягались другъ съ другомъ; затѣмъ опять бѣжали рысью и наконецъ скрылись въ пустынь.

«За исключеніемъ Чжунгаріи, кэртагъ нигдѣ болѣе не водится. Такимъ образомъ, прежній обширный, какъ показываютъ изысканія, районъ распространенія дикой лошади въ Европѣ и Азіи нынѣ ограниченъ лишь небольшимъ уголкомъ центрально-азиатской пустыни. Въ другихъ ея частяхъ дикихъ лошадей нѣтъ...»

– «Въ нашихъ таврическихъ степяхъ, съ своей стороны говорилъ Фальць-Фейнь, еще недавно жили тарпаны; въ дѣтствѣ мой отецъ видѣлъ такую дикую лошадь (пойманную жеребенкомъ и вскормленную при конюшняхъ) и даже катался на ней въ экипажѣ... У меня въ Асканіи-Нова уже имѣется зоопаркъ, и мнѣ очень хотѣлось бы украсить его лошадыю Пржевальскаго... Не откажите помочь совѣтомъ, какъ мнѣ добыть дикихъ лошадей...»

Живой, энергичный, любящій и понимающій природу Фальць-Фейнь произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе, и я охотно пошелъ навстрѣчу его предпріятію.

Планъ экспедиціи обсуждался при участіи старшаго зоолога зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ, нынѣ покойнаго, Е. А. Бихнера, Д. А. Клеменса, Ѳ. Э. Фальць-Фейна и меня.

Бихнеръ съ живымъ участіемъ отнесся къ организациі экспедиціи, такъ какъ мечталъ подробно описать *Equus Przewalskii*. Въ силу этого обстоятельства Е. А. обезпечивалъ зоологическому музею исключительное право изучать добытыхъ живыхъ лошадей въ зоопаркѣ Фальць-Фейна и получать въ собственность шкуры и скелеты экземпляровъ, могущихъ пасть въ дорогѣ. Это право было закрѣплено утвердительнымъ словомъ Фальць-Фейна.

Три года подрядъ (1897 – 1899), Фальць-Фейнь снаряжалъ экспедиціи въ западную Монголію, потребовавшія расходовъ свыше десяти тысячъ рублей, и каждый разъ, черезъ посредство гг. Клеменса и Асанова (русскій торговецъ въ Монголіи – въ Кобдо), получалъ молодыхъ дикихъ лошадей.

Но, – увы, – лошадки первыхъ двухъ экспедицій (1897 – 1898 гг.), изнуренныя большіимъ путешествіемъ и суровостью сибирскаго климата заболѣвали мытомъ, и большинство изъ нихъ околѣвали или въ дорогѣ, или въ Асканіи-Нова. Слабость и невыносливость дикихъ лошадокъ справедливо приписывалась неподходящему способу ловли – догономъ на откормленныхъ скакунахъ. Жеребята запаливались, ослабѣвали и никогда не могли вполнѣ оправиться. Феодору Эдуардовичу пришлось самому разработать программу поимки дикихъ жеребятъ и первоначальнаго за ними ухода. и снабдить ею русскихъ и монголовъ-охотниковъ.

Только послѣ того, какъ охотники стали строго слѣдовать указаніямъ Фальць-Фейна, имъ удалось добыть нѣсколько хорошихъ, здоровыхъ жеребятъ (нынѣ

взрослых лошадей – сь приплодомъ), которыми въ правѣ гордиться зоопаркъ Фальць-Фейна.

Такимъ образомъ, Ѳ. Э. Фальць-Фейнъ былъ *первымъ*, которому удалось, благодаря его настойчивости, добыть живыми нѣсколько головъ *Equus Przewalskii*.¹

IV.

Сь 1896 года я собирався въ Таврическія степи, чтобы посмотрѣть на привольный зоологическій садъ Фальць-Фейна, и на то, какъ въ немъ хорошо чувствуютъ себя знакомыя мнѣ азіатскія антилопы, аргали, олени, или маралы, яки, а также многочисленныя пернатыя... Все это меня страшно тянуло, но въ то же самое время продолжительныя путешествія въ Центральной Азіи отдаляли исполненіе моей мечты. И только лѣтомъ (1913 года), въ первой его половинѣ, я наконецъ посѣтилъ Асканію-Нова и прожилъ въ ней непрерывно пять недѣль... Много новыхъ мыслей и много лучшихъ воспоминаній вынесъ я изъ этого замѣчательнаго уголка... То, что я здѣсь увидѣлъ и наблюдалъ, во много разъ превысило мои ожиданія!

Всѣм, всѣмъ кому только представится малѣйшая возможность, совѣтую побывать въ Асканія-Нова, въ особенности подобная экскурсія полезна для молодежи – будущіхъ зоологовъ...

Акклиматизаціонный зоологическій садъ Ѳ. Э. Фальць-Фейна сравнительно мало извѣстен не только русской широкой публикѣ, но даже и специалистамъ. Но зато за границею о немъ знаютъ давно... Зоологи и художники неоднократно посѣщали этотъ садъ и знакомились какъ сь его представителями въ области млекопитающих и пернатыхъ, такъ и сь тѣми научными результатами, которые достигнуты здѣсь путемъ акклиматизаціи и гибридизаціи...²

Асканія-Нова расположена въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, подь 46°27 сѣверной широты и 3°33 восточной долготы отъ Пулкова; иными словами, пріютилась въ семидесяти верстахъ къ западу – сѣверозападу отъ станци Ново-Алексѣвки Курско-Севастопольской жел. дор... Издали, среди безбрежнаго степного моря, Асканія-Нова представляется какъ бы оазисомъ въ пустынь... Здѣсь родовое гнездо Фальць-Фейновъ, которое нынѣ обособлено въ видѣ значительнаго, въ тринадцать тысячъ десятиныхъ земельного участка сь основными зданіями, построенными еще ангальтъ-кетенской администраціей... Подь земледѣліе въ Асканія-Нова отведено лишь три тысячи десятиныхъ, остальное же пространство занято или выпасомъ (9.500 десятиныхъ), или же «заповѣдною степью» (пятьсот десятиныхъ).

¹ См. мою статью «Правда о дикой лошади Пржевальскаго (*Equus Przewalski*)». Географическій журналъ «Землевѣдѣніе» 1913 г. Книжка III, стр. 69 – 73 (съ рисункомъ).

² Скрещиванія.

Асканія-Нова представляє собою рядь б'юлокаменних, сь черепичними крышами построек, разд'єлених меридіональною улицей на дв'є части, на два парка: кь западу – большій, зоологическій, вь семьдесятъ десятинь, кь востоку – меньшій, ботанической, вь пятнадцать десятинь. Кь паркамь непосредственно прилегаєть жемчужна Асканія-Нова – *запов'єдная степь*.

Еще задолго до «оазиса» Асканія-Нова, южно-русская степь отрадно приветствуетъ взорь наблюдателя. На южномь горизонт'є ея пасутся табуны лошадей, стада крупнаго рогатаго скота, овецъ-мериносовъ, верблюдовъ и разныхъ другихъ животныхъ... Изъ заросли ковыля взлетаютъ фазаны (*Phasianus colchicus*), красиво блестя на солнц'є своимь яркимь оперениемъ. Вь мягкой синев'є неба парить степной орель (*Aquila orientalis*). Прозрачный воздухъ переполненъ звонкими голосами полевыхъ жайворонковъ (*Alauda*). При вид'є всего этого вспомнились картины далекаго Куку-Нора, и еще сильн'є забило тревогу соскучившееся сердце путешественника... Еще сильн'є потянула кь себ'є зав'єтная даль Азіи...

Д'євственная степь полна живой гармоніи: она дышитъ днемъ, дышитъ и ночью. Волна серебристаго ковыля вечеромъ – это поэтическое восхищєніє, вь особенности при разгор'євшихся лучахъ заходящаго солнца, когда по сторонамь отъ него играетъ сизая дымка... Куда ни посмотришь – безграничный просторь. Лишь изр'єдка курганы, сь каменными бабами, да стога с'єна нарушаютъ равнинное однообразіє степи.

Влад'єлецъ Асканія-Нова долго боролся изъ-за древесныхъ насаждєній парковъ, прежде, нежели получили блестящіє результаты. Сначала не доставало воды и не было подходящей для парковой растительности перегнойной почвы. Вь степи, какъ и вь пустынь: где вода, тамъ и жизнь. Сь устройствомъ же водонапорной башни, асканієвскіє парки ожили, деревца окр'єпли, листва расширилась, сгустилась, создалась благодатная т'єнь; пруды переполнились водою, которая пріятно зажурчала по самой сложной с'єти каналовъ и многочисленнымь артеріообразнымь оросительнымь в'єтвямь, поддерживающимь пышную жизнь современныхъ могучихъ парковъ. Растительность парковъ заключаетъ вь себе платаны, туйи, крымскую ель, біоты, разнообразныя сосны и ели, пирамидальный дубъ, сапфору, н'єсколько сортовъ тополя, клєны, бересты, акації и много другихъ.

Самые парки, вь особенности ботанической, разбиты сь высокимь знаніємъ д'єла, сь большою любовью ко всему простому и естественному. Куда бы ни зашелъ наблюдатель по извивающимся дорожкамь, онъ всюду видитъ новыя естественныя картины, новые уголки... Необычайную прелесть ботаническому парку придають его зам'єчательныя поляны, по которыми тамъ и сямъ вспархиваютъ или просто р'єзвятся самые разнообразные красавцы-фазаны: королевскій, кавказскій, золотистый, алмазный, монгольскій, серебристый, ушастый и др. Вь утренніє и вечерніє часы паркъ оживленъ очень веселыми голосами пернатыхъ, а вь ночной майской тиши – чарующей трелью м'єстнаго соловья (восточнаго).

Таким образом в Асканіи-Нова создались разнообразные картины природы, разнообразные ея уголки. Создателю зоопарка представилась возможность завести лѣсныхъ, степныхъ и водяныхъ представителей животного царства, въ особенности въ отдѣлѣ пернатыхъ.

Лѣсной зоологическій паркъ граничитъ со степнымъ: между парками, съ одной стороны, имѣется открытый, чистый прудъ, съ пустынной отмелью, обычно занятый краснокрылами или фламинго, съ другой – прудъ болотистый, съ большими, поросшими тростникомъ отвѣтвлениями забѣгающими далеко на сѣверъ, и въ весеннее половодье соединяющимися съ обширнымъ разливнымъ озеромъ, на поверхности котораго во множествѣ отдыхаютъ пролетные дикіе гуси, утки, журавли и много другихъ.

Кругомъ царить приволье и своеобразная тишина: выстрѣлы раздаются лишь въ крайнихъ случаяхъ по четвероногимъ или крылатымъ хищникамъ, да въ осеннее время по многочисленнымъ зайцамъ... Ни кошекъ, ни бродячихъ собакъ вы въ Асканіи-Нова не встрѣтите.

Въ лѣсной части зоопарка животная жизнь бьетъ ключомъ... Здѣсь, помимо птицъ – фазановъ, голубей, перепеловъ, китайскихъ соловьевъ, попугаевъ, иволгъ, кобчиковъ и множества другихъ, вы встрѣчаете стройныхъ газелей, муфлоновъ, патагонскихъ зайцевъ, кенгуру – Родина которыхъ Австралія. Въ Асканіи-Нова имѣются три породы кенгуру. Несмотря на громадное различіе въ климатѣ между родиной этихъ животныхъ и таврическими степями, все же они чувствуютъ сѣбя здесь хорошо, размножаются, хотя чувствительны къ морозамъ и нередко отмораживаютъ себѣ уши и кончики хвостовъ.

Приближаясь къ степному парку, вы уже слышите всевозможные голоса плавающихъ пернатыхъ, а вотъ и они сами картинно скользятъ по поверхности водъ. Впереди величаво выступаютъ лебеди, которыхъ здѣсь шесть видовъ: шипунъ, кликунъ, пигмей, трубачъ, черношейный и черный – представители Европы, Азіи, Северной и Южной Америки и Австраліи. За лебедями, мѣшаясь съ различными утками, плывутъ группы дикихъ гусей, также обитателей всѣхъ частей свѣта. Изъ гусей наиболѣе характерными являются: большой полярный гусь, малый полярный, индійскій, бѣлощекий, египетскій, канадскій, австралійскій. Тутъ и тамъ выдаютъ себя полностью представленныя въ Асканіи-Нова казарки: бѣлолобая, черная, огорь, галагазь, каролинка, мандаринка и красавица изъ красавицъ – казарка краснозобая (*Rufibreuti ruficollis*), которой нѣтъ ни въ одномъ изъ зоологическихъ садовъ.

Сѣверо и средне африканцы, равно и обитатели прикаспія и киргизскихъ степей – фламинго – также украшаютъ собою зоопаркъ Фальць-Фейна; эти птицы здѣсь не размножаются и розовую окраску перьевъ удерживаютъ только на крыльяхъ; на всѣхъ же другихъ мѣстахъ перья имѣютъ бѣлый цвѣтъ. Днемъ, на солнцѣ, стоя въ длинномъ

ряду, эти красавцы напоминают собою мраморныя изваянія. Поодаль отъ пруда важно расхаживаютъ журавли – красавка и вѣнценосныя, а также и сѣрыя, и бѣлыя цапли. Надъ прудомъ нерѣдко кружатъ чайки хохотуньи, гнѣздящіяся обычно на болотномъ пруду, на специально для нихъ устроенныхъ каменистыхъ островкахъ – это съ одной, открытой части пруда, тогда какъ въ сторону противоположную удалились наиболѣе строгіе журавли: болотный стерхъ, антигонскій, манчжурскій, австралійскій и др.

Къ числу наиболѣе выдающихся птицъ въ Асканія-Нова относятся страусы: египетскій, сомалійскій, американскій и австралійскій. Африканскіе страусы, хотя и переносятъ зимній холодъ, но чувствительны къ сырости и склонны къ заболѣванію, въ особенности если много наглотаются снѣгу. Красивую картину представляютъ танцы этихъ страусовъ во время ухаживанія за самкою. Высиживаніемъ же яицъ заняты бывають оба родителя.

Американскій страусъ, или нанду, переноситъ здѣшній климатъ хорошо. Снѣга и холода не боится, хотя во время сильныхъ холодовъ требуетъ небольшой защиты въ видѣ навѣсовъ, открытыхъ сараевъ и проч. Размножается легко. Къ особенностямъ этихъ страусовъ относится раздѣленіе труда въ заботахъ о потомствѣ: самка строитъ гнѣздо и кладетъ яйца, самецъ же ихъ высиживаетъ. Въ одно гнѣздо могутъ класть яйца нѣсколько самокъ.

Сравнительно небольшое число хищныхъ птицъ содержится въ умѣло устроенныхъ, просторныхъ вольерахъ, преимущественно парами, за исключеніемъ одной – двухъ вольеръ, въ которыхъ имѣются по двѣ или даже по четыре – пять паръ. Самые крупные хищники, санитары центрально-азіатскихъ степей и горъ – грифы-монахи (*Vultur monachus*), которыхъ здѣсь парочка. Одинъ изъ нихъ – мой хорошій знакомый, мой спутникъ послѣдняго монголо-сичуанскаго путешествія, сдѣлавшій на верблюдѣ около четырехъ тысячъ верстъ пути, да по желѣзной дорогѣ шесть тысячъ. Интересно, что онъ меня узналъ и, слетѣвъ съ жердочки на землю, началъ ласкаться, какъ ласкался часто во время путешествія. Этотъ грифъ выглядитъ здѣсь превосходно... И мнѣ въ высшей степени пріятно повѣдать объ этомъ всѣмъ тѣмъ, кто съ первыхъ дней пребыванія въ Россіи грифа монаха, познакомился съ нимъ и интересовался дальнѣйшею участью моего крылатаго спутника.

По соседству съ грифами расположены обособленными парами: орлы беркута, орланы-бѣлохвосты (*Haliaeetus albicilia*) и друг. Въ одной общей вольерѣ съ давняго времени мирно уживаются: пара филиновъ, нѣсколько соколовъ, коршуны, сарычи. Но зато больно достается всякому новому пришельцу, пока къ нему не привыкнуть старые обитатели вольеры. Пополненіе хищниковъ въ Асканія-Нова обыкновенно происходитъ весною или осенью, на перелетахъ этихъ птицъ, когда ихъ подстрѣливаютъ съ далекихъ разстояній, съ цѣлью перебить крыло или вообще легко ранить. Раны у птицъ залѣчиваются очень быстро.

Вольеры для средних и мелких птичек, для их первоначального приручения, не оставляют желать ничего лучшего, ни в смысле благоустройства – внутри журчить или переливается вода, зеленеют травы, деревца – ни в смысле простора, так как вольеры, во-первых, велики сами по себе, а во-вторых, они соединены между собой открытыми входами или выходами... Одна из таких вольер – центральная, в которой жизнь пернатых представляется наиболее полной и своеобразной и наиболее оживлена серебристыми струйками водопада, всегда притягивала к себе после обеда и самого хозяина, и его гостей... С чашкой кофе мы просиживали здесь целыми часами... Привычные птички несколько не боялись нас, наоборот, многие из них прилетали вплотную к человеку и получали из его рук червячков. К числу таких относятся: зоряночка, синешейка, древесная щеврица, красавец и чудный певец – шамо, – китайский дрозд, выводок перепелочек, кулички-зуйки и много друг. Кормя этих птичек, мы любовались другими – теми, которые ютились или у каскадика, или по соседним кустам.

Вот прилетел кардинал, весь красный, с поднятым хохолком и осторожно уфлся подле серебристых брызг... Пониже купаются в студеных струйках воды желтая овсянка (*Emberiza luteola*), рядом с ними изящная желтая и белая плиски... В ожидании свободных мест сидят на веточке лапландская пуночка и маленькой голубок... Возле бассейна с золотыми рыбками хлопотеть на гнезде палица-чибис, жестоко гонясь за ходулочником или другими меньшими куличками. Из соседней вольеры бьют цыплята стайка мелких пташек, гонимых с криком куликом-сорокой... У проволочной стчатой крыши, у подвешанного снопа, компания синичек тщательно излущивает хлебные колоски; на других таких снопах, с писком, заняты снегирь, щуры и белые щеглы... На песочке, взад и вперед, быстро перебегают дорожки кулички-песочники, ржанки, турухтаны; последние сильные драчуны – жестоко дерутся друг с другом длинными, словно шпаги, клювами... Это своего рода птичий турнир: турухтаны, в весеннем убранстве нападают один на другого, словно рыцари с забралом...

Центральная вольера – это один из лучших уголков для наблюдения за жизнью мелких птичек, хотя и у садовой или парковой столовой также интересно. И здесь я с большим восхищением просиживала подолгу, в особенности в последние дни мая, когда неподалеку от стола, на поляне, токовала тетерева или важно проходил, блестя несравненным по красоте оперением, лоффорь, или же просто перебежали, из стороны в сторону, калифорнские перепелки, скалистые куропатки и др. За отсутствием гор, скалистые куропатки, подобно лоффорю, часто взбирались на черепичные крыши, бежали вдоль их гребня и кричали, словно в горах. Тут же вы слышите и пение канареек, свободно перелетающих с дерева на дерево, или невольно внемлете монотонному воркованию голубя-турлушки, обычно воркующего

на тополях, спускаючих свои вѣтви прямо къ столу... У стола то и дѣло снують дрофы, ревниво оберегая это мѣсто отъ посѣщенія другихъ птицъ. Поодаль, на лужайкахъ, прогуливаются фазаны, другіе голубки, и вѣчно недѣлимая парочка австралійскихъ маленькихъ гусей...

Познакомившись съ пернатыми, можно перейти и къ обзорѣ дикихъ четвероногихъ...

Къ юго-западной окраинѣ лѣсного парка примыкаетъ степной – большая, въ шестьдесятъ десятинъ, площадь, куда животныхъ впускаютъ вначалѣ для прирученія и освоенія... Чтобы увидѣть этотъ паркъ: необходимо подняться на вышку...

Въ лучшую погоду, лѣтомъ, владѣлецъ Асканія-Нова здѣсь нерѣдко ночуетъ. «Съ большимъ удовольствіемъ – говорилъ мнѣ Ѳ. Э. Фальцъ-Фейнъ: провожу я тихія ясныя ночи среди нашей южной природы, среди питомцевъ моего парка... Проснешся на зарѣ, взглянешь на животныхъ – одни бродятъ, другія предаются отдыху, а вотъ сегодня слышу какой-то хрустъ подъ вышкой, смотрю: «Германъ», крупнѣйшій олене-быкъ упражняется своими могучими рогами, пробуетъ ихъ силу объ устои вышки... Дивная, очаровательная ночь... Звѣзды свѣтятъ, какъ алмазы. Набѣжить вѣтеръ, освѣжить прохладой, закутаешься плотнѣе въ одеяло, и вновь забудешься сладкимъ, крѣшкимъ сномъ до утра»...

Въ утреннее или вечернее время животныя мирно пасутся на всемъ пространствѣ участка, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, преимущественно крупныя, держатся обособленно, равно какъ и азіатскія антилопы- сайгаки, почему-то облюбовавшія удаленную на западѣ окраину парка, напоминавшую мнѣ кукунорскія степи...

Самымъ крупнымъ животнымъ здѣсь является африканская антилопа *олене-быкъ* (*Oreas oreas*), съ высокостоящими массивными рогами, которыми животное любитъ поддѣвывать древесныя вѣтви, разбрасываемыя въ видѣ корма.

Эта красивая, граціозная антилопа хорошо акклиматизировалась и успѣшно размножается; часть олене-быковъ пасется въ степи, вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ, или обособленнымъ стадомъ, состоящимъ исключительно изъ дикихъ, но уже полу-прирученныхъ животныхъ, какъ, на примѣръ, гну, оленей, нильгау, ламъ, бубаловъ, африканской зебры и др.

Гну (*Catoblepas gnu*) – уроженецъ южной Африки, въ таврическихъ степяхъ хорошо акклиматизировался, плодится, приспособляясь съ дѣтороженіемъ къ нашимъ временамъ года. Гну въ высшей степени оригинальное животное, съ корпусомъ лошади и головою буйвола. Кричитъ, какъ хищная птица, а когда сердится – фыркаетъ и храпитъ по-лошадиному... «Изъ всѣхъ животныхъ – пишетъ Гарриисъ – гну самое неловкое и странное, какъ по своей внѣшности, такъ и по отношенію нрава и привычекъ. Природа сотворила его въ моментъ дурного расположенія духа; смотрѣть на его неуклюжія повадки врядъ ли возможно безъ смѣха: продѣлывая всевозможныя

кривлянья, опустивъ свою косматую, бородатую голову между тонкими мускулистыми передними ногами, предоставивъ развѣваться по вѣтру своему длинному бѣлому хвосту; странное и всегда пугливое животное это производитъ одновременно и дикое и смѣшное впечатлѣніе. Вотъ оно вдругъ остановилось, показываетъ видъ, что хочетъ защищаться, наклоняетъ косматую голову для нанесенія удара, глаза его мечутъ молніи, а голосъ, напоминавший ревъ льва, раздается съ силой и выраженіемъ; но вотъ оно начинаетъ нещадно хлестать себя длиннымъ хвостомъ по бокамъ, вспрыгиваетъ, становится на дыбы, вертится, припадаетъ на колѣна, снова вскакиваетъ и черезъ мгновеніе несется стрѣлой по равнине, взвивая за собой цѣлыя облака пыли». Это животное дѣйствительно чрезвычайно рѣзво въ движеніяхъ, хорошо скачетъ, и, по мнѣшю Э. Э. Фальць-Фейна, способно къ дрессированію. Я наблюдалъ, какъ гну, по командѣ пастуха: «Васька» или «Мишка, ложись!» – быстро и красиво исполнялъ приказаніе своего командира.

Нильгау (*Portax pictus*) изъ Индостана, акклиматизируется труднѣе другихъ, но размножается успѣшно. Южно-американская лама (*Auchema glauca*) имѣется въ значительномъ количествѣ, часть пасется въ степи... У себя на родинѣ это животное замѣняетъ верблюда, ходитъ подъ вьюкомъ и даетъ длинную, мягкую шерсть.

Изъ другихъ антилопъ въ Асканія-Нова имеются два вида бубаловъ – бѣлолобый (*Damaliscus albifrons*) и степной (*Bubalis buselaphus*), антилопа черная (*Hippotragus niger*), антилопа Леше (*Cobus Lechѣe*), гарна (*Antilope cervicapra*), прыгунъ (*Gazella lachore*), газель аравійская (*G. dorcas*[*Tripolix*]), краснолобая (*G. ruffrons* Salmi), нубійская (*G. isabella*), хара-сульта или чернохвостая (*G. snbguttinosa*), персидская (*G. marica*) и бунтебокъ (*Tragelaphus ronaleyni*)...

Олени (*Cervus*) здѣсь также богато и разнообразно представлены, а именно: олень благородный, крымскій, кавказскій, алтайскій, манчжурскій, сика, аксисъ, мунжакъ, свиной оленекъ (*Huelaphus porcinus*), лань (*Dama vulgaris*) и косуля (*Capreolus caprea*). Изъ оленей особенно много оленей – мараловъ, пасущихся, какъ это замѣчено выше, въ степи. Э. Э. Фальць-Фейнъ развелъ ихъ между прочимъ съ целью сбыта маралихъ роговъ въ Китай. Какъ извѣстно, китайцы дорого платятъ за *рога-панты*, необходимые имъ, какъ лѣкарственные препараты. (См. мою «Монголію и Камъ». Т. I, стр. 18-22). Маралы привыкаютъ къ степи очень легко, дѣлаются ручными, за исключеніемъ, впрочемъ, любовнаго періода, въ августъ и сентябръ, когда они злобно ревнивы и не безопасны, въ особенности наиболѣе рогатые красавцы, всего чаще бросающіеся на человѣка и другихъ животныхъ.

Изъ дикихъ овецъ имѣются муфлоны, гривистые бараны, аргали, кавказскій туръ. Родина муфлона – скалистая мѣста Корсики и Сардиніи, тѣмъ не менѣе онъ легко акклиматизируется въ степи. Въ Асканія-Нова муфлоны держатся и въ степи, и въ огороженномъ степномъ участкѣ. Если дѣтенышей муфлоновъ, равно какъ и дѣтенышей ди-

кихъ животныхъ вообще, воспитывать молокомъ изъ рожка, при содѣйствіи человека, то они становятся совершенно ручными, тогда какъ воспитанные матерью держатся очень строго и не подпускаютъ къ себе человѣка.

Надо полагать, что такимъ именно образомъ происходило прирученіе человѣкомъ дикихъ животныхъ и на зарѣ человѣческой жизни. Со времянь глубокой древности человѣкъ поработилъ животныхъ, и вѣроятно, самое порабощеніе или прирученіе начиналось съ животныхъ наиболѣе миролюбивыхъ и наиболѣе полезныхъ для человѣка. По мѣрѣ общенія съ природою, умственные рамки первобытнаго человека раздвигались, самъ человѣкъ поднимался: изъ звѣролова-охотника переходилъ въ болѣе мирнаго скотовода-номада, а изъ этого послѣдняго – въ земледѣльца и т. д. И въ этомъ отношеніи зоологическій садъ Фальць-Фейна, устроенный совершенно на иныхъ началахъ, нежели зоологическіе сады вообще, представляетъ большой интересъ. Ө. Э. Фальць-Фейнъ не задается мыслью показать только то или другое дикое животное. Его цѣль иная – акклиматизировать животныхъ, могущихъ процвѣтать въ его привольныхъ степяхъ, какъ процвѣтали здѣсь прежде тарпаны, сайгаки, сурки и пр.

Въ высшей степени интересно то обстоятельство, что лѣсные звѣри, какъ зубрь или олень, отлично выживаютъ въ степи. И тѣ и другія животныя достигаютъ здѣсь полнаго своего развитія. Въ Асканіи-Нова американскій бизонъ чувствуетъ себя такъ же хорошо, какъ чувствовалъ нѣкогда въ родныхъ преріяхъ³, и мирно пасется въ общемъ стадѣ съ зубрами и рогатымъ скотомъ ...

На своей родинѣ бизоны исчезли съ необыкновенной быстротой, и въ настоящее время въ Америкѣ насчитываютъ не болѣе шестисотъ головъ этихъ животныхъ, находящихся въ Уеллингстонскомъ паркѣ, подъ охраною правительства. Американцы спохватились поздно; лишь съ недавняго времени въ Буффало организованъ особый комитетъ по охранѣ и разведенію бизоновъ, прилагающій всѣ старанія, чтобы развести эту породу животныхъ... Въ аналогичномъ отношеніи съ американскимъ бизономъ стоитъ нашъ бѣловѣжскій и кавказскій зубрь, количествомъ 400 – 500 головъ, имѣвшій широкое распространеніе въ Средней Европѣ. Надъ этими двумя видами большихъ и дикихъ животныхъ разныхъ континентовъ и были поставлены опыты акклиматизаціи въ Асканіи-Нова.

Бизонъ былъ полученъ Ө. Э. Фальць-Фейномъ въ 1897 году, а зубрь – въ 1902 году. За истекшіи періодъ времени выяснилось полное одомашненіе какъ чистой породы – только лишь при условіи содержанія ея совмѣстно съ домашнимъ скотомъ – такъ и скрещиванія зубра и бизона въ различныхъ комбинаціяхъ между собой и съ домашнимъ скотомъ.

Въ высшей степени интересны въ Асканіи-Нова зубро-бизоны, въ особенности тѣ два производителя, которыхъ я наблюдалъ минувшимъ лѣтомъ, не уступающіе по величинѣ и красотѣ прославленному въ этихъ отношеніяхъ зубру... Не менѣ инте-

³ Обширныхъ степяхъ

ресны здѣсь и зеброиды – новая оригинальная полосатая порода животных, полученная от скрещиванія зебры съ домашней лошадыю. Зеброидъ, это своего рода асканіяновскій муть -безплодное, но очень сильное, выносливое и неприхотливое къ корму животное, употребляемое Фальць-Фейномъ для тяжелой работы. Сила зеброида въ полтора раза превосходить силу обыкновенной лошади, они возятъ преимущественно мѣшки съ зерном и землю.

Лучшее украшеніе зоопарка Ө. Э. Фальць-Фейна – дикая лошадь Пржевальскаго (Equus Przewalskii), которой въ настоящее время въ Аскаи-Нова семь головъ чистокровныхъ, остальные – помѣси съ монгольской и русской домашней лошадыю. Дикія лошади – одна другой лучше – сытыя, округлая, рѣзвая. Въ таврическихъ степяхъ лошадь Пржевальскаго нашла настоящую родину... Часть дикихъ лошадей пасется въ степи, въ общемъ табунѣ съ ремонтными лошадьми, часть – производители – содержатся на конюшняхъ, или въ специальныхъ, просторныхъ загражденіяхъ. Особенно рѣзвъ, статенъ и гибокъ дикій красавецъ, подаренный Фальць-Фейну Государемъ Императоромъ. Этого жеребца я много разъ наблюдалъ и подолгу къ нему присматривался... Могучая шея, крѣпкій, округлый корпусъ, тонкія скаковыя ноги, при всемъ томъ – дикій самостоятельный нравъ и необычайная сила. Лошадь Пржевальскаго всегда внушаетъ страхъ домашней лошади и человѣку. Когда я впервые подѣхалъ въ экипажѣ къ дикимъ лошадямъ, – нѣсколькимъ маткамъ и царскому жеребцу находившимся въ оградѣ, то еще издали, почуявъ лошадей дикій жеребецъ высоко поднялъ голову, втянулъ въ себя воздухъ, фыркнулъ нѣсколько разъ и, согнувъ колесом шею, побѣжалъ къ намъ навстрѣчу. Остановившись у очень высокой рѣшетчатой ограды, дикарь-красавецъ гордо билъ копытомъ землю, быстро повертывался, подбѣгалъ къ кобылицамъ и снова съ большой яростью бросался въ сторону экипажа... И только по удаленію послѣдняго, жеребецъ нѣсколько успокоился, приблизился къ конюху, и началъ изъ его рукъ ѣсть зерновой кормъ... Царскій жеребецъ вначалѣ не подпускалъ къ себѣ человѣка и только впоследствии сдѣлался настолько ручнымъ, что позволялъ садиться на себя и даже приводить джигитовку.

Любуюсь дикой лошадыю въ Асканія-Нова, мнѣ невольно приходили на память наблюденія братьевъ Грумъ-Гржимайло надъ повадками лошади Пржевальскаго, на мѣстѣ его родины.. «Вдругъ гдѣ-то далеко-далеко раздалось давно желанное конское ржаніе. Сердце радостно забилося....

«Не успѣлъ я отползти шестидесяти шаговъ, какъ съ фырканьемъ и храпомъ вылетѣлъ изъ кустовъ жеребецъ. Казалось, это сказочная лошадь – такъ хорошъ былъ дикарь! Описавъ крутую дугу около меня, онъ поднялся на дыбы, какъ бы желая своимъ свирѣпымъ видомъ и храпомъ испугать врага. Клубы пара валили изъ его ноздрей. Вѣроятно, онъ меня не почуялъ, потому что, вдругъ опустившись на всѣ четыре ноги, снова пронесся карьеромъ мимо меня и остановился съ подвѣтренной стороны. Тутъ,

поднявшись на дыбы, онъ съ силою втянулъ воздухъ, и, фыркнувъ, какъ-то визгливо заржалъ. Табунъ, стоявшій, цугомъ, мордами къ намъ, какъ по командѣ, повернулся кругомъ (при чемъ лошадь, бывшая въ головѣ, снова перебѣжала впередъ) и рысью помчался отъ озера. Жеребецъ, давъ отбѣжать табуну шаговъ двѣсти, послѣдовалъ за нимъ, то и дѣло описывая направо и налево дуги, становясь на дыбы и фыркая.

«Наши ночныя сидѣнія на озерахъ продолжались еще дня три, но безъ удачи: лошади подходили шаговъ на двѣсти, но болѣе приближаться не рѣшались.

«На шестой день нашего пребыванія въ Гашунѣ, мы встрѣтили табунъ дикихъ лошадей днемъ и тотъ часъ же устроили на него облаву.

...«Почуявъ что-то недоброе, старый жеребецъ фырканиемъ далъ знать табуну о приближеніи людей; лошади мгновенно выстроились гуськомъ, имѣя впереди молодого жеребца, а жеребятъ по срединѣ, между кобыль. Пока табунъ шель имѣя сбоку охотниковъ, жеребецъ держался съ той же стороны, направляя табунъ то голосомъ, то ударами копытъ, на избранный имъ путь. Когда лошади прошли сквозь цѣль охотниковъ, жеребецъ сталъ въ арьергардѣ. Забавно было, какъ онъ понукалъ маленькаго жеребенка, который не могъ поспѣть за всѣми на своихъ слабыхъ ножкахъ. Сперва, когда жеребенокъ началъ отставать, кобылица старалась его подбодрить тихимъ ржаніемъ, но, видя, что ничего не помогаетъ, она отдѣлилась отъ табуна, не желая, повидимому, бросать своего дѣтища. Однако, жеребецъ не допустилъ подобнаго безпорядка: сильно лягнувъ кобылицу два раза, онъ заставилъ ее догнать табунъ, а самъ принялъ попечение о жеребенкѣ. Онъ то подталкивалъ его мордой, то тащилъ, ухвативши за холку, то старался подбодрить, налетая и брыкаясь въ воздухъ....

«Мы рѣшили перекочевать далѣе на востокъ, къ сосѣднимъ ключамъ, гдѣ была еще надежда встрѣтиться съ дикими лошадьми... Не успѣли мы проехать и двѣнадцати верстъ въ указанномъ направленіи, какъ впереди насъ раздался храпъ. Оказалось, мы встрѣтились какъ разъ съ табунномъ, который шель на водопой по той же тропинке, но съ противоположной стороны. Почуявъ насъ, вожакъ храпомъ извѣстилъ лошадей; тѣ мигомъ повернули назадъ и, отбѣжавъ шаговъ триста, стали. Жеребецъ то уходилъ въ кусты, то снова появлялся, мечась изъ стороны въ сторону. Наконецъ, сообразивъ опасность, онъ перебѣжалъ на тропинку, параллельную нашей и находившуюся шагахъ въ четырехстахъ, и ржаніемъ позвалъ к себѣ табунъ. Лошади мигомъ перебѣжали къ нему и крупною рысью направились мимо насъ къ Гашуну»...

По словамъ владѣльца зоопарка, лошадь Пожевальскаго – умная, самостоятельная, находчивая лошадь. Она всегда первая сообразитъ, первая избѣжать опасности, она лучше и искуснѣ другихъ проникнетъ въ середину табуна и никогда никакой лошади не позволитъ себя обидѣть. Что же касается до взятія или преодоленія встрѣчныхъ препятствій, повидимому самыхъ трудныхъ, то таковыя для нея почти не существуютъ – такъ легко и граціозно она скачетъ...

Гибриды (помеси) обыкновенной лошади с лошадью Пржевальского – полукровки -хорошей верховой породы, годный для ремонта. По общему виду они близки к типу простой лошади, отличаясь лишь более массивной головой, несколько укороченным корпусом, жестковатой холкой, гривой и хвостом, который кроме того еще и жидок...

Теперь несколько слов о жизни в прудах Аскания-Нова. Кроме европейской болотной черепахи, речных раков, карасей, линей, вьюнов, в них водятся и так называемая «золотая рыбка», золотая орфа, хигой, карп и другие. Золотые японские хигои достигают двенадцати и более фунтов весом. Многие хигои снабжены серебряным кольцом с датой и занесены в ихтиологический журнал, который периодически, при ловле рыбы, пополняется замками.

Нельзя не упомянуть также об асканийском музее, расположенном в отдельном сухом помещении. Музей представляет большое ценное собрание чучел млекопитающих и птиц, погибших в зоопарке, кроме того птиц, добытых на весеннем и осеннем перелетах... Любопытны между прочим чучела альбиносов. ласточек, воробья, коростеля... В ближайшем селе парочка ласточек несколько лет под ряд приводила птенцов частью белых, частью нормальных. Здесь же имеется коллекция яиц страусов. Из спиртовых препаратов собраны редкие эмбрионы – лошади Пржевальского, гну, антилопы сабельной, сайги, газели, кенгуру, страуса и др.

Витрины с археологическими находками в разрытых курганах, образцы почвы поверхности и мощного разрыва (при бурении, в поисках водоносного горизонта) все это придает музею характер естественно-исторического собрания.

В музее, равно как и в доме владельца, имеются книги для внесения в них имен посетителей, которых с каждым годом все больше и больше.

Как известно, Государственный Хозяин земли Русской, Государь Император, милостиво посетил Асканийский зоопарк и очень подробно ознакомился с его разнообразным населением.

От души приветствуем это замечательное явление в жизни таврического зоопарка и его счастливого основателя, который, надеясь, с новыми силами и новой любовью, будет продолжать поучительное и высоко культурное начинание охраны памятников природы.

V

Следует заметить, что у О. Э. Фальц-Фейна на западе, на границе Минской и Виленской губернии, в южных пределах последней имеется огромная – около 30.000 десятин лесная пуща «Налибоки», с глубоководным озером Кромань и

рѣчкой Кроманица, на которой я наблюдалъ рѣчныхъ бобровъ и ихъ оригинальныя постройки – плотины... Въ лѣсныхъ дебряхъ Налибокской пуши водятся во множествѣ дикіе лоси, олени, козы и кабаны, пользующіеся охраной и покровительствомъ своего владѣльца. Въ просторныхъ загонахъ Ѳ. Э. Фальць-Фейнъ держитъ прирученныхъ оленей и сибирскихъ козуль, и въ небольшихъ вольерахъ живутъ и размножаются разнообразныя фазаны.

По общему характеру мѣстности, растительной и животной жизни, Налибокская пуца сильно напомнила мнѣ «Слободу» Смоленской губ. – имѣніе моего незабвеннаго учителя Н. М. Пржевальскаго. Какъ тамъ, такъ и здѣсь много интереснаго и поучительнаго, но въ «Слободѣ» нѣтъ бобровъ. Вообще это интересное животное крайне редко въ нашемъ отечествѣ, и всякая попытка къ его сохраненію заслуживаетъ глубочайшей признательности...

Въ глубинѣ Налибокской пуши, въ урочищѣ Буда, имѣется «Охотничій домъ», который представляетъ собой небольшой естественно-историческій музей образцовъ мѣстной маммологической и орнитологической фауны. Въ одной изъ комнатъ виситъ, между прочимъ, портретъ княгини Витгенштейнъ – потомка князей Радзивилловъ, въ составъ огромныхъ земельныхъ угодій которыхъ входила и Налибокская пуца. Еще въ концѣ минувшаго столѣтія сюда прѣѣзжали изъ Германіи именитые охотники на такъ называемую великосвѣтскую охоту на лосей и на кабановъ.

Покойная княгиня очень любила Налибокскую пуцу, подолгу жила въ ней и, какъ страстная охотница, бывала запѣвалой охотничьихъ начинаній... Она стрѣляла медвѣдей и ло сей, и имѣла отличныхъ вабельщиковъ – приманчиковъ. Прѣѣзжая изъ роскошнаго замка Любча, расположеннаго на лѣвомъ высокомъ берегу Нѣмана (нынѣ принадлежащаго сестрѣ владѣльца Налибокской пуши – Лидіи Эдуардовнѣ Цейкеръ), княгиня уступала гостямъ большой охотничій домъ, сама же обыкновенно помѣщалась въ ея любимомъ маленькомъ и очень скромномъ домикѣ.

Въ заключеніе позволю себѣ высказать искреннее пожеланіе, чтобы Асканійскій зоопаркъ – гордость Россіи – скорѣе перешелъ въ національную собственность и явился бы, такимъ образомъ, живымъ откликомъ на современный вопросъ *«объ охранѣ памятниковъ природы»*. Только при широкомъ содѣйствіи правительства, при скорѣйшемъ изданіи соотвѣтствующаго *закона*, вопросъ объ охранѣ памятниковъ природы станетъ на твердую почву подобно тому, какъ онъ уже сталъ въ Германіи. При Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, по живому призыву профессора-академика И. П. Бородинъ, создалась коммисія, которая разрабатываетъ этотъ вопросъ; среди членовъ этой коммисіи находится и Ѳ. Э. Фальць-Фейнъ, который, горячо сочувствуя великой идеѣ, пришелъ на помощь и матеріальными средствами, передавъ коммисіи тысячу рублей, составившіе ея первый фондъ, необходимый для существованія.

Хочется верить, что все чистые, девственные образцы нашей родной природы, – и в центрѣ, и в Крыму, и на Кавказѣ, и в Сибири, найдутъ себѣ высокое покровительство закона; только тогда мы будемъ в состояніи передать нашему потомству полную, живую историю природы нашей матери-земли.

П. Козловъ.

Талиев В.

Охраняйте природу!

(фрагмент)

Харьк. О-во. Люб. Природы. 2-е изд. Харьков, 1914. 21 с.

...въ исторіи вопроса охраны природы не только въ Россіи, но и вообще особенная заслуга принадлежит крупному посвященному землевладѣльцу Ф.Э. Фальць-Фейну, который въ 1898 г. въ своемъ имени Асканія – Нова (Днѣпровскаго; Таврической г.) выдѣлилъ два большихъ участка степной цѣлины (одни въ 500, другой въ 100 дес.) въ заповѣдное состояніе. вмѣстѣ съ тѣмъ вся система хозяйства Ф. Э. Фальць-Фейна направлена къ тому, чтобы поставить названные участки въ возможно болѣе благопріятныя для сохранения условія. Они сознательно окружены со всѣхъ сторонъ цѣлиной, которая хотя и эксплуатируется, но умѣренно имѣетъ такъ же хорошую сохранность. Кромѣ того, Ф.Э. Фальць-Фейнъ въ томъ же имѣніи создалъ всемірно-извѣстный теперь замѣчательный зоологическій и акклиматизаціонный садъ, въ которомъ разнообразнѣйшія животныя, главнымъ образомъ изъ обитателей степныхъ странъ, живутъ непосредственно на волѣ, поэтизируя идею охраны природы...

Шарлеманъ Н.

Охрана природы

(фрагмент)

Киевская мысль, 1914. 7 марта. №66.

...Въ Россіи вопросами природоохраненія, поставленными на научное начало, заинтересовались лишь недавно, однако, и у насъ имѣется рядъ заповѣдниковъ: лѣсовъ на Кавказѣ, цѣлинной степи в извѣстномъ имѣніи таврической губерніи – Асканія-Нова и нѣкоторыхъ др...

1915

Бородин И. П.

Рѣчь делегата отъ Россіи академика И. П. Бородина.

Мировая охрана природы. Императорское Русское Географическое...
Спб.: Тип. Стасюлевича. М., 1915. С. 94-96.

Господинъ Президентъ, Милостивые Государи,

Начиная свою рѣчь, я заранѣе извиняюсь, такъ какъ я совершенно не предполагалъ дѣлать докладъ объ охранѣ природы Россіи, считая, что наша Конференція ограничится обсужденіемъ организаціи Международной Комиссіи. Но, прослушавъ столь интересныя доклады представителей различныхъ государствъ, я считаю себя обязаннымъ сказать хотя бы нѣсколько словъ относительно той страны, делегатомъ которой я являюсь. Я охотно обещаю представить впослѣдствіи подробный докладъ по вопросу объ охранѣ природы въ Россіи, тѣмъ болѣе, что черезъ три года, я увѣренъ, я буду въ состояніи сообщить не одни только надежды и проэскты, но и реальныя факты.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что идея охраны природы сдѣлала большіе успѣхи за послѣдніе годы и въ Россіи. Тотъ, кто своимъ примѣромъ увлекъ въ этомъ направленіи двухъ здѣсь присутствующихъ представителей Россіи, былъ уважаемый проф. Конвенць, который такъ энергично провелъ организацію охраны природы в Пруссіи. Въ настоящее время у насъ имѣется солидное учрежденіе, способное объединять отдѣльныя усилія частныхъ лицъ и научныхъ кружковъ. При Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ образовалась Постоянная Природоохранительная Комиссія, въ составъ которой входятъ не только многіе члены Общества, но также представители почти всѣхъ нашихъ министерствъ, Академіи Наукъ, Петроградскаго Общества Естествоиспытателей и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. Предсѣдателемъ комиссіи состоитъ членъ Государственнаго Совѣта Статсъ-Секретарь А. С. Ермоловъ. Комиссія выпустила въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ воззваніе, которое произвело, повидимому, большое впечатлѣніе въ странѣ. Различныя научныя общества

и кружки любителей природы начинают постепенно включать в свои уставы параграф, относящийся к охране природы. В Тифлисе на Кавказе основалась подобная же комиссия при Кавказском Отделе Императорского Русского Географического Общества. В Харькове у известного ботаника Талиева возникла прекрасная мысль устроить специальную выставку охраны природы¹.

Россия, благодаря обширности своей территории, часто мало заселенной, представляет исключительно благоприятные условия для охраны природы. Она имеет возможность, по примеру Соединенных Штатов, устраивать для этой цели большие заповедники, что уже и осуществлено давно в знаменитом заповеднике «Блловжская Пуща» - как об этом упоминал в своей блестящей вступительной речи г. Саразен. Если некогда моя родина, отнюдь того не желая, совершила большой проступок, допустив истребление морской коровы, что ей часто ставили в вину, то она достаточно, я думаю, искупила его, сохранив зубра, который распространяется теперь от нас и в Германию. Большим вопросом настоящего момента в России является создание огромного заповедника для сохранения зубра на Кавказе. Несмотря на предстоящие затруднения, можно быть уверенным, что через некоторое время Россия будет в состоянии гордиться учреждением национального парка, поистине грандиозного и, что особенно важно, представляющего полный заповедник, а не частичный, как Блловжская Пуща. Поэтому, принося г. Саразену благодарность за его добрые слова о России, я выражаю уверенность, что он является хорошим пророком, и что его надежды осуществляются.

Другим насущным вопросом в моей стране является устройство степного заповедника. При этом прежде всего я должен назвать имя, заслуживающее признания всех, кто интересуется охраной природы.

Это г. Фальц Фейн, крупный землевладелец на юге России, создавший зоологический сад, единственный в своем роде, я думаю, во всем мире. Он получил название «Райского сада», так как в нем пасутся на воле самые разнообразные животные, собранные со всех частей света.

Кроме этого сада г. Фальц Фейн устроил большой степной заповедник, совершенно защищенный от всякого влияния человека. Его флора заботливо изучалась в несколько приемов одним из наших наиболее известных ботаников г. Пачоским. Возникает вопрос об устройстве и других более мелких степных заповедников в различных частях юга России, так как степь далеко не является повсюду одинаковой.

Эти несколько слов, господа, дадут Вам, я надеюсь, понятие о большом движении, происходящем в настоящее время в России в пользу охраны природы.

¹ Выставка эта действительно состоялась в Харькове, имела блестящий успех и была повторена в Киеве.

Хотя я и не имѣю точныхъ директивъ отъ моего правительства, и принимаю во вниманіе всѣ благоразумныя предостереженія нашего уважаемаго предсѣдателя, однако я не опускаю мысли, чтобы Россія отказалась принять участіе въ международной охранѣ природы. Надежною гарантіей въ этомъ отношеніи служить недавній договоръ объ охранѣ морского котика.

Я позволю себѣ закончить свою рѣчь, выразивъ твердое убѣжденіе, что Россія, занимающая шестую часть земного шара, вполнѣ сознаетъ свои обязанности по отношенію къ природѣ и человѣчеству.

Гроте Г.

Краткій обзоръ перелета птицъ весною 1914 г. въ имѣніи Фр. Эд. Фальць-Фейна Асканія-Нова, Таврич. губ., Днѣпровск. уѣзда.

Птицевѣдѣніе и птицеводство, год V. 1915. Вып. 3 и 4. С. 179–184.

Первыя перелетныя птицы, прибывшія въ Асканію-Нова, были скворцы (*Sturnus vulgaris pyrrugascens*), которые явились 7 февраля въ небольшомъ количествѣ. Еще раньше прилетали жаворонки полевые (*Alauda arvensis*), [видъ здѣсь малочисленно зимующій], количество которыхъ все возрастало, и временами начинали пѣть надъ степью, которая успѣла уже освободиться отъ снѣжнаго покрова. Въ это же время показались нѣсколько чаекъ хохотуній (*Larus cachinnans*) на прудахъ, и начался пролетъ дроздовъ рябинниковъ (*Turdus pilaris*).

До середины февраля не было замѣчено новыхъ гостей изъ пернатого міра, лишь число скворцовъ увеличивалось со дня на-день. На сѣверномъ берегу Чернаго моря, расположенномъ верстахъ въ 70 на югъ отъ Асканіи-Нова, (у Кумбатина) наблюдались въ маломъ количествѣ 12 февраля первыя ржанки (*Charadrius plumialis*) и чибисы пигалицы (*Vanellus vanellus*). Тамъ же были замѣчены: 13/II первые турухтаны (*Ravoncella pugnaх*), 16-го первый бекасъ (*Gallinago gallinago*) и первая цапля (*Ardea cinerea*) по одному экземпляру и много чаекъ хохотуній (*Larus cachinnans*) и зимняковъ (*Archibuteo lagopus*).

Въ Асканіи-Нова первыя пигалицы (*Vanellus vanellus*) были замѣчены 21-го февраля, слѣдовательно девятью днями позже, чѣмъ на берегу моря. Въ тотъ же день наблюдался и одинъ куликъ чернышъ (*Helodromas ochropus*) и двѣ пѣганки (*Tadorna tadorna*).

23-го февраля прибыла первая бѣлая трясогузка (*Motacilla alba*), а 24-го первый вальдшнеп (*Scolopax rusticola*). Со дня на-день теперь возрастает число скворцовъ, такъ что можно было наблюдать часто 60 – 70 штукъ, кружащихся вечеромъ надъ здѣшнимъ паркомъ. На слѣдующій день было замѣчено нѣсколько пролетныхъ дроздовъ дерябъ (*Turdus viscivogus*), а на прудахъ показались широконоски (*Spatula clypeata*) и бѣлоглазые нырки (*Nyroca nyroca*). 27-го появился первый травникъ (*Totanus totanus*). Въ это же время пролетали въ незначительномъ количествѣ лазоревки (*Parus coeruleus*), москочки (*Parus ater*), королюки (*Regulus regulus*), снѣгири (*Pyrrhula pyrrhula*), и многочисленныя стайки зябликовъ (*Fringilla coelebs*) и зеленушекъ (*Chloris chloris*).

Было замѣчено 28-го февраля нѣсколько горныхъ трясогузокъ (*Motacilla boarula*).

1-го марта пролетѣли первыя бѣлолобыя казарки (*Anser albifrons*) въ направленіи на N.O. (Въ Кумбатинѣ, на берегу моря, этотъ видъ наблюдался еще 22-го февраля) Въ степи показались первые сѣрые жаворонки (*Pseudalaudula pispoleta*) 28-го февраля и 1-го марта, а 2/III перелетѣли 10 штукъ лебедей кликуновъ (*Cygnus cygnus*) черезъ Асканію-Нова.

[При Кумбатинѣ было замѣчено: 26-го февраля первые кроншнепы (*Numenius*), къ концу мѣсяца единичные бекасы, 2-го марта первая зарянка (*Erithacus rubeculus*) и первый пѣвчій дроздъ (*Turdus musicus auct.*) (по одному экземпляру), 3-го первыя сивки глупыя (*Eudromias morinellus*), гоголи (*Fuligula clangula*), камышевые луны (*Circus aeruginosus*)].

Въ первыяхъ числахъ марта появились въ Асканіи-Нова сѣрыя утки (*Chaulelasmus streperus*) и единичные фифи (*Rhyacophilus glareolus*), 5-го марта первые степные орлы (*Aquila nipalensis orientalis*). Въ тотъ же день были здѣсь замѣчены и первыя сивки глупыя (*Eudromias morinellus*), значить, двумя днями позже, чѣмъ на берегу моря, лежащемъ въ 70 в. отъ Асканіи-Нова.

6-е марта принесло намъ первыихъ единичныхъ зарянокъ (*Erithacus rubeculus*), количество которыхъ съ 7-го начало увеличиваться. 6-го наблюдалась и первая выпь (*Botaurus stellaris*). На слѣдующій день прилетѣлъ первый пѣвчій дроздъ (*Turdus musicus auct.*) – 5 днями позже, чѣмъ въ Кумбатинѣ – и было замѣчено пять штукъ черныхъ дроздовъ (*Turdus merula*).

8-го марта наблюдались на пролетѣ лысухи (*Fulica atra*).

Первыя каменки (*Saxicola oenanthe*) появились въ Асканіи-Нова 10-го; утромъ 11-го былъ замѣченъ одинъ сѣрый журавль (*Grus grus*), къ которому присоединились къ вечеру еще шесть экземпляровъ. Того же числа наблюдался витютень (*Columba palumbus*) въ здѣшнемъ паркѣ.

Первая варакушка (*Syanepecta svecica*) прилетѣла уже 12-го марта, относительно рано! (Въ прежніе годы эта птица здѣсь замѣчалась обыкновенно къ началу послѣдней

трети марта). На слѣдующій день, 13-го, впервые была слышна пѣснь пѣночки теньковки (*Phylloscopus collybita*), а также зябликовъ и черныхъ дроздовъ.

Потомъ наступила пасмурная и дождливая погода и перелетъ птицъ немного остановился. Наблюдались лишь единичныя зарянки, пѣвчіе и черные дрозды. 17-го марта была замѣчена первая камышница (*Gallinula chloropus*), а 18-го прилетѣлъ первый бѣлый аистъ (*Ciconia ciconia*). Въ этотъ же день наблюдался здѣсь и первый турухтанъ, т.-е. мѣсяцемъ позже, чѣмъ возлѣ недалекаго побережья! Птичій пролетъ оставался весьма незначительнымъ до 23-го марта, когда начался хорошій пролетъ зарянокъ, который продолжался и на слѣдующий день. 23-го появилось на пролетѣ также много зябликовъ (*Fringilla coelebs*), вьюрковъ (*Fringilla montifringilla*), пѣночекъ (*Phylloscopus collybita*), рѣполововъ (*Acanthis cannabina*), черныхъ дроздовъ (*Turdus merula*); также наблюдались дубоносы (*Coccothraustes coccothraustes*), одна синица (*Parus maior*), три бекаса, первый коршунъ (*Milvus korschun*), кажется одна ласточка деревенская (*Hirundo rustica*) [первое несомнѣнное наблюденіе послѣдняго вида 26-го марта утромъ]. Тогда же былъ наблюдаемъ и пойманъ одинъ экземпляръ бѣлокрылой горихвостки (*Phoenicurus phoenicurus mesoleucus*), между тѣмъ какъ дальнѣйшія горихвостки – типичной формы – прилетѣли только нѣсколькими днями позже. Теперь держались скворцы и грачи въ большихъ стаяхъ.

25-го числа появились первые перевозчики (*Tringoides hypoleucos*) и журавли-красотки (*Anthropoides virgo*); въ большемъ количествѣ пролетали зяблики и вьюрки, черные дрозды, въ меньшемъ пѣвчіе дрозды и бѣлыя трясогузки.

Прилетѣть черноголовой плиски (*Budytes melanocephalus*) былъ 26-го марта, въ который день наблюдалась стайка, состоящая приблизительно изъ тридцати экземпляровъ. Также былъ замѣченъ одинъ зукъ галстушникъ (*Aegialites hiaticula*).

Слѣдующій день, 27/III, былъ солнечнѣе и теплѣе предыдущихъ, когда появился уодъ (*Urupea eops*), относительно поздно! Кроме того наблюдалось нѣсколько штукъ *Tringa* (sp?).

Теперь наступила прекрасная погода и пролетъ птицъ все болѣе и болѣе увеличивался. 28-го прилетѣли мухоловки пеструшки и бѣлошейки (*Muscicapa hypoleuca* и *M. collaris*) по нѣсколько самцовъ, славки черноголовки (*Sylvia atricapilla*) и появился первый чеглокъ (*Hypotrionchis subbuteo*). Въ продолженіе этого и слѣдующаго дня было на пролетѣ много зарянокъ (*Erithacus rubecula*), пѣвчихъ дроздовъ (*Turdus musicus* auct.), зябликовъ (*Fringilla coelebs*), пѣночекъ (*Phylloscopus collybita* и единичныя *Ph. trochilus*).

30-го марта прилетѣлъ первый соловей западный (*Erithacus megarhynchos*) и былъ пойманъ. Также была замѣчена первая ласточка городская (*Chelidon urbica*). На пролетѣ ласточки, горихвостки, много зябликовъ. Всюду слышится брачный крикъ удода.

31-го были замѣчены, по одному экземпляру, первая скопа (*Pandion haliaetus*), а также камышевка соловьиная (*Locustella luscinioides*).

1-е апрѣля былъ днемъ прилета кукушки (*Cuculus canorus*). Пролетъ птицъ теперь начиналъ понемногу уменьшаться и увеличился только опять къ 6-му апрѣля.

Къ вечеру 4-го апрѣля наблюдался впервые козодой (*Caprimulgus europaeus*), 5-го была добыта малая водяная курочка (*Ortygometra parva*) (♀) и, какъ ежегодно въ это время, замѣчался у прудовъ зимородокъ (*Alcedo ispida*).

На слѣдующій день прилетѣлъ луговой чеканъ (*Pratincola rubetra*) и раздавались монотонныя пѣсни просянокъ (*Millaria calandra*). На пролетѣ зарянки, горихвостки, мухоловки бѣлошейки, плиски, ласточки, зяблики (самки) въ довольно большомъ количествѣ, также сѣрые жаворонки (*Pseudalaudula pispoletta*).

До 12-го апрѣля не было замѣчено новыхъ пролетныхъ птицъ, если не обращать вниманія на весьма сомнительное наблюдение 10-го апрѣля одной сѣрой мухоловки (*Muscicapa striata*). Затѣмъ, 12-го числа, прилетѣли краснозобыя щеврицы (*Anthus cervinus*).

14-го появились первые восточные соловьи (*Erithacus philomela*), двумя недѣлями позже, чѣмъ западный, и нѣкоторые изъ нихъ на разсвѣтѣ пѣли. Въ этотъ же день наблюдалась, и первая сизоворонка (*Coracias garrulus*), а также пролетные бекасы, болотныя курочки и пять журавлей сѣрыхъ.

15-го апрѣля былъ замѣченъ первый коростель (*Crex crex*) и щеврицы луговой (*Anthus pratensis*). Бѣлокотная пустельга (*Tinnunculus naumanni*) встрѣчается теперь довольно часто.

17-го прилетѣла степная тиркушка (*Glareola melanoptera*).

Съ 19-го апрѣля наступило нѣсколько дней съ хорошимъ пролетомъ. Особенно въ большомъ количествѣ появились мухоловки бѣлошейки, соловьи восточные и пѣночки, въ меньшемъ числѣ горихвостки. 19-го наблюдались также кваква (*Nycticorax nycticorax*) и первый кобчикъ (*Cerchneis vespertinus*) [старый самецъ]. Кромѣ того на пролетѣ кукушки и козодои.

21-е апрѣля былъ днемъ прилета иволги (*Oriolus oriolus*) и наблюдалось нѣсколько экземпляровъ садовой овсянки (*Emberiza hortulana*), здѣсь только спорадически попадающійся видъ! Къ вечеру былъ замѣченъ большой пролетъ ласточекъ.

23-го появилась впервые черная крачка (*Hydrochelidon nigra*), 24-го дроздовидная камышевка (*Acrocephalus arundinaceus*), кромѣ того много соловьевъ восточныхъ и первые жуланы (*Lanius collurio*), а сѣрая славка (*Sylvia sylvia*) впервые была замѣчена несомнѣнно. На слѣдующій день прибыли: чернолобый сорокопуть (*Lanius minor*) и сѣрая мухоловка (*Muscicapa striata*).

Первыя малыя мухоловки (*Muscicapa parva*) были на пролетѣ 28-го апрѣля (въ этотъ день наблюдались исключительно старыя краснозобыя самцы). Съ проле-

томъ малой мухоловки совпадаетъ и появленіе ястребиной славки (*Sylvia nisoria*), садовой славки (*Sylvia borin*), а также пролетъ береговой ласточки (*Riparia riparia*).

Съ прибытіемъ 2-го мая чечевицы (*Carpodacus erythrinus*) и золотистой шурки (*Merops apiaster*) окончился главный пролетъ, хотя до середины мая продолжался пролетъ разныхъ мелкихъ птицъ, какъ напр. сорокопутовъ, соловьевъ, славокъ, иволгъ, даже горихвостокъ.

Вкратцѣ характеризуя пролетъ птицъ весною 1914 года въ Асканіи-Нова, можно сказать, что онъ былъ сравнительно слабъ и лишь иногда количество пролетныхъ птицъ увеличивалось, какъ напр. 23-го и 24-го марта (зарянки, черные дрозды, зяблики), 28-го и 29-го марта (мухоловки бѣлошейки, пѣночки теньковки) и 19-го апрѣля (мухоловки, соловьи восточные).

Залѣсскій К.

Заповѣдная степь Ф. Э. Фальць-Фейна въ Асканіи-Новой

Бюллетени Харьковскаго общества любителей природы, 1915.
№5. С. 17-32.

Для того, чтобы попасть въ Асканію-Нову, необходимо вставать съ поѣзда на станции НовоАлексѣевкѣ (послѣдней передъ Сивашомъ по Севастопольской линіи, а отъ туда ехать уже лошадьми цѣлыхъ 68 верстъ¹).

Трудно себѣ представить более однообразную и утомительную дорогу. Гдѣ-нибудь въ Средней Россіи, проехавши 68 верстъ, вы безусловно встретите ручьи, балки, холмы, множество деревень и хуторовъ, леса и, быть можетъ, даже какую-нибудь крупную рѣку. Не то въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи. На всемъ этомъ протяженіи лишь безпредѣльная, гладкая, какъ столъ, равнина разстилается передъ путникомъ. Ни ложбинки, ни деревца, ни ручейка. Лишь одну слободу (Ново-Троицкую) пересѣкъ я въ первый разъ на своемъ пути, да гдѣ-то далеко въ сторонѣ остались одинокіе серые хутора.

Но именно въ этомъ однообразіи, въ этой идеальнейшей равнинности и заключается географической интересъ даннаго мѣста. Здѣсь-то при полномъ отсутствіи чего-

---

¹ Авторъ имѣлъ возможность сравнительно хорошо ознакомиться съ Асканіей-Новой благодаря любезному радушію владельца цѣлины Ф. Э. Фальць-Фейна, передавшего через В. И. Талиева пожеланіе о ботаническомъ изслѣдованіи его степи, и считать себя обязаннымъ выразить здѣсь Фридриху Эдуардовичу Фальць-Фейну благодарность за гостепріимство.

либо вторичного мы можем ожидать встретить те первичные условия, которые царили, начиная от момента отступления великого Арало-Каспийского бассейна. Здесь-то мы можем встретить те идеальнейшие степи, каких нет и быть не может на всем остальном протяжении южной России.

Возвращаясь, однако, к впечатлениям первой моей поездки по этим краям.

Выехать из Ново-Алексеевки мне пришлось под вечер. Кругом тянулись однообразные пашни. Лишь кое-где по ним стояли необрушенные копны хлеба, да скирды соломы. По дороге всюду тянулись длинные вереницы жокарь с хлебом. Жива окончились (была середина июля) и шла деятельная перевозка сжатого хлеба с полей, а обмолоченного зерна - на железнодорожную станцию.

Так я ехал верст 10-15. Казалось, что в этой, как столь, равнине трудно когда-либо съехать с одного места.

Все время на горизонт маячили с одной стороны покинутая мною железнодорожная станция, а с другой - церковный купол какого-то отдаленного селения.

Но вот маленькое понижение, и я спустился в «под». Оказалось, что и на этой почти идеальной равнине при ближайшем знакомстве можно найти различные колебания в рельефе. Среди них особенное место занимают Поды. Так в Таврической, Херсонской, Екатеринославской и некоторых других степных губерниях называют замкнутые безсточные котловины. Относительная глубина таких котловин редко превышает 3-4 сажени. Поперечник же колеблется от 1 до 10 верст. Наиболее крупные поды встречаются ближе к Черноморскому побережью. С удалением же от него, повидимому, господствуют поды не шире 1-3 верст, а то и гораздо меньше. Таковы, например, поды или баклуши Полтавской губернии. Но в Таврической губернии встречаются поды, поперечник которых превышает 10 верст. Таковы, например, поды Домузглы, Айгманской и нек. др. Старожилы рассказывают, что раньше на дне подобных низин стояла целое лето вода и росли целые леса куги² и тростника. Однако, с распашкой степей озера постепенно усохли, и в результате мы имеем лишь небольшие понижения, которые неопытный человек, утомленный однообразной дорогой, пожалуй, и не заметит.

Между прочим, с такими подами связано любопытнейшее явление. Это - фата-моргана пустыни. В знойный день среди степных равнин накаленный воздух поднимается от накаленной земли, и горизонт всегда кажется несколько надорванным, колеблющимся, как занавеска с бахромой. И вот, если вы подъезжаете к какому-нибудь отдаленному предмету, то он не кажется вам стоящим на земле, но как-бы поднятым в воздух. Это - мираж. Если же перед отдаленным предметом находится небольшое понижение, еле заметное на глаз, или же атмосферные условия весьма благоприятны описываемого явления, то полоска неба под отдален-

² т. е. камыша (*Scirpus lacustris* и *Tabernaemontani*).

нымъ предметомъ расширяется, и наблюдатель видитъ въ этой прозрачной полосѣ обратное изображеніе предмета. Передъ нимъ – фата-моргана пустыни. Само собою разумѣется, что при колеблющемся горизонтѣ отдаленные предметы пріобрѣтаютъ самыя причудливыя формы, при чемъ скирда превращается въ башню, сарай въ дворецъ, рядъ копенъ въ тенистый садъ на берегу обширнаго пруда.

Обстоятельства заставили меня ѣхать ночью. Быстро закатилось солнце и погасла вечерняя заря. На небѣ зажглись звѣзды. Чѣмъ дальше, тѣмъ темнѣе и темнѣе становилась ночь, а звѣзды все ярче и ярче горѣли на темномъ небѣ. Кругомъ ни зги. На горизонтѣ ни огонька. На разстояніи 10 шаговъ невозможно отличить лошадь отъ человека, и лишь яркія блестящія звѣзды какъ то особенно успокаивающе и ласково сіяли въ небесной глубинѣ. Огненно горѣли Вега, Арктуръ, Альдебаранъ. Приветливо светились 7 звездъ Большой Медведицы. Где-нибудь въ средне-русскомъ городе никогда нельзя увидеть той блестящей картины звезднаго неба, которой можно любоваться въ здешнихъ степяхъ. Городскіе огни, зданія, деревья и наконецъ – отсутствіе изумительной прозрачности воздуха свойственной этимъ степнымъ местностямъ, все это скрадываетъ три четверти картины восхитительнейшаго южнаго звѣднаго неба.

Лишь утромъ я подъезжала къ Асканіи. До сихъ поръ на всемъ пути тянулись однообразныя пашни, но вотъ началась и целина. Уже не менѣе полчася я ехала ковыльной степью. Посвюду куда только хватала взглядъ, пестрели золотисто-зеленыя султаны ковыля тырсы (*Stipa capillata*), чередуясь съ зарослями полыни, молочая и совершенно выбитыми скотомъ толоками. То тамъ, то сямъ среди степи бѣлѣли сараи-загоны для скота и виднелись огромныя стоги степнаго сена. Торопливо поедая остатки травы, тучами проходили стада овецъ, сопровождаемая обычно однимъ или двумя чабанами. На горизонтѣ вездѣ чудились миражи, причудливо искажавшіе действительность, стоги, сараи и копны. Все это какъ-бы плавало, волнуясь и колыхаясь въ воздухѣ при дивной безоблачной выси. Солнце-же палило все сильнее и сильнее. Наконецъ, вдали показалась какая-то темная полоса. Сначала она была связана съ горизонтомъ, но потомъ линія миража какъ-бы вдвинулась между нею и горизонтомъ, и она заволоновалась среди прозрачнаго неба. Это былъ паркъ Асканія-Нова. Минуть десять длился миражъ, но затемъ, при дальнейшемъ приближеніи, темная полоса парка снова «спустилась на землю». Еще минутъ 20, и я въѣзжала въ самую экономію.

Объ Асканіи писалось уже не мало. Помимо спеціальныхъ изданій русскихъ и иностранныхъ, имеются также статьи и въ русскихъ популярно-научныхъ изданіяхъ («Естествознаніе и Географія», «Вестникъ Знанія», «Природа и Люди», «Природа»). Въ выпущенномъ недавно Крымскимъ О-мъ Естествоиспытателей «Путеводителе по Крыму» есть, между прочимъ, важная практической указанія относительно того, какъ добраться до Асканіи. Стоимость проезда, однако, тамъ преуменьшена. Въ 1914 году отъ Ново-Алексѣвки до Асканіи брали не менѣе 10 рублей въ конецъ. Однако, боль-

шинство работ, особенно популярных, посвящая весьма много внимания исключительной достопримечательности Асканіи-зоопарку, почти ничего не говорят о другой достопримечательности ея — о степномъ заповеднике. Такъ, напр., въ названномъ «Путеводителе» о немъ не сказано ни одного слова³. Между тѣмъ, по широте замысла и выполнению, степной заповедникъ Фридриха Эдуардовича Фальць-Фейнъ превосходитъ собою, пожалуй, все, что ранее делалось и делается въ этомъ направлений.

Экономія Асканія-Нова, или же, какъ ее называютъ крестьяне, «Чапли», расположена въ центре огромнаго прямоугольника целинной степи въ 15 тысячъ десятинъ (всего въ экономіи сколько более 20 тысячъ десятинъ). Вся она разделена на кварталы по 40 десятинъ въ каждомъ (300 X 320 квадр. саж.).

Кварталы эти отдѣляются другъ отъ друга широкими межами (шире сажени). Часть степи выкашивается, часть же выпасается овцами (Ф. Э. Фальць-Фейну принадлежатъ 50 тысячъ головъ овецъ). По мѣрѣ выбиванія степи, она пускается снова подъ покосъ, при чемъ нормальная степная растительность постепенно возстанавливается. Что же касается до пашни, то она кольцомъ окружаетъ степной массивъ, почти не заходя въ него.

Изъ этого огромнаго участка степи Ф. Э. Фальць-Фейнъ выдѣлилъ въ 1888 г. 1000 десятинъ близъ участка «Кролики» и изъялъ совершенно изъ эксплуатаціи до покоса и самой пастбы включительно. Однако, этотъ первый опытъ степнаго заповѣдника былъ не особенно удаченъ, такъ какъ участокъ оказался расположеннымъ на мѣстѣ стараго солевознаго чумацкаго тракта, шириина котораго достигала 2 верстъ. Несмотря на отдаленность того времени, когда здѣсь ездили чумаки, нормальный степной покровъ возстанавливался весьма туго. Попрежнему среди степи оставались большія плешины съ явно сорной растительностью. Попрежнему вдоль заповѣднаго участка заметны были глубокія борозды отъ колесъ чумацкихъ телѣгъ.

Не удовлетворившись этимъ опытомъ, Ф. Э. началъ искать среди своихъ степей другой участокъ съ наименее поврежденной растительностью, чтобы на немъ уже выделить новый заповедникъ. Вскоре такой участокъ былъ найденъ и на немъ въ 1898 г. было выделено 600 десятинъ въ двухъ мѣстахъ. Старый же участокъ былъ пущенъ подъ покосъ.

Новые участки расположены близъ экономіи. Одинъ изъ нихъ примыкаетъ къ дороге въ сл. Громовку (лежащей между Асканіей и Новой-Алексѣевкой), а другой окружаетъ не широкой полосой частоколь зоопарка. Первый, большой участокъ, около 500 десятинъ, занимаетъ ровную открытую степь и подходитъ къ небольшой подинкѣ, во влажные годы наполняющейся водой. Второй же участокъ, около 120 десятинъ, занимаетъ окраину «Большаго Чапельскаго пода».

³ О растительности Асканіи см. статьи І. Пачоскаго, В. Алехина популярная "Вѣсникъ Воспитанія" 1912, №№ 1 и 2) и ряда других. Сводка мною будетъ дана въ статьѣ «Очеркъ лѣтно-осенней растительности Асканіиской степи» etc.

Оба участка расположены довольно близко к экономии, что в значительной степени облегчает контроль их действительной охраны. Форма большого участка неправильна. Наибольший его поперечник достигает $2\frac{1}{3}$ версть. С одной стороны он примыкает к большой дороге в Громовку, с другой — к дороге в Успенку. С третьей стороны (на восток) к участку примыкают сенокосные земли, очень хорошей сохранности. С севера участок граничит с слабо выпасываемой степью.

Чтобы защитить степь от всѣх влияній, приняты меры, заключающіяся в следующем. Со стороны большой Громовской дороги заповедник отделяется неширокой полосой пашни, гарантирующей его от захода и заезда едущих по дороге. Затем, со стороны «Старого этапа» и Успенской дороги, а также и вдоль полосы пашни со стороны Громовской дороги заповедник тщательно обкашивается, чтобы предохранить его от случайного пожара, могущаго возникнуть вследствие неосторожности живущих в Старомъ этапѣ⁴. Развитію подобнаго пожара весьма содействует та масса сухого матеріала, который скопляется на заповеднике к осени.

Такимъ образомъ, заповедникъ окруженъ прежде всего несколькими кольцами, предохраняющими его отъ непосредственнаго случайнаго вторженія постороннихъ элементовъ. Но этимъ дѣло не ограничивается. Съ восточной, наиболѣе широкой, стороны большаго защитнаго участка к нему, какъ сказано, примыкаетъ весьма недурно сохранившаяся сѣнокосная степь. Она и является слѣующимъ охраннымъ барьеромъ для заповѣдника. Лишь за нею идутъ сплошь выпасываемые районы, а уже за последними идетъ пашня.

Итакъ, совершенно незамѣтно для посторонняго взгляда заповѣдникъ въ действительности является объектомъ самаго тщательнаго попеченія и научно-раціональной охраны. Вся система хозяйства Асканіи сознательно была до сихъ поръ направлена къ тому, чтобы побольше сохранить вообще девственной целины и, кроме того, сохранить участокъ, по возможности, вполне воспроизводящій типъ настоящей дѣвственной доисторической степи.

Когда вникнешь во все это, то невольно проникаешься данью уваженія передъ высоко просвѣщенной инициативой владѣльца Асканіи-Нова и хочется, чтобы его примѣръ находилъ себѣ подражателей. И, ведь, все это делается не присяжнымъ ботаникомъ, Ф. Э. Фальцъ-Фейнъ является скорее спеціалистомъ въ области зоологіи и зоогеографіи и даже не ученымъ вообще, а простымъ истиннымъ любителемъ природы. Невольно приходитъ на мысль судьба Докучаевскаго заповедника на Деркульской степи, Старобельскаго уезда, такъ безжалостно забытаго и покинутаго последователями и учениками великаго русскаго почвовѣда.

Но заповедный участокъ Асканіи является не только объектомъ охраны. Онъ является также объектомъ весьма интересно поставленныхъ опытовъ, имеющихъ целью

⁴ Такой пожаръ несколько летъ тому назадъ дѣйствительно случился.

приблизить его къ настоящимъ первобытнымъ степямъ. И это делается опять-таки по инициативе владельца лишь съ некоторой консультаціей со стороны извѣстнаго исследователя южной Россіи І. К. Пачоскаго. Дѣло въ томъ, что длительныя наблюденія надъ этимъ участкомъ обнаружили рядъ не вполне понятныхъ фактовъ в жизни его растительности. Къ нимъ необходимо отнести внезапное вымирание ряда ковыльных кочекъ, появление массы явно сорной растительности, угнетеніе остатками прошлогоднихъ стеблей свѣжей растительности и нѣк. др. В связи со всѣмъ этимъ растительность заповѣдника въ неудачные годы выглядываетъ гораздо хуже чѣмъ можно было ожидать. Какъ на главную причину вымирания ковылей, Ф. Э. указываетъ на заселение участка огромнымъ количествомъ насекомыхъ, изгоняемыхъ изъ сенокосной и пастбищной степей усиленной эксплуатаціей. І. Пачоскій же смотритъ на вопросъ нѣсколько иначе.

Онъ предполагаетъ, что плохой видъ цѣлины является слѣдствіемъ отсутствія пастыби (конечно, весьма умѣренной) и связанныхъ съ ней втоптыванія сѣмянъ в землю и уничтоженія остатковъ прошлогоднихъ стеблей. Онъ говоритъ, что настоящей дѣвственной необитаемой степи всегда имѣется достаточное количество крупныхъ животныхъ. Въ виду этого Ф. Э. Фальцъ-Фейномъ былъ организованъ выпасъ степи начала зимній — овцами. Смысль этого выпаса былъ тотъ, что овцы уничтожали засохшіе стебли и этимъ самымъ доставлялся проторъ побѣгамъ слѣдующаго лѣта. Однако, зимнихъ выпасовъ оказалось недостаточно и въ настоящее время производится умѣренные лѣтне-осенніе выпасы крупными животными зоопарка: яками, зебрами, олене-быками и нѣк. др. Насколько улучшили эти выпасы состояніе заповѣдной степи, сказать сейчасъ очень трудно. Вопросъ же о причинахъ вышеописанныхъ явленій въ жизни ковылей еще не рѣшенъ и ожидаетъ своего будущаго изслѣдователя.

Въ общемъ Асканійская степь еще весьма мало исследована, по крайней мѣрѣ въ соответствии съ тѣми масштабами, въ которыхъ поставлено самое созданіе заповѣдника. До сихъ поръ мы имѣемъ лишь несколько статей А. Янаты и, въ особенности, І. Пачоскаго, производившаго наблюденія наѣздами въ теченіе 10 лѣтъ. Посещалъ же Асканію Пачоскій 1 — 2 раза въ лѣто, при чемъ въ теченіе ряда лѣтъ степь осталась безъ осмотра, а время посѣщенія в другіе годы пришлось на август-сентябрь мѣсяцы. Въ результатъ этихъ изслѣдованій мы имѣемъ лишь общую картину, которую представляетъ собой растительность этихъ частей Днепровскаго уѣзда. Однако, даже полный систематическій составъ степи остался невыясненнымъ и каждое новое посещение степи даетъ новыя, еще не замѣченныя здѣсь формы.

Такимъ образомъ. ближайшей задачей будущаго является детальное и притомъ стационарное изслѣдованіе Асканійской степи. Самъ владѣлецъ готовъ сделать все возможное для осуществленія этого изслѣдованія. Но, не смотря на это, дѣло изслѣдованія до сихъ поръ не налаживается, вызывая вполне справедливые упре-

ки нашему ученому міру со стороны Ф. Э. Фальць-Фейна. Объ этомъ приходится особенно пожалѣть, так как Асканійская цѣлина представляетъ особенно благопріятныя рѣдкія условія для точнаго наблюдения жизни степей и обѣщаетъ дать много новаго въ этомъ направленіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо чтобы дѣло этого изслѣдованія было всесторонне освѣщено въ нашей литературѣ, а не являлось дѣломъ одного-нѣсколькихъ лицъ. Только при самомъ широкомъ сотрудничествѣ ряда спеціалистовъ можно ожидать работъ, могущихъ создать эпоху въ исторіи изученія южно-русскихъ степей. Въдѣ до сихъ поръ намъ не известны самыя элементарныя явленія в біологіи нашихъ степей. Почти не изслѣдованы до сихъ поръ корневыя системы нашихъ степныхъ растений, ближе не изучена анатомія ихъ стеблей и листьевъ, неизвестна даже исторія индивидуальнаго развитія степныхъ злаковъ и т. д., и т. д.

Но не только одного изслѣдованія можно ожидать отъ Асканійской степи. Гораздо болѣе рачіональнымъ было бы организовать постоянную опытную Степную станцію, которая могла бы функционировать неопределенно продолжительное время и обогащать науку все новыми и новыми данными. Въдѣ, область стаціонарнаго изслѣдованія с широкимъ применежемъ эксперимента такъ же неограничена какъ и сама наука. Примѣненіе всего этого, нужно думать внесло бы яркій свѣтъ въ доселе не изслѣдованную область. Въ настоящее время очень много говорятъ о растительныхъ сообществахъ, формаціяхъ, ассоціаціяхъ и пр. Все это является предметомъ обсуждения на всемірныхъ съездахъ, конгрессахъ, но до сихъ поръ почти нѣтъ попытокъ проникнуть въ основныя законы жизни элементарной единицы растительнаго сообщества — растительной ассоціаціи (по опредѣненію Брюссельскаго конгресса). Поэтому до сихъ поръ все вращается въ области установленія или номенклатуры, или внѣшней фізіономіи, или цифрового учета, безъ систематическихъ попытокъ проникнуть внутрь этого въ высшей степени сложнаго явленія⁵.

А, между тѣмъ, отъ разрѣшенія всего этого зависитъ столько очередныхъ вопросовъ ботанической географіи, и, между прочимъ, нашего стараго наболѣвшаго степного вопроса! Но не только чистая наука должна получить отсюда богатую жатву. И прикладная ботаника, въ частности луговодство и борьба съ сорными растеніями точно такъ же нуждаются въ подобнаго рода изслѣдованіяхъ (см. ниже упоминаемую статью І. Пачоскаго).

Попытка установить планъ подобной степной станціи заключается въ статьѣ І. Пачоскаго «Современныя задачи изученія растительнаго покрова» («Зап. О-ва Сельскаго Хозяйства Южной Россіи», 1910 г., № 3), къ которой я и отсылаю интересующихся. Но это, конечно, лишь попытка, нуждающаяся въ самомъ широкомъ освѣщеніи и обсужденіи.

⁵ Исключеніемъ въ русской литературѣ являются работы Морозова о лѣсѣ, а также нѣкоторыя работы В. Н. Сукачева («Введеніе въ ученіе о растительныхъ сообществахъ») и Б. А. Келлера.

Само собою разумѣется, что для широкаго освещѣнія степного вопроса совершенно недостаточно одной Асканійской степи. Въ случае осуществленія станціи въ Асканіи, значительно расширяеть горизонты то обстоятельство, что Ф. Э. Фальц-Фейнъ имѣеть кроме Асканійской степи, степь Елизаветфельдъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ и степь «Кульбатинъ» они на берегу Чернаго моря, при устьѣ Каланчака⁶. Степи какъ Елизаветфельда, такъ и Кульбатина значительно разнятся отъ степи Асканіи, и это самое уже способно почти до безконечности расширить дѣло даже предварительнаго изслѣдованія.

Если Асканія-Нова посѣщалась уже много разъ различными ботаниками, то о другихъ степяхъ Ф. Э. мы имеемъ лишь самыя отрывочныя свѣденія.

Мне представляется дѣло изслѣдованія южно-русской степи вообще сосредоточеннымъ въ рядѣ особыхъ опытныхъ станцій, планомѣрно распредѣленныхъ по всей ея поверхности. Эти станціи смогутъ быть отдѣльнями одной главной наиболее крупной. Само собою разумеется, что для отдѣльныхъ районовъ можно выработать типъ временной станціи, тѣмъ болѣе, что для обслуживанія большаго числа станцій у насъ нехватитъ ни средствъ, ни спеціалистовъ. Но для извѣстнаго минимума должны найтись и средства, и спеціалисты. Не то, лѣтъ черезъ 50 когда отъ всѣхъ нашихъ степей не останется и жалкихъ остатковъ, будущущий боганико-географъ помянетъ горькимъ словомъ, насъ, еще имевшихъ, но несумевшихъ.

Чтобы закончить настоящую статью, я въ заключеніе считаю не лишнимъ дать краткое описаніе растительности степи и ея смены, начиная от ранней весны и кончая поздней осенью.

Жизнь на Асканійской степи начинается уже съ марта месяца. Первыми цвѣтутъ желтые и пурпуровыя тюльпаны, бледно-розовыя валерьяны (*Valeriana tuberosa*), и разноцвѣтные ирисы, или «петушки» какъ ихъ здѣсь называютъ (*Iris pumila*). Это періодъ самый яркій, красочный. Ни одно растеніе изъ позже цвѣтущихъ не можетъ сравниться съ ранне-весенними по своей красоте.

Въ концѣ апрѣля ранне-весенняя растительность увядаетъ и начинаетъ заменяться поздне-весенней, во главе съ перистыми ковылями. Кромѣ нихъ здѣсь еще встречаются типчакъ, пыреи и нѣкоторые др. злаки, но они совершенно теряются среди блестяще-бѣдыхъ ковылей съ ихъ поникшими султанами.

Значительная часть почвы между ковыльными кочками остается не занятой растительностью; лишь кое-гдѣ здѣсь ютятся некрупные однолѣтники, корковые лишайники или же единичные экземпляры крупныхъ красиво-цвѣтущихъ многолѣтниковъ. Впрочемъ, послѣднихъ сравнительно немного на Асканійской степи и въ годы сильнаго развитія ковылей они совершенно теряются въ ихъ бѣломъ морѣ. Среди такихъ много-лѣтниковъ можно указать: коровякъ фіолетовый (*Verdfscum*

⁶ Незначительной степной рѣчки, совсѣмъ пересыхающей летом.

phoeniceum), гвоздика головчатая (*Dianthus capitatus*), зопник клубненосный (*Phlomis tuberosa*) и нѣк. др.

Изъ-года въ годъ степь развивается не одинаково. Въ особенно благоприятные годы перистые ковыли достигаютъ в согнутомъ состояніи высоты пояса. Въ другіе же годы перистые ковыли еле превышаютъ колѣна и сильно маскируются прошлогодними сухими стеблями осенняго ковыля-тырсы.

Но вотъ къ срединѣ іюня перистые ковыли окончательно осыпаются зерновки и на смѣну имъ является «волосатый» зеленый ковыль-тырса (*Stipa capitata*). Степень его развитія таки бываетъ не одинакова. Иногда его высота съ поднятыми остями доходить 180 см., въ другіе же годы онъ едва достигаетъ 100 см. При этомъ ости его вполне созревшихъ зерновокъ едва выходятъ изъ-подъ влагищаго листа. Подобная неравномерность въ развитіи ковылей зависитъ прежде всего, отъ осадковъ при этомъ тырса зависитъ отъ лѣтнихъ дождей гораздо более, чѣмъ перистые ковыли, пользующіеся влагой от зимняго снѣга. На окружающей заповѣдную степь сѣнокосной степи *Stipa capitata* рѣдко достигаетъ въ настоящее время своихъ максимальныхъ размеровъ. Однако, для прежнихъ временъ эта величина была нередкой. Объ этомъ можно судить потому, что раньше въ хозяйствахъ имелись даже спеціальныя громоздкія машины для уничтоженія тырсы, весьма вредной для овцеводства. Путемъ ряда зубчатыхъ колесъ движеніе колесъ передавалось ножу, вращавшемуся со страшной быстротой въ горизонтальной плоскости недалеко отъ уровня земли и такимъ образомъ разбивавшему крупныя ковыльныя кочки. Двѣ такихъ машины, уже бездѣйствующихъ, сохранились еще у Ф. Э. Одна изъ нихъ и изображена на прилагаемомъ рисункѣ.

Вмѣстѣ съ ковылемъ-тырсой появляется рядъ другихъ лѣтне-осеннихъ растений. Это кермеки (*Statice tatarica* и *sareptana*), синюха полевая (*Eryngium campestre*), нѣсколько луковъ, рѣзакъ, - *Falcaria Rivini* и нѣкоторыя др. Часть изъ нихъ, какъ резакъ, оносма, *Brassica elongata*, синюха полевая, зопникъ перекаати- поле и нѣк. др. принадлежать къ биологической группѣ «перекаати поле». По созрѣваніи сѣмянъ эти растения легко отламываются отъ корня. Форма шара, которую придаютъ имъ многочисленныя растопыренныя вѣтви, позволяетъ имъ безпрепятственно кататься по степи и разбрасывать, такимъ образомъ, свои семена. Первой созреваетъ *Brassica elongata* (въ началѣ іюня), затемъ следуютъ оносма, зопникъ; къ концу августа появляется *Falcaria Rivini* и, наконецъ, позже другихъ - массивные шары *Eryngium campestre*.

Уже во второй половинѣ августа зацвѣтаютъ послѣдніе осенніе цветы: вѣтвистая бѣловолочная астра (*Linosyris villosus*) и степная полынь (*Artemisia austriaca*). Съ ихъ отцвѣтаніемъ и заканчивается лѣтняя жизнь степи.

Такова растительность ровной степи. Что же касается до пониженій, главнымъ образомъ, подовъ, то тамошняя растительность отличается нѣсколько большей влаголюбивостью. Затопляются водой поды большей частью только весной. Лѣтомъ же они почти

всегда сухи. Лишь в исключительные годы вода держится в них до середины лета. Тогда в пределах затопленного района погибают сначала ковыли, а затем и типчак. На смену им появляются подовый пырей, «собачье мыло» (*Gypsophila muralis*) и нк. др., а также растения, в засушливые годы не развивающиеся совершенно. Повидимому, неблагоприятное время они сохраняются лишь в виде семян и жизнеспособных корневищ. Таким образом, раз в десять лет эти растения нормально развиваются, цветут, плодоносят, а затем снова угасают на многие годы. Явление, по истине, не лишнее своеобразной оригинальности. Любопытно, что при этом иногда вдруг появляются совершенно неожиданные растения. Так, в один из таких дождливых годов самому Ф. Э. Фальц-Фейну удалось в поду найти крайне редкое у нас растение, очень похожее на частуху (*Alisma*)—*Damasonium stellatum*.

В засушливые годы растительность высокой степи снова начинает заселять поды. Сначала здесь появляется типчак, при чем вначале он развивается, главным образом, на путях протаскивания степного сена, сходящихся у крупных стогов. Усиленное обсеменение и вдавливание семян в землю видимо значительно способствует его укоренению. Следующими являются уже ковыли. Так заселение поды продолжается до новой влажной весны, когда одно затопление поды сразу уничтожает плоды многолетнего вторжения степи.

Такова Асканийская степь. Не богата она формами, но человеку, захотевшему бы в наилучших условиях глубже проникнуть в тайны растительного покрова, она представит источник высшего наслаждения и неисчерпаемое поле для плодотворной научной работы.

Козлов П. К.

Аскания - Нова.

Первые опыты акклиматизации животных в России.

"Постоянная комиссия народных чтений при Министерстве Народного Просвещения". № 309, 1915. 43 с.

Большое значение в будущем для развития сельско-хозяйственного и промышленного торгового дела, а также для научных исследований имеют опыты так называемой акклиматизации различных животных и растений. Всем известно, что каждой полосе земного шара, каждому климату, свойственны те или другие животные и растения. Живущий в полярных странах белый медведь не встречается уже даже в нашем, умеренном климате; львы водятся только в Африке, слоны только в троп-

пической части Африки и Азіи, ламы – въ южной Америкѣ, и то только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Человекъ съ давнихъ поръ приручалъ разныхъ животныхъ, изъ дикихъ дѣлалъ ихъ домашними.

Переходя съ человѣкомъ въ разныя части земного шара, въ различные климаты, одни изъ этихъ животныхъ вымирали, исчезали, другія же приспособлялись къ новымъ условіямъ и продолжали давать потомство, таковы напр. лошадь, вѣроятно приведенная въ незапамятныя времена изъ средней Азіи, корова, индѣйскія куры, фазаны; изъ растений укажемъ на картофель, родина котораго – средняя Америка, распространенный въ настоящее время по всей Европѣ и представляющій одинъ изъ главныхъ пищевыхъ продуктовъ.

Такое приспособленіе животныхъ и растений, взятыхъ изъ однихъ условій ихъ жизни къ другимъ, называется акклиматизаціей. Древній человекъ, акклиматизируя своихъ домашнихъ животныхъ, дѣйствовалъ безсознательно.

Переселяясь съ одного мѣста на другое, онъ тащилъ за собой весь свой скарбъ, въ томъ числѣ и полезныхъ ему домашнихъ животныхъ; но съ теченіемъ вѣковъ, по мѣрѣ развитія промышленности и торговли, явились опыты акклиматизаціи такого рода животныхъ и растений, которыя представляли извѣстныя выгоды въ этомъ отношеніи, или служили къ улучшенію существующихъ въ данной мѣстности породъ. Такъ, наша холмогорская порода коровъ появилась и развелась благодаря тому, что Императоръ Петръ I выписалъ въ Холмогоры коровъ изъ Голландіи; эта порода тамъ акклиматизировалась и дала новую, улучшенную породу, рослую и, противъ обыкновенной русской коровенки, болѣе молочную. Кто не знаетъ, какое торговое значеніе имѣетъ овечья шерсть? Почти все, что въ нашей одѣжде есть шерстяного, делается изъ овечьей шерсти; конечно, чѣмъ лучше шерсть, чѣмъ она мягче и длиннѣе, тѣмъ она лучше обрабатывается, тѣмъ лучшіе сорта матерій изъ нея получаютъ. Въ Германіи и Англии, какъ странахъ особенно промышленныхъ, уже давно обратили вниманіе на улучшеніе породъ овецъ посредствомъ выписки и акклиматизаціи длинношерстныхъ породъ.

I.

Въ концѣ XVIII столѣтія въ Германію ввезли изъ Испаніи прекрасную породу овецъ мериносовъ и вскорѣ въ этой странѣ начало усиленно развиваться овцеводство. Въ числѣ такихъ разводителей мериносовъ былъ одинъ германскій владѣтельный князь – герцогъ Ангальтскій. Въ его герцогскихъ имѣніяхъ держали свыше ста тысячъ головъ мериносовъ, такъ что Англія, славившаяся производствомъ суконъ, получала шерсть главнымъ образомъ изъ Ангальта. Но, чтобы получить еще бѣольшую выгоду отъ этого дѣла, чтобы имѣть возможность еще увеличить число овецъ, нужно было найти такія пастбища, гдѣ могло бы прокормиться и пастись огромное количество скота; такими пастбищами являются наши южныя степи. Съ другой стороны и русское пра-

вительство уже давно обратило внимание на разведение овец в больших степных пространствах страны. Оно стремилось, главным образом, к разведению благородных пород, с тонким руном, дающим хорошей доход.

Как только в Ангальт стало известно об этом намерении России, тотчас же было решено вступить в переговоры с Россией, относительно доставки улучшенных пород овец. С этим был связан дальнейший план — иметь Россию выгодным рынком для постоянной поставки овец. С этой целью Ангальт желал основать в России свою собственную колонию, в которой занимались бы преимущественно овцеводством, в связи с развитием и других выгодных промыслов.

В 1826 году, главный управляющий имениями герцога Ангальт-Кетенского, Альберт, обратился к русскому агенту в Лейпциг, статскому советнику фонь-Фрейгану с письмом, в котором подробно изложил свою идею относительно основания ангальтской колонии в южной России. Указав на то, как образцово поставлено овцеводство в Ангальт-Кетен, Альберт объяснил русскому агенту всю пользу, которую Русское государство может получить от разведения племенных овец. В 1827-ом году герцог Ангальт-Кетенский решил послать письмо Императору Николаю I, в котором обращался с просьбой одобрить его план...

Император ответил чрезвычайно благосклонно, что план возбудил в нем живой интерес.

В сентябрь 1827-го года уполномоченные герцога прибыли в Россию и, в сопровождении русского чиновника, проследовали через Бресть-Литовск в Житомир, откуда совершили несколько поездок по южным окраинам России. Поблизости между прочим Одессу, которая тогда была главным рынком для сбыта шерсти и имела постоянные сношения с Херсонью, Крымом и всей Тавридой, уполномоченные тотчас уяснили себе значение этого города, как портового центра, и увидели необходимость обосноваться где-нибудь поблизости в имении, располагающем наиболее удобными путями сообщения с Одессой. После долгих колебаний, выбор их наконец пал на местность, которая значилась на карте генерального межевания под именем «Степь № 71»; она во всех отношениях соответствовала их требованиям и желаниям... Вблизи находился Перекоп, обещавший дешево доставлять камни, немного дальше — Раковка на Днепр, также сулившая дешевый лес.

3 марта 1828 г. был издан указ относительно молодой колонии, а 22-го уполномоченный уже сообщил домой о полном окончании своей миссии по следующим пунктам:

1) Император Всероссийский дает разрешение на устройство колонии в Таврической губернии, которую герцог Ангальтский предлагает учредить из своих подданных.

2) Подъ сіе поселеніе назначаються въ Таврической губерніи избранные герцогскими депутатами свободные участки земли.

Поселеніе сіе возвращается въ собственность казны, ёсли въ ономъ, по истеченіи десяти лѣтъ, не будетъ находится по меньшей мѣрѣ двадцати тысячъ овецъ улучшенной породы, съ потребнымъ количествомъ семействъ для содержанія сихъ животныхъ.

3) По истеченіи десяти льготныхъ лѣтъ, начиная оныя съ перваго января 1830 года, платить казнѣ ежегодной повинности за каждую десятину, съ 42.345, по 8 коп. серебромъ, а съ 6.000 десятинъ приморской земли по 15 коп. серебромъ.

Приобрѣтенное герцогомъ Фердинандомъ Ангальтскимъ именіе находится на югѣ Россіи, въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи. Теперь оно состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ участковъ степей, изъ которыхъ большій, называвшійся раньше русскими «Чапли», съ момента пріобрѣтенія ангальтскимъ домомъ, сталъ называться «Асканія-Нова», т. е. Новая Асканія; меньшій же, расположенный у моря, сохранилъ первоначальное русское или татарское названіе «Дофино». Участки расположены на разстояніи 65 верстъ другъ отъ друга и соединены между собою почти совершенно прямою дорогою, идущею, между прочимъ, черезъ казенныя степи Чаплинка и Каланчакъ.

Земледѣліемъ въ этомъ краѣ можно заниматься лишь въ скромныхъ размерахъ, такъ какъ все владѣніе—сплошная степь, въ которой почти не встрѣчается ни рѣкъ, ни ручьевъ, ни прудовъ. На этихъ обширныхъ пастбищахъ имѣются такъ называемыя «балки», т. е. долины—низины, сохраняющія больше всего сырости и дающія даже въ самые бѣдные сѣномъ годы кормъ скоту. Большую частью онѣ очень мелки, и лишь «большая балка», имѣющая діаметръ въ три версты, въ самой низкой своей части только на три фута ниже окружающаго ее берега. Въ степяхъ встрѣчаются также маленькія возвышенности или курганы, по всей вѣроятности, прежнія татарскія могилы или мѣста для караульных...

Лѣсовъ въ степи не имѣется, лишь изрѣдка встрѣчаются отдѣльныя деревья. Изъ-за глинистаго грунта, не пропускающаго сырость, нечего и думать объ облѣсеніи края въ большихъ размѣрахъ...

Изъ травъ чаще всего встрѣчается — ковыль двухъ родовъ, — майскій и поздній. Вся растительность вообще скудная.

Климатъ степей крайне переменчивый. Послѣ продолжающейся въ теченіе нѣсколькихъ нѣдель знойной жары, цѣлыми недѣлями длятся суровые холода. Наибольшая жара наблюдалась до 1842 года въ Асканія-Нова 40,25° R, сильнейшій морозъ — 24,25° R. Полгода, въ среднемъ 190 дней, въ степяхъ дуютъ восточный и сѣверо-восточный вѣтры, дѣлающіе жару болѣе выносимой, но увеличивающіе засуху. Вообще, въ этихъ мѣстахъ влаги выпадаетъ въ три раза меньше, чѣмъ въ Петроградѣ; бывали годы, какъ, напримѣръ, 1832 и 1833 гг., въ которые не замѣчалось ни снѣга, ни дождя.

II.

После окончанія цѣлаго ряда судебныхъ формальностей, 27 іюля 1828 года, въ присутствіи симферопольскаго губернатора, состоялась въ Чаплинскихъ казармахъ торжественная передача степей.

Одной изъ главныхъ заботъ ангалтскаго правительства былъ вывозъ въ ближайшемъ будущемъ достаточно большого количества овецъ въ новыя владѣнія.

Тогда же было рѣшено отправлять въ таврическое владѣніе, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, ежегодно, по одному транспорту племянныхъ овецъ, въ сопровожденіи колонистовъ, которые должны тамъ поселиться; благодаря этому въ концѣ 1830 года имѣлось въ степи около восьми тысячъ головъ племянныхъ овецъ. Задача управления состояла въ разведеніи изъ этого основнаго племени большихъ стада, а также въ правильномъ направленіи культуры всей колоніи.

Пастбище въ Асканіи-Нова, само по себѣ было очень хорошее, но въ виду того, что, согласно условію, нельзя было держать крѣпостныхъ, приходилось въ большомъ количествѣ нанимать чужихъ рабочихъ, на сдержаніе которыхъ тратилось довольно много денегъ, и такимъ образомъ сѣно все-таки обходилось очень дорого; къ счастью, большею частью, зимы бывали тогда умѣренныя, такъ что стада кормились сѣномъ всего въ теченіе нѣсколькихъ дней, но бывали годы, когда овецъ загоняли въ хлѣва и на болѣе продолжительное время, дней на 27 и даже на 45. Въ общемъ овцеводство постепенно развивалось и крѣпло. Овцы были разсортированы по тонкости шерсти и подѣлены на классы. Для того, чтобы выгоднѣе сбывать шерсть, въ которой кромѣ тонкости, цѣнилась еще и чистота, приходилось какъ-нибудь мыть овецъ. Въ степной мѣстности воды было мало, и стада гоняли купать къ Днѣпру, который протекаетъ въ 100 миляхъ отъ Асканіи-Нова.

Шерсть сбывали, главнымъ образомъ, въ Москву и Одессу, а въ теченіе первыхъ нѣсколькихъ лѣтъ – также на нѣмецкіе и англійскіе рынки.

23 августа 1830 года умеръ герцогъ Фердинандъ – основатель и покровитель молодой колоніи. На престолъ вступилъ его братъ, Генрихъ, принявъ на себя также и заботу о таврическомъ владѣніи. Для завѣдыванія этимъ имѣніемъ онъ образовалъ особое учрежденіе.

Между тѣмъ дѣла въ Асканіи-Нова были далеко не въ блестящемъ состояніи. Съ одной стороны господствовалъ полный беспорядокъ, вслѣдствіе постоянной вражды старшихъ чиновниковъ между собой и неповиновенія младшихъ, а съ другой – колонія требовала большихъ затратъ и не давала никакихъ доходовъ. Въ колонию былъ назначенъ новый управляющій.

Новому управляющему имѣніемъ было передано при его вступленіи въ должность – 15.004 головы овецъ, 48 головъ рогатаго скота и 82 лошади. Вскорѣ послѣ его назначенія всѣ отрасли хозяйства колоніи стали замѣтно подниматься.

Несмотря на сильную засуху и полный неурожай хлѣбовъ, колонія въ концѣ 1833 года приносила благоприятное впечатлѣніе. Были построены приличныя жилища для тридцати семействъ, заль для богослуженій, школа, водоподъемная машина, снабжавшая всю деревню водою изъ колодца, глубиною въ 10 сажень, большой кирпиче-обжигательный заводъ и еще много различныхъ болѣе мелкихъ сооружешей.

Наконецъ, въ 1834 году, первый разъ за все время существованія колоніи, былъ высланъ въ Кетень чистый доходъ, въ размѣрѣ 10.000 талеровъ, полученный почти исключительно съ овцеводства. Теперь овецъ было уже около 24.000 головъ, которыя были подраздѣлены по качеству шерсти на пять классовъ; это давало поводъ думать, что выгода отъ продажи шерсти съ каждымъ годомъ будетъ повышаться.

Однако надежды на дальнѣйшее блестящее развитіе хозяйства не осуществились. До 1840 года колонія аккуратно высылала на родину нѣкоторый капиталъ, но он далеко не соотвѣтствовалъ темъ затратамъ, которыхъ требовало имѣніе.

Всѣ сосѣди единодушно выражали свое порицаніе управленію имѣніемъ, говоря: «Дурная слава всего хозяйства Асканіи-Нова составляетъ предметъ всеобщей насмѣшки, такъ какъ степь всегда управлялась самымъ ужаснымъ образомъ». Всѣ были того мнѣнія, что герцогъ Ангальтскій долженъ обладать несмѣтными богатствами, если оставляетъ безъ вниманія эту запущенность хозяйства именія. Вскорѣ стали ходить слухи о продаже колоніи.

Двадцать третьяго ноября 1847 года умеръ герцогъ Генрихъ, который такъ интересовался покровительствуемой имъ колоніей и всячески поддерживалъ ее. Съ его смертію прекратился и родъ герцоговъ Ангальтъ-Кетенскихъ. Было ясно, что теперь дальнѣйшее существованіе Асканіи-Нова будетъ лишь вопросомъ времени. Наслѣдники съ большою неохотою вступили во владѣніе Асканіей-Нова и, ознакомившись ближе съ ея хозяйствомъ, которое въ то время было чрезвычайно плохо, въ 1849 году начали вести переговоры о продаже съ помѣщикомъ и обладателемъ стадъ въ Елисаветпольѣ – Фейномъ, прадѣдомъ нынѣшняго владельца Асканіи, Ѳ. Э. Фальць-Фейна; въ августѣ 1856 года колониальное имѣніе Ангальтовъ – Асканія-Нова, въ количествѣ сорока восьми тысячъ десятиныхъ, перешло въ руки крупнаго землевладѣльца на югѣ Россіи, Ѳедора Ивановича Фейна – прадѣда нынѣшняго обладателя Асканіи-Нова. Единственная дочь Фейна, Елизавета Ѳедоровна, вышла замужъ за помещика Фальца, который вмѣстѣ со всѣми имѣніями Ѳедора Ивановича унаслѣдовалъ, согласно грамотѣ Императора Николая I, и фамилію своего тестя, слышавшаго въ округѣ за разумнѣйшаго общественнаго дѣятеля.

III

Нынѣшній владѣтель Новой Асканіи и основатель акклиматизаціоннаго парка Ѳеодоръ Эдуардовичъ Фальць-Фейнъ родился въ 1863 году, въ привольной Таври-

ческой степи. Въ этой степи онъ росъ, развивался, крѣпчалъ духомъ и тѣломъ, въ этой же «родной» степи онъ научился любить и проникать въ сокровенныя тайны природы. Первый гувернеръ и воспитатель Фальць-Фейна Конрадсъ – ныне инвалидъ Асканія-Нова – скоро подмѣтилъ въ своемъ ученикѣ необычное стремленіе къ степи, влеченіе къ ея растительному и животному міру, и много способствовалъ развитію мальчика въ этомъ направленіи. Конрадсъ умѣлъ во-время подвести своего питомца къ первому цвѣтку степного растенія, къ первой пѣвчей птичкѣ, въ особенности соловью, и своимъ собственнымъ увлеченіемъ легко увлекалъ ими чуткую душу мальчика. Однажды десятилѣтній Фальць-Фейнъ поймалъ зяблика и заботливо посадилъ его въ клѣтку. Любуясь опереніемъ и наслаждаясь громкимъ пѣніемъ этой птички, будущій великій другъ природы мечталъ уже объ устройствѣ большой вольеры съ птицами.¹

Мечтамъ мальчика вскоре суждено было осуществиться: въ награду за успѣшный экзамень для поступленія въ гимназію Фальць-Фейнъ получилъ отъ отца позволеніе на устройство въ саду вольеры по его усмотрѣнію. Первый зябликъ и первая вольера послужили основаніемъ всего того, что нынѣ подразумѣвается подъ асканія-новскимъ зоопаркомъ. Свои гимназическія (Херсонская гимназія) и студенческія (Юрьевскій университетъ, естественный факультетъ) каникулы Θεодоръ Эдуардовичъ бѣльшею частью проводилъ въ Таврической степи и меньшую – за границей.

Въ 1889 году Фальць-Фейнъ окончилъ университетъ и почти всецѣло отдался устройству зоологическаго сада. Его задачей было не только разведеніе овецъ, но и опыты акклиматизаціи и другихъ животныхъ, представляющихъ интересъ либо въ научномъ, либо въ промышленномъ отношеніи. По словамъ близкихъ его, садъ Фальць-Фейна росъ со сказочной быстротою. Представители животнаго міра привозились не только изъ уголковъ Россіи и Сибири, но даже изъ Средней Азіи, Америки, Африки, Австраліи... Добывъ американскаго бизона, онъ хотѣлъ во что бы то ни стало пріобрѣсти изъ Джунгаріи дикую лошадь Пржевальскаго (*Equus Przewalskii*)...

Вотъ съ этого-то вотъ времени и начинается мое личное знакомство съ Θεодоромъ Эдуардовичемъ. Въ 1896-мъ году, вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ экспедиціи, оффіціально именованной «экспедиція спутниковъ Пржевальскаго, Роборовскаго и Козлова», я встрѣтился съ Фальць-Фейномъ. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ специально посоветоваться объ организаціи экспедиціи въ Джунгарію за поимкою *Equus Przewalskii*. Съ живымъ интересомъ Θεодоръ Эдуардовичъ разспрашивалъ меня о дикой лошади, объ ея мѣстонахожденіи, о прирученіи ея местными обитателями, и страшно завидовалъ мнѣ, что я виделъ «отлично прирученнаго» жеребенка *Equus Przewalskii*, содержавшагося въ конюшнѣ люкчунскаго вана...

¹ Вольера – большая клетка, гдѣ птица можетъ свободно летать.

Самъ Н. М. Пржевальскій о лошади его имени оставилъ намъ такое описаніе: «Новооткрытая лошадь, называемая киргизами кэртагъ, а монголами таке, обитаетъ лишь въ самыхъ дикихъ частяхъ Чжунгарской пустыни. Здѣсь кэртаги держатся небольшими (5—15 экз.) стадами, пасущимися подъ присмотромъ опытнаго стараго жеребца. Вѣроятно, такія стада состоятъ исключительно изъ самокъ, принадлежащихъ предводительствующему самцу. При безопасности звѣри эти, какъ говорятъ, игривы. Кэртаги вообще чрезвычайно осторожны; при томъ одарены превосходными обоняніемъ, слухомъ и зрѣніемъ. Встрѣчаются доволно рѣдко, да при томъ, какъ сказано выше, держатся въ самыхъ дикихъ частяхъ пустыни, откуда посещаютъ водопои. Впрочемъ, описываемыя животныя, какъ и другіе звѣри пустыни, вѣроятно, надолго могутъ оставаться безъ воды, довольствуясь сочными солончаковыми растениями».

Мнѣ² лично удалось встрѣтить только два стада дикихъ лошадей. Къ одному изъ этихъ стадъ можно было подкрасться на мѣткй выстрѣль, но звѣри почуяли по вѣтру, по крайней мѣрѣ за версту, моего товарища и пустились на уходъ. Жеребецъ бѣжалъ впереди, оттопыривъ хвостъ и выгнувъ шею, вообще съ посадкою совершенно лошадиною; за нимъ слѣдовали семь, вѣроятно самокъ. По временамъ звѣри останавливались, толпились, смотрѣли въ мою сторону и иногда лягались другъ съ другомъ; затѣмъ опять бѣжали рысью и наконецъ скрылись въ пустынь. За исключеніемъ Чжунгаріи, кэртагъ нигдѣ болѣе не водится. Такимъ образомъ, прежній обширный, какъ показываютъ изысканія, районъ распространенія дикой лошади въ Европѣ и Азіи нынѣ ограниченъ лишь небольшимъ уголкомъ центрально-азіатской пустыни. Въ другихъ ея частяхъ дикихъ лошадей нѣтъ...

— «Въ нашихъ таврическихъ степяхъ, съ своей стороны говорилъ Фальць-Фейнъ, еще недавно жили тарпаны; въ дѣтствѣ мой отецъ видѣлъ такую дикую лошадь (пойманную жеребенкомъ и вскормленную при конюшняхъ) и даже катался на ней въ экипажѣ... У меня въ Асканіи-Нова уже имѣется зоопаркъ, и мнѣ очень хотѣлось бы украсить его лошадыю Пржевальскаго... Не откажите помочь совѣтомъ, какъ мнѣ добыть дикихъ лошадей...»

Живой, энергичный, любящій и понимающій природу Фальць-Фейнъ произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе, и я охотно пошелъ навстрѣчу его предпріятію.

Планъ экспедиціи обсуждался при участіи старшаго зоолога зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ, нынѣ покойнаго, Е. А. Бихнера, Д. А. Клеменса, Ѳ. Э. Фальць-Фейна и меня. Три года подрядъ (1897—1899), Фальць-Фейнъ снаряжалъ экспедиціи въ западную Монголію, потребовавшія расходовъ свыше десяти тысячъ рублей, и каждый разъ, черезъ посредство гг. Клеменса и Асанова (русскій торговецъ въ Монголіи—въ Кобдо), получалъ молодыхъ дикихъ лошадей.

² слова автора брошури

Но, увы, лошади первых двух экспедиций (1897–1898 гг.), изнуренные большим путешествием и суровостью сибирского климата заболели мотом, и большинство из них околели или в дороге, или в Аскания-Нова. Слабость и невыносливость диких лошадей справедливо приписывалась неподходящему способу ловли – догоном на откормленных скакунах. Жеребята запаливались, ослабели и никогда не могли вполне оправиться. Теодору Эдуардовичу пришлось самому выработать программу поимки диких жеребят и первоначального за ними ухода.

Только после того, как охотники стали строго следовать указаниям Фальц-Фейна, им удалось добыть несколько хороших, здоровых жеребят (ныне взрослых лошадей – с приплодом), которыми в правде гордится зоопарк Фальц-Фейна.

Таким образом, Ф. Э. Фальц-Фейн был первым, которому удалось, благодаря его настойчивости, добыть живыми несколько голов Equus Przewalskii.

IV.

С 1896 года я собирался в Таврические степи, чтобы посмотреть на привольный зоологический сад Фальц-Фейна, и на то, как в нем хорошо чувствуют себя знакомые мне азиатские антилопы, аргали, олени, или маралы, яки, а также многочисленные пернатые... Все это меня страшно тянуло, но в то же самое время продолжительные путешествия в Центральной Азии отдаляли исполнение моей мечты. И только летом (1913 года), в первой его половине, я наконец посетил Асканию-Нова и прожил в ней непрерывно пять недель... Много новых мыслей и много лучших воспоминаний вынес я из этого замечательного уголка... То, что я здесь увидел и наблюдал, во много раз превысило мои ожидания!

Всем, кому только представится малейшая возможность, советую побывать в Аскания-Нова, в особенности подобная экскурсия полезна для молодежи – будущих зоологов...

Аклиматизационный зоологический сад Ф. Э. Фальц-Фейна сравнительно мало известен не только русской широкой публике, но даже и специалистам. Но зато за границей о нем знают давно... Зоологи и художники неоднократно посещали этот сад и знакомы как с его представителями в области млекопитающих и пернатых, так и с теми научными результатами, которые достигнуты здесь путем акклиматизации и гибридизации...³

Аскания-Нова расположена в Днепропровском уезде Таврической губернии, под 46°27 северной широты и 3°33 восточной долготы от Пулкова; иными словами, расположена в семидесяти верстах к западу – северозападу от станции Ново-Александровки Курско-Севастопольской жел. дор... Издали, среди безбрежного степного моря, Аскания-Нова представляется как бы оазисом в пустыне... Здесь родное

³ Скрещивания.

гнездо Фальць-Фейновъ, которое нынѣ обособлено въ видѣ значительнаго, въ тринадцать тысячъ десятинь земельного участка съ основными зданіями, построенными еще ангальт-кетенской администраціей... Подъ земледѣліе въ Асканія-Нова отведено лишь три тысячи десятинь, остальное же пространство занято или выпасомъ (9.500 десятинь), или же «заповѣдною степью» (500 десятинь).

Асканія -Нова представляетъ собою рядъ бѣлокаменныхъ, съ черепичными крышами построекъ, раздѣленныхъ меридіональной улицей на двѣ части, на два парка: къ западу – большой, зоологической, въ семьдесятъ десятинь, къ востоку – меньшій, ботанической, въ пятнадцать десятинь. – Къ паркамъ непосредственно прилегають жемчужна Асканія-Нова – заповѣдная степь.

Еще задолго до «оазиса» Асканія-Нова, южно-русская степь отрадно приветствуетъ взоръ наблюдателя. На южномъ горизонтѣ ея пасутся табуны лошадей, стада крупнаго рогатаго скота, овецъ-мериносовъ, верблюдовъ и разныхъ другихъ животныхъ... Изъ заросли ковыля взлетаютъ фазаны (*Phasianus colchicus*), красиво блестя на солнцѣ своимъ яркимъ опереніемъ. Въ мягкой синевѣ неба парить степной орелъ (*Aquila orientalis*). Прозрачный воздухъ переполненъ звонкими голосами полевыхъ жайворонковъ (*Alauda*). При видѣ всего этого вспомнились картины далекаго Куку-Нора, и еще сильнѣе забило тревогу соскучившееся сердце путешественника... Еще сильнѣе потянула къ себѣ завѣтная даль Азіи...

Дѣвственная степь полна живой гармоніи: она дышитъ днемъ, дышитъ и ночью. Волна серебристаго ковыля вечеромъ – это поэтическое восхищеніе, въ особенности при разгорѣвшихся лучахъ заходящаго солнца, когда по сторонамъ отъ него играетъ сизая дымка... Куда ни посмотришь – безграничный просторъ. Лишь изрѣдка курганы, съ каменными бабами, да стога сѣна нарушаютъ равнинное однообразіе степи.

Владѣлецъ Асканія-Нова долго боролся изъ-за древесныхъ насажденій парковъ, прежде, нежели получилъ блестящіе результаты. Сначала не доставало воды и не было подходящей для парковой растительности перегнойной почвы. Въ степи, какъ и въ пустынь: где вода, тамъ и жизнь. Съ устройствомъ же водонапорной башни, асканіевскіе парки ожили, деревца окрѣпли, листва расширилась, сгустилась, создавалась благодатная тѣнь; пруды переполнились водою, которая пріятно зажурчала по самой сложной сѣти каналовъ и многочисленнымъ артеріообразнымъ оросительнымъ вѣтвямъ, поддерживающимъ пышную жизнь современныхъ могучихъ парковъ. Растительность парковъ заключаетъ въ себе платаны, туйи, крымскую ель, біоты, разнообразныя сосны и ели, пирамидальный дубъ, сапфору, нѣсколько сортовъ тополя, клены, бересты, акаціи и много другихъ.

Самые парки, въ особенности ботанической, разбиты съ высокимъ знаніемъ дѣла, съ большою любовью ко всему простому и естественному. Куда бы ни зашелъ наблюдатель по извивающимся дорожкамъ, онъ всюду видитъ новыя естественныя

картины, новые уголки... Необычайную прелесть ботаническому парку придают его замѣчательныя поляны, по которымъ тамъ и сямъ вспархиваютъ или просто рѣзвятся самыя разнообразныя красавцы-фазаны: королевскій, кавказскій, золотистый, алмазный, монгольскій, серебристый, ушастый и др. Въ утренніе и вечерніе часы паркъ оживленъ очень веселыми голосами пернатыхъ, а въ ночной майской тиши – чарующей трелью мѣстнаго соловья (восточнаго).

Такимъ образомъ въ Асканіи-Нова созданы разнообразныя картины природы, разнообразныя ея уголки. Создателю зоопарка представилась возможность завести лѣсныхъ, степныхъ и водяныхъ представителей животнаго царства, въ особенности въ отдѣлѣ пернатыхъ.

Лѣсной зоологическій паркъ граничитъ со степнымъ: между парками, съ одной стороны, имѣется открытый, чистый прудъ, съ пустынной отмелью, обычно занятый краснокрылатыми или фламинго, съ другой – прудъ болотистый, съ большими, поросшими тростникомъ отвѣтвленіями забѣгающими далеко на сѣверъ, и въ весеннее половодье соединяющимися съ обширнымъ разливнымъ озеромъ, на поверхности котораго во множествѣ отдыхаютъ пролетныя дикіе гуси, утки, журавли и много другихъ.

Кругомъ царитъ приволье и своеобразная тишина: выстрѣлы раздаются лишь въ крайнихъ случаяхъ по четвероногимъ или крылатымъ хищникамъ, да въ осеннее время по многочисленнымъ зайцамъ... Ни кошекъ, ни бродячихъ собакъ вы въ Асканіи-Нова не встрѣтите.

Въ лѣсной части зоопарка животная жизнь бьетъ ключомъ... Здѣсь, помимо птицъ – фазановъ, голубей, перепеловъ, китайскихъ соловьевъ, попугаевъ, иволгъ, кобчиковъ и множества другихъ, вы встрѣчаете стройныхъ газелей, муфлоновъ, патагонскихъ зайцевъ, кенгуру – Родина которыхъ Австралія. Въ Асканіи-Нова имѣются три породы кенгуру. Несмотря на громадное различіе въ климатѣ между родиной этихъ животныхъ и таврическими степями, все же они чувствуютъ сѣбя здѣсь хорошо, размножаются, хотя чувствительны къ морозамъ и нередко отмораживаютъ себѣ уши и кончики хвостовъ.

Приближаясь къ степному парку, вы уже слышите всевозможныя голоса плавающихъ пернатыхъ, а вотъ и они сами картинно скользятъ по поверхности водъ. Впереди величаво выступаютъ лебеди, которыхъ здѣсь шесть видовъ: шипунъ, кликунъ, пигмей, трубачъ, черношейный и черный – представители Европы, Азіи, Северной и Южной Америки и Австраліи. За лебедями, мѣшаясь съ различными утками, плывутъ группы дикихъ гусей, также обитателей всѣхъ частей свѣта. Изъ гусей наиболѣе характерными являются: большой полярный гусь, малый полярный, индійскій, бѣлощекій, египетскій, канадскій, австралійскій. Тутъ и тамъ выдаются себѣ полностью представленныя въ Асканіи-Нова казарки: бѣлолобая, черная, огорь, галагазь, каролинка, мандаринка и красавица изъ красавицъ – казарка краснозобая (*Rufibreuti ruficollis*), которой нѣтъ ни въ одномъ изъ зоологическихъ садовъ.

Съверо и средне африканцы, равно и обитатели прикаспія и киргизскихъ степей – фламинго – также украшаютъ собою зоопаркъ Фальць-Фейна; эти птицы здѣсь не размножаются и розовую окраску перьевъ удерживаютъ только на крыльяхъ; на всѣхъ же другихъ мѣстахъ перья имѣютъ белый цвѣтъ. Днемъ, на солнцѣ, стоя въ длинномъ ряду, эти красавцы напоминаютъ собою мраморныя изваянія. Поодаль отъ пруда важно расхаживаютъ журавли - красавка и вѣнценосные, а также и сѣрыя, и бѣлыя цапли. Надъ прудомъ нерѣдко кружатъ чайки хохотуны, гнѣздящіяся обычно на болотномъ пруду, на спеціально для нихъ устроенныхъ каменистыхъ островкахъ – это съ одной, открытой части пруда, тогда какъ въ сторону противоположную удалились наиболѣе строгіе журавли: болотный стерхъ, антигонскій, манчжурскій, австралійскій и др.

Къ числу наиболѣе выдающихся птицъ въ Асканія-Нова относятся страусы: египетскій, сомалійскій, американскій и австралійскій. Африканскіе страусы, хотя и переносятъ зимній холодъ, но чувствительны къ сырости и склонны къ заболѣванію, въ особенности если много наглотаются снѣгу. Красивую картину представляютъ танцы этихъ страусовъ во время ухаживанія за самкою. Высиживаніемъ же яицъ заняты бывають оба родителя.

Американскій страусъ, или нанду, переноситъ здѣшний климатъ хорошо. Снѣга и холода не боится, хотя во время сильныхъ холодовъ требуетъ небольшой защиты в видѣ навѣсовъ, открытыхъ сараевъ и проч. Размножается легко. Къ особенностямъ этихъ страусовъ относится раздѣленіе труда въ заботахъ о потомствѣ: самка строитъ гнѣздо и кладетъ яйца, самецъ же ихъ высиживаетъ. Въ одно гнѣздо могутъ класть яйца нѣсколько самокъ.

Сравнительно небольшое число хищныхъ птицъ содержится въ умѣло устроенныхъ, просторныхъ вольерахъ, преимущественно парами, за исключеніемъ одной - двухъ вольеръ, въ которыхъ имѣются по двѣ или даже по четыре-пяти парь. Самые крупные хищники, санитары центрально-азіатскихъ степей и горъ – грифы-монахи (*Vultur monachus*), которыхъ здѣсь парочка. Одинъ изъ нихъ – мой хорошій знакомый, мой спутникъ послѣдняго монголо-сычуанскаго путешествія, сдѣлавшій на верблюдѣ около четырехъ тысячъ верстъ пути, да по желѣзной дорогѣ шесть тысячъ. Интересно, что онъ меня узналъ и, слетѣвъ съ жердочки на землю, началъ ласкаться, какъ ласкался часто во время путешествія. Этого грифъ выгладитъ здѣсь превосходно... И мнѣ въ высшей степени пріятно повѣдать объ этомъ всѣмъ тѣмъ, кто съ первыхъ дней пребыванія въ Россіи грифа монаха, познакомился съ нимъ и интересовался дальнѣйшею участью моего крылатаго спутника.

По соседству съ грифами расположены обособленными парами: орлы беркута, орланы-бѣлохвосты (*Haliaeetus albicilia*) и друг. Въ одной общей вольерѣ съ давняго времени мирно уживаются: пара филиновъ, нѣсколько соколовъ, коршуны, сарычи. Но зато больно достается всякому новому пришельцу, пока къ нему не привыкнуть ста-

рые обитатели вольеры. Пополнение хищников в Аскания-Нова обыкновенно происходит весной или осенью, на перелетах этих птиц, когда их подстреливают с далеких расстояний, с целью перебить крыло или вообще легко ранить. Раны у птиц залечиваются очень быстро.

Вольеры для средних и мелких птичек, для их первоначального приручения, не оставляют желать ничего лучшего, ни в смысле благоустройства - внутри журчить или переливается вода, зеленеют травы, деревца - ни в смысле простора, так как вольеры, во-первых, велики сами по себе, а во-вторых, они соединены между собой открытыми входами или выходами... Одна из таких вольер - центральная, в которой жизнь пернатых представляется наиболее полной и своеобразной и наиболее оживлена серебристыми струйками водопада, всегда притягивала к себе после обеда и самого хозяина, и его гостей... С чашкой кофе мы просиживали здесь целыми часами... Привычные птички несколько не боялись нас, наоборот, многие из них прилетали вплотную к человеку и получали из его рук червячков. К числу таких относятся: зорюшка, синешейка, древесная щеврица, красавец и чудный певец - шамо, - китайский дрозд, выводок перепелочек, кулички-зуйки и много других. Кормя этих птичек, мы любовались другими - теми, которые ютились или у каскадика, или по соседним кустам.

Вот прилетел кардинал, весь красный, с поднятым хохломом и осторожно уселся подле серебристых брызг... Пониже купаются в студеных струйках воды желтые овсянки (*Emberiza luteola*), рядом с ними изящная желтая и белая плиски... В ожидании свободных мест сидят на веточке лапландская пуночка и маленькой голубок... Возле бассейна с золотыми рыбками хлопоты на гнезде пугилица-чибис, жестоко гонимая за ходоулочником или другими меньшими куличками. Из соседней вольеры бьют цыплята стайка мелких пташек, гонимых с криком куликом-сорокой... У проволочной стчатой крыши, у подвешанного снопа, компания синичек тщательно исследует хлебные колоски; на других таких снопах, с писком, заняты снегирь, щур и белые щеглы... На песочке, взад и вперед, быстро перебегают дорожки кулички-песочники, ржанки, турухтаны; последние сильные драчуны - жестоко дерутся друг с другом длинными, словно шпаги, клювами... Это своего рода птичий турнир: турухтаны, в весеннем убранстве нападают один на другого, словно рыцари с забралом...

Центральная вольера - это один из лучших уголков для наблюдения за жизнью мелких птичек, хотя и у садовой или парковой столовой также интересно. И здесь я с большим восхищением просиживал подолгу, в особенности в последние дни мая, когда неподалеку от стола, на поляне, токовал тетерев или важно проходил, блестя несравненным по красоте оперением, лофофор, или же просто перебежали, из стороны в сторону, калифорнские перепелки, скалистые ку-

ропатки и др. За отсутствием горь, скалистые куропатки, подобно лофофоркѣ, часто взбирались на черепичные крыши, бѣгали вдоль их гребня и кричали, словно въ горахъ. Тутъ же вы слышите и пѣніе канареекѣ, свободно перелетающихъ съ дерева на дерево, или невольно внемлете монотонному воркованію голубя-турлушки, обычно воркующаго на тополяхъ, спускающихъ свои вѣтви прямо къ столу... У стола то и дѣло снують дрофы, ревниво оберегая это мѣсто отъ посѣщенія другихъ птицѣ. Поодаль, на лужайкахъ, прогуливаются фазаны, другіе голубки, и вѣчно недѣлимая парочка австралійскихъ маленькихъ гусей...

Познакомившись съ пернатыми, можно перейти и къ обзорѣ дикихъ четвероногихъ...

Къ юго-западной окраинѣ лѣснаго парка примыкаетъ степной - большая, въ шестьдесятъ десятинъ, площадь, куда животныхъ впускаютъ вначалѣ для прирученія и освоенія... Чтобы увидѣть этотъ паркъ, необходимо подняться на вышку...

Въ лучшую погоду, лѣтомъ, владѣлецъ Асканія-Нова здѣсь нерѣдко ночуетъ. «Съ большимъ удовольствіемъ – говорилъ мнѣ Ѳ. Э. Фальцъ-Фейнъ: провожу я тихія ясныя ночи среди нашей южной природы, среди питомцевъ моего парка... Проснешся на зарѣ, взглянешь на животныхъ – одни бродягѣ, другія предаются отдыху, а вотъ сегодня слышу какой-то хрустѣ подъ вышкой, смотрю: «Германъ», крупнѣйшій олене-быкъ упражняется своими могучими рогами, пробуетъ ихъ силу объ устои вышки... Дивная, очаровательная ночь... Звѣзды свѣтятъ, какъ алмазы. Набѣжить вѣтеръ, освѣжить прохладой, закутаешся плотнѣе въ одеяло, и вновь забудешся сладкимъ, крѣпкимъ сномъ до утра»...

Въ утреннее или вечернее время животныя мирно пасутся на всемъ пространствѣ участка, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, преимущественно крупныя, держатся обособленно, равно какъ и азіатскія антилопы- сайгаки, почему-то облюбовавшія удаленную на западѣ окраину парка, напоминавшую мнѣ кукунорскія степи...

Самымъ крупнымъ животнымъ здѣсь является африканская антилопа олене-быкъ (*Oreas oreas*), съ высокостоящими массивными рогами, которыми животное любитъ поддѣвать древесныя вѣтви, разбрасываемыя въ видѣ корма.

Эта красивая, граціозная антилопа хорошо акклиматизировалась и успѣшно размножается; часть олене-быковъ пасется въ степи, вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ, или обособленнымъ стадомъ, состоящимъ исключительно изъ дикихъ, но уже полу-прирученныхъ животныхъ, какъ, напримѣръ, гну, оленей, нильгау, ламъ, бубаловъ, африканской зебры и др.

Гну (*Catoblepas gnu*) – уроженецъ южной Африки, въ таврическихъ степяхъ хорошо акклиматизировался, плодится, приспособляясь съ дѣторожденіемъ къ нашимъ временамъ года. Гну въ высшей степени оригинальное животное, съ корпусомъ лошади и головою буйвола. Кричитъ, какъ хищная птица, а когда сердится – фыркаетъ и храпитъ по-лошадиному... «Изъ всѣхъ животныхъ – пишетъ Гаррисъ – гну самое не-

ловкое и странное, какъ по своей вѣншности, такъ и по отношенію нрава и привычекъ. Природа сотворила его въ моментъ дурного расположенія духа; смотрѣть на его неуклюжія повадки врядь ли возможно безъ смѣха: продѣлывая всевозможныя кривлянья, опустивъ свою косматую, бородатую голову между тонкими мускулистыми передними ногами, предоставивъ развѣваться по вѣтру своему длинному бѣлому хвосту; странное и всегда пугливое животное это производитъ одновременно и дикое и смѣшное впечатлѣніе. Вотъ оно вдругъ остановилось, показываетъ видъ, что хочетъ защищаться, наклоняетъ косматую голову для нанесенія удара, глаза его мечуть молніи, а голосъ, напоминавший ревъ льва, раздается съ силой и выраженіемъ; но вотъ оно начинаетъ нещадно хлестать себя длиннымъ хвостомъ по бокамъ, вспрыгиваетъ, становится на дыбы, вертится, припадаетъ на колѣна, снова вскакиваетъ и чрезъ мгновение несется стрѣлой по равнине, взвивая за собой цѣлыя облака пыли». Это животное дѣйствительно чрезвычайно рѣзво въ движеніяхъ, хорошо скачетъ, и, по мнѣшю Э. Э. Фальць-Фейна, способно къ дрессированію. Я наблюдалъ, какъ гну, по командѣ пастуха: «Васька» или «Мишка, ложись!» – быстро и красиво исполняя приказаніе своего командира.

Нильгау (*Portax pictus*) изъ Индостана, акклиматизируется труднѣе другихъ, но размножается успѣшно. Южно-американская лама (*Aucheneta glauca*) имѣется въ значительномъ количествѣ, часть пасется въ степи... У себя на родинѣ это животное замѣняетъ верблюда, ходитъ подъ вьюкомъ и даетъ длинную, мягкую шерсть.

Изъ другихъ антилопъ въ Асканія-Нова имеются два вида бубаловъ – бѣлолобый (*Damaliscus albifrons*) и степной (*Bubalis buselaphus*), антилопа черная (*Hippotragus niger*), антилопа Леше (*Cobus Lechbe*), гарна (*Antilope cervicapra*), прыгунъ (*Gazella lachore*), газель аравійская (*G. dorcas*[*Tripolix*]), краснолобая (*G. ruffrons Salmi*), нубійская (*G. isabella*), хара-сульта или чернохвостая (*G. snbguttirosa*), персидская (*G. marica*) и бунтебокъ (*Tragelaphus ronaleyni*)...

Олени (*Cervus*) здѣсь также богато и разнообразно представлены, а именно: олень благородный, крымскій, кавказскій, алтайскій, манчжурскій, сика, аксисъ, мунжакъ, свиной оленекъ (*Huelaphus porcinus*), лань (*Dama vulgaris*) и косуля (*Capreolus caprea*). Изъ оленей особенно много оленей-мараловъ, пасущихся, какъ это замѣчено выше, въ степи. Э. Э. Фальць-Фейнъ развелъ ихъ между прочимъ съ целью сбыта маральихъ роговъ въ Китай.

Какъ извѣстно, китайцы дорого платятъ за рога-панты, необходимые имъ, какъ лѣкарственные препараты. (См. мою «Монголію и Камъ». Т. I, стр. 18-22). Маралы привыкаютъ къ степи очень легко, дѣлаются ручными, за исключеніемъ, впрочемъ, любовнаго періода, въ августъ и сентябрь, когда они злобно ревнивы и не безопасны, въ особенности наиболѣе рогатые красавцы, всего чаще бросающіеся на человѣка и другихъ животныхъ.

Изъ дикихъ овецъ имѣются муфлоны, гривистые бараны, аргали, кавказскій туръ. Родина муфлона – скалистая мѣста Корсики и Сардиніи, тѣмъ не менѣе онъ легко акклиматизируется въ степи. Въ Асканія-Нова муфлоны держатся и въ степи, и въ огороженномъ степномъ участкѣ. Если дѣтенышей муфлоновъ, равно какъ и дѣтенышей дикихъ животныхъ вообще, воспитывать молокомъ изъ рожка, при содѣйствіи человека, то они становятся совершенно ручными, тогда какъ воспитанные матерью держатся очень строго и не подпускаютъ къ себе человѣка.

Надо полагать, что такимъ именно образомъ происходило прирученіе человѣкомъ дикихъ животныхъ и на зарѣ человѣческой жизни. Со времянь глубокой древности человѣкъ поработилъ животныхъ, и вѣроятно, самое порабощеніе или прирученіе начиналось съ животныхъ наиболѣе миролюбивыхъ и наиболѣе полезныхъ для человѣка. По мѣрѣ общенія съ природою, умственные рамки первобытнаго человека раздвигались, самъ человѣкъ поднимался: изъ звѣролова-охотника переходилъ въ болѣе мирнаго скотовода-номада, а изъ этого послѣдняго – въ земледѣльца и т. д. И въ этомъ отношеніи зоологическій садъ Фальць-Фейна, устроенный совершенно на иныхъ началахъ, нежели зоологическіе сады вообще, представляетъ большой интересъ. *Ф. Э. Фальць-Фейнъ* не задается мыслью показать только то или другое дикое животное. Его цѣль иная – акклиматизировать животныхъ, могущихъ процвѣтать въ его привольныхъ степяхъ, какъ процвѣтали здѣсь прежде тарпаны, сайгаки, сурки и пр.

Въ высшей степени интересно то обстоятельство, что лѣсные звѣри, какъ зубръ или олень, отлично выживаютъ въ степи. И тѣ и другія животныя достигаютъ здѣсь полнаго своего развитія. Въ Асканіи-Нова американскій бизонъ чувствуетъ себя такъ же хорошо, какъ чувствовалъ нѣкогда въ родныхъ преріяхъ⁴, и мирно пасется въ общемъ стадѣ съ зубрами и рогатымъ скотомъ ...

На своей родинѣ бизоны исчезли съ необыкновенной быстротой, и въ настоящее время въ Америкѣ насчитываютъ не болѣе шестисотъ головъ этихъ животныхъ, находящихся въ Уеллингстонскомъ паркѣ, подъ охраною правительства. Американцы спохватились поздно; лишь съ недавняго времени въ Буффало организованъ особый комитетъ по охранѣ и разведенію бизонивъ, прилагающій всѣ старанія, чтобы развести эту породу животныхъ... Въ аналогичномъ отношеніи съ американскимъ бизономъ стоитъ нашъ бѣловѣжскій и кавказскій зубръ, количествомъ 400–500 головъ, имѣвшій широкое распространеніе въ Средней Европѣ. Надъ этими двумя видами большихъ и дикихъ животныхъ разныхъ континентовъ и были поставлены опыты акклиматизаціи въ Асканіи-Нова.

Бизонъ былъ полученъ *Ф. Э. Фальць-Фейномъ* въ 1897 году, а зубръ – въ 1902 году. За истекшій періодъ времени выяснилось полное одомашненіе какъ чистой породы –

⁴ Обширныхъ степяхъ

только лишь при условии содержания ее совместно с домашним скотом – так и скрещивания зубра и бизона в различных комбинациях между собой и с домашним скотом.

В высшей степени интересны в Аскании-Нова зубро-бизоны, в особенности те два производителя, которых я наблюдал минувшим летом, не уступающие по величине и красоте прославленному в этих отношениях зубру... Не менее интересны здесь и зеброиды – новая оригинальная полосатая порода животных, полученная от скрещивания зебры с домашней лошадей. Зеброиды, это своего рода асканияновский мул – бесплодное, но очень сильное, выносливое и неприхотливое к корму животное, употребляемое Фальц-Фейном для тяжелой работы. Сила зеброида в полтора раза превосходит силу обыкновенной лошади, они возят преимущественно мешки с зерном и землю. Лучшее украшение зоопарка Ф. Э. Фальц-Фейна – дикая лошадь Пржевальского (*Equus Przewalskii*), которой в настоящее время в Аскании-Нова семь голов чистокровных, остальные – помеси с монгольской и русской домашней лошадей. Дикая лошадь – одна другой лучше – сытая, округлая, рзвьяя. В таврических степях лошадь Пржевальского нашла настоящую родину... Часть диких лошадей пасется в степи, в общем табун с ремонтными лошадьми, часть – производители – содержатся на конюшнях, или в специальных, просторных заграждениях. Особенно рзвь, статен и гибок дикой красавец, подаренный Фальц-Фейну Государем Императором. Этого жеребца я много раз наблюдал и подолгу к нему присматривался... Могучая шея, крепкий, округлый корпус, тонкие скаковые ноги, при всем том – дикой самостоятельный нрав и необычайная сила. Лошадь Пржевальского всегда внушает страх домашней лошади и человеку. Когда я впервые подъехал к экипажу к диким лошадям, – несколькими маткам и царскому жеребцу находившимся в ограде, то еще издали, почуяв лошадей дикой жеребец высоко поднял голову, втянул в себя воздух, фыркнул несколько раз и, согнув колесом шею, побжал к нам навстречу. Остановившись у очень высокой ршетчатой ограды, дикарь-красавец гордо бил копытом землю, быстро повертывался, подбгал к кобылицам и снова с большой яростью бросался в сторону экипажа... И только по удалению последнего, жеребец несколько успокоился, приблизился к конюху, и начал из его рук есть зерновой корм... Царский жеребец вначале не подпускал к себе человека и только впоследствии сделался настолько ручным, что позволял садиться на себя и даже приводить джигитовку. Любуясь дикой лошадей в Аскании-Нова, мне невольно приходило на память наблюдения братьев Грэм-Гржимайло над повадками лошади Пржевальского, на мать его родины.. «Вдруг где-то далеко-далеко раздалось давно желанное конское ржание. Сердце радостно забилось...

«Не успел я отползти шестидесяти шагов, как с фырканием и храпом вылетел из кустов жеребец. Казалось, это сказочная лошадь – так хорош был

дикарь! Описавъ крутую дугу около меня, онъ поднялся на дыбы, какъ бы желая своимъ свирѣпымъ видомъ и храпомъ испугать врага. Клубы пара валили изъ его ноздрей. Вѣроятно, онъ меня не почуялъ, потому что, вдругъ опустившись на всѣ четыре ноги, снова пронесся карьеромъ мимо меня и остановился съ подвѣтренной стороны. Тутъ, поднявшись на дыбы, онъ съ силою втянулъ воздухъ, и, фыркнувъ, какъ-то визгливо заржалъ. Табунъ, стоявшій, цугомъ, мордами къ намъ, какъ по командѣ, повернулся кругомъ (при чемъ лошадь, бывшая въ головѣ, снова перебѣжала впередъ) и рысью помчался отъ озера. Жеребецъ, давъ отбѣжать табуну шаговъ двѣсти, послѣдовалъ за нимъ, то и дѣло описывая направо и налево дуги, становясь на дыбы и фыркая.

«Наши ночныя сидѣнія на озерахъ продолжались еще дня три, но безъ удачи: лошади подходили шаговъ на двѣсти, но болѣе приближаться не рѣшались.

«На шестой день нашего пребыванія въ Гашунѣ, мы встрѣтили табунъ дикихъ лошадей днемъ и тотъ часъ же устроили на него облаву.

...«Почуявъ что-то недоброе, старый жеребецъ фыркнемъ даль знать табуну о приближеніи людей; лошади мгновенно выстроились гуськомъ, имѣя впереди молодого жеребца, а жеребятъ по срединѣ, между кобыль. Пока табунъ шель имѣя сбоку охотниковъ, жеребецъ держался съ той же стороны, направляя табунъ то голосомъ, то ударами копытъ, на избранный имъ путь. Когда лошади прошли сквозъ цѣпь охотниковъ, жеребецъ сталъ въ арьергардѣ. Забавно было, какъ онъ понукалъ маленькаго жеребенка, который не могъ поспѣть за всѣми на своихъ слабыхъ ножкахъ. Сперва, когда жеребеночъ началъ отставать, кобылица старалась его подбодрить тихимъ ржаніемъ, но, видя, что ничего не помогаетъ, она отдѣлилась отъ табуна, не желая, повидимому, бросать своего дѣтища.

Однако, жеребецъ не допустилъ подобнаго безпорядка: сильно лягнувъ кобылицу два раза, онъ заставилъ ее догнать табунъ, а самъ принялъ попечение о жеребеночъ. Онъ то подталкивалъ его мордой, то тасилъ, ухвативши захолку, то старался подбодрить, налетая и брыкаясь въ воздухъ...

«Мы рѣшили перекочевать далѣе на востокъ, къ сосѣднимъ ключамъ, гдѣ была еще надежда встрѣтиться съ дикими лошадьми... Не успѣли мы проехать и двѣнадцати верстъ въ указанномъ направленіи, какъ впереди насъ раздался храпъ. Оказалось, мы встрѣтились какъ разъ съ табунномъ, который шель на водопой по той же тропинкѣ, но съ противоположной стороны. Почуявъ насъ, вожакъ храпомъ извѣстилъ лошадей; тѣ мигомъ повернули назадъ и, отбѣжавъ шаговъ триста, стали. Жеребецъ то уходилъ въ кусты, то снова появлялся, мечась изъ стороны въ сторону. Наконецъ, сообразивъ опасность, онъ перебѣжалъ на тропинку, параллельную нашей и находившуюся шагахъ въ четырехстахъ, и ржаніемъ позвалъ к себѣ табунъ. Лошади мигомъ перебѣжали къ нему и крупною рысью направились мимо насъ къ Гашуну»...

По словам владѣльца зоопарка, лошадь Пожевальскаго - умная, самостоятельная, находчивая лошадь. Она всегда первая сообразитъ, первая избѣжать опасности, она лучше и искуснѣ другихъ проникнетъ въ середину табуна и никогда никакой лошади не позволитъ себя обидѣть. Что же касается до взятія или преодоленія встрѣчныхъ препятствій, повидимому самыхъ трудныхъ, то таковыя для нея почти не существуютъ – такъ легко и граціозно она скачетъ...

Гибриды (помѣси) обыкновенной лошади съ лошадью Пржевальскаго – полукровки – хорошій верховой сортъ, годный для ремонта. По общему виду они близки къ типу простой лошади, отличаясь лишь болѣе массивной головой, нѣсколько укороченнымъ корпусомъ, жестковатой холкой, гривой и хвостомъ, который кромѣ того еще и жидокъ...

Теперь нѣсколько словъ о жизни въ прудахъ Асканія-Нова. Кромѣ европейской болотной черепахи, рѣчныхъ раковъ, карасей, линей, вьюновъ, въ нихъ водится и такъ называемая «золотая рыбка», золотая орфа, хигой, карпъ и другіе. Золотые японскіе хигои достигаются двѣнадцати и болѣе фунтовъ вѣсомъ. Многіе хигои снабжены серебрянымъ кольцомъ съ датой и занесены въ ихтиологическій журналъ, который періодически, при ловлѣ рыбы, пополняется замѣтками.

Нельзя не упомянуть также объ асканіановскомъ музеѣ, расположенномъ въ отличномъ сухомъ помѣщеніи. Музей представляетъ большое цѣнное собраніе чучель млекопитающихъ и птицъ, погибшихъ въ зоопаркѣ, кромѣ того птицъ, добытыхъ на весеннемъ и осеннемъ перелетахъ... Любопытны между прочимъ чучела альбиносовъ, ласточекъ, воробья, коростеля... Въ ближайшемъ селеніи парочка ласточекъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ приводила птенцовъ частью бѣлыхъ, частью нормальныхъ. Здѣсь же имѣется коллекція яицъ страусовъ. Изъ спиртовыхъ препаратовъ собраны редкіе эмбрионы – лошади Пржевальскаго, гну, антилопы сабельной, сайги, газели, кенгуру, страуса и др.

Витрины съ археологическими находками въ разрытыхъ курганахъ, образцы почвъ поверхности и мощнаго разрѣза (при буреніи, въ поискахъ водоноснаго горизонта) все это придаетъ музею характеръ естественно-историческаго собранія.

Въ музее, равно какъ и въ домѣ владѣльца, имѣются книги для внесенія въ нихъ именъ посѣтителей, которыхъ съ каждымъ годомъ все больше и больше.

Какъ извѣстно, Державный Хозяинъ земли Русской, Государь Императоръ, милостиво посѣтилъ Асканіевскій зоопаркъ и очень подробно ознакомился съ его разнообразнымъ населеніемъ.

Отъ души привѣтствуемъ это замѣчательное явленіе въ жизни таврическаго зоопарка и его счастливаго основателя, который, надѣемся, съ новыми силами и новой любовью, будетъ продолжать поучительное и высоко культурное начинаніе охраны памятниковъ природы.

Слѣдуеть заметить, что у Ө. Э. Фальць-Фейна на западѣ, на границе Минской и Виленской губерній, въ южныхъ предѣлахъ послѣдней имѣется огромная – около 30.000 десятинъ лѣсная пуца «Налибоки», съ глубоководнымъ озеромъ Кромань и рѣчкой Кроманица, на которой я наблюдалъ рѣчныхъ бобровъ и ихъ оригинальнныя постройки – плотины... Въ лѣсныхъ дебряхъ Налибокской пуцы водятся во множествѣ дикіе лоси, олени, козы и кабаны, пользующіеся охраной и покровительствомъ своего владѣльца. Въ просторныхъ загонахъ Ө. Э. Фальць-Фейнъ держитъ прирученныхъ оленей и сибирскихъ козуль, и въ небольшихъ вольерахъ живутъ и размножаются разнообразные фазаны.

По общему характеру мѣстности, растительной и животной жизни, Налибокская пуца сильно напомнила мнѣ «Слободу» Смоленской губ. – имѣніе моего незабвеннаго учителя Н. М. Пржевальскаго. Какъ тамъ, такъ и здѣсь много интереснаго и поучительнаго, но въ «Слободѣ» нѣтъ бобровъ. Вообще это интересное животное крайне редко въ нашемъ отечествѣ, и всякая попытка къ его сохраненію заслуживаетъ глубочайшей признательности...

Въ глубинѣ Налибокской пуцы, въ урочищѣ Буда, имѣется «Охотничій домъ», который представляетъ собой небольшой естественно-историческій музей образцовъ мѣстныхъ млекопитающихъ и птицъ.

...Охотничью весну 1914 года я почти цѣликомъ провелъ въ Налибокахъ. Ежедневно совершая экскурсіи въ различныхъ направленіяхъ, пѣшкомъ и въ экипажѣ, я скоро освоился со всей пуцей. Никогда не забуду ранняго утра одиннадцатаго апрѣля, когда мы возвращались домой съ глухаринаго тока. Дорога вела вдоль канала, въ зеркальной поверхности котораго блестяли и искрились яркіе лучи только что взошедшаго солнца. Надъ сосѣднимъ болотомъ еще стоялъ легкій туманъ... Мы ѣхали медленно, шагомъ. Вдали бормотали тетерева, вблизи монотонно ворковали дикіе голуби... Вдругъ слѣва показалась группа оленей, и тотчасъ быстро исчезла; еще черезъ нѣсколько минутъ движенія мы обнаружили граціозно стоящихъ и пощипывающихъ травку дикихъ козъ, а немного подале и группу лосей, точь-въ-точь такую, какую привикли обыкновенно видѣть на полотнахъ лучшихъ художниковъ: впереди находился одинъ рогачъ, поодаль – нѣсколько матокъ. Лоси стояли, не дрогнувъ, словно изваянія... Я чувствовалъ на себѣ ихъ строгій взглядъ... Пробѣзжая медленно, стороной, и попрежнему соблюдая тишину и не дѣлая рѣзкихъ движений, мы не нарушили ихъ покоя..

Говоря вообще, лосей мы видѣли рѣдко, такъ какъ рѣдко заглядывали въ ихъ стору, но зато оленей и козъ наблюдали ежедневно, по дорогѣ на тягу вальдшнеповъ.

Наилучшимъ мѣстомъ тяги въ Налибокской пуце справедливо считается та же долина Кроманицы, которая ютитъ и бобровъ. Много вечеровъ подъ рядъ провелъ я съ восхищеніемъ на Кроманицѣ. Пріѣдешь, бывало, за пол-часа до начала тяги и жад-

но вдыхаешь в себя вечерней лесной воздух. Кругом льются голоса птиц, всхвзвонче и привлекательнее поет певчий дрозд, которому оригинально вторит кукушка. Немного позднее услышишь блящий звук рвзвещающего в высотх бекаса-барашка или весенней нервной крик крякового селезня... затм наступит временная тишина. И вдруг среди этой тишины раздается особенно интересное охотнику корканье и циканье? вальдшнепа. Теперь все внимание отдаешь этим звукам.

Между тем небо становится глубже, темнее, бледнеют отголоски зари, чаще и ярче мигают звезды.. Одна за другою смолкают птички, только не знают покоя долгоносики – бекасы-барашки да тот же вальдшнеп...

С большим сожалением я оставлял Налибоки, но еще с большим, – за годь перед тем, разстался с милой Асканией-Нова...

В заключение позволю себя высказать искреннее пожелание, чтобы Асканійській зоопарк – гордость России – скорее перешел в национальную собственность и явился бы, таким образом, живым откликом на современный вопрос «об охране памятников природы». Только при широком содействии правительства, при скорейшем издании соответствующего закона, вопрос об охране памятников природы станет на твердую почву. При Императорском Русском Географическом Обществе, по живому призыву профессора-академика И. П. Бородина, создалась комиссия, которая разрабатывает этот вопрос.

Хочется верить, что все чистые, девственные образцы нашей родной природы, – и в центре, и в Крыму, и на Кавказе, и в Сибири, найдут себе высокое покровительство закона; только тогда мы будем в состоянии передать нашему потомству полную, живую историю природы нашей матери-земли.

П. Козлов

Козлов П. К.

В южно-русских степях.

Газета „Русские Ведомости», 1915. № 136 от 14/VI- 1915 г.

Вот уже три-четыре дня прошло с тех пор, как мы наслаждаемся тишиной и своеобразностью весенних картин таврических степей и снова с большим интересом наблюдаем аскания-новский зоопарк... отечественный зоопарк.

Мы вступили в парк... Что за прелесть: с одной стороны пышная ароматная растительность из смешения форм средней и южной полосы России, с другой – масса голосов пернатых, тут и там выдающих себя или движением, или блеском, – часто

дивным блеском оперения... Подвигаемся в глубь парка и забываем, что находимся в степной полосе или зоне, или что вообще в России. Из ближайшей чащи льются звуки китайского соловья, из отдаленной - доносятся монотонное, мелодичное воркование голубя-турлушки, справа будто вторит тому и другому певцу резкий свист золотистой иволги, слева, в вершине ветвей, громко поют зяблик и канарейка. Слушая одних, наблюдаешь и любишься другими птицами, как, например, фазанами, из которых в Аскании-нова выделяются золотистый, королевский, алмазный и серебристый, или засмотришься невольно на диво-птицу - лафофора, венценосных журавлей или калифорнийских перепелочек. Счастливым чувствуешь себя в такие минуты и живо проникаешься чистотой юношеского восторга и очарования...

Незаметным образом мы приблизились к прудам и каналам, по поверхности которых скользили во всех направлениях всевозможная плавающая птицы или стояли, словно изваяния, бело-розовые красавцы-фламинго. Приютившись в тиши, мы долго сидели, тихо наслаждаясь этой новой картиной жизни пернатых, меняющейся словно в калейдоскопе... Сколько здесь проплыло гордых лебедей, смиренных казарок, уток, гусей; одни плыли парами, другие одиночками и по нескольку особей вместе, то молчаливо, то с громкими или, наоборот, едва слышными голосами. Птиц с птенцами мы наблюдали сравнительно немного.

...вык глаз, как - к обитательницам наших средне-азиатских владений или Джунгарии.

Любили мы проводить время на вышке: там открыто, а потому и прохладнее, и интереснее. С вышки можно одновременно любоваться и зверями, и птицами. Птиц такое разнообразие и такое обилие, что очень часто другого ничего не слышишь, как только одни их голоса... Короче, на асканийских прудах и болоте - настоящий птичий базар.

Что же касается до вольер, то по-прежнему их огромное количество, - и больших, и небольших, и высоких и низких, и обособленных или соединенных вместе, в один общий лабиринт, с растительностью и водой или почти совершенно пустынных, как, например, пустынные новые просторные вольеры для хищников. Из этих вольер почти всегда несется орлиный клекот или своеобразный крик сарыча... Другая хищная птицы более молчаливы, но за-то их невольный сосед - черный ворон, - часто и громко каркает на всю ближайшую окрестность.

Юляя ежедневно в парках, невольно пройдешься у тех или других вольер, у самых мелких и самых разнообразных певчих пташек, у хищников, причем поласкаешь прежнего своего крылатого спутника, грифа-монаха, попутно заглянешь к закаспийским горным индейкам или улларам, послушаешь их оригинальный свист, вспомнишь охоту за ними; на минуту-другую становишься также и у старого красиваго отшельника-попугая, выучившагося хорошо качаться на трапеции и разговаривать с самим собой.

Говоря вообще о вольерах, следует признать, что как в прежняя наши наблюдения, так и теперь, наиболее интересной и привлекательной вольерой остается вольера “центральная”, где жизнь пернатых представляется наиболее полной и своеобразной и наиболее оживленной серебристыми струйками водопада, низвергающегося с каменной горки... И теперь у этой вольеры мы просиживали часами. Привычные птички не боялись нас: наоборот, некоторые из них, – зоряночка, розовая щеврица, красавец китайский дрозд-шамо и другия, – прилетали к человеку вплотную, чтобы из его рук получить червячков. Корма одних птичек, мы любовались другими, ютившимися или у каскада, или по соседним кустам, к которым между прочим забавно цеплялись клювиками и висели в воздухе маленькие зеленые попугаи-неразлучники. А вот прилетел к каскаду красный кардинал, с хохлом, словно шапочкой, и осторожно уселся подле серебристых брызг. Пониже, в студеных струйках, купаются желтая овсянка, плиски, синица... Крачки и кулики так прямо забегают в воду и стоят в ней, стараясь быть поближе к дождевым струйкам водопада... Соседняя ветви облеплены птичками, словно эти птички ждут очереди; тут вы видите: лазоревую синицу, дубоноса, конопляночку, чеккана, зяблика, китайского соловья и много-много других. Действительно, центральная вольера, это - один из лучших уголков для наблюдения за жизнью мелких птичек. Здесь птички резвы, как на свободе, и нигде больше вы не встретите такого разнообразия и богатства живых сцен, живых, увлекательных голосов, как у центральной вольеры, куда вас постоянно манит ваш внутренний голос, – голос чистой любви и очарования к природе...

Благодаря увеличению озер и расширению болот в Аскания-Нова с каждым годом увеличивается число гнездящихся диких гусей, уток, лебедей, журавлей и других плавающих и голенастых птиц. К числу редких пролетных пернатых в минувшую весну относится каменный дрозд (*Petrocinella saxa ilis*), который добит препаратом и уже украшает собой витрину в асканийском зоологическом музее.

Асканийский воздух замечательно сух, и, повторяю, прозрачен и открывает широкий горизонт. небо голубое, красивое. Вечерняя зори, это – одно сплошное восхищение, в особенности в майскую пору, – в пору цветения ковыля, разсыпаящего в воздухе серебристыя струи, с оттенком огня или дымки, в зависимости от того, куда наблюдатель смотрит, – ближе или дальше от дневного светила. Едва скроется последнее, как воздух тотчас свежее, в парках сумрачно, а то и совсем темно. идите теперь туда, садитесь и внимайте пению соловья. Местный соловей поет чисто, громко; поет с увлечением, сменяя одне трели другими, похожими между собой. Едва смолкнет певец подле вас, как вы слышите такую же песнь вдали, в одном, другом, третьем и т.д. уголку... Почти весь парк поет. Иногда так и забудешься на много-много часов. Тем временем блеснет утренняя заря, проснется весь пернатый мир, буквально поющий хвалу Творцу... Каких только голосов вы не услышите тут, и как далеко уйдете вы от всего

того, что теперь всех занимает, всех держит настороже. Далеко от того, с чем только сам жил неразрывно на протяжении нескольких месяцев, от того, что заставляет во сне, по ночам, или в дневной грозовый гром, вздрагивать, входить еще глубже в ту действительность, которая продлится еще немало время...

П. Козлов. Аскания-Нова, 28-го мая 1915 г.

Пачоский I. К.

Залеть краснозобой казарки въ Днѣпровскій уѣз., Таврической губ..

Орнитологическій вестникъ, 1915. №3. С. 253-254.

Залеть краснозобой казарки въ Днѣпровскій уѣз., Таврической губ. – Въ половинѣ ноября 1914 года около Софіевки, на берегу Чернаго моря, былъ убитъ ♂ краснозобой казарки (*Rufibenta ruficollis* Pall.). Птица эта у насъ очень рѣдка и это всего второй извѣстный мнѣ случай ея залета къ намъ (о первомъ ранѣ упоминалось мною въ книгѣ 3–4-ой „Орнитологическаго Вѣстника“ за 1911 годъ, въ статьѣ: „Къ орнитофаунѣ Херсонской губерніи“). Поэтому невольно является вопросъ, не принадлежалъ ли этотъ экземпляръ къ числу улетѣвшихъ изъ зоопарка Ф. Э. Фальцъ-Фейнъ въ Асканіи-Нова, гдѣ эти гуси имѣются уже нѣсколько лѣтъ? Однако, по наведеннымъ мною Правкамъ, оказалось, что въ послѣднее время отсюда не улетѣло одного экземпляра. Только въ маѣ 1913 года одна изъ имѣвшихся тамъ птицъ пропала. Очевидно, что убитая въ ноябрѣ 1914 года казарка не могла быть улетѣвшей изъ парка. Вообще, Следуетъ замѣтить, что участь птицъ послѣдней категоріи, по видимому, плачевна. Такъ, напримѣръ, одинъ экземпляръ фламинго, улетѣвшій изъ Асканіи, вскорѣ былъ убитъ вблизи.

I. К. Пачоскій

Фальц-Фейнъ Ф. Э.

Сообщение объ окольцованіи птицъ въ зоопарке Асканія Нова, Днепро夫скаго уезда, Таврической губерніи.

Орнитологический Вестник, 1915. № 3. С. 249-251.

Окольцованіе началось въ 1907 году. Съ этого времени окольцовано 1.590 птицъ, именно: въ 1907 г. – 2 экз., 1909 г. – 31 экз., 1910 г. – 29 экз., 1911 г. – 51 экз., 1912 г. – 103 экз., 1913 г. – 472 экз., 1914 г. – 902 экз. и въ 1915 году – 117 экз.

Получены свѣдѣнія о слѣдующихъ окольцованныхъ птицахъ.

1. Пустельга (Falco tinnunculus).

№ 840. Окольцована молодой 14 іюня 1911 г.; убита въ октябрѣ того же года въ эк. Черноморье А. А. Фальцъ-Фейіна (въ 120 верстахъ къ юго-западу отъ Асканіи Нова), Днѣпровскаго уѣзда.

№ 850. Окольцована 14 іюня 1911 г.; убита 30 декабря того же года вблизи Таганрога.

№ 7818. Окольцована 10 іюня 1913 г.; убита въ первыхъ числахъ сентябрия того же года на Чистяковскомъ рудникѣ, вблизи Таганрога.

№ 7803. Окольцована 10 іюня 1913 г.; убита 28 сентябрия въ с. Перво-Приморскомъ, Днѣпровскаго уѣзда (рядомъ съ эк. Черноморье).

№ 844. Окольцована 14 іюня 1911 г.; убита здѣсь же 3 апрѣля 1914 г.

№ 900. Окольцована 10 іюня 1913 г.; убита здѣсь же 14 апрѣля 1914 г.

№ 7819. Окольцована 10 іюня 1913 г., наблюдалась гнѣздящейся здѣсь же въ іюне 1914 г.

№ 889. Окольцована 10 іюня 1913 г.; убита здѣсь же 2 марта 1915 г.

№ 882. Окольцована 17 іюля 1912 г.; убита здѣсь же 1 апрѣля 1915 г.

№ 7815. Окольцована 10 іюля 1912 г.; убита здѣсь же 2 апреля 1915 г.

2. Трясогузка желтая (Motacilla flava).

Окольцована 16 апрѣля 1912 г.; поймана здѣсь же 16 апрѣля 1915 г.

3. Чайка хохотунья (Larus cachinnans)

Окольцована птенцомъ 17 іюня 1913 г.; убита здѣсь же черезъ два года, 17 апрѣля 1915 г., еще въ буромъ опереніи.

4. Ласточка городская (*Chelidon urbica*).

Окольцована 19 іюня 1913 г.; урита здѣсь же 24 апрѣля 1915 г.

5. Скворецъ (*Sturnus tauricus*).

№ 15.140. Окольцована 14 іюля 1913 г.; поймана же здѣсь 2 іюля 1914 г.

№ 1267. Окольцованъ 16 апрѣля, пойманъ же здѣсь 14 іюля 1914 г.

№ 19.146. Окольцованъ 20 мая 1914 г.; пойманъ здѣсь же 20 апрѣля 1915 г.

Изъ приведенныхъ данныхъ можно заключить слѣдующее.

1) Нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ птицъ возвращаются на тѣ мѣста, гдѣ онѣ велись или гнѣздились и не только въ слѣдующемъ году.

Малое количество доказательствъ возврата птицъ объясняется тѣмъ, что – а) окольцованные экземпляры составляютъ ничтожный процентъ общаго количества пролетающихъ и живущихъ здѣсь птицъ и – б) что птицъ въ Асканіи Нова почти совершенно не убиваютъ.

Интересно, что изъ соловьевъ, горихвостокъ и малиновокъ, которыхъ здѣсь для отмѣтки и затѣмъ для контроля въ большемъ числѣ ловятъ въ западни, къ удивленію, не попалось ни одного окольцованнаго экземпляра.

2) Пустельга осенью передвигается по двумъ направленіямъ: на юго-востокъ (Таганрогъ) и на юго-западъ (Черноморье, Перво-Приморское).

1916

Иванов М. Ф.

Гибриды въ зоопаркъ Ф. Э. Фальць-Фейна въ Асканіи-Нова, Таврической губерніи (фрагмент)

Москва, 1916. С. 4-6.

Зоопаркъ въ Асканіи-Нова въ настоящее время достаточно извѣстенъ, какъ спеціалистамъ, такъ и широкой публикѣ.

Спеціалисты имѣли возможность ознакомиться съ нимъ путемъ посѣщенія зоопарка или изъ докладовъ о немъ на различнаго рода ученыхъ сѣздахъ и въ ученыхъ обществахъ. Широкая публика знакома съ зоопаркомъ по многочисленнымъ статьямъ, появившимся въ периодической печати, а также по публичнымъ лекціямъ, читаннымъ о зоопаркъ въ разныхъ городахъ. Многочисленные экскурсіи, совершаемая ежегодно въ Асканію-Нова различнаго рода учащимися и представителями разныхъ ученыхъ обществъ и др. также, конечно, содѣйствовали широкому ознакомленію публики съ этимъ замѣчательнымъ зоопаркомъ.

Въ настоящемъ очеркѣ я хочу ознакомить читателей съ интересными опытами по гибридизаціи, произведенными въ Асканіи Нова.

Помимо чисто научнаго значенія эти опыты интересны и въ сельскохозяйственномъ отношеніи съ чисто практической точки зрѣнія, такъ какъ во многихъ случаяхъ полученные гибриды использованы въ качествѣ рабочихъ животныхъ.

Я остановлюсь здѣсь на разсмотрѣніи только гибридовъ, полученныхъ между различными видами однокопытныхъ и парнокопытныхъ-жвачныхъ, какъ наиболѣе интересныхъ въ хозяйственномъ отношеніи; гибридовъ-птиць разсматривать здѣсь не буду.

Какъ извѣстно, гибридизаціей називаютъ полученіе потомства отъ животныхъ, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ видамъ или даже родамъ, полученное же потомство называютъ гибридами, бастардами или ублюдками.

Многіе гибриды извѣстны уже давно: въ спеціальной литературѣ описаны, напр., гибриды отъ осла и кобылы (муль), отъ жеребца и ослицы (лошакъ), отъ зебры и домашней лошади (зеброидъ), отъ овцы и козла, отъ домашняго рогатого скота и яка, отъ яка и зебу и мног. др. Особенно много гибридовъ получено между различными видами птицъ.

Изъ перечисленныхъ гибридовъ большимъ вниманіемъ сельскихъ хозяевъ пользуются муль и лошакъ. На нихъ работаютъ въ Италіи, на югѣ Франціи, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Закавказьѣ и другихъ мѣстахъ. Мулы и лошаки отличаются выносливостью, силой и нетребовательностью къ корму и уходу.

Эти гибриды между собою потомства не даютъ.

Въ Асканіи-Нова давно уже производятся опыты по гибридизаціи и давно уже получаютъ различнаго рода гибриды, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ уже были получены и раньше и описаны въ литературѣ, другіе же, повидимому, получены здѣсь впервые, а потому представляютъ особый интересъ.

Изъ однокопытныхъ заслуживаютъ особаго интереса гибриды, полученные впервые въ Асканіи-Нова, отъ дикой лошади (*Equus Przewalskii*) и домашней (*Equus caballus*).

Какъ извѣстно, дикая лошадь Пржевальскаго въ настоящее время встрѣчается только въ пустынныхъ степяхъ Монголіи. Еще недавно объ этой лошади никто ничего не зналъ. Впервые съ ней ознакомилъ ученыхъ знаменитый изслѣдователь Средней Азіи Н. М. Пржевальскій, которому удалось добыть шкуру дикой лошади, которую онъ и прислалъ въ русскую Академію Наукъ. Изъ шкуры было сдѣлано чучело, хранящееся въ музеѣ Академіи. Впослѣдствіи эти лошади были подробно описаны другими путешественниками: Поляковымъ, братьями Грумъ-Гржимайло и др. Ими же доставлены въ Академію Наукъ многочисленныя шкуры и скелеты дикихъ лошадей.

Когда о дикихъ лошадяхъ получились болѣе или менѣе опредѣленные свѣдѣнія, Ф. Э. Фальць-Фейнъ пожелалъ пріобрѣсти этихъ лошадей для своего зоопарка. Но достать ихъ оказалось не такъ легко и удалось въ концѣ-концовъ только благодаря настойчивости, энергіи и средствамъ Ф. Э. Фальць-Фейна, а также содѣйствію академика Бихнера и г. Клеменса. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ купецъ Асановъ въ Бійскѣ.

На средства Фальць-Фейна была снаряжена экспедиція въ Монгольскія степи для поимки дикихъ лошадей. Но первая попытка окончилась полной неудачей. На слѣдующій годъ снаряжена была новая экспедиція, на этотъ разъ увѣнчавшаяся успѣхомъ, хотя и не вполне удовлетворительнымъ. Оказалось, что этихъ животныхъ не только поймать, но и убить очень трудно, такъ какъ они очень осторожны и не подпускаютъ къ себѣ даже на очень значительное разстояніе. Пришлось прибѣгнуть къ особому приему. Зимой посланы были въ Монгольскія степи развѣдчики, которые должны были опредѣлить приблизительно мѣстонахожденіе дикихъ лошадей. Получивъ свѣдѣнія, экспедиція ранней

весной въ путь, взявъ съ собою продовольствіе на болѣе или менѣе продолжительное время и ведя съ собою хорошо тренированныхъ верховыхъ лошадей и нѣсколько кобыль, только что ожеребившихся. Ранней весной обыкновенно жеребятся и дикія лошади. Замѣтивъ табунъ дикихъ лошадей, охотники начинаютъ на верховыхъ лошадяхъ ихъ преслѣдовать. Старыя животныя лугко уходятъ отъ преслѣдованія, но если между ними есть недавно родившіеся жеребята, то послѣдніе начинаютъ послѣ продолжительнаго преслѣдованія мало-по-малу отставать и наконецъ совершенно отстаютъ и попадаютъ въ руки охотниковъ. Послѣдніе приводятъ жеребятъ къ мѣсту остановки и подпускаютъ къ недавно ожеребившимся кобыламъ, приведеннымъ съ собою. Такимъ путемъ второй экспедиціи удалось поймать пять жеребятъ, но всѣ они оказались женскаго пола. Эта партія кобылокъ была доставлена въ имѣніе Асканія-Нова въ 1898 г., при чемъ въ пути она находилась около двухъ месяцевъ.

Но Ф. Э. Фальць-Фейнь этимъ не удовольствовался, такъ какъ не было жеребчиковъ, слѣдовательно нельзя было завести завода. Снаряжена была третья экспедиція. Въ результатъ в 1904 году полученъ былъ новый транспортъ жеребятъ, но тоже кобылокъ.

Тѣмъ временемъ организатору экспедицій, купцу Асанову въ Бійскѣ, удалось добыть дикихъ жеребчика и кобылку, которыхъ онъ преподнесъ Государю. Вскорѣ кобылка пала, а жеребчика Государь подарилъ Фальць-Фейну.

Такимъ образомъ послѣ многолѣтнихъ неудачъ и затраты большихъ денегъ, наконецъ, удалось получить желаемое и образовать заводъ дикихъ лошадей.¹

Климатическія условія Таврической губерніи не оказались вредными для дикихъ лошадей. Они легко размножаются. Въ настоящее время имѣется нѣсколько своего завода чистокровныхъ дикихъ лошадей и различной кровности гибридовъ отъ дикихъ и домашнихъ лошадей.

Всѣ дикія лошади пасутся въ табунѣ вмѣстѣ съ домашними. Нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались ручными, даже были приучены къ верховой ѣздѣ. На одномъ такомъ жеребцѣ казакъ продѣлывалъ даже джигитовку.

Дикая лошадь отличается отъ домашней меншимъ ростомъ (около 2 арш.), головой похожей болѣе на ослиную, отсутствіемъ чолки, короткой, какъ бы стриженной, черной гривой, буланой либо свѣтло-коричневой мастью съ чернымъ ремнемъ (полосой) вдоль спины, и очень длиннымъ чернымъ хвостомъ, но покрытымъ не съ самаго основанія длинными волосами; отъ корня хвостъ на нѣкоторомъ разстояніи покрытъ короткими волосами. На переднихъ и заднихъ ногахъ часто замѣчаются неясныя поперечныя темныя полосы. Каштаны находятся на переднихъ и заднихъ ногахъ.

¹ Извѣстный торговецъ рѣдкими животными Гагенбехъ изъ Гамбурга, провѣдавшій, какимъ путемъ Фальць-Фейнь получилъ дикихъ лошадей, сталъ пріобрѣтать ихъ отъ того же купца Асанова и, присвоивъ себѣ честь открытія этихъ лошадей, сталъ продавать ихъ за высокую цѣну в зоологическіе сады.

Отъ дикой лошади и домашней въ Асканіи Нова получены многочисленныя гибриды различной кровности. Имѣются $\frac{1}{2}$ – кровныя дикія лошади отъ домашняго жеребца и чистокровной дикой кобылы; $\frac{3}{4}$ – кровныя дикія лошади отъ $\frac{1}{2}$ – кровн. кобыль и чистокровнаго дикаго жеребца; $\frac{1}{4}$ – кровныя дикія лошади отъ $\frac{1}{2}$ – кров. кобыль и домашняго жеребца и $\frac{1}{8}$ – кровн. дикія лошади отъ $\frac{1}{4}$ – кровн. дикихъ кобыль и домашняго жеребца.

Особенностью этихъ гибридовъ является плодовитость ихъ, какъ при скрещиваніи съ чистокровными дикими или съ домашними лошадьми, такъ и при скрещиваніи между собою.

Лукашевич И.

Моя поѣздка въ Асканію Нова (Зоопаркъ въ Таврической губерніи).

Охотничій вѣстникъ. Художественно-иллюстрированный журналъ по всѣмъ отраслямъ охоты и природовѣдѣнія, 1916. №5. С. 84–88.

Многим ли из вас, читатели, знакомо имя – «Аскания»? Могу сказать уверенно, что едва ли один из десяти русских интеллигентных людей сумеет ответить положительно на вопрос, что такое «Аскания Нова»? А между тем, далеко за границей и даже в Америке хорошо знают «Асканию». Есть, однако, надежда, что скоро у нас, в России, слово «Аскания» станет для всех образованных людей знакомым.

В 1914 г. 29 апреля удостоил своим посещением Асканию Государь Император. За лето 1914 посетило Асканию более 10000 экскурсантов.

В середине апреля того же года целую неделю провел и я в Аскании, в этом поистине волшебном уголке!

Полнаго описанія акклиматизаціоннаго зоопарка Ф. Э. Фальц-Фейна в имени «Асканія Нова», насколько мнѣ известно, пока еще нетъ в печати, – есть только несколько краткихъ монографій, изданныхъ за границей на немецкомъ языкѣ. Одним изъ интереснейшихъ, по-моему, очерковъ на русскомъ языкѣ былъ помещенъ въ №13452 «Новаго Времени» за ... и принадлежалъ перу нашего известнаго путешественника, полковника Козлова.

Изъ русскихъ описаній Асканіи могу еще указать на брошюру С. А. Мокржецкаго «Несколько словъ объ акклиматизаціонномъ зоологическомъ паркѣ в Асканіи Нова Ф. Э. Фальц-Фейна». Проф. М. Ф. Иванова «Акклиматизаціонный садъ Ф. Э. Фальц-Фейна в Асканіи Нова» (в журн. «Естествознание и географія, №3 за 1911 годъ); «Ска-

зочной оазис» Куницкаго (ст. в журн. «Природа ...»). Единственный недостаток, по моему мнению, всех перечисленных описаний Аскании заключается в том, что они имеют характер беглых заметок, в которых нет практических сведений, способных оказать услугу посетителю Аскании в планомерном обозрении всех уголков этого «сказочного...»; они не могут каждое в отдельности служить маленьким путеводителем в Асканию и по Аскании.

В этом отношении своей скромной работой я имел целью послужить всем, впервые собирающимся посетить Асканию. Только указанная цель дала мне решимость написать свою «Поездку в Асканию», тогда как уже имелись у нас краткия описания Аскании авторитетных авторов, трудами которых я широко пользовался в своей работе.

10 апреля я выехал со станции Подсвилье-Бологое, Седлецкой ж. д. в Асканию.

В Лиде (Виленской губ.) 11-го числа около 9-ти часов утра я пересел в скорый поезд Петроград-Одесса. В 9 час. утра поезд подошел к Одессе.

До Херсона мне предстояло 12-ти часовое путешествие на морском пароходе Русск. общ. парох. «Гр. Тотлебен», а от Херсона до Каховки – по Днепру на легком изящном речном пароходике.

Морской переезд весь, к сожалению, прошел ночью, но зато на утренней заре я наслаждался редкой по красоте картиной устья Днепра, в эту пору года буквально кишашаго всякой водяной птицей. Около 5-ти часов пополудни 13 апреля я сошел на пристани «Каховка», откуда до Аскании по грунтовой дороге всего 48 верст. На хороших лошадях по прекрасной степной дороге – это не более 4-5 часов езды.

Здесь меня ждали из Аскании лошади, но я по некоторым соображениям должен был переночевать в Каховке.

Кстати замечу, что в Каховке, а равно и на ст. Новая Алексеевка, Курско-Севастопольской железной дороги, для направляющихся в Асканию и едущих оттуда (главным образом, для членов асканийской администрации) имеются принадлежащие Фаль-Фейну прекрасные дворы со службами и помещениями для отдыха и ночлега. А в самой Аскании для ея посетителей предусмотрительно оборудованы специальные помещения с полным пансионом за плату что-то около 3 рублей в сутки. Это обстоятельство делает весьма удобным и не стеснительным даже продолжительное пребывание в Аскании, что, несомненно, весьма важно. Для приема экскурсантов имеются нарочитыя помещения. При желании можно просить и о высылке лошадей на станцию.

В 6 ч. утра, 14-го, я уже мчался, сгорая нетерпением скорее увидеть чудеса Аскании, по ровной, как стол, степи. Кругом ни единого деревца, ни даже самого маленького кустика: одна безбрежная зеленая степь!

День выдался солнечный, яркий. Разнообразнаго вида жаворонки наполняли воздух своими голосами и, весело гоняясь друг за другом, они летали и бегали вдоль и поперек нашего пути.

За восемь верст не доезжая Аскании, я увидел на горизонте легкую дымку нежной зелени асканийских парков.

Вот, наконец, она – моя давнишняя мечта, волшебная Аскания!

Чтобы в последующем рельефнее выступила для читателя, с одной стороны, грандиозность труда, затраченного на создание асканийского парка, а, с другой – стали понятнее многие явления жизни животных, населяющих эти парки, – я нахожу необходимым предпослать своим личным впечатлениям краткая фактическая данная, касающиеся Аскании.

Географическое положение Аскании, находящейся в Днепровском уезде, Таврической губернии, определяется 46°27' северной широты и 3°33' восточной долготы от Пулкова.

Черноморская степи, среди которых раскинулась Аскания, представляют собою совершенно ровную поверхность с глубоким слоем чернозема. Характерной особенностью этих степей являются так называемые «пады», т. е. незаметно понижающиеся на большой площади пространства степи, имеющие подзолистую (а не черноземную) почву. В отдаленные времена пады являлись естественными хранилищами водных осадков. В настоящее время черноморская степи абсолютно лишены каких бы то ни было поверхностных вод: нигде не увидите вы ни ручейка, ни озера. Отсутствие воды сказывается в растительном покрове степи: без искусственного орошения здесь не могут жить не только деревья, но и кустарники.

Атмосферные осадки в указанном степном районе выпадают в течение года весьма неравномерно: летом обычно стоят засухи, и южное солнце выжигает степь, а осенью от дождей чернозем обращается в непролазное болото. Снег выпадает, но редко в большом количестве.

Средняя за год температуры примерно +9°R; средний за месяцы minimum температура – 10,5°R (в декабре), а maximum +25,5°R (июле)¹. В отдаленных случаях зимою бывают морозы до 26°R.

Вот при каких внешних условиях создавались роскошные асканийские парки с их многоводными прудами и каналами. Главными трудностями, таким образом, при создании парков были: водоснабжение и искусственное образование перегнойной почвы, необходимой для древесных насаждений. Принимая во внимание громадную площадь парков (около 40 десятин, засаженных крупными деревьями), затраченный на создание их труд представляется колоссальным.

Надо изумиться, однако, не столь огромным средствам, затраченным на это дело сколько исключительной энергии и настойчивости Фальц-Фейна, создавших чудеса Аскании. Если устройство парков в безводной черноземной степи потребовало исключительно больших средств и энергии, то создание здесь зоопарка имело громадные преимущества.

¹ Сведения взяты из отчета за 1910 год

Южный климат Аскании дает возможность сравнительно легко акклиматизировать большое число видов животных, для которых более северный климат был бы убийственным. Главное же – отсутствие на громадное пространство кругом от асканийских парков и прудов естественных поверхностных вод и лесов удерживает многих вольных жителей зоопарка в Аскании. Последнее – весьма важное обстоятельство.

Теперь скажу несколько слов об общем плане устройства парков, прудов и вообще той части Аскании, где сосредоточена жизнь животных. В Аскании находятся: «Зоологический сад», «Зоопарк», «Ботанический сад» и «Большой» внешний пруд.

Зоологический и ботанический сады обнесены кругом оградой из густой проволочной сетки, а т.н. «зоопарк» огорожен высокой сплошной дощатой стеной.

В указанных четырех пунктах сосредоточена почти вся жизнь диких пернатых и четвероногих асканийских питомцев, исключая животных, пасущихся в открытой степи.

Одной из задач акклиматизационного асканийского зоопарка является возможное приручение и даже одомашнение акклиматизируемых животных, однако, без резкого нарушения их жизненных привычек. А потому животные здесь содержатся только первое время взаперти, а затем им постепенно предоставляется свобода, и этим уже путем медленно идут к совершенному приручению животных.

Пополнение зоопарка идет непрерывно, и вновь поступающая, скажем, птицы, только на первое время лишаются возможности летать путем подрезывания им больших маховых перьев на крыльях; перья отрастают, и птица свободно может летать. И только часть птиц, служащая основой зоопарка, путем ампутации крыла, навсегда лишена возможности полетов; но таких сравнительно немного.

По несколько экземпляров мелких птиц, т.н. «певчих», а равно: куликов, голубей и чаек содержится в вольерах, где их легко и удобно наблюдать случайному посетителю. Есть большая вольера и с представителями семьи фазанов.

Все молодое поколение птиц, воспитанное в Аскании, пользуется, конечно, полной свободой.

Насколько вообще дикая животная, особенно птицы, скоро привыкают к человеку при умелом его отношении к ним может служить примером следующее: в Петроград из г. Мезени была доставлена партия белых куропаток. Этим птиц я видел в Петрограде и оне были очень дики и боязливы. Несколько пар этих куропаток всего через 1,5 месяца пребывания их в Аскании я наблюдал и просто был поражен той доверчивостью, с какою куропатки подбегали к людям всего на 5-10 шагов, свободно тут же поклевывая корм и беззаботно оправляя свои перышки. Такая птица, несомненно, даст потомство и на новом месте своей жизни.

Истинным сердцем Аскании, оживляющим ее парки и пруды, является водонапорная башня, куда из водокачек подается вода, – в сутки до 200000 ведер. Вся эта вода по целой системе подземных труб растекается по нивелированным паркам, наполняя пруды, каналы, питая фонтаны и орошая всю площадь древесных насаждений.

Несомненно, каждому другу природы весьма интересно иметь хотя бы самые краткие сведения об истории возникновения и развития акклиматизированного зоопарка в Аскании Нова.

Позволю для начала привести дословную выписку из статьи П. Козлова, помещенной в №13452 «Новаго Времени» – «Аскания Нова – ее современное положение».

«В августе 1856 года колониальное имение Ангальтов – Аскания-Нова в количестве 84000 десятин¹ перешло в руки крупного землевладельца на юге России Федора Ивановича Фейна – прадеда нынешнего обладателя Аскания Нова.

Заслуги Ф. Э. Фальц-Фейна по созданию асканийских научных зоологических учреждений послужили к изъявлению Монарших Милостей к семье Фальц-Фейнов. Как упоминалось вскользь выше, 29-30 апреля 1914 года Государь Император изволил лично побывать в Аскании, в результате чего Софья Богдановна Фальц-Фейн была возведена со всем своим нисходящим потомством в дворянство Российской Империи. Лично Ф. Э. Фальц-Фейн был ошастливлен 3-го мая 1914 г. продолжительной аудиенцией в Ливадии, будучи приглашенным к интимному завтраку Высочайшей семьи.

«... Ф. Э. Фальц-Фейн родился в 1863 году в привольной таврической степи. В этой степи он рос, в этой же «родной» степи он научился крепко любить и проникать в сокровенные тайны природы.

Первый губернатор Фальц-Фейна г. Конрадс, ныне инвалид Аскания-Нова, – очень скоро подметил в своем ученике необыкновенное стремление к степи, влечение к ее растительному и животному миру и много способствовал развитию мальчика в этом направлении. Конрадс умел по-время подвести своего питомца к первому цветку степного растения, к первой певчей птичке, в особенности соловью, и своим собственным увлечением легко увлекал и душу мальчика...

И теперь, при случае Федор Эдуардович указывает на одного из тех людей, который вместе с его студенческим другом Вальтером и товарищем по заграничному путешествию с целью ознакомления с зоологическими садами Бельгии и Голландии, Же-Фруа-Сант-Илером, привили ему горячую любовь к естествознанию. Десятилетний Фальц-Фейн поймал зяблика и заботливо посадил его в клетку. Любуясь оперением и наслаждаясь громким пением этой птички, будущий друг природы мечтал уже об устройстве большой вольеры с птицами. Мечтам счастливого мальчика вскоре суждено было осуществиться – в награду за успешный экзамен для поступления в гимназию Фальц-Фейн получил от отца право на устройство в саду вольеры по его усмотрению.

нию. Первый зяблик и первая вольера² послужили основанием всего того, что ныне подразумевается под асканийским зоопарком.

Свои гимназические и студенческие каникулы Федор Эдуардович большую часть проводил в Таврической степи. А иногда за границей.

В 1889 году Фальц-Фейн окончил университет и почти всецело отдался устройству зоологического сада».

Собственно говоря, по словам самого Ф. Э. С 1888 года зоопарк стал пополняться «привозными» экземплярами животных и птиц, до этого же времени приобретались для парка животные исключительно местные. К этому времени надо отнести и устройство парков и прудов, так как раньше вокруг усадьбы имелись только незначительные посадки кустов и деревьев. Вот вкратце сведения о владельце зоопарка.

² Она сохранена и до сих пор как историческая достопримечательность, но только теперь (когда я был в Аскании) в ней распевают не скромный зяблик, а роскошный певец Японии – чудный дрозд Шамо

Лукашевич И.

Моя поѣздка въ Асканію Нова (продолженіе).

Охотничій вѣстникъ. Художественно-иллюстрированный журналъ по вѣсьмъ отраслямъ охоты и природовѣдѣнія, 1916. №6. С. 106-109.

Напрасно впервые посещающий Асканию будет искать глазами при осмотре парков сонливых, равнодушных к делу сторожей, каких обычно мы встречаем в зоологических садах: их здесь нет. Удивительно небольшой состав лиц, обслуживающих зоопарк, занят чрезвычайно. Замечательно то, что все это лица простыя, не ученые, но за свой долготелный опыт приобретшие порядочныя знания из области зоологии и даже недурно разбирающиеся в определении многих птиц и животных России.

На содержание зоопарка в Аскании тратится столько средств и внимания, что получается впечатление, как будто все остальные интересы асканийской жизни имеют здесь только второстепенное значение.

Беседуя на веранде господскаго дома с владельцем имения, я был сильно нервируем, доносившимися из глубины «зоологического сада», куда обращена веранда, разнообразными голосами птиц.

Тут же, у веранды, бегала целая стая куликов-сорок (*haematopus ostrilegus*) – обитателей скалистых морских побережий Европы. Стояла весна – пора любви и потому все живое заявляло о своем возбуждении разнообразными голосами и повышенным настроением. Вот два громадных дудака-дрофы (*otis tarda*) взобрались на ступеньки

веранды и застыли, как изваяние, в своеобразной позе, спрятав шею и голову среди изумительно вывороченных крыльев. Походя в этом виде на что угодно, только не на живых птиц, эти крылатые великаны нашей степи ни единым звуком не выдавали своего крайнего любовного возбуждения.

Несколько шагов по аллее – и я у целого ряда вольер.

Какая прелесть, какая кипучая жизнь!

Просторные вольеры тянутся на десятки саженей и соединены между собою открытыми калитками; всюду журчат ручейки, а в бассейнах сквозь прозрачную воду видны великолепные золотые рыбки-орфы.

Здесь все полно звуков и движения!

Красавцы самцы-турухтаны (*toranus pugnax*, Briss), как какие-нибудь средневековые рыцари, наставив на подобие щитов свои разноцветные ошейники, яростно бросаются друг на друга, стараясь поразить противника ударами слабенького куличьяго клюва. А нежный предмет их раздора, скромная серенькая самочка, в стороне занята своим туалетом...

С громким приятным для слуха свистом проносится вдоль вольер пестрая шилоклювка (*himantopus arosetta*, Briss)...

В сторонке парочка малых крачек (*sterna minuta*), топчась на своих коротких лапках, а чем-то страстно между собою переговариваются... нежной тоской отдается в душе крик общей знакомки – пигалицы.

А вот и он, старожил вольеры, длинноногий ходулочник (*himantopus melanopterus*, Meuer), встречающий здесь уже семнадцатую весну. Незаметно, шаг за шагом, вы двигаетесь вдоль вольер, и целый калейдоскоп картин сменяется перед вашим очарованным взором.

Моментами вы останавливаетесь, пораженные неземной музыкой неведомых звуков, льющихся серебряными струйками из густой листвы... Это страстно и нежно напевают голубкам о своей любви разнообразные голуби, собранные сюда буквально со всех концов мира.

Когда вы вплотную подходите к сетке вольеры и останавливаетесь, к вам доверчиво подлетают, в надежде получить лакомство, разнообразные мелкия птички: малиновки, варакушки, синички, дрозд шамо и другая.

Не утомляя читателя, нет никакой возможности перечислить все виды птиц, населяющих эти вольеры. Буквально все широты земного шара имеют здесь своих представителей – жизнерадостных, прекрасных.

Особняком расположено несколько вольер с редчайшими представителями отряда «куриных»: «ушатыми фазанами» (*crossoptilon*) и лофофорами (*Lophophorus impeyanus*). Житель высот Индии, великолепнейший лофофор, блистая своим изумительной красоты оперением, все время проводит на высоких полочках своей вольеры, и редко его можно увидеть на земле.

Приходится сожалеть, что совершенно ручные ушастые фазаны редко в Аскании дают оплодотворенные яйца, и потому почти не разводятся, в противоположность всем остальным многочисленным видам фазанов, населяющих асканийские парки.

Трогательно было наблюдать в одной из вольер высиживающую потомство крошку-перепелку (*coturnix communis*, Bott), совершенно, видимо, несчитавшуюся с неволей.

Всего в описанных вольерах живет 24 вида куликов, курочек, перепелов, 14 видов голубей; 52 вида так называемых певчих мелких птичек, 7 видов попугаев, 15 видов представителей фазанов и 13 видов хищных птиц.

Надо заметить, что как в вольерах, так и в парках и на полной свободе, многие виды птиц представлены не единичными особями и парами, а целыми, подчас многочисленными, стайками и даже стаями.

Некоторые виды птиц, как, например: фазаны, утки, гуси, мелкия птички и голуби образовали помеси и, таким образом, создали новые виды.

Из 226 видов птиц, имевшихся к 1-му января 1914 года в Аскании, 74 вида свободно размножались.

Несомненно, число видов птиц, которая будут размножаться в Аскании, не только увеличится, но уже увеличилось за этот год, так как некоторые птицы еще не успели достаточно освоиться или вновь только поступили осенью 1913 года.

«Зоологический сад», в котором расположены описанные вольеры, в одной трети своей (от «господского дома» и до пруда) состоит из парка, а остальные 2/3 его представляют из себя чистое степное пространство. Вся площадь сада – около 36 десятин, включая сюда и пруд. Деревья здесь, главным образом, лиственных пород: (верба, белая акация, ясень и др.) и только небольшая группа елей (слева от веранды) и сосенок (в углу за стеной двора мастерских) составляют исключение.

По всему парку среди крупных деревьев в изобилии растут разнообразные кустарники. Несколько хороших дорожек прорезывают парк вдоль и поперек, образуя среди густой зелени парка красивые аллеи. Полные воды каналы увеличивают прелесть этого уголка.

Дабы помешать птицам, составляющим основу населения сада (т.е. с ампутированными крыльями), при помощи деревьев вылетать за пределы сада, крупные деревья на некоторое пространство не доходят до проволочной (сетчатой) изгороди парка и заменяются здесь кустарниками.

В „зоологическом“ саду сосредоточена жизнь асканийских пернатых, среди которых некоторые виды имеют здесь свои определенные уголки. Глухари (*tetrao urogallus*) облюбовали себе район елей, а косачи (*tetrao tetrix*) – заросль сосны;

красавицы белая куропатка (*Lagopus albus*), не найдя себе излюбленных моховых полей, прочно обосновались среди кустарников, вблизи самой веранды дома.

Стенная часть сада занята дрофами и фазанами; все плавающее кишмя-кишит у каналов и пруда. Но и у воды замечается то же разграничение районов между отдельными видами птиц: длинноногий фламинго (*Thoenicopterus roleus*, Pall) и уникалы среди зоологических садов мира – краснозобая казарка (*Anser ruzicollis*, Pall) избрали себе пустынный отлогий берег пруда, тогда как милые красные утки (*Tadorna rutila*, Pall) и своеобразно красивые поганки (*Tadorna dornuta*, Gm.) почти исключительно держатся у обрывистых берегов, где в норах им удобно устраивать свои гнезда; все остальное пернатое водяное царство заняло или каналы, или другие части пруда. Кряквы (*Anas boschas*, L.) и подобные им утки, а равно разная болотная птица широко разместились по влажным, тенистым местам всего парка.

Точно в сказке чувствуете вы себя, тихо проходя аллеями «сада». Вы буквально ошеломлены всем тем, что совершается вокруг вас. И над вами в воздухе.

С треском срываются из-под самых ног разноцветные фазаны, с страстным криком исчезают на верхушках высоких деревьев то и дело поднимающиеся по сторонам дорожки селезни крякв ...

В парном весеннем воздухе над вами, с вольным диким гоготаньем, тянут на «внешний» пруд серые гуси (*Anser cinereus*, Meyer)...

Сгорбившись, перебегают вам путь осторожный кроншнеп (*Numenius arquatus*, Linn)... А вот, с гигантскими пальцами на красных ногах великолепная султанская курица (*Porphirio poliocephalus*, Leeth), вся голубовато-зеленая с пурпурным оттенком, беззаботно и доверчиво у самой дорожки копошится в иле канавки...

Из соседнего куста что-то не дружелюбно пыхтит на вас... – это наша добрая знакомая – лысуха (*Zulica atra*, L.), мирная и боязливая, сердито нахохлившись, старается отпугнуть вас от своего гнезда: другого оружия против врага нет у нея.

В сторонке степной журавль-красавка (*Grus virgo*, Linn), мерно прохаживая вокруг одного и того же места, бдительно и ревниво оберегает покой своей подруги, собирающейся на днях обрадовать его пушистым потомством.

Что ни шаг – все новые и новые картины прекрасной жизни, полной чарующей прелести!

И. Лукашевич .

Лукашевич И.

Моя поѣздка въ Асканію Нова (продолженіе).

Охотничій вѣстникъ. Художественно-иллюстрированный журналъ по всѣмъ отраслямъ охоты и природовѣдѣнія, 1916. №7. С.132-133.

Особую красоту и оживление вносят в жизнь парков красныя утки «огарь», своими непрестанными перелетами с пруда на пруд из одного парка в другой; их крик нежный и приятный говорит о чем-то вольном, дорогом для истиннаго любителя природы.

Всевозможнаго вида лебеди, гуси, казарки и утки постоянно занимают пруд этого сада.

Это самый интересный по живописности и по разнообразію пород, скопляющихся здесь, водоплавающей птицы, уголок асканийских парков, – хотя в Аскании, вообще, трудно говорить о преимуществах того или иного: все там глубоко интересно и поучительно!

Во всяком случае, этот пруд может по праву быть названным каким-то интернациональным клубом водоплавающей птицы: здесь антиподы земли, плавая бок о бок, от зари до зари ведут между собою неугомонную беседу на всех языках птичьяго мира.

Полярный гусь (*anser hiperboreus*, rau.). Восторженно рассказывает о прелестях роднаго севера величественно смуглому австралийцу – черному лебедю (*Cignus atratus*). Гражданин свободной Америки – лебедь трубач (*Cignus columbianus*) гордо повествует о своей заокеанской родине европейцу – лебедю шипуну (*Cignus olor*). И только космополит – лебедь кликун (*Cignus musicus*), прислушиваясь к этим речам, уныло думает про себя, что горемычная лебединая жизнь повсюду исполнена одних и тех же терний. Он видел на своем веку: и свободную Америку, и дикую Азию, его грели лучи и африканскаго солнца и всюду, не исключая Европы, царь земли – человек, часто из одной только бессмысленной жестокости, нагромождал целыя горы окровавленных трупов его прекрасных родичей! И жутко ему вспоминать пережитыя картины человческаго зверства здесь, на тихом прозрачном пруду, где все обвеяно любовью страннаго, так не похожаго на остальных людей человека.

Беззаботные чирки (*anas circia*, L. Et *anas crecca*, Linn), широконоски (*anas clipeata*, Briss), и многіе другіе их родичи из утинаго царства совсем, видимо далеки от меланхолий; эти эпикурейцы «ловят момент» немногих дней волшебницы весны, когда их милья подружки так расположены к ласке и неге...

Фонтаны алмазных брызг поднимают эти резвыя птички, взнимаясь группами с поверхности вод и, описав круг в воздухе, снова падают на зеркальную гладь пруда. Быстро и незаметно бегут здесь часы для любителя природы.

Боюсь однако, увлекшись пережитыми впечатлениями, слишком растянуть настоящие мои воспоминания и потому прошу читателя пойти мысленно за мною в так называемый «Зоопарк».

Под этим именем разумеется громадное пространство степи, примыкающее одной стороной своей к «зоологическому саду», только что описанному (см. план и рис 8). Зоопарк, как упоминалось уже выше, обнесен высокой дощатой стеной. В некоторых местах этой стены имеются вышки-балконы, для удобного наблюдения с них за жизнью зоопарка. В лучшую погоду летом владелец Аскании на этих балконах нередко ночует.

«С большим удовольствием, – рассказывает пол. Козлову Ф. Э. Фальц-Фейн, – провожу я тихие ясные ночи среди нашей южной природы, среди питомцев моего парка... Проснешься на заре, взглянешь на животных, – одни бродят, другие предаются отдыху; а вот сегодня слышу какой-то хруст под вышкой, смотрю – крупнейший оленебык (*buselaphus oreas*), упражняется своими могучими роками, пробуя их силу об устои вышки. Дивная очаровательная ночь!.. Звезды светят как алмазы. Набежит ветер, освежит прохладой, закутаешься плотнее в одеяло и вновь забудешься сладким крепким сном...»

Кроме разнообразных антилоп и оленей в зоопарке содержатся страусы, которые здесь несутся и выводят свое потомство.

В Аскании имеется несколько пород страусов, а именно: африканский (*Struthio camelus*), родина которого не только Африка, но и западная Азия; нанду (*Rhea americana*), – из Америки и эму (*aromaeis Novae Hollandiae*), – австралийский.

Все эти породы успешно разводятся в Аскании, а избыток яиц иногда даже поступает на кухню, так что и мне пришлось отведать африканской яичницы.

Когда я в один из жарких полдней вошел с проводником¹ в зоопарк, мне почудилось, что я нахожусь не в России, а где нибудь в тропической Африке. По всему громадному пространству (70 десятин) гладкой степи разбросаны были группами и в одиночку «заморская» животная; часть из них сгруппировалась у небольшого оазиса, состоящего из нескольких деревьев и небольшого озера.

Первыми нас встретили страусы. Вполне акклиматизировавшиеся здесь страусы, как и многия другия тропическая животная, успели приноровиться к временам года нового своего отечества в отношении поры гнездования и деторождения; стояла весна и у страусов шла кладка яиц. Возбужденные самцы с явным недоброжелательством отнеслись к нашему посещению и потому, любуясь этими великолепными царственными птицами на свободе, приходилось зорко следить, чтобы которому нибудь воинственному самалийцу не удалось обойти нас «с тылу»; последнее, несомненно, грозило бы нам серьезной опасностью.

¹ Без вооруженного палкой или основательным кнутом проводника сюда нельзя входить, особенно во время спаривания животных или в ту пору, когда есть у них детеныши.

Внушительная фигура страуса, конечно, сама по себе производила солидное впечатление, но как-то не хотелось видеть опасности для себя со стороны небольших изящнейших, с острыми как кинжал рогами, антилоп. Самцы этих милых животных легкими прыжками носились возле нас, радуя глаз грациозностью своих движений и создавая картину далеких бенгальских предгорных равнин священной Индии – родины оленекозых антилоп (*Antilope cervicapra*).

Угрюмые бубалы (*bubalis caama*) нильгау (*Portax pictus*) и злые гну (*catoblepas gnu*) с сердито прижатыми ушами заставляли нас держаться все время настороже. – Мы медленно двигались вдоль «Зоопарка», стараясь возможно меньше беспокоить пасущихся и отдыхающих животных.

Многие из представленных здесь животных были знакомы мне по зверинцам и зоологическим садам, но я почти не узнавал их среди просторной степи. В полутемной клетке или тесном загоне я видал их фигуры, мало чем отличавшиеся, по производимому на зрителя впечатлению, от музейных безжизненных чучел. Пред вами не зоологические препараты а свободная прекрасная жизнь природы в самых разнообразных и неожиданных для наблюдателя картинах. Здесь нет красивых животных, перед которыми вы могли бы подольше остановиться или быстрее пройти их, здесь нет интересных и неинтересных в отдельности: душа любителя природы здесь наслаждается гармонией жизни, чарующей взор совокупностью всех отдельных своих проявлений.

Минутя неизмеримое научное значение Аскании, невольно напрашивается вопрос: какую чисто эстетическую и образовательную ценность имеют асканийские парки?

В самой отдаленной части «Зоопарка», на песчаном бугре (старья норы суслика), я увидел две груды громадных страусовых яиц – штук по десяти, – двенадцати в каждой, – это были два гнезда самалийских страусов, еще не начавших насиживания яиц. Своеобразная не забываемая картина. Вообразите еще над собою знойное южное солнце, кругом раскинувшуюся гладкую степь и вам станет понятно иллюзия далекой Африки, – пережитая мною.

Когда я возвращался из «Зоопарка», моя шляпа была украшена целым пучком страусовых перьев, подобранных в пути. Конечно, это были не те драгоценные перья с крыльев страуса, которыми украшают себя богатые модницы, но для меня и в более скромных перышках была дорога память о пережитом мною за этот день.

И. Лукашевич.

Лукашевич И.

Моя поїздка в Асканію Нова (продолженіє).

Охотничій вїстникъ. Художественно-иллюстрированный журналъ по вїсьмь отраслямъ охоты и природовѣдїня, 1916. №8. С. 151–153.

«Ботанический сад»

Вся обнесенная изгородью из проволочной сети площадь сада – около 70 десятин; под крупными ?? десятины, а остальная часть сада – чистая степь, местами засаженная группами кустарников.

Каждый посетитель «ботанического сада», несомненно, вынесет отсюда целую гамму приятных воспоминаний об этом чрезвычайно красивом и интересном уголке Аскании.

От «зеленого дома» широко раскинулся описываемый сад со множеством дорожек, представляющих из себя замкнутую сеть, так что сколько бы вы ни ходили – нигде не попадете в тупик. Несколько художественных фонтанов придают этому саду особенную прелесть и роскошь. Особенно красив фонтан против «зеленого дома». В обширном бассейне этого фонтана целой стайей плавают золотыя рыбки, резвяся, сверкающія золотистой своей чешуей под лучами солнца.

Платаны, туйи, крымская ель, пирамидальный дуб, сапфора, несколько сортов тополя, клены, бересты, акации и многие другіе виды древесных и кустарниковых пород представляют из себя насаждения сада. Но с каким вкусом и знанием дела расположены здѣсь деревья и кустарники! Темныя группы хвои красиво выдаются на свежей зелени листвы, то напоминая собою живописныя «острова» смешаннаго леса севера, то чаруя глаз картинами южной природы. А вот стройная белоствольная березка взбежала на полянку цветущаго альпійскаго луга и словно застыла красавица, в кокетливой позе, вся залитая ярким солнцем.

И весь этот ландшафт, меняющійся при каждом повороте дорожки, оживлен разнообразными пернатыми.

Особенно много с этом саду фазанов всевозможных пород и разновидностей, образовавшихся уже тут, в асканійских парках.

Находившись вдоволь по парку сядешь в укромном уголке, где-нибудь у журчащаго фонтана на скамейку и весь отдашь отдыху и созерцанию окружающаго. Вот на дорожку выбежали, красиво наставив пестрыя ошейники, два «алмазных» фазана. Возбужденные рыцари не замечают вашего присутствія, и вы становитесь невольным очарованным секундантом дуэли.

Каждое движение, каждый поворот птицы заставляет отливать самоцветными камнями их изумительной красоты оперение. Раздраженіе дуэлянтов растет, несколько перышек, раскинутых по траве, свидетельствуют о жестокой схватке...

Удачный маневр одного из прелестных бойцов, и побежденный противник исчезает в кустах, а за ним и победитель.

Но не долго внимание ваше остается не занятым: новые картины, одна другой оригинальнее и прелестные, непрерывно поражают наш взор.

Великолепен пруд этого сада, а за ним оригинальнейший грот-беседка. На зеркальной поверхности этого пруда всегда плавают несколько красивых представителей утиного царства, а иногда по берегу воды, среди зелени прибрежной растительности, как таинственное прелестное видение, величавой походкой пройдет семья белых павлинов...

Любил я по долгу простаивать на вышке балкона, устроенном за упомянутым гротом, откуда открывается вид на окраину ботанического сада, а за нею – на безбрежный простор степи.

побывать на этом балконе рекомендую каждому посетителю Аскании.

Мало знакомому с зоологией птиц посетителю асканийских парков может показаться странным, что некоторые пернатые хищники нашли себе тут приют и кровительство. Над вашей головой то и дело парят красивые маленькие сокола и с характерным писком и криком усаживаются на высоких деревьях, где видны устроенные для них домики-гнезда. Но не надо смущаться этим, кажущимся только, диссонансом в асканийском птичьем раю: кобчик (*falco vespertinus*) и пустельга (*falco tinunculus*), особенно первый соколог, больше насекомоядные птицы и вред мелкому птичьему царству этими красивыми хищниками наносится случайно. Между тем красота полета и самой фигурки указанных соколов делает их весьма желательным украшением парков.

Необходимо еще сказать несколько слов о так называемом «Внешнем большом» пруде. В отличие от упомянутых выше зоологического и ботанического садов зоопарка, описываемый пруд не обнесен никакой изгородью, и обитатели его при желании могут свободно уходить в окружающую степь. «Внешний» пруд самый обширный асканийский водоем, в полу ю воду занимающий площадь до двадцати десятин; постоянное же водяное пространство, отмеченное на плане пунктиром, в сухое время года представляет из себя сырой луг. Как и все поверхностные водоемы в Аскании, «Внешний пруд» питается искусственно и при желании весь может быть наполнен водой.

Болотистая часть пруда является излюбленным притоном разнообразных журавлей: сераго (*grus communis, cinerea*), гаурского (*grus antigone*) и других. Здесь во время полета можно часто видеть подсевшие стаи диких журавлей в обществе асканийских. Громадное наслаждение доставлял мне зычный крик журавлей, потревоженных неожиданным моим появлением у пруда, на т.н. «могилах» – громадных курганах, образовавшихся при копании прудов рядом с зоологическим садом.

Сотни уток, главным образом, крякв, десятки лебедей черных и шипунов, и диких полевых гусей плавают и выводят свое потомство на этом пруде.

На каменистых искусственных островках этого пруда нашли себе приют мартыны (*Sterna hirundo* и *Larus calanans*); любят здесь греться на солнце и нильские гуси (*Chenalopes aehiptiacus*).

Асканийские космополиты – красные утки (агары) и сюда внесли прелесть своего крика и непрерывных красивых полетов.

На этом пруде пришлось мне ??? доступной вне Аскании немногим даже путешественникам: – полетами черного лебеда. Сверкая белоснежными большими махами крыльев, легко и свободно разсекает воздух южной России далекий гость Австралии.

Лучшую пору года избрал я для посещения Аскании, иначе не увидеть и не услышать было бы мне и половины того разнообразия звуков и движений в асканийских парках и на прудах, каким я наслаждался здесь с утра и до ночи! И даже ночью несколько раз выходил я, чтобы послушать своеобразную ночную музыку голосов птиц. Ночи в это время стояли сырые, темные, ветреные. Черным таинственным силуэтом рисовался «зоологический сад», а из глубины его все время доносились сторожевые голоса журавлей, огарей и гусей. И в ночном мраке казались эти голоса еще унылее, еще мелодичнее, лаская нежной тоскою душу любителя природы.

В описанных бегло «зоологическом» и «ботаническом» садах, а также на большом внешнем пруде сосредотачивается жизнь, главным образом, пернатого асканийского мира; в «зоопарке» же помещается только та часть животных, которая еще не достаточно освоилась с новым своим положением или же почему-либо еще не могут быть выпущены в открытую степь. Все остальные крупная млекопитающая, как-то: олени, бизоны, зубры, зебры, торпаны и яки, пасутся вместе с домашним скотом в свободной степи. И только так называемые единцы, т.е. старые самцы бизонов и зубров отбивающиеся с возрастом от стада и становящиеся в своей свирепости опасными для остальных животных, содержатся в отдельных загонах на дворе зоологической станции. Заболевшие животные помещаются там же. Буйволы и зеброиды (помесь лошади и зебры) служат в имени рабочим скотом и заменяют собою здесь ломовых лошадей.

И. Лукашевич

Лукашевич И.

Моя поѣздка въ Асканію Нова (продолженіе).

Охотничій вѣстникъ. Художественно-иллюстрированный журналъ по всѣмъ отраслямъ охоты и природовѣдѣнія, 1916. №9. С. 165-168.

Я в первый раз был в степи, в первый раз мог наблюдать степную жизнь и хозяйство, особенно такое образцовое хозяйство, как в Аскании. Но так как в задачу настоящего очерка не входит изображение всего того, что прямо не относится к жизни диких животных, я в описании своей целодневной поездки в степь только мимоходом коснусь впечатлений от осмотреннаго мною хозяйства Аскании и постараюсь рассказать несколько подробнее виденное мною из жизни диких животных, пасущихся в открытой степи.

Для мало привычнаго человека в гладкой и однообразной степи положительно нельзя ориентироваться, не только относительно местности, но и разстоянія. И меня положительно изумляла способность моего любезнаго спутника, симпатичнаго Александра Григорьевича Якоби (помощника управляющаго имением), без компаса карты точно выезжать к намеченным наперед пунктам в безбрежном степном море, где я должен был увидеть: отары ли овец, стада рогатаго скота, или косяки лошадей. Мы колесили степь вдоль и поперек без всякой дороги, настолько здесь степь имеет гладкую поверхность.

Впечатление, от неожиданно почти появляющихся в степи стад животных, к которым мы подъезжали, могу только сравнить с процессом разсматриванія предметов в микроскоп: мутное светлое пятно..., движение окуляра, и – перед глазом – неопредленныя очертанія разсматриваемаго предмета: еще движение и объект во всей ясности вырастет перед вашим взором. Эффект особенный, не наблюдаемый, вероятно, нигде, кроме степи или пустыни. Подъезжаем к одному из лошадиных косяков. Веселым ржаньем встречают нас (вернее, наших лошадей) вольные степняки, рослые-изящные. Я заметил, что с нашим приближеніем несколько небольших лошадок, легкой рысцей отбежало на противоположную нас сторону косяка. Я невольно заинтересовался этими осторожными лошадами и узнал в них – торпанов (*equus Przevalsii*), – гордость и лучшее украшеніе зоопарка Аскании. Их в Аскании к началу настоящаго года имелось: 7 штук чистокровных экземпляров, успешно разводившихся, и 11 штук полукровных – метисов с домашней лошадыю. Торпаны в настоящее время являются единственными и рѣдкими представителями дикой лошади во всем мире. Родина этих лошадей – дебри Центральной Азии (Монголія), почти недоступны для человека. Знаменитому нашему соотечественнику – путешественнику Н. М. Пржевальскому, в честь котораго

и названа эта лошадь, с громадным трудом удалось в 1883 г добыть столько шкуру торпана, настолько дика и осторожна эта лошадка на воле. Ф. Э. Фальц-Фейну первому посчастливилось добыть живых лошадей торпанов в 1898 г., организовав для этого дорого стоившую экспедицию¹. В настоящее время equus Przewalskii имеется во многих зоологических садах.

Торпаны, по наблюдениям над ними в Аскании, отличаются многими ценнейшими качествами верховой лошади, а потому и разведение их в чистом виде и метизация с домашней лошастью могут иметь и практическое значение.²

Вот подъезжаем к косяку молодых лошадей, и я имею возможность любоваться зеброидами (помесь зебры с лошастью), которых в косяке среди лошадей несколько штук. Оригинально выглядят эти животные, сохранившие от зебры полосатость (не столь, однако, полную и яркую, как у зебры), на разных основных колерах своей масти. Зеброиды подобно зебре не имеют и лошадиной челки.

Помесь зебры с лошастью получена путем искусственного оплодотворения и только в Аскании. Этот первый вид животных, правда бесплодный между своими особями, является интересным не только в научном отношении, но имеет, как уже выше упоминалось, практическое значение, благодаря своей большой силе.

Едем дальше. Вот – стадо громадных серых украинских коров, а среди них выделяются мощные хребты страшных бизонов (*bos americanus*) и наших зубров (*bonassus bison*). Здесь пасутся, главным образом, или матки с телятами или же еще не старые мацы указанных животных; старые же самцы «одинцы», как я говорил раньше, стоят в особых загонах на дворе Зоотехнической станции. Тут же можно видеть среди стада домашних коров и яков (*bos grunniens*); этих последних в Аскании два вида: алтайский и памирский.

Не только бизоны – дети американских прерий, но и природные жители литовских лесов – зубры, прекрасно чувствуют себя в Аскании. Относительно зубра можно сказать положительно, что этот, вымиравший у себя на родине, зверь в Аскании чувствует себя гораздо лучше, чем в Беловежской пуще. Кроме 6 чистокровных зубров и 7 таких же бизонов в Аскании к 1914 году имелось 28 штук метисов, как зубров, так и бизонов с домашней коровой и между собою. Теперь это количество значительно увеличилось новым приплодом.

¹ Лучший жеребец подарен Ф. Э. Государем Императором

² Успехи гибридизации, достигнутые Ф. Э. Фальц-Фейном напоминают, по словам С. Мокржецкого, работу знаменитого американского исследователя Лутера Бербанка, совершившего целый переворот в растениеводстве. Бербанк вывел более двух с половиною тысяч разновидностей растений и раскрыл нам горизонты почти безграничного совершенствования растительных форм. кормовые кактусы – без шипов, сливы – без косточек, картофельные клубни на ветках томата, помесь ежевики с малиной, обладающая феноменальной величиной ягоды (в 3 дюйма) и т. д. (С. Мокржецкий, “Несколько слов об акклиматизационном зоологическом парке в Аскании-Нова Ф. Э. Фальц-Фейна”

Из крупных оленей, пасущихся тоже с домашним скотом в Аскании, надо отметить так называемого «Марала», полумягкие рога которого, особым образом законсервированные в соляном растворе, составляют весьма выгодный предмет торговли с Китаем. Китайцы из этих рогов («пантов») готовят волшебное средство, восстанавливающее будто бы мужскую силу человека. В Китае за хорошие «панты» охотно платят до 15 рублей за фунт, что при тяжести рогов дает иногда за пару «пантов» до 700 рублей.³ Благодаря столь высокой ценности рогов марала, это животное почти истреблено у себя на родине (Сибирь, Алтай) и сохранилось в значительном количестве только в так называемых «маральниках», т.е. в специально отгороженных участках леса. Надо заметить, что «пантами» зовутся не просто рога марала, а полумягкие, еще не окостенелые рога; отвердевший рог теряет совершенно свою ценность. Лишь только у марала разовьются «панты» мараловод-хозяин загоняет оленя в узкое стойло и здесь срезает пилой драгоценные рога. К следующему году «панты» вырастают вновь.

Этот промысел весьма развит на родине маралов и дает мараловодам крупные барыши.

О чрезвычайной ценности чудесного средства, получаемого из «пантов», китайцы отзываются так: «Если бы ваши (т.е. европейские) доктора знали целебные свойства «пантов» и могли из них приготовить чудесный препарат, вы ни за какие деньги не продали бы нам «пантов».

Какую пользу приносят действительно «панты» расслабленным китайским богачам — трудно, конечно, сказать, но нашим мараловодам и сибирским охотникам «панты» несомненно служат лучшим средством к обогащению.

Маралов как чистокровных, так и в помеси с другими оленями, в Аскании к 1914 году было 20 штук.

---

³ Замечательно то, что в Аскании рога маралов достигают значительно больших размеров, чем у себя на родине.

Лукашевич И.

Моя поѣздка въ Асканію Нова (продолженіе).

Охотничій вѣстникъ. Художественно-иллюстрированный журналъ по всѣмъ отраслямъ охоты и природовѣдѣнія, 1916. №10. С.186-189.

Скажу теперь несколько слов о корме и зимнем содержании животных в Аскании, а также об уходе за парками и вольерами.

Все млекопитающія кормятся подобно домашнему скоту и, вероятно, только олени получают иногда древесную кору, которая всюду, в других парках, обычно дается им, как необходимая будто бы прикормка для правильного пищеварения. Зимой даже такая южная животная, как кенгуру, проводят жизнь на открытом воздухе. Во всяком случае, мороз до 10°R, сравнительно, легко выносятся акклиматизировавшимися в Аскании южными животными и птицами. Если и страдают иногда зимой, скажем, страусы, то не столько от мороза, сколько от привычки глотать снег. Кенгуру в некоторых случаях примораживают только свои громадные хвосты, на которые они постоянно опираются. На случай сильных холодов для южных, более нежных, животных и птиц имеются закрытыя помещения, однако, не отопливаемые.

К вольерам с задней стороны, на всем их протяжении, примыкают просторныя чистыя помещения. Некоторые из этих помещений с более нежными насекомоядными птичками изредка могут быть легко протапливаемы. Вход в крытыя зимнія помещения для птиц устроен из каждой вольеры в виде маленькой дверцы у самой земли. Все птичьи «кельи» соединены общим светлым коридором, из котораго ведут в каждое помещение обыкновенныя двери, для входа в них людей, наблюдающих за птицами.

Чистота всюду образцовая.

Пол в зимних помещениях для мелких птиц — кирпичный, густо посыпанный песком, а для некоторых нежных видов водоплавающей птицы — цементовый с таким же бассейном для воды.

Вся остальная птица свободна зимует в парке у искусственных ключей.

Птицам пища дается всегда два раза в день: утром и вечером. Хищныя птицы один раз в неделю совсем не получают пищи, что необходимо, при общем обильном питании этих птиц, для лучшей работы их желудка.

Фазанам взаперти дается: пшеница, если есть, кукуруза и ячменная крупа, а перед кладкой яиц и во время самой кладки в зерно добавляется конопляное семя и дают еще так называемый мягкий корм, состоящий из творога, мяса и проваренной на молоке ячменной и вперемежку — просяной крупы; утром дается «мягкий корм»,

а вечером зерно. Фазанам находящимся на воле дают послед пшеницы, ячменную и кукурузную крупу.

Водоплавающей птице дается то же зерно, что и вольным фазанам (вечерний корм), а утром пшеничные отруби. В некоторые корыта, в строго определенных местах, к отрубям добавляют сушеную морскую рыбу («бычки» или морская «креветки»), так как есть утки, питающиеся на воле исключительно рыбой. Там, где указанные рыбоядные утки живут на воде, с имеющейся в ней живою рыбкою, в отруби не добавляют сушеной рыбы.

Голубям и куликам ставят утром «мягкий корм», а на ночь дают зерно.

Мелкия певчая птички получают «мягкий корм», а насекомоядным видам добавляют в этот корм муравьиных яиц, тертой моркови и семян мака.

Журавли и дрофы, кроме обычного корма водоплавающих птиц, получают еще немного мяса и печенного хлеба.

Страусы едят рубленую люцерну с зерном и т.п.

Парки ежедневно поливаются водой и подгребаются граблями. Одна только эта работа обходится в год что-то около 10000 рублей. Я умышленно сообщаю эту цифру, чтобы дать некоторое представление читателю о громадных материальных ежегодных тратах на поддержание асканийского зоопарка. Общий расход по зоопарку не менее 100000 рублей в год.

В вольерах дерновой покров периодически заменяется свежим. Такое заботливое отношение к внешней чистоте обезпечивает в лучшей мере здоровье обывателей парка и до минимум сокращает случаи заболеваний животных. Кто хоть немного занимался разведением диких животных, особенно птиц, тот прекрасно знает всю трудность избегнуть в птицеводстве распространения всевозможных эпидемических заболеваний: это одно из самых серьезных препятствий к успешному разведению не только диких (более склонных к различным заболеваниям), но и домашних птиц.

Тем более трудна борьба с эпидемиями среди диких птиц, что болезни именно диких птиц еще совершенно не изучены.

Еще раз должен повторить, что для понимания и должной оценки всего достигнутого в Аскании в области акклиматизации животных, необходима серьезная и широкая подготовка, и чем эта подготовка будет значительней, тем рельефнее тогда должна выступить грандиозность работы и успехов Ф. Э. Фальц-Фейна. Все, кажущееся в Аскании таким простым и естественным, есть плод упорного труда, знаний и таланта. В Аскании каждый ее посетитель, будь то ученый специалист или просто образованный и даже простой человек, найдут глубокий захватывающий интерес для себя.

Настоящей жемчужиной Аскании является «Заповедная степь» в количестве 500 десятин. Это участок девственной степи, на котором с 1889 года прекращено

ведение всякого хозяйства. При громадной ценности в хозяйственном отношении черноземной степи, распашка последней идет быстрыми шагами и скоро наступит время (если оно уже не наступило), когда целинная степь отойдет в область преданий, а вместе с нею – вся, свойственная этой степи, флора и фауна; словом, исчезнет навсегда целый своеобразный мир.

Само собой разумеется, что с изменением растительного покрова степи изменится и животное ее население.

Для всякого истинного любителя природы, а тем более для науки, сохранение уголков девственной природы имеет исключительное значение и интерес.

В западной Европе и Америке (знаменитый Иолостонский парк), государственная власть давно озаботилась сохранением на вечные времена таких «заповедников», как памятников девственной природы. За последние годы и у нас в России вопрос о заповедниках выдвинут на очередь вопросов государственной важности, и заповедная степь в Аскании есть один из первых шагов в этом направлении.

При содействии Ф. Э. Фальц-Фейна под руководством профессора И. И. Иванова в Аскании учерждена зоотехническая станция, находящаяся в ведении ветеринарного управления министерства внутренних дел. Заведует станцией ветеринарный врач, обслуживающий вместе с тем и нужды зоопарка. Эта станция ставит себе задачей разработку вопросов искусственного оплодотворения и гибридизации животных и птиц.

Гибриды, получаемые в Аскании, большей частью (что касается крупных животных) произошли именно при помощи так называемого «искусственного оплодотворения» и не без дальнейшего участия человека в появлении на свет новых существ. Гибрид бизона и домашней коровы, например, благодаря непомерно громадной голове бизона, всегда стоит жизни своей матери и может родиться только при оперативном вмешательстве врача.

В моем присутствии были произведены опыты искусственного оплодотворения фазаном домашних кур. Хотя этот опыт, кажется, не удался, но это не исключает возможности успеха в будущем.

При искусственном оплодотворении птиц «сперма» добывалась от свежееубитого самца; жизнеспособность сперматозоидов проверяется микроскопом, а затем сперма маленькими дозами проводится при помощи специальной ложечки в яйцепровод, откуда она естественным путем достигает яичников. Чтобы исключить возможность стороннего оплодотворения, птица выдерживается три недели в изолированном от доступа самцов помещении. Три недели считается сроком действия спермы на яичники.

Необходимо еще упомянуть, что особым лицом, со специальной научной подготовкой к тому, ведутся в Аскании регулярные научные наблюдения за жизнью животных, и не только питомцев зоопарка, но и вольных. Особенно во время весеннего и осеннего пролетов птиц (главным образом, мелких). В это время масса пролетных

птиц ловится всевозможными западнями и окольцовывается, т.е. на ножки пойманных птиц одеваются легкия алюминиевые колечки. Эти колечки имеют каждое свой номер и знак станции. Птицы с кольцами заносятся в особый журнал с обозначением времени, когда надето кольцо, приблизительного возраста птицы и прочее. Затем птица выпускается на волю. Все станции кольцевания птиц находятся друг с другом в общении. Кольцевание птиц имеет громаднейшее значение в изучении многих вопросов орнитологии, менее всего разработанных, как например – вопрос о перелетах и других видах передвижения птиц.

Попутно при кольцевании птиц, некоторые птички (особенно, соловьи) искусственно задерживаются (путем легкой подрезки перьев на крыльях) на время гнездования в асканийских парках. Этой мерой удалось достичь того, что раньше негнездившиеся в непривычной для этого местности, птички стали обычными прилетными и гнездящимися видами в асканийском парке. Факт, имеющий крупное значение.

В заключение опять-таки словами Козлова, упомяну о имеющемся в Аскании весьма интересном естественно-историческом музее: «Музей представляет большое ценное собрание чучел млекопитающихся и птиц, погибших в зоопарке, кроме того, птиц, добытых на весеннем и осеннем перелетах... Здесь же имеются коллекции яиц... Из спиртовых препаратов собраны редкие эмбрионы – лошади Пржевальского, гну, антилопы, кенгуру, сайги, газели, страуса и др. При музее имеется хорошо поставленная препараточная мастерская и фотографический кабинет, располагающий до 1500 негативов с видами Аскании, ея парков и животных.

Заканчивая свой скромный труд, я должен извиниться перед читателями, что не сумел удержаться в строгих рамках передачи одних только непосредственных своих впечатлений, вынесенных мною из посещения Аскании.

Самое заглавие настоящего очерка говорит о том, что это просто бегло записанные впечатления любителя природы. Поэтому я не позволяю себе сколько-нибудь серьезно касаться громадного научного интереса асканийского зоопарка. Я был бы очень счастлив, если бы мой труд заинтересовал Асканией возможно больший круг людей, никогда еще не имевших счастливого случая побывать в ней. А побывать в Аскании – значит дать сильный толчок развитию в себе, может-быть скрытого только, облагораживающего человека чувства любви к природе.

И. Лукашевич

Огнев С. И.

Млекопитающие Таврической губернии, преимущественно Крымского полуострова: Грызуны. (фрагменты)

Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, 1916. Том 5. С. 51–111.

... До последнего времени наши сведения о географическом распространении млекопитающих Крыма были очень скудны...

... Подводя итоги моей личной работы, я прежде всего отмечу, что просмотр Симферопольской коллекции позволил мне увеличить список грызунов Таврической губернии до 21 вида, из коих на долю Крыма собственно приходится 18 форм. Кроме того, я счел рациональным описать новую aberrацию (быть может, подвид) хомячка, назвав его *Cricetulus phaeus neglectus* aberr. nov.

...Rodentia. Грызуны....

Семейство Sciuridae.

Родъ Citellus Oken (1816).

Подродъ Colobotis Brandt (1844).

1. Colobotis musicus Menetries.

... В коллекции Симферопольского музея нашлась довольно большая серия сусликов, собранных в окрестностях г. Симферополя, где этот вид обыкновенен в прилежащих степях. Кроме того нашелся экземпляр из Эски-Борлака Перекопского уезда, небольшая серия из Аскании-Нова, один суслик из Камышь-Буруна Феодосийского уезда, из Мелитопольского уезда. Наконец, А. А. Браунерь любезно прислал мне серага суслика из Керчи.

Кроме перечисленных в таблице, в коллекции Симферопольского музея имеются еще следующие экземпляры: 4. 1899 г. Аскания-Нова (имение г. Фальць-Фейна)....

...Семейство Muridae....

...Родъ Ellobius Fischer (1814)..

... 15. Ellobius talpinus Pall....

... Из материковой части Таврической губернии мной были просмотрены экземпляры из Аскания-Нова (имение Ф. Э. Фальць-Фейна). По своей окраске слепушонка крайне изменчива.

... 16. *Spalax typhlus* Pall.

... Въ материковой части Таврической губ. этотъ грызунъ, видимо, довольно обыкновенень ...

... Въ коллекціи Симферопольскаго музея имеется одинъ экземпляръ, добытый въ Асканія-Нова (именіе Фальць-Фейна) въ Таврической губ...

... По строенію зубовъ верхней челюсти экземпляръ изъ Асканія-Нова совершенно напоминаетъ рисунокъ Неринга для типичнаго *Spalax typhlus* Pall, (т. 4, fig. la. p. 175). Совершенно другую картину видимъ мы въ строеніи m_3 , на этомъ зубе можно хорошо отметить две заметныя впадины, какъ съ внутренней, такъ и съ внешней стороны зуба – признакъ, по Нерингу, характерный для *Spalax micropthalmus* Cüld. Все эти несоответствія детальныхъ признаковъ, думается, ясно показываютъ, что для точнаго разделенія водящихся въ южной части Европейской Россіи формъ слепыша требуется еще тщательный, критическій просмотръ указанныхъ признаковъ, проверенныхъ на большомъ матеріалѣ...

1917

Петрівський Т.

Дбаймо про розвій рідної науки

Нова Рада, №190. 19.11.1917. Шп. 4.

Цими днями в університеті св. Володимира склався «Кієвській областной природоохранительный комитетъ», збудований ініціативною групою професорів і вчених.

Мета комітету: а) інвентарізація тих обшарів як органічної, так і неорганічної природи, що мають велику наукову вартість, заслуговують охорони і повинні бути охороненими; б) в цю переломну добу, коли б почалося руйнування пам'ятників природи, звертатися до влади, покликаючи до належних розпоряджень; с) при вирішенні земельної справи, зазначити, що саме – які земельні обшари, треба залишити яко національну власність для цілей науки і державного господарства.

Конкретними пам'ятниками на території України являються:

1) зоопарк «Асканія Нова» (Дніпров. пов. Таврія) – цілинний степ, де розведені цікаві породи всякої звірини.

2) Зоопарк «Пилявин» (на Волині) – щезаючі породи звірини.

3) Парк (ботан.) – «Олександрія» (коло Білої Церкви на Київщині).

4) Парк «Софіївка» (в Умані).

З неорганічної природи варті уваги:

а) гранітні скелі (коло Житомира, на р. Тетереві; коло м. Коростишова, радом. Повіту на Київщині);

б) згаслі вулкани, з виходами лави – (коло с. Ісачки, Лубен. пов. на Полтавщині; коло с.с. Берестовець, Злазня, в Луцьк. пов. на Волині – в с.с. Васьківичі, Малий Дівлин, Мяколивичі та інші в Овруч. пов.);

с) Толдри, або медоборські гори (кораллові кільцевиди, острови, «Аттоли») – на Поділля, Каменец. пов. с. с. Привроття і Нічин.

д) Природні артезіанські криниці в с. Оконськ, Луц. пов., в Пунем. Вол., Ковел. пов. на от оз. Світязь – на Волині д. Кістяки продавніх звірів геологич. епох. – село Збранки (в байраці);

е) селища людини камінної доби (з виробами його)... до півночі с. Хлуплян, Овруч. повіту на Волині, в гало – врочище Бор коло Крем'янця, село Горжвін. Коли ж торкнутись місцероджень користних мінералів – то наш край має: янтарь, в околицях Києва – с. с. Хотів, Гвоздів, Старі і Нові Петрівці і т. и. На Волині по р. Півден. Случі околиці містечка Березна; та ще по Горині коло с. с. Домбровіці та Бережинці. Гірський кристаль – коло с. Суцани на р. Уборті, Овруч. пов. (на Волині); Яшма коло с. Збранок Овруч. пов. і старовинний сланець (тальк.) коло с. Хлуп'ян, Збранок Годотемль (Овруч. пов.). Ці останні геологічні вказівки що до розв'язу рідної промисловости мають величезне значіння. Нема що говорити про перші вище зазначені (єдині в цілій державі) – ба так огнища живої науки.

Тирса Петрівський.

Талиев В.

Хроника

Бюллетени Харьковскага общества любителей природы, 1917, №2.

С тех пор, как были написаны предыдущие строчки, прошло около трех месяцев, в течение которых русская жизнь, прорвавшаяся через столь долго державшую ее плотину растлевающего абсолютизма, понеслась бурным потоком. Куда он принесет? Хочется верить, что он, теряя с удалением от верховьев свою разрушительную силу, в конце-концов получит характер великаго оплодотворяющаго Нильскаго разлива.

Но, пока что, научно-культурная работа несомненно испытывает условия гораздо более тяжелыя даже, чем при старом режиме. Причина этого, конечно, кроется прежде всего в охвативших всю страну острых основных политических и социальных вопросах, которые, естественно, отодвинули далеко на задний план более второстепенные интересы. Но чрезвычайное препятствие для обычной просветительско-культурной работы встало и в громаднх типографских затруднениях, исключительной дороговизной печатания изданий, непосильной для скудных средств обычных русских научно-просветительных обществ. Рядом с этим, несомненно, происходящая “переоценка ценностей” под углом совершенно новых течений русской жизни отражается и на культурно-научной работе. И подчас, возникает сомнение, нужна-ли нам вообще старушка европейская наука и выросшая на ней культура?

Конечно, вся абсурдность такого вопроса очевидна. Сознание того, что знание нам нужно, и остро нужно, привело к идее создания “свободной ассоциации распространения положительных наук”. В торжественных заседаниях, устроенных для про-

паганды этой идеи в Москве и Петрограде, выступали не только профессиональные ученые, не только бывший шлиссельбуржец Н. А. Морозов, уважение которого к науке хорошо известно, но и Максим Горький, позиция которого по отношению к науке не всегда ясна...

В совершенно особую полосу попал вопрос об охране природы. Если в старой России в этом направлении делалось очень мало, но все же в силу принадлежности крупным владельцам, меценатам, государству, монастырям, кое-где сохранялись участки сравнительно нетронутой природы, то в настоящее время при бурном течении аграрной проблемы, с большим трудом поддающемся урегулированию, идея охраны природы легко может показаться ненужным сентиментализмом. И для лиц, дорожащих “памятниками природы”, одна из многих сейчас хроникерских заметок: “Святогорская республика” (“Южный край”, 31-го мая, вечерний выпуск), естественно, заполняет сердце страхом за судьбу этого редкого пережитка исчезнувшей природы Харьковской губернии!

Большие страхи и сомнения вторгаются в душу относительно нашей “великой научной ценности” – Аскании-Новой. Сведения, идущая оттуда, нельзя назвать утешительными. Но вместе с тем судьба Аскании-Новой, конечно, очень многих волнует и идет перекрестное стремление спасти ее. Однако, ход русской жизни пока ничего определенного предсказать не позволяет. Насколько своеобразны существующие сейчас взаимоотношения, может служить имеющееся у нас достаточно надежное сообщение, что о необходимости создать охрану Аскании-Новой первый постановил Кронштадтский Совет С. и Р. депутатов, при чем им решено было послать особого комиссара! По газетным сведениям, затем тот же вопрос поднят был Кавказским О-м Акклиматизации и, по его инициативе, был послан для охраны военный отряд.

“Кавказское Общество Акклиматизации животных получило тревожные известия разгрома знаменитого зоологического парка в имени Фальц-Фейна “Аскания-Нова”, в Таврич. губ. “Горячо просим, не теряя ни одного часа, поднять голос в защиту Аскании ради интересов научного исследования природы и сохранения великой культурной ценности России”, – телеграфирует нам Общество. (“Р. С.”, 18/V).

Это известие побудило ректора Московского у-та проф. Мензбира возбудить телеграфное ходатайство перед Временным Правительством.

Сам Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн мне пишет:

“При Московском обществе Акклиматизации состоялись в моем присутствии два заседания по поводу охраны памятников природы, редких диких животных на свободе и в зверинцах, а также редких растений и растительных сообществ в парках и в природе, а в том числе и моего зоопарка с защитной степью, в связи с переживаемыми страной событиями, подвергающими ныне все этой большой и несомненной опасности. Было постановлено: немедленно ходатайствовать перед Временным Пра-

вительством об учреждении постоянного центрального комитета, который, по примеру Комитета для охраны памятников искусства, ведал бы все упомянутые выше организации и защищал бы их интересы перед правительством. Было также решено действовать сообща с природоохранной Комиссией при Географическом Обществе, а также списаться и войти в соглашение с другими соответствующими обществами, учреждениями и лицами.

Мне кажется, что если Харьковское Общество Любителей Природы и другие аналогичные общества всецело присоединятся к приведенному мною постановлению Московского Общества Акклиматизации, то это в значительной степени послужит на пользу дела, ибо теперь нужно не только вести пропаганду, но нужно действовать и действовать быстро, иначе многое может быть разорено и уничтожено.

На этих же заседаниях выяснилась необходимость, для поддержки ходатайства об охране Асканийской степи и зоопарка, иметь мнение некоторых компетентных натуралистов, а в том числе и Ваше.

В отношении охраны степи необходимо высказаться по поводу нижеследующего:

- мой защитный участок целинной степи в 500 дес. представляет собою объект большой научной ценности;
- остальная целинная степь, расположенная вокруг этого участка, как сенокосная и выпасная, является необходимым окаймлением и дополнением для участка защитного, ограждая этот последний от засорения и видоизменения флоры;
- указанные сенокосные и выпасные угодья, кроме указанного значения, имеют также большое сельско-хозяйственное значение в интересах сохранения племенного животноводства (овцеводства, скотоводства и коневодства), а потому могут считаться в экономическом отношении участками эксплуатируемыми не менее интенсивно, чем пахоть”.

На это письмо можно, конечно, только сказать, что священным долгом всех русских ученых, педагогов и научных обществ является напрячь все свои силы, чтобы спасти Асканию-Нову от гибели. В аграрной проблеме это – капля моря, а в судьбах русского культурно-научного творчества гибель Аскании – это потеря редкого алмаза.

Но в плоскости революционных перспектив возникают и необычные для старого масштаба дерзания. Так, Р. О-м Любителей Мироведения проектируются организация в Петрограде “Союза научных Обществ” с превращением одного из реквизируемых дворцовых помещений в “Дворец Научных Обществ”. (Изв. Р. О. Л. М). Из начинаний переживаемого момента отметим возникновение в г. Харькове “Союза Любителей Природы учащихся средних учебных заведений”, первым общим собранием которого автор настоящего обзора выбран почетным членом.

В. Талиев

Шарлемань Н.

Охрана природы и земельный вопрос

(фрагмент)

Хозяйство, 1917. №35/38.

...Если мы прослѣдимъ исторію фауны или флоры какого-нибудь населеннаго района на протяженіи хотя бы полустолѣтія, то убедимся, что измѣненіе „лика земли“ идетъ съ необычайной быстротой. Многія формы исчезаютъ, оставшись неизученными. Съ уничтоженіемъ лѣсовъ и степей мелѣются рѣки, всюду образуются яры, овраги, сыпучіе пески, падаютъ промыслы, уменьшается количество нѣкоторыхъ хищныхъ птицъ, истребителей грызуновъ и мелкихъ насѣкомоядныхъ птицъ и, благодаря всему этому, нашимъ полямъ, садамъ и огородамъ все большій вредъ причиняютъ различные вредители. Съ цѣлью спасти для науки и культуры, для будущихъ поколѣній быстро исчезающіе объекты природы у насъ, по примѣру Западной Европы и Америки, съ нѣкоторыхъ поръ начали учреждать заповѣдники и заказники. По сравненію съ огромной площадью и разнообразіемъ условій нашей родины, такихъ заповѣдниковъ у насъ имѣлось самое ничтожное количество. Однако и этимъ цѣлиннымъ уголкамъ природы, зачастую болѣе ценнымъ, чѣмъ многія произведенія искусства, въ переживаемое нами время угрожаетъ разрушеніе. Въ связи съ аграрными волненіями здѣсь и тамъ дѣлаются попытки распахать заповѣдную степь, вырубить заповѣдный лѣсъ, перестрѣлять съ цѣлью добычи мяса или меха рѣдкихъ охраняемыхъ въ зоопаркахъ звѣрей и т. д., и т. д.

Нѣкоторые общественныя организаціи, будучи обезпокоенными этими явленіями, обращались съ ходатайствами къ Временному Правительству о необходимости принять рядъ мѣръ къ охранѣ заповѣдниковъ, в защиту знаменитой Асканіи Нова съ ректоромъ Московскаго университета М. А. Мензбиромъ, Кавказскимъ Географическимъ Обществомъ и Русскимъ обществомъ Акклиматизаціи, выступилъ Кронштадскій Совѣтъ р. и с. д.! Рядъ обществъ указывали Правительству на насущную необходимость учрежденія новыхъ заповѣдниковъ в связи съ рѣшеніемъ аграрнаго вопроса. Общая площадь заповѣдниковъ будетъ такъ ничтожна, что выдѣленіе ея въ національную собственность не окажетъ существеннаго вліянія на рѣшеніе земельного вопроса.

Охрана природы обсуждалась также на бывшемъ въ минувшемъ августѣ съѣздѣ Ассоціаціи русскихъ естествоиспытателей и врачей. Съѣздъ вынесъ следующую резолюцію:

1. Охрана природы является вопросомъ неотложной важности и имѣеть общенациональное значеніе. 2. Должны быть созданы правительственные органы, назначенные по соглашенію съ мѣстными организаціями, изъ лицъ, работающих по

охранѣ природы, какъ центральнѣй, такъ и мѣстныя. 3. Роль комиссаровъ по охранѣ природы – организовать собираніе свѣдѣній о томъ, что заслуживаетъ охраненія, и принимать возможныя мѣры, если что угрожаетъ существующимъ памятникамъ природы. 4. На охрану природы должны быть ассигнованы спеціальныя средства. 5. Должны быть приняты мѣры къ фактическому охраненію зубра, бобра, Асканіи Новы и т. д. Эта резолюція направлена Временному Правительству.

На мой взглядъ, для пользы дѣла всѣ, кому дороги интересы науки и судьбы родной природы, должны всѣми мѣрами поддержать постановленіе съѣзда Ассоціаціи. Отовсюду должны быть направлены аналогичныя ходатайства.

Общими усиліями, надо думать, удастся добиться того, что при рѣшеніи земельнаго вопроса не будутъ забыты задачи охраны природы.

Шарлеманъ Н.

Последніе дни европейскаго зубра

Бюллетени Харьковскаго общества любителей природы, 1917. №1. С. 12-17.

Война внесла глубокия разрушенія в природу. В районах, захваченных войной, повырублены вековыя леса, поредели они далеко за пределами фронта. На птицах и зверях, теоретически разсуждая, война скажется двояким образом. Вдали от фронта, благодаря уходу в армию значительной части мужского населенія, а также благодаря дороговизне охотничьих припасов, сократилась, а местами и совершенно прекратилась охота. Результаты этого обстоятельства не замедляют сказаться. Даже сейчас уже замечаются некоторые признаки начавшегося увеличенія количества дичи. Пострадало животное населеніе лишь в местах, попавших в район военных действий. Дикіе звери, сторожкія птицы повыгнаны из лесных дебрей, и, надо думать, не скоро, а может быть и никогда не вернуться на родныя места, коренным образом изменившія ландшафт... Среди зверей есть один, для котораго нынѣшняя война оказалась роковой. Это европейскій зубр (*Bison bonasus*), пережиток, осколок старины, наша національная гордость, под охраной закона доживавшій свой век в Беловежской пуще. Под шум событій мы не заметили гибели самаго крупнаго и вместе с тем самаго редкаго из млекопитающих нашего отечества. В общей прессе время от времени проскальзывали отдельные факты о судьбе зубров. На одной такой газетной статьѣ я хочу остановиться. Автор, Всеволод Чаговец в фельетоне в "Кіевской мысли" (7.12.1916) пишет:

"Раненные солдаты из минскаго района разсказывали о встрече в лесных дебрях с какими-то огромными, лохматыми быками, оказавшимися зубрами.

Сначала мы испугались. Зверь видный, рослый, страшный. А как накинута на них арканы – так они и повалились, как подкошенные. – Ну и что же дальше? – А дальше обыкновенно, зарезали, содрали кожу, думали поживиться мясом. Но мясо оказалось и жесткое, и твердое, одна жила и ничего больше. Варили, варили, ни навару, ни мяса. Так и выбросили. Впоследствии времени офицеры очень жалели, что мы с ними так неаккуратно справились. Говорят, можно было набить чучелы и взять за них большие деньги. Очень, говорят, редкостный скот эти зубры, и когда он в силе – его ничем не свалишь, а эти, видимо, очень отощали. Сначала кинулись, было, наутек, а там и стали спотыкаться. Тут мы их и захватили.

А какие-же они из себя?

Да так, мордастые, глаза большие, рога маленькие, волос золотой, а борода и грива на концах черная. Красивый зверь, только худобы необыкновенной. Кожа да кости. И шерсть вся сбилась клочьями.

Потом мы уже и сами искали, и мужикам наказывали, если где заметят, чтобы давали знать, но ничего не вышло. Больше не попадалось. Говорил мужик, что весной, когда оттаяло, находили иногда в лесах огромные туши падали, по всем признакам, тоже зубры. Значит... все пропали...”

Далее по поводу гибели зубров, автор рассказывает ряд мыслей.

“Рассказ о погибающих зубрах слушал я без удивления – пишет он. – Так оно и должно было случиться. Ведь всего-то их было в Беловежье около семисот штук, и все они были на учете, и лесная стража должна была следить за ними, как за “райскими птицами”. Лес разделен был на участки, и в каждом участке были приготовлены ясли для прикормки зубров, и пищу для них готовили особенную, чтобы как-нибудь поддерживать жизнь вымирающей лесной “аристократии”, но это можно было производить только в мирное время, а когда над Беловежской пущей загремели разрывные снаряды, – тогда, конечно, было не до зубров! Одни погибли от случайных осколков, за другими, об этом писали, устраивали охоту немецкие лейтенанты, рискуя при этом быть растоптанными, тогда еще могучими копытами лесных богатырей, но большинство разбежалось по лесным дебрям и там обречено было смерти... Потому что для самостоятельной жизни в лесу они уже были не приспособлены. Таков закон борьбы за существование, таков порядок преемственности видов. Были ихтиозавры – и остались голые скелеты, были мамонты и пещерные медведи – и остались только клыки и черепа, украшающие археологические музеи... Пришла очередь и за зубрами, и без этого засидевшимися на этом свете. Потому что закон жизни суров и непреклонен: – Если ты не можешь приспособиться к новым условиям бытия – ты обречен на вырождение, и никакая подкармливания тебя не спасут от музейной полки... А зубры считали себя вне закона. Но катастрофа оказалась неизбежной. Когда немцам удалось кое-как подранить и привезти в Берлин еще живыми двух зубров, – это был очень

интересный спектакль, о котором писались корреспонденции даже в нейтральной прессе: – Русские зубры в Берлине...

Немцы очень интересовались этой породой и, вероятно, приложили все старания, чтобы иметь у себя в тир-гартен такое редкое сокровище. Удалось ли им сохранить зубров живыми или нет – о том не писалось.

Как бы то ни было, а совершилось то, что должно было свершиться. Гордые лесные аристократы стали предметом немецкой забавы, а наши солдатики сермяжные решили, что ни на какое дело зубр не годится. Отощал, обезсилел, осталась только видимость. Рога, кожа и кости. А мясо даже в солдатском котле не могло свариться. Потому не только всякому овощу, но и всякому зверю свое время. Пора ископаемых отошла безвозвратно... По лесным дебрям застучал топор, загудела машина, человек прочищает дороги, осушает старья допотопных логовища и болота, и свет проникает туда, где искони было безпросветно и непроходимо. Участь последышей, конечно, не лишена трагического элемента, но если за вырождением одних шествует здоровая жизнь других, более приспособленных к новым условиям жизни, тогда приходится только установить голый факт:

“Зубрам пришел конец”¹

Не будем вдаваться в критику положений автора о причинах исчезновения зубра. Обратимся к самому предмету настоящей статьи, к зубру, его истории в прошлом, судьбе в настоящем. Европейский зубр (*Bison bonasus*, синоним *Bison europeus*) ближайший родственник кавказского зубра (*Bison bonasus caucasicus* Sat.) и отчасти американского бизона (*Bison americanus*) – самое крупное млекопитающее в Европе. Взрослый самец достигает в длину 3,5-3,75 метра и веса в 40-50 пудов. Самка несколько меньше самца. Зубр – единственный дикий представитель семейства быков (*Bovinae*) Европы. В былые времена область его распространения обхватывала почти всю Европу и значительную часть северной Азии. Эта область затем значительно сократилась, и зубр сохранился до наших дней в двух местах – в Беловежской пуще и на северо-западном Кавказе в дремучих лесах реки Белой и в долине Уруштена. Кавказский зубр, отличающийся некоторыми мелкими признаками от европейского, выделен в местную форму – *Bison bonasus caucasicus*. В качестве акклиматизируемого животного европейский зубр живет в настоящее время в очень ограниченном числе в Гатчинском зверинце – охотничьем угодии Императора, в имении “Пилявин” графа Поточского в Волынской губернии и в “Аскания-Нова” Ф. Э. Фальц-Фейна.

¹ Баварской Академией была снаряжена экспедиция в Беловежскую пущу. Экспедиция эта работала под начальством д-ра Штехова с октября 1915 года по январь 1916. Главной задачей ее было собрание возможно большого материала по зубрам. Штехов еще нашел целый ряд трупов зубров на снегу. (См. ст. Д. Анучина. География за последние два года у наших западных соседей. “Природа”, 1916 г. декабрь, стр. 1474.)

Коренное местопребывание европейского зубра – Беловежская пуца, занимающая огромную площадь приблизительно 128.000 десятин, находится почти в центре Гродненской губернии. Беловежская пуца сначала принадлежала литовским князям, в XV веке она перешла во владение польских королей, а в конце XVIII столетия она стала собственностью русского Императора. В течение нескольких веков зубр находился в пуце под защитой его владельцев, и этим объясняется, вероятно, то обстоятельство, что он сохранился до наших дней, избегнув печальной участи своего современника – тура – первобытного быка (*Bos primigenius*), исчезнувшего еще в начале XVII столетия.

Нынешняя область распространения кавказского зубра вошла всецело в угодия велико-княжеской охоты, и нужно думать, что благодаря этому на Кавказе, находясь под защитой, зубр еще просуществует некоторое время. По наблюдениям Н. Я. Динника область распространения кавказского зубра сократилась заметно за последние 2-3 десятка лет. В Беловежской пуце, до войны, как об этом уже было сказано выше, насчитывалось до 700 штук зубров. В обширном лесу Беловежья зубрам было полное приволье. Здесь они паслись летом стадами в 15-20, зимою в 30-50 голов. Лишь старые самцы “одинцы” держались отдельно. Пищей зубров служат различные травы, древесные почки, кора. Кора ясена для них является настоящим лакомством. Пристрастие зубров к древесной коре можно наблюдать и на экземплярах в зоологических садах. Так, зубрица Киевского зоологического сада ухитрялась добираться до коры акации в ее загороди, несмотря на высокую, прочную ограду вокруг деревьев. Хвойных деревьев зубры вовсе не трогают. В Беловежье сено в стогах оставлялось на местах и зимою шло на подкармливание зубров, оленей и др. зверей. Свежая вода существенно необходима для зубров.

Период спаривания у зубров приходился на август. В это время между самцами происходили поединки, нередко переходившие в бои не на жизнь, а на смерть.

Телята рождались в мае или начале июня. Зубрица прятала их в укромных местах. В случае опасности зубрица защищает теленка с большой отвагой. Зубры живут 30-50 лет. Коровы несколько меньше.

От врагов зубры прекрасно защищены своей огромной силой. Волки и медведи опасны лишь для телят, оставшихся почему-то без присмотра матери. Война людей волею судеб захватила и дикое убежище зубров. Приходится думать, что зубры, так долго боровшиеся против своей судьбы, вряд ли уцелеют на этот раз. Их гибель уже почти свершившийся факт. В данном случае причина исчезновения такого интересного и еще так мало изученного памятника природы, для нас ясна. В данном случае, как и во многих других, виновником этого исчезновения явился человек, с его разрушительными тенденциями, человек – могучий фактор изменения лица земли в наше время. И в минувшие времена он был главной причиной исчезновения зубров на всей

огромной площади их прежнего распространения. В этом вряд ли можно сомневаться, если вспомнить участь американского бизона, коровы Стеллера, камчатского бобра-калана и целого ряда других животных. Европейец и изобретенная им “культура” – вот главная, а может быть и единственная причина быстрого изменения “условий жизни” на земле в наши дни.

Шарлемань Н.

Задачи охраны природы и земельный вопрос.

Докладъ 1 Всеукр. Агр. -Экон. Съѣзду.

Вісник І Агрономично-Економичного Зїзду, №7. 20.10.1917. С. 47-49.

Сейчась, когда на очереди стоить разрѣшеніе земельного вопроса, на ряду съ интересами земледѣльческаго труда не должны быть забыты интересы науки. Въдъ успѣхи въ области народнаго хозяйства находятся въ тѣсной зависимости отъ успѣхов знанія. Лишь точное изученіе окружающей природы даетъ возможность правильно разрѣшить большинство практическихъ вопросовъ земледѣлія.

Все это истины врядъ ли нуждающіяся въ доказательствахъ, а между тѣмъ при собираніи матеріаловъ по аграрному вопросу мы слишкомъ мало удѣляемъ вниманіе вопросамъ охраны природы, столь слабо изученной у насъ.

Интенсивный ростъ земледѣльческой культуры и промышленности, малоземеліе и нищета народа при недостаточномъ среди народныхъ массъ сознаніи о необходимости бережливаго отношенія къ дарамъ природы, привели къ тому, что у насъ въ настоящее удаленъ фрагм. время уже растрочены мѣстами тѣ природная богатства, которыми мы еще недавно гордились.

Привольныя кавказскія степи давно уже отошли въ область преданій. Цѣлинныхъ участковъ степи, хотя бы самыхъ незначительныхъ по площади, столь нужныхъ для рѣшенія ряда вопросовъ чистой и прикладной ботаники, почти ужъ нѣтъ подъ нашими широтами. Когда-то дремучіе лѣса мѣстами значительно порѣдели, мѣстами угрожающе быстро продолжаютъ рѣдѣть. Съ уничтоженіемъ лѣсовъ и степей мелѣются реки, всюду образуются яры, овраги и сыпучіе пески, падаютъ промыслы, уменьшается количество хищныхъ, питающихся грызунами и мелкихъ насѣкомоядныхъ птицъ, а благодаря этому нашимъ полямъ, садамъ и огородамъ все большій вредъ причиняютъ мыши и насѣкомыя.

Вотъ иллюстрація того какъ быстро бѣднѣетъ фауна нашихъ мѣстъ. По свидѣльству Михалони Литвина еще въ XVI в. Природа области вокругъ Кіева была необыкновенно богата.

В лѣсахъ и степяхъ водилось множество зубров, оленей, дикихъ лошадей-тарпановъ, козъ и кабанов. Антилопы-сайги огромными стадами перебежали по зимамъ изъ степей въ лѣса. По рѣкамъ и озерамъ во множествѣ жили бобры, лебеди и дикіе гуси. Косяки дикихъ лошадей и сайги встрѣчались въ Южно-Украинскихъ степяхъ и позже въ XVII в. во времена Боплана. Нужно ли говорить, что большинство изъ перечисленныхъ животныхъ у насъ уже не встрѣчаются, а нѣкоторыя изъ нихъ (тарпаны) исчезли съ лица земли и вопросъ о ихъ происхожденіи остался не решеннымъ.

Фауна бѣднѣетъ на нашихъ глазахъ. Так, всего лиш 50 лѣтъ тому назадъ по свидѣтельству проф. К. Ф. Кесселера въ окрестностяхъ Кіева случалось убивать дикихъ кабановъ вѣсомъ до 14 пудовъ, въ Радомысльскомъ уѣздѣ водились еще рыси и лоси, а тетеревь-косачъ былъ распространень къ югу до Черкасскъ. Кабановъ въ окрестностяхъ Кіева давно ужъ нѣтъ, какъ нѣтъ нормально и лося и рыси въ Радомысльскомъ уѣздѣ, а тетерева в Черкасскомъ. На нашихъ глазахъ исчезаютъ глухари, тетерева и рябчики, замѣтно уменьшаются въ числѣ сѣрыя куропатки. Въ рѣкахъ поразительно быстро уменьшается количество рыбы, а вѣдь относительно недавно еще нашъ Днѣпръ славился обиліемъ рыбы, въ изобиліи въ немъ встрѣчалась такъ наз. красная рыба, различные представители сем. осетровыхъ, нынѣ у насъ почти исчезнувшіе. Въ весеннее время рыба шла по рѣкамъ густыми стаями, какъ это наблюдается еще въ наши дни въ рѣкахъ восточной сибири.

Какой же выходъ изъ создавагося положення? Какъ уберечь для науки и культуры, для будущихъ поколеній быстро исчезающія формы растений и животныхъ?

Выходъ одинъ - постараться сохранить то, что еще не успело исчезнуть, сохранить тамъ, где можно целыми заповѣдниками тѣ клочки степи, что уцѣлѣли до нашихъ дней, участки не подвергавшихся рубкѣ, лѣсовъ различныхъ типовъ, создать заповѣдники в областяхъ распространеній вымирающихъ животныхъ, взять подъ охрану отдѣльные объекты природы, интересные въ томъ или иномъ отношеніи. Кромѣ того необходимо создать нормы, согласованныя съ мѣстными условіями, для пользованія естественными богатствами. Нужно помнить, что общія площади заповѣдниковъ будутъ такъ ничтожны по сравненіи съ общей площадью страны, что выдѣленіе ихъ въ національную собственность останется неощутимымъ при разрѣшеніи земельного вопроса.

Въ Западной Европѣ и Америкѣ идеи охраны природы ужѣ получили права гражданства. Охраняютъ природу Англія, Германія, Швейцарія, а Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты выдѣлили подъ заповѣдники огромныя площади. Нѣкоторые заповѣдники тамъ занимаютъ 80000 десятинъ!

Въ послѣдніе годы идеи охраны природы начали прививаться и въ Россіи. Начали возникать заповѣдники и заказники. По старвненію съ огромною площадью и разнообразіемъ условій такихъ заповѣдниковъ у насъ было самое ничтожное количество, однако и этимъ цѣлнымъ уголкамъ природы, зачастую болѣе цѣнныхъ,

чѣмь многія произведенія искусства, въ переживаемое нами время угрожаетъ разрушеніе. Въ связи с аграрными волненіями здѣсь и тамъ дѣлаются попытки распахать заповѣдную степь, вырубить заповѣдный лесъ, перестрѣлять съ цѣлью добычи мяса и мѣха рѣдкихъ охраняемыхъ въ зоопаркахъ и заповѣдникахъ зверей и т.д. и т.д. Такъ напримѣръ, дѣлались попытки захватить находящійся на территоріи Украины, пользующійся мировой извѣстностью зоопаркъ и цѣлинную заповѣдную степь Асканія Нова Ф. Э. Фальцъ-Фейна въ Таврической губ. и зоопаркъ гр. Потоцкаго «Пилявинь» въ Волынской губ., извѣстный в Западной Европѣ благодаря своимъ коллекціямъ различныхъ видовъ оленей, лосей, зубровъ и т.д.

Рядъ общественныхъ организацій уже возбудилъ ходатайства передъ Временнымъ Правительствомъ о необходимости принять мѣры къ охранѣ памятниковъ природы (*) Интересно отмѣтить, что в защиту Асканіи Нова на ряду съ Московскимъ Университетомъ, Русскимъ и Кавказскимъ Обществами Акклиматизаціи выступилъ Кронштадскій Совѣтъ р. и с. Депутатовъ. Совѣтъ вытсупилъ первымъ, при чемъ имъ рѣшено было послать въ Асканію особаго комиссара (**)

Необходимо, чтобы и такое компетентное собраніе, какъ Всеукраинскій Агроном.-Экономическій Съездъ возвысилъ свой голосъ въ пользу охраны природы.

Вѣдь агрономамъ не могутъ быть чужды интересы охраны природы, т.к. такія крупныя агрономическія организаціи, какъ Областныя Опытныя Станціи одной изъ основныхъ задачъ ставятъ себѣ изученіе области въ сельскохозяйственномъ и естественно-историческомъ отношеніи.

Конкретно вопросъ объ охранѣ природы на Украинѣ, на мой взглядъ можно было бы разрѣшить такъ: при Генеральномъ Секретаріатѣ по земельнымъ дѣламъ должна быть организована правомочная Природоохранительная Комиссія по возможности из числа дѣятелей по охранѣ природы – представителей мѣстныхъ научныхъ сообществъ и высшихъ учебныхъ заведеній и учреждений. Такая комиссія, находясь в тѣсномъ соприкосновеніи съ мѣстными земельными и лѣсными комітетами: 1) займется собираніемъ матеріаловъ по приведенію въ извѣстность (инвентаризація – по терминологіи проф. Конвенца) памятниковъ природы на Украинѣ, 2) займется подготовкой матеріаловъ къ изданію законовъ объ охранѣ природы, объ учрежденіи новыхъ заповѣдниковъ и измѣненіи существующихъ законовъ по эксплуатаціи естественныхъ богатствъ края въ соотвѣтствіи с мѣстными условиями, 3) будетъ выходить с ходатайствами въ правительственныя и общественныя мѣста о предварительной охранѣ того или иного памятника природы, если такому грозитъ уничтоженіе еще до изданія закона объ охранѣ природы, 4) займется популяризаціей идей природоохраненія. Въ случае невозможности сорганизовать въ короткое время Природоохранительную Комиссію, необходимо будетъ ходатайствовать о назначеніи изъ числа дѣятелей по охранѣ природы временнаго Комиссара. Въ дальнѣйшемъ, при организаціи Природо-

охранительной Комиссии, такой Комиссаръ избирается комиссией. Въ рукахъ комиссара должна быть сосредоточена инициатива и известныя полномочія. На охрану природы должны быть ассигнованы спеціальныя суммы (***)

(*) Временное правительство пошло навстрѣчу этимъ ходатайствомъ. Управление дѣлами Главнаго Земельнаго Комитета въ настоящее время уже разсылаеть опросныя листы для учета заповѣдников и памятниковъ природы. III.

(**) Проф. В.И.Талиевъ, Бюлл. Харк. О-ва Люб. Пр. 1917, №1 стр.66.

(***) Приблизительно такія же постановленія по вопросу объ охранѣ природы вынесъ 22 августа Съездъ Ассоціаціи русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ. III.

1918

[6/a]

Къ судьбамъ Асканіи-Нова

Бюллетень Харьковскаго общества любителей природы, 1918. №1.
С.13.

Вопросъ о сохраненіи Асканіи-Нова какъ будто принялъ благопріятное теченіе. Недавно въ Алешкахъ былъ съездъ волостныхъ земельныхъ комитетовъ и совѣтовъ раб., солд. и кр. депутатовъ, съ участіемъ комиссара Асканіи-Нова П. К. Козлова. Совѣщаніе пришло къ заключенію, что изъ всего Днепровскаго у. необходимо признать культурнымъ имѣніемъ лишь одну Асканію, которая поэтому не подлежитъ никакому разделу, а наоборотъ охранѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она сейчасъ находится.

Козлова Е.В.

Письма изъ земного рая (Асканія-Нова)

Бюллетень Харьковскаго общества любителей природы, 1918. №1.
С. 1-6.

Многоуважаемый В. И.! Пишу Вамъ изъ Асканіи-Нова, где нахожусь уже съ первыхъ чисель декабря. Итакъ, я еще разъ въ степях... Снова, могучей волной вливается въ грудь благоуханный воздухъ, снова предо мною знакомая ширь, но что-то въ ней есть неприветное, чуждое мнѣ... На всемъ лежит печать молчаливой тоски; тишина однообразной, снежной равнины гнететъ душу, и вместо великаго покоя и мира, ласково, но вмѣстѣ властно завладевающаго всѣмъ существомъ человека въ теплый весенний день, эта зимняя тишина рождаетъ какую-то смутную тревогу...

Какъ будто боясь одиночества и холода, постоянные обитатели степи жмутся къ культурнымъ уголкамъ. Жаворонки (*Alauda arvensis*, *Calerida cristata*) небольшо-

ми стайками держатся по тракту и нерѣдко отыскивають себѣ кормъ вблизи деревенских хатъ... Куропатки целыми обществами разгуливають даже за оградой парка, а зайцы собираются къ Асканіи большими обществами и живутъ въ искусственно разсаженныхъ для нихъ кустарникахъ лиціи и черной смородины. Только однѣ дрофы никогда не изменяють открытой степи, которая, повидимому, всегда одинаково мила имъ. — Эти строгія, изящныя птицы не довѣряють человеку и стараются избегать его опаснаго сосѣдства. Зоопаркъ зимою представляетъ оригинальную и красивую картину. Я только теперь, во всей полнотѣ, начинаю отдавать себѣ отчетъ въ томъ, какой удивительной степени развитія здѣсь достигла акклиматизація животныхъ и птицъ! На самомъ дѣлѣ большинство разнообразнаго населенія Асканіи не только живетъ и размножается на своей новой родинѣ, но привыкаетъ даже переносить на воле местную, подчасъ довольно холодную, зиму. Лишь самыя редкія, нѣжныя особи остаются во время морозовъ въ теплыхъ помѣщеніяхъ выходя на прогулку только въ ясную, тихую погоду.

Странно, и въ высшей степени отрадно слышать среди зимы оживленные птичьи голоса и видѣть ихъ яркую окраску на общемъ печально-блѣдномъ фонѣ. Въ птичьихъ домикахъ окна, выходящія на югъ въ вольеры, гдѣ слегка зеленѣетъ еще прошлогодняя травка открыты нараспашку, и оттуда несутся звонкія, веселыя трели канареекъ, коноплянокъ, монотонное воркованіе голубей и бойкое стрекотанье дроздовъ. А между тѣмъ, северный вѣтеръ въ открытой степи гонитъ хмурыя облака, и, замечая заячьи слѣды, рождаетъ легкіе снѣжные вихри...

Стоитъ лишь выйти въ паркъ и остановиться у кустовъ акаціи, какъ тонкій слухъ тотчасъ улавливаетъ легкій шорохъ торопливыхъ шаговъ, удаляющихся по твердому снѣгу. Вотъ въ прогалинкѣ мелькнулъ красавецъ королевскій фазанъ, бережно неся свой необыкновенно длинный, загибающійся отъ вѣтра, хвостъ, и исчезъ въ заросляхъ можжевельника. Фазаны здѣсь довольно строги, и, прекрасно бѣгая по снѣгу, рѣдко позволяютъ любоваться собою. Зато водоплавающія почти всѣ совершенно ручныя.

Вѣтеръ и холодъ загоняетъ гусей и утокъ съ открытаго пруда въ защищенные густой растительностью каналы съ проточной водой. Завидя человека, птицы довѣрчиво приближаются къ нему; многія бѣгутъ навстречу, громкими криками требуя корма. Но увлеченіе скоро замѣтно остываетъ; не сдѣлавъ и десятка шаговъ, самыя нетерпѣливыя — казарки (краснозобыя, бѣлощекія, канадскія и черныя) и гуси (сѣрые, гуменники и бѣлолобые), принуждены ложиться на животь и прятать застывшія лапки подъ крылья. Погрѣвшись минутку такимъ образомъ, они снова продолжаютъ путь, но уже слегка прихрамывая, а иногда быстро потряхивая въ воздухѣ то одной, то другой ножкой... Опереніе грудки и брюшка водоплавающихъ очень густо и плотно и это обстоятельство даетъ имъ возможность подолгу лежать на снеговой и даже ледяной поверхности, не испытывая особаго неудобства.

Вылъзая изъ воды, въ погонѣ за разбрасываемыми повсюду крошками хлѣба, утки неловко толкаются, падаютъ и тотчасъ спѣшати скорѣе возвратиться въ болѣе теплую воду. Подходя къ обледенѣлымъ краямъ канала, онѣ не стараются сбѣжать или слетѣть внизъ, а опытнымъ движеніемъ присѣдаютъ на ножкахъ и, не двигая ими, ловко съѣзжаютъ съ горки.

Я нахожу, что при кормежкѣ нѣкоторыя птицы довольно ярко обнаруживаютъ отличительныя черты своего характера. Такъ, напримеръ, дрофы сдержанны, горды и я бы даже сказала деликатны. Легкимъ, неторопливымъ, изящнымъ движеніемъ головы, онѣ берутъ лакомые кусочки только до тѣхъ поръ, пока вблизи нѣтъ никакихъ претендентовъ на то же самое угощеніе. Но лишь только появляется бойкій сосѣдъ, спѣшащій прежде всего насытить собственный желудокъ, дрофы безъ тѣни протеста, гордо поднявъ головки, удаляются прочь, даже не взглянувъ на вкусный хлѣбъ и унося, вероятно, въ глубинѣ души большое возмущеніе безцеремоннымъ поступкомъ непрощенныхъ гостей.

По жадности и дерзости своей никто, кажется, изъ водоплавающихъ не можетъ сравниться съ черными казарками (Brandta) и крохальями (Mergus).

Brandta berniela обладаютъ, повидимому, великолѣпнымъ зрѣніемъ и особымъ чутьемъ, которымъ онѣ угадываютъ, гдѣ можно чѣмъ-нибудь поживиться. Уже издали завидя васъ, онѣ бросаются бежать цѣлой семьей, вытянувъ впередъ и пригибая къ землѣ шею, раскрывая ротъ и высовывая языкъ съ какимъ-то особымъ неприятнымъ шипѣніемъ; попрошайки неотступно слѣдуютъ за вами, и никому изъ болѣе робкихъ птичекъ не даютъ возможности полакомиться угощеніемъ.

Крохаль, чувствующій себя прекрасно только на водѣ, проявляетъ удивительную прожорливость; онъ съ лихорадочной быстротой поворачивается то въ одну, то въ другую сторону, ныряетъ, гоняется за другими птицами, бѣгая по поверхности воды съ помощью крыльевъ, и нередко вынимаетъ хлѣбъ изъ самаго горла своихъ товарищей. Хватая большіе куски, крохаль постоянно давится ими, торопливо запиваетъ неудачный глотокъ водою, и не успѣвъ, какъ слѣдуетъ справиться съ одной коркой, бросается уже къ другой.

Несмотря на значительные морозы, въ нынѣшнемъ году, куриный гусь – выходецъ изъ Австраліи, по-своему обыкновенію спарился въ двадцатыхъ числахъ декабря съ своей всегдашней подругой, а къ 24-му самка, неокончивъ кладки (состоящей изъ 4-5 яицъ), уже крепко сѣла на два большіе, бѣлыхъ, нѣсколько округлой формы яйца. Гнѣздо было устроено подъ навѣсомъ, на землѣ, въ мякинѣ, и выслано собственнымъ пухомъ. Эти оригинальныя птицы, хотя и принадлежать къ отряду гусей, но чрезвычайно рѣдко держатся на водѣ, предпочитая гулять по лугамъ, выщипывая побеги травы... Во время гнездованія самецъ дѣлается очень злымъ, и жестоко гоняетъ всѣхъ приближающихся къ его району, болѣе или менѣе крупныхъ птицъ и даже некоторыхъ

животныхъ. Мелкія утки безпрепятственно кормятся вблизи самага гнѣзда, но уже огарямъ, гусямъ, а въ особенности лебедямъ не бываетъ пощады. Однажды я видела, какъ куринный гусь преслѣдовалъ трехъ шипуновъ (*Sturnus oïog*), занятыхъ любовной игрою... Злобно распутивъ крылья, разсвирѣпѣвшій супругъ; поочередно бросался то на одного лебеда, то на другого, и загнавъ неуклюжихъ, тяжелыхъ птицъ въ кусты, сильно билъ и трепалъ ихъ за шею...

Изъ прочихъ пернатыхъ въ теченіе зимы гнѣздятся только страусы эму (австралійскіе), содержащіеся въ особомъ приспособленномъ для нихъ сараѣ, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ высиживаютъ птенцовъ.

Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, только въ позапрошломъ, (1916 г.) году удалось чисто практическимъ путемъ добиться вывода страусятъ эму въ инкубаторѣ.

Эту трудную задачу съ успѣхомъ выполнилъ завѣдующій зоопаркомъ Клементій Сіянко – человекъ любящій и понимающій природу, а потому и всей душой преданный своему дѣлу. Перегруженный разной работой по саду, онъ все-таки находилъ время и возможность усидчиво заниматься инкубаторомъ, около котораго нередко приходилось проводить цѣлыя ночи. Зато молодые страусы до сихъ поръ еще сохранили особую нежность къ своему воспитателю. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать, какъ, завидя знакомую фигуру Сіянко, эму подходилъ къ перегородке своего загона и протягивалъ голову требуя ласки. Осторожно почесывая страусу темя и затылокъ, человекъ прижимался къ птицѣ лицомъ, и такъ щека къ щека, они ласкали другъ друга, и младшій отъ удовольствія закрывалъ свои большіе каріе глаза... Трогательно и поучительно.

За послѣдніе дни, въ Асканіи, кажется, окончательно установилось тепло...

Настроеніе пернатыхъ, живущихъ на полной свободѣ на прудахъ удивительнымъ образомъ гармонируетъ съ состояніемъ погоды. В теплые, солнечные дни, проскальзывающіе иногда въ декабре и январѣ утки уже готовы токовать. Особенно легко, одними изъ первыхъ, возбуждаются сѣрыя полукряквы, собирающіяся отдельными обществами и беспорядочно плавающія изъ стороны въ сторону; самочки то и дѣло подплываютъ каждая къ своей парѣ и, протянувъ впередъ головку, произносятъ мягкое призывное кѣ, кѣ, кѣ, какъ бы подразнивая самцовъ. Тѣ въ свою очередь тотъ часъ отвѣчаютъ на это широкимъ жестомъ головы назадъ, высоко поднимаются изъ воды, выгибая красивую, съ сѣро-черными крапинками грудку, и издають басовые «кря». Играя такимъ образомъ, вся компанія быстро передвигается по пруду, и забавно наблюдая, какъ то одинъ, то другой кавалеръ выскакиваетъ изъ воды и съ бойкимъ видомъ выпячиваетъ грудь.

Съ возвращеніемъ морозовъ, веселая игра быстро прекращается, страсти потухаютъ, и птицы сбившись тѣсной семьей въ каналахъ и на небольшемъ, незамерзающемъ участкѣ пруда, продолжаютъ скучную однообразную зимнюю жизнь.

Сейчас солнце грѣть ощущительно, снѣгъ совершенно стаялъ, пруды почти открылись. Въ паркѣ слышатся особенные, токовые крики фазановъ. Вблизи камышей, серьезно расхаживаютъ черные и бѣлые лебеди, повидимому, уже подыскивая себѣ мѣсто для гнѣзда... Въ укромныхъ уголкахъ, затѣненныхъ деревьями каналахъ, держатся пестряя, странныя мандаринки и каролинки, тоже занятая ухаживаньемъ.

Дикія утки, разбившись на пары, гуляютъ по мокрымъ лугамъ, нѣжно и тихо покрывая. Чувство великой весенней радости, приливъ энергіи и избытокъ силъ, повидимому, одинаково проникаетъ въ душу всѣхъ живыхъ существъ, здоровыхъ, больныхъ и даже убогихъ. Въ этомъ смыслѣ на меня произвела впечатлѣніе одна, можетъ быть, въ сущности пустая, сценка, которой я была нѣмой и невольной свидетельницей.

Это было въ ясное утро: теплый юго-западный вѣтеръ, напоенный запахомъ недавно оттаявшей, просыпающейся степи, ласкалъ лицо. Изъ вольтеры неся сочный, полный дикой, лѣсной прелести голосъ пѣвчаго дрозда... Вдали, кричали журавли, и эти простые, но милые, знакомые звуки, рождали давно прошедшіе, давно угасшіе образы... На пруду все ликовало, только и слышались возбужденные крики разнообразныхъ паръ, кокетливо бесѣдовавшихъ между собою. На одинокой плавучей льдинкѣ стояла шилохвость и, глядя на берегъ, призывала кого-то, упорно повторяя свое серебристое, однотонное «трю», «трю», при этомъ быстрымъ движениемъ ея шейка вытягивалась в плечи, и вся птичка походила на дѣтскую игрушку, которую давлением на головку можно заставить кричать. Нѣсколько поодаль, уже наигравшись, спалъ или дѣлалъ видъ, что спитъ, прелестный гоголь (*Fuligula clangula*); онъ спряталъ клювъ между крышками на спине, засунувъ его такъ далеко, что в перышкахъ скрылись даже беленькія нежныя щечки. Гоголь какъ-будто дремалъ, но его бойкій любопытный, и умный свѣтло-желтый глазокъ то дѣло приоткрывался и снова затягивался веками. Онъ слѣдилъ, не пригонитъ ли его силой вѣтра въ какое-либо опасное мѣсто. Покачиваясь на ряби, мой любимецъ незамѣтнымъ образомъ подплылъ къ черному лебедю, и почти столкнулся съ нимъ. Тотчасъ приоткрылся лукавый глазокъ, ножки быстро заработали, и, не вынимая головы изъ-подъ крыльевъ, онъ отплылъ дальше.

Но вотъ на пребрежныхъ камняхъ появилась высокая фигура лебедя кликуна. Вытянувъ длинную шею вверхъ, и кивая головою, онъ громко кричалъ, точно искалъ кого-то или хотѣлъ высказать кому-то то, что долго таилось внутри... Я тотчасъ узнала его. Это, бѣдняга одинокій, слепой на одинъ глазъ лебедь. Общество ему подобныхъ изгнало сотоварища изъ своей среды за уродство¹. Покинутый и обижаемый всѣми, онъ не смѣлъ показываться на прудъ, и всегда молчаливо и грустно лежалъ у дома, чувствуя истинно, что люди относятся съ большимъ участіемъ, чѣмъ родные и друзья. Сегодня-же, онъ решительно и бодро пришелъ къ пруду, влекомый какой-то неведомой, внутренней силой. Не обращая ни на кого вниманія, онъ быстро подвигался по

¹ Какъ ни странно, птицы не терпятъ въ своей семьѣ собрата, съ какимъ-либо физическимъ недостаткомъ.

ледянымъ заберегамъ, въ сторону открытою залитою солнцемъ степи. Семья кликуновъ въ сторонѣ притихла и смотрѣла на пришельца, въ которомъ вероятно, не узнавала скромнаго - калѣку; одинъ, самый старый лебедь даже съ негодовашемъ направилъ къ нему. Но убогій слѣпецъ не замѣчалъ ничего. Все громче, все радостнее звучалъ его гармоничный голосъ, онъ ускорилъ шагъ и, наконецъ, въ неудержимомъ порывѣ съ шумомъ взмахнувъ крылами, тяжело поднялся и полетѣлъ.

Не я одна наблюдала эту картину. Всѣ лебеди, вмѣстѣ со мною, слѣдили за изгнанникомъ – слѣдили съ любопытствомъ, и, вѣроятно, затаенной завистью. – Онъ, единственный изъ всѣхъ ихъ, могъ летать; ему одному, какъ бы въ утѣшеніе, оставлены были цѣлыми и невредимыми могучія крылья...

...Вотъ, многоуважаемый Валерій Ивановичъ, въ какихъ наблюденіяхъ и переживаніяхъ незамѣтно проходятъ дни за днями. Только: природа и жизнь въ непосредственной къ ней близости помогаютъ переживать трудное время... Вѣроятно, все-таки для общей, непостижимой для насъ гармоніи, на землѣ всегда необходимо сочетаніе звонкаго смѣха съ глухими рыданіями...

Е. Козлова.
14 февраля 1918.

Портенко Л.

Про охорону пам'яток природи

Нова Рада, №60. 17.04.1918. Шп. 2.

Умови сучасного життя у зв'язку з проведенням земельної реформи висовують питання про охорону таких важливих пам'яток природи як частини цілинного степу, заповідного лісу, зоопарки (Асканія-Нова, Пилявино) і инш. На заклик різних наукових товариств щодо охорони природи в свій час одізвились місцеві наші діячі: в Києві було організовано оружний природоохоронний комітет. Нарешті при міністерстві земельних справ ще в січні було улаштовано спеціальний відділ охорони пам'яток природи. Такий державний орган треба тільки вітати, бо небагато є країн, де б існували державні інституції по охороні пам'яток природи. Тільки 12 років тому в Германії по ініціативі професора Конвенца улаштовано «Staatliche Stelle für Naturdenkmalpflege». Діяльності відділу на перших кроках багато перешкождали большевицькі і слідувачі за ними події, але зараз можна мати надію на широку і плодотворну роботу. З квітня в міністерстві земельних справ відбулась спеціальна нарада з приводу охорони пам'яток природи, в ній брало участь чимало людей спеціалістів і представників від різних наукових і просвітніх інституцій. Було прийнято де-кілька постанов, між иншим про нерозпашку усіх відо-

мих частин цілиного степу во всьому їх розмірі до спеціального їх досліджу. Нарада обібрала окрему комісію, яка постійно збірається по середях о 12 год. ранку, в помешканні відділу охорони пам'яток природи і обмірковує всі необхідні заходи. В склад комісії увійшли проф. П. А. Тутковський (голова), Г. М. Висоцький (товариш голови), Л. А. Портенко (секретар), М. Ф. Біляшівський, Е. В. Шарлеман, Э. І. Бордзиловський, Б. М. Кречун, П. Х. Тушкан, М. І. Дуганов і І. Н. Фаліїв (йому замістник П. П. Завистовський). Комісія має на меті широке популяризування ідеї охорони пам'яток природи серед громадянства, і, бажаючи притягти до себе можливо більш прихильників пропонує свою поміч вказівками, інформацією і инш. в часи своїх засідань. Незабаром, крім того, буде надруковано популярні видання, а зараз комісія може пропонувати лекторів. На решті організується спеціальний музей по охороні пам'яток природи, який мабуть, увійде в склад майбутнього національного природознавчого музею. Як на реальний наслідок праці відділу треба указати на припинення рубки Голосівського лісу біля Києву, дуже цікавого в науковім, педагогічнім і навіть гігієнічнім відношенні.

Постанова 1-го З'їзду природників України 6 серпня 1918 року у Києві по докладу К. Залеського: „Современное положение охраны Аскании-Нова“.

„Настоящее совещание подтверждает многократно высказывавшееся положение, что Аскания-Нова с ее степями и зоопарком является неоценимым учреждением для развития как теоретического, так и прикладного знания, а вместе с тем драгоценнейшим памятником природы Украины.

Вследствие этого она должна быть сохранена в том именно виде, в каком она существует сейчас, для чего соответствующими учреждениями и должны быть приняты соответствующие меры к немедленному превращению Аскании-Нова в национальный степной заповедник Украины“. (*„Протоколи і постанови попередньої Наради Природників України від 3 – 6 серпня 1918 р.“, Київ, 1918 р., стор. 15; див. і стор. 5 та 16*).

Танфильевъ Г., Лебедевъ В.

Отчетъ о дѣятельности Общества за 1917 годъ (фрагмент)

Записки Новороссийскаго общества естествоиспытателей. Т. LII. Одесса: типография Южно-Русскаго Просвѣтительнаго Общества, 1918. С. 1-5.

...Въ связи съ чрезвычайными событіями, переживаемыми нашей родиной, замерла также и экскурсіонная дѣятельность Общества. Революція и послѣдовавшая за ней анархія, вмѣстѣ съ полнымъ разстройствомъ путей сообщенія, лишили многихъ членовъ Общества возможности предпринимать научныя экскурсіи.

Въ дополненіе къ сказанному, слѣдуетъ еще отмѣтить, что возникшіе вмѣстѣ съ революціей аграрные беспорядки, поставившіе въ угрожаемое положеніе цѣлый рядъ чрезвычайно цѣнныхъ, въ научномъ и экскурсіонномъ отношеніяхъ, уголковъ природы нашего края, побудили Общество стать на защиту особенно цѣнныхъ, въ научномъ смыслѣ, районовъ. Въ такомъ, именно, положеніи очутился единственный въ Европѣ зоопаркъ съ цѣлистымъ участкомъ степи въ имѣніи Ф. Э. Фальць Файна „Асканія Нова“, въ сѣв. части Таврич. губ. Для предохраненія этого цѣннаго парка отъ разгрома, Общество сдѣлало представленіе соотвѣтствующей мѣстной власти о необходимости принятія срочныхъ мѣръ къ охранѣ имѣнія. Усилія Общества въ этомъ направленіи достигли нѣкотораго успѣха, и въ указанное имѣніе была отправлена охрана...

Шарлеман М.

Дбайте про багатства рідної природи! (фрагмент)

Народня справа, 1918. №16-17.

...Ще раніш по приватному почину були у нас улаштовані заповідники та зоопарки, слава котрих лунає далеко по за кордоном. Перше місто займає в цій справі Асканія Нова степ та зоопарк, заповідник Ф. Фальцьфейна в Дніпровському повіті на Таврії. Німці прозвали Асканію райським садом. Примітне місце займає також і зоопарк Пілявин, Новгородволинського повіту на Волині, заснований І. К. Потоцьким. Колись були засновані теж заповідні вчастки степу в Старобільському повіті на Харківщині. Треба сказати, що наша країна ще має подекуди невеличкі кутки степів ще не зораних. Степове питання ще далеко не вирішене вченими – то чисто українське та великоросійське питання, тому, що в З. Європі нема вже не зораних степів...

Шарлеман М.

Треба пам'ятати про охорону природи!

(фрагмент)

Народня справа, 1918. №22.

...Ще не заорані степи ми маємо: в Дніпровському повіті на Таврії в маєтку Асканія Нова – два участка в 500 та 100 дес.; в Мелітопольському повіті в маєтку Єлизаветфельд теж два участки і 10 та 15 дес.; в Одеському повіті на Херсонщині один в 10 дес. в маєтку Сухомлінова, та невеликий кусочок коло Кривого Рогу; в Павлоградському повіті на Катеринославщині є так званий Мовчановецький степ біля станції Краснопавлівки, а також 100 дес. степу в маєтку д. Педан; на Харківщині в Старобільському повіті ще існують ніколи не орані кутки, в Дергульському та Хрїновському державних коневодствах, в Лебединському повіті є степ в маєтку гр. Капніста, і т. д...

Шарлеман М.

Охороняйте рідну природу!

(фрагмент)

Харків, 1918. 31 с.

На Україні той рух теж мав місце. В Харкові в цім напрямку працювало й зараз працює Товариство Любителів Природи. Багато зробив для охорони природи нашої країни проф. В. І. Талієв, відомий вчений ботаник та діяч по охороні природи. В Київі Орнітологічне¹ Товариство розповсюджувало природоохорончі ідеї. На острові Хортиці німцями-колоністами було засновано окреме товариство по охороні природи острова та його округи – Великого Лугу – Запорожжя...

Ще раніш по приватному почину були у нас улаштовані заповідники та зоопарки², слава котрих лунає далеко по-за кордоном. Перше місце займає в цій справі Асканія Нова степ та зоопарк, заповідник Ф. Е. Фальцфейна в Дніпровському повіті на Таврії. Один німецький професор прозвав Асканію райським садом тварів. Примітне місце займав також і зоопарк Пілявін в Новоград-волинському повіті на Волині, заснований І. К. Потоцьким...

¹ Себто Т-во, котре займається досліджуванням дії лих птахів (Авт.).

² Такі площі лісу або степу, де утримуються різноманітні дикі звірі (Авт.).

...Україна в своїх межах має багато місцевостей, в яких повинні бути утворені національні парки, або охоронені окремі зразки природи. Дуже цікаві з наукового боку куточки ще не заораних степів, бо в Західній Європі, як вже означено вище, таких степів нема. Степи мусють мати для нас велику вартість ще і в національно-історичному відношенні, позаяк вони з'являються останніми живими пам'ятками тої природи, серед котрої складалося вільне козацьке життя. Ще не заорані степи ми недавно, до революції, мали: в Дніпровському повіті на Таврії в маєтку Асканія Нова – два участки коло 500 та 100 дес.; в Мелітопольському повіті в маєтку Єлизаветфельд – теж два участки коло 10 та 15 дес.; в Одеському повіті на Херсонщині один коло 10 дес. в маєтку Сухомлинова та невеликий куточок коло Кривого Рогу: в Павлоградському повіті на Катеринославщині був так званий Мовчановський степ біля станції Краснопавлівки, а також 100 дес. степу в маєтку д. Педан та др.; на Харківщині в Старобільському повіті ще існували ніколи не орані кутки в Дергульському та других державних коневодствах, де ще зустрічалися рідкі, майже счезнувші на Україні байбаки та цікаві рослини – степові тюльпани, в Лебединському повіті є степ в маєтку гр. Капніста, на Полтавщині – в маєтку „Карлівка“ і т. д...

1919

Falz-Fein Fr.

Bericht über die Falz-Fein-Sitzung in der Staatlichen Stelle für Naturdenkmalpflege in Preußen, Berlin am 1. Februar 1919.

Sonderabdruck aus: Beiträge zur Naturdenkmalpflege, Band VI, Heft 3. Berlin, 1919. S. 249-287.

Bericht Über die Falz-Fein-Sitzung in der Staatlichen Stelle für Naturdenkmalpflege in Preußen, Berlin am 1. Februar 1919.

In den „Beiträgen“ ist wiederholt der Schutzgebiete gedacht worden, die der russische Großgrundbesitzer deutscher Abstammung Herr Friedrich v. Falz-Fein in der taurischen Steppe eingerichtet hat. Die Kunde von dem „Tierparadies“ zu Askania Nova ist ja auch sonst durch Berichte und Abbildungen weithin, besonders in die Kreise der Zoologen und Tierliebhaber gedrungen, während über die dortigen Reservate zur Erhaltung der Steppenflora trotz ihrer hohen Bedeutung für die wissenschaftliche Pflanzenkunde viel weniger bekannt geworden ist. Die ersten Nachrichten darüber finden sich in einem von H. Conwentz 1904 in Stockholm gehaltenen Vortrage und in seiner Denkschrift über die Gefährdung der Naturdenkmäler, die im gleichen Jahre erschien. Die Naturdenkmalpflege hat um so mehr Ursache, auf diese Schöpfungen hinzuweisen, als sie schon vor 30 Jahren begannen, also in eine Zeit fallen, wo bei uns auch erst Anfänge zur Schaffung ähnlicher Schongebiete Vorlagen. Seit dem Spätsommer vorigen Jahres weilt Herr v. Falz-Fein, durch die politischen Verhältnisse seiner Heimat veranlaßt, in Berlin, und die Staatliche Stelle für Naturdenkmalpflege hat eine rege Verbindung mit ihm unterhalten. Um auch einem weiteren Kreise von Naturkundigen und Naturfreunden die Möglichkeit zu bieten,

über diese Einrichtungen aus dem Munde ihres Begründers Näheres zu erfahren, schlug ihm der Herausgeber vor, in einer zu diesem Zwecke einzuberufenden Sitzung Mitteilungen über seine Schöpfungen zu machen. Bereitwillig ging Herr v. Falz-Fein hierauf ein und bat nur, da er keinerlei Aufzeichnungen bei sich hätte, es in zwangloser Form tun zu dürfen. Die Sitzung fand am 1. Februar 1919 nachmittags von 5 bis 8 Uhr im Konferenzsaal der Staatlichen Stelle statt und war von 40 Herren und einigen Damen besucht. Angesichts der allgemeinen Verkehrsnot mußten wir zu unserem Bedauern diesmal auf die Teilnahme unserer auswärtigen Mitarbeiter verzichten. Hingegen hatten wir die Freude, u. a. die Altmeister der hiesigen Botaniker, die Herren Geheimrat Engler, Professor Schweinfurth und Geheimrat Wittmack, sowie die mit den Anlagen des Herrn v. Falz-Fein aus eigener Anschauung bekannten Zoologen, Herren Geheimrat Heck, Dr. Heinroth und Professor Matschie, unter unseren Gästen begrüßen zu können. Über den Verlauf der Sitzung soll in folgendem Bericht erstattet werden:

I. Herr Conwentz:

Über seine Reise nach Askania Nova, über die Geschichte des Gutes und seine Besitzer.

Es war am 30. April 1912, als wir in diesen Räumen durch den Besuch des Herrn Friedrich Falz-Fein aus Askania Nova erfreut wurden, dessen Tätigkeit im Bereich der Pflege und Erhaltung der Natur und ihrer Seltenheiten wir schon lange mit Interesse verfolgt hatten. Er schilderte uns ausführlich die von ihm geschaffenen Einrichtungen auf seinen Gütern im Taurischen Gouvernement, und wir erörterten gemeinsam die Frage der Schaffung von Naturschutzgebieten in Rußland und Deutschland. Er lud mich dann ein, nach Askania Nova zu kommen und auch seine Besitzung Naliboki im Gouvernement Wilna zu besichtigen, um geeignete Flächen zur dauernden Erhaltung auszuwählen.

Früher als damals vorauszusehen war, konnte ich wenigstens Askania Nova besuchen. Denn im folgenden Jahr begab ich mich zum Kongreß russischer Naturforscher und Ärzte nach Tiflis, um dort, einer an mich ergangenen Aufforderung entsprechend, einen Vortrag zu halten und Anregungen für eine Organisation der Naturdenkmalpflege im Kaukasus zu geben¹. Als ich Ende Juni n. St. in Tiflis eintraf, fand ich ein Telegramm des Herrn Falz-Fein vor, worin er bedauerte, nicht selbst dorthin kommen zu können, und mich einlud, ihn auf der Rückreise in Askania Nova zu besuchen. Um der Einladung zu folgen, änderte ich meinen ursprünglichen Reiseplan; da mir aber wie anderen der Aufenthalt in Tiflis bei tropischer Hitze nicht gut bekommen war, suchte ich zunächst Erholung im Gebirge, in dem herrlich gelegenen Badeort Borshom, wo sich auch ein Tierpark des damaligen Großfürsten Nicolai Michailowitsch befand. Ein Jahr vorher hatten Herr Geheimrat Engler

¹ CONWENTZ, H., Bericht über die Naturschutzsitzung beim XIII. Kongreß russischer Naturforscher und Ärzte in Tiflis am 18. Juni a. St. 1913. Beiträge, Bd. IV, S. 435 ff.

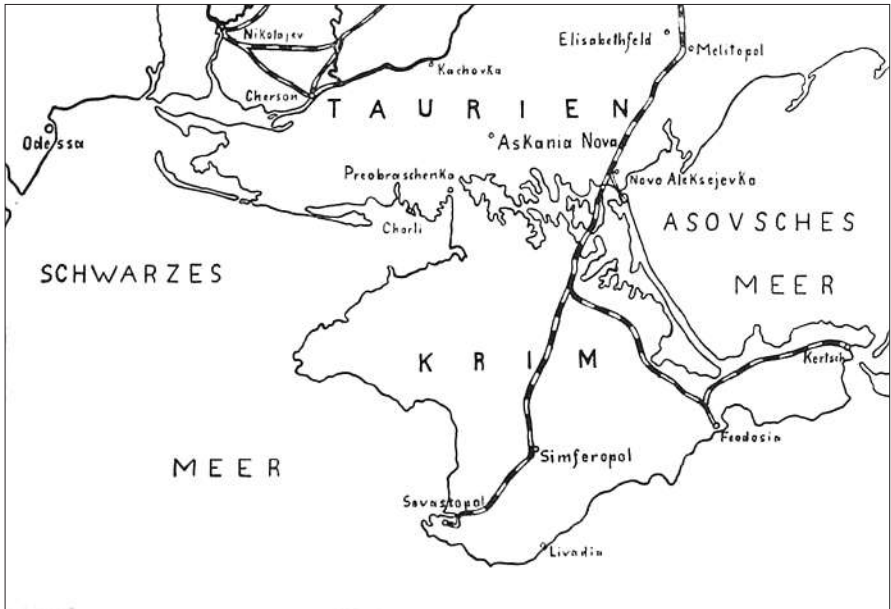

Fig. 1. Geographische Lage von Askania Nova

und andere hiesige Botaniker auf ihrer Kaukasusreise dort geweiht. Borshom war seinerzeit auch der Lieblingsaufenthalt des Begründers und langjährigen Leiters des Kaukasischen Museums zu Tiflis. Gustav Radde, der sich hier einen der schönsten Plätze zur ewigen Ruhe ausgewählt hat. Später ging ich nach Batum, um mit dem Dampfer an der östlichen und nördlichen Küste des Schwarzen Meeres entlang nach Odessa zu gelangen. Hier erwartete mich ein kleiner Dampfer des Herrn Falz-Fein, der mich über Nacht am 10. Juli früh nach Chorli brachte, wo sich eine kleine Werft, Fabriken und auch eine Austernzucht befinden. Der Ort wird fast ausschließlich von Beamten und Arbeitern bewohnt; er hat eine Schule, ein Krankenhaus und andere Wohlfahrtseinrichtungen. Erwähnenswert für jene Gegend ist ein 8 ha großer Park, der für die Angestellten und deren Familien angelegt wurde.

Bei der Ankunft in Chorli erhielt ich eine Einladung von Frau Sophie Falz-Fein, Mutter des Herrn Friedrich Falz-Fein, deren Besitzung Preobraschenka etwa halbwegs nach Askania liegt. Nun ging es mit flinken Pferden über die weite Steppe, auf der das Auge keinen Ruhepunkt findet; denn so weit der Blick schweift, sieht man nur die Schwarzerde in ebner Fläche vor sich, die von keiner Erhebung oder Senkung unterbrochen wird. Günstigenfalls erblickt man in der Ferne einen Kurgan, d. h. einen jener vorgeschichtlichen Grabhügel, die zuweilen noch ungehobene Schätze im Innern bergen. Ursprünglich wur-

den sie von bearbeiteten Steinen gekrönt, die eine menschliche Figur in groben Umrissen darstellen. Diese Steinfiguren oder Steinmütterchen (*Kamennaja baba*) haben eine bestimmte Verbreitung, indem sie vom Schwarzen Meer in nordwestlicher Richtung bis nach Ost- und Westpreußen und östlich nach Asien gehen². Die Stadt Bartenstein in Ostpreußen leitet ihren Namen von dem Bartel, d. i. einer noch dort vorhandenen bärtigen Steinfigur ab.

Sonst weist die Steppe weder Steine noch Wasser auf; im ganzen Gebiet zwischen dem unteren Dnjepr und dem Schwarzen und Asowschen Meer gibt es an der Oberfläche so gut wie kein Wasser. Ebenso fehlen Bäume und Sträucher. Wir befinden uns hier in der Nogaischen Steppe, die im Nordwesten vom Unterlauf des Dnjepr, im Süden vom Schwarzen Meer und vom Asowschen Meer begrenzt wird und im Osten in die Asowsche, später in die Donsche Steppe übergeht. Dort zeigt der Boden wellenförmige Gestaltung, während die Nogaische Steppe vollständig eben ist. Die Vegetationsverhältnisse sind sehr charakteristisch. Im Küstengebiet herrscht im allgemeinen die Artemisiasteppes, weiter im Innern die Stipa-steppe mit einer großen Zahl schönblütiger Gewächse. Hier finden sich: *Stipa pennata*, *St. Lessingiana*, *St. capillata*, *Tulipa Gesneriana*, *Iris pumila*, *Amygdalus nana*, *Euphorbia Gerardiana*, *Eryngium campestre*, *E. planum*, *Trinia hispida*, *Statice tatarica*, *Salvia silvestris*, *Verbascum phoeniceum*, *Pyrethrum achilleifolium* u. a. m. *Paeonia* fehlt in diesem Gebiet, tritt jedoch weiter nördlich auf. Die Vegetationsverhältnisse sind vornehmlich von J. Paczoski aus Cherson, Talieu aus Charkow und J. Tuzson aus Budapest untersucht worden; die hauptsächlichsten Veröffentlichungen darüber folgen weiter unten.

Nach etwa zweistündiger Fahrt erscheint am Horizont eine dunkle Stelle, und bei weiterer Annäherung erkennt man, daß es sich um eine Baumpflanzung, einen Park handelt, aus dem sich das Gutshaus Preobraschenka, eine umfangreiche, moderne Anlage, das sogenannte Weiße Schloß am Meere, abhebt. Es würde zu weit führen, über diesen fürstlichen Bau und seine Kunstschatze näher zu berichten, aber erwähnen möchte ich, daß hier mit großen Mitteln eine künstliche Parkanlage geschaffen ist, die eine Menge bemerkenswerter Holzarten aus allen Zonen umschließt. Es bedurfte besonderer Maschinen, um das Wasser aus der Tiefe in die Höhe zu bringen und in die zahlreichen Kanäle zu leiten, von denen der Park überall durchzogen wird. Die Größe der Parkfläche ist mir nicht gegenwärtig, doch erinnere ich mich, längere Zeit im Wagen herumgefahren zu sein, ohne alle Teile gesehen zu haben. Am Abend desselben Tages erreichte ich Askania Nova, das sich seinen ursprünglichen Charakter noch bewahrt hat, denn es stehen dort zum Teil noch dieselben Gutsgebäude, die vor nahezu 100 Jahren errichtet worden sind.

² Weigel, M., Bildwerke aus altslavischer Zeit. Mit 25 Abbildungen. Archiv für Anthropologie XXI. Bd. Braunschweig 1892, S. 1 ff.

Dies ist einer der drei Wege, die nach Askania führen. Die Entfernung von Chorli dorthin beträgt 64 Werst³. Ein anderer Weg geht von Odessa mit größerem Dampfer nach Cherson und von dort mit Flußdampfer auf dem Dnjepr aufwärts nach Kachowka, von wo man nach Askania noch 50 Werst über Land zurückzulegen hat; diesen Weg wählte ich zur Rückreise. Drittens kann man auf der großen Eisenbahnlinie, die von Petersburg und Moskau nach Sewastopol in der Krim führt, von der Station Nowo Alexejewka auf einer 70 Werst langen Postrute den Ort erreichen.

Zu Anfang des vorigen Jahrhunderts war die Regierung bestrebt, in der damals menschenleeren Nogaischen Steppe die Merinoschafzucht zu heben, und zu gleicher Zeit, um die Wolle zu verwerten, Fabriken anzulegen, hauptsächlich zur Herstellung von Militärtuch. So wanderte der Fabrikeningenieur Johann Fein (Urgroßvater Friedrich v. Falz-Feins) 1807 aus Chemnitz ein, um, vom Gouverneur Borozdin berufen, eine Tuchfabrik in Jekaterinoslaw, eine andere zu Sabli in der Krim einzurichten. Als 1810 die Krone große Flächen in der Nogaischen Steppe zerteilte und meistbietend versteigern ließ in der Absicht, sie zu besiedeln und landwirtschaftlich zu verwerten, erwarb er ein 3470 Deßjätinen⁴ großes Besitztum zu etwa einem Rubel die Deßjätine, das später von seinem ältesten Sohn Friedrich Fein nach dessen Tochter Elisabethfeld genannt wurde. Hier richtete er eine Wirtschaft ein, indem er die notwendigsten Bauten anlegte. Das Gebiet, in dem dieses Gut lag, lehnte sich an die in der Nähe befindlichen deutschen Kolonien an. Friedrich Fein (Urgroßvater Friedrich v. Falz-Feins) kaufte die seinen Brüdern gehörigen Anteile des Gutes, so daß er Alleinbesitzer von Elisabethfeld blieb. Dort wirtschaftete er mit großem Geschick, wobei er sein Hauptaugenmerk auf die Schafzucht richtete und diese beständig vergrößerte. Er wurde hierdurch immer vermögender, pachtete auch die brachliegenden Kronländereien, kaufte ein Gut nach dem andern, darunter Preobraschenka und Askania Nova, und begründete so den Großgrundbesitz der Familie.

Askania Nova war ursprünglich eine deutsche Kolonie. Herzog Ferdinand von Anhalt-Köthen (f 1830) hatte sich teils aus finanziellen, teils aus politischen Gründen bemüht, eine Steppenparzelle im kontinentalen Teile des Taurischen Gouvernements zur Förderung der Schafzucht zu erhalten, wozu er 1828 die Einwilligung des Kaisers Nikolaus I. von Rußland erlangte. Eine Fläche, die nach damaliger Festsetzung 48345 Deßjätinen betrug, sich später aber als bedeutend größer erwies, wurde ihm bis zum 1. Januar 1840 frei und dann gegen eine verhältnismäßig geringe Abgabe (die aber später auch erlassen wurde) „auf ewige Zeiten erb- und eigentümlich mit allem, was über und unter der Erde ist“ verliehen. Die Besitzung sollte aber an die Krone zurückfallen, falls sich nach Ablauf der Freijahre nicht wenigstens 20000 veredelte Schafe mit der zu ihrer Zucht und Pflege erforderlichen Anzahl von Familien dort befänden. Verkauf war gestattet, aber außerhalb

³ 1 Werst = 1 $\frac{1}{10}$ km.

⁴ 1 Deßjätine = 1 $\frac{1}{31}$ ha.

der herzoglichen Familie nur an Personen zulässig, die in Rußland Güter besitzen können. Das für die Ansiedlung überwiesene Gebiet lag im Dnjeprrowskischen Kreise und bestand aus zwei voneinander getrennten Teilen, deren größerer nach der ursprünglichen Feststellung 42345 Deßjätinen, nach späterer Vermessung 47148 Deßjätinen umfaßte und russisch Schapli hieß, seit dem Erwerb durch das anhaitische Fürstenhaus aber den Namen Askania Nova führte. Der kleinere Teil lag am Schwarzen Meere und war etwa 8000 Deßjätinen groß; er wurde Dauphine genannt und umfaßte auch die Halbinsel Chorli, auf der die Familie Falz-Fein in den neunziger Jahren den neuen Seehafen gleichen Namens anlegte. Aber über dieser wie später über mancher anderen deutschen Kolonie stand kein Glücksstern. Die Umständlichkeit der Verwaltung und die Unfähigkeit der herzoglichen Beamten, sich den örtlichen Verhältnissen anzupassen, führte dahin, daß die Schafzucht nicht nur keinen Gewinn, sondern ein immer größeres Defizit brachte. Nach A. Druckes Ermittlungen haben die Einnahmen, die während der ganzen Zeit von Askania Nova nach Anhalt geflossen waren, einschließlich der Zinsen 290501 Taler betragen, während die Ausgaben die Summe von 1 166 715 Taler erreichten. So suchte man denn zunächst die Kolonie zu verpachten und knüpfte deshalb 1849 mit Friedrich Fein in Elisabethfeld Verhandlungen an. Aber diese verliefen ergebnislos. Dann kam der Krimkrieg, während dessen die Kolonie durch Truppendurchzüge, schließlich auch noch durch ungeheure Heuschreckenschwärme arg geschädigt wurde. Nun zögerte die anhaitische Regierung nicht mehr, ein ihr von Friedrich Fein gemachtes Kaufgebot anzunehmen, und 1856 erwarb dieser die herzoglich taurischen Besitzungen für 525000 Taler Preußisch Kurant. Von lebendem Inventar wurden nahezu 50000 Schafe, 550 Stück Rindvieh und 640 Pferde an Fein übergeben. Seiner hohen Intelligenz und Tatkraft gelang es, die Schafzucht immer mehr zu heben und zu einer Blüte zu bringen, die vordem der herzoglichen Verwaltung versagt geblieben war. Er wurde der größte Schafzüchter Rußlands in jener Zeit und trug außerordentlich zur Erschließung der Steppe bei.

Seine einzige Tochter Elisabeth heiratete den aus Sohland in Sachsen eingewanderten Johann Falz (Großvater Friedrich v. Falz-Feins), einen gelernten Schafzüchter, der der Mitarbeiter seines Schwiegervaters wurde und in Anerkennung seiner hervorragenden Leistungen zum Nutzen des Staates – durch Förderung der Landwirtschaft und wichtige Dienste während des Krimkrieges – die Kaiserliche Genehmigung erhielt, fortan den Doppelnamen Falz-Fein führen zu dürfen. Er dehnte mit seinen Söhnen die Schafzucht weiter aus und brachte seine Herden bis auf 750000 Stück, züchtete auch Rinder und Pferde und suchte die Landwirtschaft zu vervollkommen. Seine Söhne führten dieses Werk weiter und gingen immer mehr zur Ackerwirtschaft über. Sie waren die ersten, die landwirtschaftliche Maschinen einführten. Johann Falz-Fein hatte vier Töchter und drei Söhne, deren ältester, Eduard, der Vater Friedrich v. Falz-Feins ist. Die Söhne erbten je 40000 und die Töchter, mit Ausnahme der letzten, die kein Land erhielt, je 15000 Deßjät-

tinen. Von zwei Töchtern ging das Land in fremden Besitz über; die dritte verkaufte ihr Land an Eduard Falz-Fein. Nach dessen Tode verheiratete sich seine Gattin, die Mutter Friedrich v. Falz-Feins, mit ihrem Schwager Gustav Falz-Fein. Diese Ehe blieb kinderlos, so daß der Besitz der beiden Brüder wieder zusammenkam. Der dritte Bruder sah sich genötigt, sein Besitztum bis auf 2800 Deßjätinen, die seinen Kindern auch jetzt noch gehören und das Gut Tschernomorie bilden, zu verkaufen. Bei dem Verkauf erwarb Friedrich v. Falz-Fein die Besitzung Kumbatin am Strande des Schwarzen Meeres, 70 km von Askania Nova.

Grundbesitz Friedrich v. Falz-Feins gestaltet sich nun wie folgt:

Taurisches Gouvernement.		
Askania Nova	14 000	Deßjätinen
Elisabethfeld.....	3 400	„
Kumbatin.....	4 700	„
Pachtung von der Mutter, die ihm später auch zufällt.....	6 000	„
Gouvernement Wilna.		
Naliboki	32 000	„
	60 100	Deßjätinen

Hiernach beträgt sein Besitz, der jedoch nicht zusammenhängt, etwa 10 Quadratmeilen, ist daher so groß wie das frühere Herzogtum Koburg. Wenn man hinzunimmt, daß Frau Sophie Falz-Fein (Mutter) in Preobraschenka, Uspenka (nahe bei Askania Nova) und anderen Gütern 56000 Deßjätinen und seine Geschwister 58000 Deßjätinen besitzen, ergibt sich der Gesamtbesitz der Familie auf 174100 Deßjätinen oder rund 29 Quadratmeilen, d. h. er ist größer als das alte Fürstentum Lippe.

Hieran anschließend möchte ich über unseren Ehrengast noch einige persönliche Mitteilungen machen, die hier interessieren dürften. Friedrich Falz-Fein besuchte die Gymnasien in Moskau und Cherson, deren Lehrer ihn jedoch nicht besonders anregten. Von Jugend auf war er ein großer Naturfreund, und als 12jähriger Knabe wünschte er sich zum Geburtstag eine Voliere, die sich noch heute im Garten von Askania Nova befindet. Darauf brachte er einige Studienjahre in Dorpat zu. Nachdem er mündig geworden war und ein kleines Kapital erhalten hatte, ließ er 1885 eine Umzäunung für einheimische Tiere hersteilen, die mehr als 1000 Rubel kostete; drei Jahre später kaufte er die ersten exotischen Tiere dazu. Im Jahre 1889 reiste er zur Weltausstellung nach Paris und lernte dort Albert Geoffroy St. Hilaire, den damaligen Direktor der Societe d'Acclimatation, kennen, der besonders anregend auf ihn wirkte und mit dem er eine gemeinschaftliche Reise nach Holland und Belgien zum Besuch von zoologischen Gärten unternahm. Geoffroy St.

Hilaire hatte den Plan, in der Nähe von Paris eine Anlage zu schaffen, wo Tiere aus allen Weltgegenden in möglicher Freiheit gehalten werden sollten; dieser Plan zerschlug sich aber infolge von Uneinigkeiten im Aufsichtsrate der Societe d'Acclimatation. Auf der Rückreise machte Herr Falz-Fein in Berlin die Bekanntschaft Dr. Hecks, der kurz vorher die Leitung des Zoologischen Gartens hier übernommen hatte, und erhielt auch von ihm mancherlei Anregungen. Nach Askania zurückgekehrt, legte er 1890 im Anschluß an die schon umzäunte Fläche einen Tierpark in größerem Stile an, der dann nach und nach vergrößert und vervollkommenet wurde. So ist denn jener „Zoologische Paradiesgarten“ entstanden, der die Bewunderung aller Zoologen und Tierzüchter auf sich gezogen hat. Unmittelbar an die Hinterseite des Wohnhauses schließt sich ein 20 Deßjätinen großer Tiergarten, der zum größeren Teil mit Laub- und Nadelbäumen bepflanzt ist; er wird von Kanälen durchzogen, in die das Wasser aus artesischen Brunnen gepumpt wird und die mehrere Teiche speisen. Dieser Park ist für Vögel und kleine Säugetiere bestimmt und mit einem Drahtzaun umgeben. Er enthält auch mächtige Flugkäfige, in dem zahlreiche Arten kleinerer Vögel vereinigt sind. An der einen Seite grenzt an den Park die von einem Plankenzaun umschlossene, 68 Deßjätinen große Tiersteppe, auf deren weiter Fläche die großen Säugetiere, Antilopen, Hirsche, Mufflons, Zebras usw., aber auch die verschiedenen Straußarten verstreut sind. Einige Tiere werden außerhalb der Umzäunung auf die freie Weide getrieben.

Auch die Idee eines Steppenreservats geht in die Mitte der 1880er Jahre zurück. Damals kam Friedrich Falz-Fein mit seinen Brüdern auf den Gedanken, ein Stück der Steppe nicht zu mähen, um die ursprüngliche Pflanzenwelt und die mit ihr verbundene Tierwelt zu erhalten. Das Gelände war aber nicht günstig gewählt und zu weit vom Gutshof entfernt, so daß es schwer beaufsichtigt werden konnte. Deshalb wurde es wieder aufgegeben und erst 10 Jahre später mit besserem Erfolge durch andere Reserverate in der Nähe des Gutes ersetzt. Seitdem bestehen als Steppenschutzgebiete in Askania Nova: westlich 160 Deßjätinen und östlich 500 Deßjätinen. Außerdem befindet sich beim Herrenhause ein 60 Deßjätinen großer botanischer Garten, der größtenteils parkartig eingerichtet, zum Teil als Steppenfläche belassen, aber hier und da mit einzelnen Bäumen und Sträuchern bepflanzt ist.

Zum Schluß gibt Herr Conwentz eine Übersicht der hauptsächlichsten, teilweise hier vorliegenden

Schriften über Askania Nova.

- Alechin, W., Askania Nova, eine bemerkenswerte Oase in den Steppen des Taurischen Gouvernements, in: Pädagogische Nachrichten für 1912. Moskau 1912, S. 26. (Russisch)
–, Einige neue Mitteilungen über die Pflanzenwelt von Askania Nova, in: Acta Horti Botanici Universitatis Imperialis Jurjevensis. Vol. 13. 1912, Jurjew 1913, S. 192-196. (Russisch)

- , Bilder aus Askania Nova [mit 3 Abb.j, in: Deutsche Jäger-Zeitung, Bd. 61. Neudamm 1913, S. 774f.
- Conraetz, W., Schilderungen aus dem Park und den Vogelstuben des Herrn Falz-Fein in Askania-Nova in Südrußland, in: Die Gefiederte Welt, Jahrg. 22. Magdeburg 1893, S. 407ff.
- , Aus dem Thiergarten des Herrn Falz-Fein, ebenda, Jahrg. 23. Magdeburg 1894, S. 349-350.
- , Die Sanger des Herrn Falz-Fein in Ascania Nova, Sud-Rußland, ebenda, Jahrg. 23. Magdeburg 1894, S. 205ff.
- , Das Vogelhaus und der groe Flugkafig im Thiergarten des Herrn Falz-Fein, ebenda, Jahrg. 26. Magdeburg 1897, S. 61–62. Fortgesetzt unter dem Titel: Schilderungen aus dem Thiergarten ..., ebenda, S. 141 ff.
- , Schilderungen aus dem Thiergarten des Herrn Falz-Fein, ebenda, Jahrg. 26. Magdeburg 1897, S. 141 ff.
- , Aus Herrn Falz-Feins Thierpark, ebenda, Jahrg. 27. Magdeburg 1898, S. 30ff.
- , Neues aus dem Tierpark des Herrn Falz-Fein, in: Natur und Haus, Bd. 8. Berlin 1900, S. 185.
- , Sprosser und Nachtigallen im Tierpark des Herrn Falz-Fein, Askania Nova, Taurien, ebenda, Bd. 8. Berlin 1900, S. 361 ff., Bd. 9. Berlin 1901, S. 51–58.
- Conwentz, H., Eroffnungsrede bei der achten Konferenz fur Naturdenk-malpflege, in: Beitrage Bd. VI. Berlin 1917, S. 10, Funote.
- Drucke, A., Ascania Nova. Die Geschichte einer Kolonie Anhalts in Sud-Rußland. Dissertation. Halle a. S. 1906.
- Falz-Fein, Friedrich, Der Tarpan oder das zentral-asiatische Wildpferd (*Equus przewalskii*) [mit 5 Abb.] in: Natur und Haus, Bd. 9. Berlin 1901, S. 301–304.
- , Mitteilungen aus meinem Tierpark [mit 4 Abb.], ebenda, Bd. 9. Berlin 1901, S. 373–379.
- Genthe, F., Ein russischer Tabun in Dessau [mit 3 Abb.] in: Sport im Bild, Jahrg. 19. Berlin 1913, S. 474f.
- Gernet, A. v., Askania Nova, in: St. Petersburger Zeitung, Jahrg. 185. 1911, Nr. 259, 1. Beibl. vom 18. September (1. Okt.)
- Heck, L., Steppe und Steppenwirtschaft. Herbsttage bei Friedrich Falz- Fein. Mit 30 Abb., in: Velhagen u. Klasings Monatshefte, Jahrg. 17, Bd. 2. Bielefeld u. Leipzig 1902/1903, S. 165–180.
- , Im zoologischen Paradiesgarten. Herbsttage in Friedrich Falz-Feins Tierpark zu Ascania Nova. Mit 38 Abb., ebenda, Jahrg. 20, Bd. 1. Bielefeld u. Leipzig 1905/1906, S. 215–236.
- , Fin Tierparadies am Schwarzen Meer. Friedrich Falz-Feins Tierpark zu Ascania Nova in der russischen Steppe [mit 10 Abb.], in: Berliner Illustrierte Zeitung, Jahrg. 14. Berlin 1905, Nr. 44, S. 726f. Markow, M., Askania Nova, in: Der Naturfreund, 1911, Nr. 12, S. 385–392. (Russisch)

- Matschie, P., Wilde Pferde im Park des Herrn Falz-Fein in Askania Nova [mit 2 Abb.], in: Illustrierte Zeitung, Bd. 116. Leipzig u. Berlin 1901, Nr. 3010 vom 7. März, S. 366.
- , Ein wundersames Tierheim in Süd-Rußland, in: Da bin ich, Jahrg. 1913 14. [Berlin] Nr. 2, S. 23–24.
  - , Eine neue Form des Zwerghamsters, *Cricetus falzfeini*, in: Sitzungsberichte der Gesellschaft naturforschender Freunde. Berlin 1918, Nr. 8, S. 298.
- Paczoski, Josef, Skizze der Vegetation des Dnjeprowskischen Kreises im Taurischen Gouvernement (Pfriemsteppenreservat Askania Nova). Berichte des Naturwissenschaftlichen Vereins in Odessa, Bd. XXVI. Odessa 1904, S. 34–41. (Russisch)
- , Umriß der Flora des Dnjeprowskischen Kreises des Taurischen Gouvernements, in: Berichte der neurussischen Gesellschaft der Naturforscher, Bd. XXVI. Odessa 1904, S. 1 bis 160. (Russisch)
- Paczoski, Josef, Materialien zur Flora des nördlichen Teils des Taurischen Gouvernements, ebenda, Bd. XXXI. Odessa 1907, S. 13–24 Exkursionsbericht vom 27. Juni 1904; S. 24–28 Zwei kleine Steppenreservate von Falz-Fein im Kreise Melitopol. (Russisch) –, Pontische Steppen, botanisch-geographische Skizze. In: Berichte der Landwirtschaftlichen Gesellschaft von Süd-Rußland. Odessa 1908, S. 8–24. Askania Nova. (Russisch)
- , Excursion botanique ä Askania Nova et ä Sivache, Bulletin de la Societe des Naturalistes et des Amis de la Nature en Crimee, Tome II. Simferopol 1913, S. 128–148. (Russisch)
- Prochorov, N., Die vstvennaja Step Askania Nova (Die jungfräuliche Steppe von Askania Nova), in: Beiträge zur Kenntnis der russischen Bäder. Petersburg 1906. (Russisch)
- Soffel, Else, Pferdespringer (mit 11 Abb.), in: Lebensbilder aus der Tierwelt, Bd. 3, herausgegeben von Karl Soffel. Leipzig [1912], S. 108–116.
- , K., Askania nova [mit 7 Abb.], in: Kosmos, Jahrg. 15. Stuttgart 1918. S. 101–106.
  - , K. und Else, Im Steppenpark zu Askania Nova. Ein Tierparadies in Süd-Rußland [mit 22 Abb.], in: Westermanns Monatshefte, 1912. Braunschweig u. Berlin 1913, S. 393–408.
- Über das Schicksal des bekannten Tierparks in Askania Nova, in: Deutsche Jäger-Zeitung, Bd. 71. Neudamm 1918. Vermischter Teil, S. 87.
- Wagener, B., Neues aus der Tierwelt [mit 2 Abb.], in: Illustrierte Zeitung, Bd. 117. Leipzig u. Berlin 1901, Nr. 3048 vom 28. November, S. 819f.

II. Herr v. Falz-Fein:

Über die Steppenreservate in Askania Nova.

Die Stelle, an der ich Ende der 80er Jahre das erste Steppenreservat anlegte, war deshalb ungünstig gewählt, weil sie auf dem Gelände des alten Salzweges lag, d. h. eines der breiten Landstreifen, auf denen einst in unzähligen Fuhrwerken das Salz aus der Krim durch die Steppe nach Mittelrußland geführt wurde. Die Richtung dieser Wege war durch die

Brunnen bestimmt, die in Entfernungen von etwa 10 km von der Regierung angelegt worden waren und durch Invaliden bewacht wurden. In ihrer ganzen Breite, die anfänglich 5 Werst betrug, wurden sie von den Wagen befahren, die den Brunnen zustrebten. Die Regierung ließ diese Wegstreifen später auf 2 Werst und zuletzt auf 500 Fuß verschmälern. An einer Stelle nun, die früher in solcher Weise befahren war, lag, was ich anfänglich nicht beachtet hatte, mein erstes Steppenreservat. Der Graswuchs wollte sich dort durchaus nicht wieder ersetzen. Ich mußte das Reservat daher verlegen. Das geschah 10 Jahre später, etwa Anfang der 90er Jahre. Das neue Reservat wurde auf gutem Boden in der Nähe des Gutes (an dessen Ostseite) angelegt; so konnte es besser geschützt und beaufsichtigt werden. Es umfaßt 500 ha und ist ein reines *Stipa*-Steppenreservat. Außer dieser Fläche wurde noch eine zweite, im Westen des Gutes gelegene von 160 ha Größe als Steppenschutzgebiet ausgesondert. Hier geht die Stipasteppes allmählich in die muldenförmige, abflußlose Niederung über, die im Gegensatz zu jener die Vegetation eines ausgetrockneten Sumpfes hat. Zeitweise sammelt sich nach starken Regen- oder Schneefällen Wasser in den Mulden, und es ist sogar vorgekommen, daß es den ganzen Sommer hindurch stehen blieb. Zu solchen Zeiten sprießen die Sumpfpflanzen dort hervor, aber wenn kein Wasser da ist, sieht man von ihnen fast gar nichts; es wächst dort kaum noch etwas anderes als *Triticum repens*.

Was nun die Gründe anlangt, die mich zur Anlage der Steppenreservate bewogen, so war dabei einerseits die Wahrnehmung maßgebend, daß die Steppe sich durch fortschreitende Bearbeitung verengte und durch intensive Bewirtschaftung, Abweidung und Grasmähen aus dem früheren Gleichgewicht herausgebracht wurde. Es kam hinzu, daß durch das fortwährende Beweiden viele Pflanzen vollständig verschwanden. Außerdem aber wurde ich zur Anlage der Reservate durch den Wunsch bestimmt, der Tierwelt einen Zufluchtsort zu bieten, wo der abgestorbene Pflanzenwuchs im Winter bestehen bleibt. Späterhin, als ich mit den russischen Botanikern zusammen kam, entwickelten sich neue Gesichtspunkte, die mich dazu bewogen, die Reservate streng zu beaufsichtigen und alles Mögliche anzuwenden, um sie im Urzustand zu bewahren. PACZOSKI übernahm die botanische Untersuchung und Beschreibung. Aber das Ziel wurde nicht vollständig erreicht, denn er konnte nur zeitweilig nach Askania Nova kommen und bloß beschreiben, was er vor Augen hatte. Zur Erforschung der Steppenflora ist aber stationäre Beobachtung unbedingt notwendig. Ein Botaniker müßte das ganze Jahr und mehrere Jahre hindurch die Beobachtungen durchführen. Denn die Pflanzenwelt der Steppe wandelt sich nicht nur in den einzelnen Jahreszeiten; auch das eine Jahr ähnelt dem anderen nicht. Je nach der Menge der Niederschläge ist die Vegetation verschieden. In manchen Jahren war das Gebiet ganz vegetationslos. Paczoski wunderte sich, immer neue Bilder vor sich zu haben. Es hat an einer Persönlichkeit zur Durchführung dauernder Beobachtung gefehlt. Vor dem Kriege war ich mit einem jungen Botaniker, Herrn Saleski, einem Schüler Taliews, übereingekommen, daß er auf einige Jahre ständig in Askania Nova bleiben

sollte, um das Gebiet sowohl botanisch wie auch geologisch zu durchforschen. Er hat auch einen Sommer mit gutem Erfolge dort gearbeitet, aber der Krieg und die Revolution haben die Fortführung der Untersuchungen verhindert, und bei der Lage der Dinge ist es sehr fraglich, ob es zu ihrer Wiederaufnahme kommen wird.

Die Folge des Schutzes der Steppenvegetation ist eine Veränderung ihres Wuchses und ihrer Zusammensetzung. Viele Pflanzen haben sich in größerem Maße angesiedelt; außerdem schützt die abgestorbene Pflanzendecke den Boden vor dem Austrocknen, und infolgedessen gedeihen die Pflanzen hier viel üppiger als auf anderen Steppengebieten, die ausgenutzt werden. Die Herren Borodin, Taliew und Paczoski und auch der ungarische Forscher Tuzson haben den großen wissenschaftlichen Wert dieser Reservate anerkannt, und in einem Schreiben, das ich von der ungarischen Akademie erhielt, wurden sie als ein botanisches Kleinod bezeichnet; für ihre wissenschaftliche Verwertung sei jedoch eben die stationäre Beobachtung erforderlich. Was Paczoski über die Pflanzenwelt der Reservate veröffentlicht hat, ist leider nur in russischer Sprache erschienen.

Bezüglich des Verhaltens der einheimischen Tierwelt zu den Reservaten ist zu sagen, daß nicht alle Steppentiere dorthin gelenkt werden können. Auf die Hasen üben sie allerdings eine starke Anziehung aus. Aber Trappen und Zwergtrappen, diese typischen Steppenvögel, kümmern sich nicht viel darum; sie sind wahrscheinlich nicht klug genug dazu. Rebhühner treten in Massen auf, ebenso der typische Steppenadler, der dort unmittelbar auf der Erde nistet. Er lebte früher hauptsächlich von Zieselmäusen, die jetzt fast vollständig ausgerottet sind; jetzt nährt er sich von den Hasen. Die Steppenadler haben die Reservate zu ihrem beständigen Wohnplatz erwählt. Auch die Kalenderlerche und die gewöhnliche Lerche nisten dort in außerordentlicher Menge.

Herr Engler:

Ich kenne die russische Steppe aus einer Reise, die ich nach der Ausstellung in St. Petersburg 1899 nach Simferopol machte. Aus dem Verzeichnis von Herrn Conwentz ersah ich, daß es so ziemlich dieselben Pflanzen sind, die ich Anfang Juni bei Simferopol gesehen habe, wie Stipa, Tulpen, Salvia, Adonis usw. Es scheint hiernach, daß die Steppe bei Askania Nova einen ähnlichen Charakter hat.

Herr v. Falz-Fein:

In der Krim und in Preobraschenka ist echte Artemisiasteppe, in Askania Nova reine Stipasteppe. Stipa braucht Schwarzerde, wie sie sich in diesem Gebiet findet; die Krim hat keine Schwarzerdesteppe.

Herr **Conwentz** fragt, ob sich die Steppenreservate ziemlich rein erhalten haben oder ob sich kulturelle Einflüsse geltend machen.

Herr v. Falz-Fein:

Steppenreservate, die mitten im Ackerland liegen, werden von diesem beeinflusst. Ihre Vegetation wird durch angewehrte Unkrautsamen verunreinigt, und außerdem lagern sich bei großen Stürmen Staub- und Erdteilchen ab und bilden oft eine ziemlich dicke Lage angewehrter Schwarzerde. Es bildet sich dann sofort eine ganz andere Vegetation. Es ist immer darauf hingewiesen worden, daß ein Steppenreservat innerhalb der Steppe liegen muß, wenn diese auch genutzt wird, daß es aber nicht an Ackerland grenzen darf. Meine Reservate werden rundherum von Steppe umgeben, die als Heuschlag dient, aber nicht von Ackerland. Daher ist die Vegetation verhältnismäßig rein geblieben. An Stellen aber, wo sich Ziesel angesiedelt und die Erde gelockert haben, oder wo Erde angeweht ist usw., bildet sich Unkrautvegetation.

Herr **Wittmack** fragt, welche Stipaart am häufigsten sei.

Herr v. Falz-Fein:

Stipa pennata und *Stipa capillata* treten in gleicher Menge auf. Im Frühjahr herrscht jene vor, und die blühende *Stipa pennata* gibt dann der Steppe das Aussehen eines wogenden Silberwassers. Im Herbst jedoch ist sie abgeblüht, und dann dominiert *Stipa capillata*, die auch im Winter der Steppe das Gepräge verleiht.

Herr Conwentz:

Es interessiert hier vielleicht eine Zusammenstellung der Steppenreservate in Rußland überhaupt. Von Herrn v. Falz-Fein sind, wie erwähnt, im Gouvernement Taurien, im Dnjeprowskischen Kreise, auf *Askania Nova*, westlich vom Gutshof 160 Deßjätinen, östlich 500 Deßjätinen und im Kreise Melitopol, auf Elisabethfeld, zwei Steppenreservate von 10 und 15 Deßjätinen eingerichtet worden. Im Gouvernement der Donschen Kosaken, unweit Nowotscherkask wurden auf Anregung Nowopokrowskis 200 Deßjätinen geschützt. Im Gouvernement Charkow, Distrikt Staro-bjelsk, ist auf Anregung Taliews ein größeres Steppengebiet eingezäunt. Im Gouvernement Samara, Distrikt Buguruslaw, hat Karamsin, Mitglied des Reichsrats, 600 Deßjätinen gesichert. Ferner besitzt die Gesellschaft der Naturforscher in St. Petersburg einen geschützten Steppenberg, wo Tanfliew eine Zeitlang gearbeitet hat. Aber diese Steppenreservate genügen nicht, wie auch Borodin meint, vielmehr müßten weitere, namentlich auch größere weit ab von jeder Kulturfläche angelegt werden.

Im Anschluß hieran sei auf einige Steppenschutzgebiete in Deutschland hingewiesen. In Westpreußen ist, wie in der Arbeit von H. Preuss (Beiträge Band II, Berlin 1912, S. 350–517) nachgelesen werden kann, eine Anzahl kleinerer Gelände mit Steppenpflanzen gesichert, darunter auch eine der Fortifikation Thorn gehörige Fläche mit *Prunus fruticosa*. In der Mark

Brandenburg hat namentlich Ulbrich (Beiträge Band VI. Berlin 1917, S. 110) einige Reservate angeregt, jedoch ist es bisher nicht gelungen, eins davon zu verwirklichen. In Pommern wurden zwei Stellen mit pontischen Pflanzenbeständen auf der Domäne Paß, Kreis Pyritz, von der landwirtschaftlichen Nutzung ausgeschlossen. Dort finden sich u. a. *Stipa capillata*, *Anthericum liliago*, *Allium scorodoprasum*, *Anemone silvestris*, *Adonis vernalis*, *Astragalus danicus* (Beiträge Band 1. Berlin 1910, S. 439). In der Provinz Posen ist in der Oberförsterei Argenau ein Bestand *Stipa pennata* und in der Oberförsterei Schirpitz ein Bestand *Prunus fruticosa* geschützt. In der Provinz Sachsen ist am Nordostabhang des unweit Wittenberg an der Elbe gelegenen Apollensberges, der zur alten Universität Wittenberg gehört, eine 1 Morgen große Fläche mit einer so gut wie unberührten pontischen Pflanzengemeinschaft von jeder Nutzung ausgeschlossen (Beiträge Band VI. Berlin 1917, S. 116). In der Rheinprovinz gelang es den Bemühungen L. Geisenheyners in Kreuznach, Mittel zu gewinnen, um einen Berghang mit pontischer Flora im Nahetal bei Waldböckelheim durch Ankauf zu sichern. Das Gelände wurde dem Kreise als unveräußerliches Eigentum mit der Verpflichtung dauernder Erhaltung übergeben (Handwörterbuch der Naturwissenschaften, Band VII. Jena 1912, S. 47). Von bemerkenswerten Pflanzen kommen vor: *Asplenium ceterach*, *Stipa pennata*, *St. capillata*, *Rosa pimpinellifolia*, *Eryngium campestre*, *Artemisia campestris* usw. In Bayern wurde ein durch die Kultur stark gefährdeter Gipshügel bei Windsheim mit *Stipa pennata*, *St. capillata*, *Anthericum ramosum*, *Adonis aestivalis*, *A. vernalis*, *Reseda lutea*, *Astragalus cicer*, *A. danicus*, *Salvia pratensis*, *Scorzonera purpurea* usw. vom Botanischen Verein zu Nürnberg käuflich erworben. Die von der Bayerischen Botanischen Gesellschaft mit Hilfe von Staat, Kreis, Stadt München und zahlreichen anderen Stellen durch Ankauf gesicherte Garchingener Heide enthält auch einen starken pontischen Einschlag, worüber Vollmann Näheres berichtet hat (Beiträge Band V. Berlin 1916, S. 1 ff.). Der Kaufpreis des 23 ha großen Gesamtareals betrug 14600 Mark.

In Deutsch-Österreich hat die Zoologisch-botanische Gesellschaft zwei kleine Steppenflächen durch Pachtung auf eine Reihe von Jahren geschützt; so im Bezirk Mistelbach, wo *Crambe tatarica* in großen kugeligen Büschen zahlreich auftritt, und im Marchfelde eine Stelle mit *Dianthus serotinus*, *Gypsophila fastigiata* und *Artemisia laciniata*. Die Gemeinde Nikolsburg machte sich um die Erhaltung eines Steppenstückes mit *Avenastrum desertorum* und anderen seltenen Arten dadurch verdienstlich, daß sie die bereits begonnene Aufforstung der Fläche wieder einstellte und die Stelle zu erhalten beschloß. (Blätter für Naturkunde und Naturschutz. I. Jahrg., 2. Heft. Wien 1914, S. 12. — Ebenda II. Jahrg. Wien 1915, S. 56f.)

Herr v. Falz-Fein:

In Rußland sind Steppenschutzgebiete hauptsächlich von Borodin und Taliew angeregt worden. Mein Gut Elisabethfeld, wo ich auch ein Steppenreservat einrichtete, liegt 150 km

nördlicher als Askania Nova, und da hat die Steppe schon einen anderen, mehr wiesenartigen Charakter. Die Vegetation ist reichhaltiger, weil der Humusgehalt des Bodens größer und auch die Niederschlagsmenge reichlicher ist. Dort wurde ein kleines Reservat an einer Stelle, wo die wilde Päonie stark vertreten ist, gegründet. Die Päonie ist dort zu Hause, aber Tulpen finden sich nicht bei Elisabethfeld. In Askania Nova dagegen sind Tulpen, aber keine Päonien; beiderlei Pflanzen scheinen sich auszuschließen.

III. Herr v. Falz-Fein:

Über die Tierparke in Askania Nova.

Sie möchten erfahren, wie ich auf den Gedanken gekommen bin, einen Tierpark anzulegen. Nun, in den 80er Jahren fing die Bearbeitung und Beackerung der Steppe an, besonders intensiv zu werden. Viele Vögel, die früher überall nisteten, gingen allmählich zurück. Schon vorher war das Wildpferd verschwunden, das einst in den süd-russischen Steppen gelebt und in der Nähe von Askania Nova einen letzten Zufluchtsort gefunden hatte. Mein Vater berichtete noch, als er von einer Steppenfahrt zurückkehrte, von 8 Wildpferden, die er gesehen hatte: später waren es nur noch 5 Stück, und 1876 wurde das letzte, 25 km von Askania Nova entfernt, durch Bauern getötet. Ich kam nun auf den Gedanken, in der Nähe des Gutes eine Sammlung von lebenden Steppentieren, besonders von Steppenvögeln zu schaffen, und ließ hierzu das von mir zum Park bestimmte und schon mit einigem Buschwerk und verkrüppelten Bäumen bestandene Gelände sowie einen Teil der Steppe einzäunen. In der ersten Zeit begnügte ich mich damit, einheimische Tiere, wie Trappen, Kraniche, Schwäne, Enten u. a., zu halten. Nachdem ich aber mit Albert Geoffroy St. Hilaire bekannt geworden war, faßte ich den Plan, allerlei Steppentiere in möglichster Freiheit zu halten. Schließlich versuchte ich es mit allen Tieren, die in dem Klima bei den Verhältnissen, die ich bieten konnte, gut zu gedeihen vermochten. Hierzu empfing ich Anregungen von verschiedenen Seiten, namentlich wenn ich hierher nach Berlin kam. 1889 bekam ich die ersten fremdländischen Tiere. Was die Erhaltung der einheimischen Tierwelt betrifft, so möchte ich erwähnen, daß schon mein Vater sich mit der Absicht getragen hatte, das Wildpferd vor dem Aussterben zu retten; doch konnte er keine Tiere mehr erlangen. Leider erwachte auch in den wissenschaftlichen Kreisen das Interesse daran erst, als es zu spät war. Man hatte geglaubt, es nur mit einem verwilderten Pferde zu tun zu haben und hatte ihm keine Beachtung geschenkt. So ist es gekommen, daß sich in keinem Museum der Welt ein Balg des russischen Wildpferdes befindet. Außer einem Skelett im Petersburger Museum ist nichts von ihm zurückgeblieben.

Herr **Schweinfurth** fragt, ob dieses Wildpferd dasselbe sei wie das in Zentralasien vorkommende, und wie es sich zu dem Pferd der Diluvialzeit verhalte, das auf Felswänden in der Dordogne dargestellt sei.

Herr v. Falz-Fein:

Das russische Wildpferd ist nicht dasselbe wie das asiatische. Eine sehr gute Abbildung des ausgerotteten Pferdes von Kretschmer befindet sich in den älteren Ausgaben von Brehms Tierleben. In den neueren wurde sie leider fortgelassen. Mein Vater und alle Leute der südrussischen Steppe, die das Pferd noch gesehen hatten, erkannten es sofort, als ich ihnen diese Abbildung vorlegte. Es war sehr ähnlich dem Wildpferd, das auf der skythischen Vase dargestellt ist, die in dem großen Kurgan Tschertornlik in der Nähe der Stadt Nikopol gefunden und jetzt in der Eremitage in St. Petersburg aufgestellt ist. Sie ist sehr fein aus Silber gearbeitet und trägt eine Darstellung der Zähmung des Wildpferdes durch die Skythen, welche in ihrer Kleidung an die mongolischen Nogaier erinnern, die noch in der letzten Zeit in den Steppen lebten. Die Vase wurde nur durch Zufall gefunden. Die größeren Grabhügel sind nämlich fast durchweg ausgeraubt, nur die kleineren sind noch unversehrt. Die Leute, die die Hügel beraubten und mit deren Beschaffenheit offenbar ganz vertraut waren, pflegten von der Seite her in sie einzudringen. Bei dem Hügel nun, der die Vase enthielt, wurden sie durch einen Absturz gerade in dem Augenblick verschüttet, als sie die geraubten Sachen hinaustragen wollten. So sind diese erhalten geblieben. Es handelt sich hier um einen Fund von dem allergrößten Wert, da sich außer der Vase noch viele andere kostbare Gegenstände aus Gold und Silber vorfanden. Die Darstellung auf der Vase zeigt, wie das Wildpferd gefangen, gebändigt und gesattelt wird. Das asiatische Wildpferd (*Equus przewalskii*) ist bedeutend schwerer, hat einen schwereeren Hals und Kopf und ist isabellfarben. Das südrussische Pferd war viel leichter gebaut, hochläufiger, hatte einen kleineren Kopf und auch eine andere Farbe: nach übereinstimmender Versicherung aller, die es gesehen hatten, war es mäusegrau. Der Längsstreifen auf dem Rücken, der „Aalstrich“, war sehr stark ausgeprägt, während das Przewalskische Pferd nur einen schwachen Aalstrich hat. Ich habe mir 1899 und später Tiere aus ihrer asiatischen Heimat kommen lassen und sie sowohl rein wie auch in Kreuzungen mit englischen Vollblutpferden gezüchtet. Kurz vor der Revolution und meiner Abreise von Askania Nova besaß ich von dem Wildpferde drei reinblütige Hengste und zwei Stuten eigener Zucht.

Herr Matschie:

Die auf den französischen Felsenbildern dargestellten Pferde ähneln mehr dem Przewalskischen Wildpferd. Gewisse Anklänge fanden sich noch an den Pferden, die in Askania Nova halbfrei herumliefen. Es waren darunter nicht wenige, die in Färbung und Gestalt erheblich auffielen. Durch die Brüder Grumm-Grschimailo, die 1889 in der südlichen Dsungarei einige Tiere des *Equus przewalskii* erlegt hatten, kamen die ersten Häute und Skeletteile dieses Wildpferdes nach Europa. Schon damals beschloß Herr v. Falz-Fein, der eine rasche Ausrottung des Tieres besorgte, sich einige lebende Stücke zu beschaffen.

Nach längeren erfolglosen Bemühungen rüstete er endlich selbst eine Expedition aus, und im Jahre 1899 wurden durch zwei Petersburger Gelehrte, Dr. Bchner und Dr. Clemens, vier junge Stuten nach Askania Nova gebracht. Später hat dann Hagenbeck, nachdem er sich in Askania Nova unterrichtet hatte, Sammler ausgeschiedt und eine größere Zahl Wildpferde aus Asien nach Hamburg gebracht (Anlage a).

Ich möchte noch hervorheben, daß Herr v. Falz-Fein bei seinem Bestreben, die tierische Bevölkerung zu schützen, von Grund aus den richtigen Weg eingeschlagen hat, indem er zunächst das kennen zu lernen sich bemühte, was er schützen wollte. Er hat die Tiere seines Gebietes gesammelt und ein Museum eingerichtet, das eine ganze Anzahl von Stücken enthält, die selbst für ein großes Museum eine Zierde wären. Er hat auch verschiedenen Museen aus seinen Sammlungen wertvolle Stücke abgegeben. Wir in Berlin besitzen einige sehr willkommene Säugetiere aus jener Gegend. Ich selbst fand dort den Zwerghamster in einer neuen Form vertreten, die ich *Cricetulus falzfeini* genannt habe. Das Wildschwein der Besitzungen im Gouvernement Wilna ist verschieden von unseren Wildschweinen und mußte als neue Form, *Sus falzfeini*, abgetrennt werden. Die ursprüngliche Säugetierwelt von Askania Nova unterscheidet sich von derjenigen Mitteldeutschlands ganz erheblich durch das auffällige Vorkommen von Formen des Schwarzen Meergebietes, wie Zwerghamstern, Zieselmäusen und Springmäusen. Der Fuchs, der Hase und alle anderen Arten sind dort anders als in Norddeutschland; keine einzige Form stimmt völlig überein mit einer der unsrigen.

Wer im Frühjahr in Askania Nova gewesen ist und die große Menge von Springmäusen und Zieselmäusen beobachtet hat, wer die Milliarden von Lerchen, die dort auffliegen und die Luft beinahe verdunkeln, gesehen, und sich in die Tierwelt dieses Gebietes vertieft hat, der wird sicher zu dem Wunsche geführt, in dieser Gegend längere Zeit zu arbeiten. Es ist nicht leicht, Säugetiere zu beobachten, da die meisten erst zum Vorschein kommen, wenn es dunkel wird. Aber mit Hilfe von Eingeborenen gelingt es doch, eine Anzahl von merkwürdigen Formen dort zu sammeln. Ich hoffe, einiges darüber veröffentlichen zu können. Von den Vögeln treten in der Zugzeit Formen auf, die dem Vogelkenner eine Menge schwieriger Fragen zu lösen geben.

Ich möchte Herrn von Falz-Fein bitten, etwas über die Art und Weise mitzuteilen, wie er den von ihm eingeführten Tieren die Möglichkeit, dort zu leben, geschaffen hat, wie es ihm gelungen ist, Durchzugsvögel an die Steppe zu binden, so daß sie dort brüten, wie es ihm möglich gewesen ist, eine so vollständige Sammlung von Wildgänsen zusammenzubringen. Für jeden, der dort gewesen ist, bleibt das wundersame Schauspiel in der Erinnerung, Tiere zu sehen, an die man dort kaum denkt; sie treten dem Besucher entgegen, erscheinen plötzlich im Gebüsch, als wenn sie von jeher dort gewesen sind. Auch in der freien Steppe sind eingeführte Tiere vorhanden, die sich dort wohl fühlen. Herr von Falz-Fein hat besonders denjenigen Tieren sein Interesse geschenkt, die dem

Aussterben nahe sind. Er hat auch viele Mischlinge gezüchtet und, um die Fragen, die sich an sie knüpfen, genauer zu untersuchen, Gelehrte dorthin gezogen. Jederzeit war er bemüht, die Wissenschaft zu fördern und jede Schwierigkeit für die dort Arbeitenden aus dem Wege zu räumen (Anlage b).

Herr v. Falz-Fein:

Sie fragen, wie es möglich gewesen sei, den Tieren die Daseinsbedingungen zu schaffen und sie an das Gebiet zu fesseln. Askania Nova liegt ja mitten in der Steppe. Bei einem Radius von 40 bis 50 km sind keine natürlichen Wasserflächen und Quellen vorhanden. Die alten Brunnen waren wenig ergiebig und lieferten schlechtes Wasser. Alle früheren Bemühungen, ohne Berieselung einen Baumwuchs zu schaffen, sind gescheitert. Das Ziel wurde erst erreicht, als ich durch Bohrungen gutes Wasser in genügender Menge beschaffte, ein großes Pumpwerk errichtete und ein Berieselungsnetz anlegte. Das Pumpwerk fördert bis 33000 Eimer täglich; der Brunnen, aus dem es schöpft, hat von der Erdoberfläche bis zur Wasserfläche eine Tiefe von 70 Fuß. Durch diese Einrichtungen konnten die beiden Parke Askania Novas erstehen mit ihren Laub- und Nadelholzbeständen, ihren Busch- und Wiesenpartien. Beide sind mit Drahtzäunen eingefriedet. Der kleinere von ihnen ist der Tierpark. Er hat etwa 20 ha Flächenraum, wovon ungefähr die Hälfte mit Baumwuchs bestanden, das übrige als Steppe belassen ist, wird von vielen Kanälen durchzogen und enthält Teiche und sumpfiges Gelände. In diesem Park sind einige Säugetiere untergebracht, die den Baumwuchs nicht beschädigen, wie das große rote Känguruh, einige Gazellen, Pam-pashasen, Zwerghirsche usw. Besonders aber werden hier zahlreiche Wasservögel, Stelzenvögel und andere Vogelarten gehalten. Solchen, die sich noch nicht in gewünschter Anzahl vermehrt haben oder die sich erfahrungsgemäß verfliegen, werden die Flügel beschnitten; das geschieht außerdem mit einer gewissen Anzahl Individuen einer jeden Art, die den Stamm der Zucht bilden. Wenn die Tiere sich vermehrt haben, wird der Nachzucht das Flugvermögen gewöhnlich nicht mehr genommen. Die Vögel fliegen dann frei im Park und seiner Umgebung umher und nisten teilweise in ihm, teilweise außerhalb in den künstlich angelegten Teichen und Tümpeln außerhalb der umzäunten Fläche. Es ist mir gelungen, eine ganze Anzahl von Vögeln an den Ort zu fesseln, so daß sie, obgleich sie als Zugvögel den Trieb zum Wandern haben und sich frei bewegen konnten, jahraus jahrein in Askania Nova blieben. Gelegentlich machten sie Ausflüge auf mehrere Kilometer, kamen aber regelmäßig zurück. In solcher Weise hielten sich freifliegend mehrere Enten-, Gänse- und Taubenarten, fast alle Arten von Fasanen, die niedere Temperaturen ertragen können, der gemeine Kranich und der Jungfernkranich u. a. m. Es wurden auch verschiedene Versuche gemacht, einheimische Baumvögel, die auf dem Zuge jedes Jahr in Askania Nova erschienen, aber früher wegen der fehlenden Baumvegetation nicht dort brüteten, für den Sommer an die Stelle zu fesseln. Hierzu wurden ihnen sieben Schwingen beschnitten, so daß sie

flattern, aber nicht wegfliegen konnten und gewissermaßen gezwungen wurden, in den Parken zu nisten. Allmählich bürgerten sich solche Vögel vollständig ein und nisteten von selbst. Derartige Versuche wurden angestellt mit Sprossern, Grasmücken, Drosseln, Finken, Zeisigen, Hänflingen, Gimpeln usw.

In dem Tierpark befindet sich auch ein großer Flugkäfig von etwa 520 qm Grundfläche mit verschiedenen Abteilungen, die je nach Bedarf getrennt werden können. Eine über Gestein plätschernde Quelle speist einen Bach und einen kleinen Teich; Rasen, Bäume und Sträucher verteilen sich durch sämtliche Abteilungen. Auch ein kleiner Sumpf ist vorhanden. Hier sind viele Sumpfvögel, Singvögel und andere Arten untergebracht. Bei unwirtlichem Wetter finden die Tiere in zwei Vogelstuben, die mit dem Flugkäfig in Verbindung stehen, Schutz.

Der größere der beiden Parke heißt der „Botanische Park“, weil hier Gewächse aus verschiedenen Weltgegenden kultiviert werden, die unter den herrschenden Bedingungen im Freien fortkommen. Von der etwa 60 ha großen Fläche sind 35 ha parkartig angelegt; der übrige Teil ist Ursteppe und nur hier und da mit einzelnen Bäumen oder Sträuchern bepflanzt. Da dieser Park eine viel üppigere Vegetation hat als der Tierpark, so nisten in ihm zumeist die einheimischen Sänger, außerdem aber auch viele der eingebürgerten freifliegenden Vögel.

An den Tierpark stößt eine 70 ha große Steppentläche, die mit einem Plankenzaun umgeben ist, die „Tiersteppe“, der Aufenthaltsort der afrikanischen Strauße, Emus und Nandus, verschiedener Känguruhs, Hirsche, Antilopen, Schafe usw. Durch Anlage einer künstlichen Quelle, die ihren Abfluß in einen Teich findet, wurde eine Tränke geschaffen. Ringsherum sind Bäume gepflanzt, die durch Stacheldraht, Bretter usw. vor dem Angriff der Tiere geschützt wurden; sonst blieb alles hier unveränderte Steppe. Die eingezäunte Fläche erzeugt so viel Grasnahrung, daß die Tiere den größten Teil des Jahres damit auskommen; im Winter aber und bei großer Dürre im Hochsommer müssen sie nachgefüttert werden. Fast alle Tiere, die hier gehalten werden, befinden sich auch im Winter im Freien, doch sind zwei offene Ställe vorhanden, wo sie sich bei großer Kälte und während der Stürme unter Dach begeben können. Die empfindlicheren Tiere, wie afrikanische Strauße, Elenantilopen, Rappenantilopen usw., werden bei rauhem Winterwetter in einen besonderen, geschlossenen Stall, der mit Boxen und Ausläufen versehen ist, eingelassen. Dagegen müssen sich z. B. Gnus, Bubalis, Nilghau-, Hirschziegenantilopen, alle Hirsche usw. mit den offenen Schuppen begnügen.

Als sich verschiedene Tierarten sehr vermehrt hatten, kam ich auf den Gedanken, zu versuchen, ob sie nicht ganz frei in der nichteingehegten Steppe in einer Herde nach Art der Haustiere gehalten werden könnten. Hierzu legte ich außerhalb der Ökonomie einen geräumigen Viehstall mit mehreren Höfen an und ließ einige Tiere mit der Flasche aufziehen, um sie zahin zu machen und an den freien Weidegang zu gewöhnen. Nachdem

ich so einen Stamm für diese Herde gebildet hatte, wurden ihm später andere, nicht in solcher Weise aufgezogene Tiere angegliedert, die sich nun den ersten anschlossen; die Tiere, die dann in der Herde geboren wurden, gewöhnten sich bei den Müttern von selbst an den freien Weidegang. Die Herde, die aus Elenantilopen, Nilghauantilopen, Mufflons, Mähnschafen, Edelhirschen, Zebras und Wildpferden bestand, wurde des Morgens auf die Weide getrieben; dort blieb sie unter der Obhut eines berittenen Hirten den ganzen Tag, und abends kam sie wieder zurück. Selten trennten sich Tiere von der Herde, liefen dann aber immer nach Hause. Diese in voller Freiheit befindliche Herde hat auf die Besucher immer den größten Eindruck gemacht. In der weiten Steppe stand den Tieren mehr Nahrung zur Verfügung als in der eingehegten Tiersteppe; während der schlechten Jahreszeit wurden sie aber im Stall und auf den Höfen nachgefüttert. Obgleich viele Tiere aus dem heißen Afrika stammten, waren sie gegen Kälte wenig empfindlich, z. B. Gnu, Bubalis, Mähnschafe, Chapman-Zebra und die Zebroide (Bastarde von Zebra und Pferd). Als empfindlicher erwiesen sich dagegen Nilghau- und Hirschziegenantilope. Die (amerikanischen) Bisons und die Wisente sowie ihre Mischlinge gingen nicht mit dieser Herde, sondern mit den Hauskühen auf die Weide⁵.

Da vorhin meine Besitzung Naliboki im Gouvernement Wilna erwähnt worden ist, so will ich darüber noch ein paar Worte sagen. Ich hatte dort ein zusammenhängendes Gebiet mit schönem, altem Wald, das etwa 1000 ha groß und von der Kultur fast unberührt war, zum Reservat ausersehen. Es sollte ganz aus der Forstwirtschaft ausgeschlossen werden. Weitere 3000 ha waren zur Parkwirtschaft bestimmt. Das unverändert zu erhaltende Gebiet war sehr interessant, da es die verschiedensten Waldformationen aufwies. Es waren da schöne, große Erlenbrücher, auch prächtige Bestände von anderen Laubbäumen, Fichten und Kiefern, ferner Moore u. a. m. Sodann enthielten die Waldungen eine reiche Tierwelt; es gab Elche, Rehe, beide Hasenarten, Luchse, Marder, den Nörz, Iltisse, Hermeline, Fischottern, von Federwild Auer-, Birk- und Haselhuhn. Der schwarze Storch und der Kranich nisteten dort. Auch der europäische Biber war vertreten. Als ich das Gut vom früheren Reichskanzler Fürsten Hohenlohe erwarb, waren die Biber nicht geschützt und machten keine Baue;

---

⁵ Insgesamt werden in Askania Nova an Säugetieren und Vögeln gehalten: 4 Känguruharten, zweihöckriges Kamel, Dromedar, Lama, 11 Hirscharten und einige Kreuzungen, 19 Antilopenarten. Mufflon, Mähnschaf, Steppenschaf (Arkal), Wisent, amerikanischer Bison, Yak und Kreuzungen, Wildpferd und dessen Kreuzungen, 2 Zebras (Chapman- und Grevy-Zebra) und Zebroide, 3 Nager (Mara, Pferdespringer, Steppemurmeltier), afrikanischer Strauß, Nandu und Emu, Lachmöwe, Sturmmöwe, Silbermöwe, Flußseeschwalbe, 24 Arten von Schnepfenvögeln, 9 Kranicharten, große Trappe und Zwergtrappe, 8 Arten Rallen und Wasserhühner, Ibis, Störche, Reiher und Flamingo, zusammen 6 Arten, 8 Arten von Wildhühnern und Wachteln, etwa 20 Fasanenarten und einige Kreuzungen, Tragopane, ungefähr 13 Taubenarten, Zwergsäger, Gänse- und mittlerer Säger, etwa 25 Enten und einige Kreuzungen, 21 Gänse und 7 Schwäne. In Volieren befinden sich 16 Arten von Raubvögeln, die in Askania Nova auf die eine oder andere Art gefangen wurden. Der große Flugkäfig enthält 60–70 Arten Singvögel, mehrere kleine Sumpf- und Stelzvögel, Wachteln usw.

denn wenn diese Tiere verfolgt werden, sind sie sehr unsterblich. Nachdem ich angefangen hatte, sie zu schützen, bildeten sie eine Kolonie. Um sich ein verhältnismäßig untiefes Wasser herzustellen, schlossen sie einen Ausfluß aus dem See Kroman durch einen Damm ab. Nach der Art, wie sie daran arbeiteten, ließ sich immer das Wetter Voraussagen. Wenn sie anfangen, den Damm niedriger zu machen, so konnte man sicher sein, daß Regenwetter kommen werde; wenn sie den Damm befestigten, war trockenes Wetter in Aussicht. Leider habe ich die Mitteilung erhalten, daß diese Biberkolonie vollständig zerstört ist. Auch das ganze Wild, alle Elche usw. sind wahrscheinlich vernichtet.

Herr **Heck**:

Über das, was Herr Falz-Fein geleistet hat, kann man stundenlang sprechen und Bücher schreiben. Was er geschaffen hat, ist fruchtbar und gewährt Ausblicke in verschiedensten Beziehungen. Nur eins möchte ich hervorheben, von dem bisher nicht gesprochen worden ist. Er hat bei seinen vielen Mischlingszuchten auch Mischlinge gezogen zwischen einheimischen Steppenrindern und amerikanischem Bison. Diese Mischlinge sind hervorragende Arbeiter. Die gewöhnlichen Arbeitsochsen müssen einmal wechseln, die Mischlinge aber halten aus, leisten also noch einmal so viel wie jene. Hieraus erkennt man, welcher Schaden durch die Ausrottung des Bisons in Amerika angerichtet worden ist. Die Bisons vermögen außerdem durch ihre starke Behaarung die fürchterlichen Schneestürme auszuhalten und laufen nicht nach allen Seiten auseinander; die Viehzüchter hätten sich durch ihre Verwendung vor vielen Verlusten bewahren können. Eine andere Sache, die die Rinder angeht: Mein Freund hat dem Zoologischen Garten einen Transport von dortigen Tieren geschickt, darunter ein Paar seiner grauen Steppenrinder. Dieses ist weiter gezüchtet worden. Einen Stier haben wir heute noch. Er hat sich verändert, er ist eher größer geworden als kleiner, aber sein Körperbau ist schwammig, nicht trocken, was wohl von der voluminösen Nahrung und der geringen Bewegung herrührt: ein interessantes Seitenstück zu anderen Veränderungen von umgekehrter Natur. Wenn man nämlich Rinderrassen von hier in Steppengebieten brachte, so fand man, daß sie sich dem Steppentypus näherten, indem z. B. die Hörner länger wurden. Seit 1901, als ich dort war, hat sich der ganze Tierbestand, sowohl was die Anzahl als auch die Haltungsart der Tiere und die Kreuzungsziichtung anlangt, so erweitert, daß heute Askania Nova noch ein größeres Wunder sein muß, als wie ich es damals sah. Man kann nur hoffen und wünschen, daß noch einmal Zeiten kommen werden, wo es wieder weiter blühen kann.

Herr **Heinroth**

legt ein Album mit Photographien vor, die er in Askania Nova 1907 aufgenommen hat, und bemerkt weiter dazu: Die Masse der freifliegenden Vogelarten ist verblüffend. Aber noch auf eins möchte ich hinweisen, das heute weniger in den Vordergrund trat:

Askania Nova ist das Helgoland der Steppe in bezug auf den Vogelzug. Das Wasser und der Baumbestand ziehen die Vögel an, wenn sie über die Steppe kommen; sie fallen dann in dieses Pflanzengewirr ein. Zwergfliegenschläpper, Drosseln u. a. geben dann in ihrer Menge für einen Tag dem Park ihren Charakter. Das Studium des Vogelzuges dort ist mindestens so interessant wie in Helgoland oder Rossitten. Herr Falz-Fein wandte in ausgedehnter Weise die Rossittener Beringungsmethode an. Es wurden Turmfalken, Rötelfalken, Störche, Stare usw. beringt, und diese Vögel im Herbst und Frühjahr z. T. in systematischer Weise zu diesem Zwecke gefangen. Der Zug ist nicht so rein westlich wie bei uns, sondern z. T. genau nord-südlich. Es ist vielleicht auch kein Zufall, daß der erste Beringungsversuch, der überhaupt gemacht worden ist, auf Falz-Feins Boden ausgeführt wurde. Es wurde nämlich einem Jungfernkranich ein Ring in Gestalt eines Halsbandes mitgegeben. Dieser Ring ist dann von Slatin Pascha entziffert worden.

Herr v. Falz-Fein:

In bezug auf die Kreuzungsversuche mit Bisons (*Bison americanus*), Wisenten (*Bison europaeus*) und Rindern hat sich folgendes herausgestellt: Die kastrierten Mischlinge zwischen Bison und Steppenkuh sind, wie schon erwähnt, sehr stark, als Arbeitstiere ausdauernd und leistungsfähig. Über das Verhalten der Bastarde von Wisent und Steppenkuh bei der Arbeit habe ich noch keine Beobachtungen machen können. Von den Mischlingen zwischen Bison und Steppenkuh sind die Weibchen fruchtbar mit Rind, Bison und Wisent, die Männchen dagegen in allen Verbindungen unfruchtbar. Die Dreiviertelblutmännchen (entstanden durch Kreuzung von Bison mit Halbblutweibchen) sind wieder fruchtbar. Entsprechende Ergebnisse wurden bei der Kreuzung zwischen Wisent und Steppenkuh erhalten, d. h. Halbblutkühe sind fruchtbar, Halbblutmännchen unfruchtbar (doch wurden bei Kastration eines Tieres entwickelte Spermatozoen in den Hoden gefunden), Dreiviertelblutmännchen fruchtbar. Kreuzungen von Bison und Wisent unter sich geben Bastarde, die mit Bison und Wisent und unter sich in jeder Kombination fruchtbar sind. Diese Bison-Wisent-Mischlinge verhalten sich bei Kreuzung mit dem Hausrind wie die reinblütigen Bisons und Wisente. Die Versuche zeigen jedenfalls die nahe Verwandtschaft zwischen dem amerikanischen und dem europäischen Bison. Eigentümlich ist es, daß die Geburt des Halbbluttieres (*Bison americanus* X Steppenkuh) immer sehr schwer vor sich geht. Die Trächtigkeitsdauer ist überall dieselbe; die Halbblutkälber werden aber übertragen geboren. Woher das kommt, kann ich mir nicht erklären. Bei der Kreuzung von Wisent und Steppenkuh sind ähnliche Wahrnehmungen nicht gemacht worden. Ich habe auch Bastarde von Zebra und Hauspferd (Hengst oder Stute) gezüchtet. Diese Zebroiden erwiesen sich als unfruchtbar. Sie pflegen mehr dem Vater zu gleichen und sind bei der Arbeit sehr leistungsfähig, auch unbedingt bedeutend stärker als Pferde gleicher Größe bei größter Anspruchlosigkeit betreffs Futter und Pflege.

Herr **Conwentz**:

Bevor wir diesen Punkt verlassen, möchte ich noch erwähnen, daß Herr v. Falz-Fein das reiche und interessante Material seines Tierparks auch weiteren wissenschaftlichen Zwecken nutzbar macht. Auf seine Anregung errichtete vor etwa zehn Jahren die tierärztliche Zentralverwaltung in Petersburg eine zoologische Station in Askania Nova, der er Arbeitsräume und die lebenden Tiere zu physiologischen Versuchen frei zur Verfügung stellte. Der Leiter dieser Station, Professor Iwanow, hat mehrere Arbeiten darüber, namentlich über künstliche Befruchtung der Pferde, veröffentlicht.

Es ist selbstverständlich, daß die Schöpfungen des Herrn Falz-Fein allmählich in Rußland bekannt und dann ein beliebter Zielpunkt von Reisen und Lehrausflügen wurden. Namentlich naturwissenschaftliche Vereine, Lehrervereinigungen und Schulen verschiedener Art pilgerten nach Askania Nova, um Tierpark und Steppenreservate kennen zu lernen und zu bewundern. In einem Jahre vor dem Kriege waren gegen 10000 Besucher dort. Daher wurde es schon lange erforderlich, auch Unterkunftsräume einzurichten; in den letzten Jahren gab es zum Übernachten ein besonderes Exkursionistenhaus, das aber nicht immer völlig ausreichte.

IV. Herr v. Falz-Fein:

Über Askania Nova seit dem Jahre 1914.

Zu Anfang des Jahres 1914 war ich zu einer Jubiläumsfeier der Semstvos als Mitglied der taurischen Deputation nach Petersburg gekommen. Bei dieser Gelegenheit wurde ich dem Zaren vorgestellt und von ihm über die Einrichtungen in Askania Nova befragt. Schon seit längerer Zeit, äußerte er, habe er den Wunsch gehabt, dorthin zu kommen, aber es sei immer nicht möglich gewesen, diese Absicht auszuführen. Ich erstattete ihm einen kurzen Bericht und sprach die Hoffnung aus, daß er dennoch nach Askania Nova kommen werde. Kaum war ich dorthin zurückgekehrt, als ich den Besuch des Gouverneurs von Taurien erhielt, der mir mitteilte, daß ich in einer Woche den Besuch des Zaren zu erwarten habe und mich darauf einrichten möchte. Meine Einwendungen, daß die Frist zu kurz sei, halfen nichts. Ich solle es machen, wie ich wolle, hieß es, jedenfalls würde der Zar dann und dann bei mir sein. Zu meinem Glück verzögerte sich die Sache um eine ganze Woche, da eine türkische Gesandtschaft unerwartet nach Livadia kam. Am 29. April a. St. 1914 2 Uhr nachmittags kam dann der Zar mit einigen Herren seines Gefolges in drei Autos von Livadia an. Er begrüßte mich sehr liebenswürdig, ich hielt eine kurze Ansprache und nachdem er den Tee in meiner Familie eingenommen, ging es sogleich in den Tierpark. Auch die eingehegte Steppe und der botanische Park sowie die ganze Ökonomie wurden besichtigt. Dann fuhren die Autos vor, und es wurde eine Fahrt in die Steppe gemacht, um die frei weidenden Tiere, die Steppenreservate und die verschiedenen Herden der Pferde, Rinder und Schafe zu besuchen. Am nächsten Tage

wurden Parke und Tiersteppe noch einmal besichtigt und wieder eine Ausfahrt in die Steppe gemacht. Der Zar schenkte allem die größte Aufmerksamkeit. Er bekundete dabei auch ansehnliche Kenntnisse von Tieren und ein gutes Gedächtnis, denn er kannte sofort alle Tiere wieder, die er auf seiner Reise nach Indien gejagt und gesehen hatte. Seine Fragen hatten Hand und Fuß und zeigten, daß er sich wirklich und aufrichtig für die Gegenstände interessierte, nicht bloß äußerlich Interesse an den Tag legte. Was mir besonders auffiel, war, daß er wiederholt auf Erklärungen zurückkam, die ich ihm gegeben hatte und über die er noch Näheres zu wissen wünschte. Auch die landwirtschaftlichen Einrichtungen beschäftigten ihn lebhaft, und in letzter Stunde bestand er noch darauf, die Schafschur zu sehen, obwohl das Zeit kostete und der Minister Kriwoschein zur Abfahrt drängte. Wir alle waren entzückt über sein liebenswürdiges und freundliches Wesen und über seine große Höflichkeit gegen jedermann. Seine Erzählungen über seine Reisen waren sehr anziehend und bezeugten, daß er ein guter und feiner Beobachter war. Acht Tage später machte ich ihm den vorgeschriebenen Gegenbesuch in Livadia. Ich machte die Fahrt dorthin in Begleitung des Justizministers Tschelowitow, der dann während der Revolution erschossen wurde. In Livadia hatte ich ein dreiviertelstündiges Gespräch mit dem Zaren in seinem Arbeitszimmer und wurde zur Tafel gezogen. Nachher teilte er mir mit, daß er mich und meine ganze Familie für meine Verdienste auf dem Gebiete der Landwirtschaft, Akklimatisation, und überhaupt für meine Schöpfungen in Askania Nova in den Adelstand erhoben habe. Er sagte mir auch zu, im nächsten Jahre wieder nach Askania Nova zu kommen und den Thronfolger mitzubringen. Ein Vierteljahr später war der Krieg ausgebrochen. Jetzt ist der Zar tot, der Thronfolger ist tot, und ob Askania Nova heil bleibt, ist eine große Frage.

Während des Krieges waren die Veränderungen auf dem Gute in der ersten Zeit nicht besonders empfindlich. Wir als Leute deutscher Abstammung standen immer im Verdacht, nicht ganz loyal zu sein. Es wurde sogar erzählt, daß wir in Flugmaschinen Lebensmittel nach Deutschland schafften. Irgendein Mensch, ein Schweinehirt oder dergl., wollte so etwas gesehen haben. Die polizeilichen Nachforschungen, die sich an solche Redereien schlossen, waren das Peinliche und Unangenehme der Situation. Außerdem nahm, wie auch hier in Deutschland, mit dem Kriege der Mangel an Arbeitern zu, und dabei wurden an die Gutsbesitzer Anforderungen gestellt, die schwer zu erfüllen waren. Das hat sehr ungünstig auf das wirtschaftliche Leben eingewirkt, aber es war noch erträglich. Da kam die Revolution, und alsbald wurde mir das Dasein auf dem Gute unmöglich. Es bildeten sich sofort Komitees in den zunächst gelegenen Dörfern und in Askania Nova selbst unter dem Einfluß von Propagandisten, die Versammlungen veranstalteten und die Leute gegen die Grundbesitzer aufwiegelten. Die guten Elemente unter den Beamten und Angestellten in Askania Nova wurden von den schlechten terrorisiert, da diese sich auf die Masse der Tagelöhner stützten, denen man die größten Versprechungen machte. Ich sah

ein, daß ich nicht länger dort bleiben konnte, und verließ das Gut 1917 in der Hoffnung, daß die Sache ruhiger ablaufen würde, wenn ich nicht zugegen wäre. Das war im März 1917. Bis zum Herbst versuchte die Administration die Wirtschaft weiterzuführen und irgendwie durchzukommen. Inzwischen hatten sich die Akademie der Wissenschaften, die Geographische Gesellschaft und die Naturschutzkommission der Sache angenommen, und man war bemüht, Askania Nova vor Ausschreitungen zu schützen. Von der Regierung Kerenskis wurde General Koslow als spezieller Kommissar ernannt und mit großen Vollmachten ausgerüstet, um auf dem Gute Ordnung zu schaffen. Aber während er auf der Reise dorthin in Moskau mit mir zusammentraf, gelangten im Oktober die Bolschewisten zur Regierung. Koslow wurde unsicher, ob er mit den Vollmachten der alten Regierung noch etwas ausrichten werde. Er zog daher vor, nach Petersburg zurückzufahren und sich mit Mandaten der Akademie, der Geographischen Gesellschaft und der Naturschutzkommission auszurüsten. Mit diesen begab er sich nach Askania Nova und statt als Regierungsbevollmächtigter aufzutreten, fing er an, als Beauftragter jener drei unpolitischen Körperschaften mit den bolschewistischen Komitees (Gouvernements-, Kreis-, Gemeinde- und Gutskomitee) diplomatisch zu verhandeln. Das dauerte den ganzen Winter über. Mit großer Mühe gelang es ihm, die Ordnung auf dem Gute halbwegs aufrechtzuerhalten und es vor Zerstörung zu schützen. Die Komitees ließen sich überzeugen, daß Askania Nova als einzig dastehend nicht der Aufteilung unterworfen werden dürfe. Es wurde enteignet und zum Nationalgut erklärt; die jeweiligen Beamten und Angestellten mußten das Verwaltungskomitee des Gutes bilden. Da ich als Besitzer vollständig beiseite geschoben und von der Verwaltung ausgeschlossen war, so hörte ich auf, weiterhin das Gut mit Mitteln zu versehen. So wurde die Kasse leer, und es entstanden nun zwischen den gewöhnlichen Arbeitern und den Beamten allerlei Zwistigkeiten. Da man wegen des Geldmangels keine fremden Arbeiter mehr mieten konnte, so beschloß die Versammlung der Angestellten und ständigen Arbeiter, selbst zu arbeiten und aufs Feld zu gehen. Aber es wollte keiner aufs Feld. Dann kamen die bolschewistischen Räuberbanden, die vor den heranziehenden Deutschen von Norden her der Krim zu flüchteten. Vom Gute wurden etwa 100 Arbeitspferde, einiges Rindvieh, das ganze Pferdegeschirr und die Wagen weggeholt. Die Räubereien dieser Banden wurden auch den einheimischen Bolschewisten zu arg, und sie lebten in der letzten Zeit in Todesangst. Gerade als die Sache sehr ernst wurde und die zuletzt eingetroffene Bande alle auszuplündern und ein Blutbad anzurichten drohte, kamen in einer Nacht die Deutschen als Erretter. Nach ihrer Ankunft und während des ganzen Frühjahrs und Sommers herrschten in Askania Nova wie auch überall im Lande unter dem Schutz des deutschen Militärs völlig ruhige und geordnete Verhältnisse. Nach dem Zusammenbruch in Deutschland und dem Abzug der deutschen Truppen aber begannen wieder trübe Zeiten. Ich weiß nicht, wie es jetzt dort aussieht, aber ich fürchte das Schlimmste (Anlage c).

Herr **Conwentz**:

Wir würden gewiß gerne noch weiter den interessanten Ausführungen unseres Ehrengastes lauschen, aber angesichts der Zeitumstände empfiehlt es sich, die Sitzung zu schließen. Lebhafter Dank sei allen Anwesenden, besonders den Herren Referenten und vor allem Herrn v. Falz-Fein ausgedrückt. Was Sie hier gehört haben, meine Damen und Herren, wird Sie nicht nur als Botaniker und Zoologen sowie als Freunde unserer Bestrebungen, sondern auch als Deutsche mit lebhafter Freude und Genugtuung erfüllt haben; lieferte es doch ein hervorragendes Beispiel dafür, was deutsche Kulturarbeit durch Generationen in der russischen Steppe geleistet hat. Wir wünschen Ihnen, Herr v. Falz-Fein, von Herzen, daß Sie später glücklich in Ihre Heimat zurückkehren und Askania Nova mit Ihren Schöpfungen in erträglichem Zustande wiederfinden mögen. Hoffentlich gelingt es Ihrer von tiefem Verständnis getragenen Tatkraft, die Pflanzenschutzgebiete und Tierparke dauernd zu erhalten und weiter auszugestalten, zur Freude aller Biologen und zur Förderung der Wissenschaft.

Anlagen

Die Einführung des asiatischen Wildpferdes

Anlagen A

Herr **v. FALZ-FEIN** hat über die Beschaffung der Wildpferde noch folgende Mitteilungen gemacht:

„Schon im Jahre 1896 begann ich unter Mithilfe des Zoologen Dr. BÜCHNER und des Archäologen CLEMENS, der viele Beziehungen zu der Bevölkerung in der Mongolei hatte, meine Bemühungen, dort Persönlichkeiten zu finden, die zur Erlangung der Wildpferde behilflich wären. Wir sandten Geschenke an mongolische Fürsten und allerlei andere Persönlichkeiten und kamen in Beziehung zu ASSANOW, einem Kaufmann in Bijsk, Gouvernement Tomsk, der mit China Handel trieb. Mit seiner Hilfe wurden unter großen Schwierigkeiten die ersten Expeditionen nach den Aufenthaltsorten der Tiere ausgerüstet. Es wurde auch 1897 eine Anzahl junger Wildpferde gefangen, aber sie gingen alle ein, weil der Fang nicht so gemacht worden war, wie er gemacht werden sollte. Ich arbeitete nun ausführliche Vorschriften hierüber aus und legte namentlich darauf Gewicht, daß die Tiere keinesfalls durch Hetzen gefangen werden sollten, sondern vielmehr durch Abschießen der Mutterstute. Da bei den Mongolen an Ort und Stelle keine zahmen Milchstuten zu bekommen waren, so mußte man solche schon in Bijsk ankaufen und vorher so belegen lassen, daß sie um dieselbe Zeit wie die wilden Pferde Fohlen bekamen. Zum Zweck der Ernährung der gefangenen Fohlen durch die zahme Stute mußte man die zahmen Fohlen töten, und damit die Stute die Wildfohlen sofort annahm, wurde empfohlen, diese mit den Häuten der zahmen Fohlen zu bedecken. Da diese Regeln nicht genau befolgt wurden, mißlang der Fang wiederum, d. h. alle gefangenen Tiere gingen ein. Wir wiesen ASSANOW nunmehr an, sich genau an die Vorschriften zu halten, und danach blieb der Erfolg nicht aus. Die ersten Fohlen wurden im Frühjahr gefangen. Es waren 6 Stuten und 1 Hengst. Der Hengst und eine Stute mußten aber in Kobdo (Mongolei) zurückgelassen werden, weil sie zu schwach waren, um die 500 km weite Reise nach Bijsk

mitzumachen. Die anderen fünf Pferde kamen nach Nowo Alexejewka, wo eins starb. Im Herbst 1899 trafen endlich die übrigen vier Stuten glücklich in Askania Nova ein. Im Sommer 1900, wo sie sozusagen schon ältere Tiere waren, wurden die Wildpferde photographiert. Nachbildungen dieser Photographien sind im Frühjahr 1901 in der „Illustrierten Zeitung“ mit einem Aufsatz von Professor MATSCHIE veröffentlicht worden.

Die zwei Tiere, die 1899 in Kobdo zurückgeblieben waren, kamen im Frühjahr zu ASSANOW nach Bijsk. Dort sah sie ein russischer diplomatischer Beamter, UCHTOMSKI, und von ihm wurde ASSANOW überredet, sie dem Zaren zu schicken. Sie wurden nach Gatschina gebracht und auf Befehl des Zaren von dem Akademiker SALENSKI beschrieben. Die Stute ging nach einiger Zeit ein, den Hengst aber schenkte mir der Zar. Da der Fang der Tiere einmal eingeleitet war, wurden im Jahre 1900 neue Fohlen für mich gefangen. Es waren 28 Stück, die im Herbst 1900 nach Bijsk kamen.

Im Frühjahr 1901 war ich in Antwerpen, wo ich HAGENBECK sah. Er hätte gern erfahren, auf welche Weise ich meine Wildpferde erhalten hatte. Da er selbst aber in solchen Fällen keineswegs mitteilbar war, gab ich ihm auch keine Auskunft. Ich hatte nun auf der Versteigerung im Zoologischen Garten eine Anzahl Tiere gekauft und nahm einen Vorschlag HAGENBECKS an, der sich erbot, sie durch einen seiner Angestellten, der gerade nach Südrußland gehen sollte, nach Askania Nova führen zu lassen. Dieser forschte dort bei meinen Leuten die näheren Umstände über die Art der Anschaffung der Wildpferde aus, fuhr im Herbst 1901 direkt nach Bijsk und kaufte von ASSANOW die 28 Stück, die für mich bestimmt waren, über deren Transport aber wegen einer Erkrankung Dr. BÜCHNERS noch keine Bestimmung getroffen war. Die Pferde kamen nach Hamburg, und im November 1901 erschien über sie in der „Illustrierten Zeitung“ ein Aufsatz, in dem die Vorgänge ganz falsch dargestellt waren. 1902 bekam HAGENBECK von ASSANOW einen weiteren Transport. 1903 und 1904 ließ ich mir einige Pferde von ASSANOW kommen. Rechnet man diejenigen ab, wie auf dem Wege starben, so waren es fünf Tiere, Stuten und Hengste. Es stellte sich nun heraus, daß unter den neuen Pferden solche waren, die einer anderen Varietät angehörten. Die meisten waren isabellfarbig und wurden von den Mongolen, die mit den Transporten kamen, als Syrtache (syr = Wüste, tache = Pferd) bezeichnet, während einzelne braun waren mit isabellfarbenen bis weißen Beinen und Unterleib, auch eine längere Mähne und einen buschigeren Schwanz sowie etwas andere Hufform hatten. Diese zweite Varietät wurde Kurtache (kur = Berg) genannt. Die Mongolen behaupteten, daß sie die Syrtache in den Steppen fingen, die Kurtache dagegen in bergigeren Gegenden. Die Skelette und die Häute der beiden Formen, die sich in meinem Museum befinden, wurden von Professor MATSCHIE untersucht. Er stellte fest, daß es in der Tat zwei verschiedene Formen sind. Aus dieser Darstellung ist zu ersehen, daß ich der erste gewesen bin, der das asiatische Wildpferd lebend nach Europa eingeführt hat, und zwar zwei Jahre vor HAGENBECK, der nachher den von mir mit großer Mühe eingeleiteten Fang der Tiere genutzt hat.“

Das Tierleben in Askania Nova

Anlagen B

Herr Professor MATSCHIE gibt nach seinen eigenen Beobachtungen im Jahre 1913 die folgende anziehende Schilderung des Tierlebens in Askania Nova:

„Man glaubt, in einem Märchenlande zu sein, wenn man die immer wechselnden, wunderschönen Eindrücke in sich aufnimmt, die auf den Fluren von Askania Nova dem Auge und Ohr sich darbieten. Schon der erste Blick aus dem Fenster machte mich staunen. Auf den Blumenbeeten

und den Raseneinfassungen wimmelte es von kleinen gelben Vögelchen, Kanarienvögeln, in voller Freiheit. Eine Wiedehopf bohrte den weichen Schnabel in die lockere Erde. Auf dem Fahrwege sicherte ein Kilimandscharo-Zebra, zwei Lamas erhoben sich schwerfällig vom Boden, und ein kaukasischer Steinbock erhielt durch einen Hofjungen einen ernsten Verweis, weil er den Rosenstücken in den Zierbeeten einen unliebsamen Besuch abgestattet hatte. Von den Ställen her nahe ein sonderbarer Zug: Altai-Hirsche und Rothirsche, zahlreiche Elenantilopen, vorderindische Nilgau-Antilopen, Zebras in mehreren Arten, Gnus, Mähnschafe aus Nordafrika, Mufflons von Sardinien und ihre Mischlinge mit Merino- und Kalmückenschafen werden von einem berittenen Hirten auf die freie Steppenweide getrieben.

Die Hinterseite des Wohnhauses begrenzt den 20 ha großen, von zahlreichen kleinen Wasserläufen durchzogenen, mit Laub- und Nadelholz dicht bestandenen, von Gebüsch und Wiesen unterbrochenen Lustwald, in dem Teiche und sumpfiges Gelände <jhe Mannigfaltigkeit der Ausblicke vermehren. Mit großer Kunst sind die gewundenen Wege so angelegt, daß immer wieder neue Eindrücke die Sinne erfreuen, In diesem rielände häufen sich die Überraschungen. Schon vor der Tür bei der Frühstückstafel kommt man aus dem Staunen nicht heraus. Ein Pärchen Großtrappen bettelt um Erosamen, auf dem Schindeldache über dem Eingang sitzt ein tibetanischer Glanzfasan, auf den höheren Ästen eines großen Baumes füttert ein Rotfußfalke seine Jungen, von links her nahen sich einige Jungfernkraniche, im Gebüsch klettern Rosakakadus herum, chinesische Sonnenvögel, Schopftauben, Lachtauben, beleben das Gezweige, und Purpurhühner, Schopfwachteln und farbenprächtige Fasane in einem Dutzend Arten zeigen sich hier und dort vor dem Gebüsch.

Ein Gang durch den Park bietet eine unbegrenzte Fülle immer neuer Bilder. Bald huscht ein Känguruh über den Weg, bald lugt vorsichtig ein Muntjak aus dem dunklen Gestrüpp, eine Gazelle wird für einen Augenblick sichtbar, ein argentinischer Pampashase hoppelt schleunigst davon, bunte Rostgänse fliegen durch die Luft, auf den Wasserläufen schwimmen Enten der verschiedensten Art, und Brachvogel in zwei Arten, Birkhühner und Auerhühner, Fächertauben, Kiebitze, Teichhühner vervollständigen das schöne Bild.

Aus der Ferne tönt das vielstimmige Geschrei der Wasservögel herüber von den weiten, künstlichen Teichen, die den Wald begrenzen und von ansehnlichen, mit dem ausgehobenen Erdreiche errichteten Hügeln umrandet werden. Der Anblick, der sich dem Auge hier darbietet, ist namentlich am Abend, wenn die scheidende Sonne den Wasserspiegel mit feuriger Glut übergießt, berückend, dieses Gewimmel der verschiedensten Gestalten. Aber auch bei strahlendem Sonnenschein ist dieses farbenprächtige Bild so eigenartig, daß es in der Erinnerung unvergeßlich bleibt. Zwergsäger, Gänssäger, sechs Arten Tauchenten, dreizehn Arten von Schwimmenten, vier von Fuchsgänsen, achtzehn von Gänsen, sieben von Schwänen beleben das Wasser; die Luft ist erfüllt von hin- und herfliegendem Federwilde. Eine Schar von Flamingos hebt sich in rötlichem Glanze gegen den grünen Hintergrund der Steppe ab, auf der allerlei Uferläufer, neun verschiedene Kranich-Arten und zwanzig von Fasane sich zu mancherlei Gruppen scharen. Und weit im Hintergründe gaukelt oft die Fata morgana die mit Schlössern und Waldungen besetzten Ufer des Dnjepr vor.

In der eingezäunten Steppenfläche, die sich an den Tierpark anschließt, halten sich die verschiedenen Strauß-Arten auf. Nach Arten getrennt weiden die Hirsche, unter denen reinblütige Altai-Hirsche, japanische Sika-Hirsche, Axis-Hirsche, Edelhirsche aus der Krim und dem Kaukasus, mandschurische Hirsche und Kreuzungswild zwischen dem Edelhirsch und asiatischen Hirschen

sich befinden. Eine ziemlich starke Herde von Elenantilopen, Kuhantilopen, Gnus, Bleißböcke und Buntböcke, Rappenantilopen,

Nilgau-Antilopen, zahlreiche Hirschziegen-Antilopen, Springböcke, Gazellen mehrerer Arten und Saiga-Gazellen, Mähnschafe, Mufflons, Zebras sind auf der weiten Fläche zerstreut. Sie sammeln sich, sobald Heu gestreut wird, so daß man dann alle diese Wildarten aus nächster Nähe beobachten kann.

Der östlich gelegene größere Park birgt Rehe, Damhirsche, Zierenten und Fasanen. Hier brüten Sprosser und Nachtigallen, hier tönen die verschiedensten Stimmen der Singvögel im Frühling, hier zeigen sich auch oft die bunten Bienenfresser in ihren eigentümlichen Flugkünsten.

Die reizvollsten Bilder bietet auch der in der Nähe des Wohnhauses angelegte große Flugkäfig, ein in seiner Art unübertroffener Raum, der mit seinen Bäumen und Sträuchern, mit seinem dichten Unterholz und zwischen Sumpf und Wiese und Sandflächen abwechselnden Boden den verschiedensten kleineren Vögeln den zweckmäßigsten Aufenthalt gewährt. Man kann Stunden und Stunden hier beobachten und wird immer wieder durch neue Eindrücke befriedigt. Sittiche, Zwergpapageien, Drosseln, Grasmücken, Meisen, Bachstelzen, Pieper, Hänflinge, Zeisige, Stieglitze, Kernbeißer, Ammern, Finken, Lerchen, die verschiedensten Tauben, Frankoline, Wachteln, Teichhühner, Bleißhühner, Regenpfeifer, Brachschwalben, Säbelschnäbler, Austernfischer, Brachvögel, Uferläufer, Kampfschnepfen, Sandläufer und viele andere Arten vereinigen sich hier zu unvergeßlichen Bildern. In einzelnen Räumen sind größere Raubvögel untergebracht, die man auf dem Zuge bei Askania Nova gefangen hat, darunter der Mönchsgeier, Steinadler, Schelladler, Schreiadler, Zwergadler, Steppenadler, Adlerbussard und Habichtbussard.

Wem das große Glück beschieden war, sich aller dieser Herrlichkeiten erfreuen zu dürfen, der wird mit Bewunderung und Hochachtung des Mannes gedenken, der alles dieses aus der Steppe herausgezaubert hat, dem es gelungen ist, eine große Anzahl der Durchzugsvögel an seine Scholle zu binden und sie zum Brüten zu veranlassen. Ebenso bewundernswert sind aber seine Erfolge in der Mischlingszüchtung. So sieht man Mischlinge vom Königs-Fasan mit dem kaukasischen Fasan, mit Swinhoe-Fasan, Gold-Fasan und Amherst-Fasan, zwischen Glanz-Fasan und Ohr-Fasan, Nilgans und Moschußente, Stockente und Schnatterente, chilenischer Spießente und Stockente, Spießente und Sichelente, Spießente und chilenischer Spießente, Graugans und kanadischer Gans, Graugans und Polargans, Hänfling und Grünling, Stieglitz und Kanarienvogel, Grünling und Kanarienvogel und andere mehr. Unter den Säugetieren ist ein Mischling der Hirschziegen-Antilope mit der Kropfgazelle besonders merkwürdig. Sehr wichtige und erfreuliche Ergebnisse haben die Mischlinge zwischen den Zambese-Zebras und Pferden und den Transvaal-Zebras mit diesen ergeben. Diese Zebroiden haben sich als sehr kräftige Zugtiere erwiesen.

Ganz besondere Aufmerksamkeit verdienen die Kreuzungen zwischen Wisent, Bison und Steppenrindern. Diese Rinder gehen zusammen auf die Weide. Wenn man im Kraftwagen plötzlich mitten zwischen der großen Herde der urwüchsigen Wollbüffel angelangt ist und ringherum die zottigen Riesen vor sich sieht, die Wisente von Bjelowesch und die nordamerikanischen Prairie-Bisons und dazwischen die großen, kräftigen Steppenrinder, dann genießt man einen Anblick, der sich an Seltenheit kaum mit einem anderen vergleichen läßt. Da verlieren die Kamelherden, denen man begegnet ist, die Büffelscharen, die Grunzochsen und die Elen-Antilopen, die über die Steppe verstreut sind, an Wirkung.“

Herr FRITZ BAUMGARTNER, ein früherer Beamter des Herrn V. Falz-FEIN, schrieb ihm aus Odessa am 20. Oktober 1918 u. a. folgendes:

»Nun habe ich endlich nach vier Kriegs- und Revolutionsjahren und nach monat- langer Fahrt durch den Norden und Süden Rußlands, durch zerstörte Kolonien und geplünderte Gutshöfe Ihr Askania wiedergesehen: als ob es nicht mitten drin sondern fern ab in einem versteckten seligen Erdenwinkel läge . . . Am 26. Juni begegnete mir auf der Straße zwischen Nowograd–Wolhynsk und Shitomir ein Bauernfuhrwerk • aus der Krim zurückkehrend Flüchtlinge – durch sie erfuhr ich, daß Preobraschenka stark geplündert worden, Askania mit einem blauen Auge« davongekommen sei. In Kiew wurde mir die Nachricht bestätigt – heute weiß ich, daß »das blaue Auge«, der Verlust von Pferden und Gerät rasch verheben wird und wohl zu verschmerzen ist. Sie dürfen sich in jeder Beziehung auf ein Wiedersehen mit Ihrem Askania freuen, das sehnlichst die Rückkehr seines Herrn und Meisters erwartet! Im Tierpark fand ich manche Lücke: Bubalis, Gazellen, die schönen Känguruhriesen doch alles Verluste, mit denen man auch in normalen Zeiten rechnen mußte. Dafür fand ich so viele erfreuliche Fortschritte, die mir alle Anerkennung für Aufsicht und Pflege durch KLIM und seine Getreuen abnötigten. So die Nachzucht der Strauße – eine stattliche Herde von schönen Exemplaren, die bedeutend kräftiger sind als die Importen und sehr zur Weiterarbeit auf günstigerer Weide, als sie die Tierbahn bietet, anregen, bei den jetzigen Federpreisen eine Zucht, die sich gut bezahlt machte; Emu und Nandu – beide nun nach erfolgreicher Nachzucht echte Askaniavögel, wie auch die neuseeländische Kasarkas, welche die Teichlandschaft und die umliegende Stätte um ein herrliches Flugbild mehr bereichern. Ich sah zwei prächtige Erpel, mit welchen der Stammvater keinen Vergleich mehr aushalten kann, er ist ein Zwerg gegen diese herrlichen Vögel. Hoffentlich tragen die beiden das ihrige zu weiterer Vermehrung bei. Die »Saigha- herde« kann sich mit elf Stück nach vierjährigem Mangel an Futterzufuhr sehr wohl sehen lassen – 29 Elenantilopen sehen wie übrigens alle Zwei- und Einhufer drin und draußen trotz kümmerlichster, infolge der großen Trockenheit sehr spärlicher Weide ganz danach aus, als ob sie wohl imstande seien, den kommenden Winter gut durchzuhalten. Heu ist knapp – sehr knapp – doch KLIM wird Rat schaffen. – Die Parke prangten noch im herrlichsten Grün – alles noch dicht belaubt – Bewässerung muß in diesem regenarmen Sommer herrlich funktioniert haben. Was ich im großen Park vermißte, waren Tauben und Schopfwachteln. KUM sagte mir, daß Ihre Flügel sehr zusammengeschrumpft, namentlich Australier, die Wachteln sind fast ganz ausgegangen, dafür gibt es um so mehr Steinhühner, die ich in allen Winkeln traf. Voliere ist tadellos unterhalten und hat eine ganze Anzahl interessanter Brutten beherbergt: Singdrossel, Sumpfhühnchen, Rotschenkel, Austernfischer, Kiebitz, Halsband- regenfelfer. Sehr fehlen die Trapphähne bis auf zwei Weibchen sind alle Trappen eingegangen – Ersatz wird sich auch da finden lassen . . .«

Falz-Fein Fr.

Einiges über den Tierpark von Askania Nova und seine Entstehung.

Sitzungsbericht der Gesellschaft naturforschender Freunde zu Berlin.
1919. N^o7. S. 296-302.

Einiges über den Tierpark von Askania Nova und seine Entstehung.

Von Fr. v. Falz-Fein.

Das Gut Askania Nova liegt im südlichen Rußland, 50 km nordöstlich von Perekop, zwischen dem unteren Dnjepr und der Krim in Taurien und ist von ebener, weiter, wasser-, stein- und baumloser Steppe, der sogenannten Nogaischen Steppe, umgeben.

Gegen das Ende der siebenziger Jahre fing infolge der starken Besiedelung und der Einfuhr von landwirtschaftlichen Maschinen die taurische Steppe an, ihren ursprünglichen Zustand und ihre urwüchsige Schönheit zu verlieren. Mehr und mehr kam sie unter den Pflug und wurde in Feld umgewandelt, und was Steppe blieb, wurde entweder jedes Jahr abgemäht oder stark als Weide ausgenutzt. Dadurch verschwanden manche Tier- und Pflanzenarten fast vollständig; andere wurden immer seltener.

Einige Tierarten waren schon in früherer Zeit ausgestorben. Im Archiv des Gutes fand ich ein Schreiben meines Urgroßvaters aus alter Zeit, die Antwort auf eine Anfrage der Regierung, in dem berichtet wurde, daß die Saigaantilope, das Bobak-Murmeltier und das Steppenbirkhuhn, das hier früher neben der Zwergtrappe gelebt hat (in ähnlicher Weise, wie es Lorenz für die Steppen des Kuban und Terek angibt), schon verschwunden seien, daß aber Wildpferde vorkommen.

Das letzte Wildpferd ist in dem Jahre 1879, die letzten Steppenwölfe sind in den achtziger Jahren dort getötet worden.

Die Hügel der Bobaks bedecken heute noch die Steppen; man findet auch noch gelegentlich Zähne und einzelne Knochenreste von ihnen.

Die früher reichhaltige Steppenvogelwelt verarmte immer mehr. Die Großtrappen, Zwergtrappen, Wachteln, Rebhühner, Brachschwalben und Jungfernkraniche wurden in der Stipasteppe immer weniger. Die Massen von Brachvögeln, Stelzenläufern, Pfuhschnepfen und anderen Stelzvögeln verließen ihre Brutplätze, weil sie ausgemäht wurden und die sumpfigen Niederungen langsam austrockneten; die Enten, Taucher, Sumpfhühner, Rallen, Graugänse, Graukraniche, die ebenfalls dort in Mengen genistet hatten, und die man massenhaft beim Mähen jung zum Verzehren zu fangen pflegte, was ich noch selbst gesehen habe, wurden fast vollständig verdrängt.

Durch den starken Weidegang wurde auch der Pflanzenreichtum auffallend ärmer.

Das Verschwinden der Ursteppe und seiner ursprünglichen Tier- und Pflanzenwelt brachte mich auf den Gedanken, einige Teile der Steppe aus der Ausnutzung auszuschalten und die an Ascania Nova angrenzende Niederung nicht vollständig auszumähen um wenigstens an einigen Stellen die urwüchsige, interessante und schöne Steppe mit ihrer Säugetier- und Vogelwelt zu erhalten. So entstanden einige Reservate von ungefähr 650 Deßjätinen.

Außerdem ließ ich im Jahre 1883 den einen der neben dem Gutshause befindlichen Gärten umzäunen, um dort in meiner nächsten Nähe eine Anzahl von Steppentieren zu unterhalten, die sich sonst verlaufen hätten. Es waren zuerst ungefähr acht Hektar. Bald hatte ich fast alle größeren Steppenvögel gesammelt, erhielt auch unter ziemlichen Schwierigkeiten Saigaantilopen und Bobaks und fügte Rehe und Hirsche aus der Krim hinzu.

Zu dieser Zeit waren nur kümmerliche Wirtschaftsgärten mit einigen Obst- und Waldbäumen und die Wege einfassenden Sträuchern vorhanden, die nicht recht gedeihen wollten. Jeder Gärtner pflanzte nämlich nach seiner Art ziellos und versuchte alles mögliche nach Gutdünken. Dazu kam der allgemeine Glaube, daß in jenen Gegenden der Nogaischen Steppe Baumwuchs ohne künstliche Bewässerung gedeihen könne, und endlich fehlte das nötige Wasser. Die Brunnen wurden durch das Untergrundwasser gespeist und gaben zu wenig und schlechtes Wasser. Der feine Sand des Untergrundes versandete immer wieder den Teil des Schachtes, in dem sich das Wasser ansammeln sollte, und verhinderte alle Versuche, den Schacht zu vertiefen.

Angeregt durch das Halten der einheimischen Arten beschloß ich, andere aus fremden Ländern meiner Sammlung einzureihen. Besondere Anregung bot mir hierbei ein Briefwechsel mit Herrn Cornely, der seiner Zeit einen Tierpark in Beaujardin bei Tours besaß.

Im Jahre 1888 bekam ich von Menges die ersten ausländischen Tiere, nämlich drei Hirschziegenantilopen, ein Paar Bennetts-Kängurus und ein Paar Nandu-Strauße.

Damals wurde ich lebenslängliches Mitglied der Société d'acclimatation in Paris und hatte Gelegenheit, Albert Geoffroy St. Hilaire, dem verdienten Direktor des Jardin d'acclimatation, näherzutreten. Er nahm mich, als ich im Jahre 1889 zur Weltausstellung Paris besuchte, sehr freundlich auf, belehrte mich über viele für mich wichtige Fragen und gab mir den Rat, mein Unternehmen zu einer Tiersteppe in großem Maßstabe auszubauen und besonders nach Baumanpflanzungen zu streben. Ein Besuch der Zoologischen Gärten in Amsterdam, Antwerpen und Rotterdam sowie des Tierparks des Herrn Blaauw in s'Graveland, den ich in seiner Begleitung unternahm, und dann des Berliner Zoologischen Gartens gaben mir eine Fülle von Anregungen, und besonders Herrn Geheimrat Heck verdanke ich manchen wertvollen Hinweis.

Obleich ich nach der Rückkehr von meiner Reise durch den Tod meines Onkels und Stiefvaters im Jahre 1890 die Leitung aller Familiengüter übernehmen mußte und dadurch sehr in Anspruch genommen war, trat ich doch nunmehr an den systematischen Ausbau der gewonnenen Anregungen heran.

Bald stellte es sich heraus, daß junger Baumwuchs sich mit der Haltung größerer Tiere nicht vereinigen läßt. Deshalb ließ ich anschließend an die frühere Umzäunung für größere Tiere vorläufig noch zehn Hektar Steppe einzäunen.

Die bisher gehaltenen Vögel wurden immer der Flugkraft beraubt. Meine Absicht ging aber dahin, sie möglichst frei fliegend einzubürgern. Um dies zu erreichen, war es nötig, zunächst neben den Steppenreservaten noch einen reichen Baumwuchs für Baumvögel, Sumpf für Sumpfvögel und Wasser für Wasservögel zu schaffen, ehe man weitere Versuche anstellen konnte.

Durch die vorhandenen kümmerlichen Baumanpflanzungen wurden vorerst einige Gräben gezogen und mit Wasser gefüllt. Sofort fing der Baumwuchs an gut zu gedeihen, solange die Kanäle mit Wasser gefüllt waren; leider aber fehlte die genügende Wassermenge um dieses System weiter auszubauen. Um dem ziellosen Hin- und Herpflanzen der verschiedenen Gärtner ein Ende zu machen wurde im Jahre 1887 ein Plan zur Einrichtung eines größeren Pflanzenparks entworfen, um zielbewußt weiter arbeiten zu können. Mit den Anpflanzungen wurde im Jahre 1888 begonnen; sie gediehen, wie gewöhnlich alle jüngeren Anpflanzungen in der Steppe, zuerst verhältnismäßig gut. Aber schließlich mußte man doch an künstliche Bewässerung im Hochsommer denken, um älteren Baumwuchs zu erreichen und sein Gedeihen zu sichern.

Es wurde ein neuer Brunnen gegraben und ein Pumpwerk aufgestellt. Alle Versuche aber, den Brunnenschacht zu vertiefen, scheiterten an der Versandung und dem schwachen Zuflusse des Wassers.

Schon begann ich an der Möglichkeit der Ausführung meiner Pläne zu zweifeln.

Da wurde noch ein letztes Mittel versucht und eine artesische Röhre in den Brunnen eingesetzt. Dies führte zu einem vollen Erfolge. Nachdem die Röhre in Jahre 1890 etwa 17 m vom Brunnengrunde gerechnet in den Boden hineingetrieben war, trat das schönste Quellwasser in großer Menge hervor. Der Druck aber wirkte nur bis zur Höhe des Grundwasserspiegels. Deshalb mußte man sofort an entsprechende Wasserhebevorrichtungen denken.

Genauere Untersuchungen haben gezeigt, daß es ebenso wie das Grundwasser aus dem Dnjepr stammt. Es durchtränkt die Kalksteinschicht, die am Dnjepr an die Oberfläche tritt und bei Ascania Nova vom Lehm überlagert wird, der das Wasser nicht aufsteigen läßt. Nun war die Wasserfrage gelöst. Überall in der Nachbarschaft wurde dieses Verfahren sofort mit Erfolg nachgeahmt. In Ascania Nova wurde zunächst ein ziemlich einfaches Pumpwerk und ein Wasserturm mit einem 8000 Eimer umfassenden Reservoir aufgestellt, welche die Möglichkeit gaben, mit der Berieselung des Pflanzenparks anzufangen und die Gräben im Tierpark zu füllen.

Später konnte man durch Aufstellung neuer großer, von Weise und Monski bezogener Pumpen und eines Gasgenerators von Otto Deutz schließlich erreichen, daß 33000 Eimer Wasser in der Stunde gefördert wurden. Der Gasgenerator versorgte auch eine

Mühle und alle Werkstätten mit Kraft. Diese Wassermenge gab die Möglichkeit, die Berieselung der Parks vollständig durchzuführen und Teiche einzurichten.

Der erstere der beiden Parks bedeckt jetzt einen Flächenraum von etwa 60 Hektar, der letztere von etwa 25 Hektar. Die Laub- und Nadelholzbestände sind von Gebüsch und Wiesenflächen unterbrochen; Teiche und sumpfige Gelände, die außerhalb dieser Parks teilweise durch Gräben und teilweise durch Eindämmen angelegt sind, bieten Raum für das Volk der Schwimm- und Stelzvögel.

Der ausgehobene Lehm diente zur Errichtung von Dämmen und künstlichen Hügeln.

Das Nichtgedeihen des Baumwuchses in diesen Steppen ohne künstliche Bewässerung ist nicht in der Wasserarmut allein begründet, auch nicht allein durch die nicht entsprechenden Bodenverhältnisse, sondern durch beide gemeinsam. Mit anderen Worten, der Steppenboden könnte bei größeren Niederschlagsmengen guten Baumwuchs hervorbringen, und ebenso würde der dortige Niederschlag genügen, wenn der Untergrund durchlässiger und weniger salzhaltig wäre. Der Boden ist nicht genügend ausgelaugt. Bei starker Hitze und Dürre steigen die Salze in die Höhe und wirken zerstörend auf die Baumwurzeln.

Der Tiergarten besteht aus zwei Teilen, dem eigentlichen Tiergarten mit Baumwuchs, Wasserläufen, Teichen und Steppengelände, 25 Hektar groß, und der Tiersteppenwildbahn, die 70 Hektar groß ist. Im ersten Teil werden alle Vogelarten gehalten und einige kleinere Säugetiere, Gazellen, Kängurus, Muntjaks und Maras, die den Baumwuchs nicht zu sehr schädigen.

Alle größeren Tiere befinden sich in der Steppenwildbahn.

Dicht neben dem Herrenhause, im ersten Teile, befindet sich eine Voliere von ungefähr 520 qm Ausdehnung, die sich aus verschiedenen aneinander grenzenden Abteilungen zusammensetzt, die je nach Bedarf getrennt werden können. Eine über Gestein plätschernde Quelle speist einen Bach und einen kleinen Teich; Rasen und lebende Bäume und Sträucher wechseln in allen Abteilungen ab. Auch ein kleiner Sumpf ist vorhanden. Mehrere Vogelstuben grenzen daran, in denen die Vögel Schutz suchen können.

Hier sind ungefähr 50 Arten von Singvögeln, 11 von Tauben, 8 von Hühnern und 30 von Sumpf- und Stelzvögeln untergebracht.

Als sich der Tierbestand infolge der Neugeburten und des Gedeihens sehr vermehrt hatte und außerdem günstige Absatz- und Verkaufsmöglichkeiten sich herausstellten, mußte ich auf Mittel und Wege sinnen, Tiere auch außerhalb der Wildbahn zu halten, um sie in größeren Mengen wie Haustiere zu züchten. Ich versuchte es zunächst mit jung aufgezäpkelten, vollständig zahmen Tieren, Elenantilopen, Hirschen und Nylgauantilopen, indem ich sie einfach auf die Weide treiben ließ. Dabei machte ich die Erfahrung, daß es wohl gehen würde, wenn man eine Stammherde an freien Weidegang gewohnter Tiere bildete, die späterhin in dieser Herde geborenen Tiere darin ließe und dann die aus der Wildbahn

stammenden, nicht aufgepäppelten jungen Tiere dorthin versetzte. Sie gewöhnen sich bald an den freien Weidegang, werden wie Haustiere morgens zur Tränke getrieben, dann auf die freie Steppenweide und kehren am Abend zurück zur Tränke und zu den offenen, von Ställen umgebenen Gehöften, in denen sie die Nacht verbringen und gewöhnlich noch einige Leckerbissen, Maisstengel, Futterrüben, und dergleichen erhalten.

Selten verlief sich ein Tier von der Herde, und wenn es weglief, kehrte es gewöhnlich zum Gehöfte zurück.

Zwei sich ablösende berittene Hirten genügten zur Bewachung. In dieser Herde weideten Yaks, einige jüngere Wisente und Bisons mit ihren Mischlingen und solchen mit Hausrindern, Mähnschafe, Mufflons, Lamas, Nylgaus, Elenantilopen, Gnus, Hirsche und Zebras u. a.

Die älteren Wisente und Bisons und ihre Mischlinge weiden mit den entsprechenden Altersklassen der Haustiere zusammen, die Wildpferde in den Pferdeherden.

Etwa 100 zweihöckerige Kamele und Dromedare dienen als Arbeitstiere.

Einige kastrierte Mischlinge des Bisons wurden zur Arbeit herangezogen und haben sich als außerordentlich leistungsfähige und kräftige Tiere erwiesen.

Die Weibchen der Mischlinge zwischen Bison und Hausrind, Wisent und Hausrind, sowie Bison und Wisent untereinander sind in jeder weiteren Mischung fruchtbar sowohl mit reinblütigen Männchen als auch mit Mischlingsmännchen, soweit letztere zeugungsfähig sind.

Die Halbblutmännchen von Bison und Hausrind sind im allgemeinen nicht zeugungsfähig; jedoch verlangt diese Frage nach einigen in Ascania Nova gemachten Beobachtungen noch weitere Untersuchungen an einer größeren Anzahl von Tieren.

Dreiviertelblutstiere von Bison und Wisent mit Hausrindern sind schon fruchtbar.

Über die Zeugungsfähigkeit der Halbblutmännchen von Wisent mit Hausrindern fehlen noch Erfahrungen.

Dagegen sind bei der Kreuzung von Wisent mit Bison schon die Halbblutmännchen fruchtbar.

Mischlinge zwischen Wildpferd und Hauspferd sind in jeder Linie fruchtbar, dagegen erwiesen sich auch hier Mischlinge von Zebras und Pferden, die sogenannten Zebroiden, bisher als unfruchtbar. Diese Zebroide werden bei der Gespannarbeit verwendet, sind sehr leistungsfähig und bedeutend stärker als Pferde gleicher Größe und auffallend anspruchslos im Futter.

Kleine Antilopen, wie Saiga, persische Gazellen usw. konnte man wegen ihrer Schreckhaftigkeit und Nervosität nicht an die freie Steppenweide gewöhnen. Rappenantilopen und Kuhantilopen u. a. wollte ich ebenfalls versuchen, in der Herde zu halten. Der Krieg hat dieses Vorhaben verhindert.

In der umzäunten Steppenwildbahn, die ungefähr 70 Hektar umfaßt, sind Strauße, Emus, Nandus, vier Arten Kängurus, elf Arten Hirsche, Muntjaks, Gnus, fünf Arten Gazellen und 19 Arten größerer Antilopen untergebracht.

Sie finden dort während des größten Teils des Jahres genügende Weide. Für die Tränke sorgt eine künstlich angelegte Quelle, die ihren Abfluß in einer von Bäumen umgebenen Suhle hat.

Als Unterstand bei rauhem Wetter sind offene Ställe vorhanden, die von den Tieren nach Belieben aufgesucht werden können. Ein geschlossener Stall mit Boxen und Ausläufen wird nur bei rauhem Winterwetter von wenigen empfindlicheren Arten aufgesucht. Er dient außerdem zur Isolierung einzelner Tiere.

Zur Winterszeit und bei magerer Weide wird vor den Schutzhütten mit Heu, ungedroschenem Hafer, Futterrüben usw. gefüttert

Zuerst wollten europäische Zugvögel in den heranwachsenden Parks meistens nicht nisten. Um sie dazu zu bringen, ergriff ich das sehr gut bewährte Mittel, ihnen, nachdem sie auf dem Zuge gefangen worden waren, sieben Schwungfedern an einem Flügel zu beschneiden und sie im Frühjahr in den Park zu lassen. Sie konnten nun zwar flattern, aber nicht fliegen und waren für den Sommer festgehalten, weil diese Parks, weithin von baumloser Steppe umgeben, wie eine Insel wirkten. Schließlich nisteten sie meistens von selbst und konnten als eingebürgert betrachtet werden.

Die eingeführten größeren Vögel wurden auf folgende Weise gehalten: die Stamm-paare in Volieren oder mit gelähmter Flugkraft frei im Park; die Nachzucht nach einiger Vermehrung freifliegend, so z. B. 20 Fasanenarten, 9 Kranicharten, 28 Gänse- und Entenarten, fast alle bekannten Arten von Schwänen, Säger, Steinhühner, kalifornische Schopfwachteln, australische und Senegal-Lachtauben, Rosakakadus und andere.

Viele der oben genannten Vögel hatten sich bis in die Hunderte vermehrt, und trotzdem blieben sie in Askania Nova, ohne wegzufiegen, weil die Parks und Wasserflächen inselartig weit abgelegen in der Steppe lagen, gutes Futter reichlich vorhanden war und außerdem während der Brutzeit schädliche Raubvögel vollständig fehlten.

Kleinere Vögel, z. B. Sonnenvögel, Kanarienvögel u. a., mußte man im Winter wegen der dann auf dem Zuge massenhaft auftretenden Sperber und Merlinfalken wieder einfangen. Den Sommer über flogen sie auch frei umher und nisteten in den Parks.

Im Sommer waren als Brutvögel in Askania Nova nur die kleinen Steppenadler, Turm-, Rötel- und Abendfalken vorhanden, die fast keinen Schaden verursachten.

Die vielen Säugetiere und Vögel aus den verschiedensten Weltgegenden, die in Askania Nova inselartig mitten in der weiten Steppe zwischen Menschen und Haustieren in der größten Freiheit sich friedlich bewegten, bildeten eine höchst eigenartige Lebensgemeinschaft, die jeden Besucher fesselte.

Weil ihr Fortbestehen augenblicklich sehr im Dunkel liegt, habe ich geglaubt, diese kurze Mitteilung über den Tierpark von Askania Nova und sein Entstehen jetzt einem größeren Kreise unter Vorführung von Bildern machen zu dürfen.

Falz-Fein, Friedrich.

Über das letzte Auftreten des Wildpferdes in Südrußland, Taurisches Gouvernement.

Gesellschaft Naturforschender Freunde zu Berlin magazine 1919. nr. 5.
P. 196-205.

Über das letzte Auftreten des Wildpferdes in Südrußland, Taurisches Gouvernement.

Von Friedrich von Falz-Fein (Askania Nova).

Mit Tafel VI.

Das letzte südrussische Wildpferd (Tarpan) ist im Jahre 1879 zu Weihnachten etwa 35 Werst von meinem Gute Askania Nova in einer Steppenniederung, die der «große Agaimanische Pod» genannt wird, getötet worden. Da hierüber bisher nichts veröffentlicht worden ist, so werden folgende Mitteilungen willkommen sein. Wahrscheinlich wird außer mir niemand mehr in der Lage sein, darüber jetzt noch sichere Angaben zu machen, da sie vielleicht auf Aussagen von Augenzeugen beruhen, welche jetzt schon verstorben sind.

Mein Vater war ein großer Pferdekennner und Pferdezüchter und interessierte sich sehr für die in seinen jüngeren Jahren in der Nogaischen Steppe Tauriens noch ziemlich häufig vorkommenden Wildpferde, die übrigens in den Steppen der Halbinsel Krim niemals vorhanden gewesen sind.

Im Anfang der 70 er Jahre erzählte er mir, wenn er von seinen Steppenfahrten heimkehrte, öfters davon, daß er wieder einen Trupp Wildpferde in der Steppe gesehen hätte. Zuletzt sah er nur noch 8, dann 5, dann nur noch 2 Pferde; immer beobachtete er sie ungefähr in derselben Gegend. Das letzte Mal, als er davon erzählte, sagte er wörtlich folgendes: „Heute war ich dort, wo die Bahn gebaut wird (Charkow-Sewastopol), und habe in der Steppe noch 2 Wildpferde gesehen.“ Einige Jahre später erwähnte mein Vater, daß nur noch ein Wildpferd vorhanden sei, und zwar in der Rachmanowschen Steppe.

Ein Gutsbesitzer, **Herr Alexander Durilin**, der am rechtsseitigen Ufer des Dnjepr im Chersonschen Gouvernement sein Gut Dutschino, benachbart dem Gute **meines Bruders Alexander**, gegenüber dem großen russischen Dorfe Lepeticha hatte, erzählte mir folgendes: Er hatte die gesamte Bachmanowsche Steppe auf der linken Seite des Dnjepr, also im Taurischen Gouvernement, in langjähriger Pacht, in der Größe von zirka 30000 ha. Laut Kontrakt durfte er nur einen ganz kleinen Teil, ungefähr 1000 ha, als Ackerland ausnutzen. Das Übrige mußte Steppe bleiben und durfte nur als Weide oder Grasmähland verwendet werden. Da **Durilin** wenig lebendes Inventar besaß, wurde die

Steppe nicht stark ausgenutzt, war menschenleer und sehr grasreich. Dahin zog sich das oben erwähnte letzte Wildpferd zurück.

Durilin hielt auf der Steppe eine große Pferdeherde auf sehr primitive Art, wie es dazumal gewöhnlich der Fall war. Solche Herden nannte man Tabun. Jahraus jahrein weideten die Tiere in der Steppe unter ziemlich lockrer Aufsicht einiger Steppenreiter in der Nähe eines einsam gelegenen Viehstalles.

Zu dieser Herde gesellte sich das letzte reinblütige Wildpferd, eine Stute. Wenn die Hirten abwesend waren, mischte sie sich mitten unter die Herde. Kaum zeigte sich aber ein Hirt, so stand sie stets vereinzelt in einiger Entfernung da. Niemals haben die Hirten das Tier liegend ausruhen gesehen, wogegen die Hauspferde während des Tages regelmäßig eine Zeit liegend verbringen. So vergingen ungefähr 3 Jahre. Allmählich wurde die Stute zahmer. Sie entfernte sich nicht mehr so weit beim Herannahen der Hirten, und wenn die Herde zur Tränke oder zum Viehstall getrieben wurde, lief sie nicht, wie zuerst, weit in die Steppe davon, sondern folgte in einiger Entfernung der Herde. **Durilin** schonte und beschützte das Tier. Während der 3 Jahre bekam die Stute 2 Fohlen von einem zahmen Hengste der **Durilin'schen** Herde. Von diesen beiden Fohlen war das eine der Mutter sehr ähnlich; das andere aber schlug nach dem Vater. Die Fohlen wurden der Stute jedesmal abgenommen, groß gezogen, und später als Arbeitspferde verwendet, haben sich auch als sehr leistungsfähig erwiesen. Da sie aber verhältnismäßig klein waren, hatte **Durilin** ihnen kein weiteres Interesse entgegen gebracht. Die Stute wurde so zahm, daß sie im Winter eines Tages anfang, mit der Herde in die Umzäunung vor dem Stalle hinein zu gehen, wo die Pferde etwas Heu zu bekommen pflegten. Schließlich ging sie mit der Herde sogar in den Stall. Die Gelegenheit wurde ausgenutzt, die zahmen Pferde wurden heraus gelassen und das Wildpferd im Stall eingefangen. Es benahm sich eingesperrt äußerst wild, sprang an den Wänden hoch, schlug sich in die äußerste Ecke des Stalles und nahm einige Tage kein Futter an. Schließlich gewöhnte es sich aber ans Futter, gebärdete sich jedoch noch sehr wild. **Durilin** ließ es nun mit einem Lasso fangen und in eine Boxe bringen, wo es bis zum Frühjahr blieb. Man gab sich die größte Mühe, es zahmer zu machen, und erreichte auch, daß es sich zur Tränke führen ließ, wobei es aber jedesmal versuchte, sich loszureißen. Putzen und Anrühren gestattete es nicht, Im Frühjahr bekam es das dritte Fohlen im Stall. Beim Einbringen in die Boxe hatte es ein Auge verloren. Da, wie gesagt, das Tier so zahm geworden war, daß es sich sogar führen ließ, und ein Fohlen bekam, hoffte **Durilin**, es würde nicht mehr weglaufen und nach dem Herauslassen auch weiter bei der Herde bleiben. Aber kaum war der Halfter abgenommen und der Stute die Freiheit gegeben, als sie mit lautem Wiehern sofort in die Steppe hinauslief. Bald kehrte sie wieder zurück, suchte ihr Fohlen auf, nahm es mit sich und verschwand auf Nimmerwiedersehen in der weiten Steppe, statt sich der Herde anzuschließen. Seit dieser Zeit hat **Durilin** niemals wieder etwas über die Stute erfahren können. Soweit die Aussagen **Durilin's**.

Später tauchte das Pferd in der verhältnismäßig menschenleeren Steppe nahe dem großen Dorfe Agaimany und dem Gute unserer Familie **Uspenka** etwa 35 Werst von **Askania Nova** auf und trieb sich eine Zeit lang dort umher, wurde von verschiedenen Menschen gesehen und auch verfolgt, bei welcher Gelegenheit es auch wahrscheinlich sein Fohlen verloren hat. Laut Aussagen eines Augenzeugen, des **Herrn Paul Sisojew**, der in der Nähe von **Uspenka** sein Gut hatte und an der letzten Stutenjagd persönlich teilnahm, ist diese Stute auf folgende Weise ums Leben gekommen.

«Die Bauern von Agaimany und einige der umliegenden kleinen Besitzer, denen das Auftreten des Wildpferdes in ihrer Nähe bekannt wurde, beschlossen, wahrscheinlich um die Tüchtigkeit ihrer Pferde zu erproben, während der Weihnachtsfeiertage eine Jagd, eher ein Treiben, auf das Pferd zu veranstalten. Dazu sammelten sich die Reiter auf den besten Pferden der Umgegend. Man stellte berittene Vorposten in weiten Abständen voneinander auf und trieb nun die Stute dem ersten Posten entgegen. Dieser übernahm die Verfolgung bis zum zweiten, der nächste bis zum dritten usw. Doch allen Anstrengungen spottend, entging die Stute ihren Verfolgern. Es lag ziemlich viel Schnee an diesem Tage, dessen Decke zu einer harten Kruste gefroren war. Dazu waren sehr hohe Schneeanwehungen entstanden. Trotzdem sprang das Tier über alle diese Hindernisse mit fabelhafter Leichtigkeit hinweg und wäre niemals gefangen worden, wenn es sich nicht ein Vorderbein dadurch gebrochen hätte, das es beim Springen in eine Erdspalte geriet. Auf einen Schlitten geladen, wurde es nach Agaimany gebracht, wo es die ganze Bevölkerung anstaunte. Man versuchte, um es zu retten, durch den Dorfbader einen künstlichen Huf zu machen, doch ging es selbstverständlich nach einigen Tagen ein.» Es war dieselbe einäugige, alte Stute, die bei **Durilin** im Stalle gestanden hatte. Dieses war das Ende des letzten, südrussischen Wildpferdes. Von ihm ist leider weder Fell noch Skelett gerettet worden.

Alexander Durilin und Paul Sisojew, die beide in jener Gegend allgemein bekannte Züchter und Pferdekenner waren, gaben von dem Äußern der Stute folgendes Bild:

Sie war klein, ponyartig, sehr gut gebaut, mit trockenen, festen und gut gestellten Beinen, etwas ramsnasig, mit kleinen, spitzen Ohren, kleinem, trockenem Kopf, kurzer Mähne und kurzem Schweif. Die Färbung war mäusegrau oder wildfarbig, wie man es dort bezeichnete, mit dunklen Beinen und deutlichem, schwarzem Aalstrich über dem Rücken. Diese Angaben entsprechen vollkommen den Beschreibungen aller übrigen von mir befragten Leute, die das Wildpferd genauer gekannt haben, und ebenfalls derjenigen, die mein Vater mir gegeben hat.

Die **von O. Antonius** in den Verhandlungen der zoologisch, botanischen Gesellschaft in Wien, 1913, 238 gegebene Abbildung würde eher dem *Equus przewalskii* entsprechen.

Daß die Nogaische Steppe Tauriens die letzte Zufluchtsstätte des russischen Wildpferdes wurde, ist wahrscheinlich dadurch erklärlich, daß sie früher von den Nogaischen Tartaren, einem stillen Hirtenvolke, bewohnt war, das überhaupt keine Jagd ausübte. Die-

se Tartaren wanderten nach dem Kriege von Sewastopol im Jahre 1855 nach der Dobrukscha und Kleinasien aus. Ihre früheren Wohnstätten blieben mehrere Jahre vollständig menschenleer.

Alle meine Nachforschungen über das Vorhandensein der Wildpferde in den Steppen des Don, des Kuban, der Wolga, des Ural und in den Kirgisensteppen blieben erfolglos. Auch die ältesten Einwohner und Pferdezüchter konnten sich nicht an das Vorhandensein von Wildpferden erinnern, wogegen in den Taurischen und den südlichen, am Unterlauf des Dnjepr gelegenen Chersonschen Steppen allen älteren Einwohnern das Vorhandensein des Wildpferdes noch in frischer Erinnerung war. Es gab sogar viele Menschen, welche die Wildpferde selbst gesehen hatten. So z. B. erzählte mir ein Gutsbesitzer, **Oliw**, daß er selbst auf einem Wildpferde, das sehr ausdauernd gewesen sei, die ganze Krim durchritten hätte. Die von **Oliw** gegebene Beschreibung des Pferdes deckte sich mit der von **Durilin**, **Sisojew**, **Schatilow** und allen anderen Augenzeugen gegebenen.

Theodor Köppen, Bibliothekar an der Kaiserlichen Bibliothek zu Petersburg, hat in einer größeren Arbeit¹ alle ihm zugänglichen Aussagen über das südrussische Wildpferd gesammelt. Sie stimmen mit der hier gegebenen Beschreibung, abgesehen von einigen Ausnahmen, vollkommen überein. Diesen Ausnahmen braucht man aber nicht viel Gewicht beizulegen. So z. B. erwähnt Köppen eine Angabe meines Freundes **Alexei Koltchanow** in Aleschki, nach der es sogar gescheckte Wildpferde gegeben haben soll. Als ich diesen fragte, wie er zu der Angabe, über die Köppen sehr erstaunt gewesen war, gekommen sei, stellte es sich heraus, daß er das russische Wort „pegy“, das heißt „Schecke“, mit der mäusegrauen Wildfarbe verwechselt hatte. Als ich ihm ein geschecktes Hauspferd vorführen ließ, sagte er, das sei nicht die von ihm gemeinte Farbe, sondern das Wildpferd habe eine schwer zu beschreibende, mäusegrane Wildfarbe gehabt.

Eine sehr gelungene Abbildung eines südrussischen Wildpferdes, für deren Überlassung ich der Verlagsbuchhandlung dankbar bin, befindet sich in der zweiten Ausgabe von **Brehm's Tierleben** und ist von **Kretschmer** gezeichnet worden (Tafel VI). Ich nenne sie gelungen, weil alle Menschen, die das Wildpferd gesehen haben und denen ich die Abbildung zeigte, darunter auch **Durilin**, **Sisojew** und mein Vater, mir ohne Ausnahme auf meine Frage, was das für ein Pferd sei, ohne die Unterschrift zu lesen, antworteten, es sei ein Wildpferd.

Im großen scythischen Grabhügel von **Tschertomlik** bei der Stadt Nikopol, also mitten aus dem früheren Verbreitungsgebiete des südrussischen Wildpferdes, wurde ein großer Schatz gefunden, der jetzt in der Eremitage in St. Petersburg aufbewahrt wird. In ihm befindet sich u. a. die bekannte silberne Vase, auf der in Basreliefs die Zähmung des Wildpferdes durch die Scyten dargestellt ist. Diese Pferde entsprechen ebenfalls dem Typus des südrussischen Tarpan, wie er von den Augenzeugen geschildert wird.

¹ Köppen, Th., Journal des Ministeriums für Volksaufklärung 1896, 96-171 (russisch).

Über die Lebensweise ist nach den Aussagen der Augenzeugen folgendes zu berichten: Als die Steppen noch wenig bevölkert, vollständig unbeackert und sehr grasreich waren, hielten sich die Wildpferde in kleinen Trupps in den menschen-leersten Gegenden in der Nähe der flachen, abflußlosen, muldenförmigen Vertiefungen der Steppe auf, in denen sich das Regen- und Schneewasser ansammelte. Solche Orte nannte die Bevölkerung „Pod«. Es waren versumpfte Steppenseen mit üppiger Sumpfvegetation, in der Wasser- und Sumpfflügel massenhaft sich aufhielt und brütete.

Die Pferde weideten in der hohen, nächstgelegenen *Stipa-Steppe* und gingen nur zur Tränke in diese sumpfigen Niederungen. Auf den höchsten Punkten der umliegenden Steppe in der Nähe dieser Sümpfe befinden sich meistens scytische Grabhügel. Der Leithengst pflegte auf einem solchen Hügel sichernd zu stehen, während die Herde in der Nähe weidete. Fußgänger wurden verhältnismäßig nahe herangelassen. Vor einem Reiter aber flohen die Tiere schon in der Entfernung von einigen Kilometern. Nach den Berichten aller Augenzeugen waren die Wildpferde außerordentlich flüchtig, und an ein Einholen mit Reitpferden war nicht zu denken. Dabei muß man allerdings noch in Betracht ziehen, daß den Leuten, die damals Wildpferde hetzten und über ihre Flüchtigkeit so erstaunt waren, weder Halb- noch Vollblüter zu Gebote standen, sondern nur Reitpferde der einheimischen Steppenrasse, die den Kulturrennpferden an Schnelligkeit selbstverständlich erheblich nachstanden.

Im Frühjahr während der Paarungszeit hielten sich die jüngeren und schwächeren Hengste von der Herde abgesondert entweder in kleinen Trupps oder vereinzelt auf; zu den Stuten aber wurden sie vom Leithengst nicht zugelassen. Eine Vermischung der Wildpferde mit den halbwild gehaltenen Hauspferden fand in früheren Zeiten nicht statt, so daß die Rasse sich deshalb rein erhielt. Die über-zähligen Hengste bedeckten zwar hin und wieder zahme Stuten; niemals aber wurde ein zahmer Hengst an wilde Stuten von deren Leithengst herangelassen. In der letzten Zeit, als die Tiere nicht mehr in Herden, sondern einzeln herumstreiften, kam eine Bedeckung wilder Stuten durch zahme Hengste zuweilen vor.

Zur raschen Verminderung der Wildpferde trugen hauptsächlich folgende Gründe bei:

- I. Die starke Ansiedlung von Bauern aus allen Gegenden Rußlands durch die Regierung an Stelle der weggezogenen Nogaier in Taurien, so daß die menschenleere Steppe verhältnismäßig belebt wurde.
- II. Aus lauter Mutwillen wurden die Tiere immer umher gehetzt und hatten keine Ruhe mehr. Besonders verderblich wirkte auf sie das Treiben auf stark beschlagenen Pferden während des Glatteises.
- III. Das Austrocknen der oben genannten Sümpfe infolge des ständigen Ausmähens derselben und die in der Nähe angelegten Ansiedlungen entzogen ihnen ihre Tränken. Schließlich mußten die vom Durst gepeinigten Tiere sogar an die Brunnen heran gehen, aus denen man das zahme Vieh tränkte und wurden dabei erschossen.

Alle diese Umstände wirkten sehr rasch auf eine vollständige Ausrottung der Wildpferde ein.

Das durch **Schatilow** im Jahre 1884 dem Moskauer Zoologischen Garten geschenkte Wildpferd, ein Wallach, den ich selbst in Begleitung zweier aus Taurien gebürtiger Menschen gesehen habe, die die Wildpferde genau kannten, war dem ganzen Habitus nach sicher kein reinblütiges Wildpferd, sondern ein mehr nach dem Hauspferde geschlagener Mischling. Auch **Schatilow** hielt ihm, wie er mir selbst sagte, nicht für ein reinblütiges Wildpferd. Er hat ihn genau beschrieben und seiner Arbeit drei große Photographien des Tieres beigelegt². Der Wallach war viel zu schwer gebaut, hatte einen schweren, massiven Kopf, sehr lange, herabhängende Mähne und langen Schweif. Die Kruppe war sehr schlecht, auch die Beine waren schlecht gestellt. Das Tier war in der Färbung zu dunkel und auch etwas größer als die Wildpferde. Außerdem hatte es noch einen braunen Fleck unterhalb des Knies am linken Vorderfuß.

Durilin, der mich speziell besuchte, um meine Asien kennen zu lernen und sie mit dem Tarpan zu vergleichen, blieb, als ich sie ihm zeigte, lange vor ihnen stehen und sagte schließlich, daß dies ganz anders aussehende Pferde seien, als die ihm gut bekannte, letzte südrussische Stute. Er meinte, daß das asiatische Wildpferd viel plumper und schwerer im Körperbau sei, einen viel schwereren, fleischigeren Kopf und einen viel dickeren Hals habe. Auch sei die Färbung ganz anders. Das südrussische Wildpferd sei mäusegrau gewesen, dagegen sei das asiatische falbfarbig. Der Aalstrich sei nur schwach ausgeprägt, bei dem südrussischen aber scharf und deutlich. Im allgemeinen sei das südrussische Wildpferd viel eleganter, leichter und trockener gebaut gewesen.

Die mongolischen Wildpferde haben bekanntlich eine schwach behaarte Schweifwurzel, die von keinem Beobachter des russischen Wildpferdes erwähnt worden ist. Diese schwache Behaarung kann man übrigens nur bei jungen Tieren von *Equus przewalskii* bemerken. Bei ausgewachsenen, gut gehaltenen asiatischen Wildpferden ist sie nicht deutlich ausgeprägt.

Mein Vater trug sich lange mit der Absicht, auf einer in das Faule Meer, Siwasch, vorspringenden Halbinsel von zirka 6000 ha Größe Wildpferde anzusiedeln, um sie vor dem Aussterben zu retten. Leider konnte er aber solche nicht mehr bekommen. Es war zu spät.

In neuerer Zeit war die Meinung verbreitet, daß der südrussische Tarpan kein eigentliches Wildpferd, sondern nur ein verwildertes Pferd sei. Dagegen muß ich betonen, daß, abgesehen von der gleichartigen Gestalt und Färbung und der eigenartigen Lebensweise, kein einziger der von mir eingehend befragten Augenzeugen diese Ansicht geteilt hat. Im Gegenteil haben alle, unter ihnen sehr gute Pferdekennner und Pferdezüchter und auch mein Vater, ganz bestimmt behauptet, daß der südrussische Tarpan ein wirkliches Urwildpferd gewesen ist.

² J.N. SCHATILOW, Mitteilungen über den Tarpan. Moskau, 1884.

Hierbei entsteht ganz von selbst die Frage: Wie verhält sich der ausgestorbene süd-russische Tarpan zu dem heute noch lebenden asiatischen Wildpferde? Der südrussische Tarpan ist offenbar die Urform derjenigen Hauspferde gewesen, die einst in den südrussischen Steppen von den Kosacken, Nogaiern, Kalmücken und anderen gezogen worden sind. In den Steppen Tauriens, des Don, Kuban und am rechten Unterlauf der Wolga wurde, bevor eine Vermischung mit Kulturrassen erfolgte, ein Schlag gezüchtet von mittlerer Größe mit leichtem, sehnigem Körperbau, starken trockenen Beinen, gutem Rücken, mit Hirschhals und ramsnasigem, aber trockenem Kopf, mit verhältnismäßig kurzer Mähne und kurzem Schweif. Es war ein Reitschlag, unter dem sehr oft Pferde vorkamen, die die oben erwähnte graue Wildfarbe hatten und dem Bau nach dem ausgestorbenen Tarpan außerordentlich ähnlich waren.

Im Gegensatz zu diesen südrussischen züchten die Kirgisen und Baschkiren in den Gegenden östlich der Wolga und in den asiatischen Steppen und weiter nach Osten die Burjäten und Mongolen heute noch eine ganz andere Pferderasse von viel kleinerem, schwererem und plumperen Körper, mit schwerem, fleischigen Halse und Kopfe und mit struppiger Mähne und langem Schweife. Unter ihnen kommen sehr viele wie *Equus przewalskii* falbfarbige vor. Dieser heute noch sehr primitiven Hauspferdgruppe entspricht dem Bau nach das asiatische Wildpferd. Es ist nach meiner Meinung also offenbar die Urform der nordchinesischen und mongolischen Hauspferdrassen.

Auf der letzten großen, russischen Pferdeausstellung in Kiew waren auch Pferde der verschiedensten russischen Naturrassen ausgestellt, unter denen sich auch einige Baschkiren-Pferde befanden. Diese dort ausgestellten Baschkiren-Pferde sahen den asiatischen Wildpferden verblüffend ähnlich, waren falbfarbig und von demselben Körperbau. Nur waren die Mähne und der Schweif länger und buschiger. Die meisten hatten eine Aalstrich und Zebroidstreifen an den Beinen und eine Stute sogar an der Stirn. Ich kaufte 4 Stuten davon. Als sie der Landstallmeister Exellenz **von Oettingen**, der damals auch die Ausstellung besuchte, sah, war er sehr entzückt von der guten Beinstellung und schönen Gangart dieser Tiere und wollte sie unbedingt erwerben, um mit ihnen Züchtungs- und Kreuzungsversuche in Trakehnen anzustellen. Auf seine dringende Bitte überließ ich sie ihm zum Selbstkostenpreis. Zwei dieser Stuten sind jetzt noch in Trakehnen.

Es wäre wünschenswert, daß diese Pferde von einem Zoologen, solange sie noch vorhanden sind, näher beschrieben und mit *Equus przewalskii* verglichen würden.

Gewöhnlich sehen die asiatischen Wildpferde, die man in Zoologischen Gärten sieht, sehr unvorteilhaft aus, wahrscheinlich infolge mangelhafter Bewegung und nicht zusage-nder Ernährung. Von meinen asiatischen Wildpferden, die ich nebenbei gesagt 2 Jahre früher als **Hagenbeck**, nämlich im Jahre 1899, und als erster lebend bekam, kann ich das nicht behaupten. Meine Wildpferde, die ich mit Hauspferden sehr viel auf der freien Steppe weidend halte, wo sie ihrer natürlichen Lebensweise entsprechend sich bewegen und sich ihnen

zusagendes Futter erwählen können, sind in ihrer Art sehr schön und gut gebaute Tiere, wie aus den beifolgenden Photographien zu ersehen ist. Eine von ihnen stellt einen von mir gezüchteten Hengst vor, die zweite zwei importierte Stuten, mit bei mir geborenen Fohlen, und die dritte einen importierten Hengst und ein jüngeres Fohlen.

Zum Schluß möchte ich mein Bedauern ausdrücken, daß es weder meinem Vater noch mir gelungen ist, trotz aller Bemühungen das noch vor kurzem in den Taurischen Steppen vorkommende Wildpferd, den Tarpan, vor dem Aussterben zu schützen, oder wenigstens eine Haut oder ein Skelett davon zu erwerben. Um so mehr befriedigt mich das Bewußtsein, infolge dieses großen Interesses zum Wildpferd derjenige gewesen zu sein, der die Wege und Mittel ausfindig gemacht hat, um das asiatische Wildpferd endlich als erster lebend nach Europa zu bringen, und der wissenschaftlichen Vergleichung zuzuführen.

Für die Erlaubnis, das Tarpan-Bild aus **Brehms Tierleben** hier wiedergeben zu dürfen, danke ich der Verlagsbuchhandlung verbindlichst, ebenso **Herrn Dr. Ramme** für eines der Bilder.

Tafel-Erklärung.

Tafel VI.

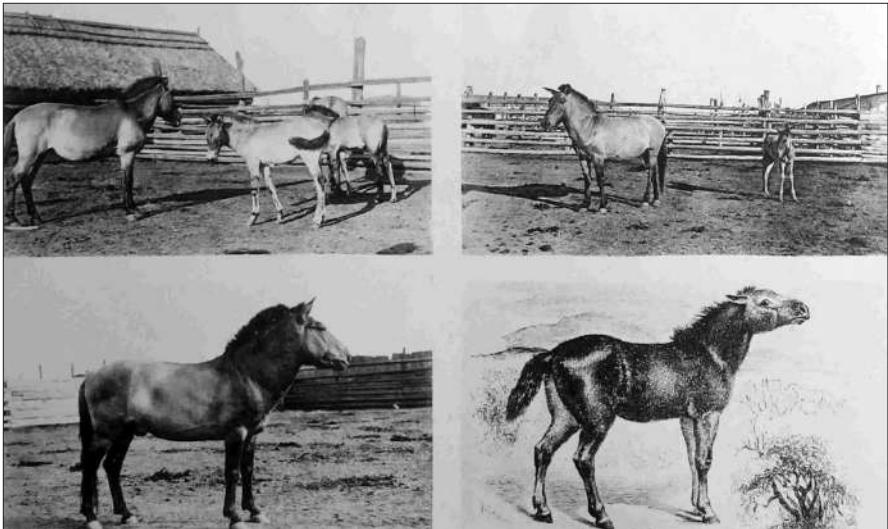
Oben links: 2 importierte Stuten mit Fohlen, die in Askania-Nova geboren sind.

Unten links: Hengst, in Askania-Nova gezüchtet.

Oben rechts: Importierter Hengst und ein sehr junges Fohlen.

Unten rechts: Südrussischer Tarpan. Mit Genehmigung der Verlagsbuchhandlung aus

Brehm's Tierleben entnommenes Bild.

Tafel VI. v. Falz-Fein, Südrussisches Wildpferd.

Бейер М. М.

Шануймо і бережімо свій рідний край

(фрагмент)

Полтава: Полтавський природничий музей, 1919. (Серія видань по охороні природи). Кн. 1. 1919. 16 с., 2 арк. вкл.

...У нас на Україні, на Херсонщині, один багатий пан Фальцфейн надумав зберігти великий шматок предковічного степу, десятин 500. Там він оселив всяких наших та чужоземних звірів і птахів, які можуть у нас жити. Вони живуть там на волі і ніхто їх там не займає. Звичайно, це справа дуже потрібна для науки і годилось би всіма силами підтримувати її. Однак, треба зауважити, що поодинокі люде мало можуть зробити для оборони природи рідного краю. Хоч би як вони любили її, а про те, коли інші люде не зрозуміють, через що саме треба оберегати її, то не багато діла буде з їхньої любови та їхнього старання. Оберегати природу може тільки громада, бо громада – великий чоловік...

Бризгалін Г. А.

Охорона пам'яток природи на Україні

(фрагмент)

Полтава, 1919. С. 25-26.

V. Таврія (материкова частина).

До останнього часу охоронялися слідуєчі цілини в маєтках Ф. Е. Фальцфейна, про які більш докладно ми торкнемось в іншій книжці:

- 1) в маєтку Асканія Нова (Дніпровск. пов.) – 2 участки: в 500 і 100 дес.
- 2) в маєтку Елизаветфельд - 2 участки: в 15 і 10 десятин...

Брызгалин Г. А., Захаров С. С.

Что такое национальные парки

и для чего они учреждаются?

(фрагмент)

Харьков, 1919. С. 82-87.

Вопрос о Национальных парках на Украинѣ.

Хотя на Украинѣ еще и нѣтъ настоящих національных парковъ, однако до самаго послѣдняго времени въ ея предѣлахъ находилось два замѣчательныхъ заповѣдника, которые, въ виду ихъ большого природоохранительнаго значенія, можно считать таковыми (парками).

Первый изъ нихъ грандіознѣйшій звѣринецъ „Пилявинъ“, расположенный среди обширныхъ лѣсовъ Волынскаго Полѣсья (въ Новгородъ-Волынскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи) – въ настоящее время уже не существуетъ.

„Пилявинъ“ занималъ 7.000 десятинъ огороженнаго лѣса, лежащаго среди обширной сплошной пуши. Онъ былъ не только паркомъ, созданнымъ для приспособленія иноземныхъ животныхъ къ новымъ непривычнымъ климатическимъ условіямъ, но также и образцовымъ заповѣдникомъ. Лѣсъ въ звѣринцѣ былъ весьма разнообразнымъ; тутъ встрѣчались цѣнные вѣковые посадки; въ нѣкоторыхъ частяхъ лѣса произростало въ изобиліи интересное растеніе – желтый рододендронъ или понтическая азалія (*Azalea pontica*) цвѣтущее красивыми цвѣтами и встрѣчающееся только кое-гдѣ въ Волынской губерніи, на Кавказѣ и болѣе нигдѣ. Въ болотахъ до самаго послѣдняго времени обиталъ бобръ, исчезающій на всемъ необъятномъ пространствѣ обширной Россіи. Всюду въ пушчѣ гнѣздились множество разнообразной лѣсной и болотной дичи. Въ общемъ названный заповѣдникъ имѣлъ такое же значеніе для сохраненія лѣсной природы Украины, какъ знаменитая „Асканія-Нова“ – для степной.

„Пилявинъ“, привлекавшій къ себѣ не мало экскурсантовъ, даже иностранцевъ, не пострадалъ отъ военныхъ дѣйствій, хотя и находился недалеко отъ фронта. И если звѣринецъ спасся отъ страшныхъ пушекъ, то онъ былъ разгромленъ и сожженъ въ началѣ 1918 года солдатами и мѣстными жителями.

Въ той части Таврической губерніи, гдѣ находилось историческое „Дикое Поле“, по которому нѣкогда гарцевали запорожскіе казаки, проходили дикія орды татаръ, бродили олени, козы, сайгаки и цѣлые табуны дикихъ лошадей – расположено имѣніе Ф. Э. Фальць-Фейна „Асканія-Нова“, со своимъ зоологическимъ паркомъ, славящимся далеко за предѣлами пашей родины, и образцовымъ степнымъ заповѣдникомъ.

Зоопаркъ въ Асканіи-Нова занимаетъ десятинъ 15 площади и засажень разнообразными древесными породами до платановъ включительно. Въ немъ среди насажденій встрѣчаются полянки, производящія иллюзію естественныхъ полянокъ, разбросанныхъ среди лѣса. Паркъ кишитъ самыми разнообразными птицами и звѣрями. Здѣсь имѣется нѣсколько искусственныхъ прудовъ, гдѣ плаваютъ многочисленныя водяныя птицы. Къ парку примыкаетъ обширный, огороженный высокимъ заборомъ, участокъ степи (до 60 десятиныхъ), гдѣ почти на полной свободѣ гуляютъ различныя антилопы, зебры, гну, сайгаки и многія другія.

Вообще в паркъ живетъ не менѣе 40 видовъ иноземныхъ звѣрей и 130 птиц (кромѣ дико-живущихъ въ нашихъ степяхъ) самыхъ разнообразныхъ странъ и климатовъ.

Если о замѣчательномъ паркъ для дикихъ звѣрей и птицъ Асканія-Нова писалось не мало, то о заповѣдной степи Ф. Э. Фальць-Фейна, расположенной по сосѣдству съ паркомъ, до недавняго времени извѣстно было очень мало.

Заповѣдная степь расположена въ центрѣ огромнаго прямоугольника непаханной степи въ 15 тысячъ десятиныхъ. Чтобы защитить возможно лучше заповѣдникъ отъ неблагоприятныхъ условий, владѣльцемъ были приняты самыя различныя мѣры.

Такъ какъ къ началу осени на степи скопляется масса сухихъ стеблей, то для того, чтобы предохранить цѣлину отъ пожара, заповѣдникъ тщательно обкашиваютъ со всѣхъ сторонъ.

Отъ захода или заѣзда ѣдущихъ по дорогамъ имѣнія цѣлина ограждается неширокой полосой пашни. Для охраны растительности отъ ея засоренія сорными травами заповѣдникъ намѣренно помѣщенъ въ центрѣ сѣнокосной степи. Для уничтоженія стеблей, мѣшающихъ росту новыхъ побѣговъ въ слѣдующемъ году, на заповѣдной степи лѣтомъ и осенью производится умѣренный выпасъ крупными животными парка: яками, зебрами, оленями, быками и нѣк. друг.

Такимъ образомъ мы видимъ, что заповѣдникъ Ф. Э. Фальць-Фейна является предметомъ самаго тщательнаго попеченія и правильной съ научной стороны охраны. Вообще вся система хозяйства Асканіи сознательно направлена къ тому, чтобы сохранить по возможности участокъ, вполне воспроизводящій типъ настоящей дѣвственной доисторической степи.

Крайне желательно, чтобы Асканія-Нова со своимъ зоопаркомъ и заповѣдникомъ въ будущемъ перешла въ надежныя руки государства и охранялась многіе и многіе годы на пользу науки, культуры и притомъ также тщательно, какъ и при теперешнемъ ея владѣльцѣ. Вопросъ о превращеніи Асканіи-Нова въ національный паркъ возникалъ въ первую голову каждый разъ, какъ только ставился общій вопросъ объ охранѣ памятниковъ природы у насъ, но онъ и сейчасъ остается все въ томъ же неопредѣленномъ состояніи. Было бы непоправимой ошибкой, если бы общество и правительство отнеслось безучастно къ замѣчательному единоличному созданію челоуѣка, одушевлен-

наго горячей любовью и пониманием природы. Степь Асканіи-Нова является почти единственной степью для всей Новороссіи: съ распашкой ея исчезнетъ послѣдній памятникъ прошлаго мѣстной природы.

Асканія-Нова является такимъ случаемъ, гдѣ учрежденіе національнаго парка въ интересахъ науки уже и сейчасъ тѣсно переплетается съ разнообразными народно-хозяйственными интересами. И въ настоящее время въ Асканіи-Нова имѣется зоотехническая станція. При переходѣ Асканіи-Нова къ государству здѣсь могла бы быть устроена единственная въ своемъ родѣ сельскохозяйственная опытная станція. Зоопаркъ Асканіи служилъ бы не менѣе замѣчательнымъ зоологическимъ садомъ, куда могли бы совершаться образовательныя поѣздки учащихся со всѣхъ концовъ Украины и всей Россіи. Пожелаемъ же наконецъ, чтобы эта жемчужина Украины не была потеряна и примемъ безотлагательныя мѣры къ достойному увѣковѣченію почина Ф. Э. Фальць-Фейна.

Въ концѣ сентября 1918 г., подъ вліяніемъ докладовъ проф. В. И. Таліева на сѣздѣ естествоиспытателей Украины, тогдашнее украинское правительство созвало совѣщаніе по вопросу объ охранѣ вообще памятниковъ природы Украины и въ частности о созданіи заповѣдниковъ и національныхъ парковъ. Въ результатъ совѣщанія проф. В. И. Таліеву была поручена выработка соотвѣтствующаго законопроекта, каковой имъ и былъ представленъ.

Національные парки такихъ густо заселенныхъ странъ, какъ Украина, едва-ли могутъ быть учреждаемы на началахъ полнаго устраненія хозяйственнаго пользованія. Въ интересахъ дѣла здѣсь приходится довольствоваться созданіемъ заповѣдниковъ съ ограниченной, строго регламентируемой эксплуатацией. Такъ, въ лѣсныхъ угодіяхъ можетъ быть допускаема рубка, но съ строгимъ соблюденіемъ правилъ. Болѣе благоприятно, конечно, дѣло обстоитъ съ государственными землями.

Одну изъ замѣчательныхъ мѣстностей Украины, которая должна быть сохранена навсегда въ видѣ національнаго парка, представляетъ собой территорія, лежащая по обѣимъ сторонамъ Донца въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., между Святогорскимъ монастыремъ и с.. Она выдѣляется не только красотой своихъ видовъ, но и многими исключительно ей свойственными особенностями природы. Такъ здѣсь мы имѣемъ рѣдкій случай, сосновыхъ рощъ не на пескѣ, какъ обычно, а на мѣлу.

Въ лѣсахъ, покрывающихъ правые берега Донца, встрѣчается въ изобиліи рѣдкій и цѣнный южный кустарникъ сумахъ (*Rhus Cotinus*). Въ геологическомъ отношеніи мѣстность интересна мѣловыми скалами, выступающими изъ мягкаго мѣла. На такой скалѣ построены церковь монастыря. Въ лѣсу въ монастырѣ вырыты пещеры, являющіяся заслуживающимъ сохраненія историческимъ памятникомъ. Лѣвый берегъ Донца покрытъ прекрасными разнообразными лѣсами. Трудно найти другую

мѣстность, въ которой такъ удачно соединились бы вполне всѣ тѣ условія, которымъ долженъ удовлетворять національн. паркъ.

Описываемая территорія принадлежитъ частью монастырю, частью крупному землевладѣнiю. Необходимо принять мѣры, чтобы она не была ископана и обезображена безпорядочной рубкой лѣса.

Харьковская же губернія открываетъ полную возможность для созданiя и степного національнаго парка. А именно, въ ея крайней юго-восточной части – въ Старобѣльскомъ уѣздѣ до сихъ поръ сохранились обширные участки по нѣскольку тысячъ десятинъ ковыльныхъ степей въ связи съ государственными конными заводами (Деркульскій, Стрѣлецкій, Лимаревскій, Ново-Александровскій). На одной изъ этихъ цѣлинъ (Деркульской) въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтiя была устроена опытная станція проф. Докучаевымъ для изученiя степей. Въ настоящее время она совершенно заброшена. Здѣсь же производится опытъ съ степнымъ лѣсоразведенiемъ.

Такимъ образомъ описываемыя степи уже и раньше использовались для интересовъ опытнаго сельско-хозяйственнаго дѣла – Старобѣльскiя цѣлинныя степи, кромѣ богатой степной растительности, имѣютъ и цѣлый рядъ вымирающихъ степныхъ животныхъ. Изъ нихъ особенно замѣчательнъ байбакъ, крупный грызунъ, который когда-то былъ широко распространенъ на Украинѣ, теперь всюду исчезъ. Онъ набрасываетъ довольно большiе холмики, на которыхъ и любить стоять на заднихъ лапкахъ. Представляя выдающiйся научный и національно-экономическiй интересъ, Старобѣльскiя степи могли бы служить для населенiя прекрасными мѣстами отдыха и поправки здоровья, житья лагерями на чистомъ и сухомъ, ароматичномъ степномъ воздухѣ.

Кромѣ названныхъ мѣстностей въ Харьковской губ. долженъ быть упомянутъ рядъ другихъ, которыя заслуживаютъ также спеціальнаго охраненiя. Таковы живописные берега по рѣкѣ Донцу въ Змiевскомъ уѣздѣ около Коробова хутора, живописныя окрестности Ахтырскаго монастыря, степная цѣлина Капниста въ Лебединскомъ уѣздѣ и др.

Учрежденiе національныхъ парковъ и заповѣдниковъ требуетъ участiя специалистовъ, какъ при выборѣ мѣстности, такъ и при выработкѣ статута учреждаемаго парка или заповѣдника. Въ виду новизны идеи у насъ и представляемаго имъ характера спѣшности и неотложности, необходимо быстрѣйшее учрежденiе соответствующихъ полномочныхъ правительственныхъ органовъ, какъ на Украинѣ, такъ и вообще въ Россiи.

Дубяньський В.

М. М. Беєр: "Шануймо і бережімо свій рідний край" (рецензія; фрагмент)

Книгарь. Літопис Українського письменства, 1919. Ч. 27. С 1861-1862.

...Добрим словом згадано про відомого пана Фальцфейна, який надумав зберегти великий шматок предковичного степу у нас на Україні, на Херсонщині та оселив в тому заповідникові всяких наших та чужорідних звірів і птахів, які можуть у нас жити. Але цілком доречі зауважує автор, що поодинокі люде мало можуть зробити для оборони природи рідного краю, хоч би як вони любили її, а проте коли наші люде не зрозуміють, через що саме треба оберігати її, то не багато діла буде з їхньої любові та їхнього старання.

Козлов П. К.

Современное положение «Аскания Нова»

Природа, 1919. №10-12. С. 467-482.

Шестнадцать месяцев (с 10 декабря 1917 г. по 8 апреля 1918 г.) я непрерывно прожил в Таврических степях, в культурном имени Ф. Э. Фальцфейна «Аскания-Нова», выполняя почетное поручение Российской Академии Наук и Русского Географического Общества по охране известных зоопарка и заповедника, составляющих с именем одно стройное целое.

В течение этого времени через Асканийский культурный уголок проходили части войск враждебных лагерей. Одни войска оберегали и охраняли Асканию-Нова, другие на нее нападали, и все непременно корректным или некорректным образом жили здесь, иногда по нескольку дней, пополняя продовольственные, фуражные и многие другие запасы.

Около сорока снарядов трехдюймового орудия легло в области зоопарка, оставив на память о себе воронки или поломанные деревья и уничтожив окончательно шесть зубробизонов и яков, находившихся в загонах.

В конце концов можно признать, что собственно зоопарк, помимо погибших от снарядов шести животных и убитых двух кенгуру, уцелел, о чем с радостью услышат все те, кто так живо-болезненно в наш век интересуется судьбою родных памятников природы, ставших государственным достоянием.

Имение Ф. Э. Фальцфейна «Аскания-Нова», со своим зоологическим парком, славящимся далеко за пределами нашей родины, и образцовым степным заповедником, расположено в той части Днепровского уезда Таврической губернии, где находилось историческое «Дикое поле», по которому некогда гарцевали запорожские казаки, проходили дикие орды татар, бродили олени, козы, сайгаки и целые табуны диких лошадей или тарпанов.

Зоопарк занимает более пятнадцати десятин и засажен разнообразными древесными породами до платанов включительно. Среди насаждений устроены полянки, здесь же имеется несколько искусственных прудов, где плавают многочисленные водяные птицы. К парку примыкает обширный, огороженный высоким деревянным забором, участок степи (около 60 десятин), где довольно свободно бегают или резвятся различные антилопы, олени, лани, ламы, гну, муфлоны, гривистые бараны, страусы – африканский, американский (нанду) и австрийский (эму) и др.

Вообще в парке живет сорок пород иноземных животных, в количестве 315 голов и 168 видов птиц, в количестве 825 особей, не считая кавказских фазанов, различных уток и других, свободно летающих птиц, не поддающихся учету. Полуприрученные животные пасутся в открытой степи, нередко рядом со стадами домашнего, преимущественно украинского рогатого скота.

Территория имения Аскания-Нова, площадь в двадцать тысяч десятин, представляет собою прямоугольник.

Приблизительно в центре этой площади находится усадьба с зоологическим и ботаническим парками.

К усадьбе примыкает с одной стороны жемчужина Аскании – участок ковыльной степи, заповедник, площадью в пятьсот десятин, а с другой типичный степной «под» – котловина.

Вокруг заповедной степи и усадьбы располагаются степные сенокосные угодья (10500 десятин) также с очень хорошо сохранившейся целинной растительностью, хотя и эксплуатируемой сенокосением, а после такового выпасом племенных стад мериносовых и других пород овец, рогатого скота (серая степная порода), лошадей (ремонтного типа) и верблюдов.

Ближе к периферии участка расположены «толоки», площадью около 5.000 дес. то есть выпасы, хотя и целинные, но с растительностью значительно видоизмененной, вследствие очень скученного выпаса весной, в особенности до снятия и уборки сенокосов на вышеуказанной сенокосной части степи.

Еще ближе к границе участка лежат пахотные поля (4000 десятин), на которых ведется очень интенсивное зерновое хозяйство. Вдоль пахоты расположены овечьи сараи и скотные дворы для использования скопляющегося в них навоза в целях удобрения полей.

Такое распределение угодий, независимо от целесообразности в сельскохозяйственном отношении, очень важно в смысле сохранения на защитном участке степной растительности в наиболее девственном и незасоренном виде. Иначе говоря, степная флора на защитном участке ограждена от засорения широким поясом сенокосной и толочной целины, что в значительной мере повышает научную ценность защитного участка.

Целинную степь, за исключением, конечно, защитного участка в 500 дес., нельзя рассматривать как угодье слабо эксплуатируемое. Наоборот, вся эта степь используется, как уже было сказано, весьма интенсивно племенным животноводством главным образом, мерин, овцеводством (около 40.000 голов), ремонтным коннозаводством и серым степным скотоводством, властно требующим сохранения степи в целинном виде.

Кроме того, существование зоопарка, зоологической степной станции и защитного участка тесно связано с животноводственным хозяйством Аскании-Нова, с ее сенокосными выпасными степями и с соответствующим количеством пахоты.

Зоопарк, степная зоологическая станция и защитный участок без этого хозяйства невысказаны и бессмысленны.

Поэтому, если сохранять зоопарк, то необходимо сохранить и всю организацию хозяйства имения в нынешнем его виде.

Следует заметить, что до последнего времени, культурное имение Аскания-Нова с зоопарком и заповедной степью существовало исключительно на доходы с имения и личные средства владельца – глубокого знатока и любителя девственной природы.

Содержание зоопарка «Аскания-Нова», в 1916 году обошлось в 46.263 руб. 35 к., в 1917 году приблизительно в 92.000 руб., а в 1918 году – 130.691 руб., распределившихся между следующими статьями расхода:

Продукты для животных и птиц (по себестоим.)	71.864 р. 33 к.
Материалы и ремонт зоопарка (по себестоим.)	8.692 р. 6 к.
Содержание служащих при зоопарке	41.092 р.
Прочие расходы	8.042 р. 61 к.

Последние три года – 1916, 1917, 1918 – Асканский зоопарк все более и более пополняется приплодом животных и птиц, тогда как прежде известный излишек выходил на пополнение отечественных городских зоологических садов, ныне сокращающих свое животное богатство до минимума.

В связи с этим, в Аскании-Нова яйца африканского страуса за истекшие последние три года не насиживались, а шли в подспорье продовольствия асканийских служащих, так как увеличение числа страусов было бы возможно лишь при расширении капитальных построек под зимнее помещение для этих крупных птиц.

В равной мере весьма невыгодно отражается на зоопарке прекращение привоза новых индивидов животных и птиц. Полное отсутствие притока «свежей крови» имеет следствием медленное вырождение слишком близко породнившихся между собой обитателей Аскании-Нова.

Прежде зоопарк «Аскания-Нова» пополнял следующие зоологические сады: Харьковский, состоящий под охраной «Общества любителей природы» (1913 г.), Киевский, состоящий под охраной того-же Общества (1914 г.), Рижский и Московский (1915 г.).

Количество учащихся и частных посетителей зоопарка «Аскания-Нова», при нормальном течении жизни, увеличивалось с каждым годом, но с начала войны сразу-значительно уменьшилось.

В 1912 г.,	учащихся 701,	частн. лиц 576,	всего 1277 чел.
1913	923,	759,	1682
1914	1653,	5850,	75503
1915	306,	593,	899
1916	665,	483,	1148
1917	113,	223,	336
за шесть лет	4361,	8484,	12845 чел.

Ныне Асканийский зоопарк и степной заповедник объявлены национальными и в связи с этим Аскания-Нова не только не должна падать, а должна развиваться до степени полного научного учреждения.

Для этого, прежде всего, следует признать Асканию-Нова культурным имением и признать его целиком национальной собственностью, как один общий степной памятник природы. Это – во-первых¹.

Во-вторых – разделить Асканию-Нова на два отдела, самостоятельно управляющихся: хозяйственный и научный зоопарк, заповедник, ботанический сад, музей, библиотека и проч. Под хозяйственным отделом, кроме земледелия, надо подразумевать племенное и степное животноводство, поставив и то и другое образцово.

В-третьих – в связи с предыдущим следовало бы теперь же ассигновать на содержание имения одновременно 500.000 руб. и ежегодно по 200.000 руб.

В-четвертых – управление научного отдела должно быть подчинено исключительно Народному Комиссару Просвещения.

Управление хозяйственного отдела должно во всем идти на встречу нуждам отдела научного.

¹ Настоящая статья написана в июне 1918 г.

Руководство по уходу за животными зоопарка необходимо возложить на ровесника зоопарка Клима Евдокимовича Сиянко, прекрасно знающего нрав и привычки каждого животного, каждой птицы и успешно несшего на себе работу по уходу в течение последних 2 лет.

Не менее незаменим и препарат А. И. Риббергер, изготавливающий чучела животных и птиц и работающий по заведыванию и обогащению Асканийского музея.

В-пятых – Сиянко и Риббергера нужно снабдить полевыми биноклями и дробовыми ружьями (с охранными грамотами на них) для охраны животных зоопарка от хищных четвероногих и птиц.

В-шестых – должны остаться в полной неприкосновенности и под наблюдением комиссара по охране зоопарка – дом-музей, библиотека, зоотехническая станция, кабинет ученого Иванова.

В-седьмых – уездная Днепровская власть должна объявить всему окружающему Асканию-Нова населению, что на Асканийской территории строго воспрещается не только охота, но и посещение территории без надлежащего письменного разрешения.

В-восьмых – надо пожелать, чтобы Асканию-Нова, в самом ближайшем времени, посетила специальная правительственная комиссия, в целях выяснения на месте перечисленных выше и других обстоятельств, связанных с поднятием и процветанием этого культурного уголка.

В заключение, позволю себе посоветовать также каждому из соотечественников, при всяком удобном случае, стараться заглянуть в Асканию-Нова, чтобы видеть родную научную жемчужину таврических степей.

Еще задолго не доезжая искусственного «оазиса» Аскания-Нова, южнорусская степь отрадно приветствует взор наблюдателя. На южном горизонте ее пасутся табуны лошадей, стада крупного рогатого скота, отары мериносов, группы верблюдов и разных других животных. Из заросли ковыля взлетают фазаны, красиво блестя на солнце своим ярким оперением; в мягкой синеве неба парит или кружит степной орел; прозрачный пряный воздух наполнен звонкими голосами полевых жаворонков.

Девственная степь полна живой гармонии: она дышит днем, дышит и ночью. Волна серебристого ковыля вечером – это поэтическое восхищение, в особенности при разгоревшихся лучах заходящего солнца, когда по сторонам от него играет сизая дымка... Куда ни посмотришь – безграничный простор. Лишь изредка курганы с каменными бабами, да стога сена нарушают равнинное однообразие степи.

Ф. Э. Фальцфейн долго боролся из-за древесных насаждений парков, прежде нежели получил блестящие результаты. Сначала недоставало воды и не было подходящей для парковой растительности перегнойной почвы. В степи, как и в пустыне, где вода, там и жизнь. С устройством же водонапорной башни, дающей до сорока тысяч ведер в течение дня, Асканийские парки ожили, деревца окрепли, листва расшири-

лась, сгустилась, создалась благодатная тень; пруды наполнились водой, приятно журчавшей по сложной сети каналов, поддерживающих пышную жизнь разросшихся могучих парков. Растительность парков включает в себе: платаны, туи, крымскую ель, биоты, разнообразные сосны и ели, пирамидальный дуб, сапфору, несколько видов тополя, клены, берест, акации и много других.

Необычайную прелесть ботаническому парку, повторяю, придают его замечательные поляны, по которым там и сям, вспархивают или просто разгуливают и резвятся самые разнообразные красавцы фазаны: королевский, золотистый, алмазный, серебристый, ушастый, кавказский, монгольский, манчжурский, сычуаньский и друг. В утренние и вечерние часы парк особенно оживлен и ликует веселыми, звонкими голосами крупных пернатых, а в ночной майской тиши – чарующей трелью местного соловья...

Парки и девственные степи с прудами дали возможность завести в Аскании лесных, степных и водяных представителей животного царства, в особенности в отделе пернатых.

Лесной зоологический парк граничит со степным; между парками, с одной стороны, имеется открытый чистый пруд, с пустынной отмелью, обычно занятой краснокрыльями (фламинго), с другой – пруд болотистый, с большими, поросшими камышем ответвлениями, уходящими далеко на север и в весеннее половодье соединяющийся с общим разливным озеро-видным водным пространством, на котором во множестве отдыхают пролетные дикие гуси, утки, журавли и много-много других.

В лесной части зоопарка животная жизнь также бьет ключом. Помимо птиц- фазанов, голубей европейских и калифорнийских, перепелов, китайских соловьев, попугаев, иволг, кобчиков и множества других, наблюдатель встречает стройных газелей, патагонских мара и кенгуру.

Пруд между лесным и степным зоопарками – настоящее царство пернатых. Приближаясь к нему, вы уже слышите всевозможные голоса плавающих птиц, а вот и они сами картинно скользят по поверхности вод. Впереди величаво выступают лебеди, которых здесь шесть видов: шипун, кликун, пигмей, трубач, черношейный и черный – представители Европы, Азии, Северной и Южной Америки и Австралии. За лебедями, мешаясь с различными утками, плывут группы диких гусей, также обитателей всех частей света, и полностью представленные в Аскании-Нова казарки, до редких краснозобых (*Rufibrenta rubicollis*), кото-рых долгое время не было ни в одном из зоологических садов.

Африканцы или обитатели Прикаспия и Киргизских степей фламинго также украшают собой Асканийский зоопарк, хотя здесь и не размножаются. Днем, на солнце, стоя в длинном ряду, эти красавцы напоминают собою мраморные изваяния. Поодаль от пруда важно расхаживают журавли – райский (*Grus paradisea*), красавка (*G. virgo*),

венценосный (*Grus paronida*), австралийский и даурский, тогда как болотный (*Grus cinerea*), антигонский и манчжурский (*Grus viridirostris*) предпочитают держаться вдоль внешних прудов и каналов.

К числу наиболее выдающихся птиц в Аскании-Нова относятся страусы сомалийский (*Struthio inolybdophanes*), американский (*Rhea americana*) и австралийский. Красивую картину представляет африканский страус, танцующий перед своею самкою.

Сравнительно небольшое количество хищных птиц содержится в просторных вольерах. Самые крупные хищники – санитары центрально-азиатских степей и гор – грифы монахи, которых здесь два; один из них мой пернатый спутник, вывезенный из далекого Андоского нагорья. По соседству с грифами расположены орлы беркуты, орланы белохвосты и степные орлы.

Вольеры для средних и мелких птичек, для их первоначального приручения, не оставляют желать ничего лучшего ни в смысле благоустройства, ни в смысле простора. Одна из таких вольер угловая и в то же время центральная, в которой жизнь пернатых представляется наиболее полной и своеобразной, оживлена серебристыми струйками водопада, и всегда притягивает к себе многих любопытных. Привычные птички нисколько не боятся человека, наоборот, многие из них прилетают вплотную к нему и получают из его рук червячков, как, напр., заряночка, синешейка, щеврица, кулички и проч. Кормя одних, любишь других. Вот прилетел кардинал с поднятым хохлом и осторожно уселся подле серебристых брызг... Пониже – купаются в студеной струйке воды желтые овсянки, рядом с ними изящные желтые и белые плиски. Возле бассейна с золотыми рыбками хлопчат на гнезде пигалица-чибис, гоняясь за куличками. Из соседней вольеры бежит стайка мелких пташек, гонимых с криком куликом-сорокой. По песчаным дорожкам быстро перебегают взад и вперед кулички-песочники, кулики-улиты, ржанки и драчуны турухтаны.

Центральная вольера, это лучший уголок для наблюдения за жизнью мелких пташек. Тут же вы часто слышите и пение канареек, свободно перелетающих с дерева на дерево, и монотонное воркование голубя-турлушки, обычно воркующего на тополе, бересте, спускающих свои ветви прямо к столу. У стола то и дело снуют дрофы, ревниво оберегая это место от посещения других птиц. Поодаль на лужайках прогуливаются фазаны, обыкновенные голуби и вечно неразлучная парочка маленьких австралийских гривистых гусей.

К юго-западной окраине лесного парка примыкает степной – большая, в шестьдесят десятин, площадь, куда животных впускают вначале для приручения и освоения. Чтобы увидеть этот уголок, необходимо подняться, на вышку.

Самым крупным животным здесь, является африканская антилопа оленебык (*Oreas oreas*), с высоко стоящими массивными рогами. Эта антилопа хорошо акклиматизировалась и успешно размножается.

Гну – уроженец южной. Африки, в таврических степях также хорошо акклиматизировался, плодится, приспособляясь с деторождением к нашим, временам года. Гну в высшей степени оригинальное животное, с корпусом лошади, с головою буйвола; кричит, как хищная птица, а когда сердится – фыркает и храпит по-лошадиному. Другой гну – белохвостый (*Cannochnetes gnu*).

Нидьгау (*Portax pictus*) из Индостана, акклиматизируется труднее других, но размножается хорошо.

Южно - американская лама (*Auchenia glauca*) имеется в значительном количестве, часть пасется в степи...

Из других антилоп в Аскании-Нова имеются два вида бубалов – белолобый (*Damaliscus albifrons*) и степной (*Bubalis buselaphus*), антилопа черная (*Hippotragus niger*), антилопа Леше (*Cobus Lechève*), гарна (*Antilope cervicapra*), прыгун (*Gazella lachore*), газель аравийская (*G. doreas*), краснлобая (*G. rufifrons Salmi*), нубийская (*G. isabella*), харасульта (*G. subgutturosa*) персидская (*G. marica*), капский сернобык (*Orix gazella*) и бунте бок (*Tragelaphua gonaeyni*) Олени (*Cervus*) здесь также богато и разнообразно представлены, а именно: олень благородный, крымский, кавказский, алтайский, манчжурский, мунджик, свиной оленек (*Huelaphus porcinus*), лань (*Dama vulgaris*) и косуля.

Из оленей особенно много оленей - маралов, пасущихся в степи. Маралы привыкают к степи очень легко, делаются ручными, за исключением, впрочем, любовного периода, в августе и сентябре, когда они злобно ревнивы и не безопасны, в особенности сильные рога, всего чаще бросающиеся на человека и животных.

Из диких овец имеются европейские муфлоны (*Ovis tuffeon*), гривистые Атласские бараны (*Ovis tragelapliis*), аргали (*Ovis argalis*), кавказский тур (*Capra caucasica*). Родина коренного муфлона – скалистые места Корсики и Сардинии, тем не менее он легко акклиматизируется в степи. Если детенышей муфлона, равно как и детенышей диких животных вообще, воспитывать молоком из рожка, при содействии человека, то они становятся совершенно ручными, тогда как воспитанные матерью держатся очень строго и не подпускают к себе человека.

Надо полагать, что таким именно образом происходило приручение человеком диких животных и на заре человечества.

Асканийский зоопарк устроен совершенно на иных началах, нежели зоологические сады вообще. Его цель акклиматизировать животных, могущих процветать в таврических степях, как процветали здесь некогда тарпаны, сайгаки и проч.

В высшей степени интересно то обстоятельство, что лесные звери, как зубр или олень, отлично выживают в степи. И те и другие животные достигают здесь полного своего развития. В Аскании-Нова американский бизон чувствует себя так же хорошо, как чувствовал себя прежде в родных прериях, и мирно пасется в общем стаде с зубрами и рогатым скотом.

На своей родине бизоны исчезли с необыкновенной быстротой, и в настоящее время в Америке насчитывают не более шестисот голов этих животных, находящихся в Иеллостоновском парке, под охраною правительства.

В аналогичном отношении с американским бизоном стоит беловежский и кавказский зубр (также в ограниченном количестве голов), имевший в историческом прошлом широкое распространение в средней Европе. Над этими двумя видами крупных диких животных разных континентов и были поставлены опыты акклиматизации в Аскании-Нова, бизон был получен здесь в 1897 году, а зубр – в 1902 году. За истекший период времени выяснилось полное одомашнение как чистой породы (только лишь при условии содержания ее совместно с домашним скотом), так и гибридизации зубра и бизона в различных комбинациях между собой и с домашним скотом.

Не менее интересны здесь и зеброиды – новая оригинальная полосатая порода животных, полученная от скрещивания зебры с домашней лошадей. Зеброид, это своего рода асканийский му – бесплодное, но очень сильное, выносливое и неприхотливое к корму животное, употребляемое в Аскании для тяжелой работы.

Лучшим украшением национального зоопарка служит несомненно дикая лошадь Пржевальского, которой в настоящее время в Аскании-Нова шесть голов чистокровных, остальные помеси с монгольской и русской домашней лошадей. Дикая лошадь одна другой лучше – сытые, округлые, резвые. В таврических степях лошадь Пржевальского нашла настоящую родину. Часть диких лошадей пасется в степи, в общем табуне с ремонтными лошадями, часть – производители содержатся на конюшнях...

На основании многократных наблюдений в Аскании-Нова можно сказать, что это умная, самостоятельная, находчивая лошадь. Она всегда первая сообразит, первая избежит опасности, она лучше и искуснее других проникнет в середину табуна и никогда никакой другой лошади не позволит себя обидеть. Что же касается до преодоления встречных препятствий, самых трудных, то таковые для нее почти не существуют: так легко и грациозно она скачет.

Гибриды обыкновенной лошади с ними – полукровки, хороший верховый сорт, годный для ремонта. По общему виду они близки к средней кавалерийской лошади, отличаясь лишь более массивной головой, несколько укороченным корпусом, жестковатой холкой, гривой и хвостом, который кроме того еще и жидок.

Вопросы гибридизации, в связи с законами Менделя, успешно разрабатывал И. И. Иванов, при посредстве которого в Аскании-Нова и была основана зоотехническая лаборатория (ср. «Природа» 1916 г. Январь, стр. 93).

Теперь несколько слов о жизни в прудах Аскании-Нова. Кроме европейской болотной черепахи, речных раков, карасей, линей, вьюнов, в них водится и так называемая «золотая рыбка», хигой, карп и другие. Золотые японские хигои достигают двенадцати и более фунтов весом. Многие хигои снабжены серебряным кольцом с датой

и занесены в ихтиологический журнал, который, периодически, при ловле рыбы, наполняется заметками.

Нельзя не упомянуть также об Асканийском музее, расположенном в отличном сухом помещении, а рядом с ним и о специальной богатой библиотеке, преимущественно по естествознанию. Музей представляет большое ценное собрание чучел млекопитающих и птиц, погибших в зоопарке, кроме того птиц, добытых на весеннем и осеннем перелетах.

Витрины с археологическими находками в разрытых таврических курганах, образцы почв и мощного разреза горных пород, полученного при бурении в поисках водоносного горизонта, – все это придает музею характер разностороннего естественного-исторического собрания.

Как национальный зоопарк и заповедник, Аскания-Нова должна расти и процветать, а ее заслуженная известность еще более привлекает внимание просвещенного мира.

Привітні телеграми Народи (Послані згідно постанові 6-го серпня) (фрагмент)

Протоколи і постанови попередньої Народи Природників України з 6 серпня 1918 року. Вісті природничої секції Українського Наукового товариства. Київ, 1918-1919. Т. 1. Число 1. С. 16.

Таврія. Асканія-Нова. Фридриху Фальцфейну: «Підготовча Народа З'їзду Природників України, визнавши негайною Державною справою перетворення Асканії в національний заповідник, щиро вітає Вашу невмирущу працю по охороні забутків рідного степу. Голова Народи проф. В. *Талієв*. Секретар О. *Яната*».

Протоколи постанови Попередньої наради Природників України від 3-6 серпня 1918 року (фрагмент)

Протоколи і постанови попередньої Наради Природників України з 6 серпня 1918 року. Вісті природничої секції Українського Наукового товариства. Київ, 1918-1919. Т. 1. Число 1. С. 15.

По докладу **К. Залеського**: «Современное положение охраны Асканія-Нова». (Постанова Наради).

Настоящее совѣщаніе подтверждаетъ многократно высказывавшееся положеніе, что Асканія-Нова съ ея степями и зоопаркомъ является неоцѣнимымъ учрежденіемъ для развитія, какъ теоретическаго, такъ и прикладнаго знанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ драгоцѣннѣйшимъ памятникомъ природы Украины.

Вслѣдствіе этого она должна быть сохранена въ томъ именно видѣ, въ какомъ она существуетъ сейчасъ, для чего соотвѣтствующими учрежденіями и должны быть приняты соотвѣтствующія мѣры къ немедленному превращенію Асканія-Нова въ національный степной заповѣдникъ Украины.

Шарлемань М.

«Асканія Нова» – першій народній заповідний парк
Вісти природничої секції Українського наукового товариства, 1919.
Т. 1. число 3/4. С. 122.

Декретом від 1 квітня с. р. маєтки Фальц-Фейна: *Асканія Нова* Дніпровського повіту і *Елизаветфельд* Мелітопольського повіту на Таврії оголошені народніми заповідними парками.

Асканія Нова відома природникам майже всього світу через куток заповідного тирсового степу і зоопарк, якому один німецький професор дав назву „*Paradisgarten*“. Про Асканію Нову видруковано більш 150 праць на різних мовах. Треба привітати крок влади, який поставив питання про заснування у нас національних парків на практичний ґрунт.

1920

Завадовскій М.

Асканія-Нова. II.

Южныя Ведомости, 1920. №142.

II.¹

Из работ экспериментального характера, помимо упомянутых в предыдущей статьѣ, заслуживает вниманія широко поставленный опыт акклиматизаціи в Таврической степи различных млекопитающих и птиц Южнаго полушарія и экваторіальной полосы, обитателей горных областей Азіи и Южной Америки, лѣсов Сибири и степей Сѣверной Америки.

Серьезный интерес для біолога представляет стадо вѣтвисторогих моралов и благородных оленей, переведенных рукою человѣка из тѣнистых лѣсов в жаркую степь; из нѣскольких штук, купленных в 1894 и 1907 г., стадо разрослось до 48 голов в 1919 г. Лань, купленная в числѣ нѣскольких экземпляров в 1893 г. и 1900г., насчитывается в 1919 г. в числѣ 23 голов. Из пяти свиных оленьков 1913 г. в 1919 образовалось стадо в 14 голов; из четырех оленей аксисов 1913 г. в 1919 г. образовалось стадо в 13 голов и т. д.

Олени имѣют и промысловое значеніе по сбыту рогов в Китай. Один олень в до военное время мог давать до 700 рублей в год.

Могучія фигуры зубров, бизоны – обитатели степей Америки рядом с оленем вытптывают ковыльную степь Тавріи. Обитатели гор муфлоны и гривистые бараны проявляют нормальную производительность в асканійских степях; страусы выносят заморозки сѣвера Черноморских побережій.

Весьма интересны иллюстраціи того, как организм, примѣняясь к температурным условіям новой родины, мѣняет условія теплоотдачи: напримѣр, – бѣлохвостый гну, обитатель Африки, незнающій на родинѣ, что такое стужа, на зиму надѣвает теплую густую шубу, примѣняясь к необычному климату Юга Россіи.

¹ См. «Ю.В.» №139.

Интересны перемѣны в проявленіях инстинкта, – так, южно американскій бѣлый лебедь с черной шеей, австралійскій черный лебедь и магеланов гусь, примѣнительно ко времени года Сѣвернаго полушарія, на полгода измѣняют время кладки яиц. Рядом ему и австралійскій куриный гусь, упрямо сохраняют свои привычки жителей Южнаго полушарія: кладут свои яйца и высихивают их в стужу нашей зимы, иллюстрируя тѣм неподатливость своих организмов. Много мыслей будит этот обширный опыт, собранный нами у біолога, о которых не мѣсто, впрочем, говорить в короткой замѣткѣ.

Заслуживают вниманія попытки вернуть Таврической степи то, что ею было утеряно. Я имѣю в виду опыт реакклиматизаціи небольшой антилопки-сайгу, невѣдомой силой оттѣсненной от берегов Днѣпра к берегам Волги в Астраханскія степи.

Стада зайцев, достигавшія в осеннее время нѣскольких тысяч голов, норки тушканчиков, парк, населенный пернатыми Юга Россіи, подчеркивают, насколько велики заслуги Асканіи в дѣлѣ сохраненія мѣстной фауны, а заповѣдная ковыльная и типчаковая степь говорит о сохраненіи мѣстной степной флоры. Это «памятники природы», безцѣнные для лѣтописи природы, которые цѣнить по настоящему мы научились слишком поздно, когда много уже исчезло бесслѣдно.

Богата Асканія матеріалами для выясненія законов наслѣдованія при скрещиваніи особей разных видов. Видовая гибридизація, помимо чисто практических выводов, общает пролить свѣтъ на основную проблему формотворчества в природѣ, на проблему видообразования. Асканія в этом направленіи дает богатѣйшій матеріал, который еще далеко недостаточно использован.

Асканія для цѣлага ряда проблем как уже упомянутых, так и оставленных без упоминанія (из за недостатка мѣста) незамѣнима. Она экспериментатору дает простор при выборѣ матеріала. Обычные институты экспериментальной біологіи вынуждены вращаться в кругу обычных домашних и лабораторных животных: морских свинок, кроликов, крыс, мышей, кур и немногих других. Асканія выносит опыт в природу, дает возможность по проблемѣ выбирать объект и в связи с богатством и разнообразіем объектов расширять круг проблем.

Напомню свои опыты и наблюденія, произведенные в Асканіи – по выясненію зависимости формообразования от желез внутренней секреціи; в частности – опыты по выясненію зависимости формированія вторично-половых признаков и половых желез, осуществленные на фазанах разных пород, на курах разных пород, утках, антилопах нильгау. Напомним поставленные на овцах опыты И.И. Иванова по вліянію остраго алкогольнаго отравленія родителей в момент зачатія на потомство.

Помимо государственной зоотехнической лабораторіи в Асканіи-Нова, возглавляемой И. И. Ивановым, а в 1919 – мною, московская с.х. петровская академія имѣла в Асканіи свое зоотехническое отдѣленіе, которое уже дало ряд научно-прикладных изслѣдованій в области практическаго овцеводства под руководством проф. М. Ф. Иванова.

Полагаем, что этого бѣлаго и неполнаго обзора тем, которыя были разработаны на асканійских матеріалах, достаточно, чтобы очертить Асканію-Нова, как опытное научное учреждение, дающее необыкновенный простор теоретической и прикладной мысли.

Асканія Нова из прекраснаго акклиматизаціоннаго степнаго зоопарка за послѣдніе десять лѣтъ выросла в крупное изслѣдовательское учреждение, которое ожидает еще большая будущность, если усиліями культурных сил удастся ее сохранить.

Остается прибавить, что Асканія оказала, может и должна оказать совершенно исключительную услугу нашему высшему образованию своими богатѣйшими матеріалами.

Остается пожелать, чтобы власть всѣми находящимися в ея распоряженіи средствами пошла навстрѣчу потребностям этого исключительнаго учрежденія.

Из срочных мѣр, требующих немедленнаго осуществленія, отмѣтим: 1) изданіе особаго приказа об освобожденіи Асканіи-Нова от постоя войсковых частей і реквизицій, 2) необходимость командировки представителя науки для руководства зоопарком, 3) назначеніе управляющаго для веденія хозяйства, 4) отпуск средств для поддержанія зоопарка и пр.

Доцент М. Завадовскій.
23 іюня 1920г.

1921

[б/а]

Витяги з протоколів засідань Зоологічної Секції Відділу Природничих Наук У. Н. Т. в 1920 році. (фрагменти)

Зоологічний журнал України. Зоологічна секція УНТ. Київ, 1921.
С. 27-29.

...Протокол 7. 26 березня. Л. Портенко повідомив про стан за часів радянської влади р. 1919 відомого зоопарку Асканія-Нова на Таврії. С. Смоленський зробив коротеньке повідомлення про географічне поширення їжака (*Erinaceus europens*), їжака вухатого (*Hemiechinus auritus*), лісової миші і (*Mus sylvaticus*), хатньої миші (*Mus musculus*) та миші маленької (*Microtus minutus*)...

...Нар. Ком. Зем. Справ України доручив С.-Г. Науковому Комнтетові України керувати науковою частиною славнозвісного маєтку Асканія Нова (на Таврії). Секція Охорони Природи Наук. Ком. командувала до Асканії свого фахівця зоолога С. Снігіревського, який повідомив Секцію, що Асканія майже цілком збереглася. Кількість родів тварин зоопарку не зменшилася, лише значно зменшилася кількість особин. Збереглися заповідний цілинний степ, поди, музей та архив маєтку. Цілком знищено бібліотеку та зоологічну колекцію. Бувш. власник Асканії Фридрих Едвардович Фальц-Файн вмер в 1919 р. в Берліні....

[б/а]

Діяльність ботаничних установ. (фрагменти)

Український ботанічний журнал. Т. 1. Вип. 1-2. Київ, 1921. С. 66.

...Степово-наукова станція в Асканії-Нова Декретом Ради Народніх Комисарів України від 8-го лютого ц. р. проголошено відому Асканію-Нова Державним Степовим Заповідником. Декрет цей вироблено та видано за найближчою участю С.-Г. Наук. Ком. Укр., він-же бере й безпосередню участь в управлінні Асканією, як науковий орган Народнього Комисаріяту Земельних Справ, до якого перейшло відання Асканією. Згаданий декрет передбачає існування в Асканії Степово-Наукової Станції. При ній має бути й ботанічний відділ, що вів би постійні спостереження над фльорою цілнного заповідного степу Асканії і степових подів. Крім того в програму його роботи повинні ввійти й постійні спостереження над зміною степової фльори на перелогах різного віку і під впливом випасу худоби. Праця Ботаничного відділу, як і всієї Стедово-Наукової станції, має вестися згідно з пляном, що в загальних рисах його вироблено на спеціальній нараді, що її скликав тов. Голови С.-Г. Наук.

Ком. Укр. проф. О. Яната в Симферополі в грудні м. р. З ботаників в цій нараді брали активну участь крім того проф. М. Кузнецов, доц. Є. Вульф та консерватор Музею О. Дойч. На нараді був і представник управління Асканії і зоолог Фортунатів; він і поінформував про сучасний стан Асканії, зокрема її цілинних степів, що добре збереглися під час подій останніх років. На великій площі йде, між іншим, цікавий процес відновлення степу, де припинено випас та оранку...

Козлов П. К.

Аскания-Нова

Наука и ее работники, 1921. № 6. С. 32-36.

Бывшее имение Ф. Э. Фальц-Фейна – Аскания-Нова находится в Таврической (ныне Николаевской) губернии, в Днепровском уезде, в 70 верстах от станции Ново-Алексеевка южных дорог, в 50 верстах от пароходной пристани Каховка и в 60 верстах от порта Хорлы. Территория имения Аскания-Нова, площадью в двадцать тысяч десятин представляет собою прямоугольник. Приблизительно в центре этой площади находится усадьба с зоологическим и ботаническим парками. К усадьбе примыкает с одной стороны участок ковыльной степи, заповедник, площадью в пятьсот десятин, а с другой – типичный степной «под»–котловина. Это один из немногих на Юге Европейской России уголков, где степь можно видеть во всей ее красе и величии.

При имении находится зоопарк, состоящий из многих представителей животного царства. Часть животных в продолжение всего года находится в огороженном участке степи (60 дес.). Одомашненные животные ходят свободно в степи со стадом коров или овец, как напр. зубры, бизоны, яки, оленебыки, олени, зебры, лошади Пржевальского, муфлоны и друг.

В Аскании-Нова производятся опыты скрещивания и гибридизации некоторых животных, а также использования их рабочей силы в хозяйственных целях. Хотя опыты эти производятся и в небольшом масштабе, тем не менее в этом отношении достигнуты значительные результаты.

Под парками и прудами находится свыше 50 десятин. В парке разводятся в большом количестве разнообразные породы фазанов, на прудах – различные породы плавающих и голенастых птиц, а в прудах – некоторые породы рыб.

В степи, как и в пустыне, – где вода, там и жизнь... Существование в Аскании-Нова пышных парков, прудов – и каналов, окаймленных высоким камышом, дающим гнездовый приют пернатым – объясняется наличием здесь водонапорной башни, извлекающей на дневную поверхность около двухсот тысяч ведер воды в сутки.

Дикая лошадь Пржевальского (*Equus Przewalskii*) представлена в Аскании-Нова превосходной серией. Достать этих редких животных, открытых в Центральной Азии знаменитым русским путешественником Пржевальским, живыми удалось исключительно благодаря средствам и энергии Ф. Э. Фальц-Фейна. Впоследствии, торговец животными Гагенбек из Гамбурга, узнав окольным путем каким образом были получены эти лошади, воспользовался этим и, получив первую партию этих лошадей, присвоил себе честь получения их впервые живыми.

Климатические условия не оказали худого влияния на азиатских лошадей, которые свободно размножаются в Аскания-Нова. Пасутся эти лошади вместе с домашними лошадьми и некоторые из них совершенно приручились. Попытки гибридизации диких лошадей различными породами домашних дали благоприятные результаты. Таврические степи были последним убежищем другого вида дикой лошади, европейского тарпана, последний экземпляр которого был убит в 1877 году охотником, в 25 верстах от Аскании-Нова.

Зебра (*Equus zebra chamanii*) акклиматизировалась здесь и ходит также в табунах вместе с лошадьми. Гибридизация чисто-породных зебр производилась с лошадьми. Во всех случаях получался приплод – зеброиды. Но попытки дальнейшего скрещивания зеброидов с зебрами или лошадьми результатов не дали. Зеброиды употребляются в имении для езды и различной работы, при чем они отличаются силой, выносливостью и крайней неприхотливостью в корме.

Зубр беловежский вполне освоился в таврических степях. Его размножение идет нормально. Пасутся зубры вместе с экономическими коровами, не дичатся людей, подпуская их к себе. В имении опыты гибридизации зубра с бизоном, полукровными бизонами и домашним скотом дали хорошие результаты.

Бизоны (*Bos americanus*) – имеющиеся в настоящее время в Аскания-Нова, местного приплода. Содержатся бизоны также как и зубры с домашним скотом. Попытки гибридизации были двух видов – с зубрами и домашним скотом.

Тибетский як (*Roëphagus grunniens*) климатические условия южной степи переносит хорошо. Что касается до антилоп, то их в Аскания–Нова имеется одиннадцать форм: африканская – олене-бык (*Oreas canna*), индостанская – nilгау (*Portax pictus*), сахарская – сернобык (*Oryx leucoryx*), южно-африканская – гну (*Catoblepas gnu*), аравийская – степной бубал (*Bubalis buselaphus*), капская – бунтебок (*Damaliscus ruyargus*) и блесбок (*D. albifrons*), южно-африканская – черная антилопа (*Hippotragus niger*), северо-индостанская – гарна (*Antilope cervicapra*), азиатская – джейран (*Gazella subgutturosa*) и западно–азиатская – сайгак (*Antilope saiga*).

Марал (*Cervus elaphus* x *Cerv. canad. asiaticus*), разводимый в Аскания-Нова, представляет из себя помесь европейского оленя и алтайского. Привык к степи, где свободно пасется. Одомашнивается легко. Рога сильно развиваются.

Олень аксис (*Axis axis*) – индостанский обитатель, живет здесь хорошо.

Манжурский олень–сика (*Pseudaxis sika*), с острова Аскольда, вполне акклиматизировался: размножается.

Свиной олень (*Rusa porcinus*) из юго-восточной Азии, также акклиматизировался хорошо и размножается здесь успешно. Затем идут олени: пампасовый (*Cervus campestris*), лань (*Dama Dama*), олень мунтжак (*Cervulus muntjac*) и крымская дикая коза (*Capreolus capreolus*). Лама (*Auchenia lama*) из горной области Анд.

Отлично размножается. Муфлон (*Ovis musimon*), обитатель Корсики и Сардинии, акклиматизировался.

Гривистый баран (*Ammotragus tragelaphus*)—Вухонеу из хребтов Северной Африки также Патагонский заяц (*Dolichotis patagonica*) акклиматизировался вполне. Кенгуру (*Halmaturus benetti, et ruficollis*) из Австралии живут и размножаются; в суровые зимы отмораживают себе кончики ушей и хвостов.

Страус африканский (*Struphio molybdophanes*), разновидность самолийская. Акклиматизируется хорошо. Переносит зимний холод под защитой, в помещении. Чувствителен к сырости. Зимой любит глотать снег, вследствие чего простуживает желудок. Самка несет до 20 яиц, вес яйца доб фунтов. Высиживают самец самка, постоянно чередуясь. Молодые растут быстро, заканчивая развитие к 3—4 годам. Молодых воспитывают на пастбищах, первое время дают творог, рубленое мясо. Взрослые летом кормятся на пастбище; кроме того им дается различное зерно; зимой кормят рубленой люцерной и зерном. Совершенно одомашниваются и делаются ручными. Избыток яиц употребляют в пищу людям.

Нанду или американский страус (*Rhea americana*), переносит климат легко. Снега и холода не боится, требует небольшой защиты. Самка строит гнездо и кладет яйца, самец высиживает. В одно гнездо могут класть яйца несколько самок. Размножаются легко. Яйца употребляются в пищу.

Эму или австралийский страус (*Dromaeus novaehollandiae*) к холоду и снегу не чувствителен; акклиматизируется легко.

Затем следуют большие дрофы и журавли: серый, красавка, даурский манчжурский, австралийский, корейский и стерх; черные аисты, священный ибис и фламинго.

Фазаны живут и размножаются на полной свободе в парках Аскания-Нова. Здесь имеются фазаны: кавказский, манчжурский монгольский, пестрый; далее — королевский, золотой, алмазный, серебряный, швинное, меланот, линеатус, ушастый фазан, лофофор, турач, красная и каменная куропатки и калифорнский перепел (*Collipepla californica*).

Из лебедей в Аскании-Нова разводились: лебедь шипун, кликун, пигмей, трубач, колумбийский, черношейный и черный, а из гусей: гусь серый, дикий канадский, гуменник, полевой, белолобый, большой полярный, малый полярный, гусь индийский и гусь магелланов.

Теперь идут казарки: белошекая, черная, гривистая, краснозобая, белочубая, черноголовая; египетский гусь.

Казарковидные утки: галагаз и огорь (обыкновенный и новозеландский).

Утки: пепозака, каролинка, мандаринка, кряква, серая утка, шилохвост, американский шилохвост, свиязь, широконоска, чирок свистунок, чирок трескунок.

Нырки: красноголовый, красноносый, белоглазый, чернеть морская и чернеть хохлатая.

Кроме того: крохаль и баклан большой.

Помимо перечисленных птиц в зоопарке имеются также многочисленные представители болотной дичи, певчих птиц и хищных.

В прудах водятся: королевские карпы, лини, золотистые караси и хигой или золотистый японский карп.

Вообще же говоря, Аскания-Нова, с ее пышными парками, прудами, каналами и прилегающей дикой девственной степью в живой тесной связи с многочисленным самым разнообразным населением, до последнего времени представляла собою высокий научный интерес и невыразимое очарование.

В течение же последних лет междоусобной войны, начиная с 1918 года, Таврические степи сделались ареной кровопролитных боев.

Как богатое имение, лежащее на пути к Перекопу, Аскания-Нова постоянно испытывала жесткие потрясения; при проходе белых и красных войск, зоопарк подвергался безжалостному расхищению своих научных сокровищ, и никакие приказы центральных властей не могли спасти его от неминующей гибели.

События 1920 года особенно тягостно отразились на судьбе Аскания-Нова. Начиная с января месяца войска враждующих сторон, с переменным счастьем занимали территории имения и несли с собой смерть и разрушение. Свидетельства очевидцев, вместе с данными официальных документов, многочисленных актов, составленных по месту преступления, рисуют довольно яркую картину, последовательно развивавшихся событий.

В конце декабря 1919 года белогвардейцы заняли Асканию—Нова. Казаки и солдаты, отряда полковника Морозова, запрудили собою все закоулки зоологического сада. Раздавались стрельба, крик, хохот. Картина получалась потрясающая: животные неслись куда попало.

В помещении с эму, рядом с гнездом несчастной птицы, занятой высиживанием яиц, казаки поставили лошадей.

Едва отступили белые, в Асканию-Нова вошли красные, сначала в форме небольшой разведки, а затем и целого полка. Полк во всем своем составе расселился по зоопарку.

В смертельном страхе забегали вновь несчастные животные по своему загону, а олень Дыбовского взбежал по снежному сугробу на забор и скрылся в безбрежной степи. Кроме того, солдаты привели с собою собаку, которая задушила в саду новозеландского огоря, гуся—гуменника и пару кенгуру Бенетти. В тот же день один кенгуру был убит ружейной пулей.

Вступивший в Асканию штаб 46 дивизии вел себя довольно хорошо, но зато приехавший 16 января эскадрон кавалеристов держал себя ниже всякой критики: солдаты врвались во все помещения парка, гонялись за птицами с ружьями и дубинами,

натравливали борзых на измученных несчастных животных, принося зоопарку великий ущерб.

В течение февраля месяца разорение Аскания-Нова не прекращалось. 29 февраля, под растаявшим снегом, обнаружены мертвыми: кенгуру, муфлон, африканский страус и нанду – все с огнестрельными ранами. Четыре остальных нанду, бежавшие в степь, по-видимому, там и погибли.

В общей сложности, за февраль месяц исчезло бесследно около ста птиц.

В течение марта месяца красноармейцами уничтожены: пара черных лебедей, египетский гусь, пара серых гусей, лань европейская, самка, и разорено множество гнезд, из которых взято 83 яйца.

Брошенной в пруд бомбой убита рыба и ранен серый гусь.

Май прошел при очень неблагоприятных условиях. Ни одного дня не обошлось без посещения Аскания-Нова солдатами. Больше всего зоопарк пострадал 19 и 20 мая от прохождения на Перекоп 3 бригады 15 дивизии, 27–29 мая, когда территория Аскании сделалась ареной боев.

Все места гнездовья птиц, главным образом фазанов, уток, гусей и лебедей, были запружены людьми, лошадьми и телегами. По гнездам ходили и ездили люди. По делу этого бесчинства была вызвана следственная комиссия, с военным следователем во главе.

В июне Аскания-Нова вновь была занята белыми войсками. Безобразие и своеволие в зоопарке достигли своего апогея. С шашками и палками в руках гонялись солдаты за животными и птицами, в каналах и прудах стирали белье, мыли бутылки из под вина и так загадили воду, что она стала вонять. В виду отсутствия подвоза топлива, машина остановилась и приток свежей воды прекратился; каналы и большой болотный пруд высохли.

В октябре, через Асканию-Нова проходила первая конармия Буденного и 44 бригада 15 дивизии. Результатом этого прохода войск явилось: смерть пяти страусов нанду, убиавшихся во время бегства; трупы (с огнестрельными ранами – оленя-аксиса, самца, лани белой, трех болотных журавлей, найденных с отрубленными головами и одного манчжурского журавля)

В ноябре месяце, на пруду зоопарка произошло настоящее избиение птиц. За одну ночь, с 1-го по 2-ое ноября, весь пруд покрылся яркими пятнами крови и вода в полынье заалела; кругом валялись трупы, отрубленные лапки, головы. В присутствии комиссии собрано всего 18 трупов птиц.

В эту же ночь разнuzданною толпою сожжен сарай и навес, служившие убежищем для животных, а также и корм, в размере 500 пуд. (люцерна и сено).

В ночь с 8 на 9 ноября был разбит забор зверинца, в 2 местах; через это отверстие 5 оленей – аксисов и свиной-оленок убежали в степь.

14-го ноября атласский баран, самец, найден в канаве, в степи, с перерезанным горлом; ноги его были связаны телеграфной проволокой, а на спине зияли две раны шашкой.

За декабрь месяц убито проходившими частями свыше двадцати весьма ценных плавающих птиц. Кроме того, один белохвостый гну пал от старой огнестрельной раны в боку. От той же причины пала и белая лань.

В 1921 году самым выдающимся событием в жизни зоопарка было следующее: в марте месяце, проходившей частью была разломана ограда зоопарка и выпущены на свободу в степь все антилопы сайгаки. Эта антилопа настолько дика, что несмотря на все старания, ее не удалось заманить обратно в парк – она до сих пор пасется на вольном пастбище и, конечно, обречена на гибель.

Все вышеизложенные данные касаются лишь того населения зоопарка, которое было принято на учет. Что же касается свободных обитателей Асканийского зоопарка – бесчисленных кавказских фазанов и диких уток, то их учесть трудно. Однако приблизительно можно сказать, что фазаны уничтожены на 80%, а утки – на 60%. Всего же погибло более трех четвертей населения зоопарка

В заключение, необходимо добавить, что латышские части сожгли всю мебель красного дерева, служившую необходимой обстановкой так называемого старого дома; погибли и ангальт-кетинские реликвии.

Таковы в общих чертах результаты моих наблюдений, произведенных в Аскании-Нова в половине сентября настоящего года.

Отрадным явлением служит лишь одно обстоятельство – разрушение прекратилось, началось созидание. Администрация Аскании, назначенная украинским правительством, делает все, что может делать для поддержания мирового заповедника. Однако для того, чтобы довести Асканию-Нова до прежнего цветущего состояния, необходим ряд героических мер со стороны правительств – Русского и Украинского, как в области материального обеспечения, так и в области экстренных отпусков к снабжению Аскании всем необходимым.

Надо помнить, что Аскания–Нова не есть достояние только Украины или даже России, - Аскания-Нова есть достояние всего культурного Востока, Запада и Америки. Индивидуальное творчество основателя зоопарка и заповедника не может не остаться блестящей страницей в истории прогресса юга России. Наследие этого творчества должно жить и еще более процветать на славу русской науки

П. Козлов.

Шарлемань М.

Перший державний Степовий Заповідник

«Асканія Нова»

Київ, 1921. 8 с.

Ще за період революційних часів не раз у науковій літературі та на різних з'їздах порушувалося питання про перетворення приватного тоді маєтку Ф. Фальц-Фейна „Асканія Нова“ (на Дніпровщині) з його заповідним степом, зоопарком і т. и. в національний заповідник. Чимало наукових праць, що присвячено переважно флорі асканійського степу та експериментальним біологічно-зоотехнічним дослідям і самому зоопаркові, де ті праці провадилися, було написано тоді ще про Асканію Нову.

Але тільки за революції без свого фундатора і першого ідейного керівника Ф. Фальц-Фейна, Асканія Нова нарешті осягла належного їй становища. Як виїхав за кордон власник її, вона стала спочатку державним маєтком, а в 1919 році, на підставі доповіді Секції Охорони Природи Сільсько-Господарськ. Наукового Комітету України, декретом Ради Народніх Комисарів від 1-го квітня, Асканію було перетворено в національний заповідник і передано у відання Наркомпросу.

За денкинської влади на Таврії Асканія Нова, хоч і була знову перетворена в державний маєток, але науковими її установами і працею в ній керувала особлива комісія Кримського Университету.

Коли під кінець 1920 р. радянська влада повернулася до Таврії, Асканія Нова спочатку перейшла, як культсовхоз державного значіння, у відання Центрального Управління Культсовхозів при Наркомземі. Тоді таки (в листопаді) Секція Охорони Природи Сільсько-Господарського Наукового Комітету України послала свого представника С. Снігиревського до Асканії Нової, щоби він дослідив її стан і виробив плян дальшої організації Асканії. В грудні минулого року Комітет через представника свого проф. О. Янату, скликав в м. Симферополі спеціальну нараду з наукових діячів, що безпосередньо за останніх років досліджували Асканію. Ця нарада мала кілька засідань, на них було вроблено ряд цінних докладів про стан і організацію окремих галузів наукових та науково-практичних робіт в Асканії: проф. М. Кузнецова та доц. Є. Кульфа про досліджування флори цілиного степу Асканії і про Ботаничний сад, проф. М. Іванова про зоотехнічні досліді, проф. В. Завадовського про зоопарк і досліді експериментальної зоології, агр. Я. Савченка про фитотехнічні досліді, проф. М. Клепініна про досліді з ґрунтознавства, проф. Сушкіна про дослідження степової фауни в Асканії. Крім того, нарада виробила на підставі доповіді проф. О. Янати проект організації управління Асканії Нової, як національного заповідника.

На початку січня ц. р. в Харкові при Наркомземі в справі Асканії Нової було організовано спеціальну комісію з представників Колегії Наркомзему, Сільсько Господарського Наукового Комітету України, Центрального Управління Совхозів, С.-Г. Відділу Наркомзему та самої Асканії Нової. Ця Комісія, розглянувши матеріали симферопольської Наради і представників Асканії, виробила проект декрету – Ради Народніх Комісарів в справі Асканії Нової та проект; „Положення“ що до управління нею. Проекти ці з деякими змінами ухвалила Колегія Наркомзему 20 січня ц. р. а 8 лютого Раднарком України затвердив декрет про перетворення Асканії Нової і маєтку Деренбург в „Перший Державний Степовий Заповідник України“.

Згідно з „Положенням“ постановою Колегії Наркомзему, 2 лютого ц. р., по представленню Сільсько-Господарського Наукового Комітету, були призначені; уповноважений у справах управління Асканією... Бучушкан і керовничий зоопарку зоолог... Фортунатов. Отже Асканія Нова, коли повернулася радянська влада, увійшла в б. м. нормальні тори, і життя її від того часу пішло більш менш нормально, як що не вважати на звичайні сучасні труднощі вести таке велике господарство і наукові установи що є в Асканії Новій. Це дало можливість змінити в липні ц. р. тимчасову конструкцію управління Асканії на сталу, при чому на директора Асканії, по представленні Сільсько-Господарського Наукового Комітету, призначено вчен. агронома Я. Савченка. На лагодження административно-господарської частини заповідника дало можливість С.-Г. Науков. Комітетові розпочати впорядковувати, старі наукові установи Асканії та Організувати нові. Головна з нових має бути Науково-Степова Станція в Асканії, 8 відділами: ботаничним, зоологічним, метеорологічним, гідрологічним і ґрунтознавства. Вже вироблено статут цієї станції, план її роботи, та обрахунки. Кредите на її утримання незабаром мають бути затверджені.

Через те вже комплектується персонал станції, при чому до зоологічного відділу станції крім С. Снігіревського, командировано вже і зоолога Караваєва. Так само і зоотехнічна станція починає організовуватися, а щоб організувати її відділ птахівництва командировано до Асканії спеціаліста Й. Маєвського. На початку серпня ц. р. спеціаліст Секції Охорони Природи С. Снігіревський приїздив з Асканії до Києва, привізши з собою цінні нові наукові матеріали про цей Заповідник і його зоопарк.

Взагалі треба зазначити, що в Секції Охорони Природи С.-Г. Н. К. У. зібралось вже дуже багато наукового матеріалу про Заповідник Асканія Нова, він цілком вже готовий до друку, і секція має незабаром розпочати видавати серію наукових збірників, що присвячені Асканії Новій, а також і популярну літературу про неї.

Що до загального стану Державного Степового Заповідника України „Асканія-Нова“, його степу, зоопарку, з його тваринним і пташиним населенням, то треба сказати, що протягом останніх років вони збереглися, рівняючі, досить добре. Більше ущербилось зоотехнічне господарство, зокрема вівчарство і племінна сіра українська порода скоту.

Зберегти Асканію багато допомогло те, що місцеве селянське населення цілком свідомо до неї ставилося, а також і те, що всі уряди, яким Асканії останніми роками доводилося підлягати, дбали за неї.

Шарлемань М.

Охорона природи

(фрагмент)

К.: ДВОУ, 1921. – 50 с.

...В межах України світову славу має заповідник Асканія Нова, яка містить в собі цілинний степ та зоопарк і знаходиться в Дніпровському повіті в Таврії. Заснував цей парк Ф. Е. Фальц-Файн. В Асканії збереглися в первісному стані дві ділянки в 500 і в 100 десятки незайманого степу, вкритого тирсою. В другому маєткові того ж нині покойного власника – „Єлисаветфельді“, в Мелітопільському повіті, знаходиться під охороною ще дві ділянки степу в 10 і 15 десятин. Зоопарк Ф. Е. Фальц-Файна користується світовою славою. Сюди приїздило багато західноєвропейських учених. Німецький професор Хег називає Асканію зоологічним райським садом. В зоопарку на волі, а також і в великих загородах, живе багато рідких тварин: різні антилопи, зубри, бізони, зебри, гну і т. и. Великою дивиною парку є дикі коні Пржевальського. Бізони, зубри, зебри, коні Пржевальського в наслідок парування мів собою і з свійською худобою та кіньми, дали цілий ряд гібридів. Особливо цікаві й красиві мішанці з зебрами, так звані зеброїди. Багато є також у парку різних птахів: водоплавних, фазанів, голубів, в'юркових і т. и. Африканський струсь (*Strutio camelus*) та американський нанду (*Rhea aipegаса*) тут чудово акліматизувалися і розплodжуються. За останні роки російське міністерство хліборобства улаштувало в Асканії біологічну станцію, щоб вивчати питання спадковости, гібридизації і т. и...

...На Україні, як це видно і з попереднього розділу, рух на користь охорони природи розпочався досить давно. Але широких розмірів набув цей рух тільки останніми роками, коли почалося державне життя нашої країни. Рух на користь охорони природи яскраво виявився на з'їздах, що відбулися в Києві. Так, Перший Всеукраїнський Агрономично-Економічний З'їзд¹, після доповідів автора цієї книжки, зробив постанову про потребу вжити заходів до охорони природи і щоб увести їх в життя, утво-

¹ Труды 1 Всеукраїнського Агрономично-Економічного З'їзду 23-26 жовтня 1917 року у Києві. Т. 1. Постанови З'їзду, ст.22, пар 67 (Авт.).

рити при офіції земельних справ відповідний орган. Такий орган було утворено при Генеральному Секретарстві Земельних справ на початку 1918 року. При Генеральному Секретарстві де-який час працювала також постійна природоохоронна комісія, яка складалася з діячів у справі охорони природи. Рівнобіжно з цим органом працював Краєвий Природоохоронний Комітет. Такий, самий комітет, завдяки проф. В. І. Талієву, існував і в давнішому центрі по охороні природи на Україні Харькові. Особливо багато уваги охороні природи присвятила попередня нарада 1-го з'їзду природників України, яка відбулася в Києві 3-6 вересня 1918 року. На нараді було відчитано шість доповідей про охорону природи: В. Талієва — „Охорона природи на Україні, в Росії й інших країнах“; П. Тутковського — „Геологічні забутки природи України“; В. Ніколаєва — „Охорона пам'яток природи на Полтавщині“; О. Янати — „Забутки природи Таврії й Криму і про діяльність комісії що до охорони природи і Кримського Товариства природознавців і любителів природи“; К. Залеського — „Сучасне становище охорони Асканія Нова“ та Л. Портенка — „Про діяльність Міністерства Земельних Справ що до охорони природи України“.

На підставі основної доповіді проф. В. І. Талієва, Нарада ухвалила такі постанови:

1. Охорона природи є невідкладна справа, яка має національне і народньо-господарське значіння.
2. Завдання охорони природи повинно прийняти на увагу при розв'язанні земельної справи.
3. При виробленні законів про лісництво, ловецтво і рибальство повинно, прийняти на увагу інтереси наукової охорони природи.
4. Для можливого переведення в життя охорони природи потрібне негайне виготовлення загального закону про охорону забутків природи і утворення національних парків (заповідних діляниць).
5. Щоб здійснити в життю ідею охорони природи і щоб об'єднати діяльність та пропаганду ідей охорони природи, треба встановити центральні та місцеві органи уряду — інспекторів, обраних з осіб, відомих своєю діяльністю в справі охорони природи.
6. Як на утримання органів уряду, так і на пропаганду ідей охорони природи і переведення їх в життя уряд повинен асигнувати відповідні кошти.
7. Ознайомлення з ідеями охорони природи повинно бути заведено в програми нижчих та середніх шкіл, а також в програми учительських курсів, семінарій та інститутів,
8. Розроблення законопроекту доручити Київському Краєвому Комітетові по охороні природи.

Ще гетьманський уряд, вважаючи на постанови наради дослідників природи України, намагався організувати при Міністерстві Земельних Справ окремий відділ охорони природи, бо фаховець, що був при міністерстві з часів Секретаріату, не міг дати

собі ради з цією роботою. Але здійснити цей намір гетьманське міністерство не встигло. При директорії справа охорони природи посунулась трохи вперед. При Вченому Комітетові Нар. Мін. Зем. Справ був організований окремих відділ охорони природи з відповідними уповноваженнями. Але встановилася Радянська влада і відділ охорони природи при Вченому Комітеті був перейменований в секцію. Секція охорони природи спромоглася дещо зробити. Наприклад, секція виробила проект закону про організацію заповідників для охорони дичини, проекти наказів про заборону полювання весною і глушення риби бомбами. Вироблений був також і проект закону про полювання, який цілком відповідає інтересам охорони природи. В основу цього закону ліг проект, що його розробив Комітет Полювання ще при гетьманському міністерстві. За найбільшу справу секції, треба, вважати допомогу, яку вона зробила Асканії Новій. Коли в Києві одержано було відомості, що Асканія залишилася без догляду, бо звідти виїхав останній її керівничий П. К. Козлов і що місцеві селяне роблять спроби заорати степову цілину, секція вжила заходів до того, щоб Асканія Нова була оголошена першим народнім заповідним парком України. Разом з Асканією, заповідником був оголошений і другий маєток Ф. Е. Фальц-Файна „Єлисаветфельд“, де є також діляниця цілинного степу. На удержання цих заповідників 1919 року за доповіддю Секції було асигновано 700.000 карб.

1922

[б/а]

Мечта о звере.

Вісти-Ивестия (Одеса) №732 від 17.05.1922. Шп. 2.

Нужен зоологический сад, настойчиво нужен Одессе. Он необходим детворе, как неперенное впечатление золотого детства... Нужен он и охваченному порывом к самообразованию рабочему, интересен и политически просвещенному красноармейцу. Москва в «Известиях Вцик» № 1516 напечатала отчет о своем национализированном зоосаде. Летом 1921 года в нем пребывало до 3000 экскурсий, каждый будний день здесь толклось от 100 до 500 посетителей, в праздники их число возросло до 10.000. А разве не испытала Москва голод? И тем не менее в зоосаде размножались белые медведи, зубры, страусы-эму, лани, туры, сибирские козы и всякие птицы. Постепенно наладилась доставка новых животных. Из Семипалатинска и Аскания Нова, из под носа у Одессы, доставлены их транспорты, кое какие звери попали с Азовского моря, из далекой Сибири, из степей Туркестана, из лесов Вологды. ...

Завадовский М.

Аскания-Нова

Красная Новь, 1922. №2(6). С. 286-298.

В сорока верстах к северо-востоку от Перекопа в Днепроовском уезде, Таврической губернии, находится широко известное миру имение б. Ф. Э. Фальц-Фейна Аскания-Нова. Это степной зоопарк, не имеющий себе равного по широте акклиматизационного опыта. По праву Аскания-Нова стяжала себе широчайшую известность, о чем свидетельствует литература на различных европейских языках. Нам известно более

сорока статей на русском языке, двадцать три на немецком, три на французском, три на польском и т. д.

О глубоком интересе к Аскании свидетельствует неоднократное посещение этого имения многими видными представителями европейской и русской науки (Гек, Матчи, Насонов, Сушкин, Козлов и мн. др.).

Чтобы читателю было ясно, чем была Аскания с внешней стороны в период своего мирного существования, я позволю себе процитировать страничку впечатлений 1913 года:

Аскания-Нова – это уголок далекого русского юга, расположенный недалеко от берегов Черного моря. Там легко дышится среди вольных степей, среди гомона птиц, среди мирно пасущихся представителей животного мира далеких стран...

Расположена Аскания среди ровной, неспаханной степи, на которой она кажется оазисом. 500 десятин целины, непосредственно прилегающей к парку, частью поросших высоким ковылем, являются достоянием обширных стад разнообразных парно- и непарнокопытных. Кругом – лишь широкая, глубоко задумавшаяся, дышащая спокойствием к вечеру, степь; или она же наивно лживая в жаркий солнечный полдень, когда желтоколосный хлеб, да редкие деревья на далеком горизонте погружаются в тихие зеркальные воды миража.

Непосредственно к дому владельца примыкает старый тенистый парк, полный жизни и движения.

Прежде всего вы попадаете в царство мелкой по преимуществу воробьиной и голенастой птицы, даже в Аскании томящейся за решетками. Меж растущих в обширных вольерах деревьев струятся ручьи чистой воды. Кругом поразительная чистота.

Многочисленные птицы то влетают через окошечки в зимнее помещение, где скрыты их гнезда, то забиваются в густую чашу листвы. Голенастые преследуют в воде добычу... Возня, писк, резвый полет говорят об относительно хорошем самочувствии узников. Кругом на полной свободе порхают канарейки и китайские соловьи.

Под ногами бегают маленькие, высиженные в инкубаторе южноамериканские страусы – нанду. Поодаль прохаживаются не боящиеся человека дрофы.

Вы направляетесь в парк, покрытый сетью каналов, где вас встречают важно и осторожно ступающие венценосные журавли. По каналу, рядом с аллеей, смело подплывают что-то шепчущие австралийские черные лебеди с молодым поколением, в еще сером пуху. Из-под ног то здесь, то там взлетают тяжелым лётom фазаны, в большом количестве населяющие парк и украшающие его яркими красками. Встревоженные, они наполняют стрекотом и парк и степь.

Когда остаешься один среди этой своеобразной природы, на минуту чувствуешь веяние первобытной нетронутости.

Вы выходите из парка на берег пруда... Открывается прекрасная панорама.

Сквозь просвет меж двумя островами с высокими берегами, поросшими кустарником и деревьями, виден противоположный неизменный берег пруда... Там – излюбленное место фламинго... Живописной группой они, в своем нежно-розовом оперении, с огненным цветом распростертого крыла, на высоких, стройных, карминово-красных ногах, с гибкими тонкими шеями, дают всему окружающему колорит изящества. Берега, склоны островов и вся водная гладь покрыты многочисленными видами гусей и уток. А дальше, за прудом, участок, поросший буйной травой степи; его населяют оригинальные патагонские зайцы, там щиплют траву австралийские гуси, прогуливаются журавли и цапли. Порой на холме, на фоне голубого неба, вырисовывается сильная и стройная фигура оленя.

Идете берегом пруда... Утки, гуси проворно бросаются в воду. Спокойно проплывают белые, черные австралийские, белые с черной шеей южно-американские лебеди.

Миновав окаймленный парком берег, вы вышли на открытое ровное место...

С криком поднялось стадо огорей и нильских гусей и, покруживши над прудом, потянуло в сторону. Опустилось в степи.

Затрубили зычно лебеди, заготали гуси, закрикали утки...

Легко дышится среди гомона пернатого царства.

Поплыли красавицы краснозобые казарки... Вот пускает пузыри по водной глади японский красный карп – хигон.

Фламинго, завидев человека, осторожно отходит на середину пруда. Красивые австралийские гуси, проводящие почти весь день на суше, направляются из предосторожности к воде. Вдали прохаживаются и, изредка сделавши своеобразное па, расставивши крылья подобно аэроплану, кружат друг вокруг друга венценосные журавли.

Сворачиваете налево по широкой полосе низкорослой травы... Близко подпустивши, комично прыгая на все четыре ноги, как на деревяшках, поскакали патагонские зайцы и, чудно поводя ноздрями и насторожившись, вновь уселись поодаль.

Оглядываешься и дивишься: сколько любви, сколько внимания, забот, средств затрачено на создание и поддержку этого уголка. Пруд искусственно заполняется водой... Исчезни водопроводные трубы... выпило бы жаркое южное солнце его воду.

Как обдуманно оформлены берега прудов и островов; здесь и крутые и пологие, сухие и болотистые, поросшие и голые участки. Выбирай, птица, какое нравится пристанище.

Подходим к забору... Нанду подает знаки своему многочисленному потомству и уводит его в сторону...

Подымаемся по лестнице на вышку, представляющую собою площадку, расположенную над забором. В степи живописными группами расположились представители млекопитающих. Здесь: оленебыки, козероги, бубалы, нильгау, блесбоки, прыгуны, гну, гарны, маралы, благородные и свиные олени, аксисы, лани, муфлоны, гривистые ба-

раны, газели, ламы, сайга и т. д. Вдали прыгают кенгуру, поводят крыльями страусы, одиноко бродит эму. Родственные формы держатся группами несколько обособленно. Одни мирно пасутся, другие отдыхают, третьи, упершись лбами, скрещивая рога, пробуют осилить друг друга.

Время-от-времени кто-либо из животных энергично стучит рогами о ветви сухого срубленного дерева, брошенного среди жаркой степи.

Немного в стороне, у искусственно-поддерживаемого водоема, дает небольшую тень группа деревьев.

Около 6-ти часов вечера картина меняется. На поле привозят арбу-две кукурузы, которой с большой охотой лакомятся животные.

Открывается оригинальное шествие... За арбами доверху наполненными кукурузой, нетерпеливо шествуют тяжеловесные оленебыки, стройные миниатюрные газели и антилопы гарна, ветвисторогие олени и горбоносая сайга, гордые козероги, антилопы-прыгуны, важные ламы, желтые бубалы, белолобые быки, скромные лани, а откуда-нибудь, галопом, нагнувши бородатые морды, вертя поднятыми кверху хвостами, комично подбрасывая заднюю часть корпуса, скачут голубые, полосатые гну. Спокойно выступают величественные африканские страусы, застенчивые нанду и надоедливые эму.

Прогулка среди мирно щиплющих траву животных доставляет истинное наслаждение. Лишь пугливые кенгуру да осторожные козероги, сайгаки и гарна не позволяют близко подойти к ним.

Есть и буйны-самцы, но они по-одиночке сидят в загонах.

В стороне от парка находятся загоны, где содержатся старые бодливые зубр и бизон куда на ночь загоняют часть животных, пасущихся на вольном пастбище. С чувством глубокого удовлетворения смотришь на стада яков, зебр, оленебыков, оленей гну, лам, нильгау и других, пасущихся на совершенно открытой, вольной, поросшей густой высокой травой степи. Животные весь день проводят в степи, а вечером под руководством верховых пастухов направляются к загонам.

Еще дальше, в стороне, пасется рогатый домашний скот в перемежку с зубрами, бизонами, зубро-бизонами, зубро-быками, бизоно-быками и другими гибридами. Что-то грозное и могучее чувствуется в их громоздких, крепких фигурах и диких налитых кровью глазах, провожающих любопытствующего.

От стада парнокопытных отправляемся к табуну лошадей, в котором ходят дикие лошади Пржевальского и гордость Аскании зеброиды.

Кругом жизнь... жизнь полная красок и содержания для испытателя природы...

Но Аскания интересна не только своей необычной показной стороной, а также теми серьезными опытно-научными тенденциями, которые, видимо, прочно начинают прививаться в этом замечательном учреждении.

Все вышеуказанное привлекло внимание русского правительства мирного времени и Временного, которые поставили на очередь вопрос о приобретении Аскании-Нова в собственность государства, как национального заповедного и опытного государственного имения. Планы о национализации Аскании осуществлены Советской властью.

Внимание русского правительства к Аскании-Нова еще ранее выразилось в том, что при указанном зоопарке была учреждена хорошо оборудованная зоотехническая лаборатория, находившаяся в заведывании министерства внутренних дел. Были арендованы специальные постройки и сооружены вольеры и загоны.

В Аскании-Нова мы устраиваем следующие весьма ценные составные части:

- а) собственно зоопарк со степными пространствами и ботанический сад,
- б) участок заповедной степи 500 десятин,
- в) зоотехническая лаборатория,
- г) отделение опытной зоотехнической станции Петровской с.-х. академии,
- д) музей при зоопарке,
- е) библиотека,
- ж) благоустроенная экономия и земельные угодия.

Зоопарк характеризуется прежде всего тем, что разнообразные представители животного мира разных стран света находятся на полной свободе в открытой Таврической степи в естественных природных условиях.

Участок земли, предоставленный животным, обнимает собою: около 500 десятин собственно степи, 36 десятин зоопарка, из коих $\frac{2}{3}$ заняты степью и прудом и $\frac{1}{3}$ парком, 70 десятин ботанического сада, 20 десятин площадь внешнего пруда в полуу воду.

Животные и птицы частью находятся на полной свободе в парке, в степи, ботаническом саду, частью размещены в хорошо оборудованных постройках и вольерах.

К 1 июня 1920 года в Аскании насчитывалось 237 млекопитающих 30 видов и 1.420 птиц 119 видов.

Заповедная степь обнимает 500 десятин и представляет собой огромную научную ценность, как „памятник природы“. Она дает представление о естественном ходе эволюции степной растительности без грубого непосредственного вмешательства человека.

Зоотехническая лаборатория¹ размещалась в 4-х комнатах в заарендованном государством небольшом доме. При лаборатории находилась квартира заведующего, постройка для опытных животных из 5-ти изолированных помещений и три просторных вольера. На другом конце экономии находится домик с квартирой ассистента и помещение для животных; в ста, приблизительно, саженьях расположены принадле-

¹ Организована проф. Ильей Ивановичем Ивановым.

жащие лаборатории загоны для крупных млекопитающих. Лаборатория была оборудована микроскопами и иным научным инвентарем.

Отделению опытной зоотехнической станции Петровской с.-х. академии было предоставлено помещение на окраине экономии в районе так наз. цегельни.

Музей при зоопарке, в котором собраны коллекции чучел животных, павших в Аскании-Нова и убитых на перелете, представляет также значительную ценность; в нем собраны коллекции местной перелетной птицы, представляющие наибольший интерес, коллекции птичьих яиц; имелся, но в настоящее время погиб, весьма ценный гербарий степной растительности, собранный Почесским и Ф. Э. Фальц-Фейном; имеется весьма ценная коллекция черепов домашнего рогатого скота и его диких родственников, черепа дикой монгольской лошади; хранится археологическая коллекция из местных курганов, коллекция негативов 1.500 штук снимков из жизни Аскании-Нова и пр.

Библиотека научного содержания, небольшая по размерам, обнимает литературу по естествознанию, географии и сельскому хозяйству с отделом об Аскании-Нова, всего 562 названия на русском, немецком, английском, французском и польском языках.

Экономия и земельные угодия обнимают площадь в 20.000 десятин земли.

Экономия, в свое время весьма благоустроенная, включает в себя два больших дома самого владельца Ф. Э. Фальц-Фейна, из коих один в два этажа, приезжий дом, дом для конторы, родового архива и кладовой, обширные хозяйственные постройки, школу, церковь и более 15 построек для служащих. В экономии имеется электрическая станция, хорошо оборудованная мастерская, кирпичный завод. Вода подается водонапорной башней большой емкости, которая и обеспечивает в значительной степени существование этого мирового учреждения.

До 1917 г. посевная площадь обнимала 3000 десятин, сенокос 8.000 десятин, выпас 3.000 десятин.

Крупное овцеводство экономии насчитывало более 45.000 голов, рогатый крупный скот насчитывал более 1.000 голов; был свой конский завод.

Современное положение Аскании-Нова.

Бывший владелец имения, создатель и вдохновитель Аскании-Нова Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн, покинул Асканию-Нова более 4-х лет тому назад и с той поры не имеет с ней связи; в настоящее время он лежит в могиле в Германии.

Хозяином Аскании является Украинская Советская Республика.

Зоопарк вследствие военных действий, постоев войск обеих борющихся сторон, пострадал, главным образом, в смысле уменьшения численного состава животных, что выражается в следующих цифрах: млекопитающих к 1-му января 1920 г. числилось 284 штуки 37 видов, к 31 мая 1920 г. их состояло 237 штук 30 видов; летом 1921 г.

насчитывается 27 видов. Часть из оставшихся редких млекопитающих обречена на вымирание, если своевременно не будут приняты меры. Я имею в виду белохвостых гну и козерогов, среди которых остались только самцы, и голубых гну с антилопой и нильгау, среди которых остались только самки.

Птиц к 1 января 1920 г. насчитывалось около 2.376 шт. 151 вида, к 31 мая 1920 г. их состояло около 1.420 шт. 119 видов. Число их значительно сократилось в 1921 г. и пало ниже 100 видов. Фазаны, в массах населявшие зоопарк и ботанический сад и наполнявшие звуками парки и степи, значительно убывли в числе. Причиной тому – сокращение числа выводков и яйцекладки, что стоит в зависимости от передвижения в степях Аскании воинских частей в 1919, 1920 и 1921 годах. Передвижение воинских масс совпадало с весенним периодом.

Что касается рыб, то большая часть из них погибла вследствие безобразий проходящих воинских частей и недостатка воды в каналах и прудах; последнее находит себе объяснение в сокращении деятельности водонапорной станции, из-за недостатка топлива. Дальнейшее уменьшение подачи воды грозит вызвать полное осушение водоемов, могущее повлечь за собой очень крупные потери в водяной птице, в оставшейся рыбе и среди растительных насаждений, за невозможностью производить поливку последних.

Загоны, изгороди, вольеры в некоторых местах разобраны и требуют немедленной починки.

Заповедная степь полностью сохранилась, ввиду отсутствия каких бы то ни было запашек на земельных угодьях Аскании-Нова.

Зоотехническая лаборатория наиболее пострадала: увезены и украдены микроскопы, уничтожена часть реактивов, погибли опытные животные, весь инвентарь лаборатории приведен в хаотическое состояние, вольеры разобраны.

Музей сильно пострадал в течение последнего года: совершенно уничтожены коллекции яиц, собиравшихся в течение 25-ти лет, бабочек и насекомых. Совершенно сожжен гербарий, увезена коллекция старинного оружия, сорваны этикетки с большинства шкурок птиц, уничтожены этикетки на археологической коллекции, около $\frac{1}{3}$ чучел испорчено, из 1.500 негативов, хранившихся в музее, – уцелело 1.000 штук наиболее ценных.

Несмотря на эти серьезные разрушения можно констатировать, что наиболее ценные коллекции сохранились; так, сохранилась представляющая большой научный интерес коллекция птиц, убитых на перелетах через Асканию; цела коллекция шкур и черепов млекопитающих.

Библиотека в значительной своей части уничтожена: часть увезена офицерами добровольческой армии при отступлении, часть разобрана и сожжена советскими частями.

Экономия. Разрушения в экономии коснулись по преимуществу жилых помещений, сельскохозяйственного живого и мертвого инвентаря. Совершенно уничтожена, – увезена или изломана, – обстановка домов владельца, приезжего дома и конторы; частью разорены изгороди; разорен мертвый с.-х. инвентарь. Сокращение живого с.-х. инвентаря выражается в следующих цифрах:

	Было ранее	Имеется к 1 июня 1920г.	Всего убыло
Лошадей	400	51	396
Волов	1000	50	950
Коров	300	4	296
Бугаев производителей	6	6	-
Верблюдов	120	86	34
Свиней	200	68	132
Овец	45.000	5.000	40.000

Число животных сельскохозяйственного назначения значительно сократилось в период октябрьских боев 1921 г., но в настоящее время имеет тенденцию к повышению в связи с энергичными мерами государственной власти. В частности количество голов овец возросло до 8-ми тысяч, возросло количество лошадей и коров.

Электрическая станция, водонапорная башня, мастерская и кирпичный завод сохранились.

Общий итог: Аскания продолжает в своем израненном виде сохранять свою мировую ценность и требует к себе прежнего концентрированного внимания.

Зоопарк можно считать сохранившимся и обеспечивающим дальнейшую научную работу.

Восстановление многого из утраченного возможно и в нынешних условиях².

Научная и хозяйственная заслуги Аскании-Нова.

В обществе существует не совсем правильное представление, что Аскания-Нова – всего лишь необычайный зоологический сад, в котором животные бродят на просторе

² Будучи в Аскании-Нова с 1919 г. сначала во главе научно-учебной экспедиции, организованной унив. им. Шанявского, затем с 1920 г. заведующим научными учреждениями и зоопарком Аскании, по избранию Крымского университета, я был свидетелем тяжелых дней этого мирового учреждения, которое понесло немалые потери, находясь в котле гражданской борьбы. Аскания страдала более всего от отходящих воинских частей, независимо от их окраски. Решительные усилия власти сберець Асканию все же достигли цели.

Моиими предшественниками, – попечителями об Аскании-Нова в трудные годы, – были проф. Почесский и известный путешественник Козлов. Последний едва не погиб на своем посту в начале 1919 года.

степей в естественной обстановке. По существу же Аскания-Нова представляет собою огромное опытное учреждение научно-теоретического и прикладного характера, пребывавшее, правда, без надлежащего единого научного руководства, но и в таком виде уже давшее и еще более обещающее дать весьма ценное наследство.

Необходимо подчеркнуть, что для Российского государства, оскудевшего не только мертвым, но и живым хозяйственным инвентарем, подобное учреждение может и должно оказать неоценимые услуги в деле строительства и воссоздания нормальной хозяйственной жизни. Русское сельское хозяйство в ближайшее же время потребует и уже требует немедленной помощи в деле воссоздания скотоводства; взять хотя бы овцеводство, которое быстро угасает на юге России, или, вернее, почти сведено на нет, в то время, как весь мир переживает острую нужду в шерсти. Россия, особенно Туркестан и Закаспийская область, изобилуют степными пространствами, негодными для полеводства, но весьма подходящими для овцеводства. Однако может оказаться, что не будет овцы. Опытное овцеводное хозяйство Аскании, достигавшее в мирное время более 45.000 голов, еще тлеет и заботливым уходом еще может быть возрождено. По свидетельству проф. М. Ф. Иванова, оно могло бы послужить рассадником этого рода хозяйства по всей Руси. В Аскании еще сохранились производители знаменитого Фальц-Фейновского рогатого скота. Сохранился конский молодняк в числе 25 голов прекрасной крови. Сохранились верблюды. Необходимо приложить усилия к поддержанию и развитию всего этого. В том – государственная и хозяйственная нужда настоящего момента, заботы о которой не терпят отлагательства, так как скоро может быть слишком поздно.

Но это лишь небольшая часть Аскании и не она стяжала к себе внимание мира. Аскания в своем научно-хозяйственном развитии уходит далеко за пределы обычных наших представлений. В немногих словах попытаемся осветить эту сторону заслуг Аскании-Нова, – заслуг, которых можно ожидать в будущем еще больше.

Местом научной работы в Аскания-Нова являются зоопарк, как таковой, зоотехническая лаборатория, отделение опытной зоотехнической станции Московской с.-х. Петровской академии и заповедная степь.

Уже при взгляде на африканских и американских страусов, сопровождаемых молодым выводком, на молодых оленебыков, гну, нильгау, яков, диких лошадей Пржевальского, зебр, оленей, муфлонов, сайгаков и т.д., родившихся и подросших в Аскании, становится ясным, каких больших успехов достигли в этом питомнике в деле акклиматизации животных, часть из которых может иметь не малое хозяйственное значение.

Так, например, сделана попытка акклиматизировать в Аскании крупную антилопу, оленебыка, которую практические англичане на юге Африки сумели использовать как прекрасный убойный скот. Гастрономы считают мясо этой антилопы луч-

шим вкусовым блюдом. Насколько в общем удачна эта попытка акклиматизации и одомашнения оленебыка видно из того, что из двух особей, ввезенных в Асканию в 1894 году и одного самца в 1907 году, в 1919 году образовалось стадо в 21 голову, несмотря на то, что Ф. Э. Фальц-Фейн щедро дарил их, даже группами, в ряд зоологических садов.

Делалась попытка испытать оленебыка, как очень сильное животное, в роли рабочего скота; лишь события последних лет оборвали этот ценный опыт.

Хорошо акклиматизировались и успешно множатся в Таврической степи: южноамериканское нагорное вьючное животное – лама, индийский рабочий скот – зебу, тибетский як и т. д.

Весьма интересны в хозяйственном отношении попытки улучшения пород домашнего скота, лошадей и овец, путем скрещивания их с их дикими родичами. Силомер и практический опыт Аскании показали, что полученные там помеси зубра и быка, бизона и быка, зубро-бизона-быка много сильнее (в полтора раза) и работоспособнее, чем наш рогатый скот; к тому же эти помеси плодовиты. Помеси лошади и зебры, так называемые зеброиды, в полтора раза сильнее нашей домашней лошади и прекрасно выполняют хозяйственные работы в Аскании, как и помеси дикой монгольской лошади Пржевальского с домашней лошастью. Хороший рабочий скот получается путем скрещивания яка и нашего рогатого скота.

Мало того, Аскания представляет собою исключительное учреждение в смысле масштаба опыта одомашнения диких животных, и при первом взгляде не может не поразить все разнообразие копытных млекопитающих, гусей, уток, куриной и иной птицы, которая, имея родиной Африку, Азию, Америку и Австралию, но вскормленная рукой человека, ходит по его пятам.

В высшей степени крупная роль выпала на долю Аскании в деле разработки вопроса об искусственном оплодотворении млекопитающих. Масштаб, в котором были поставлены опыты искусственного оплодотворения лошадей, рогатого скота, овец, свиней, морских свинок, крыс, кур, инициатором этих опытов проф. Ильей Ивановичем Ивановым, послужил не только к развитию метода для чисто научных, но и хозяйственно-технических заданий. Широкое применение метода искусственного оплодотворения в земской практике во многих концах России говорит, что ему может принадлежать практическое будущее. Практические выгоды очевидны при умелом пользовании методом: один ценный самец производитель может обслужить большее, чем при нормальных условиях количество маток (в 8 раз). Зародышевые клетки ценного производителя можно пересылать на дальние расстояния, не рискуя пересылкой самого производителя. Можно осуществлять скрещивания там, где этому имеются в нормальных условиях препятствия и т. д. Научно-теоретическое значение метода искусственного оплодотворения животных с внутри-утробным оплодотворением

чрезвычайно велико и делает доступным целый ряд новых проблем теоретической и технической природы, которые частью получили свое развитие в лабораториях Аскании-Нова.

Аскания-Нова, как опытное учреждение, многое осуществило и многое может осуществить при должной организации. Практические янки не жалеют средств на создание большого количества богато оборудованных исследовательских институтов экспериментальной биологии, очевидно учитывая те широкие перспективы зоотехнии и фитотехнии, которые дал и еще более обещает дать двадцатый век и развитие которых невозможно без научно-теоретической базы. Аскания-Нова во многих отношениях уже в настоящем своем виде осуществляет подобное исследовательское экспериментально-биологическое учреждение, единственное по масштабу у нас в России.

Из работ экспериментального характера в Аскании-Нова, помимо упомянутых, имеющих прикладное значение, заслуживает внимания широко поставленный опыт акклиматизации в Таврической степи различных млекопитающих и птиц южного полушария и экваториальной полосы, обитателей горных областей Азии и Южной Америки, лесов Сибири и степей Северной Америки.

Серьезный интерес для биолога представляет стадо ветвисторогих маралов и благородных оленей, переведенных рукою человека из тенистых лесов в жаркую степь; из нескольких штук, купленных в 1894 и 1907 г.г., стадо разраслось до 48 голов в 1919 г. Лань, купленная в числе нескольких экземпляров в 1893 г. и 1900 г., насчитывается в 1919 г. в числе 23 голов. Из пяти свиных оленьков 1913 г. в 1919 г. образовалось стадо в 14 голов; из четырех оленей аксисов в 1913 г. в 1919 г. образовалось стадо в 13 голов и т. д.

Олени имеют и промысловое значение по сбыту рогов в Китай. Один олень в довоенное время мог давать до 700 рублей в год.

Могучие фигуры зубров, украшающие чащи Беловежской пуши, так же успешно, как и бизоны – обитатели степей Америки, рядом с оленем, вытаптывают ковыльную степь Таврии. Обитатели гор, муфлоны и гривистые бараны, проявляют нормальную производительность в Асканийских степях; жители тропических жарких стран – страусы выносят заморозки севера черноморских побережий.

Весьма интересны иллюстрации того, как организм, применяясь к температурным условиям новой родины, меняет условия теплоотдачи; например – белохвостый гну, обитатель Африки, не знающий на родине, что такое стужа, на зиму надевает теплую густую шубу, применяясь к необычному климату юга России.

Интересны перемены в проявлениях инстинкта: так южно-американский белый лебедь с черною шеей, австралийский черный лебедь и Магелланов гусь, применительно ко времени года Северного полушария, на пол года изменяют время кладки яиц. Рядом эму и Австралийский куриный гусь упрямо сохраняют свои привычки жи-

телей Южного полушария, – кладут свои яйца и высидывают их в стужу нашей зимы, иллюстрируя тем неподатливость своих организмов.

Много мыслей будит у биолога этот обширный, собранный нами опыт, о которых не место, впрочем, говорить в короткой статье.

Заслуживают внимания попытки вернуть Таврической степи, что ею было утеряно. Я имею в виду опыты ре-акклиматизации небольшой антилопки – сайги, неведомой силой оттесненной от берегов Днепра к берегам Волги в Астраханские степи.

Стада зайцев, достигавшие в осеннее время нескольких тысяч голов, норки тушканчиков, парк, населенный пернатыми юга России, подчеркивают насколько велики заслуги Аскании в деле сохранения местной фауны, а заповедная ковыльная и типчаковая степь говорит о сохранении местной степной флоры. Это „памятники природы“, бесценные для летописи природы, которые ценить по-настоящему мы научились слишком поздно, когда многое уже исчезло бесследно.

Богата Аскания материалами для выяснения законов наследования при скрещивании особей разных видов (бизона с зубром, бизона с домашним рогатым скотом, зубра с рогатым скотом, яка с рогатым скотом, зебры с лошадей, лошади с дикой лошадей Пржевальского, овцы с муфлоном, олене-козы с джейраном, серого гуся с белым полярным, канадской казарки с серым гусем, нильского гуся с огором, индийского с гумменником, маньчжурского журавля с серым и т. д.). Насколько важны законы наследования и для практической жизни видно из того, что их печать лежит на законодательстве Америки и ими руководствуется животновод и растениевод в рационально поставленном хозяйстве. Видовая гибридизация, помимо чисто практических выводов, обещает пролить свет на основную проблему формотворчества в природе, на проблему видообразования.

Аскания в этом направлении дает богатейший материал, который еще далеко недостаточно использован.

Весьма важная и с теоретической и с практической точки зрения проблема бесплодия при скрещивании особей разных видов уже получила и обещает дальнейшее освещение на Асканийском материале. Так помеси лошади и зебры бесплодны и в женском и в мужском потомстве, помеси зубра или бизона с рогатым скотом плодовиты в женском потомстве, бесплодны в мужском; помеси дикой лошади Пржевальского с домашней, – плодовиты и в женском и в мужском потомстве. Бесплодие, как показали исследования И. И. Иванова в Асканийской лаборатории, объясняются неразвитием зародышевых клеток; выяснение причин последнего составляет очередную задачу для той же лаборатории.

Аскания для целого ряда проблем, уже упомянутых и оставленных без упоминания из-за недостатка места, незаменима. Она экспериментатору дает простор при выборе материала. Обычные институты экспериментальной биологии вынуждены

вращаться в кругу обычных домашних и лабораторных животных – морских свинок, кроликов, крыс, мышей, кур и немногих других. Аскания выносит опыт в природу и дает возможность по проблеме выбирать объект, – в связи с богатством и разнообразием объектов, расширять круг проблем.

Упомяну свои опыты (1919–1921 года), которые привели к превращению петуха в „курицу“ и курицы в „петуха“³.

Искусственная курица несла типичное куриное перо, головной убор и откладывала яйца в полость тела. Искусственный петух, превращенный из курицы, имел петушьи: перо, шпоры, головной убор, голос и инстинкт со всеми его проявлениями. В привитых семенниках прекрасно развивались нормальные сперматозоиды.

Превращение достигнуто путем пересадки: яичника предварительно кастрированному петуху и – семенника кастрированной курочке.

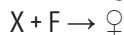
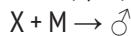
Замечательно, что уже только кастрация курочек вела к появлению у кастрированной особи петушьего пера и шпор.

Кастрированные петухи и куры поразительно похожи друг на друга; их тип организации может быть назван внеполовым типом.

Дальнейшее экспериментальное исследование показало, что то же положение распространяется на фазанов, уток и, очевидно, прочих птиц.

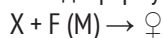
Из своих опытов мы убедились, что признаки пола формируются в результате взаимодействия клеточной ткани (X) и особых химических агентов (Y), которые носят название гормонов и отделяются половыми железами. Яичник отделяет феминизин (F), семенник отделяет маскулинизин (M).

Клеточные ткани самца и самки подобны друг другу. Дифференцируется эта ткань (X) в самца, под воздействием M, и в самку, под воздействием F:

Однако выяснилось, что яичник курицы содержит не только феминизин, но и маскулинизин.

Отсюда формула самки –

Исследования на антилопах нильгау, антилопах гарна, ланях, козулях, быках, баранах и человеке привели нас к выводу, что у млекопитающих отношение иное, чем у птиц. Серый самец нильгау после кастрации надевает рыжий наряд самки, черно-бурый самец гарны надевает бледно рыжий наряд своей самки, мужчина после кастрации лишается бороды, усов, низкого голоса, т.е. мужчина приобретает женоподобные признаки, и т. д.

³ См. М. Завадовский. Пол и развитие его признаков (к анализу формообразования у животных). Госуд. Изд. 1922 г.

Таким образом у птиц признаки внеполого существа, особенно покровы, близки к признакам самца, у млекопитающих признаки внеполового существа близки к признакам самки.

Экспериментальное исследование явлений передачи по наследству признаков в связи с одним полом дало возможность убедиться, что столь различные методы, как тот, которым пользовались мы, и тот, которым пользуется наука о наследовании (генетика), приводит к принципиальному сходному решению проблемы пола.

Опыты с утками, когда самка в результате кастрации надевала яркий „брачный наряд“, показали нам, что этот наряд не зависит от функции семенника, а является признаком внеполовым. Эти результаты опытов создают потребность снова критически пересмотреть теорию полового отбора, созданную Дарвином.

Дальнейшие опыты показали, что проявление у некоторых стареющих женщин подобия бороды и усов, появление серого пигмента у стареющих самок антилопы нильгау и рогов – у старых самок коз, не есть показатели того, что самка млекопитающих содержит на-ряду с F и M, т. к. эти признаки развиваются к старости и у кастрированных самцов.

В Аскании же Б. М. Завадовским были поставлены опыты по выяснению роли щитовидной железы в зимней спячке (на сусликах) и в смене пера и выпадению пигментов у птиц (на курах).

Напомним опыты И. И. Иванова по влиянию острого алкогольного отравления родителей в момент зачатия на потомство, поставленных на овцах; его опыты по влиянию разных агентов на зародышевые клетки самца и через последних на потомство, что стоит в связи с опытами искусственного оплодотворения, и опыты влияния перезревания половых продуктов на соотношение самцов и самок в потомстве.

Аскания дала материал для выяснения вопроса – сказывается ли на потомстве данного года случка предшествующего года с другим производителем (лошадь – зебра) и т. д.

Помимо Государственной Зоотехнической Лаборатории, возглавляемой до 1919 года Ильей Ивановичем Ивановым, в 1919 и 1920 г.г. мною, Московская С.-Х. Петровская академия имела в Аскании свое Зоотехническое Отделение, которое уже дало ряд научных прикладных исследований в области практического овцеводства под руководством профессора Михаила Федоровича Иванова:

- 1) по оплате кормов разных пород овец,
- 2) по влиянию разных кормов на качество шерсти,
- 3) по влиянию разных кормов на развитие плода.

Наконец, необходимо отметить, что заповедный степной участок (500 десят.) оказал в исследованиях Почесского и окажет еще более в будущем, неоценимую услугу делу выяснения эволюции степного покрова в его естественных условиях и делу выяснения эволюции почв.

Сохранение образца степи, который повсеместно безжалостно уничтожается человеком во имя своих практических потребностей, является насущной потребностью.

Полагаем, что этого беглого и неполного обзора тем, которые были разработаны на асканийских материалах, достаточно, чтобы очертить Асканию-Нова, как опытное научное учреждение, дающее необыкновенный простор теоретической и прикладной мысли.

Аскания-Нова из прекрасного акклиматизационного степного зоопарка за последние десять лет выросла в крупное исследовательское учреждение, которое ожидает еще большая будущность, если усилиями культурных сил удастся ее сохранить.

Остается прибавить, что опыт работы в Аскания-Нова с группой сотрудников студентов убеждает меня в том, что Аскания уже оказала, может и должна оказать в будущем совершенно исключительную услугу нашему высшему образованию своими богатейшими материалами.

Наши сельскохозяйственные высшие школы хронически страдают недостатком опытных учреждений, где бы исследователь-ученый мог в широком масштабе поставить хозяйственный опыт, где бы студент на образцовом хозяйстве мог бы воочию убедиться в преимуществах рационального ведения дела и, главное, приобрести серьезный практический навык. Высшей агрономической школе нужны Аскании, как научно-исследовательские и учебно-вспомогательные учреждения, и если бы их не было, их необходимо было бы создать.

В настоящее время перед Республикой стоит вопрос, в какой форме использовать природу Аскании.

Мы полагаем, что при определении дальнейших судеб Аскания-Нова прежде всего следует помнить, что Аскания-Нова не только заповедник с акклиматизационными и натурализационными заданиями, что Аскания-Нова не зверинец, преследующий исключительно-культурно-просветительные цели.

Аскания-Нова преследовала и должна преследовать в будущем задачи опытного исследовательского учреждения.

Организация опытно-биологического отделения, в первую очередь, диктуется всей историей существования Аскании-Нова, ее традициями, ее славой в этой области и заветами ее создателя...

Внимание, которое западно-европейская пресса уделяет Аскании, надеюсь, служит аргументом в пользу больших планов.

И. П.

Сільсько-господарська наукова діяльність на Україні

Вістник сільсько-господарської науки, 1922. Т. 1., ч. 1. С. 30.

Пленум С.-Г. Наукового Комітету України. 24 червня 1922 р. відбулося досить численне прилюдне засідання Пленуму Комітету при участі проф. С. Веселовського, доц. І. Щоголева, доц. М. Данилевського, проф. О. Янати, А. Носова (Президія Комітету), проф. П. Лавренюка, акад. П. Тутковського, акад. Б. Срезневського, проф. В. Обремського, проф. Опокова, проф. Н. Малюшицького та інших членів Комітету по вибору та посадах. Всього було присутніх по-над 30 членів Комітету і багато гостей.

...Заслухано доклад Голови Секції Охорони Природи М. Шарлеманя про призначену на 30 червня 1-шу Сесію Асканійського Комітету та про делегування на сесію представників С.-Г. Наукового Комітету. Ухвалено всі заходи й постанови Президії Комітету в справі участі Комітету у цій Сесії і затверджено на представників до Сесії від Комітету: проф. С. Веселовського, проф. О. Янату, О. Москвичова, В. Різниченка, і проф. Є. Опокова та доц. Хв. Левченка...

Котов М.

1-я сессия Асканийского Комитета (Современное состояние 1-го Государственного Заповедника «Аскания Нова»)¹

Наука на Украине, 1922. №4. С. 370.

1-я сессия Асканийского Комитета² верховного органа по управлению Заповедником, имела место в самой Аскании Нова от 4-го по 10-е июля с. г.

Сессия имела 15 заседаний. На сессию съехалось значительно менее представителей, чем предполагалось. Совершенно отсутствовали на ней представители Р. С. Ф. С. Р.; из Крыма был только С. А. Дзевановский от Крымского Общества Естеств. и Любителей Природы. Остальные были представителями Украины: г. Харькова, г. Киева и г. Ни-

¹ Официальный отчет В. Різниченко о 1-й сессии недавно напечатан в «Вістник'є Сільсько-Господарської Науки». Т. I, вып. 1. (Видавничє Бюро С.-Г. Наукового Комітету України, Київ, 1922 року, стр. 16–19).

² См. в № 3 «Наука на Украине» мою заметку «О предстоящем созыве 1-й сессии Асканийского Комитета» (стр. 253), а также статью проф. А. А. Яната «Аскания Нова» с № 2 «Наука на Украине».

колаева. Присутствовали: член коллегии НКЗ А. Л. Трилиссский, председатель Всеработземлеса А. Я. Кедер, представители НКЗ: проф. М. А. Егоров, О. Ф. Гельмер, М. И. Котов, проф. П. Н. Крафт-Палеев, проф. Д. К. Педаев; сельскохозяйственного Научного Комитета – проф. С. Ф. Веселовский, С. М. Москалев и проф. А. А. Яната; инспекториата охраны природы – проф. А. С. Федоровский; Всеукраинской Академии Наук – В. А. Караваев; Украинского Геологического Комитета – В. В. Резниченко; Главпрофобра – Н. М. Стояновский; Харьк. сельско-хозяйств. Института – проф. И. К. Тарнани, Харьковских научно-исследовательских кафедр: Н. Т. Дедусенко, Е. М. Лавренко, А. И. Прошкина и Т. В. Радинова. Кроме того, деятельное участие в работах сессии принимала администрация и научные работники Аскании Нова: директор Заповедника Г. И. Бучушкан, заведующий научной частью Б. К. Фортунатов, завед. хозяйств. частью Г. С. Мазуркевич, заведующ. ботаническим отделом проф. И. К. Пачосский, орнитолог С. И. Снигиревский и др. С большим интересом к сессии относились служащие и рабочие Аскании.

Был также на первых заседаниях представитель Николаевского Губземагдела агр. В. Грунт.

На первом заседании был избран президиум в составе: председателя А. Л. Трилиссского, заместителя проф. С. Ф. Веселовского, членов президиума: А. Я. Кедера, Г. И. Бучушкана, секретаря проф. А. А. Яната и его помощников: В. В. Резниченко и М. И. Котова.

Аскания Нова имеет мировую славу своим зоопарком и степной целиной.

Под именем зоопарка разумеют сложную систему парков, кустарниковых насаждений, искусственных прудов и огороженные участки степи, приспособленные для содержания находящихся там видов – птиц и животных и для их размножения. Сверх того, большая группа животных – зубры, бизоны, олени, яки, зебу и антилопы пасутся под присмотром пастуха в открытой степи.

Зоопарк ставит своей целью акклиматизацию животных, главным образом привезенных из разных мест земного шара; среди птиц в Заповеднике, наоборот, преобладает местный элемент.

Что же касается заповедной степи, то наиболее интересные участки сохранились около Б. Чапельского поля. В период военных действий покров отмерших стеблей на степи был выбит воинскими частями и стадами. В одном даже участке целинной степи в 1919 г. была проложена новая дорога на Дорнбург, причем по обе стороны дороги степь сильно пострадала. По словам И. К. Пачосского, в настоящее время степной участок имеет даже более нормальный девственный вид, чем он наблюдал его в 1915 году. Это обстоятельство он ставит в связь с вытаптыванием целины. Сейчас (8/VII) мы наблюдаем на степи очень редкое зрелище: необыкновенно раннее и обильное цветение тырсы (*Stipa capillata* L.), на целый месяц раньше нормального.

Площадь посевов в Аскании Нова в 1921–2 году выражается общей цифрой 2778 десятин. Количество хозяйского скота выражается: 102 головы красного немец-

кого, 229 голов серого украинского; прочего скота 211 голов. Затем имеются: 279 волов, 17 лошадей, 127 рабочих лошадей, буйволов 22, верблюдов 83, свиней 133, овец 9408, птиц 12 пород и 133 экземпляра.

В Заповеднике числится 28 видов животных, из них 4 гибрида, число экземпляров 201; птиц 78 видов, число экземпляров 1432.

За время войны³ погибло 16 видов и 100 экземпляров животных; количество птиц по приблизительному подсчету до 75%.

В Аскании Нова уцелел музей, где преобладают чучела животных (очень ценна серия шкур *Equus przewalski* 11 штук с черепами, 3 самца и самки *Saiga tatarica* и др.). Сохранилась также библиотека, сильно, впрочем, пострадавшая. Книги в ней по больш. части иностранные и сейчас всего сохранилось 693 книги и 66 номеров периодических журналов. Затем сохранился архив, имеющий большое научное и историческое значение, мало использованный до сих пор. Очень ценен насаженный старый парк, именуемый „Ботаническим садом“.

Помимо упомянутых учреждений в ведении Аскании Нова находятся приморские Заповедники на Джарылгаче, Тендре и Сиваше. В дальнейшем сессия постановила расширить территорию приморских заповедников, включив сюда между прочим и Солено-озерную лесную дачу, этот уголок на самом юге древесной растительности. Беря эти приморские заповедники побережья под защиту, государственная власть спасает от гибели водную птицу не только южной, но даже центральной и северной России. Если принять во внимание, что через Джарылгач и Тендру идут, а в Чурюк-Петровке скрещиваются большие пути пролета птиц, и что в период размножения яйца массами истребляются и вывозятся оттуда на корм свиней, то становится ясным, как отразится уже через 3–4 года на фауне России учреждение этих заповедников.

Интересна попытка присоединения к Аскании Нова нового заповедника, территориально от нее находящегося в стороне – быв. имение князя Юсупова, – расположенного в горном Крыму вблизи Коккоз. К последнему прилегают горные леса, которые не пострадали от порубок. Животные зоопарка здесь выбиты почти полностью; уцелели только олени и дикие козы.

В программу задач собравшейся сессии входило выслушать и обсудить: 1) административно-организационные, хозяйственно-организац. и научно-организ. отчеты администрации Аскании Нова; 2) ряд докладов организационного характера по научно-степной станции с отделами: метеорологическим, гидрологическим (с гидрогеологией

³ Ездивший в августе-сентябре 1921 года в Асканию Нова известный путешественник географ П. К. Козлов описал состояние Заповедника в период гражданской войны и после ее окончания в журнале «Наука и ее работники» № 6, Петербург, 1921 года.

Его спутник проф. В. И. Талиев читал в Москве публичные доклады о состоянии Аскании.

и мелиорацией), почвенным (с геологией), ботаническим, зоологическим и экономическим; 3) ряд докладов, имеющих непосредственное отношение к Аскании Нова.

Первое заседание было открыто приветственной речью от имени Наркомзема УССР членом коллегии последнего А. Л. Трилиским.

В докладе проф. А. А. Яната «История последних лет Аскании Нова и объявление ее Государственным Заповедником» ярко перед слушателями прошла история Аскании с того времени, когда впервые был поднят вопрос об Аскании Нова, как национальном памятнике природы и важнейшем центре по изучению южно-русских степей на съезде „Природників України“, имевшем место 3–6 августа 1918 года в Киеве, и та большая организационная работа, которую проявил НКЗ УССР и сельско-хозяйственный Научный Комитет в деле спасения Аскании Нова в период, последовавший после прекращения гражданской войны.

Доклад директора Заповедника Г. И. Бучушкана „Современное хозяйственное положение Аскании Нова и ближайшие меры к восстановлению ее хозяйства“ обрисовал картину того разрушения, в котором была Аскания Нова после гражданской войны, и постепенного восстановления хозяйства до теперешнего состояния.

На второй день слушались наиболее интересные доклады для ознакомления с Асканией Нова: доклад агронома Г. С. Мазуркевича «Организационно-хозяйственный план Заповедника «Аскания Нова», и Б. К. Фортунатова «Состояние научных учреждений Аскании Нова и ближайшие меры к развитию их». Доклады вызвали большие прения; в виду сложности, затронутых в них вопросов, постановили организовать ряд комиссий из членов сессии по обследованию Аскании Нова в различных отношениях.

Работа различных комиссий была не однородна. Помимо комиссий, имеющих целью ревизию Аскании Нова в пределах своего назначения, были комиссии, которые и в столь короткий срок занялись изучением Аскании Нова.

Живой обмен мнений вызвал вопрос об издательских органах Заповедника. Решили издавать два органа: информационно-организационный и научный⁴; кроме того, информационный, а в случае необходимости и научный материал по Аскании Нова помещать в органах: Харьковском („Наука на Украине“) и Киевских (Сельско-Хоз. Научн. Комитета, Академии Наук и др.).

Большое внимание было уделено уставу степной научной станции. Последний приняли в несколько измененной редакции от бывшей, утвержденной НКЗ.

После выяснения общего положения Аскании перешли к докладом научно-организационным, касающимся степной станции; проф. Д. К. Педаев читает: „К программе метеорологического отдела научно-степной станции“; проф. И. К. Пачосский –

⁴ В самом ближайшем будущем выйдет первый том «Известий Государств. Заповедника Аскания Нова», куда вошли: Б. К. Фортунатов «Бизоны и зубры в Аскании Нова» и проф. И. К. Пачосский «По пескам Днепровскою уезда». Обе большие работы.

„О флоре Аскании Нова“ и о программе работ „Ботанического отдела научно-степной станции“ с дополнениями проф. А. А. Яната; М. И. Котов – „Ботанико-географические исследования причерноморских степей, как материал к изучению типов степи в Аскании Нова“; проф. М. А. Егоров – „Растение и фосфор. К изучению генезиса степных почв в заповедниках“. По рукописи читается доклад проф. Н. Н. Клепинина «К программе работ почвенного отдела научно-степной станции». Проф. А. С. Федоровский «К программе геологических исследований научно-степной станции»; В. В. Резниченко – «О гидрогеологических условиях района Аскании Нова и плане гидрогеологических исследований и стационарных наблюдений на научно-степной станции»; проф. И. К. Тарнани и С. И. Снигиревский – «К программе работ зоологического отдела степной научной станции»; проф. С. Ф. Веселовский – «К программе работ экономического отдела научно-степной станции».

Крайне важный доклад был прочитан инспектором по охране природы Левобережной Украины проф. А. С. Федоровским «Организация районного инспекториата по охране природы с центром в Аскании Нова». Собрание постановило организовать такой инспекториат, и закрытой баллотировкой временно избрали до утверждения вр. инспектором Н. А. Бурьяненко и врем. секретарем С. И. Снигиревского.

Помимо перечисленных докладов были еще прочитаны:

Информационный доклад Б. К. Фортунатова «О современном положении зубробизонов в Зоопарке»; Н. М. Стояновским «Организация проф. сельско-хозяйственной школы в Аскании Нова» (постановлено приветствовать эту организацию); Г. И. Рибергом «О кольцевании птиц в Аскании Нова» и Н. М. Дергуновым «Коллективный метод наблюдения перелета птиц и опыт применения его в Аскании Нова».

Кроме того, сессия уделила большое внимание вопросам «персонального» характера в Аскании Нова. Постановила: продлить полномочия нынешнего состава администрации Аскании Нова до 2-й сессии Комитета, которая займется укомплектованием состава наиболее ответственных работников Заповедника. До этого времени объявить конкурс на замещение должностей: директора Заповедника, помощника директора по производственной части, завед. технической частью, помощника директора по научной части, заведующего научно-степной станцией и отделами: метеорологическим, гидрогеологическим, почвенным, ботаническим, зоологическим и экономическим, заведующего зоопарком, заведующего ботаническим садом, заведующего фито-технической станцией и заведующего архивом Заповедника.

Затем сессия нашла возможным пригласить проф. Г. Н. Высоцкого⁵ на должность заведующего метеорологическим и гидрогеологическим отделами степной станции,

⁵ Директором степной научной станции еще раньше назначен по представлению Сельско-хоз. Научн. Комитета Украины Наркомземом проф. Г. Н. Высоцкий, но академическая работа в г. Симферополе мешала ему вступить до сих пор в исполнение своих обязанностей.

проф. Н. Н. Клепинина на заведывание почвенным отделом, проф. А. А. Браунера заведывать зоологическим отделом научно-степной станций.

Сессия постановила, что согласно Инструкции НКЗ по управлению Аскании Нова, в промежутки между собраниями Асканийского Комитета, Асканией Нова управляет особая комиссия при Наркоме Земледелия под его председательством.

В заключение 1-й сессии постановили: ходатайствовать через НКЗ перед Совнаркомом о том, чтобы им соответственно были отмечены научные заслуги покойного Ф. Э. Фальц-Фейна, как создателя Аскании Нова, представляющей громадную научную ценность пользующейся мировой славой.

М. К. [Котов М.]

Асканійська Комісія при Наркомземі

Вістник сільсько-господарської науки, 1922. Т. 1. Ч. 4. С.182.

Як скінчилася 11-го липня в Чаплях (Асканії Новій) 1-а Сесія Комітету цього Держ. Степового Заповідника, за найвищий орган, що керує Асканією, стала Асканійська Комісія. Вона заклалася, на підставі постанови 1-ої Сесії, в Харкові при Н. К. З. С. На голову цієї Комісії Нарком З. С. призначив замість себе члена Колегії Н. К. З. С. Викторова, Б. К., від Наркомзема як член увіходить член Колегії Н. К. З. С. Вольф, М. М. та заступник його Різников, М. З., від Сільсько-Господарського Наукового Комітету – Савченко, Я. М., од 1-ої Сесії Комітету Заповідника – проф. Крафт-Паліїв, П. І. та проф. Федоровський, О. С. На секретаря Комісії запрохано Тарасенко, Є. Комісія поділяє свої функції отак: науковими справами Комісії відає проф. Федоровський, О. С., науково-застосованими – проф. Крафт-Паліїв, П. І, административно-господарськими – Савченко. Я. М. Праця Комісії зветься на те, щоб здійснювати постанови 1-ої Сесії Комітету; деякі пункти цих постанов змінено; оповіщено конкурсу на наукові та адміністраційні посади в Асканії; підготовано 2-гу сесію Асканійського Комітету. Нещодавно Комісії довелося захищати свої права од втручання Наркомпроса Р. С. Ф. С. Р., що заявляв претензії керувати Асканією Новою. Совнарком У. С. Р. Р. протестував проти цього втручання. Пошастило заходами Комісії перевести через Всеукраїнський Центральний Виконавчий Комітет важливу постанову (з 5.VII): Заповідник Асканія-Нова, завбільшки з 38.500 десятин орного та цілинного степу, а також землі прилучені до нього (острів Джарилгач, коса Тендер, Солано-озерна дача) звільняються від усіх родів харчподатку та інших безпосередніх податків і повинностей, що лежать на с.-г. виробничих підприємствах.

Постанова ВУЦИК «Об освобождении 1-го государственного степного заповедника «Аскания-Нова» от налогов»

Збірник постанов та розпоряджень робітнице-селянського уряду України / Рада Народних Комісарів УРСР, Народний Комісаріат юстиції УРСР. Харків: Друк. "Вукопспілки", 1922. №29 (22.08.1922). С. 478.

Рахуючись з загально-союзним та міжнароднім значенням 1-го державного степового заповідника «Асканія-Нова», Всеукраїнський Центральний Виконавчий Комітет ухвалив:

1. Перший степовий державний заповідник «Асканія-Нова» площею в 38.500 десят. орної й цілинної землі, а також, землі, приєднаній до Держзаповідника: острів Джарилгач, коса Тендер, солоно-озерна дача на Кінбурзькій косі – звільнити від усіх видів продподатку та инш. прямих податків та державних повинностей, що лежать на сільсько-господарчих продукційних підприємствах.

м. Харків,
5 липня 1922 р.

Голова Всеукраїнського Центрального Виконавчого
Комітету Петровський.
Секретар ВУЦВК-у Ермощенко

Постановления Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета. 451. Об освобождении Первого Государственного Степного Заповедника „Аскания-Нова“ от налогов

Учитывая обще-союзное и международное значение 1-го государственного степного заповедника „Аскания-Нова“, Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет постановил:

1. Первый Степной Государственный Заповедник „Аскания-Нова“ площадью в 38.500 десятин пахотной и целинной степи, а также земли, присоединенные к Гос-

заповіднику: острів Джарылгач, коса Тендер, солено-озерна дача на Кинбургской косе, освободить от всех видов продналога и др. прямых налогов и государственных повинностей, лежащих на сельско-хозяйственных производственных предприятиях.

г. Харьков,

5 июля 1922 года.

Председатель Всеукраинского Центрального
Исполнительного Комитета Петровский.
Секретарь ВУЦИК Ермощенко.

Распубликовано в „Вістях“ ВУЦИК от 19 июля 1922 г., № 158.

Різниченко В.

Перша сесія Комітету Державного степового заповідника України «Чаплі-«Асканія-Нова»

Вістник сільсько-господарської науки, 1922. Т. 1. Ч. 1. С. 16-19.

На початку липня відбулася перша сесія Комітету Державного Степового Заповідника „Чаплі», або „Асканія-Нова». Це є зворотний пункт великої ваги в організації господарського та наукового життя Заповідника.

Маєток „Чаплі» був одною з найбільших німецьких латифундій в наших причорноморських степах, що належав Фальц-Фейнам, які на згадку своєї старої батьківщини змінили його місцеву українську назву, давши нову – „Асканія-Нова». Завдяки ідейному захопленню одного з Фальц-Фейнів – Фридриха Едуардовича, в маєтку цьому ще з кінця 80-тих років минулого віку почалася організація акліматизаційного зоопарку, що згодом розгорнувся у велику наукову установу і здобув врешті всесвітню славу. Більша частина прибутків великого і багатого маєтку йшла на підтримання й розвиток цієї установи.

За революції маєток „Чаплі» з його науковими закладами був удержавлений, як перший Державний Степовий Заповідник України, перебувши добу страшної небезпеки за горожанської війни, коли йому загрозувала, здавалося, неминуча загибель.

Через своєчасні заходи уряду і де-яких наукових установ України, серед яких безперечно перше місце належить Сільсько-Господарському Науковому Комітетові, та через саможертви свідомої частини службового персоналу Асканії, пощастило вря-

тувати цю надзвичайно цінну і з чисто наукового і з практичного погляду установу; і от тепер вона поволі стає на шлях більш-менш нормального життя і дальшого органічного розвитку.

В низці етапів цього розвитку, перша Сесія Комітету без сумніву відіграватиме роль дуже визначної події.

Згідно з „Основним Положенням про організацію Державного Степового Заповідника Чаплі (Асканія-Нова), засновано, для загального керування ним, спеціальний Комітет Заповідника на чолі з Наркомом Земельних Справ У. С. Р. Р., в складі представників Наркомзему, Сільськогосподарського Наукового Комітету України, Всеукраїнської Академії Наук, Наукового Комітету Наркому та Главпрофобру України, Українського Геологічного Комітету, Всеукраїнського Агрономічного Товариства і Всероботземлісу. Крім того до складу Комітету можуть входити, як дійсні члени і як члени співробітники, представники установ і окремі особи, що дають Заповідникові допомогу наукову чи матеріальну, при чому тими й другими можуть бути не тільки українські та загально-федеративні установи й громадяне, але й з інших держав. Комітет Заповідника повинен збиратися не менш як раз на рік. Він затверджує програми работ, визначає джерела одержання необхідних засобів, затверджує обрахунки та справоздання про діяльність як наукових, так і продукційних галузів Заповідника. Йому також належить право розпоряджатися наслідками наукових досліджень та науковими матеріалами Заповідника, а також і обірати відповідальний науковий і адміністративний персонал Заповідника.

На першу сесію, яка відбулася в Чаплях (Асканії-Новій) у Таврії 4–10 липня ц. р., прибули представники наукових і державних установ, найбільше з Харкова та Києва, а також з Миколаєва й Симферополя (по одному); крім того в сесії звичайно брали участь керовники та відповідальні наукові співробітники самого Заповідника. Представники з Москви та Петрограду, на яких чекали, не прибули зовсім. Головна частина складу сесії прибула в Харківському потязі до ст. Ново-Олексіївка, а звіди більшість їх була доставлена в „Чаплі» на верблюдах. Ще в день приїзду (3 липня) група членів сесії, яким вдалося приїхати раніш (Організаційне Бюро і представники Колегії Наркомзему та Президії С.-Г. Наукового Комітету), виробила план праць і регламент сесії. З ранку 4 липня вже розпочалася інтенсивна робота самого Комітету.

У сесії взяли участь 2/3 дійсних членів (представників різних установ) Комітету, що їх передбачала первісна редакція „Основного Положення» організації Заповідника.

Усіх членів 1-ї Сесії було 28, а саме: член Колегії Наркомзему У. С. Р. Р.–О. Трильський, голова Всероботземлісу – А. Кедр, та представники: Наркомзему та Харківського Ветеринарного Інституту – проф. П. Крахт-Паліїв, Всеукраїнського Бюро Досвідної С.-Г. Справи та Досвідного Відділу Наркомзему – О. Гельмер, Наркомзему – проф. Д. Педаїв, проф. М. Єгоров, М. Котів, Всеукраїнської Академії Наук – В. Караваїв, С.-Г.

Наукового Комітету України та Київського Політехнічного Інституту – проф. С. Веселовський, С.-Г. Наукового Комітету та Київського Ветеринарного Інституту – проф. О. Яната, С.-Г. Наукового Комітету – С. Москвичів, Українського Геологічного Комітету, Гидрогеологічного Бюро Меліораційної Секції С.-Г. Наукового Комітету і Природничого Відділу Українського Наукового Товариства – В. Різниченко, Харківського С.-Г. Інституту та Наукового Комітету Наркомосу – проф. І. Тарнані, Наукового Комітету Наркомосу і Харківського Ботаничного Інституту – Я. Дідусенко, Лівобережного Інспекторіату Охорони Природи і Наукового Комітету Наркомосу – проф. О. Федоровський, Ботаничного Інституту Харківського І. Н. О. – Є. Лавренко, Зоологічної катедри Харківського І. Н. О. Т. Родіонова, Наукового Комітету Наркомосу – А. Прошкіна, Укрголовпрофосу – Н. Стояновський, Губсовхозтресту Миколаївщини – агр. В. Грунт, „Крымского Общества Естествоиспытателей и Любителей Природы» – Дзевановский, директор Заповідника „Чаплі» (Асканія-Нова) – Г. Бучушкан, помішник директора в господарській частині – агроп. Г. Мазуркевич, помішник директора в науковій частині і керовничий зоопарку – Б. Фортунатів, ботаник Заповідника – проф. Й. Пачоський, зоолог Заповідника – С. Снігіревський, помішник керовничого зоопарку – К. Сіяно та керовничий Музею Заповідника – Г. Рибергер. Засідання Комітету були прилюдні, і в них брали участь всі інші наукові співробітники Заповідника та чимало з технічного персоналу й робітництва Заповідника.

Президія сесії складалася з голови, члена Колегії Наркомзему О. Трилиського, заступн. голови – проф. С. Веселовського, членів президії – А. Кедера та Г. Бучушкана, секретаря – проф. О. Янати та помішників секретаря: В. Різниченка та М. Котова.

Порядок праць Комітету був такий: зранку звичайно робився огляд різних наукових закладів і установ Заповідника та його господарства: зоопарку з його озерами, болотами, загонами, зімовниками то-що, цілинного степу, Музею, Бібліотеки, Архиву, Лабораторії, майстерного двора, водокачки, теслярні, швальні, олійні, лікарні, помешкань службового персоналу та робітників і т. и. Потім відбувалося засідання; після обід – знову засідання, тоді знову огляд закладів Заповідника. Увечері часом відбувалися ще засідання, що інколи затягувалися за північ.

Загальних засідань сесії відбулося 15; на них було заслухано та обмірковано такі доклади: проф. О. Янати „Історія останніх років життя Асканії-Нової та перетворення її на Державний Степовий Заповідник України», Г. Бучушкана – „Сучасне становище господарства Асканії-Нової та найближчі заходи до його відбудування», Г. Мазуркевича – „Організаційно-господарський план Заповідника Асканія-Нова», Б. Фортунатова – „Стан наукових установ Асканії-Нової і ближчі заходи до їх розвитку», проф. Д. Педаєва – „До програми метеорологічного Відділу Науково-Степової Станції Заповідника», проф. Й. Пачоського – „Про флору Асканії-Нової та програму робіт Ботаничного Відділу Науково-Степової Станції, з додатком проф. О. Янати, М. Котова – „Бота-

нично-географічні дослідження причорноморських степів, як матеріал до вивчення типів степу в Асканії-Новій», проф. М. Клепинина – «До програми робіт Відділу Ґрунтознавства Науково-Степової Станції» проф. М. Єгорова – «Рослина і фосфор. До вивчення генезису степових ґрунтів Заповідника (до праць Відділу Ґрунтознавства Науково-Степової Станції)», проф. О. Федоровського – «Організація Степового Інспекторіату Охорони Природи з центром в Асканії-Новій», С. Снігиревського – «Організація заповідників для охорони птахів та інш. фауни на о. Джарилґачі, Тендері, та Сиваші», проф. О. Федоровського – «Про наслідки розкопу ногайської могили в околицях Асканії» (під час сесії за допомогою 22 робітників, що їх вирядила адміністрація Заповідника), теж його – «До програми геологічних дослідів Науково-Степової Станції», В. Різниченка – «Про гідрогеологічні умови району Асканії-Нової і про план гідрогеологічних дослідів та стаціонарних спостережень Науково-Степової Станції», проф. І. Тарнані і С. Снігиревського – «До програми робіт Зоологічного Відділу Науково-Степової Станції, зокрема в орнітології, проф. С. Веселовського – «До програми робіт Економічного Відділу Науково-Степової Станції», Г. Рибберґера – «Про перснювання птахів в Асканії-Новій», Н. Дергунова – «Колективний метод спостережень перелету птахів і спроба застосувати його в Асканії».

Крім того було заслухано й обмірковано ряд докладів представників різних Комісій Сесії, а саме: 1) Організаційно-господарської, 2) в справі Архиву Асканії, 3) Музейно-Бібліотечної, 4) Метеорологічної, 5) Геологічної, та Гідрогеологічної, 6) Ґрунтознавства, 7) в справі Ботаничного Саду, 8) в справі Зоопарку, 9) Зоотехнічної, 10) в справі епізоотий, 11) Ентомологічної (зокрема шо до шкідників), 12) Мікробіологічної, 13) Археологічної.

В загальних засіданнях Сесії розглянули крім того: «Основне положення про організацію Державного Степового Заповідника Асканія-Нова, Статут Науково-Степової Станції Державного Степового Заповідника Асканія-Нова, питання про обрання керівничого административно-наукового та наукового персоналу Заповідника, про визначення кандидатів на персонал Степового Інспекторіату Охорони Природи, про організацію Комісії в справах Заповідника при Наркомі Земельних Справ, питання про тарифікацію позакатегорної оплати праці найвідповідальніших робітників Заповідника, про нагороду найвидатніших робітників Заповідника за їх надзвичайні заслуги і героїчну саможертву в справі врятування наукових установ Асканії за періоду горожанської війни та за військових подій на території Асканії, про організацію сільсько-господарської професійної школи при Заповіднику.

З найважливіших постанов, ухвалених в Сесії, треба зазначити такі: уложити кліматичний нарис району Заповідника; організувати в районі зоопарку та на степу Заповідника дві метеорологічні станції другого розряду та 5 дощомірних станцій в різних пунктах території Заповідника; організувати систематичні бота-

ничні і стаціонарні дослідження ріжних сторін життя цілинного степу, а також екскурсійне ботанично-географічне дослідження степів району Заповідника; вважати за першорядне завдання уложення докладної карти ґрунтів території Заповідника, а також уложення докладної топографічної карти великого мірила з ізогіпсами; організувати при Заповіднику Інспекторіят Охорони Природи південно-степового району України; поширити помешкання Бібліотеки і Музею Заповідника та сприяти їх дальшому розвиткові й удосконаленню; вважати частину парку, що має назву Ботаничного Саду, за цінне дендрологічне насадження і визнати за дорочне потрібне перетворити його в дальшому на справжній Ботаничний Сад; не відкладаючи зробити чистку парку, як засіб боротися з короїдами; визнати за потрібне поповнити деякі частини зоопарку способом купівлі, обміну та спорудження спеціальних експедицій; вжити негайних заходів до ретельної охорони архіву Заповідника з огляду на його величезну наукову і історичну вартість, бо він відбиває історію розвитку степового господарства більше ніж за ціле сторіччя, і довести цей архів до належного стану для наукового та практичного його використання; визнати за потрібне включити в завдання Науково-Степової Станції також дослідження мікрофлори та мікрофауни; визнаючи, що в Заповіднику не все гаразд що до епізоотий, негайно приступити до рішучої ліквідації сапу, перевірити худобу, чи не слабує на туберкульоз, ввести охоронне щеплення проти сибірки та инш.; визнати за необхідне утворення відповідної системи добору, утворення племінного матеріалу, відбудування зоотехнічної лабораторії, утворення Зоотехнічного Відділу Музею, і взагалі негайно приступити до організації Зоотехнічної Станції в Заповіднику; визнаючи, що для піднесення господарства Заповідника найголовніше – це докладно розробити організаційно-продукційний план його, доручити це Адміністрації Заповідника; визнаючи, що житла робітників і службовців занадто скупчені, а харчування недостатнє, звернути увагу Адміністрації на поліпшення побуту робітників і службовців Заповідника; зробити докладне геологічне дослідження району Заповідника, а також приступити до детального гідрогеологічного його обслідування, уложення гідрогеологічної карти і розрізів, організувати стаціонарні гідрогеологічні спостереження, заснувати гідрогеологічну частину Музею, заснувати Економічний Відділ Науково-Степової Станції і розпочати працю, згідно з пропонованою програмою проф. С. Веселовського; оголосити конкурс на заміщення посад: директора Заповідника, помішника директора в господарській частині, керовничого технічної частини, помішника директора в науковій частині, керовничого Науково-Степової Станції в Заповіднику, керовничих її Відділів: Метеорологічного, Гідрологічного з гідрогеологією та меліорацією. Ґрунтознавства з геологією, Ботаничного, Зоологічного, Економічного; Керовничих: Зоопарку, Ботаничного Саду, Зоотехнічної Станції, Фітотехнічної Станції та Архіву Заповідника.

Таємним голосуванням Комитет тимчасово обрав на керовників Відділів Науково-Степової Станції: Метеорологічного та Гідрологічного – проф. Г. Висоцького, Ґрунтознавства – проф. М. Клепинина, Зоологічного – проф. А. Баунера.

Тимчасово затверджено на посадах, що заміщені не згідно з „основним положенням», – осіб, що перелічені вище в списку членів Сесії Заповідника.

Під час Сесії проф. О. Федоровський зробив археологічний розкоп могили на південній межі Заповідника; це дало дуже цікаві наслідки для освітлення ногайської культури; геолог В. Різниченко зробив попередні гідрогеологічні досліді району Заповідника і з'ясував загальні умови залягання тут першого артезійного позему в понтичних вапняках на невеликій глибині. Гідробіологи Н. Дідусенко та А. Прошкина зробили попереднє обслідування гідробіології, зокрема планктону ставків Заповідника; зоологи проф. І. Тарнані, В. Каравайв і Т. Родіонова зробили обслідування ентомофауни, зокрема шкідників Заповідника; професор М. Єгоров та агр. С. Москвичів – частково обслідили ґрунти Заповідника; професор Д. Педаїв метеорологічні матеріяли Заповідника та инш. Наслідки цих дослідів незабаром мають бути опрацьовані і наготовлені до друку.

На закінчення Сесія ухвалила: просити Совнарком у відповідній спосіб відзначити наукові заслуги небіжчика Ф. Фальц-Фейна, як фундатора наукових закладів Заповідника, що мають величезну наукову цінність і здобули собі всесвітню славу.

Другу Сесію Комитету Заповідника ухвалено скликати в осени цього року і присвятити її найбільше комплектуванню наукового персоналу Заповідника та його установ.

Савченко Я., Котов М.

О предстоящем созыве 1-ой сессии

Асканийского комитета

Наука на Украине, 1922. №3. С. 252.

Согласно постановлению Наркомзема УССР, верховным органом по управлению Государственным Заповедником Аскания-Нова является Асканийский Комитет. Последний созывается не менее одного раза в год под председательством Наркома Земледелия и состоит из представителей России. Украины и Крыма: Академий Наук, Сельско-хозяйственных научных комитетов, Наркомземов, Об-в Естествоиспытателей Рос. Украинского и Крымского, Главмузея РСФСР. Научные общества, учреждения и частные лица, заинтересованные и могущие быть полезными Аскании-Нова, могут войти в Комитет на правах членов-соревнователей.

В настоящее время приближается срок созыва 1-ой сессии Комитета, назначенный на 30 июня сего года в Аскании-Нова.

Аскания-Нова по декрету Совнаркома УССР находится сейчас в ведении Наркомзема УССР и его научного органа – Сельско-Хозяйственного Научного Комитета Украины¹. Поэтому Украинский Наркомзем берет на себя инициативу по созыву настоящей сессии. Он организовал комиссию по созыву, куда вошли три постоянных члена: член Коллегии Наркомзема УССР Вольф М. М. (Наркомзем), Савченко Я. М. (председатель бюро сельско-хозяйств. научного комитета при НКЗ) и Фортунатов (заведующий научной частью Аскании-Нова). Кроме того, в состав Организационного Бюро приглашены представители научных обществ, учреждений, высших учебных заведений и научные деятели г. Харькова. Таким образом в Харькове состав организационного комитета до сих пор пополнился рядом лиц: Казачек В. Г. (Агрономическое Общество УССР), Коршиков А. А. (Хар. Ботанический Институт), Котов М. И. (сельско-хозяйств. Научный комитет УССР), Нагорный А. В. (Харьк. Общество Испытателей Природы), проф. А. В. Палладин (Научный Комитет Укрглавпрофобра), Свиренко А. А. (отдел животноводства Наркомзема УССР), проф. И. К. Тарнани (сельско-хозяйствен. Институт), проф. А. С. Федоровский (инспекториат по охране природы левобережной Украины).

До сих пор названная организационная комиссия имела 2 собрания (23 и 26 мая сего года). Она окончательно выработала повестку 1-ой сессии Асканийского Комитета, которая делится на 2 части: организационно-хозяйственную и научную.

Центр интереса докладов лежит в организации в Аскании-Нова степной биологической станции, в ее всестороннем изучении и в изучении прилегающих к ней приморских заповедников. Отмечена желательность устроить в Скадовске, в приморском заповеднике, гидро-биологическую станцию.

На съезд приглашаются: 1) официальные представители учреждений, входящих в состав Асканийского Комитета. 2) Докладчики по разным вопросам, связанным с Асканией-Нова и 3) персонально приглашается ряд лиц, известных в прошлом своей деятельностью для Аскании или могущих оказать ей существенную помощь, а именно: проф. В. М. Арнольди, проф. М. М. Завадовский, проф. И. И. Иванов, проф. М. Ф. Иванов, Козлов П. К. (известный путешественник), проф. Н. Н. Кулагин, проф. В. И. Талиев, Ю. А. Филипченко.

Кроме того, приглашены иностранные представители науки. Наркомзем УССР срочно телеграфировал предсовнаркому Раковскому за границу о приглашении представителей на съезд.

За председателя Орг. Бюро **Я. Савченко.**

За секретаря **М. Котов.**

¹ См. Статью проф. О. Янаты в № 2 «Науки на Украине».

Перечень докладов,

о представлении которых 1-ой Сессии Асканийского Комитета Оргбюро этого последнего обратилось к нижеуказанным научным учреждениям и отдельным деятелям.

1. История последних лет жизни Аскании-Нова и объявления ее Государственным Заповедником. – Доклад Украинского С.-Х. Научного Комитета.
2. Положение об Асканийском Комитете. – Доклад Украинского С.-Х. Научного Комитета.
3. Современное хозяйственное положение Аскании-Нова и ближайшие меры восстановления хозяйства ее. – Доклад администрации Аскании-Нова.
4. План организации хозяйства Аскании-Нова. – Доклад администрации Аскании-Нова.
5. Состояние научных учреждений Аскании-Нова и ближайшие меры развития их. – Доклад Научной части Аскании-Нова.
6. Вопросы изучения степи и меры разрешения их. – Доклад проф. Высоцкого.
7. Положение о научно-степной станции (утвержденное НКЗ УССР). – Доклад НКЗ УССР.
8. Организация и программа работ Асканийской научно-степной станции. – Доклад проф. Высоцкого.
9. Программа работ Отдела геологии и почвоведения той-же станции. – Проф. Клепинин.
10. „ „ Метеоролог. отдела станции. – Проф. Данилевский.
11. „ „ Ботанического отдела станции. – Проф. Яната.
12. „ „ Зоологического отдела станции. – Проф. Шарлемань.
13. „ „ Зоотехнического отдела станции. – Проф. М. Ф. Иванов и А. А. Браунер.
14. „ „ Экономического отдела станции. – Проф. Веселовский.
15. Организация заповедников по охране птиц и пр. фауны на о. Джарылгаче, Тендре и Сиваше. – Доклад Снигиревского.
16. Организация Инспекториата по охране природы Асканийского района. – Доклад проф. Федоровского и Шарлеманя.
17. Аскания-Нова в литературе. – Доклад проф. Шарлеманя.
18. Флора Аскании-Нова. – Доклад И. К. Пачосского.
19. Зоогеографический очерк Аскании-Нова. – Доклад проф. Браунера.
20. Очерк работ по метизации животных в Аскании-Нова. – Доклады проф. И. И. Иванова, проф. Филипченко и Фортунатова.
21. Животное население Аскании-Нова за время ее существования и результаты акклиматизации животных. – Доклад К. Е. Сиянко.
22. Перелет птиц в Аскании-Нова. – Доклад Снигиревского.
23. Сведения о кольцевании птиц в Аскании-Нова. – Доклад Г. И. Риббергера.
24. Меры популяризации Аскании-Нова. – Доклад Украинского С.-Х. Научного Комитета.

Фортуатов Б. К.

Бизоны и зубры в Аскании-Нова

(фрагмент)

Известия государственного степного заповедника «Аскания-Нова». Херсон: Типография №1, 1922. Выпуск 1-й. С. 1-66.

Посреди безграничной южно-русской степи в 35 верстах к северо-востоку от Перекопского перешейка находится заслужившая себе мировую известность экономия Фальц-Фейна Аскания-Нова. Еще полтора столетия назад это была южная окраина исторического Дикого Поля, т. е. широкой полосы степи, которая непрерывной войной крымских татар с Украинским козацеством была превращена в безлюдную пустыню. Это была местность, где всякая оседлая мирная жизнь была стерта с лица земли, где бродили лишь стада диких лошадей и сайгаков, да вооруженные отряды, выслеживавшие и уничтожавшие друг друга.

После завоевания Крыма Дикое Поле стало постепенно оживать.

Пустынные земли раздавались без счета, и в Новороссийской степи выросли громадные в десятки и сотни тысяч десятин помещичьих латифундий. Кое-где между ними ютились по балочкам крестьянские хутора.

Среди этих латифундий на первом месте стояло владение, принадлежавшее роду предприимчивых немцев колонистов Фальц-Фейнов, наживших гигантское состояние разведением тонкорунных овец.

В конце 19 столетия это владение разбилось между наследниками и одна из экономий – знаменитая ныне Аскания-Нова досталась одному из сыновей Фридриху Фальц-Фейну. Этот последний, еще будучи студентом Дерптского университета, увлекался зоологией и начал создавать в своем имении небольшой зоологический сад. Позже юношеское увлечение стало делом жизни, а наличие громадного состояния и обладание уединенной и затерянной в степи экономией позволило ему устроить в Аскании чрезвычайно своеобразный степной зоопарк, равного которому не имеется не только в России, но и во всей Европе.

Зоопарк создавался постепенно без всякого определенного плана; животные приобретались и постройки возводились от случая к случаю. Самый материал зоопарка лишь в ничтожной степени подвергся научной обработке.

Тем не менее даже в этих условиях, имеющийся ныне материал зоопарка представляет безмерную ценность, главным образом, благодаря проведенной в нем акклиматизационной работе.

Ф. Фальц-Фейн собирал в зоопарке животных и птиц со всего земного шара.

Здесь встретилась дикая монгольская лошадь с зеброй из Абиссинии и Беловежский зубр с тропическими антилопами, и для многих, повидимому, вполне чуждых местному климату видов достигнута полная акклиматизация.

Однако наибольшее внимание было уделено угасающим видам крупных травоядных, когда то населявших юг России, или родственных им. Поэтому центром работы зоопарка была акклиматизационная работа с сайгаком, дикой лошастью, зубром и бизоном.

Вместе с тем, пожалуй, только три последних вида явились объектом систематической научной работы, благодаря чему собранный по ним в зоопарке, материал представляет высокий теоретический интерес.

К сожалению, большая часть дневников и записок зоопарка погибла за последние годы, когда Аскания-Нова оказалась центром военных действий и многократно переходила из рук в руки.

Для некоторых видов, как, наприм., муфлонов и оленей, ключ к произведенной с ними гибридизационной работе утерян, происхождение созданных гибридов неизвестно и стада их представляют собрание всевозможных неопределенных помесей, не имеющих поэтому почти никакого научного интереса.

Еще несколько лет и такая же судьба постигла бы довольно многочисленное стадо зубробизонов и их гибридов с сероукраинским скотом; поэтому в виду громадной научной ценности этого стада ближайшей и важнейшей задачей зоопарка явились восстановление и критическая проверка родословной всех животных стада и его истории, исследование еще неописанных животных и вообще сводка всего, еще сохранившегося в зоопарке материала.

В настоящее время в существенных чертах эта работа закончена и собранные данные уже позволили сделать ряд интересных теоретических заключений, главным образом, по кардинальному вопросу о расщеплении созданных гибридов. Успешно проходящий приплод 1922 года уже к концу лета доставит новый богатый материал для исследования и заключений, а воссоздающаяся зоотехническая лаборатория позволит подвергнуть его более основательной обработке, почему данная работа является предварительной.

Многочисленные, заготовленные для нее фотографии и чертежи по техническим условиям не могли появиться в этом сборнике.

Мы надеемся использовать их впоследствии.

История стада.

Первая пара бизонов была доставлена в Асканию осенью 1897 года. Они прибыли из Германии от торговца дикими животными Менгеса, причем покупка была произведена Владимиром, Николаем и Лидией Фальц-Фейнами в подарок их брату Фридриху.

Так было положено начало работы, которая впоследствии доставила Асканию всемирную славу и является ее наибольшим научным завоеванием.

Бизоны были куплены молодыми: самец 1 года и самка 1½ лет.

По прибытии в Асканию они были сначала помещены в огороженный досчатым забором участок степи, площадью 60 десятин, и оставались там до весны. Туда же было посажено несколько того же возраста телок сероукраинской породы. С посаженными телками бизоны быстро сблизились и стали держаться вместе. Весной следующего года образовавшееся маленькое стадо выпустили в открытую степь и стали пасти вместе с гуртом дойных коров. С этими последними бизоны также быстро и легко сдружились. В силу каких то соображений через некоторое время Фальц-Фейн перевел бизонов в гурт скота, принадлежавшего местным служащим.

В 1898 году, имея всего 2 года от роду, бизон покрыл несколько серо-украинских коров и дал от них следующий приплод:

- 1) В 1899 г. родился полукровный бизон самец, который вскоре пал и 7 декабря 1899 г. его шкура и череп были отправлены в Харьков, (вероятно, в зоологический кабинет университета к проф. Брандту).
- 2) В апреле 1899 г. полукровный бизон Мишка от серой коровы.
- 3) В феврале 1900 г. полукровный бизон Селифон от другой серой коровы.
- 4) В 1900 г. полукровная бизонка Старая от третьей серой коровы.

Эта последняя проявила замечательную жизнеспособность. Она жива до сих пор, дала многочисленное потомство и поныне исполняет обязанность вожака Асканийского стада зубробизонов. Однако, еще до рождения этих гибридов бизон в июне 1899 г. погиб довольно неожиданным образом. Так как бизон проявил признаки какого-то заболевания, то было решено его осмотреть и измерить температуру.

С этой целью ему накинули на шею петлю, привязали другой конец к столбу и стали гонять животное кругом.

Бизон замотал вокруг столба веревку и упал. Его прижали к земле и произвели измерение температуры, но когда операция была закончена, бизон оказался мертвым. Смерть последовала от задушения.

Шкура и скелет этого первого Асканийского бизона (он был означен литерой А) были отправлены в Петербург в Академию наук. Что случилось со скелетом – неизвестно, шкура же была в Петербурге отпрепарирована и в виде чучела хранится в Асканийском музее. На смену погибшего бизона Фальц-Фейн весной 1900 года приобрел новую пару бизонов (быка 4-х лет и телку 1 года).

В марте 1901 г. от него родился первый в Аскании чистокровный бизон, но случайно погиб при рождении.

Таким образом, выяснилось, что американский бизон прекрасно акклиматизируется в южно-русской степи, что он легко превращается в почти домашнее животное и

позволяет пасти себя в стаде вместе с домашним скотом, что он, наконец, прекрасно скрещивается с сероукраинскими коровами и дает от них приплод.

Этот большой успех побудил Фальц-Фейна начать аналогическую работу с Беловежским зубром. С этой целью он обратился с ходатайством о предоставлении ему из Беловежской Пущи пары молодых зубров взамен трех самцов оленей. К этому времени в Аскании уже было очень успешно проведено скрещивание Алтайского марала с благородным оленем. Получились животные с необыкновенно большими и массивными рогами.

Так как вопрос об освежении крови оленей занимал управление Беловежской Пущей, то к предложению отнеслись сочувственно. Дело дошло до императора и 3 февраля 1901 года состоялось „повеление“ о „предоставлении Ф. Э. Фальц-Фейну для акклиматизации двух зубров из Беловежской Пущи: самца и самки взамен трех крупных самцов благородных оленей, происходящих от венгерских и алтайских оленей, причем все расходы по поимке и перевозке были возложены на Ф. Э. Фальц-Фейна“. Однако выполнение обмена задержалось, так как заведующий охотой в Беловежской Пуще Нервли просил воздержаться с поимкой и отправкой зубров до октября месяца в виду наступившего теплого времени, в которое, как ловля, так и транспортирование зубров сопряжено с опасностью для них“.

Когда же наступила осень и предстояло отправить оленей из Аскании, Фальц-Фейн в свою очередь предложил воздержаться от отправки их до того времени, когда олени сбросят рога, т. е. до ранней весны, так как вследствие больших рогов пришлось бы перевозить их в соразмерно высоких клетках. Отнимать же рога он не решался, так как благодаря дикости оленей, это было бы сопряжено с опасностью для них.

Наконец 11 апреля 1902 года олени пойманы и отправлены и взамен 22 апреля 1902 г., были погружены в Асканию два молодых зубра. Отправка состоялась очень поспешно, так как старые зубры окружили ловушку, где находились пойманные молодые и, стараясь проникнуть в нее, дрались между собой. Поэтому пришлось поспешить переводом молодых зубров в клетки, в апреле зубры благополучно прибыли в зоопарк Аскания-Нова. Обмен животными оказался невыгодным для Беловежской Пущи, так как все три асканийских оленя быстро погибли в Пуще от кровавого поноса.

По этому поводу между Фальц-Фейном и управляющим Пущей завязалась интересная переписка. Управляющий Пущей, сообщая о гибели оленей, просил у Фальц-Фейна указаний, каким образом вести акклиматизацию привозимых животных. Он указывал также, что два года назад Пуща получила американских бизонов, но они, не выжив и года, пали. Фальц-Фейн ответил очень длинным письмом, где он приписывает гибель оленей только тому обстоятельству, что они были сразу выпущены в лес и, следовательно сразу перешли к совершенно новым условиям жизни и кормления. Он указывал, что, наоборот, Беловежские зубры в Аскании „находятся в очень хорошем состоянии и

отлично оправились“. Это обстоятельство он приписывает именно тому, что поместив зубров в небольшом огороженном пространстве, их постепенно приучали питаться вместо картофеля и древесных веток обыкновенным степным сеном, которое они теперь предпочитают всякой другой пище. После прививки им сибирской язвы, которую они перенесли легко, их предполагали держать на полной свободе в степи, вместе с домашним рогатым скотом. „К нашему климату“, кончает Фальц-Фейн, „они видимо приспособились и совершенно не страдают от южной жары“.

Обращение с прибывшими в Асканию зубрами было совершенно такое же, как и с бизонами. Их также сначала пустили в огороженный участок степи и также поместили к ним небольшой гурт молодых сероукраинских коров. С этими последними зубры свыклись и сдружились также быстро, как и бизоны.

Между тем со стороны асканийских служащих и рабочих посыпались жалобы Фальц-Фейну, что бизоны, которые ходят в стаде с их коровами, покрывают этих последних и от этого служащие терпят убытки, так как коровы часто не могут растелиться полукровным теленком и при отеле погибают.

К этому времени уже выяснилось, что насколько легко удастся покрытие домашних коров бизоном и зубром, настолько трудно происходит отел. Несколько молодых коров погибли вместе с теленком. Несколько других, в виду невозможности отелиться естественным путем, убивали и извлекали теленка посредством вскрытия. Однако, ни один из таких телят не выжил. В общем, оказалось, что молодым коровам бывает трудно отелиться полукровным зубром или бизоном. Наоборот, старым многотельным коровам это удается более легко. В чем заключается причина этого явления сказать трудно, так как дела зоотехнической станции погибли и никаких данных по этому поводу в Аскании сейчас не осталось.

Фальц-Фейн внял просьбам служащих и перевел бизонов и присоединенных к ним домашних коров в степь отдельным гуртом. Однако, и там они не долго продержались. Когда один из гибридов был убит в драке сероукраинским быком, стадо бизонов изъяли из ведения животноводства и причислили к зоопарку.

Для размещения же их в 1903 г. построили на краю экономии (на т. н. воловне) несколько навесов и небольших загонов при них. Туда же перевели зубров. Немного позднее рядом построили еще одно здание и несколько загонов, сосредоточив в этом месте всех тех животных оленей, антилоп-канна, нильгау и др., которых отбивали от матери, выкармливали из рук и приручив этим путем пасли далее с пастухом в открытой степи. Держать в стаде вместе двух быков, конечно, не представлялось возможным, они могли бы убить друг друга. Поэтому бизона и зубра выпускали к самкам по очереди. Пока бык-производитель имелся только один - чистокровный бизон, характер приплода был, конечно, самоочевиден. Когда же родились и выросли $\frac{1}{2}$ кровные и $\frac{3}{4}$ кровные бизоны и прибавились к стаду зубры, работа усложнилась и началась путаница.

Так, например, полукровный бизон Селифон сначала считался плодовитым, и одну из родившихся метисок (дочь Мурой) признавали его дочерью. Когда же Селифон был кастрирован и микроскопическое исследование показало, что он вовсе не имеет сперматозоидов, тогда эту корову стали считать дочерью $\frac{3}{4}$ кровного бизона.

Или, например, корова „Веселая“ считалась происходящей от бизона „Алехи“ и только впоследствии, когда она приняла типичную внешность полукровной зубрицы, пришлось признать, что здесь произошла ошибка.

Для нескольких животных вообще установить происхождение оказалось невозможным.

Когда проф. И. И. Иванов приехал в Асканию и принял на себя руководство дальнейшим размножением зубробизоньяго стада, он выполнил большую работу по выяснению и распутыванию родословных животных этого стада. Для устранения же возможности путаницы в будущем он изменил самую систему содержания животных. Все быки были посажены в отдельные загоны и коровы пускались к быкам, когда у них обнаруживалась течка. Система проф. Иванова несомненно устранила некоторые затруднения, но зато создала ряд новых, еще худших и, в итоге, совершенно подорвала размножение асканийского стада зубробизонов. Подробнее об этом ниже.

Как было указано вначале, восстановление истории Асканийского стада зубробизонов чрезвычайно затрудняется гибелью дневников и дел зоопарка за период с 1904 до 1914 г. и лишь сопоставляя сохранившийся список и дневник 1914 г., данные работы проф. И. И. Иванова: „О гибридах между бизоном и зубром“, список и дневник 1903 г., журнал препараторского отделения и другие сохранившиеся разрозненные документы, мы все же можем дать хотя и с небольшими пропусками картину, выполненной в Аскании большой работы...

Яната О.

Асканія-Нова: Перший степовий заповідник України

Наука на Україні, 1922. №2. С. 124–127.

Доля Асканії-Нової не тільки цікавить, але турбує і хвилює найширші кола науково свідомої частини нашого суспільства. І не тільки на Україні... Москва і Петербург, а врешті Берлін і Європа, так само не байдужі до Асканії, інформуються про її стан і намагаються з свого боку, так чи інакше, допомогти цьому осередкові науки, всесвітнього значіння, зберегтися й вийти переможцем з тої тяжкої боротьби за існування, що спіткала Асканію за останні роки.

Але цілком зрозуміло, що через технічні труднощі реально зв'язуватися з Асканією і реально дбати за її долю мали змогу в останні роки тільки ті наукові та адміністративні осередки, що територіально найближчі до Асканії.

З них найблище був до Асканії у цей час і найбільше зробив для Асканії Сільсько-Господарський Науковий Комітет України. Це цілком зрозуміло, бо як раз він і має спеціальну Секцію Охорони Природи, що є центральним органом охорони природи на Україні, обов'язком якого звичайно й було в першу чергу дбати за долю Асканії.

Ще 1-го квітня 1919 року, з ініціативи і доповіді Секції Охорони Природи, Раднаркомом України був прийнятий декрет про оголошення Асканії-Нової „Народнім Заповідним Парком“. За цим мала піти реальна праця над здійсненням, вперше таким чином закріпленої державним актом, давньої мрії всіх дослідувачів Асканії, всіх взагалі, хто знав Асканію і розумів її значіння, над збереженням і зміцненням її вже як державного заповідника.

Але політичні і військові події стали цьому на перешкоді. Незабаром Асканія була й зовсім відрізана від Києва і України і відрізана на довго – аж до кінця 1920 р. Під цей час вона проте досить добре зберіглася, бо була в стані державного маєтку, під науковим керівництвом Кримського Університету, при якому була навіть і спеціальна Комісія в справах Асканії.

Як тільки зв'язок з Асканією поновився, С.-Г. Науковим Комітетом негайно-ж був командирований до Асканії (в листопаді 1920 р.) представник Секції Охорони Природи зоолог С. Снігиревський, а в Сімферополі (в грудні) була скликана спеціальна Народа в справах Асканії під головуванням тов. Голови Комітета проф. О. Янати, з участю: проф. М. Кузнецова (ботаник), проф. В. Завадовського (зоолог), проф. Сушкина (зоолог), проф. М. Клепініна (грунтозн.), проф. М. Іванова (зоотехник), доц. Е. Вульфа (ботаник), агр. Я. Савченка, ботаника О. Дойча та інших. Поруч з цим Наркомзем України, до якого перейшла сперше Асканія, як радянське господарство, в порозумінні з Комітетом, тимчасово на чолі Асканії поставив зоолога Б. Фортунатова, що перший з людей науки, ще як червоний старшина, вступив у Асканію, разом з армією, і перший привіз про неї інформації в Харків, він далі приймав участь і в згаданій Нараді у Сімферополі.

На початку 1921 року (в січні) при Наркомземі була організована спеціальна Народа в справах Асканії, що продовжила й синтезувала працю, що була пророблена в Києві, Сімферополі і самій Асканії, що до її дальшої організації і праці. Наслідком цього був декрет Раднаркомом України з 8-го лютого м. р. «Про Асканію-Нову».

Згідно з цим декретом Асканія-Нова проголошена і існує тепер, як «Державний Степовий Заповідник України», при чому територія її збільшена приєднанням маєтків Успенка та Доренбурга, що належали родичам Ф. Фальц-Фейна – власника Асканії.

На чолі Асканії, згідно з тимчасовим положенням про управління нею, затвердженим 20-го січня м. р., стоїть у науковому відношенні С.-Г. Науковий Комітет, а безпосереднє управління Асканією лежить на уповноваженому Наркомзема, з кандидатів Комітета. З початку минулого року таким уповноваженим є Бучушкан, безпосереднім помішником якого по науковій частині Асканії є Б. Фортунатов; з початку ц. р. адміністрація Асканії збільшена заступником уповноваженого в особі Г. Мазуркевича.

З половини м. р. Комітет вживав заходи до укомплектування сталої Дирекції Асканії, при чому на Директора заповідника було обрано Комітетом і затверджено Наркомземом відомого агронома Я. Савченка, але умови так сталися, що він, після кількох місячної напруженої і надзвичайно продуктивної праці, мусів її зріктися і посада директора Заповідника поки-що залишається вільною.

Завдання Асканії, як степового заповідника, сформульовані так званним декретом (§ 3): „Зберегти та вивчити цілинний степ і його природу, зберегти, акліматизувати та вивчити, в умовах степу, що найбільше тваринних та рослинних родів, виробити та масово розвести тваринні і рослинні роди й раси, що мають народньо-господарське значіння“.

Досягнення цих завдань, що не вперше звичайно ставляться Асканії з боку діячів науки, але вперше й виразно визнаються й формуються державою, покладається декретом на такі наукові установи Заповідника (§ 4);

1. Науково-Степова Станція (з заповідним степом і подами).
2. Зоопарк.
3. Ботаничний сад.
4. Зоотехнічна Станція (з племінним господарством).
5. Фіто-технічна Станція,

та інші с.-г. наукові установи, що обслуговують південно-степовий район України.

Загальні наукові установи Асканії – музей та бібліотека – обслуговують перелічені спеціальні.

Як бачимо, на першу чергу, крім того, що й раніш фактично створилися вже в Асканії (Зоопарк, Ботаничний Сад, Зоотехнічна Станція), поставлено те, чого досі Асканії як раз бракувало, і про потребу в чому не мало писалося й говорилося, – організація постійного систематичного і всебічного стаціонарного досліджування асканійського степу, що велося б спеціальною Науково-Степовою Станцією. Крім того додано й нове завдання, що раніш майже не ставилося Асканії, але що безперечно так само з успіхом може й повинно бути поруч виконано нею – це наукове обслуговування нашого степового сільського господарства і в першу чергу – утворення Фіто-Технічної Станції.

Проминув уже рік, як Асканія, таким чином, врешті стала тим, чим давно мусіла стати – державним заповідником, і як у ній, як у заповіднику, почалася реальна робо-

та. І треба сказати, що хоч надто тяжкі були обставини, в яких велася напружена праця в самій Асканії і по за нею, але для неї, в 1921 році, в зв'язку з наслідками переходів військ через Асканію, умовами транспорту, постачання, фінансування і врешті посухи, – але безперечно, що минулий рік не тільки є роком, з якого припинилася дальша руйнація Асканії, але й роком, у якому покладено міцні підвалини для її відродження й розвитку. Налагодження господарства, обводнення, сотні вагонів вантажу, приставленого до Асканії, і багато інших фактів про це об'єктивно свідчать.

Не пропав минулий рік для Асканії і збоку наукового та науково-організаційного. Науково-Степова Станція хоч і не заснована була ще формально в 1921 р, але фактично її праця розпочалася вже систематичними зоологічними, особливо орнитологічними дослідженнями О. Снігиревського. На жаль не пощастило провести навіть епізодичного ботаничного обслідування заповідного степу і території Заповідника. Зоопарк значно оправився від тяжких втрат і вступив у нормальну вже колію свого життя. Приплод нового року це наочно має виявити. В ньому велися вже й наукові праці зоологом Б. Фортунатовим. Ботаничний Сад значно упорядкований, але дуже потерпів від посухи. Зоотехнічна Станція поки що існувала, як господарство, що після великих втрат почало входити в норму. Пророблена велика праця по упорядкуванню архівів Асканії, бібліотеки та музею; складено бібліографію літератури про Асканію і т. и.

Не маючи змоги в короткій статті докладніше зупинитися на характеристиці сучасного стану Асканії, з'окрема її зоопарку то-що, а так само й на характеристиці того, що зроблено в Асканії протягом останнього року, зауважимо, що цьому присвячена спеціальна інформаційна брошура, видана на прикінці м. р. С.-Г. Науковим Комітетом (М. Шарлемань, „Перший Державний Степовий Заповідник України – Асканія-Нова. Коротка інформація про стан його в серпні 1921 р.“ – Київ, 1921 р., стор. 1–8, 82), а так само присвячений ряд статів в українській, переважно Харківській пресі (Бур'янека, Г. Мазуркевича та инш.).

Крім того в журналі „Наука и ее работники“, що видається в Петербурзі, надрукована стаття П. Козлова („Асканія-Нова“ – Наука и ее работники, 1922 р., № 6, стор. 32–36, 80, Петербург), що приймав участь в експедиції з Росії, що відвідала Асканію в осені м. р.

Оце ж тепер друкується вже окремий збірник – „Асканія-Нова – Перший Державний Степовий Заповідник України“, том I, розміром у 11–12 аркушів, видання Секції Охорони Природи С.-Г. Наукового Комітету. У цьому томі міститься чимало справоздань про стан окремих установ Асканії тепер і в минулому, чимало статтів, що до організації Заповідника, окремих його наукових установ, з'окрема Науково-Степової Станції та її Відділів, і кілька наукових розвідок. Взагалі – праці багатьох авторів, у тим числі професорів: М. Завадовського, М. Кузнецова, П. Сушкина, М. Клепініка;

доцентів: М. Шарлеманя, С. Вульфа; агр. Я. Савченка, зоолога С. Снігиревського, Г. Рібергера та инш. Крім того міститься і переклад майже невідомої, надзвичайно цікавої і цінної праці про Асканію Франца Теетцмана – „Про Південно-Російськи Степи та про маєтки герцога Ангальт-Кетенського, що знаходиться в Таврії“, що видана була ще в 1842 р. Разом з цим наготовляються до друку II та III томи Збірника.

Для популяризації Асканії серед широких кол готуються до друку: спеціальна брошура, що вийде і на західньо-європейських мовах, та серія плякатів і діяпозитивів: на черзі – виготовлення фільм для кинематографів.

Основне чергове завдання для Асканії – це організація Науково-Степової Станції при Заповіднику, що з цього року мусить почати працю принаймні в основних своїх напрямках. Статут Станції вже Затверджено. Він передбачає розподіл Станції на такі відділи: Метеорологічний, Гидрологічний (з меліорацією), Грунтознавства (з Геологією), Ботаничний, Зоологічний та Економічний. Комплектується персонал Станції, що складатиметься як з штатних, так і позаштатних співробітників, які-б вели свої досліди в Асканії наїздами. На директора Станції обрано відомого дослідувача степів проф. Г. Висоцького, що незабаром має переїхати до Асканії. У квітні організується колективне одноразове попереднє обслідування Асканії, в якому дали вже згоду взяти участь чимало дослідувачів, спеціалістів з Київ та Харків.

Поруч з цим Секцією Охорони Природи продовжується підготовка широкої Наради з представників наукових установ та наукових діячів, що безпосередньо зацікавлені в організації наукової роботи Асканії. Ця Нарада має бути скликана на прикінці травня або на початку червня в самій Асканії. До неї має почати функціонувати спеціальний Комітет у справах Асканії з представників центральних наукових установ. Таким чином і найширш зацікавлені наукові кола та установи незабаром матимуть можливість взяти участь в організованій спільній праці над зміцненням і розвитком Асканії-Нової – нашого першого Державного Степового Заповідника, що мусить стати і стане одним з найвидатніших осередків всесвітньої науки.

Публікації, тексти яких не вдалось знайти

Окрім 118 публікацій, датованих 1845-1922 роками, включених нами до першого тому антології, за 2,5 роки пошуків у наукових виданнях ми виявили посилання на ще 83 джерела за цей же період, тексти яких нам знайти не вдалось. Список таких, не знайдених джерел, подаємо окремо. В разі якщо ці джерела, а також інші додаткові матеріали, будуть знайдені до завершення видання нашого циклу, вони будуть вміщені у додатковий том.

1845

1. Koeppen P. V. Über einige Landes – Verhältnisse der Gegend zwischen dem Untern Dnjepr und dem Asowschen Meer. Beiträge zur Kenntniss des Russisch. Reiches, 1845. Bd. XII.

1890

1. Conraetz Wilhelm. Ornithologische Mitteilungen aus Sud-Russland. Die Gefiederte Welt. Berlin, 1890. 2, 3, 6, 8, 11, 30, 35, 41 und 42.

1893

1. Conraetz W. Schilderungen aus dem Park und den Vogelstuben des Herrn Falz-Fein in Askania-Nova in Südrussland. Die Gefiederte Welt, Jahrg. 22. Magdeburg, 1893. S. 407ff.
2. Ярошко. В гостях у Ф. Э. Фальц-Фейна. Москва, 1893.

1894

1. Conraetz W. Aus dem Tiergarten des Herrn Falz-Fein. Die Gefiederte Welt. Jahrg. 23. Magdeburg, 1894. S. 349-350.
2. Conraetz W. Die Sanger des Herrn Falz-Fein in Askania-Nova. Die Gefiederte Welt. Berlin, 1894. 52.

1897

1. Conraetz W. Das Vogelhaus und grosse Flungkafig im Tiergarten, des Herrn Falz-Fein. Die Gefiederte Welt. Jahrg. 26. Magdeburg, 1897. S. 61-62.
2. Conraetz W. Schilderung aus dem Park und den Vogelstuben des Herrn Falz-Fein. Die Gefiederte Welt. Berlin, 1897. 38, 41, 45, 46, 48.

1898

1. Conraetz W. Aus Herrn Falz-Fein Tierpark. Die Gefiederte Welt. Jahrg. 27. Magdeburg, 1898. S. 30.
2. Knupfer. Mitteilungen über seine Excursion and die Insel Tender. Dorpat Naturforscher Gesellschaft. Jahrg. 1898.
3. Денп Н. Несколько слов о зоологическом саде Ф. Э. Фальц-Фейна. Естествознание и география, 1898. № 3. С. 62–67.

1899

1. Conraetz W. Weitere Plaudereien aus Herr Falz-Feins Zoologisches Park. Natur und Haus. Berlin, 1899. Jahrg. 8. S. 361, 391, 404 and 1900. Jahrg. 9. S. 51. VI. 16 und 23. Bd. VII. 8, 9, 12, 14.

1900

1. Conraetz W. Neues aus dem Tierpark des Herrn Falz-Fein. Askania-Nova. Natur und Haus. Jahrg. 8. 1899. S. 361, 391, 404. Jahrg. 9. 1900. S. 51. Berlin. Jahrg. VIII. 1899. Yeft 9, 11. Berlin.
2. Conraetz W. Sprosser und Nachtigalen im Tierpark des Herrn Falz-Fein, Askania-Nova, Taurien. Natur und Haus. Berlin, 1899. Jahrg. 8. S. 361, 391, 404. 1900. Jahrg. 9. S. 51.
3. Falz-Fein F. Der Tarpan oder das zentralasiatische Wildpferd (*Equus Przewalskii* Poljak). Natur und Haus. Berlin, 1900. Jahrg. 9. Heft 9.
4. Ottingen (von) Albert. Ein interessanter Bastard. Berliner Illustrierte Zeitung. 31-III-1900. 13.

1901

1. Falz-Fein Friedrich. Der Tarpan oder das zentral-asiatische Wildpferd (*Equus przewalskii*) [mit 5 Abb.]. Natur und Haus, Bd. 9. Berlin, 1901. S. 301–304.
2. Falz-Fein F. Mitteilungen aus meinem Tierpark. Natur und Haus. Berlin, 1900/1901. Jahrg. 9. Heft 9. S. 373-379.
3. Matschie P. Wilde Pferde im Park des Herrn Falz-Fein in Askania-Nova. Illustrierte Zeitung. Berlin, 7-III. 1901. 3010. S. 366.
4. Wagener B. Neues aus der Tierwelt. Illustrierte Zeitung. Leipzig und Berlin, 1901. Bd. CXVII. 3048, von 28-XI. S. 819 f.

1902

1. Bussius E. Jagdliches aus Sudrussischer Steppe. 1902.

1903

1. Гибер-фон-Грайфенфельд А. В. Коневодство и коннозаводство в имениях наследников Фальц-Фейна Таврической губернии Днепровского уезда. Перекоп, 1903. 21 с.

1904

1. Walter. Erinnerung and die diesjährige Eichtruntst. Baltische Weidmannsblätter, 1904. 23.
2. [И. Е.] Аскания-Нова. Журнал „Охота“ / под ред. Оппокова, 1904. №2. С. 26-27.

1905

1. Bussius E. Diesjährige Straussenzucht im Tierpark des Herren Fr. Falz-Fein zu Askania-Nova. Der Zoolog. Garten, Frankfurt a M., 1905. 46 Jahrg. №5. S. 139-144.
2. Heck L. Ein Tierparadies in Schwarzen Meer. Berliner Illustrierte Zeitung. Berlin, 1905. 44. S. 426.
3. Heck L. Im zoologischen Paradiesgarten. Velhagen und Klassings Monatshefte. Berlin, 1905. XX. 2. S. 215-236.
4. Пачоский И. К. По поводу Perdix atenicoia But. Псовая и Ружейная Охота, 1905. № 2. С. 26.

1906

1. Drucke Artur. Askania-Nova. Die Geschichte einer Kolonie Anhalts in Sud Rusland. Inaugural – Dissertation. 1906. Halle. 65 s.
2. Прохоров Н. Девственная степь Аскания-Нова. Мат-лы по изучению русских почв. СПб., 1906. Вып. 17. С. 45–59.

1907

3. Пачоский И. Материалы для флоры северной части Таврической губернии. Записки Новороссийского Общества естествоиспытателей, 1907. Т. XXXI. С. 31–32 .

1908

4. Ильин С. Аскания-Нова, зоологический сад Фальц-Фейна. Северное Сияние, 1908. № 2. С. 3–13.

1909

1. Ильин В. С. Аскания-Нова. Вести. Московск. Зоолог. Сада, 1909. № 3. С. 145-156.
2. Княжнин С. У миллионеров-культуртрегеров. Мир, 1909. № 17. С. 20.
3. Пачоский И. К. Материалы по вопросу о сельскохозяйственном значении птицъ. Херсон, 1909. 85 с. (Издание Херсонскаго Земскаго общества).

1910

1. Voltz Wilh. Ein Ausflug in die Sudrussiesche Steppe (Vortrag). Nachrichte aus dem Klub der Landwirtschaft zu Berlin. 541. 11-VI-1910.
2. Voltz Wilh. Ein Ausflug in die Sudrussische Steppe. Deutsche Landwirtschaftliche Presse. Berlin. 10, 13, 17 und 20-VIII-1910. 63, 64, 65, 66.

3. Zograf N. L'exposition d'acclimatation et les congres des acclimatis russes a Moscou en aout 1908 (1). Bulletin de la Soc. Nat. d'Acclimatation de France. Avril, 1910. P. 138-139.
4. Иванов И. И. Зоологический Сад Ф. Фальц-Фейна и его значение, как научно-зоотехнической станции. Труды Второго Всероссийского съезда ветеринарных врачей в Москве, 1910. Т. 4. С. 1254-1261.
5. Иванов И. И вопросу о плодовитости гибридов домашней лошади: зеброидов и гибридов лошади Equus Przewalskii. Известия Академии Наук, 1910.
6. Пачоский И. Современные задачи изучения растительного покрова. Записки Имп. Об - ва Сельского Хозяйства Южной России. Одесса, 1910. №3. С. 24-50.

1911

1. Gernet von, A. Askania-Nova. St.-Petersburger Zeitung. 1911. 259. 18-IX, 1-X.
2. Ivanoff E. Fertilité des hybrides de Bison americanus + Bison Europeus. Comptes rendus des Seances de la S-te de Biologie, Séance du 8-IV-1911, T. I. XX. P. 584.
3. Iwanoff E. Der Zoologische Garten von Fr. Falz-Fein. Jahrbuch fur Tierzucht. 6 Jahrg. Hannover. 1911.
4. Кайгородов Дм., проф. Опыты изследованія хода весенняго пролета белого аиста в Европ. Россіи. Известия Лесного Института, 1911. С. 13.
5. Куницкий Р. В. Сказочный оазис. Природа и люди, 1911. № 1. С. 6-7.
6. Куницкий Р. В. Сказочный оазис. Природа и люди, 1911. № 2. С. 26-27.
7. Погоржельский В. Отчет о деятельности Московск. Зоолог. Сада за 1911 г. (про Асканию ст. 6 – 8). Годичный отчет о деятельн. Имп. Русск. Общ. Акклим. Животи. и Растений и его отделений за 1911 г. Москва, 1912.

1912

1. Klebs K. (nach M. Markoff). Askania-Nova. Illustrierte Landwirtschaftliche Zeitung. 31 Jahrg. 1912. 24-IV. 33.
2. Markoff M. Askania-Nova. Illustrierte Landwirtschaftliche Zeitung, 1912. 33.
3. Soffel Else. Pferdespringer. Lebensbilder aus der Tierwelt. Bd. III. Herausgegeben fon Karl Soffel. Leipzig, 1912. S. 108-116.
4. Soffel Karl. Der Tierpark des Herrn Falz-Fein zu Askania-Nova. Zoolog. Garten. Breslau, 1912. Heft 62.
5. Алехин В. Аскания-Нова – замечательный оазис в степях Таврической губернии. Вестник воспитания, 1912. № 1. С. 192 – 215; и №2.
6. Пачоский И. Заметки о флоре Днепровского уезда Таврической губернии. Одесса, 1912. 31 с. Тоболкин Я. А. Впечатления из поездки в „Аскания - Нова“. Вести. Зоолог. Сада. Москва, 1912. № 6. С. 338 – 347.

1913

1. Alechin W. Bilder aus Askania-Nova. Deutsche Jager-Zeitung. Neudamm, 1913. №48. Bd. LXI. S. 774-775.
2. Falz-Fein F. et Iwanoff E. A propos du problem de la Telegonie. Comptes rendus de saances de la S-te Biologique. Paris, 1913. T. LXXIV. P. 1029.
3. Genthe F. Ein russischer Tabun in Dessau [mit 3 Abb.]. Sport im Bild, Jahrg. 19. Berlin, 1913. S. 474f.
4. Matschie P. Ein wundersames Tierheim in Sudrussland. Da bin ich. Jahrg. Berlin, 1913. 2. S. 23-24.
5. Soffel Else. Aus dem Tierpark des Herrn Falz-Fein zu Askania-Nova. Deutscher Jager. 1913. 35 Jahrg. 28. S. 603-605.
6. [П. М]. Таврическая сказка (зоопарк «Аскания – Нова»). Солнце России, 1913. № 48 (199) ноябрь. С. 15-16.
7. Анучин Д. М. Охрана памятников природы. Вокруг света, 1913. № 9.
8. Выставка «Охраны памятников природы». Харьковские губернские ведомости, 1913. 23 августа.
9. Дойч А., Яната А. Дополнительный список растений севера Таврической губернии. Труды Естественно-Исторического Музея Таврического Губернского Земства. Симферополь, 1913. Т. 11. С. 291-316.
10. Козлов П. К. Аскания-Нова и ее современное положение. «Мозаика»: сборник, издаваемый учениками VIII класса фимской мужской гимназии. Уфа, 1913. № 3. С. 37-50.
11. Козлов П. К. Правда о дикой лошади Пржевальского (*Equus Przewalskii*). Газета «Новое Время», 21-VII 1913. С. 3. и журнал Землеведение, 1913.
12. Кулагин Я. Об искусственном оплодотворении у лошадей. Вестн. Животноводства, 1913. лист № 5. С. 426 – 434.
13. Малышев С. Зоологический сад Фальц - Фейна (к отчету о командировке в Аскания-Нова). Труды С. - Петербургского Об - ва Естествоиспытателей, 1913. Т. XII. Вып. 1. № 5 – 6. С. 253–260.

1914

1. Stoll F. Der Tierpark des Herrn Fr. Falz-Fein in Askania-Nova. Deutsche Monatsschritte fur Russland. Reval, 1914. 56-er Jahrg. Heft 7. S. 516-521.
2. Stoll F. Der Tierpark des Herrn Fr. Falz-Fein in Askania-Nova. Neue Baltische Weidmannsblätter. Riga, 1914. Oktober, 19. S. 433-439.
3. Браунеръ А. Млекопитающія Новороссіи. Хорекъ, норка, выдра. Записки Крымского общества естествоиспытателей, 1914. № 6-7. С. 35-36. (фрагмент)

1915

1. Козлов П. К. В южно-русских степях. Газета „Русские Ведомости», 136 от 14/VI-1915 г.

1916

1. [б/а] Аскания-Нова – знаменитый акклиматизационный зоопарк. Хуторянин, 1916. № 20. С. 406–407.

1917

1. Conwentz W. Eröffnungsrede bei der achten Konferenz für Naturdenkmalpflege. Beiträge für Naturschutz. Berlin, 1917. Fussnote. Bd. VI.
2. [б/а] Заповедники и их задачи. Наша Охота, 1917. № 3.
3. Пачоский И. К. Целинные степи окр. Аскании. Степные заповедные участки Аскании, степные поды окр. Аскании. Мат. по исследов. почв и грунтов Херсонской губ., 1917. Вып. 13. С. 6-43. 193 -210.

1918

1. Matschie P. Eine neue Form des Zwerghamsters, *Cricetus falzfeini*. Sitzungsberichte der Gesellschaft naturforschender Freunde. Berlin, 1918. Nr. 8. S. 298.
2. Soffel Karl. Askania-Nova. Kosmos. Stuttgart, 1918. Jahrg. 15. S. 101-108.
3. Über das Schicksal des bekannten Tierpark in Askania-Nova. Deutsche Jäger Zeitung. Neudamm, 1918. Bd. LXXI. S. 87.

1919

1. [б/а] Киевские «Известия» №11 (38), 3.IV. 1919 г.
2. Фортунатов Б. В Аскании-Нова. Охотник. Москва, 1929. № 7. С. 18-19.

1920

1. Завадовскій М. Асканія-Нова. I. Южная Ведомости, 1920. №139.

1922

1. [б/а] Аскания-Нова. Вісти ВУЦВКУ, 1922 р., № 5 3.
2. Котов М. Совецание ботаников по участию в районировании Украины и в работах Аскании-Нова. Наука на Украине, 1922. №2. С. 150.

Іменний покажчик публікацій про «Асканію-Нова» 1845-1922

- Ackermann, K. – 185.
Aman. – 24.
Antonius O. – 453.
Assanow. – 440, 441.
Brehm. – 185.
Bruders A. – 451.
Büchner. – 440, 441.
Clemens. – 440.
Conwentz H. – 416, 423, 426, 437, 440.
Driedger. – 31.
Drücke A. – 144, 423.
Durilin A. – 451, 454, 456.
Engler. – 426.
Ewart J.C. – 186.
Falz-Fein F. (див «Фальц-Фейн Ф.Е.»)
Falz-Fein V. – 96.
Flower. – 188.
Gallatin A. – 182.
Gernet, A. – 202, 423.
Gisborne. – 182;
Hagenbeck. – 441, 457.
Hahn. – 188.
Heck L. – 79¹, 99, 144, 172, 174, 175, 202,
423, 435, 492.
Heinroth. – 435.
Herodot. – 79.
Hindmarsch. – 182.
Iwanoff E. – 182, 185, 186.
Iwantschenko T. – 35.
Katharina II. – 80.
Kehmann, A. – 143
Keretschenko L. – 35.
Klim. – 444.
Koltschanow A. – 454.
Köppen T. – 454.
Kretschmer. – 454.
Martens. – 31.
Matschie P. – 424, 430, 441.
Meer. – 64, 65.
Müller. – 24.
Noack. – 188.
Oettingen, 457.
Oliw. – 454.
Petri B. – 73.
Poljakoff. – 187.
Raake Hans-Ulrich. – 16.
Rafinesque. – 182, 184.
Ramme. – 457.
Regier. – 31.
Salensky W. – 187.
Schatilow. – 454, 456.
Schweinfurth. – 429.
Sisowjew P. – 453, 454.
Soffel E. – 237.
Soffel K. – 237, 424.
Ssemikopenko S. – 35.
Stephan. – 187.
Suchetet A. – 185.
Suchetet A. – 185.
Teetzman F. – 3, 17, 19, 43, 64, 271, 530.
Töws. – 31.
Trouessart. – 188.

1 Підкресленням відмічені згадки про осіб в авторстві статей.

- Tuzson J. (*див. Тужон Я.*) – 259.
Uchtomski. – 441.
Ungewitter H. – 114.
Vogt C. – 182.
Wagener B. – 424.
Weigel M. – 418.
Weiner D. R. – 15.
Werner. – 24.
Wickliff R. – 182.
Wiegmann. – 182.
Wittmack. – 427.
Woronzow. – 19.
Аверін В.Г. – 12, 13.
Акімова О. – 16.
фон-Альберт – 269.
Альошин В. – 231, 422.
Ангальт-Кетенський Фердинанд, герц. –
10, 264–269, 340, 341, 342, 344
Андреевский И. – 35, 43.
Антгальд-Дессауский герц. – 272.
Антгальт-Бернбургський герц. – 272.
Анучин Д.Н. 303, 304, 399
Арнольди В. М. – 519.
Асанов (Assanow). – 198, 199, 366, 440.
Ашерсон. – 279.
Бабчук О. – 16.
Барей Т.І. – 134.
Батурину О. – 16.
Безнос М. – 16.
Бейер М.М. – 459, 464.
Беккер. – 234.
фон-Бер – 269.
Бернбанк Л. – 228, 384.
Бессер. – 292.
Білокінь С.І. – 16.
Білоусів М. – 13.
Біляшівський М. Ф. – 411.
Біхнер Є.А. – 310, 366.
Боплан. – 402.
Бордзиловський Е. І. – 411.
Борейко В.Є. – 15.
Бородін І.П. – 231, 304, 307, 322, 324, 359.
Брауман. – 269.
Браунер О.О. – 134, 306, 399, 511, 518, 520.
Бризгалін Г.А. – 459, 460.
Бубела О. – 16.
Бужора А. – 16.
Бузунко П. – 16.
Бурьяненко Н.А. – 510.
Буссіус. – 220.
Бучушкан Г.І. – 507, 509, 515, 528.
Бюхнер. – 226.
Васильюк А. – 16.
Васильюк О. – 15.
Веселовский С. Ф. – 506, 507, 510, 515-
517, 520.
Винарська Т. – 16.
Висоцкий Г.М. – 13, 411, 510, 518, 520.
Вишня О. – 10..
Вігтенштейн. – 322.
Віленський Д. – 13.
Волошинов М.П. – 292.
Вольф М. М. – 519.
Вульф Є. 479, 527, 530.
Вяземський Б.Л. – 230.
Гавриленко В. – 6.
Гавриленко Н. – 16.
Гагенбек. – 199, 220, 367.
Гамсун К. – 227.
Гекк Л. (*див. Неск Л.*)
Гельме О. Ф. – 507.
Гельмер О. – 514.
Гончаренко О. – 16.
Горький М. – 394.
Грама В.Н. – 11, 12, 14.
Граулен Ж. – 10.

- Гребнер. – 280.
Грицанюк В. – 16.
Гроте Г. – 326.
Грум–Гржимайло. – 226, 355, 366.
Грунт В. – 507, 515.
Гузь Г. – 16.
Гусак С. – 16.
Гусак С. – 16.
Давидов Д. – 16.
Данилевский. – 520.
Дарвін. – 504.
Дедусенко Н. Т. – 507.
Депп Н. – 190, 201.
Дергунов Н.М. – 510, 516.
Десятова-Шостенко Н. – 10, 14.
Джагман Р. – 16.
Дзевановський С.О. – 506, 515.
Димо. – 164.
Динник Н.Я. – 400
Дідусенко Н. – 515, 518.
Добровольська Н. – 16.
Дойч О. – 479, 527.
Доценко Н. – 16.
Дубняк К. – 12.
Дубянський В. – 464.
Дуганов М. І. – 411.
Дунаєва Ю. – 16.
Егоров М. А. – 507, 510.
Емар Г. – 224.
Енгельке (Энгельке) Г. – 172, 176, 202.
Егоров І – 276.
Егоров М. – 514, 516, 518.
Єрмолов О.С. – 324.
Єрмощенко – 512, 513.
Єрьоміна Є.В. – 306,
Завадовський М. – 475, 486, 491, 504,
519, 527, 529.
Завистовський П. П. – 411.
Залеський К. – 330, 411, 474, 489.
Замчалов Г. – 15.
Запаловіч – 289.
Захаров С.С. – 460.
Зеленецький, Н. – 143.
Зіненко О. – 16.
Зінченко А. – 16.
Исполатов. – 124.
І.П. – 506.
Іванов І.І. – 201, 202, 227, 273, 388, 472,
476 502, 504, 519, 520, 525.
Іванов М.Ф. – 10, 179-181, 190, 201, 202,
365, 368, 486, 519, 520, 504, 527.
Ільїн С. – 202.
Ільмінська Л. – 16.
Кавурка В. – 16.
Казачек В. Г. – 519.
Капніст. – 414.
Караваєв В. А. – 507.
Караваїв В. – 514, 518.
Карамзин. – 303.
Кедер А. Я. – 507, 514, 515.
Келлер Б.А. – 164, 282, 285, 286, 287,
293, 336
Кесслер К.Ф. – 402.
Кирильцев І.П. – 137.
Клеманс Д.А. – 366.
Клепінін М.М. – 10 , 292, 486, 511, 516,
518, 520, 527, 529.
Кнічер Н.К. – 181.
Кнорріг. – 220.
Княжинін С. – 202.
Коваленко І. – 16.
Козлов П. К. – 519.
Козлов П.К – 9, 10-12, 231, 264, 272,
273, 307, 309, 323, 339, 345, 359, 368,
399, 405, 464, 480, 492, 529.
Козлова Є.В. – 405.

- Ко-ко (див «Колодько М.»).
Колодько М. – 10
Конвенц Г. (див. «Conwentz H.»).
Конрац В. – 423.
Коржинський. – 277.
Коршиков А. А. – 519.
Котов М. (М.К.) – 506, 507, 510, 511, 514,
515, 518.
Кочубей, гр. – 303
Крафт–Паліїв П.Н. – 511, 514.
Кречун Б. М. – 411.
Крилов. – 277.
Кузнецов М. – 479, 486, 527, 529.
Кузнецов. – 283, 284.
Кукшин О. – 16.
Кулагин Н. Н. – 519.
Кулішов М. – 16.
Кульф Є. – 486.
Куницький Р.В. – 220, 368.
Купер Ф. – 224.
Кученко Б. – 16.
Кучер А. – 16.
Кяго О. – 16.
Лавренко Е. М. – 13, 507.
Лавренюк П. – 506.
Лакиза О. – 16.
Ластикова Л.– 15.
Лебедєв В. – 412.
Левченко Хв. – 506.
Леопольд-Фридрих герц. – 272.
Липській В.І. – 143 287, 288, 289.
Литвин М. – 401.
Ліндемманн. – 287.
Лукашевич І. – 368, 373, 377, 380, 383, 386.
Магомет В. – 16.
Мазуркевич Г. С. – 507, 509, 515.
Малахов Ю. – 16.
Малишев С. – 202, 273.
Малюшицький Н. – 506.
Манштейн Е. – 6.
Марват З. – 16.
Марков М. – 217, 222.
Марушак О. – 16.
Марченко Т. – 16.
Матчи. – 492.
Медведєв С.І. – 12, 13, 14, 15.
Мензбир М.М.– 393, 396.
Мерц. – 3.
Микола І, цар. – 265, 302, 303, 321,
341 344, 357, 368, 384.
Мітрясова О. – 16.
Мокржецький С.А. – 202, 222, 292, 368,
384.
Морозов полк. – 483.
Москалев С. М. – 507.
Москаленко Ю. – 16.
Москвичів С. – 506, 515, 518.
Нагорний А. В. – 519.
Наносов. – 492.
Науманн Ф. – 4.
Нейфельд. – 294.
Нечаєва Н.Т. – 14.
Ніколаєв В.Ф. – 263, 489.
Ніколенко А. – 16.
Новіков А. – 16.
Обремський В. – 506.
Огнев С.І. – 390.
Онищенко К. – 16.
Онтонич Н – 273.
Оппоков (Оппоків) Є. – 14, 506.
Осадча-Яната Н.Т. – 14.
Очан М.С. – 292.
Падалко В. – 16.
Падалко В. – 16.
Палладин О. В. – 519.
Паніна гр. – 303.

- Пархоменко В.– 15.
Пачоскій (Пачоський) І.К. – 124, 134,
139, 143, 229, 231, 233, 234, 235,
256, 258, 259, 274, 294-301, 305, 307,
325, 335, 362, 424, 498, 507-509, 514,
515, 518, 520.
Педаєв Д. К. – 507, 509, 514, 515, 518.
Педан. – 413.
Перовська О. – 15.
Петрівський Т. – 392.
Петровський – 512, 513.
Петрушенко А. – 16.
Плющ Т. – 16.
Поляков . – 366.
Портенко Л.А. – 410, 411, 478, 488.
Потоцький І. гр. – 304, 399.
Правіков Г.А. – 14.
Презент І.І. – 13.
Пржевальський М.М. – 198, 226, 309, 322,
346, 355, 358, 366, 383, 480.
Пржиборо А. – 16.
Прохоров Н. – 144, 305, 424.
Прошкина А. – 518.
Прошкина А. І. – 507.
Радионова Т. В. – 507.
Раковський Х.Г. – 14.
Резніченко (Різніченко) В. В. – 506, 507,
510, 513, 515, 516, 518.
Риберг Г. І. (*див. Рібергер Г.І.*)
Рибергер (Рібергер) Г.І. – 468, 510, 515,
516, 520, 530.
Риков Ар. . – 294.
Риков Е.В. . – 294.
Риков Ол. – 294.
Різун О. – 16.
Роборовський 309
Родіонова Т. – 515, 518.
Розанов М.П – 292.
Романову П. – 16.
Романюк У. – 16.
Русанова А. – 16.
Рябков І.З. – 134, 163.
Савченко М. – 16.
Савченко Я. – 486, 487, 511, 518, 519,
527, 528, 530.
Саразен П. – 325
Свиренко А. А. – 519.
Сент–Ілером А. – 203.
Сиянко (Сіянко) К.Є. – 468, 515, 520.
Сіренко І. – 16.
Снігіревський С – 486, 487, 507, 510, 515,
516, 520, 527, 530.
Соколов Н.А. – 142, 169, 170.
Солімчук М. – 16.
Соффель (*див. Soffel K.*)
Срединский Н.К. – 124, 143.
Срезневський Б. – 506.
Станкович. – 274.
Станчинський В.В. – 12, 13, 14.
Стевень. – 286.
Стояновский Н. М. – 507, 510, 515.
Стрельченко Л. – 16.
Сукачьев В.М. – 336.
Супруненко – 302.
Сухомлинов 414.
Сушкин П. – 486, 492, 529.
Сушкина. – 527.
Талієв В.І. – 124, 230, 323, 325, 393, 405,
413, 462, 473, 488, 508, 519.
Танфільєв Г. – 412.
Тарасенко Є. 511.
Тарнани І. К. – 13, 507, 510, 515, 516,
518, 519.
Теетцман Ф. (*див. «Teetzman F.»*).
Тихомиров А.А. – 198.
Толстой Л. – 228.

- Топоров. – 134.
Трилицький О. Л. – 507, 509, 514, 515.
Тротнер В.В. – 16.
Тужон Я. (*див Tuzson J.*) – 256, 259, 274.
Тутковський П.А. – 411, 489, 506.
Тушкан П. Х. – 411.
Фаліїв І. Н. – 411.
Фальц. – 10.
Фальц-Фейн В.Е. – 5, 11, 420.
Фальц-Фейн Г.І. – 308, 420.
Фальц-Фейн Е.І. – 10, 308, 344.
Фальц-Фейн Е.Ф. – 6, 420.
Фальц-Фейн І.І. – 308.
Фальц-Фейн Й. – 420.
Фальц-Фейн К.Е. – 134, 161.
Фальц-Фейн О.І. – 308.
Фальц-Фейн С.Б. – 308, 371.
Фальц-Фейн Ф.Е. (Falz-Fein F.). – 3, 4,
9-12, 15, 76, 79, 99, 125-127, 134-
138, 144, 148, 150, 151, 154, 157,
159, 161, 165, 172, 179, 180, 181,
184, 185, 189-193, 197-202, 204,
215, 217, 218, 222, 223, 225-231, 235,
240, 251, 254, 256-260, 263, 264,
272-275, 294-299, 302-311, 313,
315, 316-319, 321-323, 325, 326,
330, 333-337, 344-355, 357, 363,
366-368, 370-373, 378, 384, 387,
388, 391, 394, 399, 411-413, 415,
416, 419, 420-424, 426, 427-432, 436,
437, 440, 444, 445, 451, 459-462, 464,
465, 468, 473, 474, 478, 480, 486,
488, 490, 491, 496, 500, 511, 513, 517,
521-527.
Федоровський О.С. – 297, 507, 510, 511,
516, 518, 519, 520.
Федосєєв С. – 143.
Фейн Ф.І. – 11, 272, 308, 344
Фенцль. – 289.
Филипенко Ю. А. – 519.
Филипенко. – 520.
Фішер. – 294.
Фортунатов (Фортунатив) Б.К. – 10, 14,
479, 487, 507, 509, 510, 515, 519, 520,
521, 527, 529.
фон-Фрейганг. – 341.
Харитоненко – 181.
Цейке Л.Е. – 322.
Чащина А. – 16.
Черкаська І. – 16.
Чернишова К. – 16.
Черняєв – 286.
Шалит (Шаліт) М. М. – 10.
Шарлемань М.В. (Е.В.) – 9, 323, 396, 397,
401, 411, 412, 413, 474, 486, 488,
506, 520, 530
Шван Х.К. – 4.
Шестериковъ, П. – 143.
Шлейфер – 302
Шмальгаузен І. – 234, 276, 277, 281, 284,
286, 287, 289, 292.
Шостенко Н. (*див «Десятова-Шостенко Н.»*)
Штехов. – 399.
Шумер О.А. – 14.
Шумський О.Я. – 12.
Щебетюк Н.Б. – 16.
Щерба Ю. – 16.
Щоголів І.М. – 292.
Щур Ю. – 16.
Я. (*див. «Яната О.А.»*)
Яната О.А. – 10, 12, 14, 291, 335 473,
479 486, 488, 506, 507, 509, 510,
515, 520, 526, 527.
Янчук В. – 16.

Покажчик періодичних видань

- Biologisches Centralblat, 1911. – 182, 185.
Botanikai Kozlemyek, 1913. – 256, 259.
Bulletin Bimensuel de la Societe Nationale D'Acclimatation de France, 1889. – 76.
Gesellschaft Naturforschender Freunde zu Berlin magazine, 1919. – 451.
Sitzungsbericht der Gesellschaft naturforschender Freunde zu Berlin, 1919. – 445.
Sonderabdruck aus: Beitrage zur Naturdenkmalpflege, 1919. – 415.
Westermanns Monatshefte. Braunschweig und Berlin, 1913. – 237.
Бюллетени Харьковского общества любителей природы, 1912. – 235.
1915. – 330.
1917. – 393, 397.
1918. – 405.
Вісник І Агрономично-Економічного Зізду, 1917. – 401.
Вісти природничої секції Українського наукового товариства, 1919. – 474.
Вісти-Ивестия (Одеса), 1922. – 491.
Вісті ВУЦИК, 1922. – 513.
Вістник сільсько-господарської науки, 1922. – 506, 511, 519.
Естествознание и география, 1911. – 190.
Записки Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, 1908. – 139.
Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, 1913. – 274.
1914. – 306.
1916. – 390.
Записки Новороссійского общества Естествоиспытателей, 1904. – 124.
1918. – 412.
Збірник постанов та розпоряджень робітниче-селянського уряду України, 1922. – 512.
Землеведение, 1914. – 304.
Зоологичний журнал України, 1921. – 477.
Известия государственного степного заповедника «Аскания-Нова», 1922. – 521.
Киевская мысль, 1914. – 323.
Книгарь. Літопис Українського письменства, 1919. – 464.
Красная-Новь, 1922. – 491.
Крымский Вѣстник, 1911. – 222.
Любитель природы, 1911. – 217.
Материалы по исследованию почв и грунтов Херсонской губернии, 1912. – 235.
Народня справа, 1918. – 412, 413.
Наука и ее работники, 1921. – 480.

Наука на Украине, 1922. 506, 518, 526
Нова Рада, 1917, – 392.
1918. – 410.
Новое Время, 1913. – 264.
Орнитологический вестник, 1915. 362, 363
Охотничий вестник, 1916. – 368, 373, 377, 380, 383, 386.
Природа, 1912. – 230.
1914. – 306.
1919. – 464.
Протоколи і постанови попередньої Наради Природників України з 6 серпня 1918 року.
Вісті природничої секції Українського Наукового товариства, 1918-1919. – 473, 474.
1918. – 411.
Птицеведение и Птицеводство, 1911. – 229.
1915. – 326.
Путеводный Огонек, 1908. – 172, 176.
Рада, 1911. – 189.
1912. – 230.
Русская Старина, 1914. – 307.
Русские Ведомости, 1915. – 359.
Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета, 1912. – 231.
Труды естественно-исторического музея Таврического губернского земства, 1913. – 291.
Труды Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей, 1911. – 202.
Український ботанічний журнал, 1921. – 479
Утро, 1908. – 137.
1910. – 179-181.
1911. – 190.
1913. – 263, 273.
1914. – 302, 303.
Хозяйство, 1917. – 396.
Южная Сельско-Хозяйственная Газета, 1911. – 217.
Южняя Ведомости, 1920. – 475.

Зміст

Літописні сторінки дослідження і збереження природної спадщини в Асканії-Новій.	3
Передмова від упорядників.	7
1845	
Teetzmann Franz. Ueber die Südrussischen Steppen und über die darin im Taurischen Gouvernement belegenen Besitzungen des Herzogs von Anhalt-Köthen.	17
1889	
Falz-Fein. Creation d'un Jardin Zoologique en Russie par M. Falz-Fein.	76
1903	
Heck L. Steppe und Steppenwirtschaft.	79
Heck L. Im Zoologischen Paradiesgarten.	99
1904	
Пачоский І. Очеркъ растительности Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи (фрагмент).	124
1906	
Пачоский І. К. Объяснительный каталогъ Естественно-Историческаго музея Херсонскаго губернскаго земства. (фрагменты).	134
1908	
[б/а] На акклиматизаціонной выставкѣ.	137
Пачоский І. Причерноморскіе степи. Ботанико-географический очерк.	139
Энгельке Г. Африка в России (Зверинець Фальць-Фейна).	172
Энгельке Г. Африка в России (Зверинець Фальць-Фейна).	176
1910	
[б/а] Благодарность.	179
[б/а] Корреспонденци.	179
[б/а] Мѣстная жизнь. Публичні лекціи.	179
[б/а] Публичная лекція.	180

[б/а] Реклама	180
[б/а] Учебныя заведения	181
[б/а] Хроника учительських курсов	181

1911

Iwanoff E. Die Fruchtbarkeit der Hybriden des Bos Taurus und des Bison americanus.....	182
Iwanoff E. Zur Frage der Fruchtbarkeit der Hybriden des Hauspferdes.....	185
[б/а] Всякі звістки	189
[б/а] Зоологичний сад	189
[б/а] Мѣстная жизнь. Питомникъ въ Университетскомъ саду.....	190
Ивановъ М. Ф. Акклиматизаціонный зоологической садъ Ф. Э. Фальць-Фейнам въ Асканіи-Нова, Таврической губерніи.....	190
Мальшевъ С. Зоологической садъ Ф. Э. Фальць-Фейна.....	202
Марков М. Аскания-Нова	217
Мокржецкий С. А. Несколько слов об акклиматизационном зоологическом парке в Аскании-Нова Ф. Э. ФальцьФейна	222
Пачоский І. К. Заметка о гнездовании шилохвости (<i>Dafila acuta</i>) в поду Аскания Нова.....	229

1912

[б/а] Всякі звістки	230
[б/а] [В. Талієв] Современная разруха и охрана природы	230
Алехин В. Некоторые новыя свѣдѣнія относительно растительности Асканіи-Нова	231
Дипломъ	235
Пачоский І. К. Описание растительности Херсонской губернии, ч. III // Плавни, пески, солончаки, сорные растения.....	235

1913

Soffel Karl und Else. Im Steppenpark zu Askania-Nova. Ein Tierparadies in Sud-Russland.....	237
Tuzson J. Adatok a délorosz puszták összehason-lító flórájához. 1. Tauri-Puszták.....	256
Tuzson J. Beiträge zur vergleichenden Flora der südrussischen Steppen. 1. Die Taurischen Steppen.....	259
[б/а] Мѣстная жизнь.....	263
[Николаев В.Ф.] Доклады Губернской земской управы 49-го очередного созыва Полтавскому Губернскому Земскому Собранию, 1913 года.....	263

Козлов П. К. История Ангальтской колонии в южной России и разведение мериносов.	264
Онтонычъ Н. Въ гостяхъ у Фальць-Фейна	273
Пачоскій І. К. Ботаническая экскурсія въ Асканія Нова и на Сивашъ.	274
Яната А. А. Флора степи Мелитопольскаго и ю.-в. части Днѣпровскаго уѣздовъ Таврической губерніи (фрагменты)	291
1914	
[б/а] Путешествие государя императора.	302
[б/а] Путешествие государя императора.	303
[б/а] Экскурсія о-ва любителей природы.	303
Анучин Д. Н. Международная охрана природы (фрагмент).	303
Анучин Д. М. Охрана памятников природы	304
Бородин И. П. Охрана памятников природы (фрагмент).	304
Браунеръ А. Млекопитающія Новороссіи. Хорекъ, норка, выдра.	306
Еремина Е. В. Охрана памятниковъ природы въ Россіи и въ другихъ странахъ (фрагмент).	306
Козлов П. К. Асканія - Нова в ее прошлом и настоящем.	307
Талиев В. Охраняйте природу!	323
Шарлеманъ Н. Охрана природы (фрагмент).	323
1915	
Бородин И. П. Рѣчь делегата отъ Россіи академика И. П. Бородина.	324
Гроте Г. Краткій обзоръ перелета птицъ весною 1914 г. въ имѣніи Фр. Эд. Фальць-Фейна Асканія-Нова, Таврич. губ., Днѣпровск. уѣзда.	326
Залѣсскій К. Заповѣдная степь Ф. Э. Фальць-Фейна въ Асканіи-Новой	330
Козлов П. К. Асканія - Нова.	339
Козлов П. К. В южно-русскихъ степях.	359
Пачоскій І. К. Залетъ краснозобой казарки въ Днѣпровскій уѣз., Таврической губ.	362
Фальць-Фейнъ Ф. Э. Сообщение объ окольцованіи птицъ въ зоопарке Асканія Нова, Днепровскаго уезда, Таврической губерніи.	363
1916	
Иванов М. Ф. Гибриды въ зоопаркѣ Ф. Э. Фальць-Фейна въ Асканіи-Нова, Таврической губерніи	365
Лукашевич И. Моя поѣздка въ Асканію Нова (Зоопаркъ въ Таврической губерніи).	368
Лукашевич И. Моя поѣздка въ Асканію Нова (продолженіе).	373
Лукашевич И. Моя поѣздка въ Асканію Нова (продолженіе).	377

Лукашевич И. Моя поїздка в Асканію Нова (продолженіє).....	380
Лукашевич И. Моя поїздка в Асканію Нова (продолженіє).....	383
Лукашевич И. Моя поїздка в Асканію Нова (продолженіє).....	386
Огнев С. И. Млекопитающие Таврической губернии, преимущественно Крымского полуострова: Грызуны. (фрагменти).....	390

1917

Петрівський Т. Дбаймо про розвій рідної науки.....	392
Талиев В. Хроника.....	393
Шарлемань Н. Охрана природы и земельный вопрос (фрагмент).....	396
Шарлемань Н. Последние дни европейского зубра.....	397
Шарлемань Н. Задачи охраны природы и земельный вопрос. Докладъ 1 Всеукр. Агр. -Экон. Съѣзду.....	401

1918

[б/а] Къ судьбамъ Асканіи-Нова.....	405
Козлова Е.В. Письма из земного рая (Асканія-Нова).....	405
Портенко Л. Про охорону пам'яток природи.....	410
Постанова 1-го З'їзду природників України 6 серпня 1918 року у Києві по докладу К. Залеського: „Современное положение охраны Асканіи-Нова“.....	411
Танфильевъ Г., Лебедевъ В. Отчетъ о дѣятельности Общества за 1917 годъ (фрагмент).....	412
Шарлеман М. Дбайте про багатства рідної природи! (фрагмент).....	412
Шарлеман М. Треба пам'ятати про охорону природи! (фрагмент).....	413
Шарлеман М. Охороняйте рідну природу! (фрагмент).....	413

1919

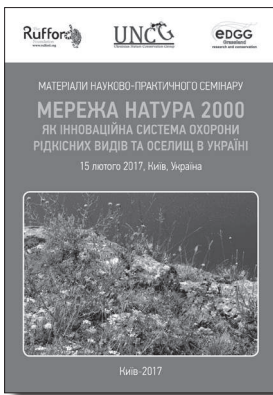
Falz-Fein Fr. Bericht über die Falz-Fein-Sitzung in der Staatlichen Stelle für Naturdenkmalpflege in Preußen, Berlin am 1. Februar 1919.	415
Falz-Fein Fr. Einiges über den Tierpark von Askania Nova und seine Entstehung... ..	445
Falz-Fein, Friedrich. Über das letzte Auftreten des Wildpferdes in Südrußland, Taurisches Gouvernement.....	451
Бейер М. М. Шануймо і бережімо свій рідний край (фрагмент).....	459
Бризгалін Г. А. Охорона пам'яток природи на Україні (фрагмент).....	459
Брызгалин Г. А., Захаров С. С. Что такое национальные парки и для чего они учреждаются? (фрагмент).....	460
Дубянський В. М. М. Беєр: "Шануймо і бережімо свій рідний край".....	464
Козлов П. К. Современное положение «Аскания Нова» (Рецензія; фрагмент).....	464
Привітні телеграми Народи (Послані згідно постанові 6-го серпня) (фрагмент).....	473

Протоколи і постанови попередньої Наради Природників України з 6 серпня 1918 року.	473
Протоколи і постанови Попередньої наради Природників України від 3-6 серпня 1918 року.	474
Протоколи і постанови попередньої Наради Природників України з 6 серпня 1918 року.	474
Шарлемань М. «Асканія Нова» – першій народній заповідний парк.	474
1920	
Завадовській М. Асканія-Нова. II.	475
1921	
[б/а] Витяги з протоколів засідань Зоологічної Секції Відділу Природничих Наук У. Н. Т. в 1920 році. (фрагменти)	478
[б/а] Діяльність ботаничних установ. (фрагмент)	479
Козлов П. К. Асканія-Нова.	480
Шарлемань М. Перший державний Степовий Заповідник «Асканія Нова».	486
Шарлемань М. Охорона природи (фрагмент)	488
1922	
[б/а] Мечта о звере.	491
Завадовский М. Асканія-Нова.	491
И. П. Сільсько-господарська наукова діяльність на Україні.	506
Котов М. 1-я сессия Асканийского Комитета (Современное состояние 1-го Государственного Заповедника «Асканія Нова»).	506
М. К. [Котов М.] Асканійська Комісія при Наркомземі.	511
Постанова ВУЦИК «Об освобождении 1-го государственного степного заповедника «Асканія-Нова» от налогов».	512
Постановления Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета. 451. Об освобождении Первого Государственного Степного Заповедника „Асканія-Нова“ от налогов.	512
Різниченко В. Перша сесія Комітету Державного степового заповідника України «Чаплі-«Асканія-Нова»	513
Савченко Я., Котов М. О предстоящем созыве 1-ой сессии Асканийского комитета.	518
Фортунатов Б. К. Бизоны и зубры в Аскании-Нова (фрагмент).	521
Яната О. Асканія-Нова: Перший степовий заповідник України.	526
Публікації, тексти яких не вдалось знайти.	531
Іменний покажчик публікацій про «Асканію-Нова» 1845-1922.	537
Покажчик періодичних видань.	543

Серія: «Conservation Biology in Ukraine».

Серія збірок наукових праць під загальною назвою «Conservation Biology in Ukraine» була започаткована з метою стимулювати наукові та природоохоронні установи до збільшення кількості публікацій, присвячених практичним питанням охорони природи. Однією з найбільших проблем природоохоронних конференцій є недоступність їхніх матеріалів широкому колу читачів. Щороку у національних парках і заповідниках проводяться наукові конференції, проте ніхто не проводить збір всіх зазначених публікацій. Зазвичай їх немає і в бібліотеках (в т. ч. наукових). Знайти більшість таких збірок можливо лише знаючи про її існування. Рейтинг таких видань вкрай низький, адже практично неможливо посилатись на недоступні публікації.

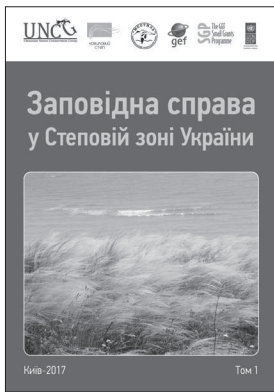
Серія включає видання, підготовлені за сприяння громадської організації «Українська природоохоронна група», присвячені теоретичним і практичним питанням охорони біорізноманіття та природно-заповідного фонду в Україні.

Мережа NATURA 2000 як інноваційна система охорони рідкісних видів та оселищ в Україні // Матеріали науково-практичного семінару (м. Київ, 15 лютого 2017 р.) / Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 1. – Київ, 2017. – 240 с.

До збірки включені наукові праці учасників семінару «Мережа NATURA 2000 як інноваційна система охорони рідкісних видів та оселищ в Україні», що відбувся 15 лютого 2017 року у Києві. Всі праці, включені до збірника, мають природоохоронну тематику та є важливими для пізнання природи різних куточків України, як у флористичному, зоологічному, так і у екосистем-

ному аспектах. Видання буде корисним для працівників установ природно-заповідного фонду, викладачів, студентів та аспірантів природничих спеціальностей, краєзнавців та спеціалістів з охорони природи.

Заповідна справа у Степовій зоні України (до 90-річчя від створення Надморських заповідників) // Праці Всеукраїнської науково-практичної конференції (Урзуф, 14-15 березня 2017 року) / Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 2, Т. 1. – Київ, 2017. – 304 с.

Заповідна справа у Степовій зоні України (до 90-річчя від створення Надморських заповідників) // Праці Всеукраїнської науково-практичної конференції (Урзуф, 14-15 березня 2017 року) / Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 2, Т. 2. – Київ, 2017. – 336 с.

До збірки включені наукові праці учасників Всеукраїнської науково-практичної конференції «Заповідна справа у Степовій зоні України», приуроченої до 90-річчя від створення Надморських заповідників (14-15 березня 2017 р., НПП «Меотида», Урзуф, Донецька область, Україна). Всі праці, включені до видання, мають природоохоронне спрямування та є важливими для пізнання природи заповідних територій Степової зони України, а також історії її вивчення. Видання буде корисним для працівників установ ПЗФ, викладачів та студентів природничих спеціальностей, краєзнавців та спеціалістів з охорони природи.

Матеріали V Наукових читань пам'яті Сергія Тарашука (м. Миколаїв, 21 квітня 2017 року) / Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 3, – Київ, 2017. – 86 с.

До збірки включено праці учасників V Наукових читань пам'яті Сергія Тарашука, що присвячені збереженню Бузького Гарду, дослідженню екологічного стану р. Південний Буг у зв'язку з розбудовою Південноукраїнського енергокомплексу, формуванню регіональних екомереж, створенню регіональних «червоних» списків флори і фауни, історичній спадщині та практичним аспектам управління територіями екомережі. Видання буде корисне особам, що приймають рішення у сфері управління об'єктами підвищеної екологічної небезпеки, зоологам, ботанікам, історикам і краєзнавцям, працівникам установ природно-заповідного фонду, спеціалістам у галузі туризму та рекреації, викладачам, студентам, громадським діячам.

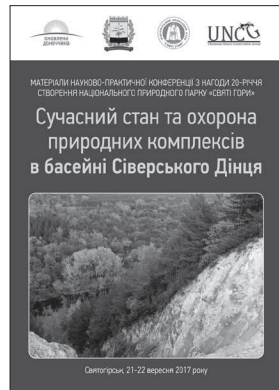
Природна та історико-культурна спадщина району заповідника «Кам'яні Могили» (до 90-річчя від створення заповідника «Кам'яні Могили») // Наукові праці Всеукраїнської науково-практичної конференції (с. Назарівка, Донецька область, 25-27 травня 2017 року) / Праці відділення «Кам'яні Могили» УСПЗ НАН України. – Вип. 4./ Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 4. – Київ, 2017. – 332 с.

До збірки включені наукові праці учасників Всеукраїнської науково-практичної конференції «Природна та історико-культурна спадщина району заповідника «Кам'яні Могили», приуроченої до 90-ї річниці створення

заповідника «Кам'яні Могили» (с. Назарівка, Донецька область, Україна, 87596, 25-27 травня 2017 року). Всі праці, включені до видання, є важливими для пізнання природи заповідних територій Степової зони України, а також історії її вивчення. Видання буде корисним для працівників установ ПЗФ, викладачів та студентів природничих спеціальностей, краєзнавців та спеціалістів з охорони природи.

Сучасний стан та охорона природних комплексів в басейні Сіверського Дінця // Матеріали науково-практичної конференції з нагоди 20-річчя створення національного природного парку «Святі Гори» (21-22 вересня 2017 року) / Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 5. – Святогірськ, 2017. – 170 с.

Видання здійснено Донецькою обласною державною адміністрацією та національним природним парком «Святі Гори», відповідно до розпорядження голови Донецької облдержадміністрації № 118 від 06.02.2017. До збірки включені наукові праці учасників науково-практичної конференції «Сучасний стан та охорона природних комплексів в басейні Сіверського Дінця», приуроченої до 85-річниці створення Донецької області та з нагоди 20-річчя створення національного природного парку «Святі Гори». Всі праці, включені до видання, є важливими для пізнання природи заповідних територій Степової зони України, а також історії її вивчення. Видання буде корисним для працівників установ природно-заповідного фонду, викладачів та студентів природничих спеціальностей, краєзнавців та спеціалістів з охорони природи.

Богомаз М. В., Василюк О. В., Заворотна Г. В., Кучма Т. Л., Некрасова О. Д., Перегрим М. М., Плига А. В., Полянська К. В., Пішняк Д. В., Прекрасна Є. П. **Проектований національний природний парк «Приіріпіння та Чернечий ліс»**, видання 2-ге, доповнене і перероблене (під ред. Є. Прекрасної) / Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 6. – К.:UNCG, Інститут зоології ім. І. І. Шмальгаузена. – 2018. – 86 с., з дод.

Видання включає повний текст наукового обґрунтування щодо створення національного природного парку «Приіріпіння та Чернечий ліс», що проектується групою науковців в центральній частині Київської області.

Передусім, брошура буде доречним довідником для усіх посадових осіб, що будуть залучені до процесу створення національного парку, а також громад та активістів неурядових організацій. Видання буде корисним для педагогів, студентів, учнів старших класів.

Матеріали до 4-го видання Червоної книги України. Тваринний світ / Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 7, Т. 1. – Київ, Інститут зоології імені І. І. Шмальгаузена НАН України, 2018. – 438 с.

Матеріали до 4-го видання Червоної книги України. Тваринний світ / Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 7, Т. 2. – Київ, Інститут зоології імені І. І. Шмальгаузена НАН України, 2018. – 450 с.

До збірки включені відомості про знахідки у 2009-2017 роках видів тварин, занесених до Червоної книги України, а також обґрунтування для внесення нових видів, або виведення їх з Червоної книги України. По-над як 170 авторів надали свої дані до збірки. Загальна кількість зібраних матеріалів становить 15 000 локалітетів, в яких було зроблено 29 000 знахідок видів Червоної книги України. Збірник розрахований на професійних зоологів, природоохоронців, працівників установ природно-заповідного фонду.

Матеріали до 4-го видання Червоної книги України. Тваринний світ. (Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 7, Т. 3.) – Київ, 2019. – 416с.

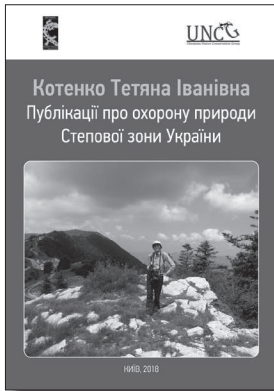
До збірника включені відомості про знахідки у 2009-2017 роках видів тварин, занесених до Червоної книги України, а також обґрунтування для внесення нових видів, або виведення їх з Червоної книги України. В публікації представлена інформація, зібрана понад як 139 фахівцями-зоологами та аматорами. Загалом подано інформацію про 7500 зустрічей червонокнижних видів тварин. Збірник розрахований на професійних зоологів, природоохоронців, працівників установ природно-заповідного фонду.

Природно-заповідний фонд Донецької області: бібліографічний покажчик літератури / Упор. Василюк О. В., Ластікова Л. М. / Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 8. – К.; LAT & K, 2018 – 216 с.

Покажчик «Природно-заповідний фонд Донецької області: бібліографічний покажчик літератури» на сьогодні є найбільш повним зібранням відомостей про публікації, що містять інформацію щодо територій і об'єктів природно-заповідного фонду Донецької області. Покажчик включає інформацію про 2453 друковані видання, статті, тези конференцій та семінарів, а також популярні публікації, що містять інформацію про території і об'єкти природно-заповідного фонду Донецької області, створені до 01.07.2018 року. Покажчик розрахований на широке коло читачів-науковців, природоохоронців, працівників установ природно-заповідного фонду, студентів та викладачів природничих спеціальностей, вчителів, учнів та краєзнавців.

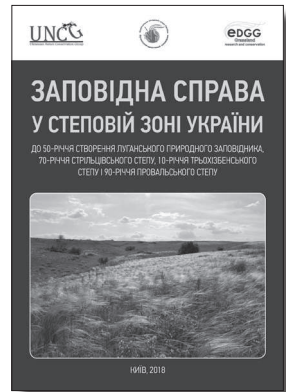

Котенко Тетяна Іванівна. Публікації про охорону природи Степової зони України / Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 9. – Київ, 2018. – 426 с.

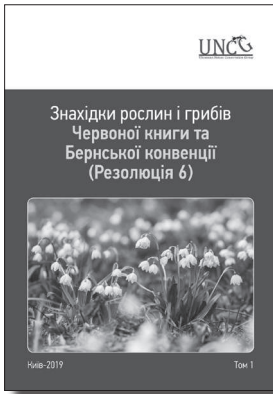
Видання містить повне зібрання публікацій видатного герпетолога Тетяни Іванівни Котенко, присвячених охороні природи у Степовій зоні України. Розглядаються концептуальні та прикладні питання формування мережі природно-заповідного фонду, плани дій по охороні конкретних природних об'єктів та перспективи створення нових заповідних територій, підходи до формування Червоної книги України, екомережі та інше. Більшість статей, зібраних у виданні є рідкісними і до недавнього часу не були доступні ані в Інтернеті, ані в наукових бібліотеках. Збірка буде цікавою професійним природоохоронцям, працівникам установ природно-заповідного фонду, студентам та викладачам природничих спеціальностей, а також професійним герпетологам.

Заповідна справа у Степовій зоні України (до 50-річчя створення Луганського природного заповідника, 70-річчя Стрільцівського степу, 10-річчя Трьохізбенського степу і 90-річчя Провальського степу) / Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 10. – К.; видавець Бихун В. Ю., 2018. – 350 с.

До збірки включені наукові статті, що стосуються різних аспектів заповідної справи в степовій зоні України. Збірка присвячена ювілейним датам Луганського природного заповідника НАН України – 50-річчя створення Луганського природного заповідника, 70-річчя Стрільцівського степу, 10-річчя Трьохізбенського степу і 90-річчя створення першої природоохоронної території в Провальському степу. Статті мають наукове і природоохоронне значення, містять результати дослідження біорізноманіття, розглядають актуальні проблеми степознавства, питання розбудови природно-заповідного, екомережі і смарагдової мережі, проблеми функціонування об'єктів ПЗФ і історії заповідної справи. Видання буде корисним для науковців, викладачів та студентів природничих спеціальностей, працівників установ ПЗФ, спеціалістів з охорони природи та краєзнавців.

Знахідки рослин і грибів Червоної книги та Бернської конвенції (Резолюція 6). Т.1. (Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 11.) – Київ, 2019. – 496 с.

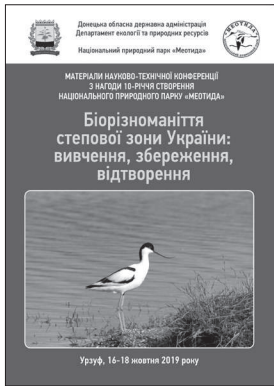
До збірника включені відомості про знахідки видів рослин та грибів, занесених до Червоної книги України у 2009-2018 роках, а також обґрунтування для внесення нових видів, або виведення їх з Червоної книги України. В публікації представлена інформація, зібрана понад як 115 фахівцями-біологами. Загалом подано дані про 10 тисяч зустрічей червонокнижних видів рослин та грибів, зроблених у 15 тисячах локалітетів. Збірник розрахований на професійних ботаніків, природоохоронців, працівників установ природно-заповідного фонду

Пам'ятки природоохоронної літератури України. Антологія українських видань, присвячених охороні природи початку ХХ століття (1914-1932) / Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 12. – Київ: LAT & K, 2019. – 330 с.

Збірка включає повні тексти всіх 12 видань, присвячених охороні природи, що були видані в Україні з 1914 по 1932 рік, а також одне видання, написане 1928 року, але видане лише у 1960-х. Майже всі ці книжки сьогодні існують в 1-5 примірниках і не є доступною літературою. Стан окремих примірників вже зараз є вкрай поганим (відсутні окремі сторінки, одне з видань збережене лише як примірник, пошкоджений пацюками). Тексти всіх видань подаються у збірці із збереженням оригінального авторського правопису та особливостей мови.

Збірка буде цікавою багатьом дослідникам: професійним природоохоронцям, біологам, історикам, бібліографам. Не меншим відкриттям видання стане для патріотично налаштованих українців, адже вся риторика природоохоронної пропаганди, що використана у зібраних нами книжках, ґрунтується на історико-патріотичній тематиці. Аргументи, щиро наведені авторами на початку ХХ ст. і тепер, століттям потому, не перестають зачіпати за живе кожного небайдужого до рідної землі і історії свого народу. Також специфічного емоційного забарвлення цим книгам додає те, що всі їхні автори зазнали утисків радянської влади (були репресовані, рятувалися еміграцією, отримали тривалі строки ув'язнення тощо), а самі книжки були заборонені у радянський час.

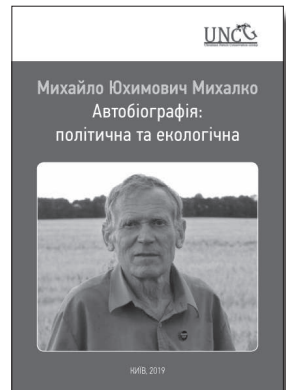

«Біорізноманіття степової зони України: вивчення, збереження, відтворення» (з нагоди 10-річчя створення національного природного парку «Меотида») // Праці науково-технічної конференції (с. Урзуф, 16-18 жовтня 2019 року) / Серія «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 13 – Слов'янськ: Видавництво «Друкарський двір», 2019. – 316 с.

До збірки включені наукові праці учасників науково-технічної конференції «Біорізноманіття степової зони України: вивчення, збереження, відтворення» з нагоди 10-річчя створення Національного природного парку «Меотида» (16-18 жовтня 2019 року, НПП «Меотида», с. Урзуф, Донецька обл., Україна). Матеріали збірки можуть бути корисними для працівників ПЗФ, викладачів та студентів природничих спеціальностей, краєзнавців, спеціалістів з охорони природи, а також використані при розробці загальних і спеціальних вузівських лекційних курсів, методичних посібників природоохоронного та екологічного напрямку.

Михайло Юхимович Михалко. Автобіографія: політична та екологічна / Серія: «Conservation Biology in Ukraine». – Вип. 14. – Київ, 2019. – 64 с.

Видання містить оригінальний автобіографічний текст видатного київського природоохоронця Михайла Михалка. Розповідь розкриває причини, чому Михайло Юхимович став політичним в'язнем та що спонукало його стати борцем-природоохоронцем після звільнення. Акції кінця 1980-х, що описані в деталях у виданні, тепер всіма забуті. Інформація про описані в книжці події публікується вперше. Натомість саме вони були першими масштабними природоохоронними протестами в Україні. І саме ці події в майбутньому призвели до створення національного природного парку «Голосіївський», якому Михайло Юхимович присвятив більшу частину життя.

Українська природоохоронна група – UNCG

Організація була створена восени 2014 року як група фахівців, що працює над питаннями практичної охорони природи. Учасників групи об'єднало переконання, що наука та громадська робота не мають достатньої взаємоінтеграції та наявність потреби створення винятково експертної громадської організації природоохоронного спрямування. Упродовж 2014-2017 років організація діяла як неофіційна група та залучалась у якості експертів до виконання спільних проектів на партнерській основі. У 2018 році організація провела установчі збори та офіційно зареєструвалась як неприбуткова громадська організація, до роботи якої залучились 6 докторів наук та 25 кандидатів наук.

Серед членів організації – автори Червоної книги України 2009р. (Мойсієнко І., Ходосовцев О., Бойко М., Перегрим М., Безсмертна О., Костюшин В. та ін.), Національного каталогу біотопів України (Куземко А., Мойсієнко І., Ходосовцев О., Садогурська С., Чорней І., Винокуров Д., Вашеняк Ю., Шаповал В.). Більшість зазначених науковців входять до складу Вченої ради ГО «Українська природоохоронна група».

Загальне надбання членів організації становить щонайменше 1000 опублікованих статей у сфері охорони/моніторингу біорізноманіття та заповідної справи. Організація видала 35 власних наукових та методичних видань природоохоронного напрямку.

Працюючи за основним місцем роботи або за сумісництвом в установах природно-заповідного фонду (ПЗФ), учасники стали авторами 76 томів літопису природи (34 установи ПЗФ).

Члени ГО «Українська природоохоронна група» активно працюють над створенням нових територій ПЗФ: готують клопотання, долучаються до обговорення створення проєктованих ПЗФ у Мінприроди та обласних органах державної влади. За останні 4 роки щонайменше три чверті всіх площ ПЗФ, що були створені в Україні (у тому числі всі нові національні парки, створені або розширені в цей період Указами Президента: «Нижньодніпровський», «Кам'янська Січ», «Олешківські піски», «Бойківщина», «Нобельський», «Чорнобильський радіаційно-екологічний»), мали серед авторів наукових обґрунтувань членів ГО «Українська природоохоронна група» або були пролобійовані членами організації. Наприклад, понад 30 заказників, які були створені в 2018-2019 рр. у Донецькій області, були обґрунтовані членами ГО «Українська природоохоронна група».

Члени організації також входять до складу колегіальних органів, створених державними установами України, які працюють у сфері природно-заповідного фонду (передусім Мінприроди): Національна робоча група з охорони природи; Координаційна рада з питань формування національної екомережі; Робоча група з питань розвитку

заповідної справи; Робоча група щодо координації діяльності під час військових навчань та інших дій підрозділів Міністерства оборони України на територіях природно-заповідного фонду, Національна комісія з питань Червоної книги України при Академії наук України тощо.

Члени ГО «Українська природоохоронна група» входять у науково-технічні ради 15 установ ПЗФ: національних природних парків «Олешківські піски», «Джарилгацький», «Білобережжя Святослава», «Голосіївський», «Деснянсько-Старогутський», «Слобожанський», «Дворічанський», «Гомільшанські ліси», «Меотида», «Джарилгацький», «Кармелюкове Поділля», «Бузький Гард», «Нижньодніпровський», біосферного заповідника «Асканія-Нова» та Поліського природного заповідника, а також є членами міжнародних наукових організацій природоохоронного спрямування: Eurasian Dry Grassland Group (6 осіб), International Association for Vegetation Science (І. Мойсієнко, А. Куземко). Члени Вченої ради Організації входять до редакційних колегій наукових журналів за темою НДР: «Український ботанічний журнал» (О.Ходосовцев, І.Мойсієнко), «Чорноморський ботанічний журнал» (А. Куземко, М. Бойко, В.Шаповал, О. Ходосовцев, І. Мойсієнко). Також А. Куземко є головним редактором міжнародного наукового журналу «Palaeartic grasslands» та членом редколегій рецензованих наукових журналів «Phytocoenologia» (Німеччина), «Biologia» (Словацьчина) та «Acta Botanica Hungarica» (Угорщина).

Напрямки роботи:

Заповідна справа. Створення природно-заповідних територій, сприяння ефективній роботі природоохоронних установ, участь у законодавчій діяльності у сфері заповідної справи.

Охорона Лісів. Охорона цінних лісових екосистем та біорізноманіття, сприяння впровадженню принципів ощадного лісового господарства, природоохоронний контроль лісів України.

Оцінка впливу на довкілля. Участь у процесі оцінки впливу на довкілля, моніторинг проектів, шкідливих для дикої природи та адвокування висновків, достовірних з позиції охорони природи.

Біорізноманіття. Збір, оцінка та просторовий аналіз інформації про рідкісні види та цінні природні оселища для природоохоронних цілей, популяризація теми біорізноманіття та сучасних методів його дослідження серед науковців та широкого загалу. Мережа Емеральд. Створення й моніторинг територій мережі Емеральд та робота з міжнародними природоохоронними конвенціями.

Контакти:

Тетяна Шаміна, менеджерка з комунікацій: 093 918 42 86.

E-mail: shamina.uncg@gmail.com

Веб-сайт: <http://uncg.org.ua/>

FB: <https://www.facebook.com/pg/UkrainianNatureConservationGroup>

Наукове видання

Асканія-Нова
Антологія публікацій
та друкованих видань (1845-1945)

Том 1
1845-1922

Редактор Л. Звенигородська
Технічна редакція, бібліографічне опрацювання Л. Ластікова
Макет Н. Антонова, М. Савченко
Відновлення фото П. Романов
Малюнок на обкладинці О. Надєїна
Підготовка до друку Д. Ілюк, В. Дворський

Підписано до друку 12.11.2019. Формат 60x84/16. Папір офсетний. Друк офсетний.
Гарнітура PT Sans Narrow. Ум. друк. арк. 32,55. Тираж 300 прим. Зам. 200072.

Видавець ТОВ «Друк Арт»
58018 Чернівці, вул. Головна, 198-А, к. 5, тел. (0372) 585-432
Ліцензія про державну реєстрацію ДК № 2741 від 15.01.2007 р.
Виготовлювач ФОП Варвус В. В.

